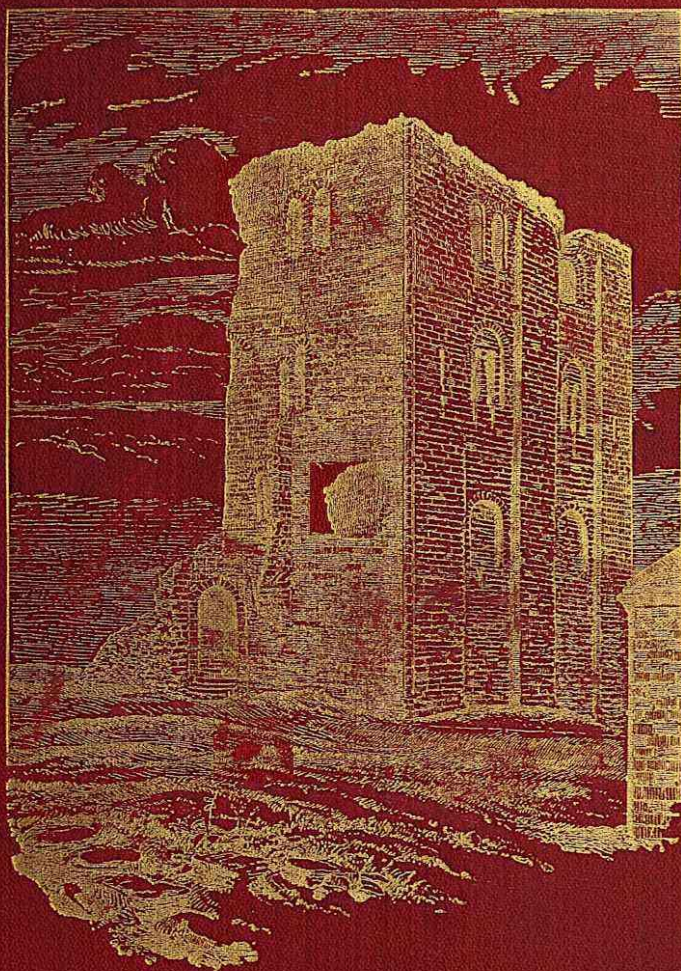

Средневековая военная архитектура в Англии, том 1 (из 2)

Джордж Томас Кларк

The Project Gutenberg eBook of Mediæval Military Architecture in England, Volume 1 (of 2).

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях лицензии Project Gutenberg License, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Title: Средневековая военная архитектура в Англии, Том 1 (of 2)

Автор: Джордж Томас Кларк

Дата выхода: 31 декабря 2020 [eBook #64187]

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: MWS, Роберт Тонсинг и группа онлайн-распределенной корректуры на сайте <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive/American Libraries).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK MEDIÆVAL MILITARY ARCHITECTURE IN ENGLAND, VOLUME 1 (OF 2) ***

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ВОЕННАЯ АРХИТЕКТУРА В АНГЛИИ.

By GEO. T. CLARK.

VOL. I.

С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ.

. Время

Вылепило в красоте много башен,

Которые, когда они хмурились со всеми своими крепостными стенами,

Была лишь ужасной. - Мейсон.

ЛОНДОН:
WYMAN & SONS, 74-76, GREAT QUEEN STREET,
ЛИНКОЛЬНС-ИНН ФИЛДС, У.К.

1884.

НА
Е. А. FREEMAN, Esq.
ИСТОРИКУ НОРМАННСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ,
ЭТИ ПИСЬМА,
СОБРАННЫЕ И ОПУБЛИКОВАННЫЕ ПО ЕГО ПРЕДЛОЖЕНИЮ,
В ИХ НЫНЕШНЕМ ВИДЕ,
ИМЕЮТ СООТВЕТСТВУЮЩУЮ НАДПИСЬ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Статьи, вошедшие в настоящий том, были написаны с большим интервалом времени, около полувека назад, и напечатаны в "Трудах" различных обществ в разных и отдаленных графствах. Многие из них также появлялись в газете "Строитель". Каждая статья была задумана как законченная сама по себе и написана без расчета на то, что они когда-нибудь будут собраны и переизданы как единое произведение. Я упоминаю об этом, чтобы объяснить и, надеюсь, в некоторой степени оправдать вынужденное повторение некоторых мнений относительно связи между берегами и земляными сооружениями, насыпными курганами девятого века и зданиями из каменной кладки, построенными на них впоследствии, - которые автор изложил первым и которые подробно объясняются во Введении.

Вторая и большая часть работы занята подробными и, как можно надеяться, в целом точными описаниями большинства главных замков Англии, а также одного или двух типичных замков во Франции и Шотландии. Описание Каэрфилли было составлено в 1834 году. Я считаю, что это была первая попытка научно и точно описать планы и детали великой средневековой крепости.

Я сердечно благодарю редакторов различных археологических журналов, в которых были опубликованы оригинальные статьи, и особенно покойного редактора "Строителя" мистера Годвина. Я также должен особо поблагодарить старого друга и школьного товарища, мистера Мюррея с Албемарл-стрит, за разрешение перепечатать статью о лондонском Тауэре и за использование ксилографий с сайта, которыми он так щедро украсил оригинал в своем "Старом Лондоне".

Для мистера Фримена мои обязательства носят другой, менее личный характер. Другие историки посещали места событий, которые они собирались описать, но никто не показал себя настолько знакомым с древними подразделениями, гражданскими, церковными и

военными, английской земли, а также со зданиями, связанными с ними. Его достижения как топографа и как мастера средневековой архитектуры присущи ему самому среди историков, а материалы, которые в их первоначальном виде сухи и неинструктивны, в его руках обретают вес и содержание некоторых из его самых блестящих эскизов. Будучи коллекционером некоторых из этих материалов, я часто испытывал удивление и восторг от того, какое применение они нашли; и, хотя моя работа была скорее работой каменотеса или каменщика, иногда я почти считал себя причастным к славе архитектора.

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА. I.

ГЛАВА.

I.	Введение
II.	Земляные сооружения послеримского и английского периодов
III.	Замки Англии во время завоевания и при Завоевателе
IV.	Политическое значение замков при преемниках Завоевателя
V.	Политическое влияние замков в правление Генриха II.
VI.	Замки Англии и Уэльса во второй половине двенадцатого века
VII.	Продолжение той же темы
VIII.	Завершение той же темы
IX.	Прямоугольный замок нормандского замка
X.	Ракушечный замок
XI.	Замки раннего английского периода
XII.	Эдвардианские или концентрические замки

- Замок Алнвик, Нортумберленд
- Замок Аркес, близ Дьеппа
- Замок Арундел, Сассекс
- Замок Барнард
- Замок Бомарис, Англси
- Замок Бедфорд
- Замок Беркхемпстед, графство Гертс
- Замок Беркли, Глостершир
- Замок Бодихэм, Сассекс

- Башня Бортвик, Мидлотиан
 - Замок Бовес
 - Замок Боус
 - Замок Брамбер, Сассекс
 - Бридженорт, Олдбери и Куатфорд, Шропшир
 - Башня Бронлис, Брекнокшир
 - Замки Бро и Броуэм, Уэстморленд
 - Замок Буилт, Брекнокшир
 - Замок Казрнарвон
 - Замок Керфилли, Гламорган
 - Замок Кардифф, Гламорган
 - Замок Карлайл
 - Кастелл Кох, Гламорган
 - Замок Райзинг, Норфолк
 - Шато-Гайяр, Нормандия
 - Замок Крайстчерч, графство Хэнц
 - Замок Клиффорд, Херефордшир
 - Замок Клитеро, Ланкашир
 - Замок Клун, Шропшир
 - Замок Кокермут, Камберленд
 - Замок Колчестер
 - Замок Конисборо
 - Замок Конуэй
 - Замок Корф, Дорсет
 - Куси-ле-Шато
 - Замок Койти, Гламорган
-

ИЛЛЮСТРАЦИИ К Т. I.

- Замок Алнвик, план
- Замок Аркес, план замка
- Замок Барнард, план
- Ditto The Keep
- Замок Бомарис, план местности
- Ditto Вход
- Ditto Вид с высоты птичьего полета
- Замок Беркхемпстед, план
- Замок Беркли, план

- Хранилище
- Башня Бортвик: разрез
- Ditto План первого этажа и подвала
- Замок Боус, план первого этажа и цокольного этажа
- Замок Брамбер, план и разрез
- Замок Бридженорт, план хранилища
- Замок Бро, план
- Замок Броуэм, план первого этажа
- План наземной части замка Дитто
- Замок , вертикальное сечениеДитто
- Замок , с юго-западаДитто
- Замок Буилт, план местности
- Замок Каэрнарвон, вид с высоты птичьего полета
- Броненосцы , Орлиная башняДитто
- Замок Керфилли
- План местности Дитто
- Замок Кардифф, план местности
- Замок Карлайл, план
- Восход замка, план хранилища
- Ditto План верхнего этажа
- Замок Гайяр, план
- Замок Крайстчерч, план
- Замок Клитеро, план
- Секция Ditto
- Замок Клун, план
- Замок Кокермут, план
- Колчестерский замок, планы первого и второго этажей
- Замок Конисборо, план замка и земляных работ
- Подъем от ворот
- Дитто Пилястры как видны снаружи
- Дитто Деталь основания одного из баттрессов замка
- Ditto Кипер с внешней стороны куртины
- Ditto Вид на кипер в настоящее время
- Дитто Кипер
- План , первый этажДитто
- План второго этажа
- Окно на втором этаже
- Ditto Интерьер хранилища
- План третьего этажа
- Дитто капители центральной арки с северной стороны
- Дитто Интерьер оратория или часовни
- Дитто План на уровне рампы

- Ditto Предполагаемый первоначальный вид
 - Замок Конвей, план
 - Ditto Вид с высоты птичьего полета
 - Ditto Вид на город с высоты птичьего полета
 - Замок Корф, разрез двери ложи
 - Замок Коуси, план
 - Замок Койти, план
-

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНИЕ.

Строительное искусство в Европе со времен падения Римской империи до начала Реформации, хотя в последние годы оно много и успешно исследовалось, рассматривалось почти исключительно с церковной стороны. Этого, по многим причинам, следовало ожидать. Служение алтаря оправдывало, а возможно, и требовало высочайшего вкуса в оформлении храма и максимального богатства в его украшении. Более того, большая часть наших церковных зданий все еще используется, и даже остатки тех, которые пришли в упадок, будучи в основном монастырскими, интересны благодаря тесной связи их оснований и пожертвований с ранним благочестием и образованностью, а также благодаря свидетельствам, которые дают их записи о происхождении земельной собственности и родословной старших исторических семей страны.

Козвальные военные сооружения, как правило, не отличаются таким великолепием дизайна и совершенством исполнения и не пробуждают в наших сердцах таких симпатий.

Приходская церковь - общая забота всех, кто молится в ее стенах или чьи покойники покоятся в ее священном участке; Но замок, всегда опасный и непопулярный сосед, часто ассоциирующийся с местной тиранией или бедствиями войны, в большинстве случаев был разрушен или сметен с применением пороха, и даже там, где он сохранился, его узкие размеры и неудобное расположение, особенности, более или менее существенные для его ценности как места обороны, сделали его, за исключением нескольких случаев, непригодным для современного проживания, и таким образом имели тенденцию еще больше отделить его от нынешних симпатий и интересов человечества. Тем не менее, в этих сооружениях, устаревших или потому, что они устарели, много интересного для тех, кому интересно узнать о жизни и обычаях прежних поколений. Во многих из этих зданий работали и жили люди, оставившие свой след в истории нашей страны. Некоторые из них, такие как Йорк, Линкольн, Норвич, Дувр, Рочестер, Честер, Колчестер, Уоллингфорд, были резиденциями саксонских танов или датских ярлов, сменивших римских или, возможно, британских оккупантов; другие, такие как Бамборо, Таунтон, Сарум, Татбери и Херефорд, связаны с самыми ранними, самыми знаменитыми или самыми патриотичными из наших чисто английских королей; Другие, как Тауэр, Виндзор, Винчестер, Беркли, Понтефрак, Ньюарк, Кэрисбрук, были ареной великолепия наших величайших или страданий наших самых несчастных монархов; Некоторые, как Оксфорд, Нортгемптон, Льюс, Кенилворт, связаны с великой конституционной борьбой между принцем и подданным; некоторые, как Эксетер, Бедфорд, Рочестер, Пембрук, Чепстоу и Раглан, напоминают нам о кровавых

сражениях и осадах со времен Завоевателя до времен Карла Первого. Некоторые замки, такие как Шерборн, Девайзес, Малмсбери, Вулвесли, Ньюарк, Фарнхем, Норхем и Дарем, были построены лордами-церковниками, которые привнесли руку солдата, чтобы поддержать мозг священника и государственного деятеля; Некоторые, как Хедингем, Бангей, Аксхольм, Алнвик, Рэби, Тонбридж, Уорик, Вигмор, Паудерхэм, Годерих и Хелмсли, тесно связаны с великими баронскими именами Де Вер, Бигот, Моубрей, Перси, Невилл, Клэр, Бошамп, Мортимер, Кортеней, Тальбот и Де Рос, теми "древними корнями, которые так долго противостояли волнам и непогодам времени". Ладлоу отождествляется с самым прекрасным творением гения Мильтона; Керлеон и Тинтадгель ярко сверкают в средневековой романтике; а Шрусбери, Честер, валлийские замки, Карлайл, Ньюкасл, Прудхо, Форд, Эрмитаж, Джеббург, Бервик и множество подчиненных башен и пилястр прославлены в "Марчменских войнах" или "Пограничных менестрелях" и сыграли свою роль в политических, но несправедливых агрессиях наших ранних Генрихов и Эдвардов.

История и остатки этих крепостей представляют большой интерес для антиквара, независимо от того, какова сфера его исследований - юридическая, социальная, архитектурная или военная. Почти все наиболее важные из наших английских замков в той или иной форме восходят к далекой древности, и их связи медленно развивались и глубоко укоренились в многовековой истории страны. Большинство из них были центрами поместий, ставших великими в течение многих поколений, для защиты которых они и были основаны; постепенно росли аренда и служба арендаторов, так что замок, или, скорее, укрепленный зал, был тесно связан с институтами, законами и обычаями поместья, или, возможно, шира, вапентаке, рапа или сотни, защитой которых он являлся. Такие замки, как Бельвуар, Клитеро, Глостер, Тотнес, Данстер, Гастингс, Брамбер и Тикхилл, были "капитальными" или главными местами древних соков, почестей и баронств, имевших особые привилегии в пределах своих гартов и демеснов, с манориальными зависимостями, разбросанными по многим графствам и накопленными в значительной степени еще до нормандской эпохи. Многие из этих земель еще в саксонские времена держались на древней военной службе, которая при нормандских королях была сведена в систему и часто принимала форму охраны и поддержания в рабочем состоянии определенной части замка лорда, башни, ворот, зала или стены, за что платили либо лично, как замковый стражник, либо в виде компенсации, известной как ward-silver. Нечто похожее на кастл-гард появляется в истории замка Норвич уже в седьмом веке, а в десятом оно было обычным делом. Как и Честерский замок, Даремский был резиденцией графа-палатина, предмета мрачного юмора Кёр-де-Лиона, который из престарелого епископа сделал молодого графа, чьи преемники, более удачливые, чем их светский брат, сохранили графство и его более чем вице-регалы почти без изменений до Реформации и с великолепным остатком судебной и социальной власти до наших дней; И действительно, даже сейчас, хотя его митра больше не вытекает из короны, а коронка не сочетается с мечом, и хотя баронский зал был отдан на нужды образования, лорд Дарема не лишен гордого положения и не сведен, пока еще, даже к епископской бедности.

В "Registrum Honoris de Richmond", очень любопытном хранилище, указывается точная часть замка, которую должен был защищать каждый арендатор. В Бельвуаре башня Стаунтон, в Беркли башня Торп называются так потому, что за них отвечали семьи с такими фамилиями, а в Дувре башня Магминот и десятки других башен до сих пор носят имена главных арендаторов этого важного лордства и, таким образом, хранят память о владении, суть которого давно упразднена. Связь между военным арендатором и его господином была тесной и во многом пропитана древним тевтонским равенством и независимостью. Лорд держал свою "аулу" ради собственной безопасности и безопасности своих арендаторов; их

взаимная поддержка давала власть одним и безопасность другим; ни один человек не унижался в таком владении. Самые могущественные бароны почти всегда были также арендаторами, владевшими вотчинами других лордов, часто намного уступавших им в ранге и власти.

Именно эта древняя история, эта связь с самыми первыми оборонительными сооружениями придает столь большой интерес старым замкам. Когда в более поздние времена при чрезвычайных обстоятельствах королю или какому-нибудь великому барону вздумалось возвести замок на новом месте, у строения не было ни корней, ни ассоциаций.

Отсутствовала главная особенность старого замка - мощная земляная насыпь, а ее место занимала масса каменной кладки и ров умеренных размеров. Вокруг замка не скапливалось арендаторов, к нему не было прикреплено ни одного поместья, ни один человек не владел землями по договору о защите. Таким образом, Бере, Бомарис, Каэрнарвон, Диганви, Конвей, Харлех и Каэрфилли - грандиозные сооружения, какими было большинство из них, - были всего лишь вторжением в почву, и когда необходимость в них отпала, поскольку они не представляли собой частного владения и не были резиденцией великого барона, они были оставлены приходить в упадок. Тем не менее, они представляют большой архитектурный интерес. В основном они относятся к одной дате, заложены и построены по одному плану. Хотя дворец предназначен для военных целей, внутри он имеет общие черты с крепостью. Помещения просторны, главные апартаменты просторны, орнамент богат. Внутренний двор, ворота и зал Каэрфилли грандиознее, чем что-либо подобное в Британии.

Замки более позднего периода, построенные на новых местах, едва ли были замками в военном смысле этого слова. Они строились не для обороны мартовского или угрожаемого района, а для более или менее безопасного проживания лорда, обычно в недавно приобретенном имении, очень часто купленном на выкуп пленных, взятых во время французских войн. Даже там, где преобладал замок, как в Бодихаме, построенном, как и Арундел, на военные трофеи, или в Таттершале, это были скорее дворцы-замки, чем замки-дворцы, и это особенно характерно для Болтона, Врессила и Шериф-Хаттона, построенных во второй половине XIV века. В таких сооружениях выступающие башни, петли, насыпные парапеты и смелые украшения введены отчасти ради их внешнего вида, отчасти по обычаю, но едва ли с какой-либо военной целью.

Для изучающего военную архитектуру или искусство обороны сильных мест до появления пороха интересны планы оборонительных сооружений и детали крепостной архитектуры каждого периода; иногда они вызывают восхищение грандиозностью земляных сооружений или огромной прочностью стен; иногда - удачно выбранным местом и умелым расположением сооружений для фланговой обороны; или, как в Аркесе, Дувре, Саруме и Виндзоре, - своими подземными выходами и контрминами. Некоторые из них, как Клитероу и Пик, были чисто военными сооружениями, рассчитанными на содержание только капитана и небольшого гарнизона, со скудным жильем и совершенно лишенными украшений; в других, как Ладлоу, Керфилли и Бомарис, внутреннее обустройство было такого масштаба и характера, чтобы вместить королевский двор. Даже там, где стены разрушены, в земляных постройках часто остаются следы гораздо более раннего, чем норманны, народа, который, как в Олд-Саруме, Касл-Акре, Мальборо, Клэре, Тонбридже и Девайзесе, занимал землю валами, рвами и частоколами задолго до того, как местные жители научились возводить стены или башни. Наконец, хотя суровая необходимость войны не позволяла использовать полосатые валы, высокий свод или плетеную оконную резьбу Тинтерна, Фаунтинса или многих других менее выдающихся церквей, орнамент более богатых замков, таких как Дувр,

Рочестер, Хедингем, Ньюкасл, Кнаресборо, Касл-Райзинг и Конингсборо, отличается свойственной таким произведениям отточенной правильностью; А среди более грубых и менее богато украшенных замков руины многих представляют собой дикое величие, которое мало кто из посетивших Керфилли, Харлеч или Скарборо может не оценить; не больше, чем тот союз силы и красоты, столь заметный в Чепстоу, Рагланде и Ладлоу, который, усиленный прославленной историей, достигает своего высшего совершенства в Уорике.

Историю замков, связанных с общественными событиями, редко бывает трудно проследить. О них упоминают древние летописцы, а их ремонт и различные сведения о них часто заносятся в Трубные списки и другие записи королевства. Около десятка замков, таких как Арундел, Бамборо, Таунтон, Вигмор и Херефорд, названы в саксонских анналах и хартиях восьмого и последующих веков; другие, хотя и не названы в этих источниках, по общему сходству могут быть отнесены к тому же народу и периоду. Замки в валлийских марчах, такие как Ладлоу, Монтгомери, Честер, Раддлан, Кардифф, Чепстоу и Пемброк, имели свою особую юрисдикцию, свои суды, канцлера, канцелярию и официальную печать; "вице-короли" лорда осуществляли полномочия ямы и виселицы, а его суд принимал штрафы и взыскания, а также другие ранние документы для передачи земли. В северной части Марча такие замки, как Норхэм, Прудхо, Кокермут, Алнвик, Науорт, Каэрлаверок и Хоум, построенные для защиты незащищенной границы или спорного района, места обитания тех, кто жил "с помощью копыт, шпор и копья", запечатлены в записях обеих стран. Другие были изначально королевскими замками, как Дувр, Кентербери, Винчестер, Лондон, Ноттингем и Йорк; или, как Кенилворт, Бридженорт и Рочестер, перешли в руки короны в результате выморочного имущества или конфискации, и поэтому содержались за государственный счет, а расходы на их ремонт вносились в счета шерифов каждого графства.

Какой бы полной, а обычно бывает наоборот, ни была история замка, любое знание, которое мы можем пожелать получить о его особенностях, в значительной степени зависит от того, что может остаться от сооружения, будь то каменная или земляная кладка, и чтобы понять это, прежде всего необходим план, а это именно то, чего не хватает в большинстве путеводителей или справочников по замкам. С помощью хорошего плана можно определить не только возраст и многие детали любого замка, но иногда и распознать работы, записанные в Трубных или Фабричных списках. Оригинальных планов действительно не существует; несомненно, военные архитекторы, как и их церковные собратья, чертили и работали по проектам и планам, но они не сохранились. Неизвестно, существует ли оригинальный проект или рабочий чертеж норманнского или даже эдвардианского замка. В церковных исследованиях, в силу известного единообразия планировки, эта необходимость почти не ощущается, но план и детали замка меняются в зависимости от расположения земли или каприза строителя, и хотя зал, кухня, часовня, колодец и казарма являются обязательными элементами замка, эти части не имеют ничего общего с регулярностью расположения нефа или хора, клуатра, капитула или трапезной. Тем не менее, как бы ни были разнообразны планы и детали замков даже одного и того же возраста, их архитекторы и инженеры работали по определенным правилам, так что при их изучении можно получить ключ к определению возраста выполненной работы. Размеры, план и профиль земляных сооружений, наличие, отсутствие или фигура замка, толщина стен, план, фигура, пропорции и положение башен с фресками, характер входа, использованный материал и особенности кладки - все это, при тщательном наблюдении, позволяют определить дату постройки здания или некоторых его частей, так что, как правило, нормандский замок можно отличить от раннеанглийского, или от построенного при первом или втором Эдуарде, и еще более легко от построенного в правление Ричарда Второго. Что это за правила, в чем заключаются эти различия, будет показано далее.

Архитектура Средневековья стала предметом научного изучения лишь в последние сорок-пятьдесят лет, а военная архитектура - еще короче. Рикмана, который впервые научил нас читать дату постройки в ее деталях, побудил обратить свое внимание на архитектуру совет мистера Блора, который умер буквально на днях.

Но Рикман, член Общества друзей, почти не обращает внимания на замки, и они ни в коей мере не разделяют того потока света, который Уиллис направил на наши соборы. Однако правила Рикмана применимы как к одному классу зданий, так и к другому. То, что было сделано и что еще предстоит сделать для истории архитектуры замков, хотя в этом и помогли современные записи, особенно счета шерифов и Фабричные списки, было достигнуто в основном за счет внимания к внутренним свидетельствам, предоставленным самими зданиями и их земляными сооружениями. Даже там, где замок представляет собой руины, где пепловая облицовка содрана и остались лишь обломки и бетон внутренней части стен, как в Брамбере, Саффрон-Уолдене и Тернхеме, а разрушающее воздействие погоды сыграло свою роль, не невозможно, а зачастую и трудно, определить общий возраст нескольких частей здания по толщине стен и характеру материалов и изготовления, а также по очертаниям работ. Отсутствие орнамента и общее удаление оконных и дверных наличников часто, правда, затрудняет определение абсолютной даты, но даже в этом случае общая фигура проемов, грубый контур арок, положение и пропорции контрфорсов могут быть обнаружены, и можно сделать достаточно надежный вывод. Возможно, в целом, наибольшие трудности военному антиквару приходится преодолевать там, где, как в Норвиче, Ланкастере, Йорке, Оксфорде, Кермартене или Хаверфордвесте, здание превращено в тюрьму, или где, как в Эпплби и Чилхэме, оно является частью или пристройкой к современной резиденции. Уорик, столь примечательный по многим параметрам, особенно примечателен тем, как искусно он был приспособлен для современного жилья, не затеяв при этом своих древних частей, и эта заслуга может быть притязана на Тамворт и, возможно, на Рэби.

Наши историки графства часто рассказывают о происхождении кастельера, его площади и владениях, но их описания зданий редко бывают внятными. Даже Суртис, столь известный богатством и ясностью своего стиля, чья история Дарема содержит, замурованные в фолиантах, главы, которые в более доступной форме встретили бы гораздо больше внимания, чем антиквары, никогда не пытается сделать научное описание. Хантер, чьи истории Халламшира и Донкастерского деканата превосходны как записи о происхождении семей и имущества, не в состоянии вникнуть в архитектурные детали; и даже Уитакер, который, как и Хантер, вполне осознавал интерес, который вызывает земляные сооружения, дает планы лишь немногих из них и очень мало говорит о деталях замков. Если перейти к новейшему периоду, то даже Рейн, Ходжсон и Эйтон в своих историях Дарема, Нортумберленда и Салопа, столь обширных и точных во всех вопросах записи, проходят мимо, лишь кратко замечая различные земляные сооружения и замки, которыми так богаты эти графства, и детали которых были бы так ценны. Мы тщетно ищем на страницах этих авторов какие-либо общие выводы относительно возраста, стиля, точек сходства или различия между этими работами, которые, безусловно, входят в компетенцию топографа.

Великий труд Кинга, "Munimenta Antiqua", на три четверти века или больше старше, чем большинство из вышеперечисленных, и полный абсурдных теорий, неуместного обучения, причудливых и неправильных описаний, признает важность планов и деталей, и хотя те, что даны с большой демонстрацией точности, часто очень неправильны, они стоят многого, и при всех своих абсурдах книга в целом ценна.

В "Vetusta Monumenta", работе той же школы и того же периода, представлено несколько замков, а планы и разрезы двух - Тауэра и Хедингама - даны правильно и очень подробно. К сожалению, эти большие и неоправданно дорогие листы не сопровождаются соответствующими описаниями. Объемные работы трудолюбивого Бриттона включают очень мало замков, но те, что есть, такие как Рочестер, Кенилворт и замок Райзинг, нарисованы и спланированы с чрезвычайной точностью. Рисунки Гроуза и братьев Бак служат для того, чтобы показать состояние многих английских замков столетней давности, хотя описания Гроуза бедны, а его рисунки отнюдь не четкие. Перспектива Бака очень неправильная, но это позволяет показать больше здания, чем можно увидеть сразу, что имеет свои преимущества.

С тех пор как за последние двадцать лет появилось множество окружных археологических обществ, замкам стало уделяться больше внимания; но до сих пор не появилось ни одной отдельной работы, посвященной английским замкам, хотя многие из наиболее примечательных отмечены мистером Паркером в его превосходных работах по домашней архитектуре. Совсем недавно появилась книга покойного мистера Уайкема Мартина о его родовом замке Ледес, работа не только хорошо иллюстрированная и снабженная прекрасным планом местности, но и в которой архитектура и устройство крепости рассматриваются в научной манере, а его выводы подкреплены во многих случаях оригинальными документами.

Англия содержит много любопытных и несколько величественных примеров военной архитектуры; но ее изолированное положение и трудолюбивые привычки, обеспечившие ей внутренний мир, не способствовали возведению крепостей более крупного класса: за ними мы должны отправиться на континент, и особенно во Францию. Во Франции не только были созданы грандиозные и основательные сооружения императорского Рима, но они были приняты и использованы народом после падения империи, и как франки, так и вестготы, в отличие от наших английских саксов, практиковали искусство нападения и обороны по римским принципам и переделали старые сооружения в соответствии с более поздними обстоятельствами того времени. В южных провинциях, особенно в Толузе, Нарбонне, Безье и Каркассоне, до сих пор можно найти замки и укрепленные города, где сохранилась старая римская окружность, которую все еще можно распознать среди дополнений и изменений последующих эпох.

Как и римляне, их преемники использовали земляные и деревянные сооружения как для нападения, так и для обороны, а для постоянных работ применяли каменную кладку вполне римского характера. Дошедшие до нас рассказы о великих осадах Средневековья показывают, что использовались машины и методы, переданные традицией из Рима, многие из них были такими, как использовал Сезар, а другие были такими же, как те, что изваяны на колонне Траяна или описаны Вегецием. Мины и контрмины, тараны, балисты, катапульты, кошка, мышь, свиноматка и целый ряд приспособлений, позволяющих под прикрытием добраться до стены, которую нужно подорвать, - все это было заимствовано из римской войны, и применялось если не с мастерством и дисциплиной Рима, то со степенью энергичности и смелости, которая вряд ли была менее эффективной.

Кроме того, политические обстоятельства Франции были весьма благоприятны для строительства крупных военных сооружений. Великие герцогства и едва подчиненные им королевства, которые впоследствии составили французскую монархию, в XI и XII веках были независимыми государствами, каждое из которых имело открытую границу, нуждающуюся в обороне, и храброе и богатое баронство, способное и желающее ее обеспечить. Поэтому Франция содержит в своих современных границах не только города римского

происхождения и прославленные при непосредственных преемниках римлян, но и остатки замков-дворцов герцогов и баронов Нормандии и Бретани, Бургундии, Прованса, Наварры, Фландрии, Анжу и многих других менее значительных провинций; И тот, кто не знаком с Аркесом, Фалезом или Лошем, Куси, Шато-Гайяром или Этампом, Каркассоном, Авиньоном, Вильнёвом, Бокером или великолепной реставрацией Пьерфона, вряд ли может судить о замках или укрепленных городах Средневековья.

Обладание этими великими произведениями привлекло, хотя и с опозданием, нескольких писателей, способных понять и описать их. О Нормандии рассказывают известные лекции М. де Комона, прочитанные в Кане в 1830 году и опубликованные в 1835 году. Они содержат очень интересный раздел, посвященный военным работам, с планами и высотами, которые, хотя и выполнены грубо и в небольшом масштабе, представляют ценность; его описания ясны, а выводы в целом обоснованы. Другие, до М. де Комона, описывали отдельные сооружения, но он, кажется, был первым, кто попытался создать общую классификацию, основанную на критическом изучении примеров в его собственной провинции.

Из отдельных работ, монографий, можно упомянуть работы М. Девиля о Шато-Гайяре, Танкарвиле и Арке, опубликованные в 1828, 1834 и 1839 годах. Первая из них особенно сильна своей историей замка и его знаменитой осады, а последняя превосходна как по истории, так и по описанию; все три сопровождаются четкими планами местности.

Великий труд Виолле-ле-Дюка, хотя и не ограничивается военной архитектурой, содержит наиболее полный, а также наиболее подробный отчет о французских замках, который еще не был представлен миру; и поскольку, помимо общего сходства между всеми европейскими замками, замки XI и XII веков в Нормандии почти аналогичны тем, что были построены в тот же период и часто теми же дворянами или их сыновьями в Англии, он заслуженно стал нашим главным авторитетом. Кроме того, замки Франции, будучи более масштабными и зачастую более совершенными, чем наши, позволили М. Ле-Дюку объяснить более удовлетворительно, чем это можно было бы сделать здесь, некоторые детали, такие, например, как ворота, разводной мост и портупея, и особенно деревянные надстройки для вертикальной защиты, известные как "*hondes*" и "*bretasches*", термины, представленные у нас "кладом" лондонского строителя и "решеткой" горного инженера. Работа М. Ле-Дюка дала повод и материал для небольшого тома, вышедшего из-под пера г-на Паркера. Кроме того, существует работа на немецком языке "*Geschichte der Militär-Architektur des fruheren Mittelalters*" М. Г. Х. Крига фон Хохфельдена, которая содержит много интересного о немецких замках, а также общее описание замков во Франции и Англии.

Хотя военная архитектура в Англии, если отбросить работы римлян, начинается с эпохи, а возможно, и с фактического периода Нормандского завоевания, страна содержит многочисленные примеры военных работ более раннего, а во многих случаях, несомненно, и очень отдаленного времени. Эти сооружения, выполненные в земле, или, по крайней мере, от которых не осталось никаких частей, кроме берегов, насыпей и рвов, иногда имеют огромные размеры, но обычно отличаются крайней простотой плана. Большинство из них, за исключением римских, имеют относительный возраст, но даже от этого знания мы сейчас очень далеки; И хотя вполне вероятно, что простые лагеря неправильных очертаний, расположенные на возвышенностях, - дело рук самых ранних жителей Британии, а те, что имеют круглые или более правильные очертания, более высокие берега и расположены в более доступных местах, - дело рук послеримского периода, все же очертания часто настолько смешаны, а расположение курганов и берегов настолько одинаково, что не всегда

можно с уверенностью сказать, что является погребальным, что просто памятным или монументальным, а что военным; Что относится к ранним или поздним кельтам, что к саксам, что к их датским завоевателям, а иногда, хотя и не часто, к римлянам.

Особенности этих различных земляных сооружений, столь разных по плану и растянувшихся на многие столетия, заслуживают отдельного внимания, и поэтому, хотя изначально предполагалось, что они будут рассмотрены здесь, было разумнее отложить эту ветвь предмета на данный момент, в надежде, что ею можно будет заняться, когда завершение работы над более крупными картами Орденс позволит получить более точные и обширные данные, чем сейчас. Этот вопрос, по сути, должен был быть включен в инструкции, данные сотрудникам Службы геодезии, и таким образом мы, по крайней мере, избежали бы неясной и порой противоречивой системы номенклатуры, которой обозначались эти работы в разные периоды этого великого и в большинстве отношений восхитительного национального начинания.

Но, хотя здесь целесообразно обойти молчанием те земляные сооружения, неправильные, прямоугольные или концентрические, которые не имеют прямой связи с последующими каменными замками и, следовательно, с военной архитектурой, тем не менее, остаются некоторые земляные сооружения, которые так связаны, и которые поэтому должны быть здесь замечены, и имеют достаточно большое значение, чтобы потребовать отдельной главы для их рассмотрения.

ГЛАВА II.

ЗЕМЛЯНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ПОСТ-РОМАНСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ПЕРИОДОВ.

О внутреннем состоянии Британии между уходом легионов в 411 году н.э. и приходом северян спустя тридцать или сорок лет сохранилось очень мало сведений; но как бы ни повлияло римское владычество или вливание римской крови на социальный или торговый характер бриттов, по крайней мере, несомненно, что они мало продвинулись в строительстве оборонительных сооружений. Римляне имели дело скорее со страной, чем с народом. Внешняя торговля под властью римлян, несомненно, была значительной, и много земли обрабатывалось, но бритты, похоже, приобрели лишь немногие из римских искусств и ничего из римской дисциплины. У их потомков, валлийцев, также нет многих обычаев, которые можно было бы однозначно отнести к римским; и хотя в их языке есть много слов, которые указывают на их происхождение от латыни, есть сравнительно немного слов, которые можно, с какой-либо вероятностью, показать как происходящие от латыни. Насколько в борьбе с шотландцами и пиктами они использовали римскую тактику или применяли римское оружие, мало известно. Защищаясь от северян, они, несомненно, воспользовались римскими стенами в Ричборо и Лимне, а затем и в Певенси, но в целом это принесло лишь временный успех, и от них они были оттеснены на земляные укрепления своих, вероятно, далеких предшественников. Нет ни тени свидетельств того, что они построили какие-либо новые оборонительные сооружения из каменной кладки по римским образцам или даже отремонтировали те, что были оставлены им в том же материале.

Тем не менее, остаются некоторые земляные сооружения, которые, похоже, были построены по римским правилам, но не содержат следов римских жилищ, не связаны с большими римскими дорогами, а их берега и рвы имеют большую высоту и глубину, чем те, которые обычно использовались римлянами в Британии, и поэтому есть основания отнести их к послеримским британцам. Таковы Тамворт, Уарем, Уоллингфорд, возможно, Кардифф, хотя и на римской дороге, и дополнения к римским сооружениям в Йорке. В поддержку этой точки зрения можно привести название Уоллингфорд, "брод валлийцев". Трудно понять, как получилось, что в каменной кладке нет никаких остатков, которые можно было бы отнести к этому периоду, ведь невозможно, чтобы, имея перед глазами пример римлян и определенную примесь римской крови в жилах многих из них, бритты не владели чем-то из строительного искусства. Эта трудность не возникает в Галлии, откуда римляне никогда официально не уходили. На континенте вообще можно найти здания всех эпох, начиная с римского периода и заканчивая его началом. Григорий Турский в своей "Истории франков", написанной в конце шестого века, описывает укрепленное место Мерлиар как очень обширное и мощное, в котором было озеро со сладкой водой, сады и огороды; а М. де Комон приводит описание епископского замка на Мозеле в том же веке, который защищали тридцать башен, одна из которых содержала часовню и была вооружена балистой, а внутри были возделанные земли и водяная мельница; и таких, как оборона Каркассона, было много, смешанных римских и постримских работ, то есть работ, выполненных до и около пятого века.

В Британии события развивались иначе. Северяне, люди моря и привыкшие к жизни под открытым небом, не испытывали симпатий к кельтам и с полным презрением относились к тому, что осталось от римской цивилизации; они убивали или изгоняли людей, сжигали и разрушали римские постройки, которые в результате в Англии сохранились фрагментарно, и в большинстве случаев только благодаря тому, что были засыпаны землей или встроены в более поздние сооружения. Римские постройки в основном были слишком масштабными для новых поселенцев, и даже там, где они занимали римские города, они не заботились о восстановлении или достройке стен, а зарывали то, что от них осталось, в высокие земляные валы, на которых возводили свои палисады и внутри которых возводили свои крепости. Северяне ничего не соблюдали, ничего не принимали. Их ранняя миссия заключалась в насилии и разрушении. Похоже, что на юге и востоке, по крайней мере, в значительной степени, они убили и изгнали жителей земли, а также упразднили те институты, которыми те владели. Но не в меньшей степени они унесли с собой семена других институтов, гораздо более энергичных и очень здоровых. Будь то саксы, англй или юты, хотя они высадились на берегах Британии совершенно независимыми партиями, у них была общая суть их речи, их обычаи и их боги. У них было то же знакомство с морем, то же нежелание занимать римские здания, то же отсутствие всякой симпатии к коренным бриттам. Если большинство земель они по-прежнему держали в общей собственности, то дом и усадьба уже были частной собственностью. Их семейные узы были крепкими, о чем свидетельствует номенклатура их деревень. По мере завоевания они оседали и занимались сельским хозяйством, а по мере принятия христианства постепенно создавали те подразделения, гражданские и церковные, соки и рапы, тинги, сотни, вапентаки и приходы, которые до сих пор остаются свидетельством уважения, которого они достигли в отношении закона и порядка, прав частной собственности и способности к самоуправлению.

Гораздо ближе к английской нации были норманны из приморских стран к северу от Эльбы, датчане из английской истории и местных традиций, которые в восьмом веке играли роль саксов в пятом. Они бороздили те же моря и преследовали саксов так же, как саксы преследовали бриттов, только захватчики и захваченные, будучи, как правило, одной крови,

в конце концов объединились, и различия между ними почти стерлись; и все же в течение трех веков - девятого, десятого и одиннадцатого - датское имя было ужасом Британских островов. Они заплотили все берега, бросали якорь в каждой бухте, поднимались по каждой реке, проникали и опустошали внутренние районы страны.

Оркнейские острова полны их следов, их язык является ключом к топографической номенклатуре Китнесса, им приписывают гигантские работы в Флэмборо-Хед, а также великую рубку, по которой они провели ветку Темзы через Саутварк. В 1000 году н.э. Этельред обнаружил, что они составляют большую часть населения Камберленда. Такие названия, как *eye*, *ness*, *holm* и *by*, столь распространенные вдоль берегов Англии или на землях, омываемых реками Трент и Хамбер, Тис и Тайн, и неизвестные на западном побережье, свидетельствуют о масштабах и постоянстве их поселений. Однако не похоже, что датские земляные сооружения существенно отличались от тех, что возводили в Англии другие северные народы. Лагеря, склонные к круговой форме, и мысы, укрепленные сегментными линиями валов и рвов, принадлежат всем, и все они, когда оседали и приобретали собственность, претерпевали очень похожие изменения в своих привычках и образе жизни.

Несомненно, среди ранних сооружений северян, возведенных для прикрытия высадки и защиты кораблей, были полукруглые линии рвов и берегов, встречающиеся на мысах, мысах и выступающих скалах в различных частях морского побережья. Обычно они имеют ограниченную площадь, так как захватчики обычно приходили небольшими группами, но укрепленный Фламборо имеет линию валов и рвов длиной три с половиной мили, самого грозного характера и охватывает очень большую территорию.

Вдоль побережья Южного Уэльса расположено множество небольших лагерей, вероятно, датского происхождения, таких как Сулли, Порткерри, Колхью, Данрейвен, Пеннард, Пенмаен, пять других на мысе Гауэр и пять или шесть вдоль южного берега Пемброкшира. Кроме этих материальных следов захватчиков, есть длинный список таких названий, как Хаверфорд (фьорд), Стэкпол, Хаббертон, Англ, Хабберстон, Хербрандстон, Гейтхольм, Стокхольм, Скомер, Мусселвик, Гарольдстон, Рэмси, Страбл, Суонси, сильно смахивающих на балтийские. Голова Динас между заливами Ньюпорт и Фишгард, хотя и носит валлийское название, укреплен траншеей, несомненно, принадлежащей северянам.

Эти и подобные им сооружения, очевидно, относятся к более раннему периоду северных вторжений, когда длинные черные галеры викингов нередко посещали британские и ирландские берега, прежде чем обосноваться на той или иной земле. В пятом и шестом веках в Британии начали образовываться поселения, которые быстро приняли размеры, весьма грозные для туземцев. Юго-восточное побережье Британии, еще в римскую эпоху заселенное морскими разбойниками и известное как Саксонское побережье, было укреплено римлянами, но эти сооружения, по своей сути прочные, оказались слишком слабыми в руках англичан, чтобы остановить продвижение врага. В 530 году н. э. Сердик и Синрик захватили остров Уайт и перебили множество бриттов в месте, где впоследствии был похоронен Витгар и где он, вероятно, заложил сооружение, носившее его имя, а впоследствии, как и сейчас, известное как Карисброк. В 547 году Ида, "носитель пламени" валлийских бардов, основал Беббанбург, ныне Бамборо, и обнес его сначала изгородью, а затем стеной; а в 552 году Синрик сразился с бриттами в Сорбиодунуме, впоследствии Сеаро-бурх, а ныне Старый Сарум; Как и в 571 году Кутвульф или Кута в Бедканфорде или Бедфорде, в каждом из этих двух последних мест, а также в Карисброке и, возможно, в Твинхеме или Крайстчерче, возведя сооружения, которые до сих пор сохранились. Завоевание романо-британских городов Киренчестер, Бат и Глостер, а также всего левого

берега Северна, от Бристольского Эйвона до Вустера, стало непосредственным следствием победы при Деорхеме в 571 году, за которой последовало овладение Пенгверном, впоследствии Шрусбери, важнейшим постом, с помощью которого мерсийцы, а за ними и норманны, удерживали Средний Уэльс. По всей линии от Крайстчерча и Кэрисброка, через Беркли и Глостер, Вустер, Уорик и Шрусбери были возведены земляные укрепления, большинство из которых можно увидеть и сейчас.

Вместе с социальными изменениями среди захватчиков менялся и характер их военных, а точнее, смешанных военных и хозяйственных работ. Британские лагеря, предназначенные для проживания племени, имеющего все общее, как по расположению, так и по устройству были совершенно не приспособлены для новых жителей. Римские поселения, предназначенные для гарнизонов, за исключением тех случаев, когда они являлись частью существующего города, были не менее подходящими, как и более ранние постройки северян, не соответствовавшие их последующим потребностям. В основном они носили поспешный характер, возводились для прикрытия высадки или сдерживания превосходящих сил. Не успели чужаки закрепиться в каком-либо районе, как их действия приобрели иной характер. Их идеи не носили, как у римлян, имперского характера; они не прокладывали больших дорог, не принимали поначалу никаких мер для общей обороны или управления страной. Преобладало самоуправление. Каждая семья владела своим особым участком и давала ему название. В этом и заключается ключ к плану более поздних и подавляющего большинства чисто английских земляных сооружений. Они предназначались не для обороны племени или территории, не для размещения воинов, а для центра и обороны частного поместья, для размещения лорда и его домочадцев, для защиты его арендаторов в случае нападения на них, а также для безопасного размещения во время войны их стад и отар.

Эти сооружения, возведенные в Англии в девятом и десятом веках, редко, если вообще когда-либо, были прямоугольными и в значительной степени зависели от характера грунта. Сначала возводился усеченный конус земли, стоящий под естественным наклоном, от двенадцати до пятидесяти или шестидесяти футов в высоту. Этот "курган", "мотт" или "бурх", "мота" наших записей, был сформирован из содержимого широкого и глубокого окружного рва. Этот ров, примыкающий к кургану, сейчас иногда полностью или частично засыпан, но, похоже, он существовал всегда, являясь фактически родоначальником кургана. Беркхемпстед - прекрасный пример такого кургана с оригинальным рвом. В Керлеоне, Тикхилле и Линкольне он был частично засыпан; в Кардиффе он был полностью засыпан, но недавно был тщательно расчищен, и видно, что его первоначальная глубина и ширина были очень внушительными. Хотя обычно эти курганы искусственные, они не всегда таковыми являются. Дарем, Лонсестон, Монтанут, Данстер, Рестормел, Нант Крибба - это естественные холмы; Виндзор, Тикхилл, Льюс, Норвич, Эли и Девайзес - частично; в Шерборне и Хедингеме курган - это естественная платформа, изрезанная искусством; в Татбери, Понтефракте и Брамбере, где естественная платформа также была большой, она была изрезана, и на ней воздвигнут курган.

С курганом обычно связана площадка или ограда, иногда круглая, чаще овальная или подковообразная, но если она соответствует возрасту кургана, то всегда более или менее округлая. Этот загон также имел берег и ров с внешней стороны, его задняя часть упиралась в ров кургана, а территория часто была дополнительно укреплена валом вдоль гребня обрыва рва. Иногда, как в Олд-Саруме, за пределами внешнего рва, то есть на гребне контрэскарпа, располагается дополнительная, но более слабая насыпь. Это, очевидно, предназначалось для возведения частокола и выполнения условий прикрытого прохода по

гребню одного из контрэскарпов Вобана. Если территория круглая, то курган либо занимает центральное место, как в Пикеринге, Майлхэме или Олд-Саруме, где он, возможно, является дополнением к более древнему сооружению, как в Бэдбери, либо возвышается с одной стороны, как в Татбери. Если участок продолговатый или овальный, курган может располагаться на одном конце, как в Брамбере. В Виндзоре и Арундеде он находится на одной стороне продолговатой ограды, образуя подобие песочных часов, и в этом случае часть его рва совпадает со рвом этого места. Там, где двор является лишь частью круга, он опирается на часть рва кургана. В Саруме есть два концентрически расположенных рва. В Беркхемпстеде курган находится за пределами двора. В целом, как и в Тикхилле, Касл-Акре и Линкольне, чаще всего курган находится на краю двора, так что он является частью общего "энсинта" места. Там, где площадка имеет умеренную площадь, как в Буилте и Килпеке, ее платформа часто слегка приподнята за счет добавления части содержимого рва, что редко встречается в британских лагерях. В Вигморе и Буилте, где курган стоит на краю естественной крутизны, ров прекращен. Площадка у основания обычно в два-три раза больше площади кургана, а иногда, как в Уоллингфорде или Уорике, гораздо больше. Несомненно, причина расположения кургана с одной стороны, а не в центре двора, заключалась в том, чтобы позволить сосредоточить жилые помещения, конюшни и т.д. на одном месте, а также сделать курган частью внешней обороны места.

Курган и цокольный двор, хотя и были основными частями, не всегда представляли собой единое целое. Часто с внешней стороны двора, как в Бринклоу и Рокингеме, располагалось второе ограждение, также с берегом и рвом, часто большей площади, чем основной двор, хотя и не столь сильно защищенное. Он предназначался для укрытия отар и стад арендаторов в случае нападения. В Норхэме крепостной ров использовался для этой цели еще при Генрихе VIII. Есть несколько случаев, когда курган находится внутри прямоугольного ограждения, что дало повод думать, что все это было римским. К таким случаям относится Тамворт, где, к счастью, исторически известно, что курган был делом рук Этельфлада, как и курган в Лестере, расположенный аналогичным образом. На основании этого и свидетельств самих земляных сооружений можно сделать аналогичный вывод относительно надстроженных курганов в Уорехеме, Уоллингфорде и Кардиффе. В Хелмсли, как и в Касл-Акре, Броуэм и Броу, земляные сооружения находятся на территории римского лагеря, а в Килпеке и Ров-Лейн, недалеко от Лланидлоэса, часть территории, возможно, является британской.

Восточная Англия содержит несколько прекрасных примеров таких насыпей в сочетании с прямоугольными лагерями. Отличным примером является замок Акр, а также, в меньшей степени, Майлхем и Бакенхем.

Когда английский лорд поселялся в римском лагере или участке, он часто переделывал римские сооружения, будь то земляные или каменные, и устраивал свой берег в одном углу, изменяя прилегающие берега и рвы в соответствии со своими новыми условиями. Так, в Певенси, Лестере, Кембридже, Линкольне, Саутгемптоне, Винчестере, Чичестере, Керлеоне, Честере английские курганы и фундаментные площадки располагаются внутри римских ограждений, которые либо были, либо были обнесены стеной. В Олдчестере, недалеко от Бистера, римская Алауна представляет собой курган более позднего времени, чем лагерь. В Плесси, Тамворте, Уоллингфорде, Уорехеме, Кардиффе обнаружены курганы, явно более поздние по дате, чем ограждающие сооружения. Есть также случаи, когда курган находится внутри земляного сооружения, имеющего тенденцию к прямоугольной форме, но едва ли его можно назвать римским или романо-британским. Таковы Клэр, Херефорд, Итон-Сокон, где курган очень маленький, и Лилборн. Темпсфорд очень своеобразен: это небольшая

прямоугольная территория рядом с Оузом, а в одном из углов, на берегу, находится небольшой курган.

Группа сооружений, главной особенностью которых был курган, представляла собой бурх. Бурх всегда был укреплен, и каждый житель близлежащего городка обязан был помогать в ремонте сооружений, почти всегда деревянных - материал, который саксы, как и другие германские народы, обычно предпочитали для строительства камню, хотя некоторые из их городов были обнесены стенами, как Колчестер и Эксетер, а в "Domesday" говорится об обычае ремонтировать стены Оксфорда, Кембриджа и Честера.

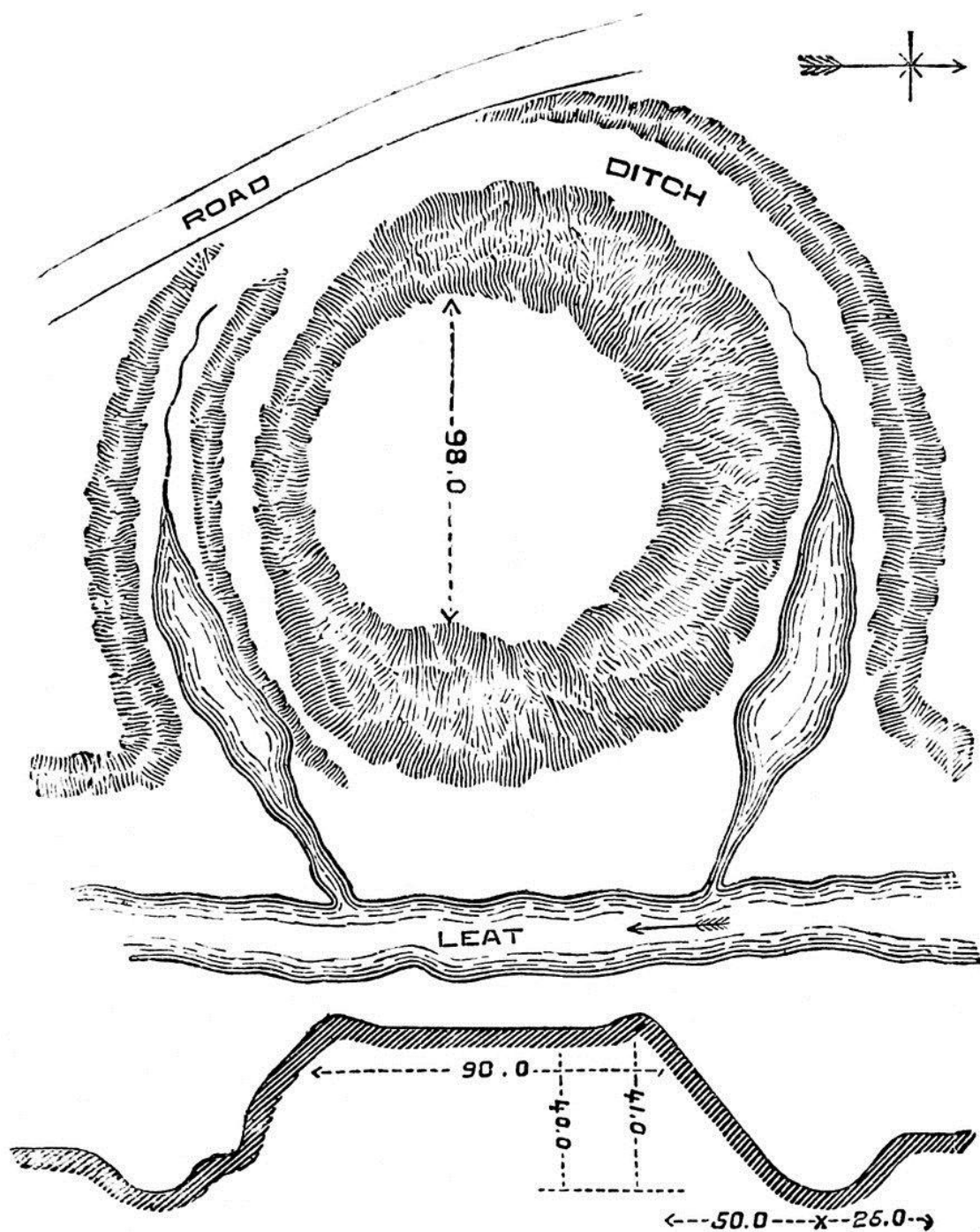
В этих английских городах, как и до них в британских, рвы иногда использовались для удержания и защиты подходов. Это хорошо видно в Клуне и Килпеке. В Татбери главный подход входит между двумя внешними платформами и огибает внешний край рва, пока не достигнет внутреннего входа. Цель заключалась в том, чтобы поместить подходы под наблюдением и командованием гарнизона.

Поскольку до сих пор есть археологи, чей опыт позволяет уважать их мнение, которые приписывают эти насыпные курганы бриттам, необходимо отметить, что атрибуция их англичанам, хотя и значительно усиленная свидетельствами самих работ, не полностью и даже не в основном опирается на них. В то время как британские лагеря либо доисторические, либо не замечены даже в самых ранних историях, а возраст римских работ можно определить только по их плану и стилю, а также по известному и ограниченному периоду пребывания римлян в Британии, английские работы постоянно упоминаются в хрониках, а имена их основателей и дата строительства многих из них зафиксированы. Так, Таунтон был основан Ине немного раньше 721-2 года, когда королева Этельбурх разрушила его. До наших дней сохранились значительные земляные сооружения, которые являлись частью оборонительных сооружений крепости, возведенной много позже. В девятом веке, по мере того как датские вторжения становились все более частыми, оборонительные сооружения становились все более распространенными и часто упоминались прямо или косвенно в англосаксонской хронике. В 868-9 годах датская армия находилась в Ноттингеме, сильной естественной позиции, и была осаждена вестсаксонцами. В 870 году датчане целый год находились в Йорке и зимовали в Тетфорде, где сохранились большие земляные укрепления. В 875 году они были в Кембридже, а в 876 году - в Варехеме, западносаксонской крепости, откуда напали на Эксетер, и во всех этих местах сохранились земляные укрепления. В 878 году мы читаем, что Элфред "построил" крепость в Этельни, а в 885 году датчане осадили Рочестер и "построили" еще одну крепость на его месте, несомненно, большой курган, который до сих пор остается за пределами замка и римской территории. В 893 году датчане поднялись на четыре мили вдоль реки Лимен или Лимн в Кенте и там взяли штурмом крепость "Гевеорк", которая была построена лишь наполовину. В том же году Хестен вошел в Темзу и "разгромил" Милтон, а другие датчане высадились в Аппледоре, в устье Лимена. В 894 году Элфред сражался с датчанами у Фарнхема, где до сих пор стоит епископский замок на месте бурха. Хестен или Гастингс уже построил бурх в Бенфлите, который был взят штурмом Ильфредом, который в том же году блокировал его в Баттингтоне, на реке Северн. В 896 году датчане построили крепость на реке Ли, в двадцати милях от Лондона, после чего Элфред построил еще по одной крепости на каждом берегу этой реки, ниже по течению, и направил воды по нескольким мелким протокам, тем самым фактически закрыв доступ к датским кораблям. После этого датчане ушли вглубь страны и пересекли ее до Квотбриджа на реке Северн, где "заварили дело" и перезимовали. Некоторые из этих сооружений сохранились до наших дней и являются хорошими примерами насыпей.

В десятом веке число английских крепостей значительно увеличилось, в основном благодаря энергии Этельфледа. Эльфред умер в 901 году, и ему наследовал Эадвард, его сын, который напал в крепости Бадбери на своего двоюродного брата Этельвальда, владевшего Крайстчерчем и Уимборном. В 907 году Честер, римские стены которого давно разрушились, был укреплен, вероятно, благодаря земляным сооружениям, которые до сих пор можно увидеть в его юго-западном углу, хотя курган был почти полностью удален. В 910 году Этельфлед, сестра Эадварда и леди мерсийцев, становится величайшим основателем крепостей в этом веке. В том же году она построила бурх в Брамсбери, а в 913 году - в Скергеате или Саррате, а также в Бридженорте (Олдбери). В 913 году, около 14 апреля, Эадвард построил северный бурх в Хартфорде, между реками Мемера или Маран, Бенефика или Бин и Лигеа или Лиа, на месте которых долгое время стояла раковина нормандского замка; а после мая и до середины лета он расположился лагерем в Малдоне, пока строился бурх Уизам. Тогда же был построен второй бурх Хартфорда, к югу от Лии. В том же 913 году Этельфлед и ее мерсийцы построили в начале лета бурх Тамворт, а в августе - Стаффорд; в следующем, 914 году, также летом, бурх Эддесбери, а к концу осени - Уорик, на котором еще сохранились следы более поздней крепости.

В 915 году Этельфлаэд построила бурх в Чирбери, вероятно, на поле, до сих пор известном как Королевский сад, и в Уордбери, а перед серединой зимы - в Ранкорне, где впоследствии находился нормандский замок. В том же году датчане поднялись по Бристольскому каналу и вошли в Ирченфилд, к западу от Херефорда, , примечательный, помимо прочего, своими бергами Килпек и Эвиас-Гарольд, откуда их вытеснили люди из Херефорда и Глостера, а также из окрестных берг. В 916 году Этельфлаэд взяла штурмом курган Брекнок и увела оттуда жену валлийского короля и тридцать четыре человека. В конце года Эдуард несколько недель пробыл в Букингеме и построил там две крепости, по одной на каждом берегу реки, на одной из которых впоследствии стоял замок графа Гиффарда. В 917 году Этельфлаэд захватила Дерби, ворота которого упоминаются, а в 918 году - бурх Лестера, вскоре после чего умерла в своем дворце в Тамворте. В 919 году Эдуард отправился в Бедфорд, занял его бурх, где находился замок лорда Бошама, и оставался там четыре недели, за это время он построил второй бурх на противоположном или южном берегу реки Оуз. В 920 году он построил бурх в Малдоне, а в 921 году, в апреле, - в Таустере, который осенью обнес каменной стеной. В мае следующего года он распорядился построить бурх в Вигморе, а в августе вся датская армия провела день перед Таустером, но не смогла взять его штурмом. В том же году датчане бросили свои работы в Хантингдоне и занялись строительством в Темпсфорде, а затем двинулись на Бедфорд, где были отбиты. Они также в течение дня атаковали бурх в Вигморе, но безуспешно. Это был напряженный год. В нем англичане взяли штурмом Темпсфордский бурх, осадили Колчестерский бурх и перебили всех, кроме одного человека, который сбежал через стену. Бур Малдон также был атакован датской армией, но безуспешно. В ноябре Эдуард отремонтировал бурханы в Хантингдоне и Колчестере и возвел бурханы в Кледемуте. В 922 году тот же великий английский вождь с мая по середину лета "заложил" бурх в Стэмфорде на южном берегу Велланда, напротив уже существовавшего. Он уменьшил бурх в Ноттингеме, отремонтировал его и гарнизонировал англичанами и датчанами. В 923 году Эадвард возвел бурх в Телуолле, а в 924 году - в Бейквелле и второй в Ноттингеме, напротив существующего, между которыми протекала река Трент. В 943 году Олаф Датский взял штурмом Тамворт. В 952 году упоминается крепость Джедбург и город Тетфорд. В 993 году был взят штурмом Бамборо.

ТАЧЕСТЕР БУРГ БУРИ МАУНТ

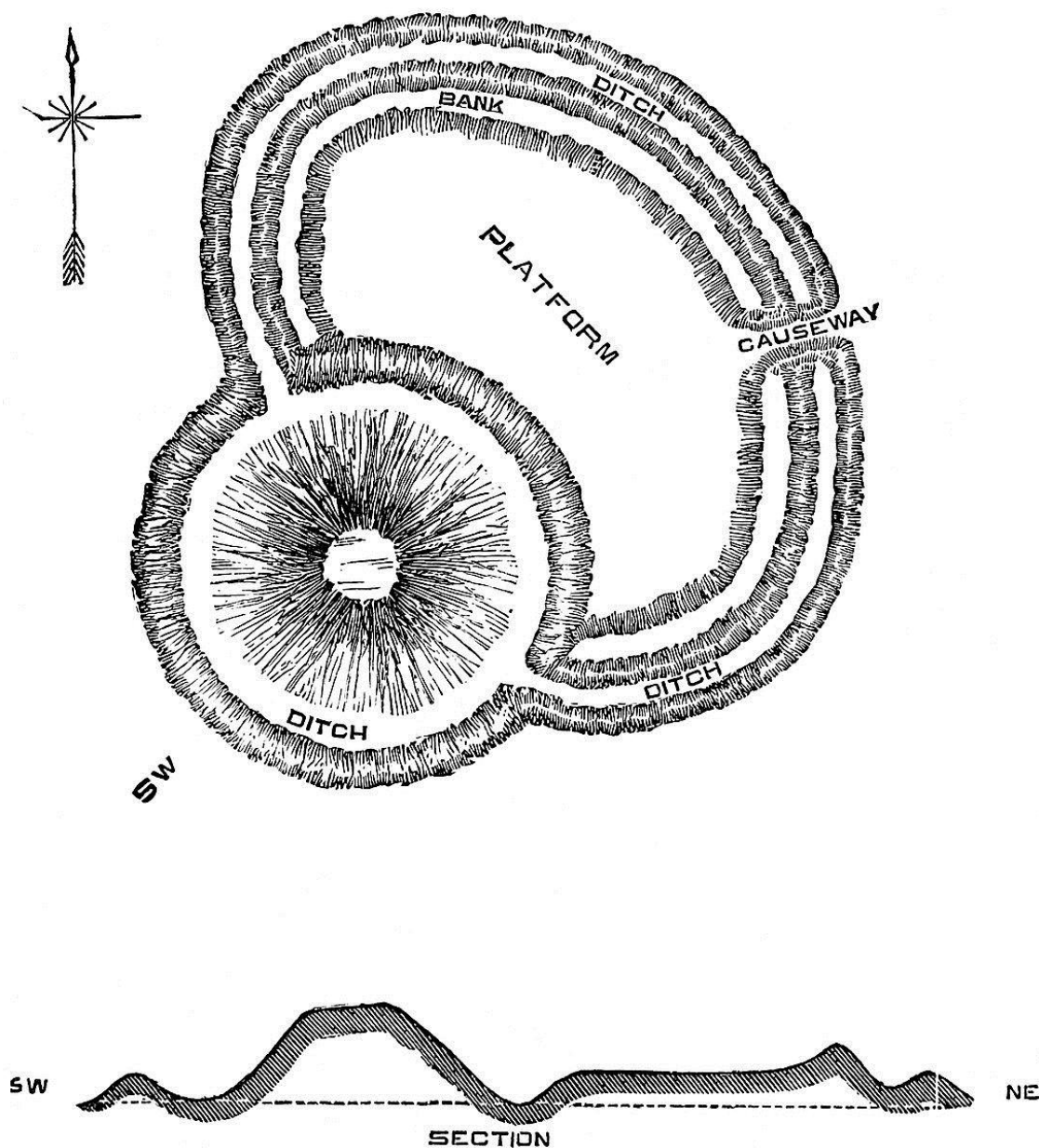
SECTION

Из пятидесяти норок, названных в летописи, удалось идентифицировать около сорока одной, а двадцать девять из них существуют до сих пор. Из них двадцать два - это насыпные курганы, в основном с основаниями, которые также были насыпными. В Таунтоне, как и в Чирбери, есть основания предполагать, что там был курган, а сооружения в Эксетере, Рочестере, Колчестере и Певенси, которые являются римскими, возможно, сменившими более ранние английские сооружения, были захвачены и изменены англичанами, как и в Честере, где был, и в Певенси, где все еще есть, курган. В Рочестере находится большой курган, хотя и за пределами крепости. Ружмонт в Эксетере сам по себе является естественным курганом, а Бамборо, из-за своей большой высоты и крутизны, не нуждался ни в кургане, ни в земляных работах какого-либо рода. В хронике упоминаются двойные крепости, расположенные на берегу реки: Ноттингем, Лия, Хартфорд, Бедфорд, Стэмфорд и Букингем. К сожалению, ни один из них не является совершенным. В Ноттингеме и на реке

Ли оба кургана давно убраны; по одному упоминается в Стэмфорде и Букингеме, а один еще можно увидеть в Хартфорде. Но единственные оставшиеся двойные курганы, показывающие, как в десятом веке англичане защищали проход через реку, - это курганы в Йорке, которые не упоминаются в хронике.

Таким образом, получается, что, если не принимать во внимание сооружения, которые не были идентифицированы или были разрушены до того, как о них узнали, существует более десятка норок, дата возведения которых и имя основателя занесены в достоверную летопись, и которые все еще можно увидеть. Что же такое бурх? Бурх - это насыпной курган со столешницей и цокольным двором, также насыпным, либо пристроенным к нему с одной стороны, либо внутри которого он стоит. Но норы, даты которых зафиксированы и которые описаны таким образом, - лишь немногие из тех, что найдены по всей Англии, в низменных районах Шотландии и на пограничных с Уэльсом маршах, которые, судя по их точному сходству с теми, что были идентифицированы, должны быть отнесены к девятому и десятому, а возможно, и к восьмому векам, и к английскому народу, то есть к северным поселенцам в целом, в отличие от бриттов и римлян.

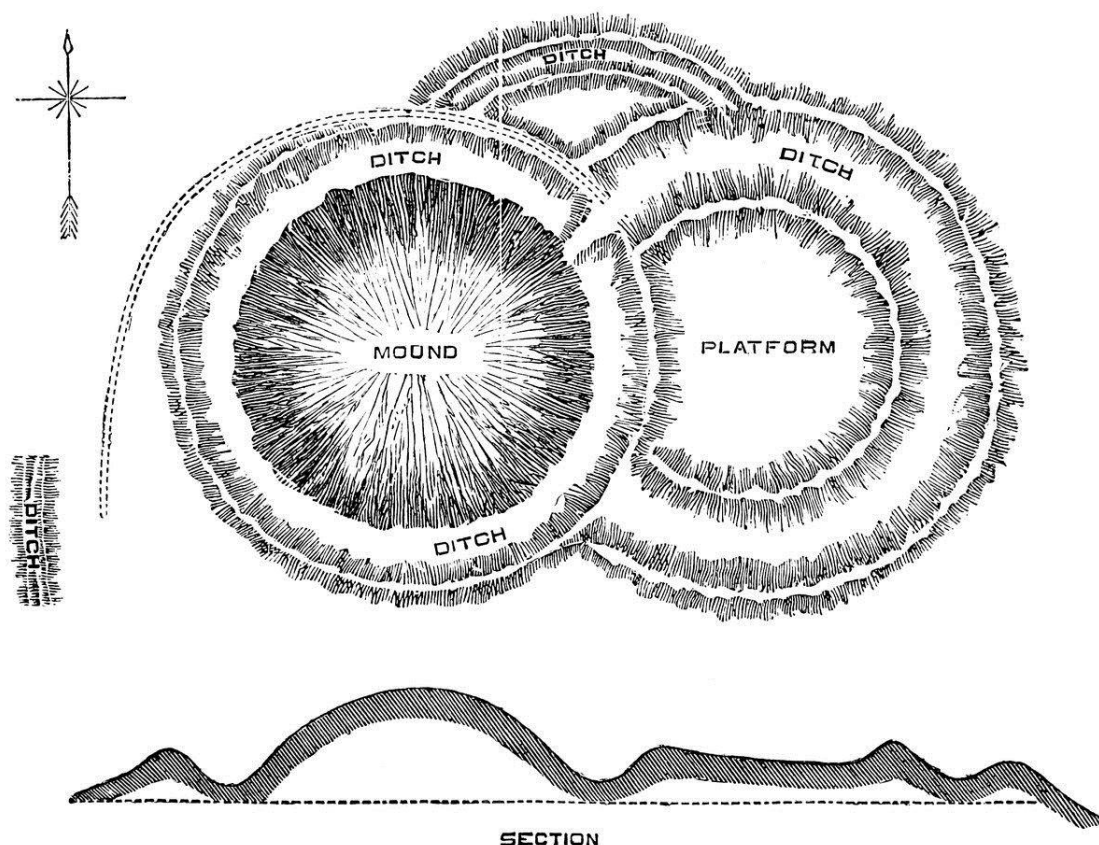
Кроме того, в очень многих случаях, когда были найдены эти могильники, можно доказать, что они были "сарут" или центром поместья. Вероятно, так было всегда, но, как правило, только в отношении очень крупных владений это можно доказать на основании записей. Так, курган Уоллингфорд был резиденцией Уигода, чья наследница вышла замуж за Роберта д'Ойли; Борн или Брум принадлежал графу Моркару в 870 году; Эдвин, граф Мерсии, лорд Страффорд-Вапентак в Йоркшире, имел "аулу" в Лафтон-ан-ле-Мортене, а Конингсборо был центром королевского сбора. Английский лорд Ричмондшира имел резиденцию в Гиллинге, курган которого не так давно сравнивался с землей. Курган в Халтоне был резиденцией графа Тости. В Берри-Бэнкс, недалеко от Стоуна, жил Вульффер, лорд Мерсии. Главные резиденции английских лордов Халламшира неизвестны, но в этом округе последними танами были Вальтеоф, Тости, Свейн, лорд Шеффилда, и Гарольд, чьи резиденции следует искать в курганах и на берегах Касл-Хилл и Касл-Бейли, близ Брэдфорда; Касл-Хилл, у слияния Шифа и Дона; Тикхилл, Уинкобанк и Мексборо, все насыпные курганы; также в Ланкашире и Йоркшире находятся Меллинг и Хорнби в Лонсдейле, Касл-Хиллс в Блэк-Буртоне, задница Робин Гуда в Клэпхеме, Седбери или Седда-бурх, известный курган с овальными дворами, замки-дайки в Ледескале и Лэнгвите, Девичий замок в Гринтоне и Киркби-Малессант. Большой курган в Клэр в Саффолке был укрепленной резиденцией графа Алурика, владевшего огромными владениями в этом округе. В Эйе, в том же графстве Саффолк, резиденции графа Эдрика, есть прекрасный курган, как и в Тетфорде и Хоули. Холм в Хедингеме и Норвиче - естественные, но последний был поднят искусственно и укреплен рвом и подковообразными пристройками, вероятно, в девятом или десятом веках. Дадли также был великой английской резиденцией, как и курган Беннингтон в Хартфордшире. Херефорд был укреплен великим Гарольдом, Эвиас - другим Гарольдом; Килпек и замок Ричарда также были ранними резиденциями, как и курганы Клун, Освестри и Уиттингтон в Шропшире. В Шотландии на кургане, называемом "Бутте Дансинана", традиция помещает резиденцию Макбета в начале одиннадцатого века. По словам Пеннанта, гора находится на овальной территории, защищенной валами и рвами. Напротив Кингусси на реке Спей находится очень любопытный природный курган, возвышающийся с трех сторон из болот реки, который, как известно, был резиденцией знаменитого Волка из Баденоха. На берегу Клайда также есть насыпной курган с прилегающими дворами.

ЛАФТОН-АН-ЛЕ-МОРТЕН

Бурхи упоминаются в ранних законах Англии, но к тому времени значение этого слова расширилось, так что оно часто применялось не только к насыпному кургану, но и к городу, возникшему вокруг него. По законам Этельстана, каждый бурх должен был быть отремонтирован в течение четырнадцати дней после дней Рогагии, а в королевских бургах разрешалось чеканить деньги. По законам Эдмунда королевский бурх был местом убежища, а по законам Этельреда тот, кто сражался в королевском бурхе, подлежал смерти. Бурх-брайс - нарушение порядка в замке или жилище. Бурх-боте, плата за поддержание бурхов или крепостей в состоянии обороны, была ответвлением известной "триноды необходимости". Первоначально английский бурх был укрепленным домом, "Domus defensibilis" из Domesday, "Aula", немецкий "Saal", владельца окружающего поместья или манора, который арендаторы были обязаны защищать; иногда это обозначение может быть нормандским, но обозначаемая вещь, несомненно, имеет гораздо более раннее

происхождение. Термин burh естественным образом распространился на скопление окружающих хижин, а изгородь со рвом была их основным ограждением, ремонт которого предусмотрен в очень ранних саксонских законах. Хорошую крепкую изгородь, даже из зыбучих растений, не стоит презирать, а изгороди из кактусов и бамбука в Индии превратят в изгородь целую группу солдат. Слово "хайя" нередко встречается в Domesday и означает загон, в который загоняли диких зверей: "Haia in qua capiebantur feratæ". Оно также использовалось для обозначения парка, как, например, парк Хей в Кнаресборо и парк Хоу при замке Скиптон. Живая изгородь короля Иды в Бамборо служила для защиты присоединенных пастбищных земель, так как замок едва ли нуждался в таком дополнении к своей превосходящей мощи. Это слово также широко использовалось в Нормандии, как для защиты, так и для ограждения. Один из старых замков Херефордшира носит название Хей.

ЗАМОК ХОЛМ МЕКСБОРО

Эдикт Карла Лысого (Edictum Pistense) от 864 года (cap. i.) прямо предписывает уничтожить все "Castella et firmitates et haias", построенные без его лицензии, "disfactas", поскольку они наносят вред окрестностям. "Vicini et circummanentes exinde multas deprædationes et impedimenta sustinent" ("Rerum Gallicarum Scriptores", vii., 677). Таким образом, изгороди не всегда были простым ограждением, но иногда и военной защитой.

Эти курганы, где они дошли до нас и не претерпели никаких изменений от рук норманнского архитектора, представляют собой просто зеленые холмы, ясные в своей простоте, хотя и утратившие со временем четкость профиля, большую или меньшую высоту и глубину рвов. На них не было замечено ни одной каменной кладки, которую можно было бы приписать их основателям или предположить, что она является частью их первоначального проекта. Очевидно, однако, что земляные сооружения служили лишь опорой для дополнительной обороны. На кургане, несомненно, находилась резиденция, и его гребень и основание, а также прилегающие дворы должны были быть окружены каким-то барьером помимо

земляного вала. Мы читаем, что Таустер был защищен стеной, которая, однако, была построена очень быстро и, вероятно, была похожа на полевую стену, без раствора. Но с раствором или без него, ни одна стена не могла быть поставлена на свежую кучу земли, а та, о которой идет речь, должна была стоять на естественном грунте у основания кургана или вокруг него. Несомненно, Эксетер был обнесен стеной при Этельстане, а в Колчестере были стены, частично, как мы видим, римские, а частично, несомненно, английские; в Дерби были ворота, хотя из какого материала - не указано. В Корфе сохранилась часть каменной кладки, несомненно, старше эпохи завоевания, и часть внешних оборонительных сооружений; но Корф - это естественный холм. Хорошо известно, что англичане с давних времен были знакомы с каменной кладкой и строили церкви из камня или дерева в зависимости от того, что им больше подходило; и нет ничего более естественного, чем то, что они должны были использовать первый вариант, когда целью было противостоять нападению. Но в норе или на искусственном земляном сооружении любой высоты о каменной кладке не могло быть и речи. Древесина, и только древесина, была бы подходящим материалом. Древесина всегда была под рукой, и это был материал, который, возможно, в силу своих ранних морских привычек, англичане очень любили. Кроме того, быстрота, с которой строились эти буры, показывает, что древесина должна была использоваться в значительной степени. Их возводили, достраивали, атаковали, сжигали и восстанавливали, и все это в течение нескольких месяцев.

Существует немало описаний этих оборонительных сооружений из дерева. М. де Комон приводит любопытный отрывок из Эрнальда Нигеллуса, автора IX века, который рассказывает об экспедиции Луи ле Дебоннера против бретонского короля Мармана, чьи крепости были защищены рвами и палисадами.

"Est locus hinc silvis, hinc flumine cinctus amoeno.

Sepibus et sulcis atque palude situs."

Intus opima domus....

Однако это была бретонская работа, и в ней нет упоминания о кургане. Два столетия спустя курган был в общем употреблении, и другая цитата, также взятая у М. де Комона, из жизни Иоанна, канонизированного прелата церкви Теруань, архидиакона Кольмье, дает рассказ о крепости Мерхен, близ Диксмюде, в котором ясно изложены использованный материал и способ строительства. Оригинал, взятый из "Acta Sanctorum", прилагается к данной статье и представляет собой описание насыпного холма с оградой и деревянными башнями, центральным жильем и мостом через ров, поднимающийся к вершине холма. Описание иллюстрируется изображением взятия Динана на гобелене из Байе. Там изображен конический курган, над которым возвышается деревянное здание, которое двое мужчин с факелами пытаются поджечь, в то время как другие поднимаются по крутому мосту, перекинутому через ров, и поднимаются к воротам на гребне кургана.

Многие из этих курганов под названием моты (*motæ*) сохранили свои деревянные оборонительные сооружения до XII и XIII веков, и это тоже на границе Шропшира и Уэльса, переполненной каменными замками.

Дюканж определяет *mota* как "*Collis, seu tumulus, cui inædificatum est castellum. Olim castella numquam nisi in eminentissimis locis extruebantur. In Flandria vero, humili ac planissima regione, congestis undequaque terrarum molibus, fieri solebant motæ, quibus arces imponderentur*"; и

добавляет, что *mota* - это то же самое произведение, известное в Дофиньи как "*poypia*", а в Оверни как "*mote seigneuriale*". Из Ламбертуса Арденсиса он цитирует: "*Motam altissimam, sive dunjonem eminentem in munitionis signum firmavit, et in aggerem coacervavit*". А Ордрик рассказывает, что в 1098 году Боль де Мон-Дубло передал Вильгельму Руфусу "*Fortissimam, quam apud Balaonem possidebat, motam, per quam totum oppidum adversariis subactum paruit*." А в 1119 году Фульк Анжуйский с 500 рыцарями осадил "*ad motam Galterii*", который король укрепил. Также недалеко от Понте-Корво находился "*Motam magnam, quam faciebat facere Dominus Canis cum mulfossis et tajatis ad claudendum Paduanos*", подобно большому кургану в Рочестере, прямо за городской стеной. В "*Романе де Ру*"...

"Губерт де Рие стоит у своего порта.

Entre le mostier et sa mote."

"Мостье" - это церковь. Также в "*Баталии Семи Искусств*":- "*Qui fu fier c coté*".

"*Qui fu fier cum chastel sur mote*".

Также в *Consuetudines Trecensis* говорится о "*Le principal chastel ou maison-fort, mote, ou place de maison seigneuriale*": и в *Colletus*: "*Il y a des mesures qui ont des droits très considérables; nous avons des simple poypes [ce sont des terres élevées et fossoyées] qui ont les plus beaux droits*." В "*Истории Дофиньи*" под 1290 годом есть запись: "*Item castrum seu Poypiam de Montlyopart; item castrum seu fortalitium de Pusigniano*." Дюканж много пишет на эту тему.

Использование кургана в качестве места для "*maison seigneuriale*" было общим в Англии, и некоторые из них, такие как Барвик-ин-Элмет и Лафтон-ан-ле-Мортен, до сих пор указываются как резиденции ранних английских дворян и королей; а о других, возведенных в первую очередь для обороны, таких как Тамворт и Лестер, а затем занятых в качестве королевских и других резиденций, имеются соответствующие сведения.

После Завоевания английский термин "*burh*", похоже, уступил место латинскому "*mota*", по крайней мере, в государственных документах. Правда, в грамоте Завоевателя, приведенной Раймером, есть слова "*Et in burgis, et muro-vallatis, et in castellis*", но "*burgis*" может означать города-бурги. В хартии Матильды 1141 года, дарующей графство Херефорд Мило де Глостеру, она дарует "*Motam Hereford et cum toto castello*", слова, которые, очевидно, относятся к кургану, ныне разрушенному, а не, как предполагалось, к праву проводить там маунт. Кроме того, в договоре между Стефаном и Генрихом Анжуйским проводится различие между "*Turris Londinensis et 'Mota de Windesora*", где Лондон имеет квадратный замок или башню, а Виндзор - замок-ракушку на кургане. Вероятно, когда, как в Дареме, каменные крепости заменили "*ligna tabulata firmissime compacta*", крепость перестала называться мотом и стала замком; но в очень многих случаях это изменение происходило долго, а во многих менее важных и частных резиденциях оно вообще не произошло. Так, на насыпях Верхнего Северна нет никаких следов каменной кладки, и уже в правление Генриха III, через 159 лет после Завоевания, а это годы непрерывных сражений с воинственным и бессонным врагом, древесина все еще служила материалом для их обороны. В "*Тесной грамоте 9 Генриха III*." от 30 мая 1225 года содержится следующее обращение к кустосу Монтгомери: "*Rex etc. dilecto dilecto*".

"*Rex etc. dilecto et fideli suo Godescallo de Maghelins salutem. Precipimus tibi quod ex parte nostra firmiter precipias omnibus illis qui motas habent in valle de Muntgumery quod sine dilatione motas suas bonis bretaschiis firmari faciant ad securitatem et defensionem suam et parcium*

illarum."^[1] И не только в обороне этих меньших мотов и укрепленных частных домов древесина играла важную роль. Башенки из дерева были подготовлены для замка Монтгомери, и даже сам Шрусбери, резиденция трех самых могущественных графов и главное место в их графстве, отнюдь не был полностью выполнен в каменной кладке. В царствование Эдуарда I присяжные, назначенные для отчета о состоянии замка, заявляют: "Quod unus magnus turris ligneus qui edificatur in castro Salop corrui in terram tempore domini Uriani de St. Petro tunc vice comitis et meremium ejusdem turris tempore suo et temporibus aliorum vice comitum preterea existencium ita consummatur et destruitur quod nichil de illo remansit in magnum dampnum domini Regis et deterioracionem ejusdem castri." Во французской грамоте 1329 года есть слова: "Premierement le motte et les fossez d'entour le motte de Maïex", а в 1331 году: "Le motte de mon Manoir de Caieux et les fossez entour". Таким образом, оказывается, что с раннего периода, определенно с девятого века, при строительстве сильного места, будь то частное жилище или военный пост, было принято располагать его на вершине кургана и окружать как курган, так и прилегающую территорию земляной защитой, и что во многих, вероятно, в течение некоторого времени во всех случаях здание внутри и оборонительные сооружения вокруг таких мест были деревянными, и действительно, поскольку они стояли на земле, обязательно такими. Иногда, вероятно, когда фронт был более протяженным, например, когда нужно было защитить от внезапного нападения небольшое пастбище, примыкавшее к основной крепости, прибегали к "гайе" или "клаузуре".

Рассматривая одну из таких насыпей, нам достаточно представить себе центральный деревянный дом на вершине кургана, построенный из половины ствола дерева, установленного вертикально между двумя валиками сверху и снизу, как старая церковь в Гринстеде, с тесным тыном вокруг него по краю столешницы, возможно, второй линией у его основания и третьей по внешнему краю рва, и другие, не столь прочные, по краям внешних дворов, с мостиками из досок через рвы и хижинами из плетня или дерева внутри ограждений, и мы получим очень точное представление об укрепленном жилище тана или франклина в Англии или соответствующих классов в Нормандии с восьмого или девятого веков до даты Нормандского завоевания.

Существование этих курганов на отдельной территории Уэльса очень любопытно и требует объяснения. То, что такая форма жилища была широко распространена среди валлийцев, конечно, не факт. Там, где в Уэльсе встречаются насыпные курганы, они обычно находятся на границе, у морского побережья или в открытых долинах, доступных для англичан, в которые англичане или северяне, как известно, вторглись в восьмом и девятом веках. Исключение составляет курган возле Лландлоэса, который находится в пределах холмов. Но курган Тафолверн, с которого валлийские князья датировали несколько хартий, находится вблизи открытой долины. Талибонт, откуда Ллевелин отправил письмо архиепископу Кентерберийскому в 1275 году и который впоследствии посетил Эдуард Первый, находится на равнине в непосредственной близости от моря. Хен Домен и Рос Диарбед на Верхнем Севере также являются хорошими примерами. Тем не менее, поскольку валлийские князья переписывались и часто общались с англичанами, они должны были быть знакомы с фортификационными сооружениями, очень простыми и легкими в строительстве, но при этом способными противостоять внезапному нападению. Следует также отметить, что английские позиции на валлийской границе были очень изменчивы, и валлийцы должны были не только быть прекрасно знакомы с английским методом строительства, но и время от времени фактически владеть своими крепостями. То, что валлийцы использовали древесину в оборонительных целях, следует из их закона, согласно которому вассалы должны были являться в замок лорда для его ремонта или перестройки, каждый со своим топором в руке. В некоторых случаях в этих пограничных сооружениях почти нет насыпи, в других - насыпь

низкая и полая в центре. Каэр Аэрон и еще одно небольшое земляное сооружение возле Буилта, похоже, были земляными основаниями простого круглого вигвама. Каэр Аэрон не мог быть просто временным сооружением, так как окружной ров был вырублен в скале с большим трудом.

Из существования дамбы Оффы и огромного количества насыпных курганов, возведенных вдоль ее русла, становится ясно, что англичане рано и надолго завладели обширными участками пограничной территории. Оффа правил Мерсией с 757 по 796 год н.э., и его дамба простиралась от устья Уай до устья Ди. В ее северной части, на протяжении примерно сорока миль, находится вторая дамба, известная как Дамба Уота, немного позади нее, и считается, что это несколько более ранняя работа, также выполненная Оффой. Прежде чем было принято решение о фактической линии работ, столь неприятных для духа беспокойного народа, должно быть, прошло много лет борьбы вдоль границы, и англичане должны были иметь что-то вроде постоянного владения землей по обе стороны и владеть поместьями, в которых до сих пор сохранившиеся курганы были "капитулами" или главными местами. Следует помнить, что дамба была скорее гражданской границей, чем военной обороной.

Далее следует отметить, что насыпные курганы, в точности повторяющие английские, очень многочисленны в Нормандии. По размерам они варьируются практически в тех же пределах. Все они имеют или имели ров, некоторые, как Брикуссар и Дез Оливе, стоят в центре двора, другие - на одном конце, третьи - на краю. Двор иногда круглый, чаще всего продолговатый, очень редко прямоугольный. Внешние ограждения имеют рвы, которые сообщаются со рвами внутренних оборонительных сооружений. М. де Комон приводит список из пятидесяти четырех таких курганов в радиусе шестидесяти миль от Кана, и с тех пор, как он писал, было обнаружено еще много других. С ранних времен они также были резиденциями крупных землевладельцев, и из многих из них происходили рыцари и бароны, сопровождавшие Вильгельма в Англию и обосновавшиеся там на очень похожих должностях. Сэр Ф. Палгрейв приводит список из 131 укрепленной резиденции в Котентене, Авраншине и Бессине, который включает только шесть из тех, что упомянул де Комон. Многие из этих земляных сооружений, похоже, никогда не имели каменной защиты. В других, на курганах, находились норманнские хранилища снарядов.

Помимо британской теории, эти курганы были признаны погребальными. Конечно, возможно, что такие курганы, как Арундел или Мальборо, изначально были погребальными, а значит, более древними, чем их оборонительные дополнения. Решающий эксперимент по их вскрытию был проведен лишь в отношении немногих из них; но это не очень вероятное объяснение, и оно, конечно, не могло быть применено к этим курганам как классу. Среди многих других причин для принятия этой точки зрения можно отметить, что могильные курганы всегда искусственные, в то время как насыпные курганы часто бывают естественными, и еще чаще - частично. Никто не может предположить, что Хаварден, Данстер или Монтакут являются усыпальницами, и все же это такие же насыпные курганы, как Арундел и Тонбридж. Кроме того, могильные курганы не часто располагаются там, где явно необходима оборона, а большинство грубых народов суеверны и не желают жить на могиле или рядом с ней. Тайнуолд в Мэне, Квичелмсли Ноу в Беркшире и сооружение на Клайде в Ланаркшире - единственные известные могильные курганы, которые использовались в других целях, и два первых из них - судебные, а не жилые. Курганы вокруг Йорка, хотя и меньше большинства курганов, достаточно велики, чтобы в них могли располагаться жилые дома, но, похоже, они не использовались для этих целей. Более того, по общепринятым в стране свидетельствам, насыпные курганы обычно называются кастл-хилл или бурх, что свидетельствует об их военном происхождении.

Было замечено, что насыпные курганы обычно находятся рядом с приходской церковью. Этого следовало ожидать, поскольку приход, как и поместье, обычно был частным владением, а церковь изначально предоставлялась лордом для проживания его арендаторов и его самого.

Существует класс курганов, вероятно, принадлежащих тем же людям, что и вышеописанные, но очень редко обнесенных рвом и не сопровождаемых площадками и ограждениями. Это холмы-муты, используемые для гражданских целей, как проведение судов-литов, прекрасным примером которых является курган в Бартоне, в Нортгемптоншире. Они не являются редкостью. Один из них находится недалеко от Кенилворта, рядом с церковью Стоунли, один - в Хоике, один называется Мот-Хилл в Гамильтон-парке; есть он и на правом берегу Неккара, ниже Гейдельберга. Иногда их называют зубчатыми холмами, отсюда и Тотилл Филдс, хотя курган исчез.

Утверждая, что эти насыпные курганы имеют северное, а в Британии - английское происхождение, было бы чересчур утверждать, что ни в одном другом классе сооружений курган не использовался, ни одним другим народом, кроме северян; но можно с уверенностью сказать, что ни в одном другом классе ранних укреплений курган не является ведущим и типичным элементом. В римских и нормандских, а возможно, и в чисто британских сооружениях, курган можно иногда увидеть, как кавалера в сооружениях Вобана, как в Кенилворте, или как наружное сооружение, как в Керфилли, или он может быть использован для прикрытия или разделения входа; но такие курганы имеют неправильную форму, просто отделенные и возвышенные части общего берега, и их вряд ли можно спутать с насыпью, описанной выше.

Приложение.

Vita Sti Johannis Epis: Morinorum. Ob: 1130.

[Acta Sanctorum, Januarii 27.]

Contigit ut in villa, cui Morchem vocabulum est, hospitii mansionem haberet [Johannes]. Erat autem secus atrium ecclesiae munitio quaedam quam castrum vel municipium dicere possumus valde excelsa, juxta morem terrae illius, a domino villae ipsius multis retro annis extructa. Mos namque est ditioribus quibuscunque regionis hujus hominibus et nobilioribus, eo quod maxime inimicitiis vacare soleant exercendis et caedibus, ut ab hostibus eo modo maneant tutiores, et potentia majore vel vincant pares, vel premant inferiores, terrae aggerem quantae praevalent celsitudinis congerere eique fossam quam late patentem, multamque profunditatis altitudinem habentem circumfodere, et supremam ejusdem aggeris crepidinem vallo ex lignis tabulatis firmissime confacto undique vice muri circummunire, turribusque, secundum quod possibile fuerit, per gyrum dispositis, intra vallum, domum vel, quae omnia despiciat, arcem in medio aedificare, ita videlicet ut porta introitus ipsius villae non nisi per pontem valeat adiri, qui ab exteriori labro fossae primum exorians est in processu paulatim elevatus, columnisque binis et binis, vel etiam trinis altrinsecus per congrua spatia suffixis innixus, eo ascendendi

moderamine per transversum fossae consurgit, ut supremam aggeris superficiem coaequando oram extremi marginis ejus, et in ea parte limen prima fronte contingat.

In hujus-modi ergo asylo Pontifex, cum suo frequenti et reverendo comitatu hospitali, quum ingentem populi turbam tam in ecclesia, quam in atrio ejus, manus impositione, et sacri Chrismatis unctione confirmasset, ut vestimenta mutaret, eo quod coemiterium humandis fidelium corporibus benedicere statuisset ad hospitium regressus est, unde illo, ut propositum perficeret opus, iterum descendente, et circa medium pontis, triginta quinque vel eo amplius pedum, altitudinem habentis, certa de causa subsistente, populique non modica caterva ante et retro, dextra lævaque circumstipante, continuo antiqui machinante hostis invidia, pons ponderi cessit, et dissipatus corrui, magnamque illorum hominum turbam cum episcopo suo ad ima dejecit; fragore autem ingenti e vestigio consecuto, transtris, trabibusque tabulatis, et ruderibus magno cum impetu pariter et strepitu concidentibus: nebula quaedam tenebrosa ita omnem illam ruinam repente circumfudit, ut quid ageretur vix quisquam discernere potuerit.

Перевод.

Случилось так, что в городе под названием Мерхем у епископа Иоанна был гостевой дом. Рядом с церковным двором находилась крепость, которую можно было считать замком или муниципалитетом, очень возвышенным, построенным по деревенской моде владыкой города много лет назад. Так было принято у богатых людей и знати тех мест, поскольку их главное занятие - вражда и резня, чтобы таким образом обезопасить себя от врагов и иметь больше сил для завоевания равных себе или усмирения низших, насыпали курган из земли такой высоты, на какую были способны, вырыли вокруг него широкий, открытый и глубокий ров и опоясали весь верхний край кургана, вместо стены, оградой из деревянных брусьев, крепко скрепленных между собой, с многочисленными башенками, поставленными вокруг. Внутри был построен дом или, скорее, цитадель, возвышающаяся над всем этим, так что к входным воротам можно было подойти только по мосту, который сначала шел от контркарпа рва, постепенно поднимался по мере продвижения, поддерживаемый множеством опор, двумя или даже тремя, скрепленными с каждой стороны удобными пролетами, пересекал ров с управляемым подъемом, чтобы достичь верхнего уровня кургана, приземляясь на его краю на уровне порога ворот.

В этом уединении епископ со своей многочисленной и преподобной свитой, утвердив огромное количество народа как в церкви, так и во дворе ее, возложением рук и освящением святой христы, возвратился в свое жилище, чтобы сменить облачение, так как он решил освятить кладбище для погребения тел верующих. Когда же, снова спустившись из своего жилища, чтобы совершить задуманное, он по какой-то причине остановился на середине моста, имевшего там высоту тридцать пять футов или более, народ теснился сзади и впереди, и с каждой стороны, то сразу же, по злобе старого врага, мост поддался тяжести и рассыпался; И толпа с епископом рухнула на дно с большим треском балок, брусьев и досок, с огромной силой и шумом, а густая пыль сразу же окутала руины, так что почти никто не мог видеть, что произошло.

Любопытно также следующее:...

(Ludovicus Grossus, a.d. 1109.) "Puteolum regreditur antiquam antecessorum suorum destitutam *Motam* castro jactu lapidis propinquam, occupat. Castrum fundibalariorum, balistariorum, saggitariorum, emissa pericula sustinentes; etc."

ГЛАВА III.

ЗАМКИ АНГЛИИ ВО ВРЕМЯ ЗАВОЕВАНИЯ И ПРИ ЗАВОЕВАТЕЛЕ.

Обычно считается, что быстрота завоеваний Вильгельма объясняется отсутствием сильных мест в Англии. Однако есть основания полагать, что Англия в этом отношении была очень хорошо обеспечена, - почти так же хорошо, как и Нормандия; и что, за исключением нескольких недавно построенных крепостей, сооружения в этих двух странах были очень похожи по своему характеру. Старые места замков баронов в Нормандии почти все установлены, и в большинстве случаев они отличаются насыпью с прилегающим двором или дворами, также насыпанными. Доказано, что эта простая и очень эффективная форма обороны использовалась северными народами, захватчиками как Англии, так и континента, и в девятом и десятом веках была столь же распространена на берегах Темзы, Хамбера и Северна, как и на берегах Сены и Орны. Именно в одиннадцатом веке, главным образом во время смуты, связанной с воцарением и малолетством герцога Вильгельма, норманны, похоже, приняли новое и более постоянное описание крепости, и старомодное строение из дерева стало заменяться стенами и башнями из каменной кладки, а особенно - крепостями из этого материала. Из них наиболее известной, а также наиболее долговечной формой была прямоугольная, не более полудюжины примеров которой можно с уверенностью доказать, что она была построена в Нормандии до второй половины XI века, и очень мало, если вообще есть, до английского завоевания; также не известно ни одного образца многоугольной или круглой формы крепости в Нормандии до этого события. Де Комон, правда, относит прямоугольный замок Ланже, в котором в основном использовался кирпич, к 992 году; но есть большие основания сомневаться в этом выводе, а Дю Пин и Сен-Лоран, вероятно, являются одними из самых старых замков этой формы, и, похоже, не ранее правления герцога Вильгельма; это также относится к Арку и Ногент-ле-Ротру. В Нормандии, как и в Англии, многоугольные или панцирные замки, хотя и находятся на более древнем месте, обычно строятся из каменной кладки, что является более поздней конструкцией; замок в Жизоре был построен Робертом де Белесмом в 1097 году, а в Карентане - примерно в то же время. Многие даже самые значительные курганы, такие как Брикессар и Вье-Конш, не имеют следов каменной кладки. Де Комон считает, что раковинный замок Плесси-Гримульт был построен до 1047 года, но если это и так, то это, конечно, исключительное исключение. Строительство замков в Нормандии, похоже, если и предшествовало английскому завоеванию, то лишь на несколько лет.

Римляне оставили после себя в Британии множество обнесенных стенами городов, но неизвестно, в какой степени эти оборонительные сооружения были сохранены северянами и в каком состоянии они их нашли. Во время завоевания Честер, Линкольн, Эксетер, Херефорд, Лестер, Оксфорд, Стаффорд и Колчестер, похоже, уже были обнесены стенами, а стены Эксете́ра были отремонтированы или перестроены Этельстаном. Кентербери, Ноттингем и Йорк были защищены рвом. Возможно, существовали и другие крепости, а также несколько военных башен английской работы, но нет никаких свидетельств того, что они были похожи на прямоугольные крепости, несмотря на особое упоминание в 1052 году о замке Ричарда, построенном Ричардом, сыном Скроба. Нет причин предполагать, что он имел башню такого характера, которая бы совершенно не соответствовала насыпи, которая

и сейчас находится на этом месте, и на которой все еще видны остатки ракушечного замка. Еще меньше у англичан было ракушечных хранилищ, построенных из каменной кладки. Что на самом деле было в военной кладке и каков был ее характер, не так ясно. Уильям из Пуатье говорит о Дувре, что он был построен Гарольдом "studio atque sumptu suo communitum", и что там были "item per diversa loca illius terræ alia castra ubi voluntas Ducis ea firmari jubet"; также в рассказе о продвижении Вильгельма из Кентербери добавляется: "Veniens ad fractam turrim castra metatus est", указывая на работу в каменной кладке, хотя, несомненно, она могла быть, как и в Йорке, римской. Арундел, названный в "Domesday" замком во времена правления Исповедника, вероятно, судя по размерам его насыпи и глубине рвов, был таким же крепким, как и любой другой замок такого типа в Нормандии; но ни на насыпи, ни вокруг нее не было обнаружено каменной кладки более раннего периода, чем Завоевание, если вообще раннего.

Утверждать, что во время Завоевания в Англии не существовало замков английской работы, может быть, и излишне; , но можно с уверенностью сказать, что, кроме фрагмента стены в Корфе, до сих пор не обнаружено ни одного военного замка, который был бы значительно старше этого события. В 1052 году, когда Исповедник и граф Годвин пришли к соглашению, и нападение на Лондон было отложено, говорится, что архиепископ Роберт и его французы бежали, некоторые на запад в замок Пентекост, а некоторые на север в замок Роберта; так что эти места, вероятно, как и замок Ричарда, были в руках норманнов, хотя из этого не следует, что они были построены из того материала или по той моде, которая тогда входила в Нормандии.

В "Domesday" упоминается непосредственно сорок девять замков, существовавших на дату исследования, и из них по меньшей мере тридцать три находились на местах, гораздо более древних, чем Завоевание; и из них по меньшей мере двадцать восемь обладали искусственными насыпями, подобными Арунделю и замкам в Нормандии. Однако "Domesday", как известно, капризен как в своих записях, так и в пропусках по таким вопросам, которые не были включены в его надлежащее представление, и его список замков почти так же неполный, как и список церквей. Ни то, ни другое не требовалось отмечать. "Из сорока девяти записанных замков, - говорит сэр Х. Эллис, - восемь, как известно, были построены самим Завоевателем либо на основании "Domesday", либо нашими старыми историками; десять были возведены крупными баронами, а один - подвластным графу Роджеру; еще одиннадцать, о строителях которых у нас нет конкретной информации, отмечены в "Обзоре" либо прямо, либо по косвенным признакам как новые". Факт, однако, заключается в том, что, хотя число реально упомянутых замков может составлять всего сорок девять, замков и кастельри (которые подразумевают наличие крепости) в "Domesday" названо пятьдесят два. Предполагается, что замки были построены самим Завоевателем: Линкольн, Рокингем, Уарем, два замка в Йорке, Дувр, Дарем, Лондон и Ноттингем, из которых четыре последних не упоминаются в "Domesday". Эксетер, также опущенный, обычно считается одним из замков Вильгельма, как и Стаффорд; который, однако, был построен и разрушен до даты исследования. "Terra de Stadford in qua rex percepit fieri castellum, quod modo est destructum", очень короткий период для строительства и разрушения каменной кладки. Мистер Пирсон, уделивший большое внимание теме нормандских замков в Англии, приводит результаты своих исследований в атласе, прилагаемом к его "Истории". Там он перечисляет сорок девять замков, принадлежавших королю и пятьдесят - его подданным, как существовавшие во времена правления Завоевателя. Из них, по крайней мере, тридцать восемь имеют курганы. Он также приводит список из пятидесяти трех, принадлежавших частным лицам в правление Вильгельма

Руфуса, из которых по крайней мере пять имеют курганы. Вероятно, в каждом классе их было гораздо больше. Колчестер, например, не включен, как и Фарнхем, и Беркхемпстеде.

Из девяноста девяти замков, перечисленных мистером Пирсоном как относящиеся к правлению Завоевателя, по меньшей мере пятьдесят находятся на старых местах. Это Арундел, Беркли, Брамбер, Кембридж, Карисбрук, Честер, Клэр, Клиффорд, Керлеон, Конингсбург, Дувр, Дарем, Данстер, Дадли, Ие, Юиас, Гилфорд, Гастингс, Хантингдон, Лонсестон, Лестер, Линкольн, Льюс, Л'ур, Мальборо, Монтакут, Норвич, Оксфорд, Певенси, Понтефрак, Кутфорд, Рэли, замок Ричарда, Рочестер, Рокингем, Шрусбери, Стригуил, Стаффорд, Стэмфорд, Тикхилл, Тонбридж, Трематон, Татбери, Вигмор, Виндзор, Уоллингфорд, Уорехам, Уорик, Вустер и Йорк. Почти столько же сомнительны, и, вероятно, не более двух или трех, таких как Ричмонд, Лондон и, возможно, Маллинг, были совершенно новыми. Дело в том, что все эти списки, какими бы ценными они ни были, показывая, какие замки были захвачены, перестроены или укреплены норманнами, не дают адекватного представления о крепостях, уже существовавших в Англии, и опускают десятки земляных сооружений, таких же больших и прочных, как те, что были заняты норманнами в Англии или оставлены ими в Нормандии, датированных задолго до правления Вильгельма, - вероятно, до конца десятого века. Если, как сказал Вильгельм Ньюберийский, замки - это кости королевства, то следует признать, что английский скелет был очень совершенным. Каждая часть Англии, большая часть Шотландии и доступные части валлийской границы были покрыты сильными местами, которые, несомненно, были защищены, и хорошо защищены, с палисадами, как более подходящими для земли, чем работа в каменной кладке, такая, которая более или менее использовалась для церковных целей. Если во время Завоевания ни одна английская крепость не устояла, это объясняется не тем, что такие места были менее способны к обороне, чем те, что находились в Нормандии, а тем, что Англия была раздроблена на части. Место Гарольда было слишком ненадежным, а несколько месяцев его правления слишком короткими, чтобы позволить его великим административным талантам проявиться; а его ранняя смерть оставила англичан без лидера. Власть других графов была локальной. Организованной оппозиции не существовало. Несмотря на утверждение Ордераика, что англичане - простые землепашцы, общительная и пьющая раса, они отнюдь не покорились норманнскому владычеству; но их усилия по борьбе за свободу, смело придуманные и галантно выполненные, были несвоевременными и плохо скомбинированными, и в результате были подавлены в деталях. В таких обстоятельствах крепости страны мало чем помогли. Дувр, Льюс, Арундел, Брамбер, Тонбридж, Рочестер, Гилфорд, Фарн хам, Уоллингфорд и Беркхемпстеде, если бы их мощные земляные укрепления были в силе, сделали бы продвижение Вильгельма слишком неосмотрительным, чтобы его пытаться предпринять; и то, что эти и другие недалекие позиции были хорошо выбраны, доказывает тот факт, что все они были приняты Завоевателем. Завоевание Англии стало возможным не из-за отсутствия сильных мест, а из-за отсутствия организации для их защиты.

Но каков бы ни был характер оборонительных сооружений, использовавшихся в Англии до прихода норманнов, несомненно, что с этого периода они претерпели значительные и, вероятно, быстрые изменения, хотя и не столь стремительные, как принято считать. Норманны, которые так долго, как и англичане (вероятно, в силу своего общего происхождения), использовали крепости с рвами и палисадами, приступили к осуществлению в Англии тех важных усовершенствований, которые они уже начали в Нормандии. Главной целью Вильгельма, завоевавшего страну, было закрепить свое завоевание; и, получив во владение каждую часть королевства или каждый столичный город, он первым делом рассматривал ее с военной точки зрения и приказывал построить

такие укрепления, которые были бы необходимы для ее удержания. Насколько полно при этом он следовал по стопам предшественников, видно из того, что он нашел и что сделал для прикрытия Лондона и поддержания его сообщения с морем. Так, он нашел и укрепил замки в Чичестере, Арунделе, Брамбере, Льюсе, Гастингсе и Дувре. На своем пути он нашел и укрепил Кентербери, Тонбридж, Рочестер и Райгейт. В Лондоне он основал Тауэр, совершенно новое сооружение; но для обороны бассейна Темзы он доверился древним местам Гилфорда и Фарнхема, возможно, Рединга, и, конечно, Уоллингфорда и Беркхампстеда. И так по всему королевству такие крепости, которые были центральными, находились на хороших военных позициях, обладали необычной силой или располагались на древних землях короны, были захвачены или перестроены для государя; но каждому барону или главному арендатору было позволено - и, действительно, сначала ожидалось, и, без сомнения, он был достаточно готов, - построить замки для безопасности выделенных ему земель, что в подавляющем большинстве случаев означало перестроить оборонительные сооружения своих английских предшественников. Это происходило под давлением обстоятельств; ведь Вильгельм, похоже, всегда осознавал опасность объединения обширных наследственных юрисдикций и даже с самого начала предполагал управлять графствами через вмешательство *вице-комитов*, или шерифов, которые назначались и могли быть смещены по своему усмотрению. Но поначалу в некоторых округах эта политика была отложена; хотя уже тогда Вильгельм дал понять, что главные замки королевства, кем бы они ни были построены, являются королевскими замками; и их фактическое приобретение всегда было важной частью политики как его, так и его преемников, пока замки имели значение. Так, Виндзор, Кембридж, Эксетер, Корф, Уорем, Винчестер, Порчестер, Саутгемптон, Кэрисбрук, Кентербери, Дувр, Линкольн, Рокингем, Ноттингем, Стаффорд, Гилфорд, Уорик, Мальборо и Йорк с самого начала были королевскими замками. Уоллингфорд, Глостер, Бристоль, Оксфорд, Татбери, Вустер, хотя и были построены подданными, но не в меньшей степени принадлежали короне. Даже Дарем, хотя и принадлежал епископам, а Лестер, Линкольн и Хантингдон - лордам этих графств, время от времени оказывался в руках короны, чьи права на них носили гораздо более прямой характер, чем те, на которые она претендовала в отношении земель и других феодальных владений тех же лордов.

Арундел, Шрусбери, Монтгомери, Бридженорт и некоторые менее важные крепости отошли к короне после свержения дома Тальва; вместе с этим событием ряд замков на валлийской границе, построенных арендаторами графа Роджера, стали *fiefs in capite*, напрямую зависящими от короны. Кроме них, в Англии сохранилось около сорока или пятидесяти замков, построенных местными баронами, которые, когда это было выгодно короне, переходили в ее собственность, ремонтировались и содержали гарнизоны за ее счет.

Почти все замки, существовавшие во времена правления Завоевателя и его сыновей, хорошо известны, а от многих сохранились фрагменты кладки. Что очень примечательно, так это то, что из этой кладки мало что можно отнести к периоду правления Завоевателя или Вильгельма Руфуса, то есть к одиннадцатому веку. К этому периоду, безусловно, относятся Лондон и Маллинг, Гилдфорд, Брамбер, Карлайл, ворота Эксетера, нижняя часть Чепстоу, крепости Честера, Годериха, Уолдена, Вулси, Колчестера и Ньюкасла, хотя последняя выглядит более поздней, чем ее зафиксированная дата. Ньюкасл, вероятно, находился на месте более раннего замка; по крайней мере, запись в Столетних списках (ii., 119), - "Juratores dicunt quod Vicecomes ... fecit quandam inquisitionem ... super motam castri predictæ villæ", - выглядит именно так. Есть некоторые основания рассматривать крепость в Маллинге как самое раннее норманнское военное сооружение, сохранившееся в Англии, и как работу Гундульфа, архитектора Тауэра. Северная башня или башня Гундульфа в Рочестерском

соборе построена тем же великим строителем и, возможно, предназначалась как военное сооружение: если это так, то она может стоять в одном ряду с Маллингом. Вероятно, здесь есть и другие памятники этой ранней кладки, но их немного. Дувр, Рочестер, Порчестер и Хедингем, одни из лучших наших примеров, несомненно, более поздние. Часть Даремского замка, несомненно, относится к эпохе Завоевателя; но крепость-ракушка была перестроена, и сомнительно, что первоначальная работа соответствовала возрасту ранней норманнской часовни и зала, пристроенных к ней. Если говорить в целом, то те замки в Англии, которые относятся к так называемому нормандскому периоду, слишком поздние, чтобы быть работой Завоевателя или его личных последователей, и слишком ранние, чтобы допустить, что предшествующая работа в нормандской кладке (обычно надежной и прочной) была построена и сметена. Каково же решение этой проблемы? Какого характера и из какого материала было подавляющее большинство замков, которые Вильгельм приказал построить? Какого характера были те, что упоминаются в "Domesday"?

То, что Вильгельм приказал построить много замков, не вызывает сомнений; среди распоряжений, оставленных епископу Одо и Уильяму Фиц Осборну, когда они выступали в качестве совместных регентов королевства, было одно, в котором им поручалось следить за строительством замков; и, несомненно, эти распоряжения выполнялись. Но было поспешно принято считать, что построенные замки были каменными. Например, крепости Дувра и Рочестера (если они были возведены при Завоевателе), конечно, не были теми, что стоят сейчас и относятся к эпохе правления Генриха II; так же как и Норвич, и, вероятно, Ноттингем, ныне разрушенные. И все же каменная кладка времен правления Вильгельма была очень прочной, что видно по лондонскому Тауэру и нескольким до сих пор стоящим церквям. Также говорится, что Вильгельм "хранил в замках прочные стены, бывшие галлийские камни, к которым относились с доверием и добродетелью". Это очень похоже на то, что сначала кастеляны, во всяком случае, были назначены ответственными за существующие замки; что должно означать, что в большинстве случаев заключались какие-то временные соглашения, и существующие сооружения укреплялись до тех пор, пока не наступало время заменить их другими, более соответствующими новым представлениям о прочности и безопасности.

Вильгельм и его бароны, очевидно, использовали два класса замков: один всегда был каменным, а другой очень часто деревянным. Если замок строился на новом месте, как в Лондоне, или там, где не было насыпи, естественной или искусственной, они использовали каменную кладку и, как правило, выбирали для замка прямоугольную форму - тип, который, как говорят, был привезен из Мэна, и который можно увидеть в Арке, в Кане и в Фалезе; Но там, где место было старым и имелся курган, как в Линкольне, Хантингдоне, Рокингеме, Уоллингфорде или Йорке, они, похоже, довольствовались ремонтом существующих сооружений, обычно только деревянных, и откладывали замену их обычным панцирем до более удобного сезона, который во многих случаях не наступал в течение столетия.

Но и эта отсрочка не была очень серьезной, поскольку местные крепости, если они были хорошо укреплены, были сильны, по крайней мере, в течение ограниченного времени. Известны случаи нападения датчан на Таустер, Бедфорд и Вигмор; но все они, от которых остались земляные укрепления, не были крепостями первого класса и, конечно, не могли вместить и ста человек, - даже если бы был занят базис-корт, более чем в три раза больше, - а датская армия вряд ли могла быть менее чем в десять раз многочисленнее. Однако факт остается фактом: такой курган, как Арундел или Тонбридж, обнесенный палисадом, мог удерживаться в течение короткого времени тремя или четырьмя десятками решительных мужчин против резкой атаки любого количества людей, вооруженных так, как были

вооружены люди в десятом и одиннадцатом веках. Несомненно, башни из каменной кладки были более надежными, так как меньше зависели от бдительности гарнизона, меньше подвергались обстрелу и не могли быть захвачены врасплох. Но норманны были крепкими солдатами, хорошо дисциплинированными, и с самого начала не могли ожидать от восставших англичан никакой передышки.

Среди замков, которые Вильгельм приказал построить, одним из самых важных был Йорк. Приказ был отдан летом 1068 года; известно, что новый замок должен был располагаться на старом английском месте, где находилась насыпная гора первого класса, возвышавшаяся и защищенная с одной стороны римским городом, а с другой - болотами и водами Оуза и Фосса. Гарнизон замка Вильгельма должен был состоять из трех вождей и пятисот рыцарей, что подразумевало наличие значительного войска. Поэтому его территория должна была быть просторной и, несомненно, включала в себя вместе с курганом его обширный цокольный двор, который можно увидеть в наши дни. В 1069 году замок был атакован восставшими горожанами, и уже тогда его можно было удержать, и он удерживался, пока Вильгельм не пришел на помощь. Тогда он приказал построить второй замок на холме Бейл, который до сих пор можно увидеть на противоположном или правом берегу реки; строительство было завершено за восемь дней, прежде чем он покинул город. Через несколько месяцев, перед сентябрем 1069 года, горожане при поддержке датчан снова напали на замки и сожгли их, которые в 1600 1069-70 годах были снова возобновлены. Теперь Йорк был метрополией самой недовольной половины королевства. Там, если где-либо, желательно иметь каменный замок, и камень можно было легко доставить по воде; и все же Йоркский замок был построен и сделан способным к обороне за несколько месяцев, а его вспомогательная крепость - за восемь дней; и оба вскоре после этого были взяты и сожжены, и сразу же приказано их восстановить. Из времени, которое заняла вся последовательность событий, ясно, что эти замки не были каменными. Более того, кладка нынешнего Йоркского замка не содержит ничего, что можно было бы отнести к одиннадцатому веку, но многое слишком рано, чтобы заменить действительно основательный замок или куртину норманнской эпохи, если бы таковые были построены. На огромной искусственной насыпи Бейл-Хилл, месте второго замка, нет ни следов, ни традиций какой-либо кладки.

Строительство нормандского замка требовало времени и денег. Архитекторы, смотрители и, вероятно, каменщики должны были быть привезены из Нормандии, а во многих случаях и камень для внешней отделки; и поскольку большинство существующих квадратных замков и почти все замки-раковины относятся к двенадцатому веку, кажется вероятным, что Завоеватель в какой-то степени довольствовался такими оборонительными сооружениями, какие он нашел в Англии; усиленными, без сомнения, очень существенно благодаря превосходному мастерству и ресурсам его инженеров. Это вполне согласуется с тем фактом, что искусство строительства замков, начиная со строительства Белой башни, претерпело большие и довольно быстрые изменения. Как замечает Мэтью Пэрис, "*ad castra quoque construenda, rex antecessores suos omnes superabat*", это правда о Вильгельме, как в Нормандии, так и в Англии; и он, несомненно, как нам сообщает Вильгельм из Юмьежа, "*tutissima castella per opportuna loca stabilavit*". Ланфранк, написав Роджеру, графу Херефорда, перед его восстанием, заверяя его в доверии Вильгельма, добавляет: "*et mandat ut quantum possumus curam habeamus de castellis suis, ne, quod Deus avertat, inimicis suis tradantur*"; и в последующем восстании, когда Ральф Гуадер обнаружил, что люди замков против него, он оставил свою жену и детей, чтобы заключить соглашение из замка Норвич, а сам бежал. Депеша Ланфранка сообщает Вильгельму: "*Castrum Noruuich redditum est, et Britones qui in eo erant et terras in Anglia terra habebant, concessis eis vita et membris*." Кроме

епископа и графа Варрена, в замке находилось триста "лорикатов", арбалетчиков и множество мастеров по изготовлению военных машин. Тот же прелат обвиняет епископа Уолчера из Дарема: "Castrum itaque vestrum, et hominibus, et armis, et alimentis vigilantia cura muniri facite."

Замки, несомненно, были в распоряжении Вильгельма, многочисленные и сильные. Здесь утверждается лишь то, что, как бы он ни хотел, Вильгельм смог построить лишь несколько замков, подобных Лондону или Дарему, и что большинство из тех, что сохранились и демонстрируют нормандский стиль архитектуры, относятся к концу одиннадцатого, а большее число - к двенадцатому веку. Но если Вильгельм и не построил так много замков, как предполагается, то он и его последователи, несомненно, восстановили и заняли огромное количество, на месте которых те, кто пришел сразу после него, построили сооружения, руины которых мы видим сейчас.

Многое можно узнать из рассмотрения положения этих крепостей. Получив во владение каждый район, Вильгельм первым делом распорядился подготовить такие опорные пункты, которые могли бы понадобиться для его удержания. Но очевидно, что на него влияло и другое соображение: он хотел, чтобы его считали законным наследником Исповедника, а не завоевателем королевства; и, насколько это соответствовало его собственной безопасности, он старался управлять древними законами и оставить ненарушенными древние владения и частные владения, и даже английских владельцев. Правда, из-за сильного национального недовольства, проявлявшегося в неоднократных восстаниях и общем потоке недоброжелательства, признаками которого они являлись, он быстро убедился, что об этом не может быть и речи. Но даже изгоняя местных магнатов, он старался, насколько это было возможно, связать новых людей с прошлым, надеясь (что было вполне обосновано), что вскоре "successores et antecessores", как они названы в "Domesday", будут рассматриваться как часть непрерывной линии, - например, граф Роджер как представитель Эдвина Шрусберийского, Хью Люпуса Моркарского и Уильяма Фиц Осберна Ральфа, графа Херефорда при Исповеднике.

И эта политика особенно ярко проявляется в местах расположения замков. В тех случаях, когда этого требовали обстоятельства, выбиралось совершенно новое место; но это случалось крайне редко и, вероятно, не более чем в полдюжине случаев, если не более чем в Лондоне и Ричмонде. Обычно выяснялось, что английский лорд присоединял к своему поместью земляное сооружение, на котором он и его предки жили веками, которое отождествлялось с поместьем или районом и вызывало уважение и доверие у окрестных арендаторов. Удивительно, насколько полно были заняты ведущие позиции в стране. Перевалы на возвышенностях, берега рек, вершины отдельно стоящих холмов, где к ним был удобный доступ, места, укрепленные скалами, оврагами, обширными или труднодоступными болотами. В каждом из них были свои *аулы*, где целая череда лордов отождествляла себя со своим народом, предоставляла ему защиту и получала в ответ поддержку. Гилдфорд, Фарнхэм и Беркхемпстед располагались в расщелинах мелового пояса, которым опоясан Лондон; Хартфорд, Бедфорд, Уоллингфорд, Тэмворт, Вустер, Шрусбери, Дарем и Йорк - на берегах глубоких или быстрых рек; Виндзор, Бельуар, Линкольн, Корф и Монтакут - на вершинах более или менее обособленных холмов, откуда открывался широкий обзор страны; Дувр, Скарборо и Бамборо, расположенные на изрезанных и возвышенных морских скалах, отделенных глубокими и грозными оврагами; Хантингдон, Кембридж, Эли и Оксфорд, более или менее покрытые болотами, в то время почти непроходимыми; в то время как крепости Эксетер, Лестер, Винчестер, Честер, Чичестер, Таунтон, Йорк, Норвич и Ноттингем были прикреплены и расположены так, чтобы возвышаться над соседними городами или

поселениями. Каждая из них, включая многие, принадлежавшие короне, представляла собой английское поместье. Многие из них издавна несли военную службу, а теперь в них были введены рыцари и бароны из Нормандии, лейтенанты и губернаторы короны.

Пока политика была разумной и обещала быть успешной, но когда новые лорды начали строить каменные замки, они стали неприятны и государю, и народу. Владелец сильного замка всегда был готов к восстанию и нередко становился тираном даже по отношению к собственному народу, от которого это делало его независимым: поэтому замки, как их правильно называть, - здания из каменной кладки - были ненавистны и королю, и народу. Старомодная резиденция, наполовину особняк, наполовину крепость, сложенная из земли и дерева или, в лучшем случае, из грубой каменной кладки, подобной той, которую Скотт скорее по интуиции, чем на основании исследования, приписывает саксонскому Седрику, была сильна, если удерживалась храбрецами в достаточном количестве в течение короткого времени; но при обычных обстоятельствах на нее легко можно было напасть и поджечь. При норманнах эти укрепленные резиденции вышли из моды и стали не использоваться. Английские лорды были одного рода со своими арендаторами; и если они иногда теснили их, то делали это так, как человек нежно теснит свою собственную дойную корову. Но каменный замок принадлежал чужаку, чей язык, оружие и доспехи были чужды людям, и они боялись и ненавидели его. Нормандский замок был чисто военным сооружением. Он был силен не только при наличии гарнизона, но и в пассивном состоянии; когда мост был поднят, а ворота закрыты, он всегда был в безопасности против врага, не оснащенного военными двигателями. Огонь, обычное и готовое оружие жителей, против такой стены, как Кардифф (40 футов высотой и 11 футов толщиной), или против такого Тауэра, как Лондонский, ничего не мог сделать. Гарнизон, состоявший в английские времена из арендаторов лорда, при норманнах нередко состоял из наемников - людей без правды и совести, которым не доверяли даже их наниматели, чьим ремеслом была война, а выгодой - грабеж, и примером которых был Морис де Браси. "Quot domini castellorum", говорилось, "tot tyranni". Неудивительно, что норманнские замки стали считаться символом восстания, с одной стороны, и тирании - с другой.

Хотя личное внимание Завоевателя неизбежно ограничивалось главными и центральными городами Англии - Эксетером, Глостером, Ноттингемом, Линкольном, Йорком или Даремом, его западная граница не была оставлена без внимания, хотя он был вынужден поручить ее обычную оборону другим. Уэльсцы, закаленные веками постоянных войн, упорно удерживали свою полосу горной земли между дамбой Оффы и морем и были постоянно начеку, чтобы испортить другой, более плодородный участок, который лежал между дамбой, Северном и Ди, известный как Марч. Среди баронов Марча лидировали Роджер Монтгомери и Хью д'Авранш, граф Честер, которому последующие поколения дали фамилию "Волк". *Капище* этого последнего графа, защищенное глубокой и быстрой рекой Ди, располагалось под одним из углов старого римского замка; а замок графа Роджера, опоясанный извилинами Северна, был почти неприступной цитаделью. Из этих крепостей великие графы осуществляли более чем царскую власть над графствами Салоп и Херефорд, составлявшими Средний Марч. Пограничные бароны, их феодалы, не получали мирного наследия; но постепенно они овладели более древними английскими владениями на границе, а вместе с ними и крепостями, с помощью которых в мерсийские времена валлийцы так долго держались в узде. О том, что их было много, свидетельствуют остатки земляных сооружений; а о том, что они были сильны и хорошо держались против валлийцев, говорят английские названия вдоль и за границей. Однако "Domesday", составленный после того, как граф Роджер владел графством Шрусбери около двенадцати лет, упоминает только четыре замка на его границе - Освестри, Монтгомери, Шрусбери, Стэнтон или замок Холгейт, а также дом

графа в Кэтфорде. Бридженорт и Каррегова были построены несколькими годами позже, в правление Руфуса; но Бридженорт представлял собой бург Этельфледа, остатки которого, возможно, можно увидеть в Олдбери, как и земляные укрепления еще более мощного типа, фактически использованные графом Роджером в Кэтфорде. Кроме того, в Уотлсборо и Клуне можно увидеть прямоугольные норманнские крепости, а еще одиннадцать или двенадцать замков в этих районах упоминаются в записях уже при Генрихе I. В целом, к концу двенадцатого века в одном только графстве Салоп насчитывалось от пятидесяти до шестидесяти замков. И хотя каменную кладку этих замков или тех из них, что сохранились, очень редко можно отнести к норманнскому периоду, земляные сооружения показывают, что они существовали как крепости задолго до этого времени; Поэтому представляется несомненным, что здесь, как и в других частях Англии, граф Роджер и его бароны максимально использовали те сооружения, которые попадались им под руку; это в равной степени относится и к Честерскому пфальцу, и к южным Марчам, где также норманнские замки с большим или меньшим интервалом занимали место крепостей английского типа.

ГЛАВА IV.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЗАМКОВ ПРИ ПРЕЕМНИКАХ ЗАВОЕВАТЕЛЯ.

Весьма примечательно, что замки не заняли даже случайного, более заметного места в "Domesday Survey", поскольку они составляли очень важную особенность страны; были тесно связаны, по большей части, с земельными владениями; и имели большое политическое значение. Ни один великий барон не имел замка в каждом из своих главных владений, и ни один епископ не мог быть уверен в своей личной безопасности, если не был обеспечен таким замком. После смерти Завоевателя именно владение Винчестерским замком передало Вильгельму Руфусу королевские сокровища, позволило его сторонникам приобрести замки Дувр и Гастингс и, таким образом, в начале его царствования обеспечить безопасное сообщение с Нормандией. Король, правда, имел на своей стороне народ и был обязан своим успехом его поддержке, но бароны его партии во многом зависели от своих крепостей. Архиепископ Ланфранк удерживал Солтвуд, который, как показывают земляные работы, даже в то время был сильным; Уиллам де Уоррен владел Льюсом, Райгейтом и сильным холмом Конингсбург в Йоркшире; Честер принадлежал графу Хью, которого поддерживали пятнадцать баронов, каждый из которых имел свой замок; а в Северном Уэльсе граф владел Диганви, который, прикрытый спереди водой Конви, закрывал проход к морю из этого агрессивного района. Вместе с графом и на стороне Руфуса выступал Роберт де Тиллиол, владевший Флинтом и Руддланом, а также Скалеби и другими замками на шотландской границе; епископ Вулстан, представлявший английские настроения, удерживал свой епископский замок Вустер против Урсо д'Абитота и стаи марчерских баронов, переправившихся через Северн, чтобы напасть на него.

Тем не менее, лорды замков в большинстве своем были на стороне герцога Роберта. Среди них были Алан Черный и Рибальд, его брат, лорды Ричмонда и Миддлхэма; Стивен Холдернесский, крепко державший приморскую скалу Скарборо; Моубрей, Джеффри, епископ Кутанса, юстициарий Завоевателя и отличный воин; и Роберт Моубрей, сын его брата, державший неприступную скалу Бамбург и большой замок Акшолм в болотах Линкольншира; оба были сильны, хотя и по-разному. С ними был могущественный граф

Роджер Шрусберийский со своим пограничным отрядом, а позднее Роберт де Белесме, его преемник, строитель Бридженорта и Карреговы, а также верховный лорд многих пограничных замков. На западе герцога Роберта поддерживал Бернард Ньюмарч, владевший замками Брекнок и Билт, а также большим и укрепленным участком Монмутшира; с ним были Уильям из Бретеяля, сын Уильяма Фиц-Осборна и лорд Херефорда; Роджер де Лейси из Эвиаса; Уильям граф Эу, владелец крепкой скалы Гастингс, который в то время держал замок и обнесенный стеной город Глостер. Кроме этих великих вождей, на той же стороне находились Ральф Мортимер из Вигмора; Уолтер Гиффард, чей замок на одном берегу букингемширского Оуза в сочетании с аналогичной насыпью на другом командовал городом и рекой; Ральф Гуадер, владевший Норвичем; и Хью Бигот, его преемник, лорд Фрамлингема, после Норвича самого сильного места, как в земляных, так и в каменных сооружениях, в Восточной Англии. Между Бристолем и Батом Моубрей опустошали страну вплоть до башни Берклинес, нынешний замок тогда был лишь земляным сооружением; с ними были Хью де Грайнтмайнснел, владевший замками Хинкли и Лестер, и Уильям де Карилеф, сначала один из главных советников Вильгельма, но затем переметнувшийся на другую сторону, что стало возможным благодаря его владению крепостью Дарема. Епископ Одо, владевший Рочестерским замком (уже тогда очень сильным), а вместе с ним и проходом через Медуэй, поставил там Юстаса Булонского; а сам, со своим братом графом Робертом и пятью сотнями рыцарей, удерживал римский Певенси, укрепленный курганом и некоторыми другими английскими земляными дополнениями.

Однако Руфус, обладавший гораздо большей энергией, чем его брат Роберт, имел на своей стороне и народные чувства, что позволило ему выступить даже против этой мощной комбинации. Он осадил Певенси и взял его после семинедельной осады. Затем он атаковал и взял Рочестер, и, наконец, Тонбридж, удерживаемый Гилбертом Фиц-Ричардом, следствием успеха которого стало изгнание епископа Одо. Роберт Моубрей был отбит перед стенами замка Илчестер, который теперь был полностью разрушен; а епископ Уильям был вынужден сдать Дарем. Карлайл, опустошенный датчанами в 877 году, получил от Руфуса замок и крепость, которые стоят до сих пор; а Ньюкасл, который также был захвачен в 1080 году, сохранил крепость и сторожку с некоторыми следами наружной стены. В 1098 году 600 Малькольм Шотландский, муж святой Маргариты, был убит перед Алнвиком, который тогда был более известен как Мюрилден; а Моубрей был изгнан из замка Тайнволд обратно в Бамбург, который, похоже, был окончательно взят с помощью "мальвуазина", который в данном случае, очевидно, был укрепленным лагерем, разбитым к западу от замка, и использовался, вероятно, в качестве штаба блокады. В это царствование также было завершено завоевание Южного Уэльса и заложен фундамент цепи замков от Глостера и Херефорда до Пемброка, основными звеньями которой были Чепстоу и Абергавенни, Керлеон и Кардифф, Билт и Брекнок, Керкеннен, Кермартен, Кардиган, Тенби и Кэрю. Насколько сразу эти валлийские замки были построены из каменной кладки, точно неизвестно. Кроме Чепстоу, только два или, самое большее, три, а также подчиненные им Огмор, Пенлайн и Ньюкасл демонстрируют явные норманнские черты; но как бы то ни было, ни Фиц-Хамон, ни Ньюмарч, ни Арнульф Монтгомери перед лицом столь грозных врагов не могли довольствоваться обороной, ни в чем не уступающей сильнейшей на тот момент.

Правление Генриха I было богатым на замки. Вероятно, именно ему принадлежит большая часть сохранившихся до наших дней прямоугольных замков, при строительстве которых он довел до конца планы, набросанные его отцом, а его брат был слишком занят и слишком нагружен, чтобы взяться за дело. В это правление, особенно в период с 1114 по 1121 год, было завершено строительство большинства валлийских замков. Замки Бристоль и Кардифф были построены Робертом графом Глостером. Епископ Роджер Солсберийский построил

Шерборн, Солсбери, Девайзес и Малмсбери, а его брат Александр Линкольнский - Слефорд и Ньюарк. "Castella erant crebra per totam Angliam". Большинство из них были большими и крепкими, сильно отличаясь от поспешных и нелегальных построек последующего царствования.

Генрих, как и Руфус, начал свое правление со взятия Винчестера с его сокровищами. Фламбард, которому были доверены великие епископские замки Дарем и Норхэм, был заключен в лондонскую тюрьму. В 1101 году Роберт Малет и Роберт де Лейси были объявлены вне закона, и Генрих получил их замки в Йоркшире и Саффолке; а в 1102 году Иво де Грайнтмайснел был изгнан из своего кургана в Хинкли и вынужден был бежать из страны. Кроме того, король получил в виде конфискации замки Уильяма де Варенна, хотя впоследствии они были восстановлены. В 1103 году Генрих наложил руку на замок Арнульфа де Монтгомери в Пемброке и на владения Роберта Пуату, его брата, расположенные между Рибблом и Мерси (). Смерть Уильяма графа Мортейна принесла почти неприступный холм-замок Монткут, а также Трематон, Лонсестон, Тинтагель, Боскасл, Рестормель и другие корнуоллские крепости. Падение Роберта де Белесма дало короне замки Арундел - меньший Виндзор по своему плану и едва ли уступающий ему по положению; Шрусбери, курган которого до сих пор возвышается над Северном и затмевает даже обширную и нелепую железнодорожную станцию у его подножия; Бридженорт, где фрагмент крепости показывает, чем она, должно быть, когда-то была; и Каррегова, следы которой почти стерлись. Белесме удалился в Нормандию, где, как говорят, был повелителем тридцати четырех замков; но осколки его власти лишь подтолкнули его к дальнейшему восстанию, и он закончил свою жизнь пленником и изгнанником на крепостной горе Варегем.

В частных руках все еще оставалось значительное количество замков, владельцы которых сочли удобным уступить и таким образом сохранить часть своего влияния. Такими были Борн в Линкольншире; Мальтон, принадлежавший Фиц-Джону, в Йоркшире; Бодерсерт в Уорикшире; епископские замки Ньюарк и Слефорд, а также Окхэм. Кроме того, в Хэмпшире был Уорблингтон, а в Камберленде - Эгремонт и Кокермут.

В результате восстания 1118 года Генрих получил замки Хью де Гурнея на западе, Стефана Альбемарльского в Скарборо, Юстаса Бретеяского, Ричарда де л'Эйгл и Генриха графа Эу, а также замки Моубрей в Тирске, Мальзерде и Бертоне в Лонсдейле. Почти все приобретенные таким образом крепости Генрих оставил в своих руках, и Сугер утверждает, что в Нормандии главные замки были им либо разрушены, либо удержаны: "Fere omnes turres et quaecunque fortissima castra Normanniæ ... aut eversum iri fecit ... aut si dirutæ essent propriæ voluntati subjugavit." В обеих странах он наложил руки на замки; но если преступники владели ими в обеих странах, то конфискация наиболее жестко применялась именно к тем, что находились в Англии. Исключение составил Уильям де Румар, которому было позволено удерживать Линкольн; аналогичную защиту получили Ральф де Конш, Уильям де Танкарвиль, Уильям де Варенн, Уолтер Гиффард и Уильям д'Альбини. Среди их замков были Райгейт, Льюс, Конингсбург, а также Касл-Райзинг, Букингем и Арундел.

Говорят, что сам Генрих не построил ни одного нового замка. Это вполне вероятно, поскольку все значимые места были заняты его отцом; но не исключено, судя по внутренним свидетельствам, предоставленным их остатками, что он завершил те из замков своего отца, которые остались незавершенными. Из баронских замков великая крепость Кенилворт, безусловно, самое важное укрепленное место в графствах Мидленда, была построена в это царствование, хотя, весьма вероятно, на английском месте, основателем дома Клинтонов. В это же время, вероятно, были построены замок Нортгемптон Симоном де Сент-Лиз, а также Старый Сарум и Одихэм епископом Роджером. Замок Сент-Бриавель, ныне разрушенный,

был восстановлен или построен из каменной кладки; а Ральф Фламбард заложил фундамент и, похоже, завершил строительство замка Норхэм.

Исход борьбы между Матильдой и Стефаном во многом зависел от замков, которыми владел каждый из них. Именно благодаря захвату Винчестерского замка и его сокровищ Стефан смог отпраздновать свою коронацию в соседнем соборе. Именно под стенами замка Рединг, расположенного между реками Кеннет и Темза, он доверил себе встретить приверженцев Матильды и вместе с ними положить труп ее отца перед алтарем основанного им великого аббатства, руины которого давно пережили руины его светского соседа. Из Оксфорда, укрепленного стеной города и частично обнесенного водой, Стефан издал свою первую хартию, полную обещаний своим новым подданным; затем он отправился в Дарем, один из сильнейших замков Севера, чтобы встретиться с Давидом Шотландским, который опустошил границу от Карлайла до Ньюкасла, взял Алнвик и Норхэм, хотя и потерпел поражение перед Уорком и Бамборо. Одной из главных уступок Давида был замок Ньюкасл. С другой стороны, он добился утверждения за ним Карлайла, долгое время являвшегося воротами Шотландии. Эти два замка, расположенные по одному на каждом конце линии Севера и Адриана, все еще достаточно совершенны, как и неприступный Бамбург, норманнская крепость которого во времена Стефана была новой.

Из Оксфорда, все еще остававшегося его центральным оплотом, по возвращении на юг Стефан передал свою вторую хартию, менее четкую в своих обещаниях, поскольку опасность его положения казалась менее насущной. В 1136 году, когда стало известно о его смерти, именно доверие к сильным замкам Эксете́ра, Плимпто́на, Оксге́мптона, Норвич, Фрамлинге́ма и Банге́я побудило Болдуина де Редверса и Хью Бигота подняться на борьбу. Бат тогда имел свой замок и был обнесен стеной. Стивен осадил и взял замок, а затем с двумя сотнями лошадей поскакал к Эксете́ру, где находилась цитадель Ружмон, сильная и хорошо гарнизонированная. Осада была замечательной, а боевые машины, использовавшиеся как внутри, так и снаружи, отличались грозным характером. Горожане были со Стефаном, поэтому атака велась по городскому фронту. Одним из пунктов атаки был мост через город, который все еще стоял. Был сооружен "мальвуазин", откуда на гарнизон сыпались камни; стены были разрушены, а башни сильно пострадали. В конце концов колодец иссяк, и гарнизон сдался на определенных условиях. Плимpton также капитулировал, а Норвич был взят.

По прибытии Стефана из Нормандии в 1137 году он захватил замки Борн, Уарем и Корф, два последних удерживали Фиц-Алеред и Редверс. Второе восстание в 1138 году, приуроченное к вторжению шотландцев, в некоторой степени зависело от прочности замка Бедфорд, включавшего в себя пару насыпных холмов на противоположных берегах Оуза, один из которых был полностью разрушен, а другой остался лишенным каменной кладки и изрядных размеров. Этот замок удерживали сыновья Мило де Бошампа, его владельца, и сдался он только после долгой и суровой осады, которую вел лично Стефан и которая закончилась блокадой. Оборона была очень умелой, и сдача произошла на справедливых условиях.

Тем временем Дэвид, связывая интересы Матильды со своими собственными претензиями на большое графство Хантингдон, дважды пересекал границу весной 1128 года, отступая при приближении Стивена, но в третий раз возвращаясь в августе. Он взял Норхэм и сильно повредил его великолепный замок, построенный епископом Фламбардом в 1121 году, - благородные руины, которые до сих пор нависают над Твидом и хранят множество исторических воспоминаний. Бамбург, Алнвик и Мальтон были захвачены Юстасом Фиц-Джоном для Стефана. Части стены и внутренних ворот Алнвика относятся примерно к этому времени, но Мальтон исчез, хотя более ранний римский лагерь еще можно проследить.

Продвижение Дэвида также было остановлено Клитероем, очень сильным замком, норманнская крепость которого, одна из самых маленьких сохранившихся, венчает вершину почти неприступной скалы.

В этот период положение Стефана было наиболее критическим. Против него, в Уэльских маршах, Тальбот удерживал Годерич и Херефорд, а Ладлоу и Дадли, Шрусбери и Уиттингтон находились в руках Паганеля, Фиц-Алана и Уильяма Певереля. На юге против баронов Сомерсета выступили Уильям де Мохун из своего Данстера, сильного естественным путем и с помощью искусства, и Фиц-Джон из Харптри, замка в дефиле Мендипса, а Маминот удержал и сильно укрепил Дувр. Стивен, однако, был активен и храбр. Оставив архиепископа Турстана собирать и подбадривать своих северных сторонников, он сам отправился на юг, укрепил гарнизон Бата и пригрозил Бристолу. Затем он вошел в Сомерсет, взял в осаду резиденцию Ловела замок Кэри, земляные укрепления которого покрывают склон холма; захватил врасплох Харптри, а затем с удвоенной силой двинулся на Херефорд, который завоевал, а затем вернул старую английскую и английскую крепость Пенгверн или Шрусбери. Один только Бристоль устоял, укрепившись в своем недавно построенном замке и в присутствии Роберта графа Глостера, его строителя.

Битва при Штандарте" (1138 г.) произошла в открытом поле под предводительством д'Аумалья, но свое название она получила от Норт-Аллертона, где, пересекаемые железной дорогой, до сих пор видны грозные земляные укрепления, гораздо более древние, чем возвышавшийся над ними замок епископа Пьюзета, который впоследствии был полностью разрушен Генрихом II. К победе при Норт-Аллертоне добавилось взятие Дувра королевой Стефана. Замок Карлайл все еще оставался во владении короля Давида, и тогда он возобновил войну, а в следующем году получил для своего сына Генриха графство Нортумберленд, за исключением, однако, замков Ньюкасл и Бамбург.

Когда в 1139 году из-за смены политики Стивен лишился поддержки духовенства, возглавляемого его честолюбивым братом, епископом Винчестерским, первый удар был нанесен по епископским замкам. Из них Девайзес, Шерборн и Малмсбери принадлежали епископу Роджеру из Сарума. Малмсбери - епископальное посягательство на соседнее аббатство - был полностью делом рук епископа и теперь полностью разрушен. Шерборн, очень древняя епископская резиденция, до сих пор сохраняет свои ранние земляные сооружения, а также крепость и сторожку работы епископа Роджера; и хотя от круглой крепости Девайзес осталось лишь несколько фрагментов, земляные сооружения (самые грандиозные в Англии) показывают, что она вполне могла заслужить свою великую славу. Стефан захватил и Ньюарк-апон-Трент, который до сих пор восхищает своим возвышенным и вытянутым фасадом, а также великолепным нормандским входом. Вместе с Ньюарком пал и Слефорд, построенный епископом Александром Линкольнским, племянником епископа Роджера, также великого строителя замков. Слефорд был полностью разрушен, и, будучи полностью построенным после завоевания, почти не имел земляных работ, чтобы сохранить память о себе.

Среди событий этого важного года - взятие Стефаном замков Ноттингем и Мальборо, нападение на Ладлоу, появление на сцене его соперницы, императрицы Матильды, и осада Арундела, в котором она укрылась вместе с д'Альбини и королевой Аделизой, его женой. Ноттингема больше нет. От Мальборо остался лишь изящный курган, на котором стоял его круглый замок. Большая часть Ладлоу, особенно его прямоугольная крепость, сыграла свою роль в осаде Стефана, как и часть существующей внешней стены, откуда был брошен крюк для захвата, которым король зацепился и был затащен на крепостные стены, когда его спас шотландский принц Генрих. Арундел сохранил свои земляные сооружения в том виде, в

каком они, должно быть, выглядели в царствование Исповедника, и с его хранилищем снарядов на насыпи и оригинальной сторожкой у подножия дает современному посетителю справедливое представление о внешнем виде оборонительных сооружений, перед которыми Стефан разбил свой лагерь. В 1139 году де Редверс, возвращаясь в Англию, высадился у замка Уарехема, построенного Завоевателем на берегу реки Пул. Из Уарехема он направился в Корф, резиденцию королей Мерсии, где его осадил Стефан.

Именно в этот период войны между Стефаном, Матильдой и церковной партией было построено множество нелегальных замков ("castra adulterina"), которые использовались не только для безопасности строителей, но и для того, чтобы они могли безнаказанно охотиться на своих соседей. Ничто не может быть хуже, чем обстоятельства, при которых эти замки строились, и цели, для которых они использовались. "Стефан", - говорит Джон из Тайнмута, которого цитирует Дагдейл, - "уступает, если только он не проведет свои боеприпасы, свои замки, в собственном фонде". Вильгельм Юмезский и Мальмсбери сравнивают эти времена с Нормандией времен правления герцога Вильгельма, а другие авторы утверждают, что состояние Англии напоминало Иерусалим во время римской осады. Не было ни власти, ни ответственности. Несчастные крестьяне были вынуждены трудиться на строительстве крепостей тирании. Судя по всему, эти замки строились с большой скоростью и без особых затрат труда на земляные работы, поскольку в следующее царствование они были разрушены без труда, а их места теперь почти не узнать. Они были делом рук мелких баронов, вероятно, при попустительстве их главных лордов или даже Стефана и Матильды, которые не были щепетильны в отношении условий, на которых они принимали помощь. Такое разрастание замков без разрешения государя не было новшеством и было запрещено на континенте знаменитым "Эдиктом Пистенсе" Карла Лысого в 864 году, который уже цитировался.

Другим нарушением было получение графского титула несколькими лицами, не имевшими права на столь великую честь и претендовавшими на отличие лишь тем, что они были предводителями наемников. Стефан не был в состоянии наделить их всех третьей пенни от доходов графства, обычного удела графа. Однако многие из графов, созданных Стефаном, находились в совершенно ином положении. Такими были Джеффри де МанDEVиль, лорд Плесси и Уолдена, который принял графство Эссекс от обеих сторон; Альберик де Вер, построивший благородный замок Хедингем и ставший первым в длинном ряду графов Оксфордских; Хью Бигот, владевший графством Норфолк; Ричард де Клэр, владевший графством Хартфорд; д'Аумаль из Йоркшира; Гилберт де Клэр из Пемброка; Роберт де Феррерс из Дерби; и, вероятно, Уильям де Ипр, владевший графством Кент. Стефан, по-видимому, создал в общей сложности восемь, а императрица - шесть: Кембридж, Корнуолл, Эссекс, Херефорд, Солсбери и Сомерсет.

Из Арундела Матильда, как говорят, по милости Стивена, переехала в Бристоль, где ее брат, Роберт граф Глостер, держал свой замок на болотистом месте впадения реки Фром в Эйвон. В то время Роберт также владел королевским замком Глостера, который давно разрушен, а на его месте построена тюрьма; вероятно, он же был строителем ракушечника, который до сих пор стоит на кургане в Кардиффе. В то время друзья Матильды владели Дувром и квадратной крепостью Кентербери, расположенной в глубине еще более древнего городского рва и почти на расстоянии выстрела из лука от еще более почтенного кургана Дейна Джона. Упоминаются также недавно возведенные замки Трубридж и Серн. Последний был взят Стивеном штурмом перед нападением на Малмсбери. Трубридж успешно сопротивлялся.

Великим событием 1141 года стала осада, а точнее, битва, Линкольна. Замок был захвачен врасплох и удерживался Ранульфом графом Честерским и его сводным братом Уильямом де Румаром. Когда Стефан приблизился, граф Ранульф тайно покинул замок, чтобы попросить помощи у графа Глостера. Помощь была оказана, и оба графа с 10 000 человек, часть из которых составляли валлийские последователи графа Роберта, переправились через Трент и застали Стефана, готового принять их. Результатом битвы стало пленение Стивена и утверждение графа Ранульфа в замке Линкольн. После этого Матильда отправилась в свой королевский замок в Винчестере, который был частью оборонительных сооружений старого Вента-Белгарума и отличался большим курганом, ныне убранном. Здесь епископ Генрих, находясь в безопасности в своем прямоугольном замке Вулвси, все еще стоящем рядом с собором, в противоположном углу города, обращался с ней почти как равный с равным, но признал ее леди Англии. Однако их согласие не было ни сердечным, ни долгим. После возвращения королевы из Лондона, где она была в некотором замешательстве, между ними вспыхнула открытая ссора. Она напала на Вулвси, и епископ с большим успехом нанес ответный удар по королевскому замку.

Под конвоем Брайана Фиц-Конта и Мило, которым Матильда передала графство Херефорд и "замок и мот" этого древнего города, она бежала из Винчестера, граф Роберт охранял ее тыл. Их преследовали. Матильда благополучно добралась до замка Ладгерсхолл, а затем отправилась в Девайзес; но граф Роберт был захвачен по дороге Вильгельмом Ипрским и заключен в Рочестерский замок. Стивен был заключен в Бристольский замок, и в ноябре 1141 года граф и король были обменены. Месяц спустя на Вестминстерском синоде были объявлены отлучения всем, кто строил новые замки или применял насилие к беднякам, - знаменательная связка.

Болезнь Стивена и отсутствие графа Роберта в Нормандии ненадолго приостановили активные военные действия, а тем временем Стивен удерживал лондонский Тауэр, а Матильда - замок Оксфорд. В конце 1142 года Стивен напал на Оксфорд, взял его и блокировал замок, пока не наступила зима, и запасы провизии не иссякли. Темза замерзла, а земля покрылась снегом, с помощью которого Матильда, облаченная в белое, перебралась через реку и бежала к Фиц-Конту в Уоллингфорд. После этого замок был сдан. Его величественный курган до сих пор не тронут, а под ним, на берегу реки, стоит большая квадратная башня одиннадцатого века. Сохранилась и часть городской стены.

До Рединга Стивен взял несколько сильных, но менее важных крепостей, таких как замок Боу и Эрроу на скале Портленд, который сохранился до сих пор, и Керисброк, укрепление на острове Уайт. Он также взял Лулворт в Пурбеке, представленный гораздо более поздней резиденцией. Чиренчестер, который он сжег, кажется, никогда не был восстановлен; Фаррингдон, построенный в спешке графом Глостером, также был сметен. Однако силы Стивена были сосредоточены в Лондоне и на востоке, а Матильды - в Глостере и Бристоле, а также на западе. Стивен также удерживал Певенси. Великие бароны Средней полосы держались в стороне, выжидая время. Так, Роджер де Белломон и его брат Уолеран из Меулана удерживали Лестер с его римскими стенами и английскими земляными укреплениями, защищенный лугами реки Соар, вдоль края которой и у подножия насыпи до сих пор стоит норманнский зал, а рядом - величественная церковь Святой Марии де Кастро, также частично норманнская. Они также владели горой Соррел, в то время сильной крепостью, построенной на сиенитовой скале, но теперь вырубленной, как скала, так и крепость, чтобы вымостить дороги в метрополии. Сахер де Квинси был силен в Хинкли, где ранний курган, лишенный каменной кладки (если она вообще была), все еще охраняет

восточный въезд в город. Граф Честер держал Линкольн как свою собственность; а холм Бельвуар, центр Мидленда, охранялся грандиозной крепостью Трузбута и де Роса, сожженной и восстановленной по безвкусной моде в наши дни.

В 1146 году смерть лишила Матильду графов Глостера и Херефорда. Она удалилась в Нормандию, но ее место занял младший Плантагенет, ее сын. В этом же году Стефан воспользовался присутствием при дворе графов Честера и Эссекса, чтобы захватить их персоны и заставить отдать замки Линкольн и Нортгемптон, Плесси, от которого до сих пор сохранились насыпь и церковь, и Станстед Монфитчет, ныне почти слившийся с железнодорожной станцией, а тогда соперничавший со старым замком епископа Лондонского в Стортфорде. Уолден, также завоеванный таким образом, до сих пор славится своими земляными сооружениями и фрагментом норманнской крепости, сложенной, как и Брамбер и Аркес, из кремневого щебня, лишенного пепловой облицовки.

Приобретая таким образом свободу, граф Джеффри использовал ее для сожжения замка Кембридж, курган которого, сильно уменьшившийся в размерах, до сих пор, изнутри римского лагеря, возвышается над рекой. Говорят, что во время преследования графа Стефан построил несколько новых и, вероятно, временных замков. Более вероятно, что он перестроил из дерева некоторые из насыпных курганов, таких как Клэр, Ай и Бьюрс, которых много в Эссексе и Саффолке. На строительство каменных сооружений у него, конечно, не было ни времени, ни средств. Вскоре после этого епископ Винчестерский перестал быть папским легатом, счел удобным поддержать партию своего брата и убедил его отказать архиепископу Теобальду в разрешении присутствовать на приеме у нового папы в Реймсе. Однако Теобальд бросил вызов королю и по возвращении укрылся в необычайно высоких стенах и мощных земляных укреплениях Фрамлингема, биготского замка в Саффолке. Примерно в это же время упоминаются замки в Криклейте в Уилтсе, в Тетбери и в Уинчкомбе в Глостершире. В Ковентри также был замок, а в Даунтоне в Уилтшире - еще один, который до сих пор славится своим холмом-мутом.

В 1149 году Йорк открыл свои ворота молодому Генриху Анжуйскому, собравшему значительные силы, с которыми он встретил королевскую армию в Малмсбери, хотя и без фактического столкновения. В 1151 году было заключено любопытное соглашение, в котором участвовали графы Лестера и Честера, согласно которому не должны были строиться новые замки между Хинкли и Ковентри, Ковентри и Доннингтоном, Доннингтоном и Лестером; ни в Гейтхеме, ни в Киноултоне, ни между Киноултоном и Бельвуаром, Бельвуаром и Окхемом, Окхемом и Рокингемом. В 1152 году произошла знаменитая осада Уоллингфорда, который удерживал для Матильды Брайан Фиц-Каунт. От Уоллингфорда сохранилось достаточно памятников, чтобы показать, насколько сильным он был раньше; и временная мощь полностью соответствовала духовной, ведь в городе, всегда небольшом, было в два раза больше церквей, чем в апостольской Азии. Стефан, не имея возможности подойти к замку со стороны суши, заложил до сих пор сохранившееся сооружение в Кроумарше, на левом берегу реки, и разместил там свои войска. Молодой Генрих, удерживая Мальмсбери, Уорик и еще около тридцати не очень отдаленных замков, выступил на помощь Уоллингфорду и занял Кроумарш, осадив осаждающих. Стивен выступил им на помощь из Лондона, а Генрих, похоже, двинулся в город, удерживая проход через реку у моста специальными работами. Таким образом, Уоллингфорд был спасен, а Генрих в начале 1153 года осадил Стэмфорд, где, как и в Йорке, Хартфорде и Букингеме, две крепостные стены выходили к реке, и взял штурмом Ноттингем, где были такие же укрепления на Тренте.

Отступив в восточные графства, Стефан взял Ипсвич, замок, даже местоположение которого утрачено.

Смерть Юстаса, сына Стефана, в августе 1153 года позволила договориться между соперниками. Стефан должен был остаться королем, а Генрих стал его признанным преемником. Вильгельм, оставшийся в живых сын Стефана, должен был сохранить за собой замки и владения Вареннов, в том числе Райгейт, от которого остались следы; замок Акс с курганом и другими земляными сооружениями, расположенными на территории римского лагеря; замок Райзинг, один из наименее пострадавших и наиболее примечательных норманнских замков в Англии; Льюс с его двойным курганом и сильной естественной позицией; и Кониингсбург, английский замок, отличающийся чрезмерной прочностью, хотя тогда еще не славившийся своей благородной башней. Ему также принадлежали замки Вирмегей и Бангей, Норвич, замок и честь Певенси. Кроме того, было решено, что гарнизоны королевских замков должны присягнуть на верность Генриху и Стивену; а кастеляны Линкольна, Лондона, Оксфорда, Саутгемптона и Виндзора дали залог, что после смерти Стивена передадут их Генриху. Также на конференции в Данстейбле в 1154 году было решено, что все замки, построенные после смерти Генриха I, должны быть разрушены (это положение можно принять за доказательство того, что ни Матильда, ни Стефан не построили абсолютно новых замков большой важности), а все наемные войска должны быть отправлены обратно в свои собственные страны. Должность шерифа, представляющего корону в графствах, должна была быть усилена.

Стефан умер в октябре 1154 года, и его соперник без сопротивления взойшел на трон как Генрих II.

ГЛАВА V.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ ЗАМКОВ В ПРАВЛЕНИЕ ГЕНРИХА II.

Генрих II был великим строителем, особенно военных сооружений. "In muris, in propugnaculis, in munitionibus, in fossatis, ... nullus subtilior, nullus magnificentior, invenitur". Это, однако, относится не столько к новым замкам, которых он построил совсем немного, сколько к достройке или добавлению новых крепостей к старым, таким, например, как Дувр.

Через несколько дней после прибытия в Англию он принял верность магнатов королевства в Винчестерском замке и был коронован в Вестминстере 19 декабря, сразу после чего пожаловал Уильяму, графу Арунделу, замок и честь Арундела и третий пенни графства Сассекс. Вероятно, это было пожизненное пожалование, поскольку после смерти графа в 1176 году замок и графство вернулись к короне и были пожалованы заново. Несмотря на такое начало, Генрих был полон решимости проводить политику, согласованную в Уоллингфорде, перед лицом всего народа. Через несколько дней он присутствовал на совете в Бермондси, на котором было решено приказать всем иностранным наемникам покинуть королевство под страхом смерти, а также разрушить все замки, возведенные в правление Стефана. Это решение было сочтено всеми сторонами абсолютно необходимым, и в значительной степени оно сразу же было исполнено. Из этих "castra adulterina" он разрушил, по одним данным, 375, по другим - 1115. К сожалению, их названия и места расположения

сохранились редко, и о них можно судить только в тех случаях, когда замок играл какую-то роль в войнах Стефана и Матильды и впоследствии не упоминался. Эти замки, несомненно, обычно строились людьми с ограниченными средствами и в спешке; но даже небольшой и плохо построенный замок из каменной кладки потребовал бы определенных затрат труда и денег для его разрушения. Возможно, многие из этих зданий были деревянными, построенными на существующих курганах. Также найдены небольшие земляные сооружения небольшой высоты и площади, по плану напоминающие норманнский замок, которые, несомненно, относятся к этому периоду. В Итон-Соконе, в графстве Бедфорд, и Лилборне, в Нортгемптоншире, находятся такие земляные сооружения. Замки Фаррингдон и Маунт-Соррел, а также замки Стэнстед и Хинкли, Ковентри, Криклейд и Уинчкомб, как полагают, были разобраны в это время. Особо выделяется замок Дракс в Йоркшире, который был разрушен, как и Бангей и Татбери, Тирск, Малзерд и Гроби, хотя и гораздо менее полно. Под давлением времени даже церковные здания стали использоваться в качестве замков. Аббатства Рэмси и Ковентри были использованы Джеффри Глэнвиллом и Робертом Мармионом, а прекрасная церковь Бридлингтона - д'Аумалем.

Генрих стремился проводить новую политику, не обращая внимания на ранги и партии; но когда он стал угрожать твердыням крупных вельмож, начались трудности. Хью Мортимер и Роджер, сын Мило, граф Херефордский и верховный констебль, давние сторонники Матильды, отказались сдать Вигмор, Клеобури, Бридженорт, Херефорд и Глостер. Генрих сразу же начал действовать. Покинув замок Уоллингфорд весной 1155 года, он осадил Бридженорт, откуда одно из его писем датировано "apud Brugiam in obsidione". Он также взял в осаду Клеобури и Вигмор. Этот успех заставил графа Херефорда сдать Херефорд и Глостер, где Генрих получил значительную часть своего образования; в ответ на его протест о покорности графу было позволено сохранить Херефорд. Генрих, епископ Винчестерский, брат Стефана, был вынужден бежать из страны, а его замки было приказано разрушить; о том, что этот приказ был выполнен, свидетельствует плата за работу, внесенная в Трубный список за 1155-6 гг. Подобным образом д'Аумаль, барон из дома Шампани, чья власть находилась в Холдернесе и который командовал в Норталлертоне, был вынужден в январе 1155 года после недолгого сопротивления сдать Скарборо, самый сильный замок в Холдернесе, и Скипси, не намного ему уступавший. Генрих также посетил Нортгемптон, Ноттингем, Линкольн, Йорк и некоторые западные замки и графства. В Виндзоре "фермор" замка потратил 4 фунта 15 шиллингов. 5d. на его прием "in corredio regis". По данным мистера Эйтона, в течение 1155 года было разрушено 140 замков. Вильгельм Ипрский, буйный предводитель фламандских наемников, которого Стефан в 1141 году сделал графом Кента, был изгнан. Он был одним из "псевдокомитов".

Частью новой политики, хотя и не сразу, стало введение, в определенной степени, денежной компенсации за личную военную службу. Новый платеж, получивший название "скутадж", стал важной статьей доходов короны. Также было установлено правило, которое, если и не всегда выполнялось, то было хорошо понято: никто не должен строить замок или превращать свое жилище в "дом обороны" без разрешения короля.

В 1156 году Генрих отправился через Дувр на континент, где захватил Мирабо и Шинон; одна из его хартий была датирована "Mirabel in obsidione", а другая - "apud Chinon in exercitu"; В Англию он вернулся только в 1157 году, когда находился в замке Саутгемптон, а затем отправился в Онгар, эссекский замок Ричарда де Лейси, и получил от Уильяма графа Мортейна, сына короля Стефана, замки Певенси и Варенн, которые перешли к нему вместе с именем и владениями этой семьи. Хью Бигот также отказался от Норвича и выразил общую покорность. Затем Генрих посетил Колчестер и другие замки Эссекса, после чего

направился в Нортгемптон. Малькольм Шотландский не преминул последовать примеру своих английских друзей и отказался от Карлайла, Бамборо и Ньюкасла, а также от трех северных графств. Он лично подчинился Генриху в замке Певерил в Пике, и в этом случае расходы шерифа от его имени были значительными. Малькольму было позволено сохранить честь своей бабушки и замок Хантингдон.

Разрушение множества мелких и более поздних замков вернуло былую значимость тем, что были более крепкими и старыми, которые, будучи по большей части необходимыми для обороны королевства, были сохранены и укреплены, а также поручены кастелянам, отличавшимся верностью. Бекет, еще до своего церковного повышения, получил замки Тауэр и Беркхампстед, а также замок и честь Эйе.

Одна из главных трудностей Генриха возникла из-за положения лордов-маршеров, таких как де Клеры и Марешалы, чьи почти королевские полномочия, предоставленные им изначально для того, чтобы они могли удерживать границу против валлийцев, чаще всего использовались совместно с валлийцами для принуждения государя.

В 1157 году Генрих вторгся в Северный Уэльс и, проходя через Коунсит, перевал в Флинтшире, на мгновение оказался в большой личной опасности. Именно по этому случаю Генрих де Эссекс бросил штандарт и бежал, тем самым лишившись своего замка Рэли. На обратном пути Генрих отремонтировал замки Бейсингверк и Руддлан и, вероятно, руководил строительством замка Бере, очень любопытной крепости с некоторыми декоративными деталями в раннеанглийском стиле, построенной на отдельно стоящей скале в долине к западу от Кадер Идрис.

В 1158 году Генрих посетил различные части Англии. В январе в Карлайле он посвятил в рыцари графа Варенна, но отказал в этой чести шотландскому королю Малькольму. Там же он укрепил замок Уорк, за который шериф заплатил 21 фунт 8 шиллингов. 11d. В Ноттингеме он отдал Ричарду де Хайя под опеку "*castelli mei de Lincoln*", показывая, что претендует на него для короны. В августе он отплыл в Портсмут или Саутгемптон в Нормандию; за границей он захватил замки Туар, Амбуаз, Фретевель, Мулен и Бон-Мулен. В 1159 году он три месяца занимался осадой Тулузы, которую ему так и не удалось взять. Другие замки в Нормандии он брал и ремонтировал, другие, опять же, разрушал, а несколько построил совершенно новых.

В январе 1163 года Бекет прибыл в Англию вместе с королем и нанес большую обиду баронству, объявив замок Тонбридж своей резиденцией. Ближе к концу года Генрих лишил его управления замками Эйе и Беркхампстед, а в декабре допустил его к личной беседе в Оксфордском замке. В этом же году Генрих снова был в замке Пик, а в марте 1164 года - в Порчестере. Вскоре после этого сильный замок Тикхилл перешел к короне в результате выморочного имущества, а Рождество Генрих провел в Мальборо, королевском замке.

В 1165 году, после короткого визита в Нормандию, во время которого королева посетила замок Шерборн, Генрих был в Руддлане и приказал снова привести в порядок Бейсингверк и замки Флинтшира. Это было удачно, так как кампания не увенчалась успехом. По этому случаю были разрешены расходы на замки Освестри (тогда он назывался Бланмонт), Шравардин и Чирк. Это было утверждение права собственности со стороны короны, хотя Освестри был частью частного владения Уильяма Фиц-Алана, тогда еще несовершеннолетнего. Генрих удалился в Шрусбери, а из Вустера и Абергавенни были переброшены солдаты, часть которых разместили в замке Корбет в Каусе. Гросмонт, Ллантилио, или Белый замок, и Скенфрит, трехсторонний замок в Монмутшире, также предоставили своих солдат. Из Шрусбери Генрих, получив подкрепление, продвинулся в земли Повиса и расположился лагерем на горе Бервин, где его едва не перебили валлийцы,

и ему пришлось укрыться в замке Шотвик, небольшой крепости на корне полуострова Уирралл, откуда он отступил в Честер и вернулся в Лондон.

В феврале или марте 1166 года была составлена декларация военных вотчин и главных арендаторов, известная как Liber Niger и претендующая на то, чтобы представлять феодальную военную силу королевства, хотя только в той мере, в какой разделение земли на военные сборы было к тому времени завершено. В Liber Ruber говорится, что в правление Ричарда I размер пошлин составлял 32 000. Ордрик считает, что они были почти вдвое больше, или 60 000. Но нет никаких данных, позволяющих с точностью оценить силу, которую король мог вывести на поле боя. При Генрихе I и Стефане в значительной степени использовались наемники, набранные в основном из Фландрии. Liber Niger получила очень ценное внимание со стороны мистера Эйтона и профессора Стаббса.

В начале Великого поста этого года Генрих отправился в Саутгемптон в Нормандию, где снес замки Аленсон и Ла-Рош-Мабиль, а также принял визит короля Шотландии. В конце года Джеффри де МанDEVиль и Ричард де Лейси предприняли неудачную экспедицию в Северный Уэльс и вновь укрепили замок Бейсингверк, во время которой подверглись нападению валлийцев. Генрих отсутствовал в Нормандии, Гаскони и Бретани около четырех лет, высадившись в Портсмуте в марте 1170 года; но в июне он вернулся в Нормандию. В октябре он написал принцу Генриху письмо, предписывающее ему вернуть архиепископу честь Солтвуда. 29 декабря Бекет был убит, убийцы отдыхали в Солтвуде предыдущей ночью. После убийства они отправились в замок Кнаресборо, который в то время занимал кастелян Хью де Морвиль.

В августе 1171 года Генрих высадился в Портсмуте, а в начале сентября был в Южном Уэльсе, где взял Каэрлеон у Йорверта ап Оуэна и отправился в замок Пемброк, чтобы встретиться с принцем Рисом, которому он передал большую часть Кардигана. Из Пемброка, а точнее из Милфорда, он в октябре отправился в Ирландию, откуда через Сент-Дэвидс и Кардифф вернулся в Англию в апреле 1172 года, а в мае отплыл из Портсмута на континент.

В апреле 1173 года конфедерация между королем Франции и принцем Генрихом, который вел за собой недовольную партию среди английских баронов, вылилась в открытую войну в обеих странах. Генрих Старший остался в Руане и, за сомнительным исключением короткого визита в Англию, оставил ведение войны верному и умелому Ричарду де Лейси.

Английское восстание носило очень серьезный характер. Среди мятежников были графы Честер и Лестер, Феррарс граф Дерби, Моубрей и Паганель. Феррарс владел Гроби, Татбери, Бертоном и некоторыми другими замками; Моубрей - замком Киннардс-Ферри в Акшольме, Тирском и Малзерде, которые, похоже, снова были отремонтированы или перестроены; Дэвид Шотландский, граф Хантингдона, владел этим замком, как и епископ Пьюсет Норхэм и Дарем. Эти северные замки были сильны и поддерживались шотландскими сборами; но большая часть баронства была на стороне короля, и даже на севере его партия преобладала. В нее входили Умфравиль из Прудхо, де Веши из Алнвика, Рос из Хэмлейка, Брюс из Уорлтона и Скейлтона, а на юге - почти все великие бароны. Лэйси осадил и сжег город Лестер, но замок, похоже, устоял. Он также, в сопровождении Бохуна, совершил поход на север и опустошил пограничные земли и Лотиан. Королевские замки, как правило, было приказано снабдить продовольствием и выставить гарнизоны.

В сентябре Роберт, граф Лестер, высадился в Уолтоне в Саффолке с отрядом фламандских наемников. Суффолк, несомненно, был выбран для высадки, поскольку находился напротив фламандских портов и находился под местным влиянием дома Бигот, владевшего замками Фрамлингем и Бангей, а также являвшегося наследственным констеблем Норвича -

должность, которой часто лишали, но которая давала им большое влияние в городе. Лестер и его фламандцы были сразу же приняты во Фрамлингеме, а затем осадили замок Хаганет, управляемый для короля Ранульфом де Броком. Они взяли его, но потерпели неудачу перед стенами Данвича, после чего двинулись к Лестеру. Тем временем Лэйси и Хэмфри де Бохун поспешно вернулись с шотландской границы, получили подкрепление у Бэри от графов Арундела, Корнуолла и Глостера и в октябре столкнулись с фламандской армией у Форнхема Сент-Женевьев. Захватчики были разбиты, а Лестер и его графиня взяты в плен и отправлены в Нормандию. Однако работа Лейси была завершена лишь наполовину. Моубрей все еще удерживал Акшольм, а граф Дэвид или, возможно, его заместитель Анкетиль Маллори - замок Лестер. Шотландский король осадил Карлайл, а его брат захватил замки Кнаресборо, Бро и Эпплби. В мае 1174 года замок Лестер все еще оставался не взятым, а шотландцы отбили Уоркворт и осадили Прудхо и Алнвик. Лейси занимался осадой Хантингдона, которому помогал Сент-Лиз, претендовавший на него. Но тут высадился второй отряд фламандцев, напал на Норвич и сильно ранил Ноттингем и Нортгемптон. Епископ Линкольна, однако, взял Акшольм.

В разгар этого критического положения дел Генрих высадился в Саутгемптоне в июле 1174 года со своими пленниками, которых он отправил в Девизес. Его прибытие совпало с внезапным и существенным улучшением состояния его дел. Пока Генрих совершал акт покаяния у гробницы Бекета, Вильгельм, шотландский король, был схвачен в Алнвике. После непродолжительной болезни в Лондоне Генрих отправился в Хантингдон, чтобы успеть принять капитуляцию замка, а затем во Фрамлингем, который вместе с Бангеем был сдан ему Хью Биготом. Принц Рис, находившийся в союзе с Генрихом, осадил и взял Татбери, а также захватил замок Моубрей в Малзеарде. В июле в Нортгемптоне Генрих получил в подчинение епископа Даремского с замками Дарем, Норхем и Норталлертон. Замок Тирск был отдан Роджеру де Моубрей; Татбери и Дриффилд - графу Феррарсу, а также Лестер, Маунт-Соррел и Гроби.

Успех Генриха был полным; но восстание показало, насколько опасны великие замки для общественного порядка, и как необходимо было разобрать большое их количество, а остальные, насколько это было возможно, сохранить в руках короны. Этой политики он придерживался до конца своего правления, относясь ко всем побежденным мятежникам с большим снисхождением в отношении их личностей и владений, но сохраняя их замки в своих руках. Даже Ричарду де Лейси, которому в 1174 году была пожалована сотня Онгар, не позволили оставить замок.

В мае 1175 года Генрих был в Англии, а в июне получил от Уильяма, графа Глостера, капитуляцию замка Бристоль. В январе 1176 года состоялся совет в Нортгемптоне, на котором королевство было разделено на шесть округов, с тремя судьями для каждого округа. Среди эдиктов, которые они должны были исполнять, были и те, что касались замков. Должно было быть проведено строгое расследование по поводу владения замковой стражей и того, насколько эффективно выполняются ее обязанности.

Неизвестно, в какой степени новые правила выполнялись, но общий эффект новой системы заключался в том, чтобы обуздать мародеров и сделать восстания более трудными и менее частыми. Норталлертон, неоднократно подвергавшийся разрушениям, в конце концов (1177) был полностью уничтожен, а епископ Даремский, его владелец, был вынужден заплатить штраф в тысячу марок за участие в последнем восстании. Такие замки, как Дарем, Норхэм и Скарборо, которые было целесообразно сохранить, были присоединены к короне и переданы в руки верных кастелянов. Бамбург был доверен Уильяму де Стутевиллю, Норхэм - Уильяму де Невиллю, Скарборо - архиепископу Йоркскому, Бервик - Джеффри де Невиллю, а

Дарем - Роджеру де Кониру. Оружейная ассиза, по которой в 1180 году каждый свободный владелец стал обязан снабжать себя оружием и доспехами в соответствии со своими средствами и состоянием, сделала простолюдинов более способными к сопротивлению тирании и в целом укрепила руки любого не очень непопулярного государя против баронов.

Общий результат внутренней политики Генриха был, несомненно, успешным, и последние годы его жизни не сопровождались какими-либо серьезными потрясениями. В 1177 году он вернулся в Нормандию; но и там, и во время последующих визитов в Англию он уделял большое внимание замкам каждой страны, посещая многие из них, назначая и меняя кастелянов и следя за тем, чтобы оборона содержалась в надлежащем порядке. В феврале 1187 года он посетил весьма необычный замок Чилхэм в Кентербери. Он умер в замке Шинон в июле 1189 года.

ГЛАВА VI.

ЗАМКИ АНГЛИИ И УЭЛЬСА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ДВЕНАДЦАТОГО ВЕКА.

Какими бы многочисленными ни были замки, разрушенные по Уоллингфордской конвенции или в последующее царствование Генриха II, они, по-видимому, почти все были крепостями недавнего времени, находились в частных руках и не имели большого значения для общей обороны или упорядоченного управления королевством. Среди тех, которые вообще играли важную роль в междоусобных войнах сыновей или внуков Генриха, отсутствуют лишь немногие, о которых известно, что они были построены или восстановлены его предшественниками или им самим; А имена, которые встречаются в хрониках того периода или время от времени заносятся в записи королевства, показывают, что страна по-прежнему была в достатке обеспечена замками, и что почти все замки первого класса время от времени ремонтировались за счет короны, а управляли ими кастеляны, занимавшие свои должности во время правления короля, которых к тому же было принято часто менять. Здесь предлагается вкратце перечислить крепости Англии и Уэльских маршей, какими они были в конце царствования Генриха II, по крайней мере, насколько можно восстановить их названия и положение или какие-либо сведения о них.

Если принять Лондон за военный и политический центр королевства, то на Темзе мы имеем Тауэр, первую и главную крепость, основанную Завоевателем, которую он считал достаточной для защиты и защиты города. В самом городе, также на берегу Темзы, недалеко от впадения Флета, находился замок Байнард, оплот баронов Фиц-Уолтер, знаменосцев Лондонского Сити и важной ветви дома Клэр. На разном расстоянии от этого центра, в зависимости от расположения местности, располагались на северном и южном перевалах мелового хребта Беркхэмпстед, удел графства Корнуолл, и Гилдфорд, ранний замок которого частично стоит на искусственной насыпи. Кроме того, к югу от Лондона находились епископальный замок Фарнхем, до сих пор обитаемый, и замок графа Варенна на холме в Рейгейте, от которого сохранились некоторые следы. Выше по течению Темзы находились Виндзор, Рединг, Уоллингфорд и Оксфорд - все крепости древности и первого ранга. Между Темзой и морским побережьем страна была хорошо защищена, а коммуникации с Дувром,

Портсмут и Саутгемптон, столь важные для государей с владениями на континенте, были надежно защищены. Дувр, названный Вильгельмом Завоевателем, по словам Мэтью Париса, "Clavis et repagulum", ключом и засовом королевства, был одной из старейших, крупнейших и сильнейших крепостей и занимал почти неприступную территорию в тридцать пять акров. Она венчала гребень меловой скалы, которая, казалось, поднималась из моря, и крутая от природы, стала еще более крутой благодаря искусству, и несла на себе следы норманнского, английского, римского и, вероятно, британского владычества. Его колодец с водой, по словам М. Париса, особенно упоминается в знаменитом договоре Гарольда с герцогом Вильгельмом. Действительно, в крепости, похоже, было два колодца, кроме того, еще один, несомненно, принадлежавший Гарольду, находился во внешней части, вероятно, римской работы. Город также был обнесен стеной. В тылу Дувра лежал город Кентербери, упомянутый в "Судном дне" как укрепленный. С суши он был сильным, с грозным валом и рвом, укрепленным нормандской стеной, а со стороны воды его прикрывали болота Стоур, в свое время судоходные до причалов древнего города. Под одним углом и прямо в пределах территории находилась мощная прямоугольная крепость, норманнская постройка, а рядом с ней - Данеджон, гораздо более древний насыпной холм, более древний, чем берег и ров города, которые были выложены под углом, чтобы включить его. Недалеко от Кентербери находился Чилхэм, нормандская башня необычной формы, на месте постройки, сожженной датчанами в 838-51 годах; а на небольшом расстоянии - Солтвуд, переданный Кентерберийскому престолу в 1036 году и, как говорят, обязанный своими грозными берегами и рвами, которые до сих пор окружают его, сыну Хенгиста. К западу от Дувра Уильям д'Абринчис построил замок Фолкстон, который теперь, вместе с утесом, на котором он стоял, поглощен морем. Ему предшествовала более ранняя земляная постройка чуть дальше вглубь острова; Сэндвич, один из портов Cinque, также был обнесен насыпью и стеной. Между Дувром и Лондоном, на болотистых извилинах верхнего течения Медуэ, возвышался Тонбридж с его нормандскими стенами и ракушечником, место огромной силы и предмет долгого соперничества между архиепископами и графами из рода де Клер. Снова в тылу и на той же дороге находился замок Рочестера, который делил свою оборонительную мощь со старейшей башней прилегающего собора. Город, обнесенный стеной, стоял в пределах или на линиях римской ограды и командовал самым низким мостом на глубокой и быстрой реке Медуэй. Многие замки Кента, особенно те, что находятся в частных руках, были основаны в тринадцатом веке или позже; но Хортон, Эйнсфорд и Луллингстон на Даренте, а также Шеппи на Свейле гораздо древнее. Кроме того, Отфорд, архиепископский замок, был "капут" чести. Коулинг упоминается в мерсийских хартиях в 808 году. Поместье принадлежало Леофвину, брату Гарольда, и находилось во владении епископа Одо. Замок Аллингтон был разрушен датчанами, после чего им владел граф Годвин, а затем Одо. Норманнские постройки, вероятно, принадлежали графу Варенну. Недалеко от Мейдстоуна находится Маллинг, который считается самым ранним норманнским замком, как и любой другой в Англии, и довольно совершенным, хотя и небольшим; в замке Турнам или Годардс также есть квадратный норманнский замок и несколько ранних земляных сооружений, а рядом с ним - очень совершенные насыпные курганы Бинбери и Стокбери. Замок Ледес, до сих пор обитаемый, имеет отдельно стоящий и обнесенный водой замок и очень полный барбакан. Замок Саттон, впоследствии Саттон-Валенс, кажется, норманнский. Замок Тонг в поместье Бэпчайлд на Суэйле, приписываемый Хенгисту, был построен как замок Сент-Джонами. Замок Байфорд находится в Ситтингборне; а Квинборо в Шеппи, хотя и назван по имени королевы Эдуарда III, вероятно, гораздо древнее. В Альфрингтоне у Альфреда, как говорят, было укрепленное место, названное впоследствии Берлоу. В Вердли и Каслфилде в Хартфилде есть остатки, которые, как говорят, представляют собой замки.

В Сассексе каждый рап имел свой замок, основанный, вероятно, ютишскими поселенцами. Из них под властью норманнов Гастингс, почти равный Дувру по своей природной мощи, хотя и меньший по размеру, был главой баронства графов Эу. Впервые он упоминается на гобелене из Байе, где в одном из отсеков написано: "Iste [comes Moretaine] jussit ut foderentur castellum ad Hasteng." Вероятно, это относится к двойной линии рвов, которыми замок отгорожен от тела холма. Город также был обнесен стеной. Певенси, крепкий своей римской стеной и дополненный английскими земляными укреплениями, был замком Де Аквила, резиденцией чести, которую англичане называли "Орлом". Здесь в 1118 году виндзорский кустос потратил 118 фунтов стерлингов. 4s. на ремонт палисадов ("palicii") замка. Льюс, с его курганами, венчающими каждый конец изолированного холма, был излюбленным укреплением Вареннов, графов Суррейских. Естественная платформа, добавленные рвы и насыпь, и квадратный замок Брамбер на реке Адур сделали почти неприступной эту резиденцию буйных и могущественных баронов Браузе из Гоуэра, которые также владели замком Кнепп, расположенным ближе к истоку реки, где до сих пор можно увидеть насыпь и некоторые норманнские постройки. Впоследствии Кнепп принадлежал королю Иоанну после отстранения Уильяма де Браоза, а в 1216 году его приказали разрушить. Арундел, единственный замок, упомянутый в "Domesday" как существовавший в царствование Исповедника, и резиденция последовательно графа Роджера Монтгомери, д'Альбини и рода Фиц-Алан, все еще возвышается над ложиной Аруна и носит многие из своих старых черт; и, наконец, Чичестер, также замок Монтгомери, давно разрушенный или сведенный к первобытной насыпи, стоял в пределах укрепленного района римского Regnum. Кроме них, похоже, существовали норманнские замки в Истборне и Фирле, все следы которых, однако, исчезли. Упоминается также замок Седжвик, расположенный недалеко от Хоршема.

К западу от Хэмпшира, на берегу Гаванта, находился Боузхем, знаменитый замок, давно снесенный; а на входе в Портсмут - Порчестер, благородное сочетание римской и нормандской кладки. На его территории находится приходская церковь и церковный двор, и здесь было излюбленное место сбора войск, направлявшихся в Гавр. На противоположном берегу Солента, в центре острова Уайт, находится Кэрисброк, знаменитый своей крепостью и курганом, а также колодцами необычной глубины, а на противоположном материке, в болотистом месте слияния Стоура и уилтширского Эйвона, стоит древняя крепость Крайстчерч, расположенная исключительно на кургане более раннего Твинхэма. Здесь же сохранился Замок Холл, поздненорманнское здание, почти дублирующее аналогичную постройку в замке Фицджеральда в Адаре, близ Лимерика. На краю Саутгемптон-Уотер, между Антоном и морем, занимая мощный полуостров, расположился город с таким названием, до сих пор сохранивший остатки своих нормандских стен и крепости очень грозного замка, некогда входившего в его территорию.

Внутри этой линии замков от моря на север до Темзы графства Уилтс и Беркс вместе с Хэмпширом демонстрируют обилие сильных мест. Там же, хотя фактически в Хэмпшире, находился Винчестер, британский Кервент и римский Вента-Белгарум, который в английские времена оспаривал с Лондоном главенство на юге. Сильно укрепленный широкими и высокими земляными валами и глубокими рвами, он содержал, прикрепленный к одному углу, королевский замок, а внутри другого, диагонального, епископский замок Вулси, из которых один сейчас представлен своим благородным залом, а другой - прямоугольным нормандским замком. Зал в Винчестере, хотя и относится к раннеанглийской эпохе, построен по нормандскому типу и имеет три нефа. В 1066 году замок был тюрьмой архиепископа Стиганда. Перед его воротами в 1075 году был обезглавлен граф Вальтеоф. Здесь в 1102 году разбирался памятный спор за первенство между Йорком и Кентербери. В 1141 году его защищала императрица Мод, здесь Генрих II провел несколько парламентов, а

Кёр де Лев приостановился, когда в соседнем соборе его во второй раз короновали по возвращении из плена в 1189 году.

Едва ли уступает Винчестеру по мощи и не уступает ему по неопределенной древности Старый Сарум, крепость смешанного, но неопределенного происхождения, где концентрические линии каменной кладки, опоясывающие и венчающие центральную насыпь, включали кафедральный собор епархии, и к которому, согласно историкам Уилтшира, король Альфред приказал пристроить внешний вал и палисад. В Уилтсе также находился Девайзес, считающийся самым красивым замком по эту сторону Альп. *"Divisæ quod erat Salesberiensis Episcopi castellum, mirando artificio, sed et munimine inexpugnabili firmatum"*, но от него сейчас мало что осталось, кроме гигантского кургана и глубоких рвов. От Мальборо остался один только бурх, а от Мальмсбери, посягательства светских людей на земли регулярного духовенства, остались одни следы. За границей Хэмпшира находится Олд Бейсинг, где саксы потерпели поражение от датчан в битве в 871 году и который стал "капут" пятидесяти пяти лордств, принадлежащих Хью де Порту в *"Domesday"*, а затем и старейшим баронством Сент-Джонс. Еще во времена Генриха II он назывался старым замком, а в более позднее царствование Роберт, лорд Сент-Джон, получил разрешение закрепить палею вдоль основания своего мола в Бейсинге и поддерживать ее в таком укрепленном состоянии по желанию короля. Первоначальный круг земляных работ - это почти все, что сохранилось до наших дней. На небольшом расстоянии находится Одиэхэм, некогда принадлежавший Винчестерскому собору, где сохранилась ранняя башня, лишенная облицовки и окруженная болотистой местностью, некогда славившейся лесными забавами. Замок Кумб - знаменитый и очень ранний замок Уилтшира, ныне превратившийся почти в земляную насыпь, а Уорблингтон, оплот Монтакутов, и замок Чиренстер исчезли, последний был разрушен Генрихом III.

Еще дальше к западу находятся замки Дорсета и Сомерсета, Девона и Корнуолла. Уэрхем, древний Фром-мут, расположенный между Фромом и Пиддлом, когда-то обозначал границы гавани Пула и был местом большой силы и славы. Уже в 876 году его западная сторона, корень полуострова между водами, была оценена как слабая. В одном из углов прямоугольной и псевдоримской территории у берега реки, как и в Тамворте, возвышается насыпной курган, а его земляные работы и положение оправдывают репутацию ключа Пурбека, цитаделью которого был Корф. Корф, расположенный на вершине и склоне мелового холма между двумя расщелинами, откуда он и получил свое название, сегодня представляет собой великолепные руины. Половина его благородной прямоугольной крепости все еще стоит, а в стене средней палаты сохранился фрагмент дворца старых западносаксонских королей, вероятно, единственное сохранившееся материальное свидетельство того, что они когда-либо использовали каменную кладку в своих военных работах. В Шерборне, древней епископской резиденции, на просторной земляной насыпи сохранилась большая часть позднего норманнского замка, а вход в него по-прежнему осуществляется через норманнскую сторожку. Замки Илчестер и Шафтсбери исчезли, а от Дорчестера осталась лишь часть земляных сооружений. К западу от Пурбека, в Портленде, на морском утесе стоит замок Боу-энд-Эрроу - любопытное и несколько своеобразное сооружение ранней эпохи, построенное или занимаемое де Клерами. От Портленда до устья Экса, похоже, не было ни одного важного укрепления.

Неподалеку от устья Экса находится Паудерхэм, работа графа Эу и де Редверса, а также их преемников Кортеней, а выше и напротив - Ружмонт, цитадель Эксетера, где до сих пор сохранились высокие берега, глубокие рвы и древняя сторожка - фрагменты защитных сооружений, за которыми горожане отваживались на ярость Завоевателя. Вглубь от Эксе

находится Окехэмптон, самое раннее из английских владений великого рода Кортеней, дело рук Болдуина Эксетерского, из рода, но не носившего фамилию де Клер. Он также был строителем замка Тивертон, который сейчас разрушен, как и Бриджуотер. Среди ранних замков округа - Сток-Курси, ныне руины; Стоуи, "*pulchrum et inexpugnabile in pelagi littore locatum*"; и Данстер, самое сильное место на западе, замок "*Domesday*" Моунов, а после них, как и сейчас, Люттреллов. На западе Девона сохранился курган Плимптон, замок Редверса, и раковинный замок Тотнес, работа Джоэла из этого места, а затем унаследованный баронами Браузами. Город Барнстапл, вероятно, был обнесен стеной и, несомненно, имел четверо ворот. В Таунтоне нормандский замок и часть нормандского зала до сих пор стоят на берегу Тоуна и возвышаются на земляных работах, приписываемых королю Ине. В Монтакуте возвышенность, отмеченная огромным романо-британским лагерем, заканчивается остроконечным холмом, который Уильям граф Мортейн выбрал для своего замка, от которого осталось только название, перенесенное из его нормандского замка, и совсем немного от Касл-Кэри, резиденции Ловеллов, осажденной и взятой Стефаном, или от нормандской крепости Харптри, расположенной на перевале в хребте Мендип.

Важнее всех этих более или менее местных замков был замок Бристоль, основанный Робертом, графом Глостером, но оказавшийся слишком ценным, чтобы передать его наследникам графство. Его квадратная норманнская крепость стояла между реками Фром и Эйвон и была сильна как в плане строительства, так и в плане расположения. После столетий борьбы за владение им между графами Глостерскими и короной он перестал представлять военную ценность и был снесен. На реке Тамар и за ней, в Монтакуте, Уоллингфорде и Беркхампстеде, можно проследить следы могущественных дворян, владевших великим графством Корнуолл. Их главные корнуоллские замки - Трематон, Лонсестон, где город также был обнесен стеной, и Рестормел - изначально принадлежали Роберту, сводному брату Завоевателя. Их остатки значительны, а сила и положение были таковы, что обеспечивали им огромное влияние в этом диком и почти непроходимом районе. Гора Святого Михаила остается сильно укрепленной; Карнбреа, работа Ральфа де Помероя, все еще отмечает скалистый хребет, откуда она получила свое название; здесь есть следы Боскасла, владения баронов Ботро, и артурианского замка Тинтагель. Кроме того, в Корнуолле есть несколько укрепленных домов и множество крепостей - скорее лагерей, чем замков, очень своеобразных по характеру и, вероятно, созданных коренными корнуольцами до прихода чужаков.

Таким образом, получается, что к югу от Темзы и Бристольского Эйвона в конце двенадцатого века стояло по меньшей мере восемьдесят девять более или менее значительных замков, многие из которых поддерживались в рабочем состоянии шерифами графств и управлялись кастелянами, назначенными королем и занимавшими свои должности по желанию. По меньшей мере тридцать из них содержали панцирные замки, расположенные на насыпных курганах, и были в той или иной форме гораздо старше эпохи Завоевания; около семнадцати замков были прямоугольными, из которых только два, Гилдфорд и Крайстчерч, были связаны с курганами, и лишь немногие из них имели чисто норманнское основание. Оставшиеся сорок два хранилища имеют сомнительные характеристики, поэтому их нельзя отнести к тому или иному классу, но большинство из них также старше эпохи Завоевания.

Перейдя в средний пояс страны, простирающийся от Темзы и Эйвона до Тиса и Луны, и от Немецкого океана до Северна, можно обнаружить, что оборонительные сооружения полностью совпадают с южными. В Восточно-Английской провинции, в графствах Эссекс,

Саффолк, Норфолк и Кембридж, главными опорными пунктами были Колчестер, Хедингем, Бангей, Фрамлингем, Касл-Акр, Касл-Райзинг, Норвич и Кембридж. Колчестер, построенный из римского или квазиримского материала на римском месте и на территории города, упомянутого в "Domesday" в качестве укрепления, - дело рук Юбера де Рая или его сына. Из него открывался вид на впадения в Харидж и Блэкуотер, а в его тылу, выше по реке Колн, находилась крепость де Вере в Хедингеме, до сих пор сохранившая очень совершенное строение и необычно, хотя и сильно украшенная. Этот замок стоит на естественной насыпи, защищенной грозным рвом, а к нему примыкает внешняя ограда, явно более древняя, чем сам замок. В том же графстве находится Рейли, знаменитый масштабами своих земляных сооружений и, вместе с Клаверингом, приписываемый Свегену или Суенусу, шерифу Эссекса при Исповеднике и предку Генриха де Эссекса, опального знаменосца Генриха I. Однако земляные работы в обоих местах, вероятно, гораздо более ранние, чем каменная кладка. Здесь также находятся Плесси, восстановленный в каменной кладке Мандевиль, с приходской церковью внутри; Онгар, в течение некоторого времени бывший замком Ричарда де Люси; и Стэнстед Монфишет, оставшиеся земляные работы которого указывают на его местоположение. Бишопс Стортфорд, или Вейтемор, был ранним поместьем епископа Лондонского, у которого здесь был замок. Все эти четыре замка с последними названиями имели насыпные курганы. В Бьюрсе тоже был насыпной курган высотой восемьдесят футов, отсюда и название - гора Бьюрс; также замки были в Березовом замке, недалеко от Колчестера, и в Бенингтоне. Кэньюдон был либо замком, либо очень старым укрепленным домом, относящимся ко времени Генриха де Эссекса, а в Кэнфилде, названном по его замку "Кэнфилд ад Каструм", у де Вересов была крепость, курган которой виден до сих пор.

Фрамлингем - главный замок Саффолка. Изначально он приписывается Редвальду, королю Восточной Англии, в конце шестого века. В настоящее время здесь нет крепости, но нормандские стены необычной высоты, от сорока до пятидесяти футов, и толщиной в восемь футов, все еще окружают двор и защищены огромными земляными насыпями, глубокими и высокими, и большой протяженности. Это был главный из замков Бигот, который, как говорят, был построен Хью Биготом в 1176 году. Той же могущественной семье принадлежал Бангей, "на берегу реки Уэйвни", с грандиозными земляными сооружениями, курганом и остатками квадратной крепости. Уолтон, другой замок Бигот, был разрушен Генрихом II. Клэр, поместье, откуда графы Глостер и Хартфорд взяли свою фамилию, сохранило свой курган с частью многоугольного замка, а также земляные и каменные укрепления, соизмеримые с могуществом их лордов. На территории частично находится железнодорожная станция. Глаз, от которого сохранился курган, был замком в Domesday, резиденцией Роберта Малета, а затем был отдан Генрихом II Ранульфу, графу Честера. Данвич, хотя и не был обнесен стеной, был защищен глубоким рвом и высокой насыпью, на которой еще при Генрихе III находился частокол.

Главным замком Норфолка был Норвич, место огромной силы и высокой древности. Его прямоугольный замок огромных размеров и более богато украшенный, чем обычно, хотя и сильно пострадал от неосмотрительного ремонта и закрыт от антикваров тем, что был переоборудован под тюрьму, все еще возвышается над прекрасным старым городом, славой и ужасом которого он был долгое время. Его глубокий ров, гораздо более древний, чем его каменная кладка, теперь по большей части засыпан и застроен. Город также был сильно обнесен стенами. Хаганет, норфолкский замок, захваченный графом Лестером и вторгшимися фламандцами, полностью разрушен. Милехем, от которого сохранилась невысокая насыпь и фрагмент квадратной крепости, был делом рук Алана, сына Флаалда, который владел поместьем со времен Завоевателя. Ему же приписывают и соседний замок Бергвуд, от которого сохранились большие земляные насыпи. Орфорд, почти единственный

пример норманнского многоугольного замка, довольно совершенен. Замок Касл Райзинг, хотя и меньше по размерам, чем Норвич, напоминает его по типу. Это самый богато украшенный замок в Англии, который, хотя и является руиной, хорошо сохранился и ухожен. Здесь также есть большая редкость - довольно совершенное и неизменное переднее здание и вход. Замок стоит на возвышенной насыпи, за которой с одной стороны находится просторный флигель, также сильно насыпной. Замок Акр, наиболее известный своим нормандским приорством, содержит также курган и другие земляные сооружения, а также часть раковины большого замка, а неподалеку от него находится город Линн, некогда сильно укрепленный и до сих пор сохранивший раннюю сторожку. В Тетфорде, окруженном двойным рвом, находится большая насыпь, воздвигнутая датчанами в 865-6 годах, чтобы командовать соседним городом, но этот пост, столь важный до Завоевания, похоже, не был занят после него. Другими норфолкскими замками были Бакенхэм и Тейтсхолл, дата постройки которых сомнительна, и Марнхэм, о котором сообщалось в правление Эдуарда I. - "Quod erectio castri de Marnham est in præjudicium domini Regis." Вирмегей, замок Вареннов, крепкий на своих болотистых подступах, несомненно, был более ранним. В Веттингге, недалеко от церкви, находился замок с курганом, на котором несколько лет назад был обнаружен фрагмент крепости. Это была резиденция де Плайза, который представлял Монт-Фитчет, а его наследница вышла замуж за родоначальника дома Говардов. Также существовал замок в Кеннингдейле, недалеко от Дисса.

В Кембриджшире было всего несколько замков: болота мало чем привлекали грабителя и сами по себе были надежной защитой. В Кембридже, на берегу вялой и извилистой реки Кэм, на месте замка, построенного по приказу Завоевателя, стоит тюрьма; однако часть кургана и фрагмент вспомогательного берега сохранились, и их не следует путать с еще более ранним римским замком. В Эли большой курган с прилегающими земляными валами, как полагают, был местом древнего замка епископа этого города. Все следы каменной кладки исчезли, как и в Уисбиче. В лагере в Касл-Кампс, резиденции саксонских Вольфуинов, когда-то находился норманнский замок работы де Вереса. От Чевели, епископального замка, сохранился лишь фрагмент. Бурвелл, кладка которого принадлежала одному из импровизированных замков Стефана, запомнился тем, что перед ним получил смертельную рану Джеффри де Мандевиль. Сохранился фрагмент его стены и курган. Ранними замками были Суэйвси и Бассингборн.

Хартфорд, Бедфорд и Букингем, расположение которых в глубине страны было недостаточным, чтобы обезопасить их от вторжения врагов из-за моря, не были обделены замками. Хертфорд, посещенный датчанами в 894 году, был укреплен Эдуардом Старшим в 914 году, который возвел здесь бурх между реками Лиа, Минеран и Бин, а в следующем году - второй бурх на противоположном берегу Лиа. Хертфорд, пишет Смит в 1588 году, имеет два замка, по одному на каждом берегу Леа. Они соответствовали двум уже упомянутым берегам. На до сих пор существующем кургане Петр де Валуан поставил замок по приказу Завоевателя. Затем им владели Магनावиллы, а Генрих Хантингдонский назвал его "замком не бессмертным, а пульхерримумом". Беркхэмпстед, такая же старая, но гораздо более значительная крепость, глава великой чести, упоминается как одна из северных защитных стен метрополии. Его насыпь, полностью искусственная, до сих пор поддерживает фундамент норманнского панциря, а к ней примыкает большая овальная площадка, стены и входы которой сохранились. Все это частично окружено несколькими концентрическими линиями берега и рва, характер которых показывает, что они были защищены острогами, а не стенами из каменной кладки. Здесь провел свои последние дни Черный принц, здесь же он и умер.

Главный замок Бедфордшира, главы баронства Бошамп, находился в Бедфорде, где Оус, которому угрожали датские галеры, в начале X века был защищен насыпью на каждом берегу, одна из которых теперь удалена, а другую венчает крепость нормандского замка. Замок Бедфорд знаменит двумя памятными осадами во времена правления Стефана и Генриха III. Из его сооружений, некогда обширных, была удалена каменная кладка, фосс также был засыпан, а курган несколько уменьшился в размерах. Ризингхоу, холм Гигантов, расположенный на реке Оуз ниже Бедфорда, кажется, имел раковинный замок, а в Темпсфорде можно увидеть любопытное, но небольшое земляное сооружение, возведенное датчанами в 921 году и взятое Эдуардом Старшим в конце того же года. Был ли на этом месте впоследствии построен нормандский замок, весьма сомнительно. Также существовал замок в Оделле или Вахулле, резиденции баронов с таким названием. Неизвестно, когда был основан Блетсоу, замок и глава баронства Бошамп. Ниже Бедфорда, на реке Оуз, находятся земляные укрепления Итон-Сокон, тоже замок Бошампов, но разобранный в ранний период.

Остатки замка Хантингдон, хотя и уменьшились до берегов, рвов и кургана, тем не менее показывают, насколько просторным и сильным должно было быть это главное место обширного графства графини Юдит и ее потомков - королей Шотландии, графов Хантингдона. Датчане расположились здесь лагерем в 921 году, а разрушенный бурх был восстановлен Эдуардом в том же году. Рвы питались из реки Оус, которая перед замком представляла собой широкое болото, а сейчас - плодородный луг. О ранней военной истории замков Коннингтон, Кимболтон и Брак почти ничего не известно.

Замок Гиффардов, графов Букингемских, включал в себя один из двух бургов, которые были возведены на противоположных берегах Оуза в 915 году, чтобы командовать рекой и защищать город. Вероятно, замок был разрушен в правление Стефана, а дальнейшая насыпь сровнена с землей. Паганели имели замок в Ньюпорте; Ханслапы - в Каслторпе; бароны Болбек - в Болбеке, ныне Булбэнкс, в Медменхеме; также, по-видимому, существовали замки в Уинслоу, Лавендоне и Уитчерче.

К западу от этого района располагались Беркшир, Оксфордшир и Глостершир. Упомянуты Виндзор, Уоллингфорд и Рединг. Виндзорский замок имеет поздненорманнское основание, и фундамент ворот относится к этому времени, как и вход в очень любопытную галерею в мелу, которая проходила изнутри под зданиями и стеной и открывалась в виде шлюза на обрыве главного рва. Курган, на котором стоит круглая башня, искусственный и был окружен валами и рвами по плану Арундела. Рединг был ранним замком и располагался между Темзой и Кеннетом, на земляном валу, за который задолго до этого боролись датчане и саксы. Предполагается, что замок был разрушен Генрихом III во исполнение Уоллингфордского договора: от него не осталось и следа. Уоллингфорду повезло больше: его курган и ограда, резиденция английского Вигода, занимают один из углов прямоугольных земляных сооружений города и упираются в реку. Он был присоединен к графству Корнуолл и представлял собой место большой силы и великолепия. До наших дней сохранилось несколько фрагментов каменной кладки, а также следы лагеря Стефана на противоположном берегу в Кроумарше. Также были замки, хотя и незначительные по значению и сомнительного возраста, в Ньюбери, Брайтвелле, Фаррингдоне и Олдуорте, последний из которых был резиденцией баронов де ла Беш.

Оксфордский замок был очень древним и крепким местом, входившим в состав оборонительных сооружений города. Сохранился курган и крипта внутри него, но крепости больше нет. Однако над берегом реки виднеется грубая и ранняя квадратная башня норманнской работы, в которой сейчас находится тюрьма. В Банбери Александр, епископ Линкольна, построил замок в 1125 году, который принадлежал короне при Эдуарде II. В

Миддлtone находился сильный замок, принадлежавший Ричарду де Камвилю в царствование Иоанна, а в Бэмптоне, Бедингтоне, Дедингтоне и Уотлингтоне были другие, меньшие по размеру постройки, возможно, разрушенные Генрихом II. Броутон, замок лордов Сэй, находится в этом графстве. Вудсток, хотя и был королевским поместьем, но, похоже, не был укреплен. Замки Ардли и Чиппинг-Нортон были разрушены Стефаном. В последнем был насыпной курган.

В Глостершире, помимо Бристоля, который был больше связан с Сомерсетом, находится замок Беркли, упомянутый в исследовании, но в своем нынешнем виде построенный Генрихом II в благодарность за услуги, оказанные герцогу Анжуйскому, и сохранившийся до наших дней в удивительно малоизмененном виде. Глостер, королевский замок, стоял на берегу Северна под одним углом от римского города. На его территории находились курган и панцирь, которые сейчас полностью сровнены с землей, а место частично застроено. Он был местом сбора и отправной точкой для экспедиций в Южный Уэльс, а также нередкой резиденцией норманнских государей. Судли и Винчкомб были ранними замками; последний стоял рядом с церковью Святого Петра и был резиденцией Кенульфа, мерсийского короля. Также были замки в Дурсли и в Бримпсфилде, построенные Осбертом Гиффардом. Единственным значимым замком Глостершира за Северном был Сент-Брайвелс, построенный Мило, графом Херефордским, вероятно, около 1130 года, на месте или рядом с местом более ранней постройки, представленной искусственной насыпью. В правление Генриха I он находился в руках короны. Он является особым главой Денского леса, надзирателем которого был констебль замка. Здесь проходили суды шахтеров, обычаи которых были весьма своеобразны. Сент-Брайвелс был связующим звеном между Глостером и теми замками Монмутшира, которые находились в руках короны. Из более мелких замков этого района можно упомянуть один в Эйлсморе близ Даймока, один близ Хантли, а также другие в Руардине и Пеньяре.

К северу от Глостершира располагались замки более чисто срединных графств - Вустера, Уорика, Стаффорда, Нортгемптона, Лестера, а к восточному побережью - Линкольна. Замок Вустера стоял на берегу Северна, рядом с кафедральным собором. Насыпь, ныне убранная, была занята каменщиком Урсо д'Абитотом, который, однако, не всегда добивался своего в конфликтах с епископом. Также на берегу Северна находились Хэнли, давно разрушенный, и Эмли, тоже резиденция Бошампов. Хартлбери, епископский замок, находится дальше вглубь страны, как и Дадли, резиденция баронов Сомери, место с большой древностью и большой природной силой.

Уорик - один из величайших и, безусловно, самый известный из замков Средней полосы, знаменитый не только своей ранней прочностью и поздним великолепием, но и длинной чередой могущественных графов, кульминацией которой стал король-изготовитель, владевший им и носивший его имя. Он был основан как бурх в начале десятого века, а на насыпи стояла крепость, которая, как говорят, напоминала башню Клиффорда в Йорке: сейчас обе постройки удалены. Замок, как обычно, составлял часть городской *черты*, а стена от западных ворот до замка стояла на ранней земляной насыпи. Недалеко от Уорика находится Кенилворт, главная крепость Средней полосы, занимающая большую территорию и сильно, хотя и искусственно, укрепленная. Об английском Кенелме ничего не известно, но основателем его норманнской постройки был первый из дома Клинтонов, один из новых графов Генриха I. Это, вероятно, единственная сохранившаяся семья, происходящая по прямой мужской линии от строителя норманнского замка первого класса. Квадратный замок и большая часть существующей стены являются оригинальными, но широкое озеро, которое так сильно увеличило его прочность и сейчас осушено и превращено в луг, было, вероятно,

более поздним дополнением, соответствующим возрасту сторожки на дамбе и любопытной земляной насыпи, покрывающей ее голову. Центральные земляные сооружения, вероятно, очень ранние. От Макстока, также замка Клинтонов, сохранились остатки. От замка в Филлонгли, главной резиденции лордов Гастингс, пока они не женились на наследнице Кантелупы и не переехали в Абергавенни, сохранилось лишь несколько фрагментов. Ральф Гернон владел замком в Ковентри. Замки Браунсвер, Секингтон и Фуллбрук, вероятно, были прелюбодейными и известны лишь по смутным преданиям. Сомнительно, что замок де Кастеллос включал в себя бурх в замке Бромвич или находился на месте более поздней усадьбы. Бурх в Секингтоне очень совершенен. У Лимесов был замок в Солихалле, от которого долгое время сохранялся ров, как и у Колешилов в этом месте. У Бирмингемов был замок в одноименном поместье, рядом с церковью; ранние замки были в Эрдингтоне, в Студли-на-Стрелке и в Оверсли, долгое время являвшемся резиденцией Батлеров, чей предок был "Пинцерной" графов Лестерских. Бельдесерт, построенный Турстаном де Монфором вскоре после Завоевания, получил рынок от императрицы Мод, а Дагдейл упоминает замок Симили, вероятно, резиденцию семьи с таким названием. Рэгли был более поздним замком. Ковентри был сильно обнесен стеной.

Линия реки Трент, проходящая через Стаффордшир, была достаточно укреплена. Стаффорд, иначе замок Чебси, построенный Завоевателем, вероятно, на месте бурха, возведенного Этельфлаэдой в 913 году, был разрушен до даты составления "Обзора" и, следовательно, вероятно, не являлся каменной кладкой. Город был укреплен. Замок баронов Стаффорд находился недалеко от города, но за его пределами. Его фундамент является оригинальным. Из замков Ферреров на Чартли указывает только курган. Бодерсерт и Бертон разрушены. Тамворт, их главная резиденция, как и резиденция Мармионов до них, до сих пор сохранил свой панцирный замок и часть куртины, примечательной своей кладкой "елочкой". В восьмом веке это была королевская саксонская резиденция, а курган, на котором стоит замок, был насыпан в 931 году. Как и в Уорехеме и Уоллингфорде, он расположен у реки в одном углу прямоугольной земляной насыпи, открытой с этой стороны. Татбери, также замок Ферреров, занимал естественный холм над Трентом, с одной стороны приподнятый искусственным буртом, а с другой - покрытый обширными земляными работами раннего периода, вероятно, первоначальными. Нынешняя каменная кладка - в основном дело рук Джона Гонта, но прекрасная старая церковь Приората, основанная ранними лордами, все еще стоит недалеко от рва. Считается, что в южной части Личфилда находился замок. В северной части находится кафедральный собор, "Личфилдский ров", защищенный широким и глубоким рвом, а с одной стороны - озером или бассейном. Не исключено, что эти сооружения, прямоугольные в плане, были выполнены романизованными бриттами, а их существование обусловило выбор этого места в качестве резиденции епископата. Епископский замок Экклсхолл недавно был отчужден. Существовал замок в Хели, в Альтоне (ныне Альтон Тауэрс) и в Стоуртоне. От замка Ньюкасл-андер-Лайн, принадлежавшего графу Честеру для Джона, не осталось и следа.

Замки Нортгемптоншира стояли в основном на линиях рек Нене и Велланд. Нортгемптон, построенный Симоном де Сент-Лизом, несомненно, на более раннем месте, был крепко обнесен стеной и знаменитым местом, где происходили важные события английской истории. Его замок давно превратился в несколько земляных насыпей и фрагментов каменной кладки, а совсем недавно и они были разрушены. От Фотерингей, очень древней крепости, которая была местом осады Генриха III, почти ничего не осталось, хотя вал и насыпь сохранились идеально. Он был разобран Джеймсом как место казни его матери. Замок Барнуэлл, вероятно, поздний, как и прекрасная укрепленная сторожка семьи Сапкот в Элтоне. В замке Эшби все следы замка затерялись в величественном старом доме, который

стал его преемником. В Лилборне от замка остались лишь умеренный курган и прямоугольная земляная насыпь. Недалеко от Таустера, в Мур-Энде, в Поттерспури, и в Олдертоне, находились замки, построенные и разрушенные, вероятно, во времена правления Стефана и Генриха II. Сам Таустер, похоже, не был укреплен норманнами, как и любопытный бурх в Эрлс Бартоне, спорном холме за графство графини Джудит. Но из всех замков Нортгемптоншира самым интересным, как по своей истории, так и по остаткам, несомненно, является Рокингем, основанный Завоевателем на старом месте, стоящий в своем старом графстве и лесу, и который всегда был обитаем и ухожен. Недалеко от Рокингема, но в Ратленде, находится Окхэм, построенный Уоклином де Феррарсом в 1180 году, где крепость исчезла, но оригинальный поздненорманнский зал вполне сохранился и до сих пор используется. От оборонительных сооружений этой замечательной крепости остались рвы и валы, часть куртины и большая земляная насыпь. Бельвуар, вполне заслуживающий этого названия, единственный другой замок Ратленда, был резиденцией Тоденисов, предков семейств Д'Альбини и Рос, а также нынешних лордов. Как и Виндзор, его круговой замок, отстроенный почти с фундамента, венчает отдельно стоящий холм, а с его террасы открывается один из самых богатых видов в Англии.

В Лестершире, между рекой Соар и римскими ратями, стоял и частично до сих пор стоит Лестерский замок, резиденция могущественных и буйных норманнских графов, стены которого, как говорят, были разрушены в 1173 году. От Хинкли, резиденции Грантмайснилов и "капут" их чести, остался только курган на обочине римского пути. Вероятно, замок был разобран Генрихом II. Гробы, замок Ферреров, давно превратился в небольшой курган, а гора Соррел, некогда столь мощная, полностью разрушена. По соглашению, заключенному на горе Соррел в царствование Стефана между Робертом, графом Лестера, и Ральфом, графом Честера, о котором уже говорилось, было решено, что замок Ральфа Гернона в Раунстоне должен быть разрушен, а Уитвик укреплен, но что между Хинкли, Доннингтоном, Лестером, Бельвуаром, Океамом и Рокингемом не должно быть построено никаких новых замков. Если же таковой будет построен, оба графа договорились снести его. Замок Сауви был одним из ранних произведений. Ранняя история замка Доннингтон, дома Зушей из Эшби, неясна.

Главными замками Линкольншира были Линкольн и Акшолм. Акшолм, построенный в одноименном болоте, был местом огромной силы и главой баронства Моубрей, расы, всегда выступавшей на стороне беспорядков. Замок давно разрушен, а болото, которому он во многом был обязан своей силой, осушено. Замку Линкольн повезло больше. Считается, что холм Линкольна сохранил следы британской оккупации, а его римские постройки и английские земляные сооружения весьма примечательны. Вскоре после завоевания 166 домов были разрушены, чтобы освободить место для самого замка, и еще 74 - чтобы освободить пространство вокруг него. Его огромные берега занимают угол римского участка и содержат части разрушенной стены и ворот, оба римские. Большой курган, самый крупный из двух, занят оригинальным панцирным замком, который, расположенный у подножия собора, возвышается над городом и открывает вид на широкую равнину за его пределами. Замок Линкольн часто посещали норманнские короли, но особенно знаменит он тем, что в 1141 году под его стенами состоялась великая битва, в которой Стефан был взят в плен Робертом, графом Глостером, и его людьми из Гламоргана.

Существовал замок Моубрей в Эпуорте, ныне разрушенный, и замок в Кенефаре, заложенный Генрихом, епископом Линкольна, в царствование Генриха II. Борн или Брун в 870 году был резиденцией саксонского тана, чей курган после Завоевания заняли лорды Уэйк. В свое время это было важное место, и сохранившиеся земляные сооружения

показывают, что его площадь была значительной. Замок Болингброк, некогда служивший "капищем" для почетного гостя, теперь разрушен. Стамфорд-на-Велланде охранялся двумя курганами, возведенными в 922 году, один из которых исчез, а другой, как и в Бедфорде и Букингеме, был сохранен благодаря включению в нормандский замок, который больше не виден. Слефорд, епископальный замок, периодически упоминавшийся в XII веке, теперь исчез, как и замок Хорнкасл, восстановленный Аделаис де Конди в 1151 году, но в то же время приказанный к сносу, который, вероятно, стоял в стенах римской станции, от которой сохранились большие фрагменты. Битхэм также исчез: его взял в осаду и сравнял с землей Генрих III в 1218 году. Фолкингем, "Мансио капиталис" Ульфа Констебля, принадлежал Гилберту де Гароду, а спустя долгое время перешел к лордам Бомонтам. Бутби был укрепленным домом Пэйнеллов или Паганелей и относится к позднему нормандскому периоду. Замок Топклив был построен Джеффри, избранным епископом Линкольна, в 1174 году.

ГЛАВА VII.

ЗАМКИ АНГЛИИ И УАЛИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧАСТИ ДЕВЯТОГО ВЕКА *(продолжение)*.

Замки графств Ноттингем и Дерби, Йоркшира, Ланкашира и Чешира завершают рассказ о крепостях к югу от Тиса и Луны. В Ноттингеме, одном из замков, заказанных и, возможно, построенных Завоевателем на скале высоко над Трентом, находился один из самых грандиозных прямоугольных замков. В семнадцатом веке его снесли и заменили зданием примерно таких же размеров, но совсем другого характера. У подножия скалы находились два кургана, возведенные в десятом веке, чтобы контролировать прохождение Трента, но они также были разрушены. Еще одним замком на Тренте был Ньюарк, построенный Александром, епископом Линкольна, в двенадцатом веке. Из очень значительных остатков сохранился фронт, обращенный к реке, - внушительная масса каменной кладки, эффект которой усиливается огромной сторожкой на его фланге, норманнской работы, необычного размера и великолепия. План этого замка почти квадратный, и, возможно, он представляет собой римский лагерь. Существовал замок в Уорксопе.

Старейший и самый примечательный из дербиширских замков - Каслтон или Певерил в Пике, с его небольшим, но крепким прямоугольным замком, построенным на краю обрыва, у основания которого находится знаменитая пещера, одно из чудес Пика. Болсовер, ныне почти полностью перестроенный, также был замком Певерилов. От Шеффилда, замка Фернивалов и Тальботов, расположенного на слиянии Шифа и Дона, сейчас ничего не осталось. Ранние замки или, возможно, укрепленные дома были в Кодноре, местечке Зоуч, Мельбурне и Гресли. Также Богис и Харестон были замками Дербишира во времена правления Генриха II.

На широких просторах Йоркшира было много достойного защиты, и населяла его раса людей, не склонных ее обеспечивать. Йоркские курганы, оба первого класса по массе и высоте, были расположены на обоих берегах Оуза, глубокого и широкого потока. Один из этих курганов стоит на слиянии реки Фосс с Оузом, над болотистой местностью, между ней и стеной римского Эборакума. Здесь Завоеватель поставил свой первый замок, а в хранилище и на просторной территории под ним разместился Уильям Малет со своими 500 рыцарями и

их последователями. Среди множества современных работ до сих пор прослеживаются старые стены, а на вершине кургана до сих пор стоит очень красивый ракушечник, хотя и раннеанглийского происхождения. Другой курган, холм Бейл, расположенный к югу от реки и связанный с земляными сооружениями более позднего города, также был укреплен Вильгельмом, но в спешке и только из дерева, которое, похоже, никогда не было заменено каменной кладкой. Город сильно укреплен стенами и рвом, а знаменитые ворота или бары содержат ядро или сердцевину норманнской кладки. Рядом с Йорком по значимости стоит Скарборо, оплот Уильяма ле Гроса, графа Аумарла, и цитадель Холдернесса. Можно сказать, что замок занимает всю вершину скалистого мыса, защищенного с трех сторон обрывистым утесом, у подножия которого раскинулся Немецкий океан, а в сторону суши - глубокая природная впадина. Подход к нему пролегал по узкой насыпи, поднятой на арках, разделенной в центре разводным мостом и мостовой башней, прикрытой с внешней стороны мощным барбаканом и заканчивающейся под возвышенной прямоугольной крепостью, большая часть которой сохранилась до сих пор, и со стороны которой находился последний вход и, вероятно, еще один разводной мост. По словам Роберта де Брюнна.

"Не было ни одного входа

Что к замку примыкал

Но прямая дорога

А в конце - разводной мост".

Скарборо - не только сильный замок, созданный природой и искусством, но и способный вместить несколько тысяч человек - фактически, небольшую армию. К югу от Скарборо, также на побережье, но там, где естественные преимущества скалы пришлось компенсировать огромными земляными укреплениями, находился Скипси, который держал и укреплял Дрого, фламандский лейтенант Вильгельма в этой стране. Олдброу также был замком Холдернесса, построенным Одо из Аумарле, от которого остались только курган и стена.

Между Скарборо и Йорком находился Мальтон, резиденция графа Сиварда, которую удерживал Давид Шотландский против короля Стефана. Сейчас каменная кладка исчезла, но на месте замка до сих пор сохранились следы римского лагеря, в пределах или на краю которого он стоял. К северу от Малтона находится Пикеринг, некогда бурх английского Моркара, где на кургане сохранились остатки панцирной крепости. Здесь курган является центральным между и общим для обоих приходов. Общая ограждающая куртина довольно совершенна, и все это представляет собой прекрасный пример того, как норманнские архитекторы обращались с земляными сооружениями, когда курган стоял в центре ограды, а не, как обычно, по одну сторону от нее. На окраине Пикеринга находится Хэмлейк или Хелмсли, резиденция баронов де Рос до того, как они унаследовали Бельвуар, где остатки очень позднего прямоугольного замка стоят на одной стороне прямоугольного двора, с двумя регулярными воротами, стенами, построенными на высоких берегах, и за ними сильными и обширными земляными и каменными укреплениями. Трудно судить о возрасте этих земляных сооружений. Они накладываются на небольшой римский лагерь и, несомненно, являются более поздними. В Малгрейве и Норманби были замки; в последнем до сих пор сохранились части прямоугольной норманнской крепости. Малгрейв стоит на морском утесе. Он был резиденцией саксонского вада, а затем замком Найджела Фоссарда и Моубрей. В Гиллинге некоторые ранние своды и стены были использованы в более позднем замке Фэрфаксов. В Тирске, Блэк-Буртон-ин-Лонсдейл и Мальзерд, "столице" трех баронств Моубрей, в двенадцатом веке находились замки, имевшие определенное значение. В

Мальзерде и Буртоне сохранились значительные земляные сооружения. Тадкастер, сильное место как в римские, так и в датские времена, также обладал нормандским замком, от которого, однако, остались только курганы; еще меньше сохранилось от Норталлертона работы Хью Пьюизета, сданного Генриху II в 1174 году и приказанного к разрушению в 1177 году. Его земляные укрепления пересекает железная дорога. От Танфилда, замка Фиц-Хью и Мармионов, до сих пор сохранились небольшие остатки.

Великий замок Северного Йоркшира - Ричмонд, названный так по имени графа Алана, который в 1070 году получил владения английского Эдвина и перенес резиденцию из соседнего Гиллинга, где долгое время сохранялись земляные укрепления, на более прочную позицию на реке Суэйл. Нормандский замок был построен в 1071 году: он занимает большую территорию, большая часть которой защищена естественным обрывом. Ограждающая стена в основном сохранилась, а внутри нее находится любопытная маленькая норманнская часовня. Прямоугольный замок расположен в самой слабой части цепи рядом с городом, а перед ним находятся остатки барбакана. В известном "Registrum Honoris de Richmond" указано, к какой части замка относилась охрана каждого крупного арендатора, а зал, который семья Сколландов обязана была содержать и охранять до сих пор, носит их имя. Город также был обнесен стеной. Недалеко от Ричмонда сохранились скудные и поздние остатки Равенсвата, замка Фиц-Хью, а ниже по течению Свейла находился Бедейл, замок "красавца Брайана де Фиц-Алейна", ныне полностью исчезнувший, хотя его местоположение все еще указывают. Однако о воинственных привычках лордов свидетельствует любопытный портукус, закрывающий дверь колокольни приходской церкви. Замок Миддлхэм, расположенный на краю знаменитого болота, был основан Рибальдом, братом графа Алана и предком по женской линии великого рода Невиллов, при котором норманнская крепость получила красивое дополнение и приобрела свою славу. Машам, замок Скропов, сейчас представляет собой просто руины. Дракс, похоже, принадлежал Ральфу Паганелю еще во времена правления Стефана. Мерхолл, в Уэстоне, замок баронов Ланкастеров, по преданию, был разрушен королем Иоанном. Килларби, Альбрук-он-Тис и Коудвелл были ранними замками, как и Армантвейт, Боус, Хатлеси, Сигстон и Уорлтон. От Глестона остался холм, над которым, как считается, возвышалась крепость; Хорнби также был замком Лонсдейла. Однако перевалы Луны больше славились своими оборонительными земляными сооружениями, возведенными датчанами или англичанами, чем норманнскими замками.

Конингсборо, расположенный на Дону, не только по своему положению, но и по архитектуре является одним из самых примечательных йоркширских замков. Его грандиозная цилиндрическая башня, поддерживаемая контрфорсами большой глубины и высоты, по дизайну и мастерству исполнения превосходит Пемброк и почти соперничает с Куси. Она стоит на вершине крутого скалистого холма и вписана в более раннюю норманнскую стену, которая построена на крутом краю скалы и окружает двор умеренной площади. На склоне сохранились остатки входа и укрепленного подхода, а у основания холма находится ров, или, скорее, овраг, а с одной стороны за ним - земляное сооружение. Вероятно, холм был использован в качестве опорного пункта с давних времен, а каменная кладка - дело рук Уорренов, графов Суррейских, и она достойна их величия. Замок Кнаресборо на реке Нидд, который посетил Генрих II в 1181 году, занимает вершину скалистого мыса. Здесь крепость, хотя и имеет норманнскую форму и размеры, датируется Декором и отличается совершенством деталей. Соседний город также был укреплен, но, по-видимому, только рвом и валом. Понтефракт, еще один знаменитый йоркширский замок, тоже своеобразен. Здесь замок окружает большую и возвышенную платформу из скалы, обтесанную и увенчанную по всему периметру, на одном конце которой, окруженной земляной насыпью, находится круглая крепость. Большая часть каменной кладки относится к одиннадцатому или началу

двенадцатого века. Любопытны его подземные ходы и камеры, относящиеся к норманнской эпохе. Кроме этих, в Йоркшире есть множество других замков, связанных по большей части с великими баронскими семьями и сыгравших свою роль в обороне страны от шотландцев. Харебуд, считающийся датской резиденцией, был замком Роберта де Ромели; Скиптон, также построенный этой семьей, содержит некоторые ранние части и всегда был обитаем. Килтон был замком Кливленда, как и Каслтон, где Брюсы укрепили насыпной холм. Бертон был пожалован Завоевателем тому же роду, поскольку был резиденцией графа Моркара; Дэнби также был замком Брюсов, а замок Скелтон, построенный в 1140 году, был главой их баронства. Здесь же находился архиепископский замок Кавуд, а также Крейк, замок епископов Дарема, упоминание о котором относится к седьмому веку. Байнард был замком лордов Уэйков из Коттингема; замок Лидс был осажден Стивеном в 1139 году; Уилтон был ранним замком Булмеров; Гисборо был основан в 1120 году; замок Сэндал, под стенами которого произошла битва при Уэйкфилде, был поздним замком Уорренов, но курган и земляные сооружения очень масштабные и старые. В Йоркшире также находилось значительное количество укрепленных домов, некоторые из которых носили названия замков, хотя их раннее происхождение точно не известно; таковыми были Райтер и Слингсби. Говорят, что существовал замок в Упсале, а также в Хильдерскульфе, на территории замка Ховард. Урессилл и Шериф Хаттон в их нынешнем виде очень поздние, но последний имеет раннюю историю, а рядом с приходской церковью находятся примечательные земляные сооружения, которые, как полагают, обозначают место раннего замка.

Йоркшир богат земляными сооружениями, особенно насыпными курганами. Многие из них уже упоминались как включенные в более поздние замки; есть и другие, по крайней мере, такого же возраста и прочности, которые, похоже, никогда не были связаны с каменной кладкой: Мексбро, Каслтон, Уэйкфилд, Левингтон на реке Левен и другие на реке Луна. Известно, что некоторые из них были резиденциями английских графов и танов, а после Завоевания пришли в упадок и запустение, хотя в тот период они, вероятно, были грозными.

Ланкашир в эпоху строительства замков не был признан графством, а был разделен на часть, которая в то время входила в Йоркшир, и участок между Мерси и Риббл. Последняя составляла большое баронство Роджера Пуату, младшего сына графа Роджера Шрусберийского. Его замок Пенвердант или Пенуортхэм назван в "Domesday", а его колоссальная гора до сих пор называется Замковым холмом, но "caput" баронства был замок Клитеро, небольшой, но крепкий квадратный замок которого стоит на крутом мысе скалы и, должно быть, был почти недоступен для нападения. После падения графа Роджера Клитеро перешел к Лэйси. Великий замок Ланкашира находится в Ланкастере, удачно расположенном высоко над широкой водой Луны и на территории римского каструма, откуда он и получил свое название. Здесь, как и в Карлайле, железная дорога проложена таким образом, что замок виден очень хорошо. Замок приписывают Рожеру из Пуату, но норманнский замок, грандиозное сооружение высотой девяносто футов, появился несколько позже, как и ворота Эдвардианской эпохи, также являющиеся превосходным образцом военной архитектуры. К сожалению, будучи тюрьмой, он закрыт для посетителей-антикваров. В Ливерпуле был замок, построенный, как говорят, тем же Роджером в 1076 году. Замки Мерхулл и Киркби в Ланкашире приписывают Гилберту Фиц-Рейнфриду. Похоже, что во времена Лиланда в Манчестере был замок на реке Ирвелл, недалеко от старого города, и еще один в Гринхальге, а также недалеко от Рочдейла, вероятно, в Каслтоне, где находился бурх английского лорда. В Халтоне также находится возвышенный бурх, как обычно, рядом с церковью, что указывает на место "аулы" английского лорда и на замок его нормандского преемника. Каслхед в Аттерполе, недалеко от Картмела, также считается ранним замком.

Замки Холланд, Хорнби, Пил, Турланд, Ульверстон и Глейстон, вероятно, относятся к более позднему времени.

Чешир, палатинское графство Хью, названное, вероятно, его потомками, "Волком", стоящее на границе с Уэльсом, требовало и было снабжено множеством сильных мест. Честер, резиденция графства, представляет собой римскую Деву, *Castra Legionum*; а нормандский замок с небольшим и ранним прямоугольным замком, занимающим один из углов территории, стоит на берегу реки Ди. Недалеко от Честера в Вирралле находился Шотвик, от которого сохранились земляные сооружения, а выше по течению Ди - Холт. Бистон - почти единственная примечательная крепость в графстве. Она стоит на платформе неприступной скалы. Кладка, скорее всего, поздняя, а глубокий колодец может быть частью норманнского замка. Все пятнадцать баронов Пфальца, феодалов графа Хью, имели замки, но они, представлявшие собой частные владения, в большинстве своем продолжали оставаться занятыми и превратились в укрепленные дома. На месте и в большей или меньшей степени в остатках можно увидеть Халтон и Киндертон - замки Уильяма Фиц-Хью и Венейблса; Шипбрук - Вернонов; Нантвич - Пирса Мальбанка; Малпас - Роберта Фиц-Хью; Данхэм - Хамо де Масси. Также существовали замки в Фродшеме, Олдкаселе, Аттерсфорде, Пулфорде, Додлстоне, Шокличе, Нантвиче, Стокпорте, Бертоне, лесу Уллер, Ранкорне, Западном Дерби, Нортвике, Касл-Кобе и, вероятно, некоторых других. Многие из этих мест отмечены насыпными курганами, а кроме того, в графстве есть множество подобных курганов, на которых, судя по всему, не было каменной кладки.

Таким образом, между Темзой и Тисом, Бристольским Эйвоном и Луной в центральной части Англии к концу правления Генриха II находилось не менее 214 замков, из которых около 17 имели прямоугольные и 44 панцирные крепости. Что касается остальных 153, то о них ничего точно не известно, или же они, как выяснилось, не принадлежали ни к одному из великих типов. Из этих замков, вероятно, не менее 180 стояли на старых английских участках, и лишь немногие можно с уверенностью сказать, что они были построены на совершенно новых фундаментах.

Остаются замки северных графств, Уэстморленда и Камберленда, Дарема и Нортумберленда, которые на протяжении веков подвергались вторжениям из-за Твида и были укреплены соответствующим образом. В этом районе находилось по меньшей мере четыре замка первого класса - Дурхам, Бамбург, Норхэм и сильно укрепленный город и замок Бервик; второго класса - Бро, Эпплби и Броам, Кокермут, Карлайл, Прудхо и Ньюкасл, Форд и Алнвик, а также Уоркворт. Кроме них были и другие, некоторые, возможно, временами почти равные им по значимости, но постоянные вторжения шотландцев были фатальны для английских крепостей, как и для шотландских, и поэтому многие из них по обе стороны границы снова и снова сжигались и сносились, пока не были либо не восстановлены, либо представлены только башнями и замками, которые снова были разрушены, так что от очень многих замков сохранились только названия.

Озерный край Уэстморленда был сильным и мало чем привлекал грабителей; но на его краю, на извилистом берегу Имонта, стоит замок Броуэм с чисто нормандской крепостью, свидетельствующей о могуществе баронов Випонт, его ранних владык. Он стоит на месте хорошо сохранившегося римского лагеря, как и Броу, другой норманнский замок, тоже с прямоугольным замком. Похожая крепость в Эпплби до сих пор обитаема. Замок Кендал, вероятно, является ранней крепостью, хотя от него не осталось ничего, кроме окружения и не очень ранней стены. Уэстморленд особенно богат укрепленными усадьбами, некоторые из которых могут находиться на старых местах, хотя большинство, как и замок Пенрит,

относятся к более позднему периоду. В Бьюли, Хартли, Хаугилле и Пендрагоне были свои замки.

Карлайл - цитадель Камберленда, на протяжении многих веков он был самой важной крепостью на севере, играя значительную роль в каждой шотландской войне. Название говорит о ее британском происхождении, а ее расположение привело к тому, что ее взяли на вооружение римляне; и действительно, говорят, что ров южной из двух великих линий обороны, воздвигнутых этим народом, отделяет замок от города. Камберленд несет на себе множество следов датских вторжений, и во время одного из них в девятом веке Карлайл был опустошен, и так оставался до тех пор, пока в 1093 году Вильгельм Руфус не основал замок и не присоединил город к своему королевству. Его преемник возвел город в ранг епископального города и достроил все необходимое в замке. Заплатанный и запущенный, замок и окружающие его стены по большей части сохранились. Замок Роуз, резиденция епископа, расположенный выше по реке, находится на старом месте и частично сохранился. Сохранился Кокермут, замок Уильяма де Мешинеса и лордов Люси, а рядом с ним, в направлении Сент-Бис, - фрагмент Эгремонта, также построенного де Мешинесом. В Скалеби, на самой открытой границе, сохранился замок де Тиллиола - правда, не одиннадцатого века; чего нельзя сказать о Бьюкасле, построенном лордами де Во. Наворт, до сих пор населенный, был унаследован Говардами от Дакров, которые также, вероятно, дали название Дакру, скорее крепкому дому, чем замку. Кроме того, существуют или существовали крепости Сент-Эндрюс, Аскертон, Бленкрейк, Сент-Бис, Касл-Коррок, Корби, Кэннонби, Далби, Дилстон, Даун-Холл, Данваллогт, Дрейдакс, Грейсток, Хортон, Харингтон, Хей-Касл, Хетон, Хайгейт, Иртон, Ст. Джона, Фезерстоун, Кирк-Освальд, башня Кайлоу, Лидделл-Стрит, Линсток, Лортон, Миллом, Оусби, Роуклифф, Шэнк, Триермейн и Вулсти. Многие из них разбросаны по более открытым частям графства, другие находятся в тылу римской стены.

Замок Дарема, взятый сам по себе, соперничает с Бамбургом как по положению, так и по величию, но если взять его в совокупности с собором и сопутствующими зданиями,

"Наполовину церковь Божья, наполовину крепость против шотландцев".

эта группа не имеет себе равных. Главной особенностью замка является круговая башня, перестроенная, вероятно, из старейших и наиболее полных построек такого типа в Британии. Нижняя часть замка также просторна и включает в себя множество зданий, некоторые из которых относятся к ранненорманнскому периоду. Замок стоит на корне скалистого полуострова, вдающегося в Тис, и находится между городом и величественной святыней и последним пристанищем святого Катберта. Старые части были построены, вероятно, в правление Завоевателя, около 1088 года, когда Вильгельм, изгнав Карилефа, владел иерархией; другие власти приписывают эту работу епископу Комину в 1072 году. Два главных замка епископства - Рэби и Барнард-Касл, поскольку Норхэм находится практически в Нортумберленде. Рэби, знаменитая резиденция Невиллов, имеет норманнское происхождение, как и замок Барнард, хотя его прекрасная круглая башня построена позже. В плане этот замок очень напоминает Ладлоу, которому он ничуть не уступает по своему расположению. Его название происходит от имени Барнарда де Балиоля. Бранспет, также замок Невиллов, - благородное сооружение, но более позднее, чем Рэби. В Боусе находится поздний норманнский замок. Кроме того, можно упомянуть Ламли, Стейндроп, Стрейтлам, Виттон, Стоктон и Бишоп Окленд. В местных расправах также встречаются названия замка Эвенвуд, расположенного недалеко от Окленда, Хилтона, Холи-Айленда и, более известного благодаря его более поздним владельцам, Равенсворта. Епископство было хорошо укреплено, кроме того, его пересекали глубокие овраги Тиса, а границей служил Тайн.

"На первом месте, - цитата взята из трудов автора, который, как никто другой из ныне живущих, накладывает свой отпечаток на то, что пишет, - "среди памятников Нортумберленда, в более узком смысле графства за Тайн, стоят замки; Замки всех размеров и форм, от Бамбурга, где замок занимает всю территорию королевского города, до самой маленькой башни, где самый ничтожный сквайр или пастор искал убежища для себя на верхней площадке, а для своих коров - на нижней. Пелевые башни Пограничья, как и бесконечные маленькие квадратные башни Ирландии, по сути, являются замками. Они демонстрируют тип норманнской крепости, сохранившийся в небольших масштабах до очень позднего времени. Возможно, многие из замков, которые возникали во времена анархии и разрушались при восстановлении порядка, многие из одиннадцати с лишним сотен замков, которые появились на земле во времена анархии Стефана, были не намного более притязательными. Во всяком случае, от великого замка Ньюкасла - если бы мы не находились в Нортумберленде, нам следовало бы говорить о гораздо более великом замке Колчестера - до самой маленькой башни, сохранившейся в качестве небольшой части современного дома, идея, которая проходит через все, абсолютно одинакова. Замки и башни, большие и маленькие, являются наиболее заметной чертой графства. Они отличают его от тех графств, где замки любого типа встречаются редко; а использование типа больших замков в очень малых масштабах отличает его от других земель замков. В Уэльсе нормандский замок не является обычным явлением; замки, в основном, более поздние по дате и более сложные в плане; а небольшая квадратная частная башня, отличительная черта Севера, там практически не встречается. Нортумберленду есть что показать путешественнику во многих отношениях, начиная с римской стены и далее, но особенно характерно то, что это земля замков".

Говорят, что в Нортумберленде было шестьдесят замков, но в это число наверняка входит множество укрепленных домов и замков частного дворянства. Алнвик, более известный как резиденция графов Нортумберлендских, чем как строитель и первый лорд, представляет собой прекрасный пример баронского замка. Замок, или центральная палата, включает в себя открытый двор, в который входят нормандские ворота, инкрустированные декорированной сторожкой, и вокруг которого, в сочетании с занавесом, располагались зал, кухня, часовня и жилые помещения лорда. Большая часть двора была перестроена, но старые линии и большая часть старых фундаментов сохранились, и эффект, вероятно, не отличается от первоначального нормандского двора. Концентрические оборонительные сооружения, стены, башни и барбакан - старые, хотя и не оригинальные. Замок стоит между городом и рекой Альн, за которой находится парк. Его строителем, по-видимому, был Юстас де Веши в поздний норманнский период, до 1157 года. В трех милях к северу находится башня Хайфарленд. Уоркворт, построенный одним из представителей рода Фиц-Ричардов во времена правления Генриха II, сильно пострадал от Вильгельма Льва, осадившего его в 1176 году, но до сих пор сохраняет значительные остатки первоначальной работы. Тайнмут, островная крепость, кажется, был резиденцией графа Уолтеофа; долгое время после этого он был замком Перси. Прудхо, замок Умфравиллов, построенный в середине одиннадцатого века, имеет небольшой норманнский замок и большую часть первоначальной куртины. Из дополнений - барбакан и любопытная часовня над воротами. Первоначальный замок был безуспешно атакован Вильгельмом Шотландским в 1174 году. Замок Ньюкасла, расположенный на берегу Тайна и входящий в городские стены, был построен Робертом Куртозом в 1080 году и представляет собой прекрасный образец прямоугольного норманнского замка с любопытной оранжереей в передней части здания и большим количеством фресковых переходов и палат, так что во многих отношениях кажется, что он построен на полвека позже, чем указано в документах. Он также хорошо сохранился, если не считать некоторых неосмотрительных переделок, сделанных много лет назад, и доступен

каждому посетителю, находясь в руках местного антикварного общества и под надежной и умелой защитой историка римской стены.

Бамбург, вероятно, самая древняя и во всех отношениях самая благородная и историческая из нортумбрийских крепостей. Он был основан огнерожденной Идой в шестом веке, когда его обнесли изгородью, а затем стеной, но большая часть его окружности уже была укреплена естественной скалой большой высоты. Замок занимает всю эту возвышенную платформу из базальта, одна сторона которой упирается в морской пляж. Стена построена вдоль края обрыва, а над всем этим возвышается великолепный квадратный норманнский замок довольно позднего времени, несколько измененный внутри и все еще обитаемый, но сохранивший большинство своих первоначальных черт и в целом представляющий очень величественный вид. Бамбург, как и Алнвик, попал под волшебную палочку чародея, и любое упоминание о нем было бы неполным, если не обратить внимание на следующий отрывок из "Saturday Review": "В Бамбурге, прежде всего, мы чувствуем, что мы паломники, пришедшие совершить службу в одной из великих колыбелей нашей национальной жизни. Это единственное место на севере Англии, вокруг которого собирается тот же интерес, что и к местам высадки Хенгеста, Илле и Сердика в южных землях. Это место для англов то же, что эти места для джутов и саксов. История зарождения англиканских королевств менее богата романтическими и личными преданиями, чем история их соседей - джутов и саксов. Если только мы не примем сказку об Окте и Эбуссе, у нас нет сведений о реальных лидерах первых тевтонских поселений в англиканской части Британии. Самые ранние королевства, похоже, не были основаны новыми пришельцами из-за моря, а образовались в результате слияния небольших независимых поселений. Однако вокруг Бамбурга и его основателя Иды собирается вся история Нортумбрии. Хотя его крепость построена более чем на пятьсот лет позже времени Иды, хотя лишь местами мы видим фрагменты каменной кладки, которые, как мы даже предполагаем, могут быть старше крепости, все же вполне допустимо, когда поэт северной Британии говорит о Бамбурге как о "крепости короля Иды". Основатель Нортумбрийского королевства, первый, кто носил королевское имя в Бамбурге, воин, о котором трепещущие бритты говорили как о "носителе пламени", в единственном небольшом достоверном упоминании о нем предстает не как лидер новой колонии из старой Англии, а скорее как человек, который собрал несколько разрозненных поселений в единую нацию и королевство. Летописец пишет о нем, что в 547 году он "вступил на царство"; но ничего не говорится о том, что он, подобно Хенгесту или Сердику, пришел из-за моря. И все остальные рассказы соответствуют тому же представлению. Генрих Хантингдонский, хотя у него нет ни рассказа, ни баллады, которую можно было бы перевести, несомненно, следовал какой-то старой традиции, когда описывал, как вожди англичан после ряда побед над валлийцами объединились, чтобы поставить над ними короля. И все сходятся во мнении, что Бамбург, названный так по имени королевы Беббе, является особым творением Иды. Каково бы ни было происхождение этого названия, оно наводит на мысль о родственном имени восточнофранкского Бабенберга, которое сократилось до Бамберга в результате того же процесса, который сократил Беббанбург до Бамбурга. Однако Бамбург был крепостью от природы, еще до того, как Ида огородила его сначала изгородью, а затем стеной. Здесь мы видим последовательность ранних стадий фортификации: сначала палисад, а затем земляная стена, *vallum*, а не *murus*, римского искусства обороны. Но, независимо от того, живая изгородь это или стена, место Бамбурга уже было замком, прежде чем оно было огорожено простейшими формами искусства. Этот массив изолированной базальтовой скалы, нахмурившийся с одной стороны на море, с другой - на сушу, действительно был местом, отмеченным природой для владычества. Здесь жили сменявшие друг друга

бернские короли, эльдормены и графы; здесь они укрывались, как в неприступном убежище, от набегов шотландцев и датчан. Здесь в ужасе затворился старший Вальтеоф, а его доблестный сын Утред отправился вперед и спас от захватчика только что основанные церковь и город Дарем. Здесь располагалась штаб-квартира графа Госпатрика, в то время как он и шотландский король Малькольм поочередно опустошали земли друг друга. В более ранние времена изгнанный нортумбрийский король, бежавший от своего народа в поисках убежища у пиктов, некоторое время защищался в Бамбурге, что дало возможность местному летописцу Нортумберленда дать нам самое раннее представление об этом месте. Баэда, не упоминая названия, говорил о Бамбурге как о королевском городе, и у нортумбрийского летописца Бамбург предстает не только как крепость, но и как город. Он говорит о "Bebba civitas" как об "Urbs munitissima non admodum magna". Он занимал площадь не более двух-трех полей, но все же это был город, хотя и с высокими ступенями, и с единственным входом, выдолбленным в скале. Его вершину венчала не норманнская крепость, а церковь, которая, по меркам восьмого века, была хорошей. В этой церкви находился драгоценный ларец, в котором хранилась еще более драгоценная реликвия - чудотворная правая рука короля-мученика Освальда. Мы также читаем о том, что город, расположенный на океанской скале, был, в отличие от внутреннего холма старшего Солсбери, хорошо снабжен водой, чистой на вид и сладкой на вкус. Итак, мы видим, каким на самом деле был королевский город Бернского королевства. Он просто занимал нынешнюю территорию замка. Нынешняя деревня с ее величественной церковью, даже по своему происхождению, относится к более позднему времени. Но к тому времени, когда мы доходим до события в истории Бамбурга, о котором нам рассказывают в самых поразительных подробностях, замок уже возник; английский город превратился в нормандский замок. Во времена Руфуса, когда свирепый Роберт Моубрей во второй раз поднял мятеж, крепость Бамбург, надежно укрепленная на скале и защищенная окружающими волнами и болотами, считалась неподвластной даже Красному королю, чтобы покориться силой оружия. Построить еще одну крепость для его сдерживания, ἑπίτειχισμός, как назвал бы ее грек, носившую насмешливое имя *Мальвуазин*, - вот и все, что можно было сделать, пока мятежный граф держался в неприступных стенах. Только когда он рискнул остаться без стен, когда его привели к ним в качестве пленника, с выжженными глазами, если его доблестная жена откажется сдаться, Бамбург перешел в королевские руки".

В Митфорде находится очень своеобразный норманнский замок, который до сих пор удерживают потомки его первых лордов. Ботал, замок Оглов, может быть, и старый, но его нынешние останки едва ли таковыми являются, как и замок Морпет, принадлежавший де Молеям.

Остатки замка Бервик незначительны, и на их территорию надвигается железнодорожная станция, но в соседнем городе сохранились берег и ров, а также пара низких башен или бастионов от древних оборонительных сооружений, а внутри них - цитадель времен Вобана. Выше, на противоположном, английском берегу Твида, находится величественный епископальный замок Норхэм, являющийся предметом особой заботы епископов Дарема. Его прямоугольная крепость необычного размера и, хотя она полностью норманнская, относится к двум периодам. Части его стены также являются оригинальными, как и сторожка, а вокруг него находятся различные земляные насыпи, остатки, очевидно, некоторых осад, которым он подвергся, а за ними - линии большого римского лагеря.

Норхэм, приписанный епископу Фламбарду в 1121 году, был сдан Генриху II епископом Пюизетом в 1174 году, а в 1177 году перешел во владение Уильяма де Невилля. Под стенами и в прилегающей приходской церкви Эдуард принимал и решал претензии на шотландский

престол. Среди более значительных замков Нортумбрии были Форд, Чиллингем, Уорк и умфрейский замок Харботтл. Также следует упомянуть Айдон, Бавингтон, Белсей, Беллистер, Биртли, Бленкинсоп, башню Байвелл, башню Бурраден, Кафитон, Карлингтон, Чипчейз, Корнхилл, башню Кокл Парк, Коупленд, Дейл, башню Даддон, Эдлингем, Эррингтон, Элсдон, Этал, Эскотт, Фарн, башню Фенвик, Хортон, Хоутон, Хитон, Херст, Хеммелл, Кайлоу, Лэнгли, башни Литтлхарл и Лилберн, Лемингтон, башня Ньютон, Огл, Понтланд, Саймонсберн, Спילוу, Суинборн, башня Шортфлатт, Тарот, Тайнмут, Тирлволл, Уоллингтон, Уиддрингтон, Виттон, Виллисмотевики, и еще несколько пилластр, замков и ранних рвов, показывающих, где раньше стояли крепкие дома. Факт заключается в том, что на протяжении многих веков ни один владелец земли вблизи шотландской границы не мог жить без какой-либо защиты, и тщательное исследование, хотя оно может не обнаружить следов некоторых из них, вероятно, установит, что многие из них еще не зарегистрированы.

Таким образом, получается, что в четырех северных графствах насчитывается не менее 103 укрепленных пунктов, из которых десять могут похвастаться прямоугольными норманнскими, а один или, возможно, два - панцирными крепостями, а о девяносто одном мало что известно.

ГЛАВА VIII.

ЗАМКИ АНГЛИИ И УЭЛЬСА В ПОСЛЕДНЕЙ ЧАСТИ ДЕВЯТОГО ВЕКА *(окончание)*.

Осталось перечислить замки к западу от Северна и Ди вплоть до Дайк-оф-Оффа. К этой территории следует добавить, с одной стороны, половину Шропшира, которая находилась на английской стороне Северна; с другой - одну или две долины, такие как верховья Северна и Уай, проникающие в сердце Уэльса; а с севера и юга - участок морского побережья, доходящий в одном случае до Конви, а в другом - до Пемброка и включающий Аберистуит. Из этих пограничных земель, разделенных на северную, среднюю и западную Марчи, первая была отдана Завоевателем под управление Хью графу Честеру, вторая - Роджеру графу Шрусбери, Арунделу и Монтгомери, а напротив последней, большая часть которой была еще не завоевана, был поставлен Уильям Фиц-Осберн, граф Херефорд. На севере и в средней части Марча противоположные части Уэльса были гористыми и сильными, очень опасными для вторжения и малоценными для завоевателя; но на юге страна была более открытой и плодородной, гораздо менее опасной для захватчика и гораздо более привлекательной для корыстолюбивого поселенца. Общая политика заключалась в том, чтобы проникнуть в страну по открытым долинам и морскому побережью и в определенных местах возвести замки, достаточно прочные, чтобы противостоять внезапному нападению, а иногда и достаточно вместительные, чтобы содержать людей и запасы, достаточные для подкрепления войск в поле, или для их приема и сплочения, когда они терпят поражение.

Тремя главными крепостями, которые, находясь на английской территории, с военной точки зрения являлись базой для операций в Уэльсе, были Честер на реке Ди, Шрусбери на реке Северн и Глостер в устье той же реки; последний был при мерсийских королях местом большой силы и важности. Честер и Глостер были римского, а Шрусбери - британского происхождения. Перед Честером и за устьем реки Ди находились замки Хаварден, Эвлоу, Халкин, Флинт, Дисерт, Раддлан и Диганви, простирающиеся на морском побережье или на

небольшом расстоянии от него вплоть до реки Конви . К югу от них, вглубь материка, расположены Каергвртл, Молд, Рутин, Денбиг и Бейсингверк, последний из которых находится почти на дамбе Уатта. Упоминается замок Хоуп, но это, вероятно, один и тот же замок с Каергвртлом и Овертоном, который, хотя и находился на чеширской стороне Ди, принадлежал князьям Повис. По всей видимости, он был основан Уильямом Пeverелом и защищался им от Стефана в 1138 году. Большинство из этих замков представляют собой руины, а сохранившиеся здания - эдвардианские пристройки. Однако в Хавардене сохранился довольно совершенный круглый замок с небольшой настенной оранжереей и очень сложным, но более поздним устройством для защиты подступов.

Значительно южнее этих замков, там, где река Ди перестала быть разделительным потоком между Англией и Уэльсом, находится замок Динас Бран, ранний и сильный, кем построенный, точно неизвестно, но долгое время удерживаемый валлийскими князьями. Снова на юге, на реке Сейриог, в нескольких ярдах к востоку от дамбы Оффы, находится замок Чирк, обитаемый и сильно измененный, но ранней постройки.

Западная часть Шропшира и прилегающая часть Монтгомери составляли почти весь Средний Марч. Граф Роджер, его кустод при Завоевателе с полномочиями, которые Вильгельм делегировал только в силу крайней необходимости, и на возобновление которых его преемникам потребовались столетия, был единственным нормандским лордом, давшим название графству в завоеванных землях. При нем и его лейтенантах, Роджере Корбете и Роджере Мортимере, марш был передан нескольким рыцарям и младшим баронам, каждый из которых строил замки и таким образом защищал общую территорию, одновременно защищая свои частные владения. Вероятно, задача строительства была не столь обременительной, как может показаться на первый взгляд. Шропшир и Херефордшир, особенно их наиболее уязвимые части, уже были густо усеяны крепостями, построенными по собственной моде мерсийскими захватчиками и поселенцами, и очевидно, что новые лорды пользовались ими до тех пор, пока не получили возможность дополнить их каменной кладкой.

От замка Шрусбери, цитадели Среднего марта и "капут" графского графства Роджера, осталось достаточно свидетельств того, что, хотя он и был небольшим по площади, но отличался чрезмерной прочностью. Курган, на котором граф поставил свой замок в 1080 году, до сих пор возвышается над рекой, а от построек, ради которых был снесен 51 английский бурггауз, остались части стены, сторожка и фундамент более позднего зала. В Сотенном списке, составленном в правление Эдуарда I, встречается следующая очень любопытная запись : "Quod unus magnus turris ligneus qui edificatur in castro Salop corrui in terram tempore domini Uriani de St. Petro tum vicecomitis et meremium ejusdem turris tempore suo et temporibus aliorum vicecomitum preterea existencium ita consummatur et destruitur quod nichil de illo remansit in magnum dampnum domini Regis et deteracionem ejusdem castri." Была ли это деревянная крепость на кургане? Упоминается также "Кводдамский барбакан", и нам сообщают, что "соринка от сырости" составила 60 марок, этот ущерб присяжные не относят полностью на счет аббатской мельницы, поскольку тридцатью годами ранее пострадала соринка замка. Вряд ли здесь имеется в виду ров, для обозначения которого используется слово "fossa". Очевидно, речь идет о насыпи. Замок был частью городской стены и занимал угол ее площади. И замок, и город находились в складках глубокого и широкого Северна и часто нуждались в его защите.

Перед Шрусбери и вдоль наиболее открытой границы графства, а иногда и немного за ее пределами, располагались семнадцать замков, все крепкие и рано основанные, хотя и не все одинаково важные. На юге основными из них были Клеобури, Ладлоу, Замок Ричарда,

Вигмор, Найтон и Наклас или Хейхоуп, некоторые из них находились внутри, а другие - немного в стороне от дамбы. На западе находились Клун, Епископский замок, Монтгомери, Коуз, Аббербери и Ноккин, а на севере - Освестри, Уиттингтон, Элсмир и Уитчерч.

Из всех этих замков Ладлоу стоял рядом с Шрусбери по значимости, был полностью равен ему по силе и намного превосходил его по размерам и архитектурному облику. Это был превосходный норманнский замок, построенный Роджером де Лэйси в правление Руфуса, а до него Стефан потерпел поражение и едва не был захвачен в 1139 году. Прямоугольный замок, некоторые из башен с фресками и большая часть нижней части стены являются оригинальными. Любопытная круглая часовня, хотя и норманнская, является более поздней, а великолепный зал, кухня и жилые помещения - еще более поздними. Замок построен на восточном берегу реки Луг, которая здесь течет по глубокому скалистому оврагу; город также был сильно обнесен стеной. Клеобури, к востоку от Ладлоу, приписываемый Роджеру де Мортимеру в 1074 году, скорее всего, принадлежит более позднему лорду во времена правления Стефана. Он был захвачен Генрихом II в 1155 году. Вигмор, замок которого упоминается в "Domesday", главная резиденция великого пограничного рода Мортимеров, на самом деле находится в Херефордшире, но относится к крепостям Шропшира. Он занимает скалистый хребет, защищенный естественным оврагом и крутыми склонами. Сохранился небольшой курган, на котором стояла крепость, а ниже находится нормандская башня, причем более или менее древней кладки. Похоже, что оборонительные сооружения были очень прочными. Замок Ричарда, Ауретон из "Судного дня", основанный Ричардом Фиц Скробом в правление Исповедника, хотя также находился в Херефорде, лежит между Вигмором и Ладлоу и был тесно связан с Шропширом. Здесь сохранился древний курган возле церкви и часть крепости из ракушечника, а также очень мощный ров. Однако здесь нет каменной кладки эпохи Исповедника, и, вероятно, крепость была построена до правления Стефана, если это было так рано. Вигмор и замок Ричарда были передовыми постами Ладлоу. Клеобури-Мортимер принадлежал Ральфу Мортимеру во время Обзора и, вероятно, достался ему в результате конфискации графа Роджера де Бритолио. Найтон и Наклас находятся на правом берегу Темы, недалеко от границы Шропшира. Благодаря своему выгодному положению они были очень важными пунктами. В 1180 году Рандульф Пухер, шериф Херефордшира, отчитался за работы в замках Найтон и Камерино, а чуть позже, во время строительства пограничного замка, он был убит валлийцами. От Найтона остался только курган. Каменная кладка, ныне удаленная, была приписана одному из лордов Клуна. От замка Наклас или Кноклас почти не осталось следов. Вероятно, он был построен Роджером Мортимером вскоре после Завоевания, а его курган, известный как Замковый холм, был, конечно, старше. Замок Клун находится в трех милях от дамбы, но местность между ними очень пересеченная и благоприятствует действиям недисциплинированных войск, таких как валлийцы. Клун принадлежал Пикоту де Саю при графе Роджере, а затем стал замком Алана, сына Флаальда, и колыбелью дома Стюартов. Здесь сохранились грубая, но величественная квадратная крепость, курган, мощные обводные земляные сооружения, а за церковью - передовой вал и ров внушительных размеров. Очевидно, что те, кто возводил эти земляные сооружения, прекрасно понимали всю опасность положения. Епископский замок или Лидбери находится далеко за границей. Он был резиденцией епископов Херефорда с 1085 по 1154 год, а в 1235 году был взят штурмом. Овладев этим замком, епископы стали лордами-марчерами. Монтгомери был центром и одним из самых уязвимых замков границы. Он занимал вершину отвесной скалы и был практически неприступным. Однако его брали, разрушали и перестраивали по меньшей мере дважды, так что от времен графа Роджера мало что сохранилось, если вообще сохранилось. Он стоит прямо в пределах дамбы.

К северу от Монтомери, под защитой хорошо известной горы Лонг , находится замок Коуз или Алретон, самая ранняя резиденция Корбетов, которые называли его так от Pays de Caux, откуда они пришли. Он был построен ближе к концу правления Завоевателя и примечателен массивной крепостью и вместительным колодцем, а также редким примером замены норманнского названия на туземное. К северу от Коуза находится Аббербери, резиденция Фиц Уоринов до того, как они захватили Уиттингтон. Он принадлежал Коузу. Замок Нокин, глава баронства Стрендж, вероятно, был построен Гвидо ле Стренджем в правление Генриха II. Освестри, который, по мнению г-на Эйтона, является замком Луаре (L'Ouvre) из "Domesday", работы Райнальда де Баллиула, и который долгое время был резиденцией графов Арундел. Сейчас от него остался лишь курган и фундамент крепости. Застава была выровнена и застроена наступающим городом, а рвы засыпаны. Городские стены также разрушены. Совсем недалеко от Освестри находится Уиттингтон, основанный в 1138 году Уильямом Певерелом как норманнское сооружение, но более известный благодаря своим поздним владельцам - Фиц Уоринам. Это замок, который бросил вызов валлийцам в 1223 году, и сила которого заключалась не только в его панцирной крепости, башнях и сторожке, части которых сохранились, но и в любопытном расположении земляных укреплений, с несколькими широкими и глубокими рвами, соединенными с морем, границы которого можно проследить и сейчас. Первоначальная насыпь, усеянная шрамами и обнесенная, как и Бангей, крепостной стеной, возведенной норманнским инженером, является хорошим примером того, как ранние укрепления были приспособлены к каменной кладке более поздних времен. Элсмир - замок Певерилов, но он принадлежал валлийским князьям еще при Генрихе III. Уитчерч был основан, вероятно, Уильямом де Уорреном, чья жена была падчерицей Завоевателя. Это был Уэстон из "Domesday", но в результате необычной инверсии впоследствии он стал широко известен как Блэкмир. Эти крепости завершают внешнюю линию обороны Среднего Марша.

С ними связано большое количество других замков, в основном, хотя и не всегда, принадлежавших людям более низкого ранга и власти. Вем, ныне полностью разрушенный, был основан Уильямом Пантульфом, который находился под властью графа Роджера. Замок Миддл принадлежал Фиц-Аланам от лордов Стрендж, как и Руйтон. В Хай Эркал находится насыпь, но была ли она когда-либо заложена, сомнительно. В Срауртине или Шарвардаине был замок, вероятно, до 1165 года. По-видимому, также существовали замки в Чарлтоне, Хаугейте, Брейнкрофте, Корсхолле, Шиптоне, Райтоне и Ле Ботвуде. Пулвербах был замком Роберта Венатора в одиннадцатом веке. Тонге был личным владением графа Роджера, но свою славу замок приобрел во времена правления семьи Пембрюгге. Замок Черч Стреттон или Брокхерст принадлежал непосредственно короне, но был разрушен в ранний период. В Броймероне, недалеко от Тагфорда, похоже, был замок. Корфхэм принадлежал Фиц Понсу, предку Клиффордов. В Уотлсборо, раннем замке Корбетов, до сих пор сохранился небольшой, но довольно совершенный прямоугольный замок. В Стоуне сохранились следы замка, а в Хоптоне - квадратный замок эпохи Декорации, расположенный на слегка возвышенном холме, с обширными болотистыми укреплениями. Кроме того, можно упомянуть замок Холгейт, который, по мнению г-на Эйтона, является одним из четырех самых ранних замков, построенных при графе Роджере; другие - Шрусбери, Монтомери и Освестри - в той или иной форме датируются более ранним временем, чем великое Обследование. Холгейт был построен Хельготом де Стентоном и использовался Генрихом II в 1109 году. Замок Брин был ранней резиденцией Герардов; Бромфилд и Кейнхем разрушены; о Шиффнале мало что известно; Стоттесден был пожалован Генрихом II в 1159 году Годфри де Гамашу или Гамажу; Стоксей, как говорят, первоначально был построен Пикотом ле Саем; Тирли, около Маркет Дрейтона, был работой Роджера де Корсея, но достался Ральфу ле Ботилеру из Вема, который оставил его незаконченным в 1281 году. Фиц Аланы, похоже,

имели замок в Вроксетере, лорды Стрендж - в Чесвардине, а в Мортон-Сорете, ныне Корбет, замок построили Сореты. К западу от Ладлоу находился замок в Стэплтон-ан-ле-Харнесс, построенный, вероятно, лордами из замка Ричарда. Замок Киннерли, захваченный Ллевелином в 1223 году, давно исчез. Альветон принадлежал Теобальду де Вердону в 1389 году.

Роберт де Белесме, сын Роджера и третий граф Шрусбери, построил два замка, которые сыграли свою роль в борьбе того времени и упоминаются историками. Один из них, Каррегчова, находился перед границей и в Монтгомери. Считается, что он был построен в 1101-2 годах в большой спешке. В 1160 году его удерживал и гарнизонировал Генрих II. Уже давно он полностью разрушен. Другой замок, Брюгге или Бридженорт, находился на реке Северн ниже и вглубь от Шрусбери. Граф Роджер построил замок неподалеку на древних земляных укреплениях Куатфорд, напротив Олдбери, одного из буров, возведенных королевой Этельфледой. Этот замок, от которого остались курган и глубокий колодец, граф Роберт перенес в 1102 году на вершину крутой скалистой площадки над Северном. Он был крепким и просторным, в нем была церковь Святой Марии Магдалины, а на его территории размещалось около тысячи человек. От всего этого сейчас мало что осталось, кроме фрагмента крепости и части стены. В 1155 году его осадил Генрих II, и он был сдан скорее по политическим, чем по военным причинам.

Перед границами Шропшира находятся два или три замка сомнительного происхождения, которые часто удерживали валлийцы. Это замок Повис или Пул, приписываемый Бледдину ап Синфину около 1109 года; Матравал на реке Вирнви, резиденция валлийских князей, но укрепленный Робертом де Випоном. Это был один из немногих местных замков, устоявших перед валлийским натиском 1212 года, вскоре после которого он был разрушен. Долфорвин - небольшой холм-замок на левом берегу Верхнего Северна, очень похожий на Динас Бран, и расположенный далеко на западе. Глубоко в дефиле на западном склоне Кадер Идрис находится замок Бере, остатки которого попали в дружеские руки покойного мистера Уинна из Пеннарта, который показал, что здание относится к раннеанглийскому периоду архитектуры и необычайно богато украшено в своих деталях. Как ранний замок оказался так далеко от границы и в месте, отнюдь не изобилующем средствами к существованию, остается загадкой.

Равнина Верхнего Северна, открытая и плодородная, за границей Шропшира, с очень давних времен оспаривалась между мерсийцами и валлийцами, и временами была полностью и надолго занята первыми. Крепости мерсийцев в этом очень опасном районе представляли собой насыпные курганы, подобные тем, что были возведены в Англии в девятом и десятом веках. Их очень много вдоль течения реки или в долинах ее притоков, главными из которых являются Кери, Хен-домен близ Монтгомери, Нантрибба - укрепленный природный холм, Гилсфилд, бурх в Чирбери, возведенный Этельфледой и ныне удаленный, Уэльский бассейн, обозначенный в 1299 году как Мота-де-Пола, курган на Лагги, Уинсбери, Дадстон, Брайндервен, несколько курганов в Лланидлоэс и Роат-лейн, Тафолверн, прекрасный курган на слиянии двух ручьев с Афон-Лваймин, откуда датируются некоторые хартии валлийских князей, и замечательный курган в Талибонте близ Тауина, откуда Ллевелин отправил письмо архиепископу Кентерберийскому, и который посетил Эдуард I. Очень немногие из этих "моттов" были возведены с помощью каменной кладки, а прилагаемая выдержка из Close Roll показывает, что даже во времена правления Генриха III древесина была признанным материалом для их защиты: - "Rex etc. lecto et et the defence".

"Rex etc dilecto et fideli suo Godescallo de Maghelins salutem. Recipimus tibi quod ex parte nostra firmiter precipias omnibus illis qui motas habent in valle de Munt gumery quod sine dilatione

motas suas bonis bretaschiis firmari faciant ad securitatem et defensionem suam et parcium illarum. Teste Rege apud Weston xxx die maii, 9 H iii, 1225." (В "Brut y Tysogion" говорится, что замки Лландунил, Тревуверв и Синфиг начали строить в 1092 году, чтобы они были крепче, чем раньше; ведь до этого времени замки были деревянными, и еще до того, как французы построили свои крепости по всей стране. Хотя очевидно, что насыпной курган был английским, а не валлийским укреплением, многие из этих курганов находятся в местах, где не могло жить английское семейство, а другие, такие как Тафолверн и Талибонт, как известно, были валлийскими резиденциями, так что, похоже, валлийцы, обнаружив, что эта форма укрепления одновременно проста и прочна, легко возводится и, когда сгорает, легко восстанавливается, прибегли к ней в подражание своим врагам. Почти все пограничные замки в Шропшире принадлежали графу Роджеру или какому-нибудь лорду-марчеру на правах крепостной охраны, а многие из меньших замков имели прикрепленные к ним земли, которые находились в таком же почетном пользовании. Обычным условием было присутствие при лорде во время войны, вооруженное, в течение сорока дней, или обязательство защищать, а иногда и ремонтировать определенную часть замка лорда. Лорд Коук действительно говорит о том, что владение замковой стражей всегда связано с определенной частью замка. Манором Ходнет владел сенешал, а во время войны - присутствие во внешнем бейли замка Шрусбери. Дознание по делу Уильяма де Боллерса в 1299 году показало, что он владел поместьем в Маритоне за то, что в военное время обеспечивал одного солдата в Моте Пул луком, стрелами и болтом на ночь и день. Мистер Эйтон считает, что Мот оф Пул - это замок Повис, но не может ли это быть скорее мот, который можно увидеть или недавно можно было увидеть возле железнодорожной станции Уэлшпул? На старой карте 1610 года этот курган обозначен как "Domine Castell", а мельница рядом с ним - как "Domen (Tomen, Tumulus, Tump) Mill".

Южный, обычно называемый Западным мартом, из-за его протяженности в этом направлении, включал в себя графства Раднор, Херефорд и Монмут, восточную часть Брекнока, большую часть Кермартена и Кардигана, Пемброк и весь Гламорган; Иными словами, страна от Темы до Бристольского канала и все морское побережье Южного Уэльса от Чепстоу до Аберистуита, вся территория которого была густо усеяна замками - следами норманна, а до него в какой-то степени и англичанина.

К Южному Уэльсу, но с военной точки зрения больше связанному с Шропширом и Средним Мартом, относилось графство Раднор. Это была гористая местность, очень валлийская, и лишь небольшая ее часть находилась на английской стороне дамбы, но неизбежность опасности, похоже, привела к большим посягательствам на валлийскую территорию и к созданию значительного числа замков вдоль линий, особо подверженных нападению.

Уже упоминались Найтон, главный замок Раднора, и Наклас, расположенные на реке Теме и граничащие с Шропширом. К югу от Найтона находился Нортон, а еще южнее - Старый Раднор, Крукер или Пен-и-Крейг, разрушенный Рисом ап Гриффитом в правление короля Иоанна, и Новый Раднор, от которого остался большой курган с концентрическими укреплениями, а части городских стен еще можно увидеть. Считается, что замок был основан Гарольдом в 1064 году. Замок Пейнс, или Лланбедр, в Элвете, у южной границы графства, был назван так по имени Пагана или Пейна де Кадурса, Кахорса или Чаворта, лорда Кидвелли, который построил его около 1130 года, возможно, чтобы обезопасить свой проход в Каермартеншир. До наших дней сохранилось несколько фрагментов каменной кладки. Замок Пейнс был взят Рисом в 1196 году, а затем осажден Гвенвинвином, принцем Повиса, в 1198 году. Недалеко от замка Пейнс, на левом берегу Уай, находился замок Боуруд, который, как говорят, был захвачен Эйнеоном Клайдом в 1140 году. Фрагменты его каменной

кладки долгое время оставались видимыми. В этом округе проход через Уай контролирует мощный замок Буилт. За пределами округа, выше по течению реки, которая здесь разделяет Раднор и Брекнок, находился замок Абередв, построенный Ральфом де Баскервилем, одним из норманнских захватчиков, но быстро захваченный и удерживаемый валлийцами. Еще выше находится Рьядер-Гви, основанный, как говорят, принцем Рисом в двенадцатом веке, но более известный как замок Мортимеров. Он был взят штурмом валлийцами в эпоху правления Генриха III. Очертания построек можно проследить и сейчас. Ближе к центру графства, на реках Итон и Аран, находились другие замки. На первой реке находились Моэлинайдд и Кастелл Колвин, или замок Модс, укрепленный графом Честером в 1143 году, а рядом с ними - Кефн-Лис, или Кастелл-Глин-Итон, довольно известный норманнский замок, но часто захватываемый валлийцами. В последнее время он принадлежал Мортимерам и был перестроен ими в 1142 году. Двайбод Тимпат или Тиллоэдд, также на реке Итон, был местом большой силы, от которого сохранилось множество фрагментов каменной кладки. Считается, что это название является калькой с Talbot. Этот замок был сровнен с землей Ллевеллином в 1260 году. Квм Арон, на реке Арон, был ранним норманнским замком, разрушенным валлийцами и восстановленным Хью графом Честерским в 1143 году. Он также перешел к Мортимерам. Сохранились значительные остатки земляных сооружений. Недалеко от Престейна находились замки Уорден и Стэплтон, последний был построен Чандосом, основателем приорства Голдклифф. Также существовал замок в Клайро, а на реке Луг - замок Халед или Валлет; а в Клас Квм на реке Эрроу сохранилась каменная кладка, которая, как говорят, представляет собой замок Бринллис.

Остальные части Южного и Западного Уэльса, содержащие много открытых и достаточно плодородных земель и имеющие длинную и незащищенную границу с чисто валлийскими районами Брекнок, Каермартен и Кардиган, были местом постоянных вторжений валлийцев и требовали большей, чем обычно, прочности оборонительных сооружений. Уже упоминавшийся замок Глостер был базой для всех расширенных операций в Южном Уэльсе. Здесь английские короли часто устраивали свои приемы, и здесь же собирались их войска. У Брихтрика был замок в Глостере, но его курган давно разрушен, а вместе с ним и все следы норманнской постройки.

Следующим за Глостером по силе и значению и гораздо более уязвимым стал Херефорд, прочно стоящий на реке Уай и окруженный весьма плодородной территорией. В отличие от большинства других городов Херефорд имеет чисто английское происхождение, хотя кто его основал, точно не известно. Он был укреплен Гарольдом и, вероятно, получил норманнские дополнения к своему замку от Осборна вскоре после Завоевания. Замок подвергся нападению Эдрика Дикого в 1067 году. Сохранилась часть городских оборонительных сооружений, а от замка - огромная насыпь и глубокий ров, который сейчас частично засыпан, а раньше соединялся с рекой Уай. Замок стоял на большой насыпи, которая теперь сровнена с землей. В Херефордшире было много замков, в основном, однако, предназначенных для защиты частных владений и расположенных соответствующим образом. Годерих на реке Уай - один из главных. Он большой, хорошо построен, защищен рекой и имеет небольшой, но ранний прямоугольный замок. Долгое время им владели Тальботы. Эвиас Гарольд и Килпек командовали с двух сторон долиной Ирченфилд. Оба были сильны и имели крепости, построенные на больших курганах. От Килпека сохранились части стены и небольшая нормандская церковь. В 1134 году Хью, сын Уильяма Нормана, передал Глостерскому аббатству церковь Святого Давида в Килпекке и часовню Святой Марии в замке. Эвиас был более крепким местом, но почти вся каменная кладка теперь исчезла. Гарольд, от которого происходит его характерное название, был английским владельцем до Завоевания. Среди менее значительных замков были Крофт, на протяжении

веков являвшийся резиденцией все еще сохранившейся семьи с таким именем; Линген, ранний замок, построенный Турстином де Вигмором; Лайонсхолл, ранний замок д'Эверо; Кингстон, от которого не осталось и следа; Алмли, разрушенный до первоначальной насыпи; Кингсленд, предположительно саксонская резиденция; Вобли, замок де Лэйси во времена правления Стефана; замок Фром, также построенный Лэйси, а теперь представляющий собой лишь насыпь. Аспертон, замок Грандисонов, построенный на краю римского пути, теперь разрушен, как и Эллингтон и замок Мортимеров в Мач-Маркле. От Хантингдона на границе Раднора, замка де Браоза, остался курган, как и от Эардисли, названного в "Domesday" "domus defensabilis". Каббингтон был замком де ла Филдсов, а Бредвардин - семьи с таким же именем, которая дала начало Баскервилям. Замок Уитни стоял на реке Уай, а чуть выше - Клиффорд, кладка которого была делом рук Ральфа де Тодени и его преемника Фиц Понса, родоначальника великого дома Клиффордов, от которого и произошло их название. Замок Клиффорд принадлежал Роджеру де Лэйси в "Domesday". Замок Уилтон на реке Уай, резиденция известного баронства, был построен Лонгчампом в правление Генриха I. К тому же времени относятся Пембридж и, вероятно, Третир, замок Фиц Уарина, ныне разрушенный. Кроме них есть и другие, о которых известно меньше: Лонгтаун или Эвиас-Лейси, построенный частично из римского материала; Снодхилл, вероятно, норманнский; Твайфорд и Уришай в Питерчерче, работы Де ла Хея; Экклсволл и замок Комфорт, сведенные к своим курганам; берег и рвы последнего, виднеющиеся на склоне холма в полумиле от Леоминстера, - предполагаемые остатки дворца Веревальда, короля Мерсии, конца седьмого века. Упоминаются также Мышиный замок близ Хэя; Дорстон - замок Солера; Кусоп - просто башня; Брансил на границе Вустершира, ныне руины; Киннерсли; Итон Трегоз - резиденция Баскервильей в 1251 году; Моккас, от которого остался ров; и Пеньярд, вероятно, норманнский. Следует помнить, что большинство каменных замков в Херефорде и Радноре были построены на земляных насыпях гораздо более раннего времени.

Брекнок, хотя и является диким и горным, а значит, сильно валлийским графством, пронизан рекой Уск и в некоторой степени рекой Уай, чем Бернард Ньюмарч и его последователи хорошо умели пользоваться. Замки на Уайе, общие для Раднора и Брекнука, были должным образом перечислены. Самый сильный из них, Буилт, сыгравший важную роль в локальных войнах, принадлежал баронам де Браоз, преемникам Ньюмарча. От каменной кладки здесь мало что осталось, но курган и прилегающие к нему рвы и платформы имеют очень грозный характер и оправдывают репутацию крепости.

Буилт располагался недалеко от слияния Ирфона с Уайем и, таким образом, занимал важный проход, ведущий в Кермартен. Однако именно через Уск в 1096 году Бернард Ньюмарч выступил в поход против Бледдина ап Маенарха, и именно в Брекнуке, неподалеку от римского Банниума, он основал мощный и просторный замок, от которого до сих пор можно увидеть раннюю насыпь и большую часть каменной кладки. Владение замками Брекнук, Билт и Абергавенни обеспечило ему округ, который Ньюмарч разделил между пятнадцатью своими главными приверженцами, некоторые из которых построили замки, которые продолжали удерживать при его зяте, Мило графе Херефорде, и их преемниках - баронах де Браозе и Кантелупе. Следующим над Абергавенни был Крикхауэлл, от которого сохранились курган, рвы и башня. Это был замок Турбервиллей. Рядом с ним находится Третауэр, раннее и очень любопытное сооружение, где прямоугольный замок был выпотрошен, а в его центре возведена раннеанглийская круглая башня. Третауэр стоит на болотах Риангола, выше по течению которого находится Динас, ныне разрушенный замок на холме, по форме напоминающий Морле в Гламоргане, с которого открывается вид на проход из Абергавенни в Талгарт и на реку Уай. Выше по течению Уай, на перевале, через который дорога обрывается в недоступной излучине реки, находился Блаенлифни, большой и крепкий замок, который

обычно держал сам главный лорд. Рядом с ним, в направлении Брекнока, находился замок Пенселли. В Девинке стояла башня Рид-ир-Брив, а в нескольких милях выше Брекнока, у истоков Уска, на вершине регулярной дороги между Брекноком и Каермартеном возвышалась башня Трекасл, от которой остался курган. На реке Хондду выше Брекнока находился замок Мадок, вероятно, валлийская крепость, а на реке Ллайфни между Брекноком и Херефордом - башня Талгарт и очень примечательная цилиндрическая башня Бронлис. Остатки замка Хей стоят на реке Уай у северо-восточного угла графства. Он был построен сэром Филипом Уолвином, разрушен Генрихом III в 1231 году и, вероятно, вскоре после этого восстановлен. Часть его сохранилась до сих пор. Город был обнесен стеной и имел трое ворот.

Кроме того, в городе были Сетрог, башня сэра Майлза Пичарда; Бургхилл, построенный сэром Хамфри с таким же именем; Лангод и некоторые другие, скорее укрепленные дома, чем замки, от которых в большинстве случаев не осталось ничего, кроме насыпных холмов, лишь некоторые из которых были заняты норманнами.

Монмутшир, хотя и подвергался периодическим вторжениям, в XI веке, особенно после валлийской войны Гарольда в 1063 году, был такой же полноправной частью Англии, как Херефорд или прилегающие районы Глостера. Западная граница города проходила по реке Римни, но гораздо более важная его часть лежала между двумя очень глубокими и быстрыми реками, Уай и Уск, и на каждой из них были расположены грозные замки: Монмут и Чепстоу - на одной реке, а Ньюпорт, Уск и Абергавенни - на другой. Чепстоу расположен на скале на западном или правом берегу реки и, очевидно, как и Ньюпорт, предназначен для прикрытия прохода войск, поскольку река здесь не проходима вброд. Как следует из названия, поселение имеет английское происхождение, хотя его обозначение в "Судном дне", Эстригойл, преобразованное в Стригуил, является валлийским. Замок отделен от города глубоким оврагом и находится за пределами стены, что было необычно. Замок норманнской кладки, возможно, принадлежит Уильяму Фиц Осборну, графу Херефорду, или, в крайнем случае, Роджеру де Бритолио, его сыну и преемнику. Уже в правление Генриха I Чепстоу перешел во владение де Клеров из рода Стронгбоу, которых часто называли графами Стригуил. Его владение позволило Марешалам, преемникам де Клеров, удерживать графство в борьбе с Генрихом III. Замок Монмут занимал вершину скалистого мыса между реками Уай и Монноу, и долгое время принадлежал роду пограничных баронов, которым он дал имя.

На реке Уск старый замок Ньюпорт давно заменен более поздними постройками, но части замка Уск, расположенного в нескольких милях выше, сохранились, а замок Абергавенни, перешедший от де Браоза через Кантелупу и Гастингса к Невиллам, до сих пор принадлежит главе этого рода, хотя от него мало что осталось, кроме первоначального кургана. Именно в замке Абергавенни Уильям де Браоз в 1175 году зарубил несколько безоружных валлийцев в отместку за убийство своего дяди, Генриха Херефордского. Керлеон, расположенный между Ньюпортом и Уском, хотя и был основан норманном на более раннем английском месте, связанном с очень известными римскими останками, был наследием валлийской семьи и долго оставался в их владениях. Между Уском и Уаем земля, сама по себе сильная, была прочно занята.

На реке Монноу располагались Скенфрит и Гросмонт, которые вместе с Уайткастлом образовывали знаменитую трехстороннюю крепость, столь важную в войне между Генрихом III и графом Пемброком. Замок Скенфрит представляет собой круглую башню раннего периода, расположенную внутри ограды с правой линией. Несмотря на то, что она была

небольшой, была очень прочной, а ее остатки сохранились в достаточно хорошем состоянии. Гросмонт, также относящийся к раннему периоду, несколько больше, и его остатки также значительны. Белый замок - это огромная раковина с высокими стенами и настенными башнями, расположенная внутри грозного рва, за которым находятся очень обширные каменные и земляные укрепления. Он стоит очень высоко, с него открывается обширный вид, а его оборона полностью искусственная. Все эти три замка, как сообщается, изначально были валлийскими, но их земляные сооружения имеют английский облик. Очевидно, они предназначались для общей обороны страны и, как обычно, всегда находились в руках великих лордов или короны; кроме того, здесь было несколько небольших замков или укрепленных домов, являвшихся центром частных владений. Среди них были замки, граничащие с погоней Вентвуд: Динхэм, давно превратившийся в руины; Пенхоу, колыбель дома Сеймуров; Пенкюд, где до сих пор сохранилась часть ранней кладки; Лланвайр, построенный семьей Боли или Паганов; и Кастрогги, где видна часть зала и некоторые другие каменные постройки. На реке Эббв, к западу от Ньюпорта, стояли небольшие замки Гринфилд и Роджестон, а в Каслтоне находится курган, который, как говорят, когда-то сопровождался каменной кладкой. На холме над Руперрой находится очень большой и очень совершенный насыпной курган, но без каких-либо следов или традиций каменной кладки. Ллангибби - старинный замок в Монмутшире.

Захват норманнами долин рек Уай и Уск, несомненно, служил для защиты уязвимого фланга Монмутшира, но за рекой Римни в Гламоргане эта защита прекратилась, и на холмистой территории Гламоргана проживало туземное население, всегда готовое прийти на помощь своим соотечественникам, которые часто вторгались в это владение с северо-запада. Все норманнские поселенцы жили на полосе открытой и плодородной земли от шести до двенадцати миль в ширину, которая, подобно Конкану в Западной Индии, находится между горами и морем, где остатки их замков расположены так близко друг к другу, что возникает вопрос, откуда жители черпали средства к существованию. Главным замком лорда был Кардифф на реке Тафф; кроме того, лорду принадлежали замки в Динас Повис, Ллантриссанте, Кенфиге и, в результате раннего приобретения, в Ните, которые, как можно предположить, предназначались для общей защиты. Кардифф, расположенный на римском "морском пути", представляет собой очень примечательное укрепление. Оно имеет прямоугольную форму, с трех сторон защищено очень высоким берегом и рвом, а с четвертой, по направлению к реке, - очень мощной стеной. В одном из углов со стороны реки находится большой насыпной курган, на котором до сих пор сохранилась норманнская крепость, и который стоял на линии второй стены, ныне разрушенной, с помощью которой этот конец территории был отрезан и защищен от остальной части. Аналогия этой работы с работами в Тамворте, Уорехеме и Уоллингфорде, а также в некоторой степени с Лестером, просто поразительна. Кроме того, он имеет некоторое сходство с Херефордом. Динас Повис - это небольшое продолговатое сооружение по типу Динас Бран и Долфорвин, вероятно, норманнского периода. Он занимает вершину скалы в ущелье глубокой долины и должен был быть прочным против любого простого нападения. Замок Ллантриссан был гораздо больше по размерам. Он стоял, и его фрагмент до сих пор стоит, в выемке на холме высоко над равниной и за много миль от моря. Кенфиг, стоявший на ручье у морского побережья, был полностью поглощен вздыбленным песком, "*consumptum per sabulonem*", и сейчас виден лишь его фрагмент. Нит, самый открытый замок во всем графстве, был основан де Гранвилем, который, как говорят, был братом Роберта Фиц Хеймона. Единственный замок в графстве, принадлежащий государственному чиновнику, кроме лорда, - замок епископа в Лландаффе, который, похоже, всегда был сильным местом, хотя сохранившиеся до наших дней сторожка и ограждающая стена относятся, вероятно, к периоду правления Генриха III или Эдуарда I.

Если двигаться на запад, то ближайшими к Кардиффу замками были Салли и Барри, принадлежавшие семьям, от которых поместья получили свои названия, как и Бонвилстон или Тре-Симон с его замком от сэра Саймона де Бонвиля. Пенмарк был резиденцией Умфравиллов; Фонмон с его прямоугольным замком - Сент-Джонов; Вринстон - де Рейгнисов и Рэйлигов; Венво - Ле Флемингов; Сент-Фаганс - семьи Ле Соре. От Питерстона и Сент-Джорджа остались фрагменты каменной кладки. Ист-Орчард, резиденция семьи Беркероллов, и Бопре, принадлежащий Бассетам, вероятно, изначально были замками; но в одном случае сохранились руины укрепленного дома, а в другом - усадьбы XVI-XVII веков. Часть замка Каслтон - старая; от замка Льеж осталась лишь легкая земляная насыпь. Лландау был построен семьей Уэлшей, а Лланкиан (круглая башня) - семьей де Винтонов. Замок Лланблетиан был резиденцией Сент-Квинтинов, Талаван Сивардов: в Пенлайне находится часть прямоугольного замка с кладкой из селечных костей, построенного Норрисами. Город Коубридж был уделом главного лорда, обнесен стеной и сильно укреплен. Сент-Донат в его нынешнем виде - очень поздний, и сомнительно, что у Хавеев, ранних лордов, был замок в этом графстве. Часть Данрейвена - старая. Он был построен Батлерами, которые владели им при Огморе. Огмор, главная резиденция в этом графстве де Лондров, лордов Кидвелли, имеет квадратный замок. Он стоит на реке, от которой и получил свое название. Рядом с ним находятся остатки небольшого замка Кантелупов, известного как Кантелуп-тон или Кантлстон. В Бридженде находятся поздние норманнские ворота, вход в небольшую обнесенную стеной крепость, также, вероятно, норманнскую. Они носят название Ньюкасл. Рядом с ним находится Койти, знаменитая валлийская резиденция, но построенная или перестроенная Турбервиллями. Здания значительны и достаточно совершенны. Соседний приорство Эвенни было укреплено. У валлийских баронов Аван был замок на реке Эйвон в Абераване.

Лордство Килвэ простирается от реки Нит до реки Тау, на которой стоит замок Абертавэ или Суонси - сооружение, примечательное своим открытым парапетом с крепостной стеной над арками, работы епископа Гоуэра. Суонси был "капут" Гауэра при графах Уорвике и де Браозах, и к нему примыкали замки Ойстермут, который стоит до сих пор, и Лвхвр на реке Берри, называемые ключами Гауэра. Сейчас Лвхвр представляет собой небольшую квадратную башню, стоящую на небольшом кургане, связанном с большим римским лагерем. В пределах полуострова находятся Пенрайс - ранний замок этой семьи с хорошей круглой крепостью, а в том же приходе и рядом с церковью - насыпной курган; Оксвич - поздняя постройка Манселов, хороший пример перехода от замка к укрепленному дому; Пеннард - четырехугольный замок эдвардианского типа; Уобли и Лланрдиан. В Скурлейдже и Лландеви были замки, а в Лландиморе - крепости. Мистер Фриман заметил, что двенадцать из шестнадцати церквей Гоуэра имеют башни, очевидно, построенные для обороны. Наружные двери, где они встречаются, обычно являются вставками. Низменная местность за Бурри защищена Кидвелли, довольно совершенным ранним замком, построенным семьей де Лондрес и унаследованным от них Чавортами. Он стоит на реке Гвендрейт, а к северу от него находится мощный замок Каррег-Кеннен. Но настоящей защитой Кермартена является река Тоуи, укрепленная четырьмя замками на ее берегах - Лланстефаном, Кермартеном, Дайневором и Дрислвином, к которым можно добавить Лаугарн, расположенный в соседнем заливе моря, и башню в Ллангаттоке, которая командовала концом перевала из Брекнока. Недалеко от Лландейло находился Лланмдхифри, который в 1113 году принадлежал Ричарду де Понсу. Большинство этих замков, по-видимому, было основано де Клерами из рода Стронгбоу, но как бы ни были они сильны и, как правило, хорошо защищены, им пришлось принять на себя основную тяжесть пограничной войны, и их часто брали и отбирали валлийцы, которые иногда занимали их надолго.

Так было и с замками Кардигана, которые, хотя обычно были небольшими и, за двумя-тремя исключениями, не имели большого значения, были очень многочисленны и в совокупности служили для обычной обороны территории. Почти все они были основаны де Клерами и их последователями в начале двенадцатого века. Возглавлял их и был исключительно силен Аберистуит, расположенный на севере графства, на берегу Кардиганского залива и частично прикрытый слиянием реки Иствит с рекой Рейдол. Его положение на берегу моря и в тылу сильнейших частей Южного Уэльса делало его особенно опасным для валлийцев; он подвергался всей ярости нападений со стороны Северного и Южного Уэльса и, будучи сильным как искусством, так и природой, часто был взят и снова взят, разрушен и отстроен. Между ним и крайней границей графства, рекой Дайфи, находились небольшие замки Генур-Глин и Глан-Дайфи, а рядом с ним - замок Страдпитилл, построенный Ральфом, стюардом графа Гилберта. Он был осажден в 1122 году. Кардиган пересекает по косой река Тейви, и у ее истоков стоял большой замок Истрад-Мейрик, основанный Гилбертом де Клэром, от которого сохранились руины. Трегарон находился ниже, как и ряд других сильных мест, таких как Лланлвини, Лланфихангель, Лландисул, Лланголлен, о которых трудно сказать, были ли они замками времен де Клера или более ранними резиденциями. Замок Блаен-Порт-Гвитиан был построен графом Гилбертом до 1112 года. В Ньюкасле находился сильный замок на реке Тейви, а ближе к устью реки, на берегу Кардигана, - замок города Кардиган. Кроме них, в местных историях встречаются названия Кастель-Гвиньонидд или Коздвон близ Ллампетера; Кастель-Аберейнон; Замок Хамфри в Лландиссиле; Блаен-Порт близ Кардигана; Искод, где в кургане, похоже, была каменная крепость; Лланвен; Ллампетер, где сохранился курган, но каменная кладка была удалена; Динерт, курган которого называется Датским, но где Роджер де Клэр основал замок в 1135 году; Замок Рос в Лланиристеде, построенный в 1158 году; Каэрведро, захваченный валлийцами в 1135 году; и Лланиондри.

Пемброк, гораздо менее подверженный нападению общего врага, чем Кардиган, разделен с ним Милфордским заливом, благодаря которому южная часть графства, частично заселенная колонией фламандцев, была полностью защищена от вторжения валлийцев и фактически стала чисто английской территорией. Ее защищал, но и доминировал величественный замок Пемброк, основанный Арнульфом де Монтомгери, первым нормандским захватчиком, но более известный как резиденция Стронгбоу и маршалов, которые впоследствии получили титул графов. Замок Пембрук, хотя и является руиной, сохранил многое из своего древнего великолепия. Зал, сторожка, куртина и башни с фресками все еще сохранились, а величественный круглый замок продолжает придавать всей группе массивность и характер. Город также был сильно обнесен стеной, замок составлял часть цепи. На другом конце полуострова, на берегу моря, находился замок Тенби, также принадлежавший графству, занимавший прочное положение и, как показывают его остатки, хорошо укрепленный. Город Тенби был обнесен стеной, и до сих пор сохранилась часть стены и одни из ворот. Недалеко от Тенби находился Манорбир, ранний замок, хотя в своем нынешнем виде он, вероятно, относится к эпохе Генриха III. В нем нет крепости, а зал сводчатый. Сохранилась сторожка. Руины показывают, что он был крепким. Он известен как место рождения Гиральдуса Камбрена или де Барри. Замок Кэрю, несомненно, представляет собой раннюю крепость, и отсюда, как предполагается, произошли семьи Фиц-Джеральдов и Виндзоров, а также, несомненно, Кэрю. Лампей был замком епископов Сент-Дэвида и имеет парапет с аркадами, плохое подражание парапету епископа Гоуэра в Суонси; а замок Мартин был резиденцией баронов Мартинов. В Нангле находился укрепленный дом Шерборнов, и весьма вероятно, что Стэкпол-Корту предшествовал ранний замок, построенный основателем одноименного рода. К северу от Хейвена, большого

фьорда, который придает название Хаверфорд, находится мощный прямоугольный замок Хаверфорд-Уэст, нынешнее состояние которого полностью дискредитирует графство. Он был построен, вероятно, Гилбертом де Клэром в начале двенадцатого века, а вокруг него, разбросанные по всей территории графства, находится необычайно большое количество небольших замков и крепких домов, построенных и заселенных нормандскими рыцарями, которые следовали за Арнульфом и Стронгбоу, и чьи потомки продолжали удерживать их на военной службе при последующих графах. Таков был Аптон, замок Малефонов, от которого остались часовня и сторожка; Дейл, расположенный на корне полуострова Сент-Эннс-Хед, принадлежал Де Валесам; Нарберт был основан Перроттами; Лоухаден был главной резиденцией епископа Св. Давида и "капут" епископального баронства (от него остались прекрасные ворота и некоторые другие постройки); Вистон, замок сэра Филипа Гвиса, а затем Воганов, упоминается как захваченный валлийцами в 1146 году; Пиктон, как полагают, был основан в правление Руфуса. Кроме того, здесь находятся замок Уолвин, от которого остался только курган; замок Байт; Маленький Ньюкасл; замок Хендр или Ров Генри; замок Рош, квадратная крепость на скале, построенная Адамом де Рупом, основателем рода де ла Рош; Килгерран, на реке Тейви, очень значительный замок, от которого многое осталось: Он принадлежал главным лордам; Неверн, главный замок старого баронства Кемаес, который впоследствии был заменен Ньюпортом, от которого сохранились значительные остатки. Упоминаются также замок Бентон, замок Конинг, расположенный неподалеку от Сент-Догмелла, Каслтон, построенный семьей Касл, и замок Панч или Пойнц, поместье епископов Сент-Дэвида, где находится большой насыпной курган. Вероятно, в северной и более открытой половине Пембрукшира есть множество других замков и укрепленных домов, места расположения которых путают с более ранними ратхами и круглыми земляными сооружениями периода, предшествовавшего нормандскому завоеванию. Термин "рат", а также схема укрепления, вероятно, заимствованы из Ирландии, где круговая насыпь и ров окружали жилище почти каждого землевладельца, отличаясь от тех, что использовались в Англии и Нормандии, отсутствием насыпи. Ирландская ограда была мало приподнята над поверхностью земли, а потому, хотя, возможно, и более удобна, но, безусловно, менее прочна, чем насыпной курган. Таких раттов в Пемброкшире несколько. Здесь также есть еще одна особенность. Многие церковные башни, как и в Гоуэре, явно построены для обороны, несомненно, в качестве готового убежища от внезапного и временного вторжения валлийцев или нападения на побережье скандинавских пиратов. Такой пост, подобно ирландским круглым башням, можно было спокойно удерживать в течение нескольких часов, пока тревога не принесет облегчение.

Замки валлийской границы не подвергались критическому исследованию, и поэтому трудно дать их список, который хоть сколько-нибудь приближался бы к точности; однако можно приблизительно сказать, что к концу правления Генриха II в Уэльсе было 251 замок и крепость. 251 замок и кастеллет, из которых 21 имел прямоугольные крепости, а 20 - панцирные. Замков, о которых мало что известно, или которые не поддаются классификации, было около 220.

Согласно предыдущему перечислению, к концу правления Генриха II в Англии и Уэльских маршах насчитывалось около 657 замков, из которых 55 были прямоугольными и 96 панцирными, а о 506 мало что известно, или же они не подпадают под тот или иной регулярный норманнский тип. Учитывая трудности, которые стоят на пути к точности в получении этих цифр, вышеприведенное общее количество не очень сильно отличается от Мура, единственного авторитета в этом вопросе, который приводит список примерно 568 из ранних замков, включая в него те, которые относятся к правлению Генриха III и трех Эдвардов.

С правлением Генриха II, можно сказать, завершается основной замкостроительный период английской истории. Кёр де Лев едва ли был английским государем. Говорят, он спроектировал и, несомненно, построил великую крепость Шато-Гайяр на Сене; но он не построил ни одного замка в Англии, и ни один значимый замок, похоже, не был основан в его правление. Иоанн, его преемник, постоянно переезжал из одного замка в другой, пользуясь весьма непопулярной королевской прерогативой. Он ввел письменность, известную как "комиссарство", по которой в королевские замки назначались кастеляны, и демонстрировал свое недоверие даже к своим сторонникам, постоянно переводя этих офицеров из одного замка в другой, чтобы они не установили какие-либо местные интересы. Осада Рочестерского замка стала величайшей военно-инженерной операцией царствования, в ходе которой внешняя стена была подорвана под одним углом, а галерея проходила под замком, который находился всего в нескольких футах от ограды. В результате обрушилась стена и нижняя часть одного из углов крепости, а место и масштабы разрушения можно проследить до сих пор, так как угол был восстановлен из очень плохой кладки. Почти последним событием его правления стала осада Дувра Людовиком Французским, который установил "мальвуазен", чтобы перебить стены, но не смог взять город, хотя находился перед ним четыре месяца. Джон умер в Ньюарке, который если и не является лучшим замком Мидлендса, то уж точно содержит самую грандиозную норманнскую сторожку в Англии. С момента вступления на престол в мае 1199 года до своей смерти в июне 1207 года Джон датировал государственные акты 131 замком в разных частях Англии и, должно быть, посетил еще множество других.

Генрих III обнаружил, что его королевство застроено замками, и среди энергичных действий, которыми Уильям Маршалл и Хьюберт де Бург восстановили королевскую власть, следует особо отметить осады замков Бихам и Бедфорд, двух очень сильных мест. О масштабах подготовки к этим осадам свидетельствуют Клоуз-Роллы. Шерифы всего Мидленда и запада до леса Дин получили приказ обеспечить и переправить материалы и боеприпасы для войны. Плотники, кузнецы, каменоломщики для выделки каменных пуль, рудокопы и инженеры были поставлены под реквизицию, и со всех сторон были заказаны лес, камень, свинец, шнур, кабель, цепи, железные прутья, баллисты, катапульты, мангонели, арбалеты из дерева и рога, мишени, ружья, стрелы, рогатины, шкуры для покрытия мальвуaziнов и горные инструменты. Оба замка стойко оборонялись, и оба были взяты. От Бихама не осталось и следа; от Бедфорда - фрагмент стены и курган, уменьшившийся почти до кротовой горки, но все же свидетельствующий о том, что Генрих не остался равнодушным к своей работе. Ближе к концу царствования произошла еще более знаменитая осада Кенилворта. Здесь, как и в предыдущем случае, Генрих командовал лично, и знаменитый "Кенилвортский запрет" показывает, насколько полной была его победа. Генрих также провел кампанию в Южном Уэльсе, в которой важную роль сыграли замки Монмут, Уск, Чепстоу, Керлеон и Кардифф - замки, которые должны были стать острой занозой в боку английского принца и сделать единое и справедливое правительство неосуществимым. Генрих, безусловно, не является основателем какого-либо важного английского замка, но он дополнил и восстановил очень многие. Скенфрит близ Монмута появился немного раньше его времени, а Гросмонт и Белый замок, два других члена великой пограничной тройки, возможно, относятся к тому времени. Генрих, несомненно, был великим строителем и очень княжеским в своих делах; но его труды в отношении замков проявлялись главным образом в строительстве, ремонте и украшении стен и окон королевских покоев, залов и часовен в королевских замках, работы, которые во всех случаях велись за пределами замка, в средних или внешних палатах, и которые в большинстве случаев уже давно были сметены. Генрих

строил свои замки под себя, и у него не было возможности внедрить какой-либо особый стиль или тип военных работ. Белый замок - это просто загон или ограждение, с высокими стенами и башнями с фресками, хотя его земляные работы, вероятно, более раннего периода, имеют большой масштаб.

Замки эдвардианского или концентрического типа, хотя и получили свое название от Эдуарда I, хронологически появились в правление его отца, а Каэрфилли, один из самых ранних, возможно, самый ранний, концентрического типа, и, что любопытно, один из самых полных, был построен лордом Гламоргана в последний год правления Генриха. По своей протяженности Каэрфилли уступает только Виндзору, а по мастерству планировки и использованию природных особенностей местности - ни одной средневековой крепости. Он был выполнен, а возможно, и спланирован, с большой скоростью. Его стоимость, должно быть, была огромной, и он должен был в максимальной степени облагаться налогом на ресурсы даже такого богатого дворянина, как граф Глостер и Хартфорд.

Введенный таким образом тип был принят Эдуардом I, и примером тому служат замки Харлех и Бомарис. Конвей и Кернарвон, хотя и превосходят их по великолепию и менее симметричны, примечательны прежде всего тем, что являются частью оборонительных сооружений прилегающих к ним городов, причем все они относятся к одной дате и выполнены по одному плану. Правление Эдуарда значительно уменьшило ценность английских замков. Даже крепости, возведенные им в Северном Уэльсе, когда их цель была достигнута и провинция была подчинена, перестали представлять ценность и постепенно пришли в упадок, а в Англии, когда его правление было установлено и власть реализована, лорды даже самых сильных замков не рискнули выставить против него гарнизоны.

ГЛАВА IX.

ПРЯМОУГОЛЬНЫЙ ЗАМОК НОРМАННСКОГО ЗАМКА.

В предыдущей главе была предпринята попытка описать внешний вид и в общих чертах рассказать об истории тех земляных сооружений в Англии и Нормандии, на которых нормандские и англо-нормандские бароны основывали свои главные крепости и которые, таким образом, связаны с военной архитектурой обеих стран. Теперь предлагается описать сами здания, расположенные внутри древних земляных сооружений или полностью лишенные первоначального фундамента, которые составляли крепости Англии в XI и XII веках, в периоды, известные в церковной архитектуре как Нормандский и Переходный, и которые в военной архитектуре включают норманнскую форму замка. То, что известно как норманнский стиль архитектуры, преобладало в Англии со времен Завоевания до конца правления Стефана, то есть с 1066 по 1154 год; но эта последняя дата неизбежно является произвольной, поскольку один стиль архитектуры переходил в другой только постепенно, и норманнские черты, хотя и встречались во всех зданиях, и особенно в замках, вплоть до конца правления Генриха II, или 1189 года, становились все более и более смешанными с чертами последующего стиля.

Замки одиннадцатого и двенадцатого веков, будь то в Нормандии или в Англии, были двух разных типов - прямоугольные и с раковиной. Первый тип почти всегда использовался, когда

место было выбрано новое, второй - когда место было старым и где уже существовал "мотт" или курган. Но есть и исключения: прямоугольный замок иногда встречается на старом месте, а панцирный - на новом. Различие в основном объясняется тем, что массивная тяжелая башня могла быть надежно установлена только на твердом грунте, в то время как более легкий и широко распределенный вес панцирного хранилища лучше подходил для искусственного. Раковинные хранилища были самыми многочисленными из двух типов; но башенный тип, будучи более прочным и долговечным, просуществовал дольше всего, и в настоящее время он настолько распространен, что авторитетные авторы обозначают его как тип, а не как один из двух типов нормандских хранилищ. Прямоугольный и панцирный замок никогда не встречаются в одном и том же замке; и, как правило, там, где есть курган, нет прямоугольного замка. Единственные известные исключения из этого правила - Крайстчерч, Гилдфорд, Клун, Саффон-Уолден, Майлхэм, Бангей и Брамбер. В Крайстчерче и Майлхеме насыпь невысокая, и стены замка, похоже, проходят сквозь нее к твердой земле. В Гилдфорде, как и в Клунах, где курган большой, крепость построена на его склоне, так что нижний конец и треть прилегающих сторон упираются в твердую землю и таким образом эффективно противодействуют тенденции верхней части к сползанию вниз. Уолден не был тщательно обследован, также неизвестно, опускается ли фундамент в Бангее до твердой земли. В Брамбере есть продолговатый естественный холм, окруженный очень глубоким ровом, частично искусственным, в то время как на одном конце холма находится квадратный замок, а возле другого - небольшой курган. В Ллвхвуре, в Южном Уэльсе, небольшая квадратная башня стоит на низком и небольшом кургане, смешанном с берегом римского лагеря. Башня, правда, не совсем норманнская, хотя, несомненно, ранняя, и, скорее всего, она спускается к естественному грунту. Большая прямоугольная башня в Оксфорде - это не замок, а настенная башня, хотя и необычной величины. Замок там был панцирем и венчал курган. В Кенилворте, по-видимому, был небольшой курган, который был включен в состав замка, стены которого упираются в естественную скалу. Таким образом, курган заполняет цокольный этаж крепости, первый этаж которой поднят на 12-15 футов над внешним уровнем, как в крепости-ракушке в Беркли и в некоторой степени в Понтефракте.

Прямоугольные крепости - самые простые по форме, самые грандиозные по очертаниям и размерам, самые суровые по пассивной силе, самые прочные по конструкции и исполнению, и в большинстве случаев самые ранние по дате. Из пяти великих крепостей, перекрывавших дорогу из Дувра в Лондон, Дувр, Кентербери, Рочестер и Лондон имеют квадратные крепости; пятая, Тонбридж, имеющая более раннюю насыпь, имеет крепость в виде раковины. Фарнхем и Беркхемпстед, Виндзор, Уоллингфорд и Оксфорд - крепости, охраняющие Лондон с запада, - имея курганы, не имеют квадратных ворот. Хедингем и Колчестер на востоке, имеющие квадратные крепости, не имеют кургана, хотя Хедингем, как и Корф и Брамбер, стоит на естественном холме. На севере Уорик и Кенилворт подтверждают это правило: в одном из них был курган, а квадратного замка не было; в другом - квадратный замок, поглотивший курган, если он был. В Бельвуаре курган, представляющий собой естественный холм, увенчан ракушкой, как и искусственные курганы в Бедфорде, Кембридже, Клэре, Айе и Онгаре, а прямоугольные крепости встречаются или встречались в Чепстоу, Ладлоу, Бристоле и Уотлсборо, Ланкастере и Ньюкасле, а также на бескурганных участках Бамбурга, Карлайл, Корф, Норхэм, Норвич, Ноттингем, Порчестер, Скарборо, Кнаресборо, Хелмсли и Ричмонд, а также в менее знатных лордствах, некоторые из которых были основаны норманнами, - Эпплби, Броу, Броам, Боус, Касл Райзинг, Клитеро, Каслтон, Годерич и Прудхоу. Там, где есть прямоугольный замок, он возвышается над всеми частями крепости и придает, как в Бамбурге, единство и величие архитектурной композиции. Обычно, как в Рочестере, Дувре, Ричмонде и Скарборо, он располагается на самом высоком месте в пределах крепости, и очень редко - в центре или рядом с ним, хотя, как в Лондоне, он

мог стать центральным в результате удаления первоначального *энсинта* и замены его новыми и расширенными линиями. В Маллинге, возможно, самом раннем из этих хранилищ в Англии, и в Хелмсли, вероятно, самом позднем, поскольку хранилище в Кнаресборо, хотя и квадратное, относится к декорированному периоду, - хранилище стоит с одной стороны и является частью *энсинта*. В Бэмбурге, Брамбере, Кентербери, Карлайле, Клитеро и Рочестере крепость стоит вне внешней стены, но очень близко к ней, а в Порчестере она образует один из углов. В Кенилворте и Бридженорте крепость образует угол внутренней стены; в Норхэме одна сторона примыкает к внешней, а другая - к внутренней стене; в Ладлоу крепость расположена на внутренней стене, рядом с главными воротами. В Огморе он занимает угол, примыкая одной стороной к внешней, а другой - к поперечной или внутренней стене. Дувр стоит отдельно в центре того, что, судя по всему, было его первоначальной оградой, как и Хедингем и Касл-Райзинг. В Митфорде, недалеко от Морпета, находится необычный пример прямоугольной крепости, три угла которой являются прямыми, а четвертая грань разбита на две плоскости, встречающиеся на низком выступе. Вероятно, он относится к позднему периоду.

Размеры таких крепостей варьируются от 25 до 80 и даже 100 футов в стороне, а их высота до основания парапета обычно составляет от полутора до двух диаметров. Многие, возможно, большинство, были подняты на ступень, как Порчестер, Бридженорт, Ричмонд, Бро, Броам, Кенилворт и Норхэм. В большинстве этих случаев пристройка была сделана в нормандский период, и, возможно, одновременно с заменой свинцового покрытия на черепицу или каменную плитку.

Обычно плоские внешние стороны разгружены широкими пилястрами небольшого выступа шириной от 5 до 10 футов и глубиной 6 дюймов, по одной на конце и по флангам каждой стороны, а в больших зданиях - по одной или даже по две между ними. Фланкирующие пилястры обычно располагаются так, чтобы закрывать угол, и оба они встречаются; иногда, однако, они не совсем встречаются, и твердый угол заменяется полым отверстием, иногда, в поздних храмах, как в Касл Райзинг и Скарборо, занятым смелой бусиной или обрученным валом. Во всех замках, кроме самых маленьких, эти фланкирующие пилястры продолжают на высоте от 8 до 10 футов над парапетом в качестве внешних граней квадратных башен, которые теперь обычно разрушены. В Хедингеме сохранилась одна, частично совершенная. Башни на Белой башне и в Рочестере частично оригинальны и, безусловно, представляют собой очень близкие к оригиналу сооружения. В Боусе, похоже, была только одна башенка, закрывавшая лестничную площадку. Промежуточные пилястры обычно останавливаются либо чуть ниже основания парапета, либо под верхним окном. В Дувре они заходят на парапет и поддерживают небольшие внутренние углубления в нем, но это случается очень редко. Пилястры обычно разделены струнами на ступени, обозначающие уровни разных этажей, и все они поднимаются от общего цоколя, иногда незначительного, но иногда, как в Маллинге, Кенилворте, Гилфорде, Скарборо и Норхэме, где одна сторона поднимается от нижней земли, цоколь на этой стороне высотой от 8 до 10 футов, а в Кенилворте и Норхэме имеет очень смелое основание. Зачетный и струнный ход иногда проходит и по стене, и по пилястрам. В Колчестере и Белой башне выступающий полукруг образует апсиду часовни, и пилястры появляются на нем; в Рочестере закругленный угол сплошной, за исключением одного этажа, но это, вероятно, связано с реконструкцией. Пилястры - одна из наиболее заметных черт нормандского стиля, и их наличие сразу же отличает замок этого периода от прекрасных башен XIV века, таких как Бортвик и Лохлебен, найденных в Шотландии, а также от башен раннеанглийского периода, где пилястры более смелые и узкие, и часто, как в замке Эксетер, имеют фаски на углах.

Толщина крепостной стены составляет от 7 до 14 футов, а у основания фундамента - иногда 20 футов. Толщина стены Колчестера, по некоторым данным, составляет 30 футов. Говорят, что пробивка стены лондонского Тауэра заняла шесть недель при использовании всех современных инструментов и приспособлений. Считается, что нижние 14 футов Ньюкаслской крепости прочны. Толщина стены обычно уменьшается по мере подъема, иногда за счет внешних отступов в 6 дюймов, чаще за счет внутреннего шага в 1 фут на каждом этаже. Иногда внешняя сторона наклоняется внутрь или заваливается, но это необычно. Высота вершины на уровне аллюра или батискафа редко бывает меньше 6 футов, а часто - 7 или 8 футов. Внутри большие храмы разделены поперечной стеной, обычно поднимающейся к вершине и пробитой в каждом этаже. Иногда эта стена ограничивается подвалом и первым этажом. Кенилворт, большой замок, не имел поперечной стены; Норвич и Кентерберри имели по две, а в некоторых из них есть палаты, отгороженные с торцов дополнительными поперечными стенами, как в замке Ризинг, Вулвесее, Колчестере и Белой башне. В Боусе две стены разделяли подвал на три камеры. Обычно эти перегородки были пробиты дверными проемами, но проемы в основном этаже были больше. В Скарборо была, а в Хедингеме и сейчас есть, одна большая арка; в Рочестере и Миддлхэме - несколько арок. В Порчестере есть только небольшие дверные проемы. Там, где нет поперечной стены, ее место, несомненно, занимали деревянные столбы. В небольших храмах есть подвал и первый этаж, в больших - второй и третий, причем последний часто является ранним дополнением.

Подвальная камера почти всегда находится на уровне наружной поверхности земли и никогда не бывает намного ниже ее; ее высота обычно составляет от 12 до 15 футов, она проветривается, а не освещается, благодаря одной или нескольким узким петлям в каждой грани, расходящимся и ступенчато поднимающимся внутрь: В Ричмонде нет даже таких. Подвал, очевидно, всегда служил кладовой. Иногда, как в Скарборо, но не часто, его стены содержат камеры; чаще они сплошные. В небольших замках, таких как Ладлоу и Карлайл, первым был главный этаж, или государственная комната; в более крупных, как Рочестер, это, по-видимому, была казарма. Проемы здесь были больше, чем внизу, но не намного. В стенах обычно располагались палаты. В больших хранилищах главный этаж, обычно второй, был высотой от 25 до 30 футов, как правило, с окнами шириной 2 фута или около того, и часто соединялся снаружи одной аркой. Внутри выемка была расширена и иногда спускалась до уровня пола, а в косяках находились дверные проемы в настенные палаты. Некоторые из этих замковых залов, должно быть, были дворянскими покоями. Там, где была поперечная стена, как в Рочестере, Норхэме и Миддлхэме, было две комнаты; в Кенилворте большое открытое пространство, вероятно, было разделено решеткой. Обычно в больших замках стена главного этажа пронзается высоко вверху своего рода галереей-трифорием, в которую выходят наружные окна, и которая открывается в камеру высокими и большими арками с проемом от 3 до 4 футов. Возможно, эти галереи и их окна предназначались для создания еще одной линии обороны; , но они, должно быть, разрушали приватность зала и делали его очень холодным. Над основным этажом располагался верхний этаж, вероятно, служивший частными комнатами, отгороженными деревянными перегородками. Если этот этаж не был частью первоначального здания, то его надстройка, по-видимому, была одной из задач. Он был расположен непосредственно под крышей. Первоначальная крыша, по-видимому, была наклонена под умеренным углом, необходимым для отвода воды из-под черепицы. Фронтоны не поднимались выше парапета, что привело к большой потере пространства. В небольших зданиях крыша была просто коньковой с боковыми желобами; там, где была поперечная стена, крыша была двойной, с центральным и боковыми желобами. То, что это было обычное расположение, ясно из старых погодных молдингов, которые остались в торцевых стенах там, где они были подняты. Оригинальная крыша с коньком, расположенным ниже парапета,

имела боковые водостоки в глубоких впадинах. Разумеется, на такой крыше не мог разместиться ни один военный двигатель. Там, где стены были подняты, крыша была заменена полом, и появился верхний этаж с плоской или почти плоской и свинцовой крышей. Эти дополнения почти всегда поздненормандские, но в Броузэме они украшены. В Ладлоу, где был центральный конек с двумя боковыми желобами, интерьер был перестроен, и плоская крыша была уложена на уровне конька старой, что позволило получить пол, не поднимая стен. Фронтоны, как и в шотландских башнях, никогда не возвышались над парапетом. Вероятно, одной из причин, по которой норманнские крыши были подняты и сглажены, было то, что на них можно было размещать военные двигатели, а использование свинца, должно быть, появилось довольно неожиданно перед самым закрытием норманнского периода.

Полы в этих хранилищах почти всегда деревянные: толстые грубые доски, опирающиеся на прочные брусья квадратного сечения 12 или 14 дюймов, расположенные на расстоянии 2-3 футов друг от друга и опирающиеся либо на уступ, либо на обычные отверстия для косяков. Такие полы открывали хранилище для поджога, и, разгоревшись, оно непременно горело, пока не было выпотрошено. Подвал то и дело сводился, но своды очень редко бывают оригинальными, а когда они есть, то хранилище уже поздно. Своды Тауэра и Дувра - современная кирпичная кладка; свод Ладлоу кажется раннеанглийским; свод в нижней части Карлайла, Порчестера, Броума, Боуса и Ричмонда - декорированным; своды в Миддлхэме, Ньюкасле и Митфорде могут быть оригинальными. Свод в Норхэме, позднем храме, может быть оригинальным, но более вероятно, что он был вставлен в ранний период епископом Пюисетом. Свод Бамбурга является вставкой. Подвал Боуса был сводчатым, но то, что осталось от одного ребра, относится либо к декоративному, либо к более позднему периоду. В нескольких примерах, когда пушки были установлены на нормандской крепости, над верхней камерой был возведен кирпичный свод, а крыша засыпана и вымощена. В Дувре, Карлайле и Ньюкасле, где это было сделано, верхние проемы зала закрыты, а внутреннее убранство совершенно изуродовано. Конечно, не существует оригинальных сводов большой камеры выше подвала.

В большинстве замков есть колодезная лестница в одном углу, которая начинается на уровне земли, снабжает все этажи и заканчивается на крыше под башней, но не имеет никакого сообщения с внешним миром. Так было изначально в Белой башне. Есть и другие лестницы на других уровнях, начинающиеся на первом или даже втором этаже и не всегда достигающие до крыши. Как правило, одной лестницы, спускающейся в кладовую, было достаточно, но считалось, что лучше иметь две или три, поднимающиеся из зала или с верхнего этажа на валы, чтобы быть готовыми к осаде. В Кентербери также есть два колодца-лестницы в боковых стенах, и еще один в Лондоне. Эти колодцы-лестницы имеют от 8 до 12 футов в диаметре и освещаются с помощью петель. Обычно они сообщаются с каждым этажом через своего рода вестибюль. Лестницы всегда каменные. Так как ступени под каждым углом не соответствуют уровню настенной галереи, последние приспособляются, обычно очень неуклюже. Иногда расположение бывает иным: лестница останавливается на втором этаже и продолжается на противоположной диагонали. Иногда, как в Карлайле, Ладлоу и Бамбурге, где внешняя дверь находится на уровне земли, лестница начинается со стороны дверного проема, поднимается прямо в стене и, достигнув следующего угла, продолжается как колодезная лестница. Так происходит и в Чепстоу, где верхний подъем, вероятно, является дополнением. В Карлайле и Ладлоу лестница останавливается на втором этаже и продолжается под другим углом. В Броу, где внешняя дверь находится на первом этаже, узкая прямая лестница поднимается в стене на второй. В Прудхо она продолжается с двух сторон, а в Ричмонде - под углом. Направление лестниц всегда можно определить по

положению наружных петель, и общее правило, по-видимому, заключается в том, чтобы ограничить подход к магазинам и главному этажу, а с последнего дать свободный доступ к валам. Изгибы и углы этих узких лестниц облегчали их оборону.

Огромная толщина стен обычно используется для создания фресковых камер. Они прямоугольные, иногда расположены под углом и имеют L - форму. Они сводчатые, обычно в виде простого ствола или столь же простого паза, освещаются внешними петлями, а иногда, хотя и очень редко, имеют, как в Боусе, камин. По ширине они варьируются от 4 до 6 футов, а по длине бывают самыми разными. Обычно они более многочисленны и крупнее в главном и верхнем этажах. Они предназначались для спальных комнат, садовников, оранжерей и колодезных палат. В Гилдфорде находится очень примечательный ораторий, расположенный на втором этаже, L - формы, с настенной аркадой. В Броуме ораторий находится на верхнем этаже. В Рочестере и Дувре верхняя галерея не проходит по всему периметру, а в последнем заканчивается тюремной камерой. Некоторые замки, даже с толстыми стенами, содержат лишь несколько камер. В двух оставшихся сторонах Норхэма, позднего замка, их нет, или, самое большое, одна. Дувр, также поздний, испещрен камерами на каждом уровне, и даже поперечная стена над ним пронизана галереей - необычный пример. Ньюкасл, построенный в 1080 году, имеет очень много палат. Там, где есть гардеробы, они имеют каменные сиденья, а вентиляционное отверстие обычно представляет собой вертикальную шахту в стене, хотя иногда на ее внешней поверхности есть побег, или, хотя и реже, она выложена рогожей. В Кенилворте, прекрасном, но позднем замке, в одном углу находилась колодезная лестница, а в трех других - палаты. Это башенки с земли, и по размеру они больше обычных. Они покрыты деревянным полом. Одна угловая башенка, похоже, была полностью занята гардеробами, а нижняя часть, в настоящее время засыпанная легким грунтом, очевидно, была большой выгребной ямой. В Корфе к одной из сторон замка пристроена очень большая башня с гардеробом - возможно, норманнское дополнение.

В большинстве замков, даже ранних, есть камин. Один из них был обнаружен в Тауэре, который долгое время считался без каминов. В Дувре они находятся в поперечной стене, а в Рочестере, где они очень красивы, - в боковых. Обычно воронка поднимается в стену; в Рочестере и Колчестере она раздваивается, и два дымохода открываются немного выше на лицевой стороне стены, скрытые в полем углу пилястры. Нелегко определить, является ли дымоход оригинальным, если в него вставлена фурнитура камина; так, в шкафах Тауэра, где установлены каминные эпохи Тюдоров, на стене нет никаких следов, как будто она была прорезана для сооружения дымохода, поэтому они могут представлять собой оригинальные каминные, хотя это и маловероятно. Несомненно, часто использовались открытые очаги, а также каминные из железа с дымоходами из дерева и штукатурки, которые не оставляли следов после удаления. Каминные в настенных палатах в Дувре, похоже, относятся к эпохе Тюдоров. В Ричмондском замке не было обнаружено ни одного камина; оригинальный камин есть в настенной камере в Боусе.

В этих замках, построенных в основном для безопасности, мало внешних отверстий, да и те редко имеют какой-либо размер. Иногда самая узкая часть петли находится в центре стены, с отступом в каждую сторону, имеющим сечение часового стекла. Это можно увидеть в Кенилворте и Рочестере, поздних храмах. Такое расположение кажется неудачным, оно значительно облегчает вход стрелкам. Большие окна, иногда открывающиеся на 3 или 4 фута, закрывались ставнями.

Колодец был важной принадлежностью нормандского замка. В Дувре их два - один находится в передней части здания. Иногда, как в Бамбурге и Касл-Райзинге, его устье находится на уровне земли. Чаще труба находится в стене и выходит в специальную колодезную камеру, как в Дувре, Ньюкасле и Кенилворте. В Карлайле она находится в стене, и к ней вело внутреннее боковое отверстие, превращенное теперь во внешнее. В Рочестере он находится в поперечной стене; труба там поднимается к вершине и имеет отверстие на каждом этаже, а в Кентербери сохранились следы подобного устройства. В Порчестере колодец занимает один угол стены и открывается на каждом этаже. В Колчестере был обнаружен колодец, который долгое время был закрыт. Он находится в подвале, недалеко от входа. В Хедингеме, как известно, есть колодец, но его местоположение утеряно. В Бамбурге один из самых замечательных колодцев в стране, проложенный в 145 футах в скале, был обнаружен только в прошлом веке. В Ричмонде полый восьмиугольный пирс, несущий свод, был построен точно над колодцем, к которому можно попасть через него. В Аркесе, в Нормандии, где колодец расположен под одним углом, над ним была построена труба, поднимающая устье на второй этаж. В Боусе, Броу, Броуме, Гилфорде, Каслтоне и Корфе не было обнаружено ни одного колодца, и только совсем недавно он был открыт в Белой башне в Лондоне.

Входы в эти крепости обычно закрывались передней постройкой, детали которой мало изучены. С одной стороны крепости, но в пределах ее структуры, располагалась меньшая башня, также прямоугольная, длинной, то есть охватывающая одну сторону и примерно одну треть ширины крепости, и две трети ее высоты. С одного конца, на уровне земли, начиналась прямая лестница, которая поднималась почти до другого конца, где останавливалась на площадке, которая была притвором настоящего входа в крепость. Над самой нижней частью лестницы возвышалась низкая башня и мощный дверной проем. На полпути вверх по лестнице часто находился второй дверной проем, а иногда, как в Дувре, вторая башня. Над площадкой у лестницы находилась более крупная и высокая башня, также с мощным дверным проемом. За пределами этого дверного проема лестница часто прерывалась разводным мостом, как в Рочестере. Лестница не всегда была крытой, но защищалась внешним парапетом определенной высоты, как в Беркли, где у панцирного хранилища есть передний корпус, что является очень необычным примером. В нижнюю или входную башню можно было попасть через маленькую дверь, расположенную в примыкающем к ней углу. Это можно увидеть в Рочестере, а также в Миддлхэме и Броуме, где сама башня удалена. В стене замка со стороны лестницы часто находилось углубление для стражника, как в Миддлхэме. Мостовая яма имела наружный парапет, скрывавший тех, кто пользовался мостом. В замке Райзинг, где средние ворота идеальны, на их крышу ведет небольшая дверь из крепости.

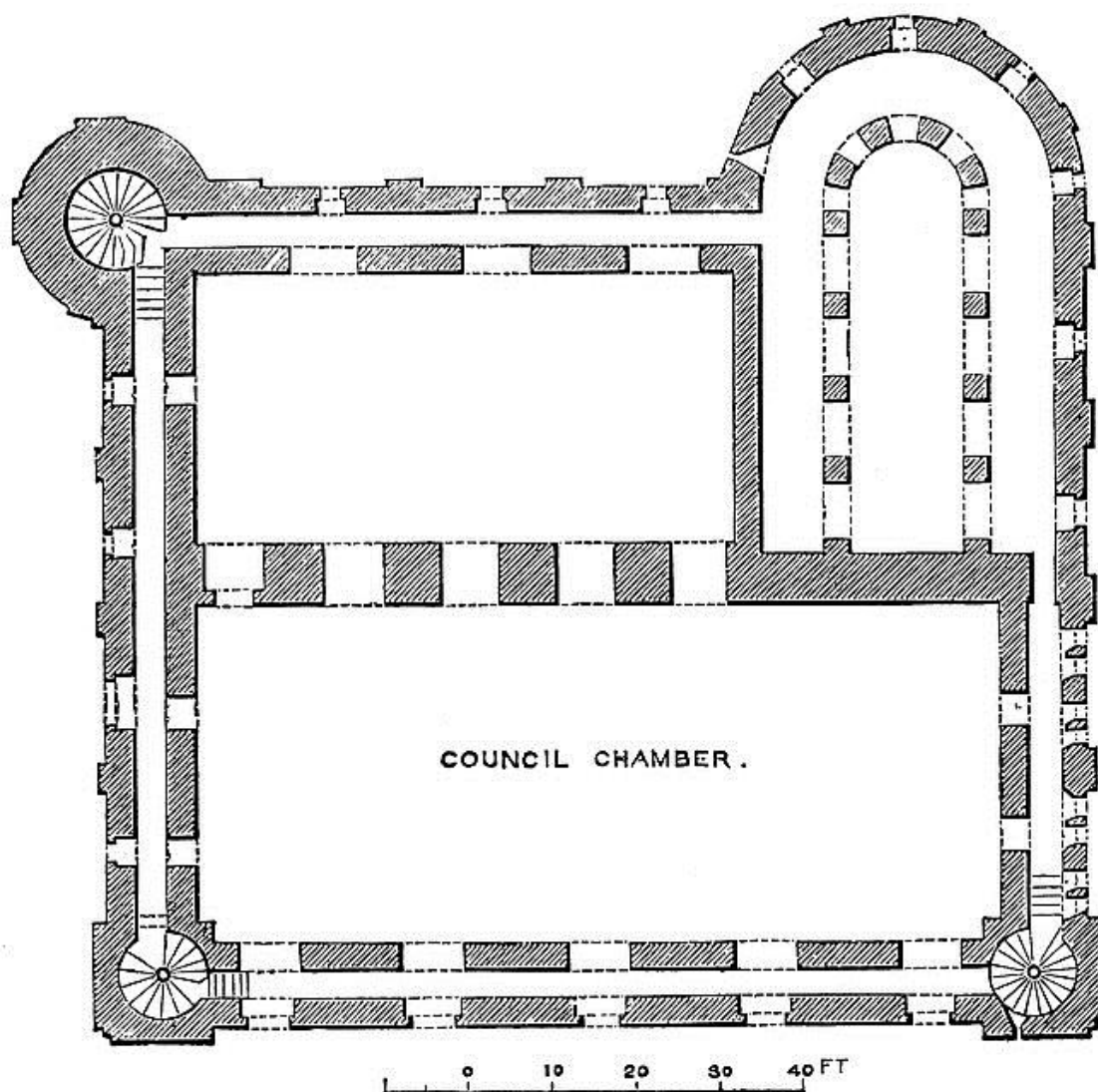
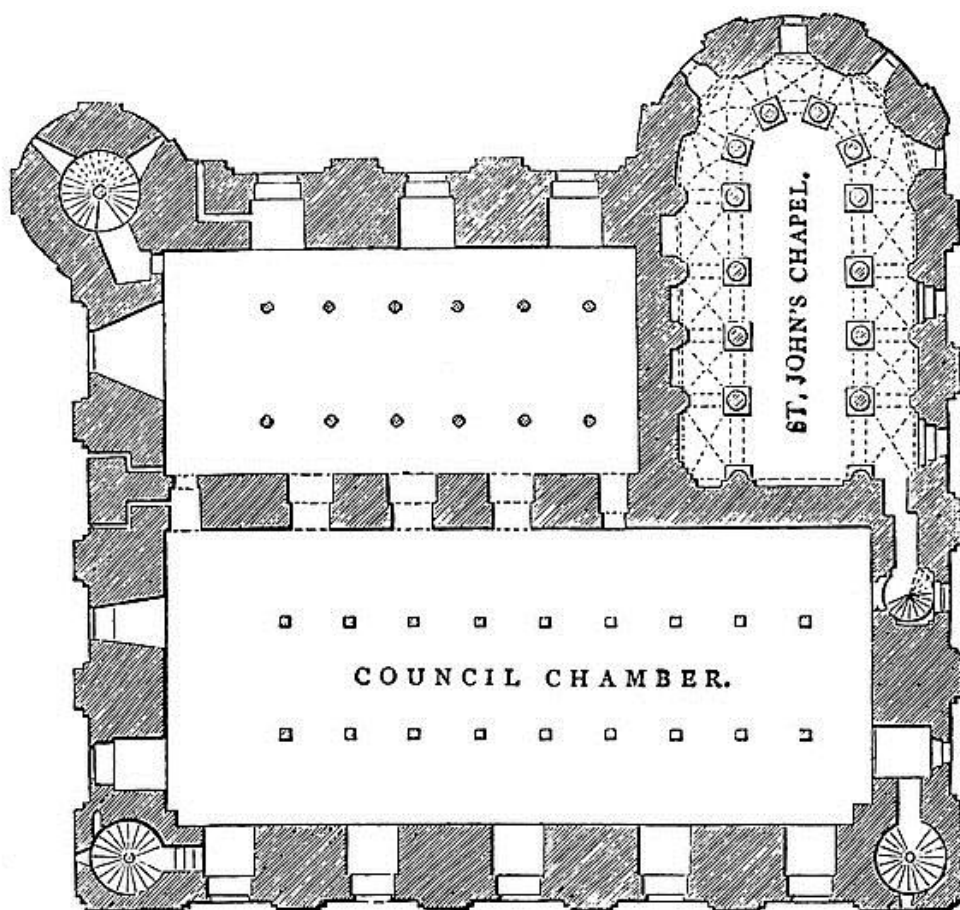
Вестибюль у лестницы обычно представлял собой большую камеру, часто сводчатую. В нем находился главный дверной проем храма, не менее 6 футов в диаметре, с фланкирующими валами и лепным наличником. В замке Райзинг эта преддверная камера имеет аркаду и очень красива; в Рочестере она простая или почти простая. В Дувре в нем находится караульная камера, в Ньюкасле и Миддлхэме - часовня. Подвальное помещение под вестибюлем обычно служило тюрьмой и имело небольшую дверь в соответствующее подвальное помещение храма. В Рочестере два этажа под вестибюлем и два над ним. Передний корпус сохранился только в Касл-Райзинге, Норвиче, Дувре и Ньюкасле; большие его остатки есть в Рочестере, Порчестере и Миддлхэме, а некоторые - в Хедингеме, Корфе и Кенилворте. В Скарборо, Броуме, Брамбере, Кентербери и Хелмсли сохранились лишь следы. В Дувре под лестницей и нижней башней есть своды, над которыми находится притвор и часовня, а на втором или верхнем этаже - вторая часовня. Иногда от подножия

лестницы передней башни есть ход в подвал кита, но, вероятно, он не является оригинальным. Такой способ можно увидеть в Дувре, Ньюкасле и Касл-Райзинге. Белая башня была так переделана, что трудно сказать, как в нее изначально попали. Передняя постройка, по сути, является норманнским придатком и, за исключением Беркли, а также, возможно, Чилхэма и Орфорда, характерна только для замков прямоугольной формы. Предполагается, что это поздний замок, но в Аркесе есть пристройка, которую обычно считают очень ранней.

В меньших и некоторых больших замках нет никаких построек, а вход осуществляется через простую арку, как в Клитеро, Годерихе, Боусе, Гилфорде и Маллинге. Этот вход находился на втором этаже. В последнем случае он, действительно, в подвале, но, тем не менее, на 10 футов выше уровня земли. В этих случаях вход, по-видимому, осуществлялся по внешней деревянной лестнице. В Чепстоу, Карлайле, Бамбурге и Ладлоу вход был через единственный дверной проем на уровне земли. Почти во всех крупных замках было удобно - вероятно, когда они перестали использоваться исключительно как военные здания - иметь большой прямой вход на уровне земли. Такие входы были сделаны в Лондоне, Рочестере, Норхеме, Кенилворте, Порчестере, Гилфорде, Клитеро, Хедингеме, Колчестере, Годерихе, Кентербери, Бро и Маллинге, а также, вероятно, в Чепстоу. Некоторые из них, очевидно, являются вставками, занявшими место петель; другие, похоже, были первоначальными дверями, открывающимися из подвала хранилища в подвальное здание, сделанными снаружи при его разрушении, как в Корфе и, возможно, в Кенилворте. В Ричмонде в результате демонтажа здания была открыта большая нормандская арка в подвале, которая открывалась в него. Кроме этих главных дверей, в Ладлоу есть две двери, открывающиеся из крепости на валы куртины; а в Рочестере есть маленькая дверь, откуда, вероятно, дощатый разводной мост длиной шесть или восемь футов опускался на соседнюю куртину. Нечто подобное есть в Хелмсли и в нормандском замке Адаре в Ирландии.

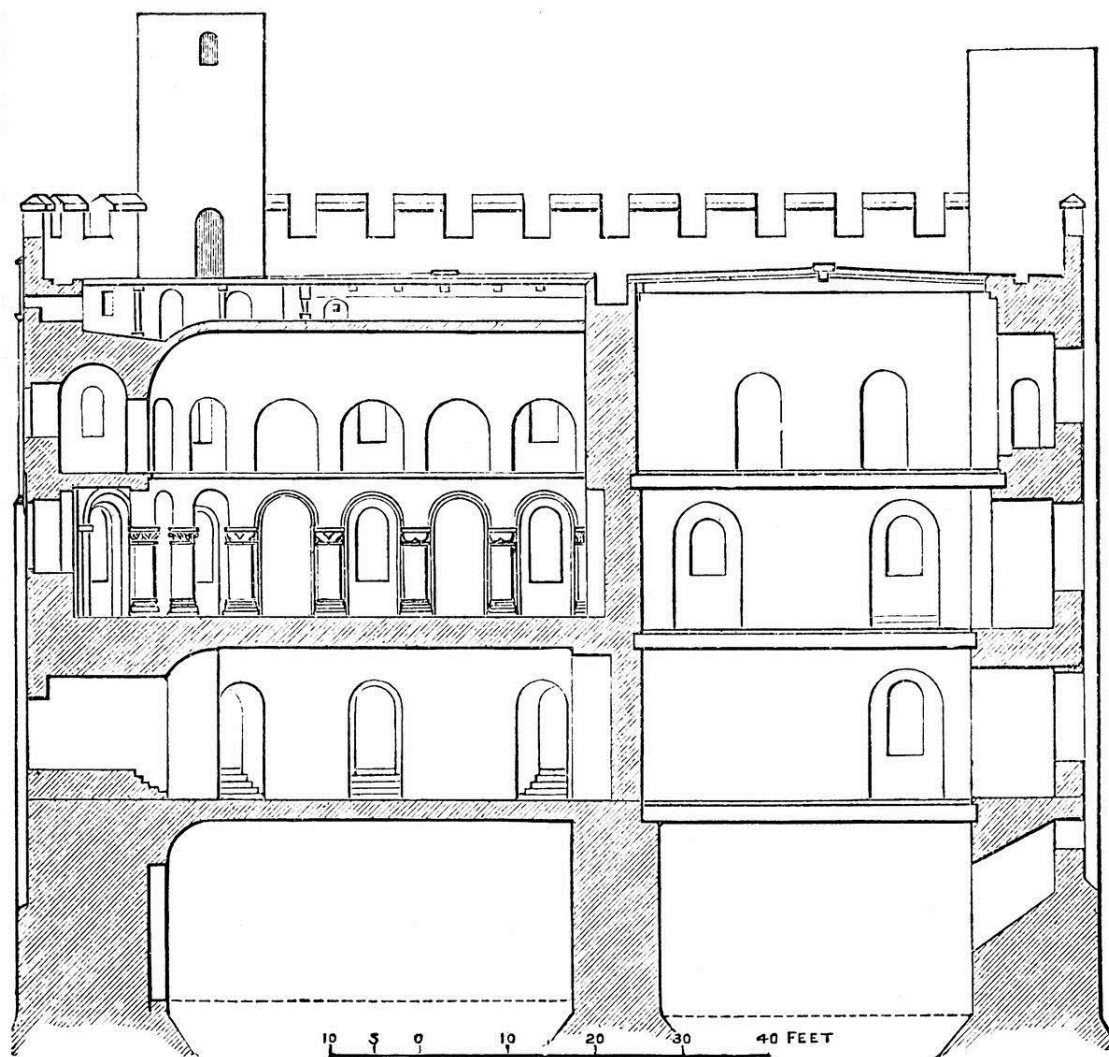
В большинстве замков есть ораторий, в некоторых - обычная часовня. Особенность Дувра в том, что в его нижней башне их две, обе в передней части здания. В Ньюкасле одна находится в передней части здания, под лестницей и в верхней башне. В Миддлхэме сохранились остатки очень красивой часовни во главе внешней лестницы. В Рочестере часовня, по-видимому, находилась в передней части здания, высоко наверху, под кухней. В Касл-Ризинг она находится на втором этаже храма, в конце одной из больших комнат. В Гилфорде и Броуме она находилась в стене. Самой прекрасной и самой ранней замковой часовней в Англии является часовня в Белой башне. Она большая, имеет неф, приделы и полукруглую апсиду, все сводчатые. Эта часовня занимает два этажа, а под ней находятся два этажа сводчатых склепов, предназначенных для тюрем. Часовня в Колчестере, хотя и меньше и грубее, напоминает по расположению ту, что находится в Белой башне.

Из трех приведенных здесь рисунков первый дает план лондонской Белой башни на втором этаже, или этаже часовни. Здесь видны три колодезные лестницы, а также внешние и поперечные стены. Здесь же, в южной стене, показана небольшая настенная лестница, которая заканчивается на этом уровне и обеспечивает единственное сообщение с главным этажом часовни.

На следующем рисунке изображен план третьего, самого верхнего этажа, на уровне клироса часовни. Здесь показана внешняя стена, перфорированная по всему периметру настенной галереей, которая сообщается с тремя колодезными лестницами и с часовней.

Наконец, следует вертикальный разрез всего храма с востока на запад, на котором изображена часовня с клиросом наверху и двумя ярусами склепов внизу. Эти рисунки, которые в большей степени относятся к подробному описанию Лондонского Тауэра, которое следует за ним, здесь вставлены как иллюстрация к тому, что написано о норманнских прямоугольных храмах в целом.

Кухня, хотя и является необходимым приложением к замку, обнаруживается нечасто. Вероятно, приготовление пищи носило простой характер и в основном происходило на открытом огне, или путем варки, или запекания на мангале. В Рочестере есть кухня в передней постройке, высоко наверху, а в Касл Райзинг и Норвиче - на уровне второго этажа в настенной камере. Кухня, когда она находилась в отдельной камере, была на уровне зала или даже выше его.

Защитой внешнего дверного проема в нормандском замке обычно служили одна или две крепкие двери из дуба, укрепленные железом и закрывающиеся одним или двумя засовами, также из дуба, которые уходили в глубокие отверстия в стене площадью около четырех дюймов. Засов, или порткуллис, хотя и использовался в других частях замков, в крепости

встречался редко. Это очень древний способ защиты, он был сформирован из камня в Великой пирамиде, а паз для него сохранился в городских воротах Помпеи. Когда она использовалась, как в крепостях Скарборо, Хедингема и Рочестера, это была одиночная решетка, вероятно, из дубовых шипов и железа, и она работала из фрески над арочным проемом. Иногда, судя по узким размерам желобка, решетка, по-видимому, была полностью железной. Она приводилась в действие цепями или шнурами, намотанными на цилиндр или брашпиль, такой, как до сих пор используется в главных воротах Тауэра. Нормандские замки очень редко сохраняли свои оригинальные парапеты или башенки. Толщина парапета составляла около двух футов, а высота - пять футов. Он был либо простым, либо с широкими мерлонами и узкими амбразурами. Обычно он представлял собой простое продолжение стены, без карнизов или каких-либо приспособлений для расширения вала, толщина которого была достаточной для прохода. В Рочестере в основании парапета видны отверстия для балок, несущих *бреташи* или внешнюю галерею, но они, вероятно, не являются оригинальными. Угловые башни обычно являются просто оружейными, через них проходят валы. Иногда они имеют верхний этаж, на который ведет каменная или передвижная лестница.

Многое было сказано о норманнских подземельях, оублетах и подземных хранилищах, сырых и убогих, приспособлениях норманнской тирании. Но если говорить об этих замках, то в них никогда не было подземных камер. Пол подвала обычно находится на уровне земли или, самое большее, на два-три фута ниже нее. Если замок построен на возвышенности, может случиться, что в камере, дверь которой находится на уровне земли, одна стена наполовину скрыта под грунтом, но дальше этого ничего нет. Заключенных обычного типа не запирали в храме - там было слишком много места. Подвал вряд ли мог использоваться в качестве тюрьмы, поскольку в нем находился замковый колодец, а настенные палаты обычно закрыты изнутри. Помещения под вестибюлем и некоторые из нижних сводов в Дувре, крипты лондонского Тауэра и Колчестера, вероятно, использовались в качестве тюрем. В верхней галерее в Дувре находится очень заметная тюрьма. В Карлайле, где подвал недавно использовался в качестве тюрьмы, он, вероятно, не был таковым изначально. Как бы ни были велики некоторые крепости, они не были рассчитаны на длительную осаду или блокаду, и все свободные помещения пришлось бы использовать для хранения провизии и запасов. Ранние крепости очень просты. В Тауэре нет даже лепнины, кроме часовни, и наружного перекрытия главного яруса окон. Несомненно, он был сильно изуродован, но, если бы орнаменты были срезаны, то несущие их ряды каменной кладки все равно можно было бы отличить от обычной бутовой кладки. Некоторые из более поздних храмов демонстрируют довольно богатые детали, хотя обычно отличаются большой простотой в оформлении дверей, окон и каминов. Так было в Рочестере, Хедингеме, Дувре и Ньюкасле, и особенно в замке Райзинг, одном из самых богато украшенных замков. В Бамбурге есть прекрасный дверной проем начала двенадцатого века; в Ладлоу и Гилфорде - несколько аркад; в Порчестере - несколько хороших окон. Экстерьер Норвича грубо обшит или, скорее, был обшит ярусами арок. Годерих, в остальном очень простой, имеет наружную обшивку из штрихов или шевронов. В этих храмах арки обычно полносводчатые, но иногда сегментные, а там, где они плоские, над перемычкой обычно располагается рельефная арка с углубленным тимпаном, как в Чепстоу. В Маллинге, несмотря на отсутствие лепнины, окно первого этажа с одной стороны является центром пяти глубоких простых полноцентровых ниш на наружной стороне, которые не могли быть предназначены для использования, а на другой стороне, также снаружи, есть еще пять ниш, все без пропилов. Иногда в стенах встречаются ложные арки, как будто дверь была закрыта или предусмотрена возможность нового проема. Такие арки можно увидеть в Дувре, Норвиче и Гилфорде. Считается, но вряд ли на то есть веские

основания, что они предназначены для приглашения к атаке там, где стена особенно толстая.

Один или два храма имеют контрфорсы смелого выступа, сильно контрастирующие с обычными плоскими пилястрами. Так было в Колчестере и в Аркесе, где через один из них проходит наружная лестница. В Аркесе эти контрфорсы также используются в верхнем этаже: арки перекинута от контрфорса к контрфорсу, на которых построены палаты, а с одной стороны - часовня, через пол которой можно сбрасывать ракеты на нападающих внизу. Аркес, к сожалению, построен из мела и кремня с небольшим количеством или полным отсутствием оригинального ашлара, и, как следствие, трудно определить, что является оригинальным, а что было добавлено.

Нормандские храмы отличаются как по качеству изготовления, так и по материалу. Белая башня, построенная в большой спешке, сложена из бутового камня, грубо обработанного, с очень открытыми стыками; но цоколь, квинты и пилястры, похоже, были сделаны из кентской ветоши, обработанной как ясень, и также с открытыми стыками. Маллинг - прекрасный пример очень раннего нормандского бутового камня с открытыми швами; это можно сказать и о части соседней церкви аббатства, и, возможно, о башне приходской церкви. В Гилфорде много работ из селечных костей, в Чепстоу и Пенлайне - немного. Колчестер частично построен из древнеримских материалов, в основном из кирпича, и содержит немного сельдяных костей. В меловых районах в основном использовался кремень, как в Брамбере, Дувре, Гастингсе, Кентербери, Тернхеме, Беркхамстеде, Бангее и Уолдене. На юге или вблизи моря пепел часто складывают из небольших блоков из Кана. Корф, как и большая часть Кенилворта, построен из превосходного местного пепла. Порчестер построен из мелового и кремневого щебня, снаружи и частично внутри облицован пеплом. Хедингем - полностью из пепла, и в целом это самый лучший замок в Англии. Боус - прекрасный пример облицовки из местного камня. Какой бы нормандской ни была кладка церковных башен, в храмах она всегда прочная, хотя часто грубая, и очень долговечная. Время от времени в сердцевину стен вставляют цепные брусья, чтобы удержать работу вместе, пока не застынет раствор, и случалось, что стена проламывалась, и обнаженные брусья оказывались сгнившими, оставляя пустоты, как в Рочестере, об использовании которых было написано много глупостей.

Рассматривая ограниченное и очень неудобное жилье, предоставляемое нормандским замком, следует помнить, что он не предназначался для проживания, разве что во время осады, и что в такое время он часто принимал только вооруженных арендаторов барона, а не его наемников. Действительно, строители некоторых из этих замков, похоже, не доверяли своим собственным войскам так же сильно, как и боялись вражеских. Лестницы и галереи часто устроены таким образом, чтобы препятствовать свободному сообщению между несколькими частями здания, а также между его внутренней и внешней частями. Кроме того, чрезмерная ревность в охране входа, множество дверей, крутые и извилистые лестницы, резкие повороты в переходах, хотя и помогали не допустить врага или, если он попадал внутрь, ставили его в невыгодное положение, также делали невозможным быстрое возвращение гарнизона, так что если двор или внешняя палата были взяты штурмом, у защитников было мало времени, чтобы отступить в крепость, которая, таким образом, могла быть подвергнута *coup de main*. В противном случае, при наличии достаточного и верного гарнизона, а также достаточного количества провизии и военных запасов, норманнская прямоугольная крепость была практически неприступной, настолько велика была ее пассивная сила. Его окна были слишком малы или слишком высоки, чтобы их ставни могли достать огненные шары, а стены слишком толсты, чтобы их можно было пробить или

заминировать, если правильно обороняться с вершины. Это, собственно, и был истинный способ обороны. Обычная петля в толстой стене, как бы широко она ни была раздвинута, не давала лучнику ни малейшего пространства для натяжения лука. Нижние петли служили исключительно для проветривания, а не для обороны. Выше, при больших окнах, лук можно было использовать с пользой, но фланговой обороны не было, так как углы не имели значительных выступов, а плечи или боковые грани пилястр не были пробиты. С помощью военных машин для сбрасывания тяжелых камней и каменных масс с крыши можно было бы добиться многого, но в ранних храмах это не предусматривалось, да и в более поздних, вероятно, не в значительной степени. Стрела, выпущенная с высоты 50 или 70 футов, потеряет часть своей силы при падении. Об осаде Рочестера сохранились некоторые сведения, и рассказ о действиях осаждавших подтверждается свидетельствами, которые дает существующий замок. Рочестерская крепость находится в 10 или 12 футах от юго-восточного угла внешней стены, угол крепости соответствует углу стены. Угол стены и часть прилегающей куртины, очевидно, были удалены и перестроены, вместе с башней-крышей, в более позднем стиле. Напротив и позади этой новой постройки нижняя часть угла крепости также в какое-то отдаленное время обрушилась, а вместе с ней и несколько ярдов прилегающих сторон. Эти части были перестроены в грубой и неряшливой манере, и стык старой и новой работы очень очевиден. Эта крепость была построена около 1130 года, а в 1215 году король Иоанн осаждал ее в течение трех месяцев. Военные орудия не произвели на нее особого эффекта, но была открыта шахта, которая, как говорит Вендовер, сначала обрушила стены, а затем и часть башни. Это то, что мы видим сейчас. Похоже, что крепость сразу же поспешили отремонтировать, а внешнюю стену, вероятно, только в 1225 году, когда Генрих III потратил на замок значительные суммы, и башня-куртина относится к этому времени. Атака сапом была единственной, которую можно было применить против прямоугольной крепости, и редко была практически осуществима. Если, как это часто бывало, крепость стояла на скале, запуск мины под ней не давал никакого эффекта. Если же этого не происходило, фундамент стены был настолько широким и прочным, что мог устоять даже при удалении значительной части грунта под ним. Например, в Белой башне, когда было решено провести железную дорогу от речной набережной к основанию крепости для перевозки грузов, пришлось прорубить около 20 футов сплошной кладки и вынуть много земли, что при любой помощи оказалось очень утомительной и дорогостоящей операцией. Защита такой крепости заключалась только в ее пассивной силе. Петли ничего не давали для его защиты; крыша, расположенная на склоне и сложенная из дранки, не могла выдержать ни военного двигателя, ни большого запаса камней или тяжелых снарядов. Узкий дверной проем не позволял напасть силой, и при серьезном нападении гарнизону оставалось лишь уповать на толщину стен, запасы воды и провизии и терпеливо ждать помощи.

Таковы детали прямоугольных норманнских замков, которых в Англии сохранилось около пятидесяти или хорошо описанных примеров, датируемых от 1078 года, когда была начата постройка Белой башни, до 1180 года, к которому можно отнести замок Хелмсли.

СПИСОК (ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫЙ) ПРЯМОУГОЛЬНЫХ ЗАМКОВ В АНГЛИИ.

- *Чешир.*-Честер.
- *Корнуолл.*-Карнбре (?).
- *Камберленд.*-Карлайл.
- *Дербишир.*-Каслтон.
- *Девон.*-Окемптон (?).

- *Дорсет*.-Корф, Шерборн.
 - *Дарем*.- Норхэм.
 - *Эссекс*.- Колчестер, Хедингем, Уолден.
 - *Глостершир*.-Бристоль (разрушен).
 - *Хантс*.- Кристчерч, Порчестер, Вулвси.
 - *Херефорд*.- Годерич.
 - *Кент*.-Кантербери, Дувр, Маллинг, Рочестер, Тернхем.
 - *Ланкашир*.- Клитеро, Ланкастер.
 - *Мидлсекс*.-Тауэр.
 - *Монмут*.-Чепстоу.
 - *Норфолк*.- Бунгей, Касл-Райзинг, Милехем, Норвич.
 - *Нортумберленд*.-Бамбург, Митфорд, Ньюкасл, Прудхо.
 - *Ноттингем*.- Ноттингем (разрушен).
 - *Салоп*.-Бриджнорт, Клун, Ладлоу, Уотлсборо.
 - *Сомерсет*.- Таунтон.
 - *Суррей*.- Гилдфорд.
 - *Сассекс*.- Брамбер.
 - *Уэльс*.- Огмор, Пенлайн.
 - *Уорикшир*.-Кенилворт.
 - *Уэстморленд*.- Эпплби, Бро, Броам.
 - *Йоркшир*.- Боуз, Хелмсли, Миддлхэм, Норманби (?), Ричмонд, Скарборо.
-

ГЛАВА X.

ХРАНИЛИЩЕ РАКОВИН.

Если прямоугольных хранилищ в Англии и Нормандии сохранилось немало, и некоторые из них весьма совершенны, то раковинные хранилища, хотя когда-то они были наиболее распространены, сохранились редко, и редко, если вообще когда-либо, встречаются в идеальном или неизменном состоянии. Существуют разные мнения о дате появления этих хранилищ, то ли немного раньше, то ли немного позже других типов. Можно предположить, что раковинный замок, неизменно связанный с ранними земляными сооружениями, является более древней формой; и Арундел, единственный замок, упомянутый в *Domesday* как существовавший во времена Исповедника, имеет раковинный замок; но при достаточно тщательном изучении не удалось обнаружить ни в Арунделе, ни в других местах Англии или Нормандии никаких каменных кладок очень раннего характера, вероятно, ни одной, которую можно было бы смело отнести к одиннадцатому веку. По всей видимости, дело в том, что ранние деревянные постройки, которые, как известно, первоначально были возведены на насыпных холмах, были признаны очень удобными для обороны, и поэтому сохранялись нормандскими лордами до тех пор, пока они не смогли заменить дерево каменной кладкой. Прямоугольные крепости находились либо на новых местах, либо на местах, не защищенных очень прочными земляными укреплениями, поэтому их строительство с самого начала

велось из каменной кладки, и таким образом получилось, что каменные оболочки, хотя и всегда связанные с более древними местами, были более поздней датой, чем массивные башни. Даже в Дареме, замке, который, по некоторым данным, был построен Завоевателем и крепость которого всегда находилась на нынешней насыпи, хотя часовня и связанные с ней здания могли быть его работой, крепость-ракушка не содержит норманнской кладки; и если, как можно предположить, здесь когда-то была норманнская ракушка, то, вероятно, это была работа одного из сыновей Завоевателя или даже Генриха II.

Раковинный замок всегда располагается на насыпи, естественной или искусственной. Из тех, что расположены на естественных холмах, наиболее значительными являются Бельвуар, Дарем и Льюс, но кладка двух первых не является оригинальной, хотя и построена по старым линиям. Данстер, Тор первых лордов Мохун, был разрушен, и единственным следом его пребывания является фрагмент водостока. Монтакут, где холм полностью естественный, также был очищен от каменной кладки. Но гораздо большее количество этих курганов либо полностью искусственные, либо смешанного характера.

В плане и размерах эти хранилища примерно соответствуют форме кургана, на котором они стоят. Большинство из них - многоугольники с десятью или двенадцатью сторонами, не всегда равными. Некоторые из них круглые, другие многоугольные снаружи и круглые внутри. Другие - слегка овальные, третьи - более сложные в плане. Йорк, например, подходит к четырехугольнику, 64 фута на 45 футов, и, похоже, таким был план давно разрушенного замка Уорика. Их диаметр редко бывает меньше 30 футов и редко превышает 100 футов.

Толщина стены обычно составляла от 8 до 10 футов, и в качестве защиты от оседания она обычно располагалась на расстоянии 2-3 футов от края кургана. Иногда, как в Линкольне и Тикхилле, стены укреплялись плоскими нормандскими пилястрами, но чаще всего они были из простого бутового камня с цоколями и угловыми квинтовыми элементами из ясеня. Кардифф, хотя и без цоколя, имеет угловые квинты и, вероятно, датируется началом двенадцатого века. Высота стен этих крепостей составляла от 20 до 25 футов до вала, на который вели открытые внутренние лестницы из дерева или камня. Следы последних были видны несколько лет назад в Кардиффе. Подобный панцирь хорошо подходит для установки на насыпном грунте, который не выдержал бы сплошной массы. В Кардиффе, где спустя долгое время была добавлена тяжелая башня, она поскользнулась и упала. Внутреннее пространство больших замков представляло собой открытый двор, вокруг которого располагались постройки - иногда просто сараи - напротив кольцевой стены. Там, где крепость была большой, а замок - важным, эти здания были постоянными, хотя даже в таких крупных крепостях, как Йорк, в основном использовалась древесина. В Виндзоре до перестройки был открытый двор, как и в замке Ледес, особенность которого в том, что он стоит на небольшом острове, полностью им занят. Нынешняя круглая башня Виндзора, хотя и современная, построена по образцу эдвардианской башни, которая, в свою очередь, была построена по образцу позднего норманнского замка, фундамент которого был вскрыт Уайетвиллем и оказался основанным на искусственной насыпи. Считается, что Даремский замок изначально был открытым, но был закрыт для размещения епископов, которые были вынуждены, в связи с беспокойным состоянием страны, проживать в нем. Йоркская крепость, известная как башня Клиффорда, скорее раннеанглийская, чем нормандская, и, вероятно, была построена из дерева. Она очень похожа на некоторые французские крепости, построенные Филиппом Августом. В ней есть колодец во дворе, поворотная лестница на валы и часовня над входом, сильно измененная в декорированный период, которая, как это нередко бывает, служит в качестве камеры портупей. В Хавардене, маленьком и тесном, но очень любопытном замке, над входом находится ораторий.

Тамворт, скорее раннеанглийское, чем нормандское строение, долгое время был фактической резиденцией значительной семьи. Он до сих пор обитаем и содержит несколько многолюдных и любопытных зданий, открытый двор и колодец. К замку примыкает более ранняя куртина с костями сельди. Подход к крепости лежит вдоль вала этой стены. Фактический вход представляет собой небольшой, простой, заостренный дверной проем. В Линкольне крепость представляет собой обычную норманнскую раковину. Он почти круглый и имеет два оригинальных дверных проема, один (более крупный) открывается с территории замка, другой - с внешнего рва. Курган стоит на линии *энсинта*, а в местах, где две куртины примыкают к замку, находятся две настенные камеры, которые, по-видимому, были гардеробами. В Клэре панцирь представлял собой многоугольник из четырнадцати граней, а под каждым углом находился контрфорс, треугольный в плане и состоящий из трех ступеней, уходящих в стену. Внутренний диаметр раковины составлял 52 фута, толщина стен - 6 футов, высота - 25 футов, с четырьмя ярусами бойниц. Фундамент этого хранилища имеет необычную глубину в 6 футов. Говорят, что здесь была подземная камера, но в этом можно усомниться. Материал - кремневый щебень, с ясеневыми контрфорсами и перевязками, но сама кладка, хотя, несомненно, в целом повторяет старые линии, не выглядит более поздней, чем у Эдуарда III, если она такая старая. Высота кургана составляет 53 фута, он стоит на *энсинте* и пересекается куртиной. Основание составляет около 870 футов в обхвате, из которых около 600 футов находятся снаружи, а 270 футов - внутри.

В Алнвике вся внутренняя часть представляет собой крепость-ракушку, построенную на естественном холме. Основные здания, являющиеся жилищами лорда, построены напротив стены и составляют ее часть, а в центре находится открытый двор. Сторожка и часть фундамента стены - норманнские, но большая часть надстройки была перестроена дважды, хотя и по старым линиям. В стене есть колодец, вероятно, первоначальный, но заключенный в позднюю норманнскую кладку. Поскольку Алнвик был своего рода Опасным замком и всегда был открыт для внезапного нападения, лорд обычно жил внутри крепости, которая была гораздо более удобной, чем обычно. Тикхиллский замок представлял собой десятиугольник, от которого сохранился фундамент до верха цоколя, с основанием плоской пилястры, закрывающей каждый угол. Вход был через небольшую дверь, внутри которой находился колодец. Курган стоит на *энсинте*, и занавес проходит по нему с каждой стороны. Примерно четверть обхвата находится на территории замка, а остальная часть - за его пределами. Часть Пикерингского замка сохранилась; он поздний и многоугольный. Здесь курган занимает центральное место и стоит на линии куртины, которая делит территорию на две части. В Эвиас-Гарольде, Буилте и Беркхампстеде сохранились следы фундаментов замка. В Килпеке сохранилась часть стены, внутри которой находился колодец, вероятно, более древний, чем каменная кладка. Фарнхэмский замок является частью обитаемого жилища и не исследовался. В Освестри сохранился фрагмент каменной кладки, а в Уиттингтоне - следы, показывающие, что насыпь была укреплена, а также, в декоративные времена, усилена четырьмя или пятью большими башнями с настенными барабанами.

Фундаменты Тонбриджского храма показывают, что он представлял собой слегка овальный многоугольник, 86 футов на 76 футов, с пятнадцатью внешними пилястрами по углам и стенами толщиной 11 футов 6 дюймов. Его возведение приписывают епископу Одо, но благородная сторожка и стены под ней появились позже. Курган занимает площадь в один акр и находится на *энсинте*. В Арунде есть хороший простой нормандский дверной проем со стороны замкового двора и вход по галерее в занавесе из сторожки. На втором этаже, на стыке куртины с замком, находится часовня, а рядом с ней - колодезная палата. Колодец находится снаружи и, вероятно, старше стены крепости. В стене есть поворотная лестница, ведущая на валы, а у ее подножия - небольшая подземная камера, но обе они более поздние,

чем замок, и являются вставками. В Оксфорде курган содержит крипту - дополнение; но здесь, как и в Уоллингфорде, Хинкли, Лестере и Керлеоне, стены исчезли, как и в Бедфорде, столь знаменитом своей осадой Генрихом III. Городище в Кватфорде, бывшее резиденцией графа Роджера, конечно же, было укреплено, но была ли это каменная кладка, неизвестно. Однако здесь есть глубокий колодец, который, должно быть, находился внутри крепости. Туннель и более поздние ступени были прорублены и спускаются по склону холма с внешней стороны. Этот проход выходит в шахту на несколько футов выше уровня воды.

Беркли, по многим показателям один из самых интересных замков Англии, имеет очень любопытную ракушечную крепость, построенную вокруг кургана, который таким образом заполняет нижнюю ступень. Стена, нижняя часть которой представляет собой уступ, укреплена тремя полукруглыми башнями с фресками, в одной из которых находится колодец, а над ним - часовня. Этот замок также примечателен тем, что вход в него прикрывает предбанник, в котором находится башня над нижними или внешними воротами, расположенными у подножия лестницы. Известно, что этот замок был построен вскоре после воцарения Генриха II, и, хотя он норманнский, но, конечно, поздний по стилю; Орфорд и Чилхэм, норманнские замки своеобразного характера, также имеют передние постройки. Очень своеобразен замок в Понтефракте. Замок занимает вершину овального холма, естественного, с обрывистыми боками из скалы. На одном конце, на краю обрыва, находится курган, который сейчас частично обложен каменной кладкой. Кладка начинается у подножия скалы, представляя собой некую полукруглую башню, или, скорее, скопление кругляшей, возведенных в качестве подпорной стены. Выше круг кладки завершается, включает в себя курган и образует раковину-хранилище. Основание башни испещрено ходами и камерами, вырубленными в скале и частично облицованными каменной кладкой. В своем нынешнем состоянии эта крепость демонстрирует кладку как декоративного, так и перпендикулярного стиля, но ее основа, а также некоторые соседние кладки, очевидно, поздненорманнские.

Рестормель - это скорее круглый замок, чем крепость-ракушка, и скорее раннеанглийский, чем нормандский. В целом, однако, его можно отнести к ракушечникам. Он занимает естественный холм, и его кольцевая стена возвышается над крутым склоном; против нее стоят здания, а внутри находится открытый двор. Лонсестон, хотя и раннеанглийский, также относится к типу раковин. У него есть центральная круглая башня и концентрическая стена гораздо ниже, своего рода *сорочка*, пространство между которыми было покрыто плоской крышей. Возможно, Монтакут, построенный тем же лордом, был построен по тому же образцу, но от Монтакута давно остались лишь руины.

Подход к этим крепостям, по-видимому, в своей простейшей форме осуществлялся по деревянному мосту через ров со стороны замка, а затем по ступеням на курган, как в Линкольне, где, однако, они современные, а ров частично засыпан. В Тикхилле и Хавардене ступени находятся внутри и пристроены к занавесу. В Кардиффе недавние раскопки обнаружили сваи деревянного моста, который пересекал ров и может быть старше, чем остатки норманнского замка. Однако Кардифф, благодаря тем же раскопкам, являет собой прекрасный пример более сложного подхода к норманнской крепости. Здесь толстая куртина пересекала двор замка и, пройдя через ров кургана, продолжалась вверх по его склону; прямо внутри куртины находился разводной мост через ров, за которым прямая лестница вела наверх к замку. Здесь, как и в Уоллингфорде, колодец находился на склоне кургана, прямо в его рву. Обычно вход в крепость осуществлялся через простую дверь в стене, как в Арунделе, Линкольне, Тикхилле и Тамворте. В Йорке есть обычные ворота,

являющиеся частью раковины, к которым вел очень крутой мост, пересекающий очень грозный мокрый ров.

Уже упоминалось, что эти панцирные укрепления и курганы, на которых они стоят, обычно находятся на линии внешней обороны замка, хотя и отделены от нее рвом, частью которого обычно является главный ров. Это хорошо показано на старых планах Йоркского замка, и это можно увидеть в Арунделе и многих других больших и малых сооружениях, а также в других конных курганах, таких как Хен-Домен, около Монтгомери, и Бринклоу, которые никогда не были защищены каменной кладкой. Разумеется, необходимо было переносить частокол, а затем, если он был построен, и куртину, через ров и вверх по склону кургана к стене замка, и даже там, где курган был центральным, как в Пикеринге и Кардиффе, он находился на линии разделения двух отделений, а значит, и на линии куртины. В Беркхемпстеде крепость, похоже, находилась не на линии обороны, а за ее пределами, и представляла собой нечто вроде шпор, соединенных с главной куртиной одной, но очень толстой стеной. Арундел, Дарем, Линкольн, Тамворт, Тикхилл, Тонбридж, Виндзор и Уоллингфорд являются или являлись хорошими примерами крепостей-панцирей на линии стены *энсинта*.

Помимо других подходов, очевидно, что в качестве одного из путей к крепости всегда использовалась куртина, а в Арунделе и Тамворте она используется до сих пор, парапет спереди и сзади защищает проход по валу. Однако, поскольку в норманнских замках основным правилом было то, что крепость, последнее убежище, как бы много подходов к ней ни было, должна иметь как можно меньше входов, занавес обычно останавливался на верхнем уровне насыпи и продолжался только в качестве парапета, так что тем, кто шел вдоль стены, приходилось, достигнув крепости, проходить по ее внешней стороне большее или меньшее расстояние, прежде чем они достигали дверного проема. Это хорошо видно в Тамворте. В Арунделе стена поднята на всю высоту замка, как в Линкольне, но это не совсем обычно. В Хавардене куртина продолжена на 10 или 12 футов в высоту и таким образом примыкает к крепости, но вал с ней не сообщается.

Расположение колодца в этих крепостях уже было отмечено. В Йорке и Тикхилле он находится в пределах территории. В Арунделе он находится в башне за пределами стены, но является ее частью. В Беркли он также находится в башне, являющейся частью стены. В Алнвике и Килпеке - в самой стене; в Кардиффе и Уоллингфорде - у подножия кургана, в пределах рва.

Приходится сожалеть, что так мало этих ракушечных хранилищ осталось даже в руинах, и очень немногие, действительно, в состоянии, приближенном к их первоначальному состоянию, поскольку, как представители очень ранней формы фортификации, и как главные места очень древних поместий, и исконно английских семей, они обладают очень своеобразным интересом. Кроме того, при больших размерах они совсем не лишены благородного эффекта. Правда, на ровной местности, как в лондонском Тауэре, или на такой гряде, как в Корфе, или на такой возвышенности, как в Хедингеме, прямоугольный замок производит очень хороший эффект, но есть места, где его полностью превосходят замки другого типа. В Дареме, где центральная башня собора по грандиозности и простоте равна прямоугольной крепости, ее затмевает соседний замок. Замок Бельуар, который, хотя и перестроен и слаб в деталях, сохраняет свои первоначальные очертания, плохо поддается замене на башни Норхэма или Ланкастера, и никакое другое сооружение не может быть с выгодой заменено на замок Виндзор, венчая и завершая его "тиару гордых башен". Как бы ни был массивен прямоугольный замок, как бы ни были просты, бескомпромиссны и воинственны его черты, все же, даже когда он виден в самом выгодном свете, как на мысе Дувра или на смелой неприступной скале Бамбурга, он должен быть признан уступающим по

величию и полноте очертаний суровой круглой башне других дней, отождествляемой с ранними резиденциями авантюристов-северян, заложивших основы английского народа.

СПИСОК (ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫЙ) ХРАНИЛИЩ РАКОВИН В ПРОШЛОМ ИЛИ НАСТОЯЩЕМ.

- *Бедфордшир.*- Бедфорд, Клофилл, Риджмаунт (?), Тоддингтон.
- *Беркс.*- Ридинг (?), Уоллингфорд, Виндзор, Йилдон (?).
- *Букингемшир.*- Букингем.
- *Кембриджшир.*-Беруэлл (?), Кембридж, Эли.
- *Чешир.*- Данхем-Масси, Киндертон (?), Малпас (?), Молд (?).
- *Корнуолл.*- Лонсестон, Рестормел, ТрEMATон, Труро (?).
- *Дербишир.*-Шеффилд (?).
- *Девон.*- Барнстапл, Барнтон, Плимптон, Тивертон (?), Тотнес.
- *Дорсет.*-Дорчестер (?), Шафтсбери (?), Уэрхем.
- *Дарем.*- Дарем, Элсвик (?), Тростон (?), Тунстал (?), Йоден (?).
- *Эссекс.*- Бьюрс (?), Онгар, Плесси.
- *Глостершир.*- Беркли, Глостер (?).
- *Хэмпшир.*- Бейсинг (?), Кэрисбрук, Саутгемптон, Винчестер.
- *Херефордшир.*-Эрдесли, Юэас Гарольд, Херефорд, Килпек, Замок Ричарда, Уобли, Вигмор.
- *Хартфордшир.*- Ансти (?), Беркхемпстед, Хартфорд, Стэнстед Маунт Фитчет, Стортфорд.
- *Хантингдоншир.*- Хантингдон.
- *Кент.*- Хейдон-Маунт (?), Кенардингтон (?), Ледес, Ньюингтон (?), Танбридж, Тонг (?).
- *Ланкашир.*- Глистон (?), Халтон, Пенвортам, Робин Гудз Батт (?).
- *Линкольншир.*- Борн, Линкольн, Стэмфорд.
- *Монмут.*- Абергавенни, Керлеон, Крикхоуэлл.
- *Нортгемптоншир.*-Фотерингей, Лилборн (?), Рокингем.
- *Нортумберленд.*-Алнвик.
- *Оксфордшир.*- Оксфорд.
- *Ратленд.*-Белвуар.
- *Салоп.*- Освестри, Пулвербэтч (?), Куатфорд, Шрусбери, Уитчерч, Уиттингтон.
- *Сомерсет.*- Касл-Кери, Данстер, Монтакут, Сток-Курси.
- *Стаффордшир.*- Чартли, Стаффорд (?), Татбери.
- *Саффолк.*- Клэр, Ие, Хоугли, Тетфорд.
- *Сассекс.*- Арундел, Чичестер (?), Кнапп, Льюс.
- *Уорик.*- Белдесерт, Тамворт, Уорик.
- *Уилтшир.*- Касл Комб, Девайзес, Мальборо, Олд Сарум.
- *Вустершир.*- Уорчестер.
- *Йоркшир.*- Отон (?), Пикеринг, Понтефрак, Санда, Скипси, Тадкастер, Тикхилл, Йорк.
- *Северный Уэльс.*- Хауарден.
- *Южный Уэльс.*- Брекнок, Буилт, Кардифф, Койти.

Так, из 119 предполагаемых мест, где хранятся раковины, есть 31, доказательства существования которых несовершенны, и 88, для существования которых есть веские доказательства, и из них около 40 действительно сохранились в более или менее совершенном, или, скорее, несовершенном, состоянии.

ГЛАВА XI.

ЗАМКИ РАННЕГО АНГЛИЙСКОГО ПЕРИОДА.

Переход от нормандского к раннеанглийскому стилю, который в церковной архитектуре представляет собой период, представляющий большой интерес, ни в коем случае, по крайней мере в Англии, не выражен так сильно в зданиях военного типа. Прямоугольные и круглые или многоугольные замки с их нормандскими чертами сохраняли свою власть над английскими строителями замков на протяжении правления Стефана и Генриха II, 1135-1189, или в течение века с четвертью после Завоевания, или даже позже. В Дувре орнамент в виде собачьих зубов и бисерная лепнина в сочетании с явно норманнскими чертами свидетельствуют о переходном периоде, как и декоративные детали прямоугольного замка Хелмсли, и особенности раковинных замков Тамворта и Йорка. Более поздние крепости отличаются увеличенной глубиной пилястр, которые превращаются в контрфорсы, как в Дувре и Клуне, а также в крепости Шамбуа (Орн) XII века; иногда они отличаются улучшенным и мелкоштучным пеплом, как в Хедингеме; более частым использованием камня, добытого в округе, а не привезенного из Кана; наличием ребер на пазах набедренных сводов галерей и настенных палат; использованием валов на наружных углах, как в Скарборо и Касл-Райзинге; большей склонностью к орнаменту на боссах ребер, дверных коробках, оконных нишах и каминах; более или менее раннеанглийским характером такого орнамента. Порткуллис, пожалуй, реже встречается в поздних замках. Однако внутреннее устройство мало изменилось, пока сохранялись нормандские очертания, а тенденция к фланкирующей обороне была незначительной. По-прежнему полагались на пассивную силу.

Мало что известно о *castra adulterina*, которые были построены во время правления Стефана и разрушены его преемником. Вряд ли они могли быть такими же прочными, как норманнские крепости, иначе их разрушение было бы более сложной задачей. Скорее всего, они были либо деревянными, либо просто обнесенными стенами, не отличавшимися большой прочностью. Немногие из них, если таковые вообще были, представляли собой главные резиденции крупных владений, и, будучи построены в большинстве своем на новых местах, земляные работы были незначительными, а там, где земляные работы были разрушены, почти ничего не осталось, чтобы показать, где было их место. Среди самых поздних прямоугольных храмов следует упомянуть башню в Пенхоу, Монмутшир, колыбель дома Сеймуров, и башню в Фонмоне, в Гламоргане, которая до сих пор обитаема. Они небольшие, без пилястр и почти не имеют норманнских черт, и относятся к раннеанглийскому периоду, как, судя по фундаменту, заложенному под открытым небом, и некоторым фрагментам, выкопанным несколько лет назад, и замок Салли, близ Кардиффа, и, вероятно, замок Данрейвен в том же графстве, остатки которого встроены в более поздний дом.

Постепенно, по мере того как нормандские башни и ракушечники выходили из моды, им на смену приходили башни цилиндрической формы, известные как донжоны или юлиты, и это изменение соответствует среднему периоду раннеанглийского стиля в церковной архитектуре. С научной точки зрения, с военной точки зрения, это был едва ли прогресс, поскольку защитники изолированной круглой башни не могли сосредоточить свой огонь и могли защищать только подножие стены, выставляя себя на ее вершине. С другой стороны, при равном материале круглая башня была прочнее, и ее труднее было пробить или разрушить миной. Кроме того, она могла быть сводчатой на каждом этаже, а значит, была более прочной и менее подверженной риску поджога изнутри или шарами, выпущенными по ее конической крыше, чем прямоугольная башня. Однако обычно в Англии сводчатым был только цокольный этаж, как в Брунлессе. В Пемброке большая круглая башня сводчатая на своей вершине, как и некоторые цилиндрические башни в *энсинте*; но не исключено, что эти возвышенные своды могут быть дополнением. В Конингсборо сводчатым является только подвал, в который можно попасть по лестнице из проема в центре купола, под которым находится колодец; подвал, как и в норманнских и раннеанглийских башнях в целом, используется в качестве кладовой, и редко, если вообще когда-либо, в качестве тюрьмы. На самом деле, в одной башне, прямоугольной или цилиндрической, предназначенной своей пассивной силой отражать атаки и изнурять терпение блокадников, в первую очередь должен был быть достаточный запас провизии, и для ее хранения обязательно отводилось все свободное пространство. В те времена, когда крепость была цитаделью и нередко использовалась в качестве таковой, пленников в ее стенах не держали. Подземелий не было, за исключением нескольких исключительных случаев, а подвал или первый этаж неизменно использовался под магазин.

В эти донжоны обычно входили на уровне первого этажа, либо по наружной каменной лестнице, либо по деревянной, а в некоторых случаях, как в Пемброке, по разводному мосту, который опускался на отдельно стоящий пирс, откуда по наклонной плоскости или по лестнице спускались на уровень земли. Своим возвышенным входом и некоторыми другими аспектами эти донжоны напоминают изолированные башни, возведенные во времена упадка Римской империи, хороший пример которых, но квадратный, сохранился в Аутене. В Англии есть только два случая применения передней постройки для прикрытия входа в эти башни, но эти башни - Чилхэм близ Кентербери и Орфорд в Саффолке - относятся к поздненорманнскому, а не раннеанглийскому периоду. Долбадарн в Северном Уэльсе, более поздняя башня, но цилиндрическая, имеет наружную лестницу из камня, которая, однако, может быть дополнением.

Обычно башня имела три этажа. В подвале располагались склады. На центральном этаже располагались главные апартаменты, обычно с камином, а иногда и с настенными палатами, одна из которых почти всегда является садовой. Дымоходы каминов и шахты гардеробов часто вертикальные и находятся в стене. Верхний этаж предназначался либо для солдат, либо для спальни лорда. Толщина стен обычно составляет от 10 до 12 футов, а с первого этажа часто ведет колодезная лестница, как в Скенфрите в Монмутшире, ведущая в верхнюю палату и на бойницы. В некоторых более грубых башнях - например, в башне при церкви Агадо, близ Килларни, - подъем со второго этажа осуществляется по узким ступеням, выступающим из внутренней части стены в камеру. В больших башнях, как в Куси, в стене над главным входом часто имеется небольшая камера для работы портупей. В некоторых случаях лестница начинается на уровне земли, заканчивается на втором этаже и снова начинается с противоположной стороны, как в прямоугольных замках. Таким образом, никто не мог покинуть свой пост на крепостной стене без ведома капитана, который жил в главной камере.

Там, где цилиндрическая башня образовывала донжон или крепость, она обычно располагалась внутри территории, как в Брунлессе и Скенфрите. В Конингсборо она стоит на внешней стене, в Пемброке - на стене внутренней палаты, но ни в том, ни в другом случае нет никакого сообщения между башней и валом стены. В Куси башня стоит на внутренней стене, но ее опоясывает низкая концентрическая стена, закрывающая фундамент. В Лонсестоне кольцевое пространство, образовавшееся между башней и опоясывающей ее стеной, было перекрыто крышей, и нечто подобное есть вокруг башни Пенрайс в Гоуэре. В Третауэре круглая башня была построена внутри более старого прямоугольного хранилища, а пространство между ними покрыто крышей. В этих случаях внешняя стена была примерно на половину высоты башни. В Лиллебонне и Куси башня имеет свой собственный ров.

Конингсборо на Дону - наиболее полный английский пример раннеанглийского или переходного норманнского цилиндрического замка. Пемброк, хотя и более поздний, и гораздо менее качественный, по своим пропорциям и размерам также представляет собой очень красивое здание. Хорошими примерами являются Лонсестон, Третауэр, Пенрайс, Скенфрит, Брунлесс и Долбадарн, а также датская башня в Уотерфорде и маленькая и грубая, но очень любопытная башня в Агадое. В Ненаге также находится очень красивая башня, очевидно, раннеанглийского типа. Круглый замок в Барнард-Касле, хотя и имеет почти такой же вид, относится к более позднему времени. В Уитчерче, недалеко от Кардиффа, находятся или недавно находились фундаменты отдельно стоящей круглой башни значительного диаметра, по лепнине основания которой можно судить о ее раннеанглийской дате. В Калдекоте, прекрасном старом замке Бохун, восхитительно описанном мистером Октавиусом Морганом, находится круглая башня, вероятно, раннеанглийская, с собственным рвом. Эта башня венчает небольшой и явно искусственный курган. Сейчас это настенная башня на линии внешней стены, но, похоже, она была обсажена, а ее ядро, вероятно, или возможно, является хранилищем более раннего замка.

Эти английские башни, хотя и любопытны, значительно уступают тем, что сохранились во Франции того же периода, будь то крепости, такие как Этамп, 1160 год, план которой представляет собой трилистник; или Рош-Гюйон, где половина цилиндра поглощена треугольным шпором; или настенные башни, такие как Королевская башня в Руане, Каркассоне и особенно прекрасная, недавно восстановленная, в Пьерфоне. Хорошим примером является также башня в Нюрнберге. Башня Лувра давно разрушена, но недавно ее основание было вскрыто, и оказалось, что в ней находятся две шахты - колодца и канализации.

Вероятно, круглые башни, или хранилища, являются самыми древними примерами этой формы, но очень скоро после этого они стали использоваться в Англии и Франции как настенные башни, фланкирующие и укрепляющие стену *энсинта*. Особенно часто их использовали для перекрытия угла или для фланкирования ворот. Пример круглой башни, закрывающей угол, датируется этой датой и находится в лондонском Тауэре, известном как Колокольная башня. Башня Мартена в Чепстоу - хороший пример настенной башни раннеанглийского периода, к которой пристроена прекрасная оранжерея. Ее внутренняя часть представляет собой полный цилиндр, но внешняя стена, или стена ущелья, которую можно увидеть во дворе, плоская. В Рочестере на углу палаты, расположенной рядом с храмом, находится круглая башня, или, скорее, контрбашня, поскольку она не выше куртины. В таких позициях их пассивная сила была большим преимуществом.

Во второй половине XII - начале XIII веков многое было сделано для того, чтобы привнести в замки домашний уют. Каминны, которые в норманнских замках представляли собой углубления в стене, часто с простым боковым отверстием для дымохода, как в Колчестере и Рочестере, теперь украшены колпаками, часто из камня, иногда из дерева и штукатурки, а дымоходы стали вместительными и рассчитанными на отвод дыма. Каменные колпаки, как правило, отличной кладки и, даже если они простые, отличаются элегантным дизайном, опираясь на кронштейны, а те - на сгруппированные колонны, обрамляющие очаг. Вентиляционная труба или дымоход часто увенчаны дымоходной шахтой и дымовой трубой, как, например, в замках Гросмонт и Сент-Бриавель, или в остатках приорства в Абингдоне. Там, где колпак был деревянным или гипсовым, с такой же шахтой, или там, где в крыше было отверстие или жалюзи, все следы, конечно, исчезли, и этим объясняется отсутствие каминов в комнатах, явно предназначенных для дам и высокопоставленных особ.

В норманнских храмах дощатые полы были необходимостью, и они, несомненно, были очень плохо соединены и холодны, но в своде полы состояли из гашеной извести и песка. Гардеробы по-прежнему часто встречались как во фресковых камерах, так и на бойницах, а шахты обычно были вертикальными и спускались внутрь стены, имея выход у ее подножия. Зал-часовня и другие здания, расположенные, как правило, во внутренней палате, были более богато украшены, чем в норманнский период.

В дополнение к фланговой обороне, которую обеспечивали башни, расположенные по линии стены *энсинта*, обычно использовалось приспособление, называемое "бреташ". Это была галерея из дерева, идущая вокруг стен за пределами крепостных стен и на их уровне, поддерживаемая стойками, опирающимися на косоуры, и покрытая наклонной крышей. Иногда в больших башнях было два яруса таких галерей, верхний выступал за пределы нижнего, создавая таким образом очень грозную оборону. Поскольку эти галереи скрывали верхнюю часть стены, эта часть часто оставалась в грубом состоянии, и теперь, когда *бреташ* исчез, такие башни, как в Каэрфилли, имеют очень незавершенный вид. *Бреташ* ставился только в случае осады, и примеры его очень редки, хотя во многих случаях очевидно, что он раньше использовался. Над Суассонскими воротами в Куси сохранился фрагмент настоящего *бреташа*, а в Ледесе, над внешними воротами, находится место его главной балки. Башня Палаццо Веккьо во Флоренции своими линиями карнизов показывает, что она предназначалась для *бруствера*, а в стене, как и в Норхэме, видна дверь, которая могла открываться только на деревянную галерею. В замке Гайяр (Château-Gaillard), построенном Ричардом I, есть то, что не похоже на *бреташ*, выполненный в камне.

Лучшим в Англии примером башни, пришедшей на смену прямоугольным и панцирным замкам норманнского периода, является замок Конингсборо, который, хотя и содержит некоторые норманнские орнаменты и детали, относится к переходному периоду. Он стоит на вершине естественного холма и является частью более ранней стены *энсинта*, которая была неуклюже сломана, чтобы допустить его. Башня, высотой около 70 футов, имеет цилиндрическую форму, диаметром около 50 футов в основании и 40 футов на вершине, но снаружи цилиндр поддерживается шестью контрфорсами большой ширины и смелого выступа. Над колодцем возвышается куполообразный цокольный этаж с центральным отверстием. Единственный вход находится на втором этаже, примерно в 12 футах от земли. Верхние этажи и крыша были деревянными. Лестницы находятся в стене, извиваясь вместе с ней. Есть два гардероба, два камина, нет порткуллиса, а в верхней части одного из контрфорсов находится ораторий. Крыша была конусообразной, но опиралась на кольцевую стену, примерно на 3 фута заходящую на крепостную стену и вал. Благодаря этому башню можно было защищать без *бруствера*, чего нельзя было бы сделать, если бы крыша

опиралась на внешнюю стену. Подобное устройство можно увидеть в башне Мартина в Чепстоу и в Пемброке.

Однако лучшие образцы раннеанглийских или переходных храмов можно найти не в Англии. В Англии сохранилось несколько прекрасных прямоугольных и панцирных храмов, но во Франции Филипп Август продвинул новый стиль строительства гораздо дальше, и даже сейчас сохранились башни того времени, которые бросили вызов времени и безумию революции, и до сих пор остаются достаточно совершенными. Величайшим триумфом этого периода, в данном случае начала XIII века, является башня Куси, вероятно, лучшая военная башня в Европе. Это крепость замка, который сам является цитаделью города, также сильно укрепленного. Это замечательное сооружение, представляющее собой цилиндр из тонкой каменной кладки диаметром около 98 футов и возвышающееся на 180 футов, было создано Энгерраном III, сеньором де Куси, и самым могущественным бароном своей эпохи. Стены имеют большую толщину, а подвал и верхние этажи, в количестве трех штук, были сводчатыми, каждый из которых состоял из двенадцати глубоких и заостренных ячеек. Мощеная и обнесенная стенами фосса шириной 20 футов и глубиной 12 футов, контрэскарп которой поднят, как стенка *камизы*, окружает основание и защищает его от действий рудокопов. Разводной мост, пересекающий эту осыпь, ведет на второй этаж башни через ее единственный вход, защищенный портупеей, внутренним *сурдиной* и крепкой дверью. От входного прохода в стене поднимается лестница, сначала прямая, а затем поворотная, и ведет на каждый этаж, достигая в итоге крепостных валов. В подвале находился магазин, а выше - государственные и другие палаты. В подвале находится колодец большого размера, а на каждом этаже - камин и садик. Крыша была конической и опиралась на внутреннюю стену, за которой находился крепостной вал, защищенный необычайно высоким парапетом, увенчанным тяжелым смелым козырьком и пробитым двадцатью четырьмя дверными проемами, предназначенными для открывания в деревянный *бреташ*, а между дверными проемами - двадцать четыре петли, предназначенные для использования, когда *бреташ* не был закреплен. Сохранилось любопытное свидетельство того, как эта башня была построена на лесах. Двойной ряд отверстий для путлогана огибает башню по спирали, по двум параллельным линиям, показывая, что по мере подъема стены она была окружена наклонной проезжей частью из дерева, главные балки которой были вставлены в стену и поддерживались раскосами, нижние концы которых опирались на блоки в нижних отверстиях. Подобное устройство можно увидеть в северо-западной башне замка Харлех, начинающейся на вершине навесной стены. Укрепление Куси было настолько прочным, что когда по приказу Мазарина в его подвале взорвали порох, и своды, поднятые таким образом, обрушились, цилиндр, хотя и треснул, не был сброшен вниз. Этот благородный образец башни XIII века был успешно отремонтирован Виолле-ле-Дюком, который заделал трещину и сделал башню такой же прочной, как и прежде. Однако своды исчезли.

Куси, хотя и является главной из башен XIII века, также не стоит особняком в своем великолепии. Исудун, известный как Ла Бланш Тур, примечателен расположением входной двери и колодезной лестницей, расположенной в выступающем отроге; Турнебут, Коссон, Верней, Шинон, Вильнев-ле-Руа, Семюр, Аллюй, Бурбон-л'Аршамбо, Шатодун - вот лишь некоторые из круглых башен или донжонов, разбросанных по Франции и относящихся ко второй половине XII и XIII векам.

В этих французских башнях есть одна особенность, неизвестная в Англии. Там, где, как в Шато-Гайаре, они с одной стороны подвергаются ударам, их строят с выступом, образующим прямой угол от цилиндра, который таким образом становится килевидным или лодкообразным в равнине. Этот выступ имеет прекрасный эффект и, будучи обычно

массивным, значительно увеличивает прочность башни. Этот выступ, прекрасным примером которого является Рош-Гюйон и который поднимается на всю высоту башни, сильно отличается от шпоры-батрессы, с помощью которой круглая башня поднимается от квадратного основания. Этот способ особенно распространен в Уэльсе, и его можно увидеть в Чепстоу и Годерихе.

Из цилиндрических хранилищ, раннеанглийских или поздненорманнских, в Англии можно упомянуть Брунлесс, близ Брекона; вероятно, Калдекот, Монмутшир; Конингсборо, описанный выше; Долбадарн, в Северном Уэльсе; Лонсестон; Пембрук; Пенрайс, Гламорганшир; Скенфрит, Монмутшир; и Третауэр, графство Брекон. Круглая башня в Барнард-Касле, очень красивая, уже упоминавшаяся, является более поздней.

Правление Генриха III, 1216-1272 годы, было долгим, и этот принц был щедрым покровителем искусства и особенно архитектуры; тем не менее, несмотря на внутренние разногласия того периода, за это время (за исключением, пожалуй, Южного Уэльса) появилось лишь несколько оригинальных замков, да и те не отличались величием. Причина этого заключалась в том, что страна уже была довольно сильно обставлена замками, настолько активны были нормандские лорды в течение полутора столетий, и расположение существующих замков было хорошо выбрано, а их содержание имело существенный характер, поэтому было лучше добавить к ним, когда требовалось пространство, чем строить новые на новых местах. Маршрут Иоанна показывает, что почти все великие замки страны были построены уже тогда, а использование, которому они так часто подвергались, вполне могло заставить преемников этого государя стремиться скорее разрушать, чем строить. Так, Бедфорд, очень ранний и очень сильный замок, был удержан Фульком де Бреоте против короля лично, и был взят штурмом только после энергичной осады в течение двух месяцев, после чего он был не только разобран, но и разрушен, рвы засыпаны, а материалы его стен и башен использованы для других построек. Однако иногда, когда было желательно, как в Лондоне, Порчестере, Винчестере или Ричмонде, сохранить существующий замок, к нему пристраивали либо *крепостные* стены, либо более протяженные флигели, дающие больше места для размещения войск или живого скота для гарнизона. Палисады уступали место стенам, добавлялись башни и сторожевые ворота больших размеров и большой прочности. Иногда, как в лондонском Тауэре, добавлялась внешняя стена, окружавшая старое здание; в других случаях, как в Корфе, Чепстоу и Барнард-Касле, новая стена пристраивалась с одной стороны или с одного конца. В этих расширенных замках крепость по-прежнему рассматривалась как внутренняя цитадель, последний ресурс или убежище, и была защищена одной или двумя линиями стены, с настенными башнями, обычно круглыми или полукруглыми, и привратниками, состоящими из двух круглых башен с входом между ними, причем новая площадь внутри была пропорциональна важности места.

Эти составные сооружения - самые ранние, к которым правильно применять термин "концентрический". Там, где центральная часть замка - кит, а *энсинт* - двойной, как в Тауэре и Дувре, получается идеальный пример концентрического типа замка, хотя, конечно, части замка имеют разную дату. В Кенилворте и, вероятно, в Бриджнорте первоначальная планировка была концентрической, хотя центральная часть представляет собой палату или ограждение, а не одну изолированную башню, которая в этих замках вписана в линию внутренней стены палаты. Поскольку на очертания большинства замков существенно повлияло расположение земли, очевидно, что ни одна хронологическая классификация не может быть основана исключительно на плане земли. Например, в Алнвике, очертания которого, вероятно, являются норманнскими и в некоторой степени определяются землей, замок стоит между двумя палатами и является связующим звеном между ними, так же как в

Чепстоу и Пикеринге; в то время как в Ричмонде, также норманнском, расположение совершенно иное, как и в Порчестере, где римские стены были переделаны.

В Южном Уэльсе есть несколько замков, которые, похоже, были полностью построены, хотя, возможно, и на старых местах, во времена правления Генриха III, например, Килгерран, Манорбир, Гросмонт и Уайткастл. Они, особенно Уайткэстл, представляют собой просто корпуса неправильной формы, внутри мощной куртины, поддерживаемой настенными башнями, почти всегда круглыми, и входящими между двумя такими башнями в качестве сторожки. Бытовые здания или жилые помещения, такие как зал, спальня, комнаты, кухня, офисы и конюшни, которые в обычных английских замках были каменными, в этих пограничных сооружениях, таких как Уитчерч, были частично деревянными, с плоскими или умеренно покатыми крышами, пристроенными к стенам участка.

В королевских замках, а также в других "капитальных" поместьях и резиденциях крупных баронов, большое внимание уделялось домашнему уюту и великолепию. В записях царствования содержится множество счетов шерифов на пристройку или ремонт домашних построек в замках, на роспись стен фресками или заполнение окон витражами - все это свидетельствует об огромном росте вкуса и роскоши. Этим вопросам уделялось больше внимания, чем военной обороне, ведь чистым замкам в мирное время позволяли приходить в упадок, и в них почти не держали гарнизонов. Когда вспыхивало восстание, и замки округа оказывались под угрозой, патентные и закрытые списки пестрели приказами шерифам, констеблям и кастелянам о поставке леса, гвоздей, свинца, корда, бочек с наконечниками стрел и болтами для арбалетов, калтропов, луков, а иногда и военных машин, которые собирались со всех концов. Все, однако, делалось наспех, и любая кладка, возведенная в таких условиях, обычно оказывается некачественной и заметно отличается от кладки церквей и церковных зданий того же периода.

В правление Генриха также начали возводиться укрепленные жилые дома, укрепленные и обычно обнесенные рвом, но не регулярные замки. Вторжение в прерогативу при Стефане привело к ее строгому соблюдению в последующие царствования, но так как новых замков было немного, то в основном за укрепленными домами обращались и выдавали лицензию на строительство замков. Самая ранняя из сохранившихся лицензий такого рода относится к этому царствованию, а всего Генрихом было выдано около десятка. Из них только шесть были выданы значительными баронами, и только в двух случаях на значимые замки, а именно Дадли и Бельвуар.

ГЛАВА XII.

ЭДВАРДИАНСКИЕ ИЛИ КОНЦЕНТРИЧЕСКИЕ ЗАМКИ.

КАЖДЫЙ замок, если он больше, чем одиночная башня или опора, и имеет больше, чем одну линию обороны, имеет более или менее концентрический характер, но в большинстве, даже в самых больших из ранних замков, вторичная оборона была небольшой и ограничивалась работами по защите входа, как в Ричмонде и Конингсборо, и такие замки нельзя с полным основанием назвать концентрическими в общем смысле. В Ричмонде, например, первоначальный замок представлял собой ограждение внутри крепостной стены, частью

которой был замок, а вход прикрывал небольшой барбакан, как и в чисто норманнской части Корфа, Конингсборо, Бро, Бриджнорта и, вероятно, в первоначальном Лондонском Тауэре. Ни один из этих замков не был изначально концентрическим, и этот термин не может быть правильно применен ни к первоначальным замкам начала правления Генриха III, ни даже к некоторым из тех, что были построены его сыном. Белый замок, Гросмаунт, Килгерран и даже Каэрнарвон и Конвей - это всего лишь ограждения, укрепленные башнями и воротами на одной линии стены. Солсбери был концентрическим по необходимости, земляные работы не оставляли строителям выбора в этом вопросе. Предполагается, что концентрическое расположение было привезено принцем Эдуардом из Сирии. То, что столь умелый солдат и проницательный наблюдатель пополнил свои знания о военном искусстве тем, что увидел в Палестине, вполне вероятно, но система обороны, которой прославилось его правление, на самом деле была введена в Англии до смерти Генриха и до возвращения Эдуарда с Востока. Керфилли, один из наиболее полных примеров концентрических линий обороны, был построен незадолго до смерти Генриха, и это была работа не государя, а подданного. Тем не менее, слава Эдуарда была столь велика, что система, которую он хотя и не изобрел, но принял, была названа его именем, а термин Edwardian был применен к тому стилю крепости, который занял место круглой башни и обнесенной стеной ограды, и перенес искусство фортификации из раннеанглийского в декорированный период английской архитектуры.

Политика Эдуарда по возвращении с Востока и вступлении на престол заставила его не строить, а сносить замки. На четвертом году его правления было принято постановление: "О замках, а также о других постройках, подпоясанных рытью, следует спрашивать, сколько стоят стены, тимбер, камень, свинец и другие виды покрытия, и как их можно продать, после того как они будут стоять как те же стены и поделки. И за сколько моше могут быть проданы купли, не имеющие рыла, и сколько они могут стоять, с садами, хранилищами, голубятней и всеми прочими делами двора за год". Вероятно, это относилось главным образом к тем нелегализованным замкам, которые ускользнули из рук Генриха, поскольку ни одно из более старых или важных строений в то время не было снесено. Многие из них, правда, были недавно расширены и украшены, и там, где это было удобно, Эдуард следовал по тому же пути, укрепляя и ремонтируя обветшавшие стены и башни и приспособляя их к изменившимся обстоятельствам времени. Так, в Порчестере он перестроил внутреннюю палату и значительно расширил содержащиеся в ней здания. В его правление были построены пристройки к Миддлхэму, внешняя палата и сторожка, а также обширные флигели за озером в Кенилворте. В результате этих и подобных переделок первоначальные замки превратились в замки концентрического типа.

Но именно в Северном Уэльсе обстоятельства выявили талант Эдуарда как военного инженера. В этой стране сильные места представляли собой холмистые лагеря, не приспособленные для ведения современной войны и находящиеся вне линии его действий. Он не нашел там ни английских курганов, ни норманнских крепостей, и его работы не только грандиозны по масштабам, но и оригинальны. Именно ему принадлежат замки Конвей и Кернарвон, Бомарис и Харлех. Возможно, замок Бере и башня Долбадарн были укреплены им, но они скорее напоминают ранние работы его отца. В Шотландии работы Эдуарда были в основном разрушены, но его руку можно узнать в Линлитгоу, возможно, в замке в Эдинбурге и в старых укреплениях Бервика.

Первая особенность концентрического замка - расположение оборонительных линий, одна в другой, две или даже три в глубину, с башнями по углам и вдоль стен, спланированное таким образом, чтобы ни одна часть не оставалась полностью без защиты. Стена не может быть выгодно защищена, если она не устроена так, что внешнее основание одной части может

быть видно и контролируемо с вершины другой. Нормандский замок или раннеанглийская круглая башня могли быть защищены только ракетами с крепостных стен, подвергая опасности тех, кто их выпускает, почти так же, как и тех, кто их принимает. Использование настенных башен не только увеличивало пассивную прочность стены, на которую они проецировались, но и позволяло защитникам, находящимся на расстоянии выстрела из лука, обстреливать промежуточную куртину. Таким образом, куртина, часть сооружения, наименее способная противостоять ударам тарана, становилась тем объектом, на защиту которого можно было направить большинство снарядов, а башни, которые из-за расстояния между ними были лишь несовершенно фланкированы, благодаря своей форме и прочности не подвергались опасности быть пробитыми. Таким образом, экономился и материал. Стены были менее толстыми, а оборона в целом осуществлялась с большим мастерством и в меньшей степени зависела от пассивной силы. В этом, правда, не было ничего нового, но тем не менее этот принцип игнорировался при строительстве как крепостных башен, так и их преемников - круглых башен, донжонов или жульенов. Но в концентрической системе было реализовано гораздо большее. Части оборонительной линии были расположены таким образом, что гарнизон мог выходить из одной части и тем самым пресекать нападение на другую. Более того, каждая часть, башня или сторожка, а иногда и каждый этап здания, были устроены так, что их можно было удерживать отдельно в течение короткого времени. Кроме того, благодаря концентрическому расположению линий, прорыв внешней стены не приводил к потере места. Второе отделение, как в Бомарисе, Харлехе, Каэрфилли или Тауэре, было настолько узким, что в случае проникновения в него через пролом нападающие подвергались атаке с обоих флангов, причем таким образом, что их большее число не могло быть задействовано, и не было места для работы катапульты или установки мальвуазина. В этих замках обходились без крепости, которая была главной особенностью норманнской или раннеанглийской крепости; она превращалась, если говорить анатомически, в открытый двор, укрепленный по бокам и углам привратниками и башнями с фресками, с залом и жилыми помещениями, примыкающими к стене с одной или двух сторон. Вокруг этого внутреннего двора располагался второй двор, узкой ширины, разделенный поперечными стенами. Иногда вокруг второго отделения располагалось третье, или внешнее, обычно большой площади, чтобы вместить большую часть гарнизона, лошадей и окрестных крестьян с их скотом. Во многих замках эта внешняя часть включала в себя ров или даже большую полосу воды, как в Ледесе, Каэрфилли и Кенилворте, образованную путем запруды местного ручья. В таких случаях оборона дамбы становилась вопросом первостепенной важности, и для нее специально возводились прочные стены по всей ее длине, а также башни или сторожки на обоих концах. В этих замках каждая часть предназначена для повседневного использования. Ни одна часть не отведена только для того, чтобы в ней можно было жить во время осады. Зал, часовня и кухня были привычными и строились в соответствующих масштабах.

Поскольку Каэрфилли - самый ранний и самый полный пример концентрического замка в Британии, будет удобно кратко указать на его основные особенности. Место было выбрано для того, чтобы закрыть проход, через который валлийцы пробирались из горной страны Гламорган в Монмутшир; путь к морскому побережью преграждали Кардифф и замки в долине. Выбранное место лежало между реками Тафф и Римни, на гравийном берегу, возвышающемся на низком болотистом дне, с гористой или, по крайней мере, очень высокой местностью на севере, юге и западе. Центральную часть берега занимала прямоугольная ограда размером 70 ярдов на 53 ярда, на каждом углу которой возвышалась башня с барабаном, а в центре каждого конца - широкая и высокая сторожка. С одной стороны этого внутреннего корпуса находился зал, 72 фута в длину и 33 фута в ширину, расположенный между часовней и частными апартаментами, а в сторожке также находились

апартаменты, уступающие по величине только залу. Это внутреннее отделение находилось в пределах второго, довольно большого участка, также прямоугольного, размером 106 ярдов на 90 ярдов. Это среднее отделение было снабжено воротами меньшего размера, соединенными с внутренними, и находилось внутри крепостной стены с парапетом, которая спускалась в воду на 20 футов по всему периметру. Четыре парапетных бастиона, соответствующие внутренним башням, закрывали четыре угла, а на стороне, примыкающей к залу, находились кухня и служебные помещения, а также водные ворота, открывающиеся из зала широким проходом с местом для хранения лодок.

Воды, которыми были окружены эти два прихода, представляли собой с одной стороны глубокое и широкое озеро площадью около 16 акров, а с другой - меньший участок воды площадью около 3½ акров. Эти два водоема были соединены поперечными прорезями с каждого конца, пройденными, напротив ворот, разводными мостами. Один из них опускался на *tête du pont*, своего рода рогатую конструкцию или рavelин из земли, площадью около полутора акров, заключенный в стену, обнесенную парапетом, и, вероятно, с крепким частоколом на возвышенности внутри. Ветка от озера огибала это сооружение, а второй разводной мост соединял его с землей снаружи. В противоположном конце замка со средней палаты на внешнюю опускался еще один мост, весьма примечательный. Это была приподнятая платформа длиной почти 330 ярдов и глубиной от 14 до 36 ярдов, занимавшая всю переднюю часть замка, включая два водных пространства. Платформа была разделена около центра возвышенной стеной, укрепленной с каждой стороны и имеющей ров вдоль одной из них. На этой стене находилась мощная сторожка, имевшая внизу дверной проем с разводным мостом, соединявшим две части платформы, а выше - дверной проем меньшего размера, также защищенный мостом и портупеей и охранявший путь к бойницам внешней стены. В одном конце платформы находился постерн, связанный с конюшнями, а в другом - скопление башен на внешнем берегу озера, в которых находился еще один постерн. В центре находилась большая внешняя сторожка, от ворот которой отходил мост к огромному пирсу, стоявшему посреди внешнего рва, от внешней стороны которого отходил второй мост на деревенскую улицу. На помосте находилась большая кукурузная мельница, а с ней - плотина и шлюз, с помощью которых удерживались и регулировались воды озера, и который был очень сильно укреплен. Таким образом, в разных точках замка находились двое больших ворот и два потерна, через которые могли выходить большие отряды конницы, так что лагерь осаждающих мог быть атакован с четырех сторон, а в случае неудачи в замок можно было попасть через четыре входа, помимо двух водных ворот. В дополнение к этим стратегическим решениям, каждая башня и сторожка имела на первом этаже вход с портупеей, а в верхних этажах боковые дверные проемы, выходящие на бойницы куртин, были защищены подобным образом.

С военной точки зрения Каэрфилли - произведение непревзойденного мастерства. К несчастью для его исторической славы, заселение Уэльса последовало так близко к его возведению, что он так и не достиг большого значения.

Харлех - концентрический замок, вероятно, спроектированный архитектором Каэрфилли. Здесь также есть внутренняя прямоугольная палата с барабанными башнями по углам, залом и другими зданиями с двух сторон. Он находится внутри внешнего отделения, также прямоугольного, с парапетными стенами и бастионами. Во внутренней палате находится большая одиночная сторожка, соединенная со второй и меньшей во внешней палате, от которой отходит разводной мост, перекинутый через глубокий и широкий ров, вырубленный в скале. Харлех хорошо укреплен и занимает скалистый мыс, который раньше выступал из моря, а теперь отделен широким участком низменной земли. Его главная особенность -

вырубленная в скале крытая лестница, защищенная со стороны моря петлеобразным парапетом и закрытая сверху и снизу небольшими воротами. Это были водные ворота крепости, которые выходили на небольшую пристань, ныне занятую железной дорогой.

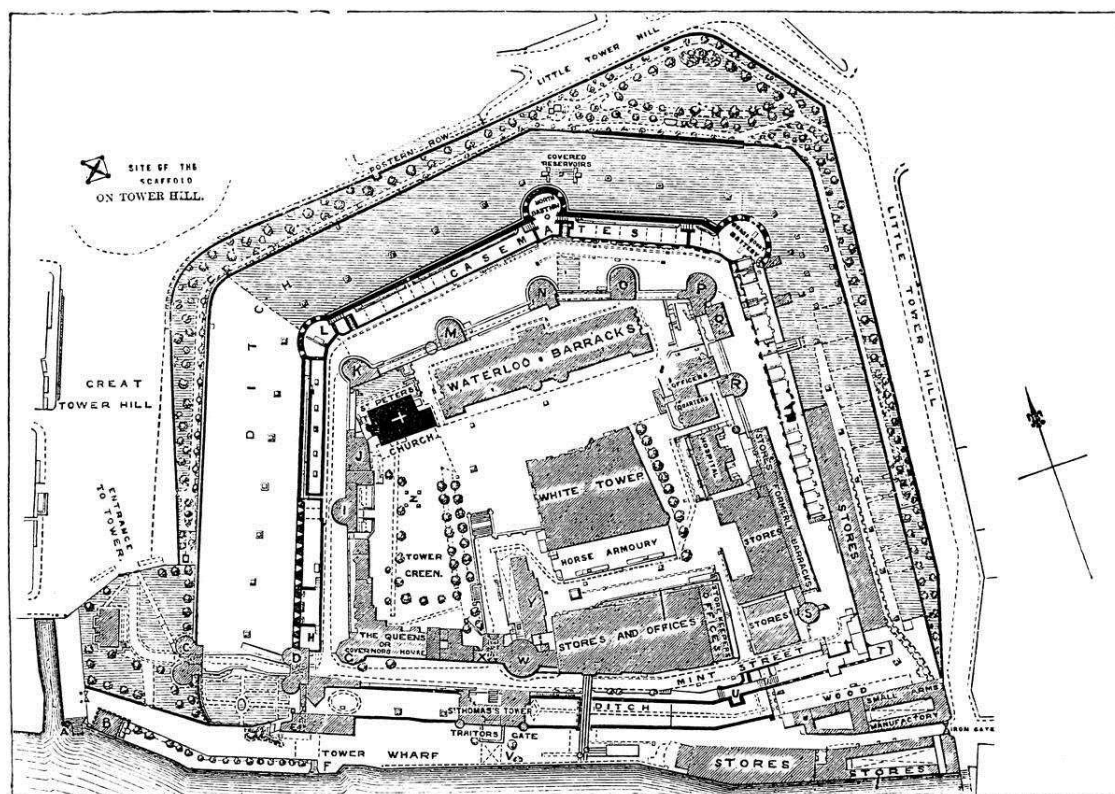
Бомарис, еще один из замков Эдуарда, заслуживает особого внимания благодаря тому, что стоит на открытой местности, и на его план не влияют никакие особенности уровня. Он состоит из двух палат; внутренняя прямоугольная, 58 ярдов на 66 ярдов, с высокими куртинами, барабанными башнями по четырем углам, сторожкой в центре каждого конца и полукруглыми башнями в центре каждой стороны, одна из которых является часовней. Апартаменты находились в сторожках, а зал - на втором этаже, над порталом.

Примечательны занавеси. Их толщина составляет 16 футов, но в продольном направлении ниже уровня земли они пронизаны рядом канализационных труб, а выше - настенной галереей, над которой возвышается крепостной вал. Внешняя стена представляет собой неправильный восьмиугольник, противоположные стороны которого равны. Он укреплен двенадцатью барабанными башнями. Пространство между двумя стенами, образующими палату, узкое - от 40 до 50 футов в ширину. На одном конце находится сторожка, защищенная двойным траверсом, огибающим проход, а на другом - постерн, часть сторожки, недостроенной или снесенной. С одного конца в сторону берега моря выступает стена шириной 5 ярдов и длиной около 33 ярдов, содержащая проход, петляющий в каждую сторону и пересекаемый воротами. Это шпорная конструкция, которая была связана с набережной и заканчивалась круглой башней. Был только один ров, который опоясывал всю крепость и подпитывался из прилегающего моря. Сейчас он засыпан.

Пристройки к Лондонскому Тауэру, с помощью которых его нормандская крепость и раннеанглийская внутренняя палата были превращены в правильный концентрический замок, выполнены очень искусно. Здесь вторая палата, как обычно, очень узкая, а широкий и глубокий ров опоясывает ее всю. Одна часть рва, однако, представлена Темзой, а между ней и внешней стеной находится полоса земли, служащая пристанью для выгрузки товаров, тыл которой сильно укреплен. На каждом конце находился шлюз для регулирования воды во рву, а в центре - грандиозная и сильно укрепленная водонапорная башня с портовым каналом из реки, известным как Ворота Предателей. Прилагаемый план Тауэра очень точно представляет составной, но концентрический замок.

Когда размер крепости не требовал более одного отделения, как в Пеннарде в Говэре, или когда земля была неподходящей, как в Конвее и Чепстоу, концентрическое расположение отменялось. В Чепстоу норманнский замок стоит на крутом гребне скалы, занимая всю ее ширину. Поэтому пристройки обязательно делались с каждого конца, так что весь замок, построенный в разное время, представляет собой продолговатую форму, состоящую из пяти палат, открывающихся одна от другой, с замком в центре. Его план представляет собой как бы срез концентрического замка.

В эдвардианском замке главной особенностью был зал, просторный, хорошо освещенный, обычно с красивым камином и открытой деревянной крышей. В Бомарисе он занимает первый этаж сторожки; в Ладлоу, Дареме, Пемброке и Конуэе он пристроен к занавесу. Домашние апартаменты открывались с парадного конца зала. В отчетах Генриха III часто встречаются записи о работах в залах замков. 28 Генрих III заказал большую жалюзи для зала в Вудстоке, а также новый зал 60 футов на 40 футов в Ладгерсхолле, с офисами и двумя кухнями для короля и его домочадцев в одном конце. В Чепстоу Генрих приказал построить зал и кухню из дерева.

Кухня была очень важной частью эдвардианского замка. Нормандская кухня, вероятно, была очень простой, и лишь в немногих замках можно обнаружить кухню. Позднее кухня часто становилась главной особенностью замка. В Каэрфилли, как и в Кокермуте, она занимает большую башню. В Ладлоу она одиноко возвышалась во дворе. В Кенилворте от нее остались значительные остатки. Печь часто была больших размеров. В Морле диаметр печи составлял 12 футов.

Часовня также является неотъемлемой частью эдвардианского замка. Многие норманнские замки содержат настенные оранжереи. В Ньюкасле, Дувре и Миддлхэме были обычные часовни в передней части здания. В Гилдфорде ораторий представляет собой настенную келью в форме L. В Каэрфилли часовня открывалась из нижней части зала. В Кенилворте фундамент большой часовни, относящейся к декорированному периоду, был заложен во внешней палате. В Годерихе часовня соединена со сторожкой, а в Прудхоу - с привратницей. В Бомарисе, Кидвелли и Оксвиче она занимала башню с фресками. В Чепстоу часовня была крупномасштабной и находилась во внешнем приходе. В башне Мартенс также находится очаровательная раннеанглийская оратория. В королевских замках во времена правления Генриха III часовня часто фигурирует в отчетах. В одном из замков Генрих приказывает построить часовню длиной 25 футов, а главу ориеля поместить в покоях короля. В замке Кеннингтон часовня должна была быть обшита деревом и снабжена лестницей из гипса длиной 30 футов и шириной 12 футов. Ее верхняя часть сообщалась с личной часовней королевы, а внизу располагались домочадцы. В Винчестере часовня открывалась в покои королевы, а в Вудстоке между ними был проход, чтобы королева могла уходить и возвращаться сухой. В часовне Святого Томаса в Винчестерском замке было заказано двенадцать ковриков для молящихся. Во многих крупных замках были регулярно действующие капеллы, иногда, как в Виндзоре, даже коллегиальные. Так было в Понтефракте и Гастингсе. Подобная практика существовала и в Шотландии. В замке Далкейт в 1377 году была основана часовня, а часовня лорда Моррея в замке Бучарм в начале XIII века была обременена определенной десятиной. В Данстере и других местах существовало

положение о том, что монахи-чиновники, прибывшие из соседнего приорства, должны во время осады совершать свои службы дома.

Эдвардианская сторожка - очень внушительное сооружение. Обычно она была прямоугольной в плане, спереди ее всегда фланкировали две башни с барабанами, а иногда сзади - еще две, содержащие колодезные лестницы. В его центре находилась порталная арка, открывающаяся в длинный прямой проход, пересекающий здание. Три петли в каждой фланкирующей башне прикрывали подъездной мост, огибали боковую куртину и прикрывали точку непосредственно за воротами. Над порталом обычно находилось небольшое окно, а над ним, на вершине, - маковка, поставленная на косоуры, или вместо нее - нечто вроде моста, перекинутого от башни к башне на пару футов вперед от стены, так что оставался проход или щель, по которой можно было спускать камни или даже балки на тех, кто нападал на ворота внизу. Подобное устройство можно увидеть в Ните, Лейборне и Пемброке, и оно не является редкостью. Над городскими воротами в Куси и у барбакана в Ледесе выступ был деревянным, и часть его сохранилась.

Портальная арка, достаточно широкая, чтобы в нее мог войти кошелек или трое вооруженных людей, обычно имела форму, известную как "капля". Внутри первой защитой была герса или портупея, а за ней - дверь из двух створок, открывающаяся внутрь и при закрытии удерживаемая одним или двумя крепкими дубовыми брусьями, которые можно было задвинуть в углубления в стене. За дверью свод часто заменялся плоской крышей из дерева, через которую проходил второй порткуллис, а затем шли два боковых дверных проема, открывавшихся в домики носильщиков, обычно соединенные с небольшой тюрмой. В Сент-Брайвелсе двери домиков закрыты на портупею. В конце дощатого пространства свод возобновлялся, и там находилась вторая пара дверей и вторая портупея. Они были предназначены для защиты от нападения изнутри, а каждая сторожка была построена для самостоятельной обороны.

Обычно в дополнение к этим воротам и дверям свод пробивали от одного до пяти квадратных или круглых отверстий около фута в поперечнике, называемых "мортирами". Они могли служить для установки столбов, препятствующих входу людей, или для втыкания в них пик. Предполагается, что они также служили для того, чтобы спускать воду, если предположить, что проход заполнен кустарником, который подожгли, хотя трудно понять, как можно получить какое-либо количество воды, не больше, чем расплавленного свинца или смолы, о которых говорится. На втором этаже больших ворот располагалась красивая камера с боковыми дверями, ведущими на валы куртины, а иногда, как в Каэрфилли и Тауэре, в ораторий. Порткулисы были проделаны в полу, и их снасти, должно быть, придавали помещению атмосферу военной реальности, как пушки в государственной каюте на море. В Каэрфилли и Чепстоу проход к занавесам защищен портупеей и разводным мостом, яма которого представляет собой глубокое углубление в стене.

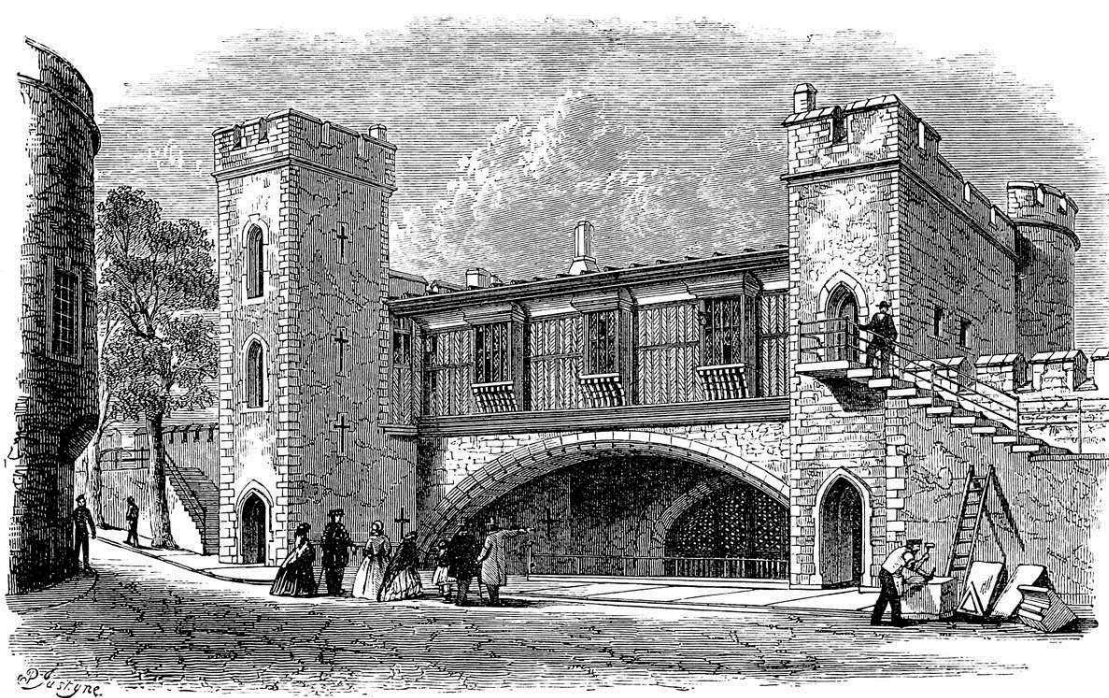
Высота стен этих эдвардианских замков варьировалась от 25 до 40 футов, а толщина - от 6 до 8 футов или даже больше, что позволяло создавать настенные галереи, как в Чепстоу, Каэрфилли и Бомарисе. На их вершине проходил путь, называемый "аллюром", или валом, защищенный спереди укрепленным парапетом, а сзади - более низкими и легкими стенами. Часто в каждом мерлоне имела петля, а каждая амбразура была снабжена висячим затвором, что можно увидеть в Чепстоу. Там, где куртина пересекает палату или выступает в

виде отрога, как в Каэрфилли и Бомарисе, она была укреплена с обеих сторон. На валы обычно поднимались с соседних башен, но иногда, как в Уорике, по открытой каменной лестнице. Иногда, когда стена была слишком мала для возведения вала, во время войны на ней устраивали помост из дерева, наподобие строительных лесов. Так, по-видимому, было с городской стеной Йорка, где она ограничивает соборный сад.

Башни фресок сильно различаются по форме и размерам, но чаще всего они круглые, или полукруглые, или полукруглые с удлиненными сторонами, чем квадратные. Иногда они бывают многоугольными, как в Стоуксей, Уорике, Кардиффе и епископских воротах в Лландаффе. Стоуксей относится к тринадцатому веку, но обычно эти башни более поздние. Фресковые башни редко имеют большой внутренний выступ. В римских сооружениях они обычно сплошные, но в более поздних замках они иногда открыты с тыльной стороны или в ущелье, чтобы предотвратить их удержание при захвате нападающими. Кельнская и Авиньонская башни открыты, а в Тауэре башни с Пограничными и Предательскими воротами закрыты только деревянной решеткой. На прилагаемом рисунке показан задний вид Ворот предателей с большой аркой над водой и деревянной конструкцией над ней.

Там, где была внешняя палата и вторая стена, она была значительно ниже внутренней и отделялась от нее, а башни с фресками часто становились просто бастиями, не возвышаясь над куртинами. Вторая стена, кроме того, что была слишком узкой, чтобы можно было разместить войска или машины для атаки на внутреннюю стену, была пересечена поперечными стенами с воротами, чтобы изолировать любую группу нападающих, прорвавших внешнюю стену. Такие поперечные стены можно увидеть в Каэрфилли и в Тауэре.

Иногда барбакан представлял собой просто обнесенное стеной пространство перед воротами, как в Карлайле, Алнвике, Ричмонде или Барсе в Йорке. Иногда это был *tête du pont*, отделенный от основного сооружения и расположенный в конце моста, на контркарпелла, как в Хавардене, Ледесе и Годерихе. В Скарборо он размещен на внешнем конце длинной приподнятой дамбы, которая, опять же, разбита двумя разводными мостами, падающими с низкой центральной башни. В Хелмсли, как и в Каэрфилли, барбакан имеет характер рогатины. Барбакан Тауэра, называемый Спергейт, представляет собой обычную низкую сторожку, с фланкирующими барабанными башнями или бастиями, прикрывающими голову моста, и сам защищен петлей от главного рва. В Бридженорте в барбакане находилась кухня, которую было приказано отремонтировать, 17 Неп. III. В Кентербери барбакан, *временный*. Эд. II., использовался в качестве тюрьмы.

Спелман определяет барбакан или "ante-murale" как "munimen a fronte castris aliter ante murale dictum; etiam foramen in urbium castrorumque mœniis ad trajicienda missilia."

Палисадник перед барбаканом был известен как "барьеры". Они хорошо представлены в Тауэре в виде крепостной стены, закрывающей вход.

Разводной мост был важным элементом обороны замка. В самом простом виде он представлял собой платформу из дерева, опирающуюся на два пескаря или цапфы на внутреннем конце; в поднятом состоянии он скрывал портал, а в опущенном опускался на причал во рву или на контркарп. Его пролет варьировался от 8 до 12 футов. Приспособления для его работы были самыми разнообразными. Иногда цепи, прикрепленные к его внешнему концу, проходили через отверстия над порталом и приводились в движение вручную или с помощью противовеса. Иногда над мостом располагалась рама, также на цапфах. В больших замках конструкция была очень сложной. Иногда мост был единственным связующим звеном между воротами и противоположным пирсом; в других случаях парапеты или лицевые стены опирались на неподвижную арку, а мост опускался между ними. Прекрасный пример такого моста можно увидеть на воротах Констебля в Дуврском замке. В Годерихе детали довольно совершенны. Ров был пересечен каменным мостом, состоящим, по-видимому, из двух арок, но только внешняя из них является постоянной. Проезжая часть внутреннего моста была разводной. В Казрфилли, во рву перед главными воротами, находится большой каменный пирс, с которого в каждую сторону опускался мост. Вероятно, на нем стояла деревянная башня. В записях Генриха III упоминается *бреташ* на мосту большой башни в Винчестере и еще один, покрытый свинцом, на новом мосту.

Порткуллис, "altera securitas" со значка дома Сомерсет, всегда присутствовавший в замках Генриха и Эдуарда, был важной частью обороны. Это была прочная решетка, в небольших воротах железная, в больших - дубовая, укрепленная и обутая в железные шипы и подвешенная в пазах на двух шнурах или цепях, которые проходили через два шкива, а иногда через один центральный блок, и либо крепились к противовесам, либо приводились в действие, как в воротах Тауэра и Йорка, с помощью лебедки. Пазы обычно полукруглые, со слегка расширенными сторонами, шириной от 4 до 6 дюймов и глубиной от 4 до 7 дюймов. Сверху, в своде, находится желоб, через который проходит решетка. Иногда камера

портупеи представляет собой небольшую ячейку в стене, как в Рочестерском замке и Куси, но в больших воротах, где есть две или три решетки, они работают в камере наверху. В Линлитгоу и Торнтонском аббатстве, где решетка одна, она вынесена в стену и обрабатывается на втором этаже. Иногда решетка не имела боковых пазов и должна была либо висеть свободно, либо опираться своими шипами на землю внизу. Это можно увидеть в Сент-Бриавельсе и на верхних воротах Чепстоу, но никогда не с внешней портупеей. Иногда в них вырезаны пазы для запасной решетки, но, похоже, они не были вооружены.

Нет ничего более примечательного, чем соблюдение чистоты в военных зданиях. В замках Ладлоу, Лэнгли и Керфилли есть большие башни с фресками, предназначенные для гардеробов. В Годерихе они занимают широкий контрфорс. В Бомарисе канализационные трубы очень большого размера и проходят внутри главного занавеса, как галереи. Такие канализационные трубы часто принимают за тайные ходы, хотя гардеробы, расположенные выше, и характер выходов внизу должны опровергнуть это представление. В Койти нечистоты собирались в огромной сводчатой камере. Валы куртин также обычно снабжены гардеробами.

Подземные камеры встречались в Англии в XIII и XIV веках не чаще, чем в XI и XII, и если мы не имеем ничего похожего на великолепные ярусы сводов в башне Куси, то и не имеем ничего похожего на жалкие камеры и оублеты, встречающиеся в немецких замках, примерами которых являются замки Баден-Бадена. Подвальные камеры настенных башен, действительно, часто находятся ниже уровня двора, но они выше уровня рва снаружи. В Кастель-Кох, недалеко от Кардиффа, находится самая страшная темница в Британии, но даже она не является подземной.

Постеры в этих замках часто бывают очень сложными. В Виндзоре есть очень красивый, открывающийся в крепостной ров и предназначенный для прохода кавалерии. Вероятно, он относится к эпохе Генриха III. В Каэрфилли есть две крепости с обычными воротами и разводными мостами. Иногда ворота представляют собой небольшую дверь с решеткой. В Годерихе она была сделана в полу выше, так что для того, чтобы открыть или закрыть ее, требовалось два человека в двух разных местах. В Каэрфилли два водяных столба: один, из которого можно спустить лодку в озеро, другой - на уровне воды, как в Ledes и Тонбридже. Упоминались также водные ворота Харлеча.

В замках Генриха и Эдуарда дворец сочетается с крепостью, но домашние помещения всегда подчинены военным. Будучи абсолютно оригинальными, как Каэрфилли или Бомарис, или дополнениями к более старым постройкам, как Корф, Дувр и Тауэр, они обычно имеют величественный вид, а каменная кладка, как правило, превосходна.

Очень многие из наших главных городов были обнесены стенами во времена правления Генриха и Эдуарда; некоторые - Йорк, Лестер, Колчестер и Честер - воспользовались преимуществами римской стены. Нортгемптон был обнесен стеной до 1278 года. В Винчестере стена была основана на раннем земляном валу. Единственные лицензии на возведение городских стен были выданы жителям Харвича и Ипсвича, 26 изд. III.; мэру и приказчикам (probi homines) Ковентри, 37 и 38 изд. III.; Солсбери, 46 изд. III.; и Уинчелси, 3 Ну.; оборона Херефорда, очень уязвимого места, кажется, была сформирована из бриаров и терновника, расположенных на очень грозных земляных валах. Иногда случалось, что ворота были каменными, а остальная часть оборонительных сооружений представляла собой земляные валы.

Четырнадцатое столетие было богато замками, в основном небольших размеров, на шотландской границе и в Шотландии. В Англии в начале века были построены Дакре,

Данстанборо и Спофорт; в 1342 году был возведен дворцовый замок Сент-Дэвидс, около 1360 года - башня Цезаря в Уорике, а в 1394 году - башня Гая, два великолепных сооружения. Постепенно, однако, чистые замки пришли в упадок, и их место заняли такие сооружения, как Болтон, Врессилл и Шериф-Хаттон, которые в целом имели форму квадратного двора, вокруг которого располагались здания, и в который входил обычный проходной двор. В них, однако, кастеллат использовался скорее по обычаю, чем по необходимости, а внешние окна были большими, а стены - очень умеренной толщины. Многие из королевских замков пришли в упадок, а другие использовались в качестве тюрем и были переданы графствам. Короткий акт от 13 Р. II. предписывает, "чтобы королевские замки и тюрьмы были присоединены к графствам, а там, где они разделены, должны быть воссоединены".

Строительство замков с самого начала считалось королевской прерогативой, хотя в царствования, непосредственно следовавшие за Завоеванием, удерживать страну было настолько важной задачей, что, похоже, это требование было предано забвению. Последовавшее после смерти Стефана массовое разрушение замков, построенных без лицензии, продемонстрировало возрождение прерогативы, а в правление Генриха III., прежде чем укрепить дом на законных основаниях, необходимо было получить регулярную форму лицензии, "licentia crenellare". Самая ранняя из известных лицензий была выдана Генрихом III епископу Винчестерскому в 1257-8 годах, чтобы тот мог укрепить остров Портленд. Генрих выдал 20 таких лицензий; Эдуард I - 44; Эдуард II - 60; Эдуард III - 181; Ричард II - 60; Генрих IV - 8; Генрих V - 1; Генрих VI - 5; Эдуард IV - 3. Очень полный список этих лицензий, подготовленный сэром Дж. Даффусом Харди, был напечатан мистером Паркером. Из 382 приведенных им документов только четыре относятся к важным замкам: Бельвуар, Бангей, Дадли и Уитчерч, все они были укреплены до появления правовой памяти. Большинство остальных относятся к поместьям, некоторые - к дворцам епископов и соборным замкам, некоторые - к монастырям, некоторые - к домам в городах, а некоторые - к замкам, возможно, тогда только построенным, а возможно, и перестроенным в большем масштабе. Такими были Аплей, Олдуорт, Амберли, Бодиям, Болтон, Ботал, Каулинг, Данстанборо, Форд, Харевуд, Науорт, Пенрит, Роуз-Касл, Стоуксей, Ширберн, Танфилд, Тонг и Уордур, большинство из которых стоят до сих пор, а два или три обитаемы.

Нижеприведенная запись из Патентного списка, 15 Hen. VI., 1437 г., является частью лицензии, выданной Хамфри, герцогу Глостерскому, и его герцогине, которые предложили построить крепкий дом на холме, ныне занимаемом Королевской обсерваторией в Гринвиче: "Muris petra et calce includere et firmare, et muros illos kernellare, batellare, et turrellare, ac quandam turrim infra parcum prædictum similiter petra et calce de novo construere, edificare, ac tam turrim illam sic de novo constructam et edificatam quam dictum manerium sive mansionem ut præmittitur inclusum, firmatum, kernellatum, imbattellatum, et turrellatum, tenere possint sibi et hæredibus suis prædictis in perpetuum."

Иннис ("Очерки", 444) приводит соответствующее разрешение графа Росса в 1406 году на строительство Килравока.

"Иоганн из Иля, Эрл из Росса и лорд Илиса, всем и каждому, до кого дошло наше настоящее письмо, приветствуем. Витте, чтобы мы имели гевин и грант, и будьте три настоящих письма гевин и грант, наша полная власть и лицензия до нашего luffid cosing, человек и теннанд, Nuchone de Roos, барон Kylravok, чтобы финансировать, большой, и э вверх сделать тур болот, с бармкин и bataling, на том месте, которое ему больше всего нравится, в пределах баронства Килравок, без всякого противоречия или возражения, вопроса или любого возражения против него или его айриса, будь то мы или наш айрис, за упомянутый тур и бармкин, делающий, с каталингом, сейчас или во время, чтобы кончить. In witnes hereof, ye

haf gert our sele to ther letteris be affixt at Inuernys, the achtend day of Februar, the yer of Godd a thousand four hundreth sixte yer."

Mr. Иннис отмечает, что одним из первых действий Якова по возвращении из английского плена было распоряжение владельцам всех замков и поместий сделать их пригодными для жилья и жить в них; И он добавляет, что примечательно: "Сколько шотландских замков датируется половиной столетия после принятия вышеупомянутого закона, и все они имеют одну конструкцию - строгий, квадратный замок, грубо украшенный ядрами и увенчанный домом с крышей, частично окруженный барбаканом или бармином, обеспечивающим защиту жителей и их скота от поспешных вторжений грубых соседей."

ВОЕННАЯ АРХИТЕКТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.

ОПИСАНИЯ.

" Время

В красоту превратило много башен,

Которая, когда она хмурилась со всеми своими башенками,

Была лишь ужасной. ... - Мейсон.

ЗАМОК АЛЬНВИК, НОРТУМБЕРЛЕНД.

Замок Алнвик стоит на умеренном возвышении на южном берегу реки Альн, на расстоянии около 150 ярдов от нее, что служило его непосредственной защитой от шотландцев. Он находится примерно в пяти милях от моря и на высоте около 200 футов над уровнем моря. С востока и юга замок отрезан от города Алнвик глубоким провалом, который когда-то был руслом реки Боу Берн. Она была изрезана и изрезана искусством, а ее верхняя часть по направлению к городу была почти уничтожена современной засыпкой.

На западе находится почти ровная площадка перед замком, отделенная от него рвом, полностью искусственным, а частично засыпанным и покрытым конюшнями. Раньше этот ров проходил вдоль южного фронта и соединялся с оврагом Боу Берн. Современная земляная насыпь скрывает город от замка в этом, юго-западном квартале.

Стены города Алнвик были обнесены насыпью и, вероятно, построены по лицензии Генри Перси в 1434 году, когда он возвел ворота Бонда, которые стоят сейчас. Неясно, была ли городская стена независимой от замка, как в Чепстоу, или примыкала к его внешней стене, как в Карлайле. Главный вход в замок и его главный постерн находились за пределами города. К первому из них вели городские ворота, расположение которых запомнилось, а название сохранилось в названии "Узкие ворота". Замковая башня открывается в сторону

реки. Львиные ворота в южной стене, ведущие в город и на железнодорожную станцию, являются полностью современным сооружением, но могут представлять собой ворота, сообщавшиеся с городом.

В плане замок неправильной формы и многогранный; западная и южная стороны заканчиваются башней аббата, а другая - восточной башней, длина которых составляет 125 и 213 ярдов; сторона, обращенная к реке и находящаяся между этими двумя башнями, составляет 226 ярдов. Площадь стен составляет почти 3 акра, а площадь рва - около 7 акров.

Одиночной башни нет. В плане крепость представляет собой неправильный многоугольник, окруженный сгруппированными башнями и содержащий центральный двор. Он расположен почти посередине общей территории, с которой он был соединен в трех точках: одна, на юге, смелой и возвышенной галереей, которая заменила оригинальную куртину, и выступает на 35 ярдов от замка к сторожке, которая разделяет восточные и западные палаты, и известна как Средние ворота. Другими связующими элементами с северной стороны были две куртины, одна из которых тянулась от замка на 33 ярда до Соколиной башни, ныне перестроенной и сдвинутой, а на ней находилась Оружейная башня, ныне разрушенная; а другая - куртина, ныне снятая, простиралась на 20 ярдов от замка до Почтовой башни.

Таким образом, территория была разделена на внешнюю, или западную, и внутреннюю, или восточную, палаты, а также центральный открытый замок. Однако на северном фронте оставалось трехстороннее пространство, ограниченное замком и двумя куртинами, а также башнями Фальконерс и Постерн. Это пространство, открытое в сторону реки, в настоящее время защищено с этой стороны низкой террасой-стеной и бастиянами очень современной постройки. На съемке 1567 года эта сторона открыта, и, несомненно, так было изначально; река, ее крутой берег, крепость, фланкирующие башни и куртины, и, несомненно, палисад, считались достаточной защитой. Такое расположение, однако, необычно и очень любопытно, и выглядит так, как будто инженер хотел привлечь врага к этой самой сильной и полностью фланкированной части, показав слабость отсутствием внешнего *энсинта*. Экономия при строительстве не могла быть мотивом, так как поперечные куртины по длине в какой-то мере дополняли разрушенный *ансинт*.

Судя по имеющимся фрагментам и следам фундаментов, линии нынешнего *энсинта* и крепости повторяют очертания старой норманнской крепости. Очертания в значительной степени зависят от расположения земли, и крепость-ракушка была одобренным норманнами способом занять такой холм, будь то естественный, как в Дареме, или искусственный, как в Виндзоре, или, как здесь, вероятно, очень незначительное дополнение к естественному холму. Отдельный ров, ныне засыпанный, окружал крепость и защищал ее от содержащихся в ней палат. По направлению к реке этот ров, похоже, превратился в крутой обрыв.

В настоящее время крепость представляет собой открытый двор, окруженный башнями. На юго-востоке сторожка глубиной около 40 футов и шириной 20 футов имеет грандиозные внешние и внутренние круглоголовые нормандские арки пролетом 9 футов 2 дюйма, свод между ними сегментный и пересечен простыми ребрами с фасками. Внешняя арка имеет двойную полосу смелых шевронов в круге с двойной штриховкой. Внутренняя арка имеет одинарную полосу шевронов, а над ней - полосу, в которой уасуары чередуются с утопленными головками гвоздей и геральдическими "лозенгами". Это работа Юстаса де Веши, умершего в 1157 году, и может быть датирована 1150 годом, хотя, возможно, является частью его "*munitissimum castellum*", который, по словам мистера Тейта, существовал в 1135 году. Эти нормандские ворота вписаны в завершенную сторожку, построенную Генри де Перси в 1530 году, главными особенностями которой являются две высокие башни, которые

в виде полуосьмиугольников фланкируют вход с восточной стороны. Под парапетами вырезаны оригинальные гербовые щиты, выполненные по нортумбрийской моде, а на мерлонах, которые имеют петли, изображены оригинальные фигуры, как в Ботале и Чепстоу. Арочный проем закрыт портом. Парапеты не обработаны. Своды внутренних помещений этих башен очень хороши, а в подвале находятся оригинальные подземелья, которые описываются как своды площадью 10 футов, проветриваемые петлями, а под ними находятся оублеты размером 8 футов на 9 футов, в которые можно попасть только через люки в полу выше. Над шлюзом находится частная столовая. План инкрустации оригинальных нормандских ворот более поздними работами очень распространен; сторожки в Йорке являются прекрасными примерами этого.

Войдя во двор, открытая часть которого составляет около 24 ярдов в поперечнике, справа, в стене, находится очень любопытный колодец. Внутри остроконечной панели находятся три глубокие ниши, также остроконечные, в центре которых находится устье колодца, ствол которого уходит в толщу стены. Над ним проходит деревянная ось, а в боковых нишах установлены два колеса, закрепленные на колышках, для закручивания ведер с водой вручную. Выше, внутри панели, в небольшой нише изображена фигура святого Иакова, благословляющего источник. Этот любопытный и, вероятно, необычный колодец был создан первым Генри де Перси в 1312-15 годах, но фигура святого считается вставкой прошлого века. Аналогичное устройство есть над большими воротами замка Годерих для работы портупей.

За колодцем находится задняя стена Большого зала, построенного тем же Перси, переоборудованного первым герцогом и перестроенного в 1863 году. Своды внизу с сегментными ребрами являются оригинальными, как и часть задней и северной стен, а также носовая часть, откуда крестообразный занавес шел к Почтовой башне. Здесь до сих пор находится государственная столовая размером 60 футов на 24 фута, а своды выполняют свое первоначальное предназначение подвалов. В этом месте находится современный клуатр, поддерживающий коридор, по которому можно попасть в парадные покои. Первоначальный вход в зал осуществлялся по шести открытым ступеням со двора.

Далее за залом, на северо-востоке, находится башня, в которой когда-то располагались кухня и буфет, но в 1856 году она была перестроена во второй раз, и теперь в ней находится гостиная, размером 45 футов на 22 фута. За ней, вдоль северо-восточного фасада, находятся салон, 42 фута на 22 фута, и предбанник, 22 фута на 22 фута, построенные в 1750-86 годах, но недавно переоборудованные. Рядом с ними, образуя северо-западный угол крепости, находится башня Прудхо, главная башня крепости, на которой поднят флаг. В ней находится библиотека, 55 футов на 24 фута, и она представляет собой два больших пролета на востоке и западе, с глубоким углом входа между ними. Это также современное здание.

Далее, на западном фронте, следует часовня, построенная в 1856 году, прямоугольная башня смелого выступа, с одним основным этажом и высокой скатной крышей. Два угла срезаны, чтобы образовать многоугольную апсиду. Однако это условное восточное завершение направлено на юго-запад.

Далее, к юго-западу, следуют две полукруглые башни, перестроенные в 1750-86 годах, в которых находятся казенные спальни, соединенные коротким занавесом, внутри которого находится гардеробная. Наконец, между ними и сторожкой, завершая круг крепости и выступая на юг, находится галерея, имеющая на первом этаже ширину в одну линию из пяти комнат и коридора, а внизу - средние ворота. Комнаты - это личные апартаменты герцога и герцогини, а также проход, сообщающийся с кухнями. Ворота с порткулисом датируются

1309-15 годами и встроены в южную куртину, с внешней стороны которой они выступают в виде настенной башни. Галерея заменила куртину около 1760 года и была перестроена в 1856 году. Бойницы сторожки, вероятно, были добавлены около 1407-55 годов.

Вход в государственные апартаменты находится в центральном дворе, под арочным притвором, в северо-западном углу. От него по парадным ступеням можно подняться во внутренний вестибюль, а оттуда по второму пролету - в караульную камеру, из которой можно попасть в парадные покои. Все они находятся на втором этаже, а подвал занимают комнаты слуг.

Хотя большая часть крепости была перестроена в прошлом и нынешнем веке, она все еще состоит из семи башен ранних Перси, показанных на плане 1567 года, и многое, особенно в подвале, является старым; а то, что является новым, расположено в тесном соответствии с более старым, и, действительно, во многих частях, нормандским планом. Внешний ров крепости частично засыпан, а разводной мост внутренних ворот был демонтирован. Сохранился порткуллис.

Из общего и внешнего ансамбля наиболее полной и яркой частью являются западные ворота, представляющие собой прекрасный и неизменный образец ворот и барбакана эдвардианского периода 1312-15 годов в его простейшей форме. Барбакан, длиной около 55 футов и шириной 32 фута, входит в большую арку с круглой головой, между парой квадратных фланкирующих контрфорсов, над которыми возвышаются две башенки, также квадратные. Над входом на утопленной панели изображен большой лев Перси с их девизом "Espérance". Арка ведет в проход длиной 55 футов и шириной 10 футов, первые 20 футов сводчатый, но затем открытый для неба. Он находится между очень высокими боковыми стенами, украшенными с каждой стороны. Слева небольшая боковая дверь вела на контрэскарп рва; также слева другая дверь открывалась во фресковую лестницу, поднимавшуюся к крепостным стенам. Впереди находится портал сторожки. Этот барбакан пересекал ров, ныне засыпанный. Помимо внешнего разводного моста, перекинутого через петлю главного рва, он имел внутренний мост между боковыми стенами, опускавшийся от сторожки. Он упоминается в обзоре 1538 года, а в 1567 году был демонтирован. Парапеты не имеют машикулей, а амбразуры - лепнины. Мерлушки не имеют петель, а размещенные на них фигуры датируются только 1750-86 годами. Вероятно, перед рвом этого барбакана находился барьер или частокол из дерева, а ровное пространство перед ним, защищенное стенами города и замка, обычно использовалось для проведения поединков или военных дуэлей. Прилегающая река была достаточной защитой от неожиданностей.

Сторожка, которую прикрывает барбакан, представляет собой прямой угол 40 футов в глубину и 45 футов в ширину, с небольшим внутренним и сильным внешним выступом, и представляет собой две полувосьмигранные башни. Проход сводчатый и имеет обычную защиту в виде портупей и ворот. Порталы круглоголовые. Имеются боковые ложи, вход в которые осуществляется с прохода и со двора.

При входе во двор слева находится куртина значительной высоты, имеющая норманнский фундамент 1150 года и эдвардианскую надстройку 1350 года. Снаружи основание парапета отмечено струнным шнуром, а амбразуры украшены декоративной лепниной по всему периметру. Стена доходит до башни аббата, но на ней находится небольшая прямоугольная башня с фресками, называемая башней Авенера, 1309-15 гг. Башня аббата, датируемая той же датой, закрывает северо-западный угол. Она прямоугольная и состоит из трех ярусов, самый нижний из которых сводчатый и ребристый с сегментными арками, как в башне

Констебля, и находится под Большим залом. Третья ступень возвышается над стеной и достигается колодезной лестницей, которая занимает северо-восточный угол.

От нее короткий занавес смешанной датировки, 1150 и 1350 годов, с низким выступом, тянется к башне Сокольничего, также прямоугольной, перестроенной, хотя и не совсем на старом месте, в 1856 году, и от которой современный занавес тянется до башни Прудхо (Prudhoe). На этой стене стояла башня оружейника, также прямоугольная, разрушенная в 1856 году, чтобы улучшить вид из библиотеки. Считается, что удаление этой башни и башни сокольничего - единственные изменения, внесенные в первоначальные военные постройки замка.

Возвращаясь к западным воротам, справа от них находится куртина, которая простирается мимо западной башни Гаррет до Часовой башни, перестроенной в 1750-86 годах. Последняя - круглая, с плоским ущельем и килевидным выступом, и замыкает юго-западный угол. За пределами последней куртины, куда можно попасть через ворота, находятся конюшенный двор, школа верховой езды и гостевой дом, размером 135 футов на 35 футов, 25 футов до открытой деревянной крыши - очень благородное сооружение. Эти здания построены недавно, в 1856 году.

От Часовой башни отходит южная куртина, поддерживающая с внешней стороны служебные помещения. Часть этой куртины относится к 1750-86 годам, часть - к 1309-15 годам. Последняя часть включает Аудиторскую башню 1770 года, квадратная задняя часть которой выступает во двор, а полукруглая передняя - наружу. За ней находится часть нормандской куртины 1150 года, против которой снаружи построена современная кухня, а над ней современный коридор, соединяющий комнату герцога с залом для записей в Аудиторской башне. Обработка этой части строения г-ном Салвином заслуживает особого внимания благодаря счастливому сочетанию черт эдвардианской эпохи с техникой сегодняшнего дня. Кухня, которая может напомнить посетителю о Дареме и Авиньоне, в целом превосходит их, а кроме того, является образцом кулинарного искусства. Эти кабинеты, первоначально находившиеся в хранилище в восточном конце зала, были размещены здесь первым герцогом, но были переделаны и перестроены герцогом Алджерноном.

Раньше в западном отделении находились казначейство и конюшни. Казначейство представляло собой большое прямоугольное здание, пристроенное к северной части западной сторожки и, как и она, украшенное решеткой. Два ряда конюшен располагались немного в стороне и параллельно куртинам рядом с Часовой башней. Эти здания, показанные на съемке 1650 года, были удалены, вероятно, около 1755 года.

Если пройти через средние ворота, то впереди будет восточная или внутренняя палата, а слева - внутренняя или сторожевая башня. Справа, за занавесом, находится комната стюарда, а за ней - башня стражника, упоминаемая в 1567 году, но полностью переделанная и перестроенная в 1860 году по проекту 1770 года. Сейчас в ней находятся Львиные ворота, ведущие в сады. Под сторожкой находится эль-погреб, а над ним, с одной стороны, пристроенная к служебным помещениям, - кондитерская.

Далее линия куртины неравномерна. По периметру она норманнская, 1150 года, и представляет собой очень хороший пример грубой кладки стен той эпохи. На ней находится восточная мансарда 1309-15 годов, а заканчивается она башней Равин, самым восточным сооружением замка, закрывающим острый угол *энсинта*. Это круглая башня хорошего размера, с колодезной лестницей на стыке с куртиной. Со времени своего основания в 1309-15 годах она подвергалась значительным ремонтам. Ее защищает овраг, откуда она и получила свое название.

Отсюда куртина уходит на северо-запад, в значительной степени являясь норманнской, но ремонтируясь у так называемого "Кровавого провала". За ним находится чердачный бартизан, называемый "Креслом Хотспура". Это было ущелье полукруглой башни, ныне снятой, но показанной на плане 1650 года. За ней снова смешанный нормандский и декорированный занавес 1312-15 годов, ведущий к башне констебля. Это мощная полукруглая башня, увенчивающая плоский выступ на северо-востоке; она имеет наружный вход по лестнице на каждый из трех этажей. От нее короткая куртина, 1150, ведет в Почтовую башню, 1312-15, прямоугольную, пронизанную внизу сводчатым проходом с портупеей, сводчатым и на втором этаже. Эта башня является прекрасным примером нортумбрийского военного здания декорированного периода. Арки круглоголовые или сегментные, а в ее задней стене есть замечательное двухсветное окно с фрамугой, а в голове - лиственный круг. Здесь же находится очень совершенный садик с наружной стрельницей. От этой башни шла завеса, ныне снятая, вверх, к носовой части башни-холла, и таким образом завершалась оборона этой палаты. Первоначальный проход в башню засыпан или почти засыпан землей, но со стороны башни ведет дорога на террасу, проходящую между замком и рекой и доходящую до башни Фальконера.

В восточном отделении находились замковая часовня и кондуит, снабжаемый водой по свинцовым трубам из внешнего источника под названием Воющий колодец. Часовня, представлявшая собой значительное здание, стояла отдельно возле Кровавой пропасти и была демонтирована в 1755 году. Церковное учреждение, судя по всему, было солидного масштаба и включало в себя капеллу для совершения отпевания членов семьи. В этом квартале также находились пивоварня, пекарня и скотобойня для использования гарнизоном.

Замок Алнвик, вероятно, является лучшим из сохранившихся примеров норманнского замка такого типа, с открытым хранилищем и полным *ансиентом*; хотя большинство нынешних зданий относятся либо к XIV, либо к XIX веку, план, безусловно, норманнский, как и некоторые отдельные части постройки. Похоже также, что крепость никогда не была просто оболочкой, как Кардифф или Арундел, а всегда была окружена башнями и снабжена красивой сторожкой. Примечательной особенностью является использование круглоголовых и сегментных арок в Декорированный период. Это не редкость на севере Англии. Примечательно и свободное использование каменных воинов на парапетах, доведенных до абсурда при ремонте прошлого века. Их можно увидеть в Ботале, а также в эдвардианских работах в Каэрнарвоне и Чепстоу, но они ни в коем случае не распространены так свободно, как здесь. Очевидно, что они предназначались только для украшения, но из всех фигур орел в Кернарвоне - единственная, которая вообще уместна. Ни один лучник не стоял и не мог стоять на гребне парапета. Большинство более поздних фигур были очень правильно удалены мистером Салвином.

В разных частях замка, на стенах и башнях, можно найти удобное приспособление для подвешивания подвижного деревянного затвора в амбразурах, чтобы защитить стражников от шотландского вала и от не менее острых порывов пограничного ветра. Затвор подвешивался горизонтально, как крышка порта, но на цапфах, одна из которых упиралась в круглое отверстие в одном мерлоне, а другая - в такое же отверстие, заканчивающееся пазом в другом, так что затвор свободно висел и при необходимости мог быть поднят внутрь и наружу. Такое устройство точно такое же, как и у валика круглого полотенца. Следы этой конструкции сохранились в разных частях замка. Прекрасный пример можно увидеть на барбакане. Его также можно увидеть на восточной стене Годериха, в Чепстоу и других местах.

В 1567 году в штат замка в качестве гражданской резиденции входили констебль или губернатор, носильщик внешних ворот, грейв, исполнительный чиновник или бейлиф, приемник или аудитор, феодарий, который следил за службами и арендой, стюард, сведущий в законах, который вершил правосудие, секретарь суда, который переписывал списки и вел записи, и иностранный или внешний бейлиф, который собирал деньги за охрану замка и корнаж, а также вызывал арендаторов и судей. Общая сумма ежегодных выплат этим должностным лицам составляла 58 фунтов 18 шиллингов.

Учитывая характер местности, столь богатой следами ранних военных земляных сооружений, а также сильное и четко выраженное природное положение Алнвика, представляется вероятным, что он был занят в качестве лагеря некоторыми племенами, которые с очень отдаленных времен сделали эту границу своим полем боя, и чья оборона все еще видна в одиннадцати отдельных земляных сооружениях в пределах очень короткого расстояния от города. Если это так, то они обязательно должны были расположить свои оборонительные сооружения на севере и востоке по линии нынешнего замка. Внутренняя возвышенность, несомненно, стала бы их цитаделью, а траншея, завершающая их защиту, была бы удобнее всего проложена вдоль общего направления западного фронта, чтобы соединить верховья Bow Burn с Alne, и таким образом завершить уединение полуострова. Такое защищенное место нередко выбирали и строили северяне и саксы, когда становились оседлыми, а на центральном укрепленном холме они размещали деревянный и палисадный особняк своего тана.

Вероятно, норманн Гилберт Тисон, смутной памяти, который считается пионером Завоевания в этих диких краях, нашел и довольствовался какой-то ранней деревянной крепостью, потому что самые ранние следы каменной кладки, сохранившиеся *на месте* или извлеченные из стен, хотя и норманнские, но поздние, и приписываются Юстасу Фицджону, который женился на Беатрикс, дочери и наследнице Иво де Веши, который, как считается, женился на дочери Тисона. Юстас, прозванный де Веши, процветал при Генрихе I и Стефане и умер в 1157 году. Он вполне мог построить большой замок, будучи бароном с большой властью, шерифом Нортумберленда и основателем аббатств Алнвик и Мальтон в Йоркшире. Кроме того, он, должно быть, чувствовал потребность в сильном месте, ведь в его времена, в 1135 году, замок Алнвик был захвачен шотландцем Давидом I в интересах императрицы Мод.

Юстас, несомненно, построил в первой половине двенадцатого века многоугольный замок на холме, снабдил его воротами, которые мы видим до сих пор, и разместил в нем свою резиденцию. Мистер Тейт утверждает, что следы его стен были обнаружены во время последней перестройки. Несомненно, он также расчистил ров вокруг крепости. Ему также следует приписать общую стену *энсинта*, а возможно, и ров за его пределами; он должен был укрепить ее настенными башнями, многие из которых должны были стоять там, где сейчас находятся их преемники. На работу де Веши указывают камни - в основном квадратные блоки умеренного размера, уложенные в ряд, но более или менее волнистыми слоями, как будто каменщик не использовал ни линию, ни уровень. Швы открыты. Несомненно, де Веши построил замок, соответствующий его богатству и достойный главного барона Пограничья.

В июле 1174 года Вильгельм Лев, возвращаясь после вторжения в Камберленд, к своему удивлению, оказался перед Алнвиком. Уильям, сын Юстаса де Веши, напал на него. Он был отбит, взят в плен и отправлен в Англию, а за морем - в тюрьму. Юстас, сын Уильяма, стал наследником в 1190 году, и его посетил король Иоанн 12 февраля 1201 года и 24 апреля 1209 года, когда король принимал в замке почтение Александра, короля Шотландии. Четыре года спустя, 14 мая, Иоанн приказал Филиппу де Улекоту разрушить замок Алнвик, что вряд ли

было выполнено, поскольку король сам был там 28 января 1213 года и 11 января 1216 года, что, несомненно, было нежелательным визитом, ведь Юстас был бароном Магна Чарты. Он встретил свою смерть от стрелы перед Барнардским замком в последний год правления короля Иоанна. Генрих III посетил Алнвик 23 сентября 1256 года, а Эдуард I был гостем Джона де Веши 30 апреля и 1 мая, 16 и 17 августа 1291 года, 16 августа, 13 и 18 декабря 1292 года; и снова 22, 23, 24, 25, 26 и 27 сентября 1296 года, 26 и 29 июня 1298 года.

Бароны де Веши вымерли в 1297 году, после смерти Уильяма, седьмого барона, когда замок и баронство были приобретены, как говорят, обманным путем, без участия родного сына, Антонием Беком, воинственным епископом Дарема, которым в 1309 году, 3 Эдуарда II, они были проданы Генри де Перси, представителю воинственного рода, появление которого составляет важную эпоху в истории Пограничья. Перси, как лидер северных баронов, сделал Алнвик своей резиденцией, и хотя владел им всего пять лет, похоже, перестроил большую часть здания, а остальное завершил его одноименный сын.

Замок Перси, выстроенный почти по нормандскому образцу, очень похож на нынешнее строение. Авторство эдвардианской части внутренней сторожки подтверждается эскулапом Клиффорда на ее стенах: второй Генри де Перси женился на даме из этого дома. К первой половине XIV века можно отнести, как уже было подробно отмечено, почти все ведущие черты замка, каким он был при первом герцоге из нынешнего рода. Перси, хотя и поддерживали репутацию Алнвика как великой пограничной крепости на протяжении почти четырех столетий, не похоже, что они существенно изменили структуру двух самых ранних лордов. Они принимали здесь Эдуарда II в 1311 и 1322 годах и Эдуарда III в 1335 году; но последующие графы много времени проводили в Петворте и Йоркшире; а после смерти восьмого графа в 1537 году и отстранения его брата семья перестала проживать в Алнвике, и замок пришел в запустение. Род Перси закончился на Элизабет, дочери Джослина, одиннадцатого графа, которая 30 мая 1682 года вышла замуж за Чарльза, герцога Сомерсета. Из их детей родилось двое, Алджернон и Кэтрин, которая вышла замуж за сэра Вма Уиндэма и в итоге передала этой семье поместья Перси в Петворте, Эгремонте и Леконфилде.

Алджернон Сеймур, герцог Сомерсет и граф Нортумберленд, оставил одного ребенка, Элизабет Сеймур, которая унаследовала Алнвик и вышла замуж за сэра Хью Смитсона, герцога Нортумберленда и родоначальника нынешней семьи.

Обследование Алнвика в 1567 году показывает, что к тому времени он сильно обветшал, а поскольку лорды Сеймуры предпочитали отцовскую резиденцию, Алнвик превратился почти в руины. От этого его избавил первый герцог, который, по совету Адама, восстановил, а частично и перестроил замок; и хотя он обставил интерьер штукатуркой и поделками, внешняя отделка получилась добротной и хорошей, и в целом соответствовала характеру места и тому, что осталось от древних построек.

Так продолжалось до воцарения герцога Алджернона, более известного как лорд Прудхо, морского офицера и хорошего делового человека, много путешествовавшего, обладавшего культурным вкусом и имевшего поистине благородный и величественный нрав. Занимаясь в первую очередь общественно полезными делами, связанными с его поместьем, графством и профессией, и заботясь об осушении своих земель, восстановлении коттеджей для своих рабочих, реставрации местных церквей и обеспечении спасательных шлюпок на опасном побережье, он, по здравому совету мистера Салвина, почти заново отстроил замок, сохранив с тщательностью все, что допускало сохранение, и адаптировав свою новую работу к периоду первого и второго Перси, основателей более позднего замка. Восстановив таким

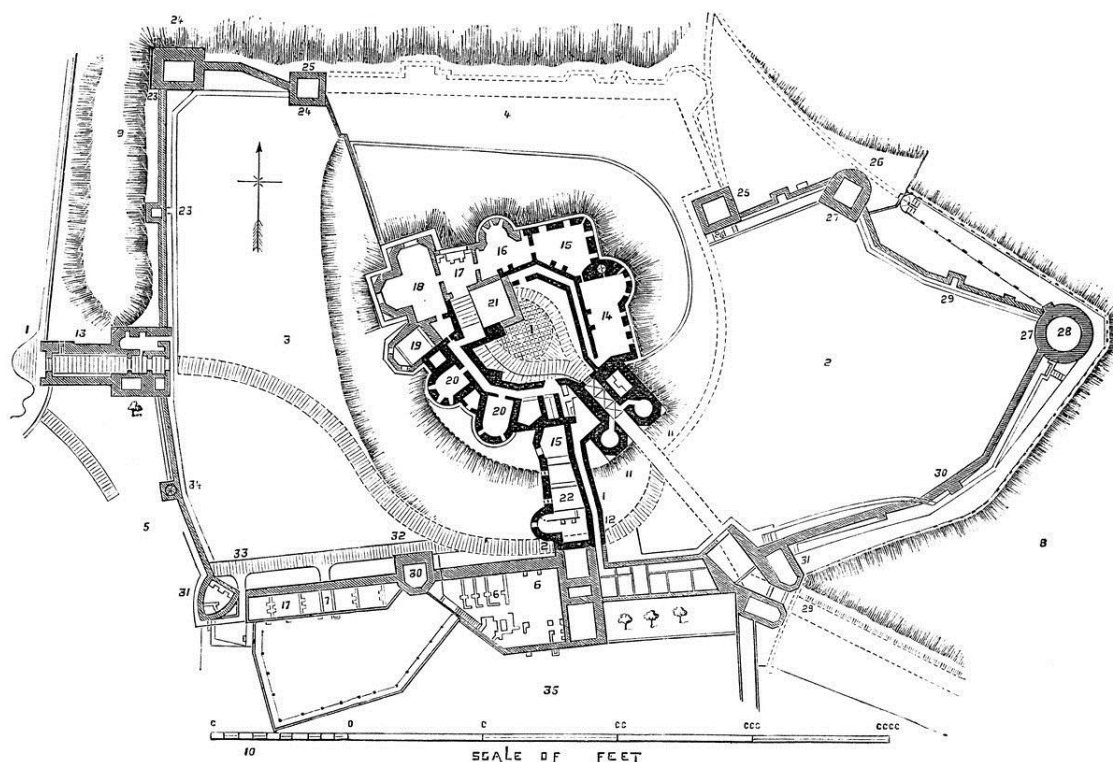
образом великую пограничную крепость со строгим соблюдением правил военной архитектуры, он, по совету Канины, приступил к обустройству интерьера в стиле итальянского дворца. Контраст, конечно, экстремальный, и попытка столь дорогостоящего проекта была нелегкой; но приспособление обстановки к неправильному плану комнат настолько хорошо продумано, материалы использованы настолько богатые, а исполнение деталей настолько искусное, что даже такое большое несоответствие трудно расценить иначе, чем выдающийся успех.

В последние годы истории этого замка уделяется много внимания, причем весьма компетентными лицами. Гроуз приводит некоторые подробности, которые сейчас очень ценны; этот замок, а также замки Уоркворт и Прудхоу были проиллюстрированы покойным мистером Хартшорном и с большим успехом описаны им же в томе Нортумберленда Археологического института. Совсем недавно мистер Тейт с мастерством и точностью рассмотрел тему замка Алнвик в своей замечательной истории баронства Алнвик. И, наконец, в "Жизни Уильяма Руфуса" мистер Фримен слегка, но очень эффективно затронул связь Алнвика и его лордов с историей Нортумбрии. В приведенном выше очерке в некоторой степени свободно использованы вышеупомянутые материалы, но целью писателя было рассмотреть исключительно строение замка, и то с военной точки зрения.

ССЫЛКИ.

1. Донжон.
2. Внутренний двор.
3. Внешнее крыло.
4. Терраса.
5. Конюшенные дворы.
6. Кухня.
7. Офисы усадьбы.
8. Овраг.
9. Канава.
10. Башня.
11. Внутренние ворота.
12. Средние ворота.
13. Барбакан.
14. Зал.
15. Комната отдыха.
16. Музыкальная комната.
17. Антикабинет.
18. Библиотека. Башня Прудхо.
19. Часовня.
20. Государственная спальня.
21. Вход.
22. Галерея Шпор.
23. Западный гаррет.
24. Башня аббата.
25. Башня сокольничего.
26. Башня Постерн.

27. Башня констебля.
28. Башня оврага.
29. Кресло Хотспура.
30. Восточный гаррет.
31. Башня стражника.
32. Аудиторская башня.
33. Часовая башня.
34. Башня Авенера.
35. Сад.

ПЛАН ЗАМКА АЛЬНВИК, НОРТУМБЕРЛЕНД.

ЗАМОК АРКЕС, БЛИЗ ДИЕППА.

Аркес - один из самых ранних примеров норманнского замка, и поэтому, хотя он и не является английской крепостью, мы сочли целесообразным включить его описание в эти страницы. Этот грандиозный замок венчает и занимает вершину крутого и смелого мыса или мыса, в данном случае отрога от большой меловой земли "Pays de Caux". С запада его окаймляет короткая, но глубокая комба или сухая долина, а с востока - более глубокая и широкая долина рек Бетюн и Варенн, берущих начало из разных источников, но в этом месте меандрирующих по широкому и ровному дну шириной более полумили, пока, немного ниже замка, соединяясь, они не принимают приток Ольн, и, объединившись, под названием "Ривьер д'Арк" впадают в море у порта Дьепп.

Таким образом, замок возвышается над левым берегом главной долины. Он находится примерно в 4 милях от Дьеппа, а сразу под ним, на северо-востоке, расположена деревня, от которой он и получил свое название, примечательная церковью необычного размера и самым элегантным образцом стиля второй половины XVI века. За ней, на правом берегу, находятся остатки древнего леса Аркес, часть просторных владений древних лордов, на окраине которого, в пределах досягаемости замка, в 1589 году произошла знаменитая битва.

Замок в его нынешнем виде состоит из прямоугольной крепости, стоящей в юго-западном углу внутренней палаты, в плане представляющей собой нечто меньшее, чем полукруг, с хордой на запад, и заключенной в *крепостную* стену, укрепленную башнями и контрфорсами по бокам и на южном конце, а также закрывающую углы.

К северному концу стены пристроена внешняя палата, более позднего времени, четырехугольная, с башнями-барабанами на четырех углах.

Главный вход, к которому ведет крутая и извилистая дорога из города, находится в северной части, или на мысе, между двумя башнями. Второй вход - это вторая сторожка, открывающаяся из внешнего во внутреннее отделение, также между двумя башнями. Третья сторожка, на другом конце крепости, ведет прямо с внешней стороны в южный конец внутреннего отделения, и таким образом открывает сообщение с корнем мыса. В западной стене внешней палаты также имеется боковой проход со сводчатыми ходами.

За пределами стены, плотно окружая ее, находится ров, наиболее яркая особенность всей крепости. В целом он напоминает длинную часть груши, северный конец которой меньше, а западная сторона сплюснута, чтобы быть почти прямой. Контркарп этого рва занимает площадь около 5 акров. Сама канава, измеренная от уровня подножия стены, венчающей ее уступ, имеет глубину около 60 футов, уклон от 1 фута по горизонтали до 2 футов по вертикали, и ширину около 70 футов. Он только не слишком крутой, чтобы его можно было покрыть коротким дерном. Гребень контрэскарпа - это хребет шириной около 6 футов и примерно на 20 футов ниже уровня подножия стены. От него отходит другой склон, такой же крутой, но гораздо более глубокий; с западной стороны он спускается на 150 футов до дна долины, а с восточной - на меньшую глубину, поскольку здесь "ледник" сменяется широкой террасой пастбищ, которая плавно понижается к реке, уровень которой может быть на 250 футов ниже платформы замка. Во многих отношениях эти оборонительные сооружения напоминают Брамбер в Сассексе.

В северо-западной части ров пересекает очень современная земляная дорога, которая заменила более ранний разводной мост. На южном конце, где земля наиболее высокая, а ров глубиной около 50 футов и шириной 80 футов, сохранились две опоры на скалпе и контрскарпе, а между ними две отдельно стоящие опоры, из которых внешняя упала на внутреннюю. Все они прямоугольные; внутренняя из двух отдельно стоящих значительно больше, и, вероятно, на ней располагалась башня для защиты и работы двойного разводного моста. Эти опоры сложены из кремневого щебня, обложенного золой, от которой осталась лишь небольшая часть.

На внешнем конце находится земляное сооружение *тет дю пон*, или равелин, треугольного плана, проход из которого находился немного восточнее вершины. Это сооружение, очевидно, было построено во времена использования артиллерии и приписывается Генриху IV во время кампании 1589 года. Несомненно, она представляет собой более ранний барбакан, также построенный из земли и дерева. За пределами моста нет никаких следов каменной кладки. Он открывается на гребень мыса, который расширяется и поднимается

несколько выше к югу. Земля испещрена валами и рвами - остатками полевых работ разных дат, как для нападения, так и для обороны.

Конструкция этого крепостного рва необычна. Более очевидным планом было бы поставить стены на краю холма и обрывать его стороны вниз к долине с такой крутизной, которая соответствовала бы местности. Вместо этого верхние 40 футов холма, представляющие собой меловую породу, были вертикально обрублены, а затем облицованы или обнесены стеной, на которой располагалась стена внутренней палаты. У подножия укрепления был вырыт только что описанный ров, материал был выброшен наружу, чтобы сформировать искусственный скарп, который, таким образом, стал своего рода передовой banquetкой или земляным сооружением за рвом, представляющим гребень ледника и способным удерживаться линией солдат, но который, когда был взят, был слишком открытым и слишком узким, чтобы позволить его удерживать или строить на нем укрытие. Эта banquetка находилась на более низком уровне, чем подножие противоположной стены.

Подобное расположение встречается и в других замках Нормандии, в частности, как отмечает М. Девиль, в Молино, де Лонгевиле, Бек де Монтань, а также в более поздней работе Шато-Гайяра, где, однако, оно менее заметно.

Замок имеет прямоугольную форму, около 80 футов на север и юг, 70 футов на восток и запад, а его высота в настоящее время составляет около 60 футов. Он стоит в юго-западном углу внутренней части, рядом со стеной *энсинта*, частью которой является его юго-западный угол. Толщина его стен на уровне земли составляет около 13 футов. Три контрфорса на северной стороне и два на южной - третий является своего рода крышкой, утолщающей и охватывающей юго-восточный угол. Они необычной ширины и выступают на 9 футов, и возвышаются до настоящего момента, который не может быть более чем на 10 футов ниже первоначальной вершины. На северо-восточном углу соседние контрфорсы установлены квадратно, оставляя угол свободным. Южная сторона равнинная, или почти равнинная, за исключением крышки на юго-восточном углу, которая простирается на юг и соединена с прилегающей стеной *энсинта*. Западная сторона - простая, за ней находился вход.

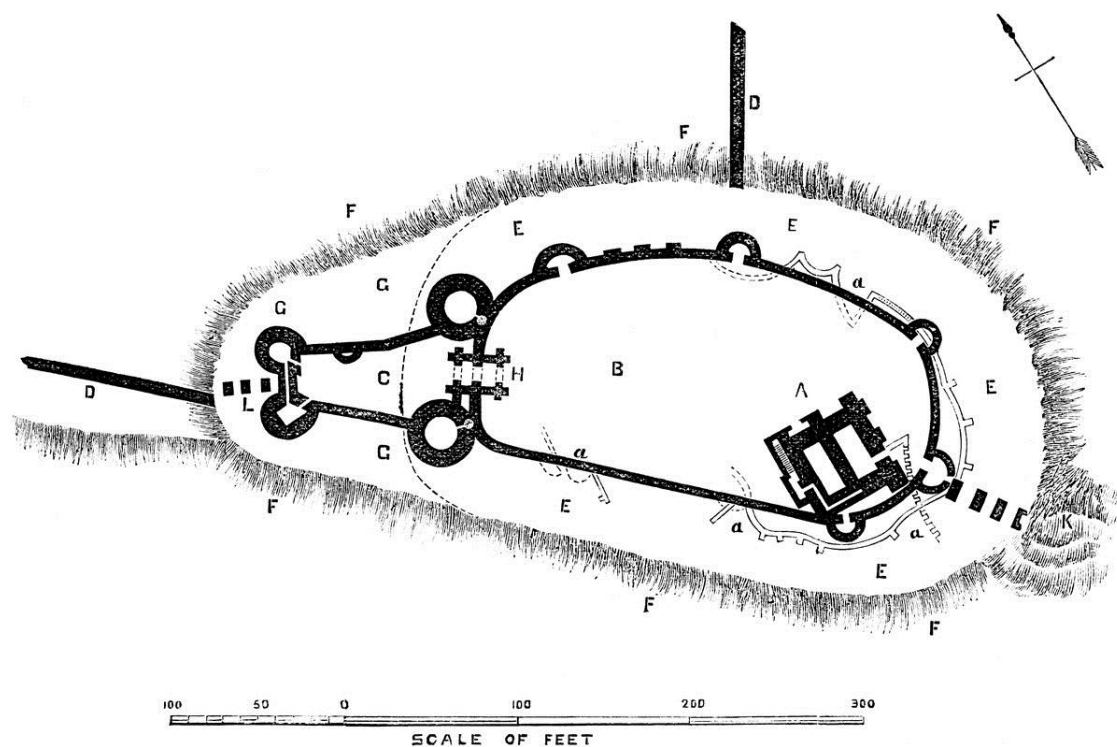
Он состоит из лестницы, начинающейся на северной стороне, проходящей через дверной проем в самом западном контрфорсе, а затем, поворачивая, продолжающейся вдоль западной стороны, пока в южном конце не упирается в обычную квадратную пристройку или предбанник, распространенную в этих храмах. Эта лестница была ограждена внешней стеной и имела ворота у подножия и на вершине. Как видно из отметок на стене, она была крытой, а над ней, несомненно, находилась обычная платформа для обороны. В подвале здания, которое также является частью стены *энсинта*, находилась сводчатая камера, выходящая в подвал крепости, как в Рочестере, либо магазин, либо тюрьма. Лестничная площадка была сводчатой, имела с одного конца петлю в сторону поля, а с другого - дверь в стене крепости.

Войдя в эту дверь, лестница продолжается на юг в стене храма, поднимается по грубо сводчатой, круглоголовой, фресковой галерее, пока под углом не достигает уровня второго этажа. Теперь галерея поворачивает за угол и продолжается на уровне половины южной стены, после чего резко обрывается. Дверь справа ведет на *крепостной* вал, а дверь слева, вероятно, вела в крепость.

Внутреннее пространство храма состоит из подвала и верхнего или, возможно, двух этажей, разделенных северной и южной стеной на две палаты по этажу. Говорят, что эта стена оригинальна, и должна быть такой в храме такого размера, но она выглядит как XVI век, и может представлять собой более древнюю конструкцию. Западный подвал сильно

захламлен мусором. Восточная камера довольно чистая, и в ее восточной стене, недалеко от южного конца, есть наружный проем, который сообщается с прилегающими южными воротами. Возможно, он был первоначальным, но сейчас это просто отверстие. В северной стене находится короткая настенная галерея, переходящая в колодезную лестницу в северо-восточном углу, которая поднимается только на второй этаж и в часовню. Нижний этаж не был сводчатым. Первый этаж имеет четыре окна на северной стороне, по два в каждой комнате, и одно на восточной стороне. Второй этаж также имел такие же окна на севере и сводчатую камеру на восточной стороне; несомненно, это была часовня. Эта часовня образована перекидным сводом от контрфорса к контрфорсу для пола и на более высоком уровне для крыши, а над ней находились входы. На северном фасаде сохранились следы подобных палат. Верхний этаж был сводчатым в шесть пролетов, по три с каждой стороны, должным образом рифленным и ребристым, о чем свидетельствуют пружины. Материал и качество изготовления, а также сечение ребер указывают на то, что это поздняя пристройка, вероятно, шестнадцатого века.

ПЛАН ЗАМКА АРК, НОРМАНДИЯ.

- А. Замок.
- В. Внутреннее отделение.
- С. Внешнее отделение.
- D. Стены Ле Бея.
- E. Старый ров.
- F. Глейсис.
- G. Новый ров.
- H. Нормандские ворота.
- I. Южные ворота.
- K. Барбакан.

- L. Северные ворота.
- а. Галереи.

Предполагаемые два верхних этажа, вполне возможно, предназначались для одного государственного этажа, с двумя ярусами окон и часовней наверху. Капелла, по-видимому, имела бочкообразный круглоголовый свод, вероятно, с желобками. Судя по счетам, в четырнадцатом веке эта восточная сторона была королевскими покоем. Камин, похоже, находится только на верхних этажах. Как теперь видно, они относятся к дате возведения сводов.

В юго-западном углу храма, у самой стены, находится колодец, труба которого была продолжена, по крайней мере, до второго этажа, как и в пристройках в Ричмонде. Он имеет диаметр около 6 футов, облицован ясенем и в 1768 году заилился на глубине 254 футов, то есть примерно на уровне реки; теперь глубина уменьшилась до 30 или 40 футов.

Снаружи, между контрфорсами, видны следы стен, как будто пространство между ними было использовано как внизу, так и вверху; но эти стены тонкие и не кажутся оригинальными.

М. Девиль ссылается на публичные записи о существовании в 1318 году четырех башен на крепости, крытых свинцом.

М. Ле Дюк в своем словаре, ст. "Донжон", приводит множество любопытных деталей, связанных с этим замком, деталей, неизвестных М. Девилью, и для которых должен быть какой-то авторитет, кроме реально существующих следов, которые очень неудовлетворительны.

Храм построен из крупного мелового кремня, обильно затертого раствором, и обложен снаружи пеплом, который сейчас в основном содран и удален. Внутри кремень иногда укладывается по типу "селедочной кости". Пепел представлял собой известковый туф, известный в стране и образованный струйками кальциевых источников над мхом и подобной растительностью. Он широко использовался в ранних французских замках. Более поздний пепел, из которого выложены ребра сводов и вставлены дверные коробки, похоже, представляет собой прекрасный твердый известняк, по виду приближающийся к камню Кан, а возможно, и являющийся им на самом деле. В тех местах, где зола отсутствует, видны отверстия для шпунта, расположенные с большой регулярностью. Стыки первоначального зольника крупные, а более позднего - мелкие. Новый и старый пепел можно легко отличить, но одна кремневая стена очень похожа на другую.

Внутренний двор, длиной около 160 ярдов и наибольшей шириной около 70 ярдов, представляет собой естественную меловую платформу, укрепленную по всему периметру стеной толщиной около 8 футов, которая с восточной стороны сведена к парапету, а с западной поднимается на 20 футов выше, вероятно, это ее первоначальная высота. В 1708 году в этом дворе находились апартаменты губернатора и гарнизонного персонала, колодец и часовня. Вероятно, они были построены в XVI веке или позже, а сейчас полностью исчезли.

Стена *Энсинта*, опоясывающая внутреннюю палату, заслуживает внимания, поскольку большая ее часть относится к раннему периоду. Если отбросить четыре северные башни с их куртинами, которые относятся к более позднему времени, то мы имеем около 380 ярдов куртин, прорванных пятью башенками с фресками и тремя прямоугольными контрфорсами. Почти вся стена облицована кремнем с тремя полосами пепла. Большая часть кремня

уложена в виде "селедочных костей", а ремонт, где он выполнен из кирпича, относится к более позднему времени. Зольные полосы выполнены из туфа. Две полукруглые башни находятся на восточном фасаде. Одна из них, вероятно, первоначальная, была обложена кирпичом. Основание другой было выложено из пепла, а верхняя часть, выполненная из кремня, имеет отделку "селедочная кость". Диаметр каждого из них составляет около 15 футов, толщина стен - 5 футов.

Между этими башнями находятся три прямоугольных контрфорса: два шириной 15 футов и 12 футов в проекции, и один около 7 футов в квадрате. Два первых не имеют работы в виде сельдяных костей и, вероятно, являются ранними дополнениями, возможно, Генриха I.; последний является оригинальным.

На западной стороне сейчас нет башен, но в 1708 году их было две, полукруглые и небольшого размера, следы которых сохранились. Они, несомненно, были первоначальными.

Оставшиеся три башни закрывают три основных угла южной стороны, центральная из которых содержит ворота, а остальные фланкируют их. Все они возведены на одну четверть.

Фланкирующие башни одинаковые, диаметром около 22 футов и высотой 55 футов от внешнего основания, со стенами толщиной 7 футов. Основания либо сплошные, либо пробиты ступенями, ведущими вниз к галереям. Имеется обычный цокольный этаж, а над ним - этаж на уровне внутренней палаты. Они не сводчатые и не имеют наружной отделки, хотя внутри есть немного. На юго-востоке к ней пристроена современная летняя беседка.

Диаметр центральной надвратной башни составляет 24 фута. Она пробита на уровне скалы порталом, который открывается на разводной мост, опоры которого уже были описаны; над ним находится помост.

Портал поднимается к храму; его детали сильно разрушены, и о них мало что можно сказать.

Из *анфилады* внутренних помещений следует отметить *северную сторожку*. Этот первоначальный и, вероятно, единственный вход в норманнскую крепость, хотя и сильно разрушенный, похоже, не подвергался существенным изменениям. Он представляет собой прямоугольное здание глубиной 40 футов и шириной 20 футов, установленное в центре куртины, с которой его внешняя сторона находится почти вровень. Его пересекают внешняя, средняя и внутренняя стены, каждая из которых пробита аркой с проемом в 12 футов, через которую проходит проход. Здесь сохранились прямоугольные пазы порткуллиса, а несколько лет назад были обнаружены следы второго, а в стене - кость сельди. Арки простые, без лепнины и фасок. Внутренняя арка имеет круглую головку и опирается на плоский абакус с фаской внизу. Ширина швов пепловой кладки составляет около 1 дюйма. Куртины по обеим сторонам ворот, хотя и сильно отремонтированные, кажутся оригинальными, и на них видны следы старых круглых башен. Перед воротами, на первоначальной линии фоссы, сохранилась яма разводного моста.

Внешняя палата, несомненно, занимает место более ранней пристройки. Она построена против узкого и северного конца внутренней палаты, имеет четыре стороны, около 250 футов на север и юг, в среднем 110 футов на восток и запад. Его западная сторона прямая, являясь продолжением линии этой стороны старой крепости. Восточная сторона имеет небольшой угол, вызванный, по-видимому, формой земли. На двух южных углах находятся две большие барабанные башни, которые соединяют старую и новую работы, и, вероятно, заменяют две

меньшие и более старые башни. Они стоят на линии старого рва и обрамляют нормандские ворота. Башня на юго-западе, более крупная из двух, слегка овальная в плане, имеет средний диаметр 60 футов; она состоит из двух ступеней. Оба они сводчатые или, скорее, купольные. Юго-восточная башня диаметром 50 футов почти круглая, но имеет примечательный выступ в виде кия или шпоры в сторону поля. Она состоит из трех ступеней, две нижние - купольные. Эти башни фактически являются казематами, имеющими амбразуры для небольших водопропускных труб в сторону поля. Каждая из них имеет колодезную лестницу в южной части, вход в которую осуществляется из ущелья.

Две другие башни замыкают северные углы палаты и фланкируют главные ворота. Они неправильной формы, полукруглые со стороны поля и угловатые внутри. В диаметре они около 40 футов, и примерно такой же высоты. Они состоят из двух ступеней, над которыми возвышаются купола. Толщина стен этих четырех башен составляет от 14 до 16 футов. Они сделаны из кремня, облицованного кирпичом.

Между башнями находятся ворота, состоящие из большего и меньшего порталов, последний из которых очень узкий. Нынешняя работа является современной, но, несомненно, в этом двойном входе представлены более ранние проемы. Ров, две отдельно стоящие опоры, а вместе с ними и все следы разводного моста, скрыты современной насыпью.

В западной куртине, возле юго-западной башни, с уровня палаты в направлении подножия стены спускается лестница под висячими арками из кирпича. Она сильно разрушена, но, по-видимому, это был почтовый ящик, выходивший на ров.

Все постройки этой внешней палаты выполнены из кремня, облицованного кирпичом, из которого сложены линии амбразур. Квинты иногда выполнены из пепла, как и обширные колонны и полосы, а также оформление проемов. Следы работы из сеledочной кости в западной куртине, снаружи, будут рассмотрены позже.

Поскольку первоначальный замок был ограничен внутренней палатой, его ров повсеместно опоясывал ее. Когда добавили внешнюю палату, перехваченная часть рва была частично засыпана, но новые работы были включены в новый ров, который был точным продолжением старого, одинаковой глубины и ширины, и продолжался в том же направлении. Однако при внимательном наблюдении можно обнаружить два небольших уступа в контркарпе, показывающих, где начинался изгиб старого рва.

Очень примечательны в этом замке подземные галереи, пробитые в меловой породе под линиями первоначальной стены и за уступом рва. Сейчас они частично завалены, но все еще остаются две или три сотни ярдов, направление которых известно. В них ведет проход во внутренней палате, в ее северо-западной четверти, и спуск по пятидесяти четырем ступеням возле хранилища, а также, возможно, из других точек, ныне утраченных. Галереи высотой около 7 футов и шириной 6 футов, грубо вырублены и несколько необычно выложены. Они находятся внутри, снаружи и под стеной, от них отходят частые отроги или короткие проходы, предназначенные для того, чтобы занять любое пространство, в котором можно было бы открыть шахту. В настоящее время они вскрыты в трех или четырех местах на откосе рва, примерно на полпути вниз. Они были задуманы как система постоянных контрмины для противодействия любой попытке минирования со стороны осаждающих. В одном месте большой центральный шурф окружен галереей, от которой отходят ответвления, что, вероятно, должно было сдерживать продвижение тех, кто мог бы проникнуть внутрь. Насколько известно, эти галереи, исследование которых было проведено в 1708 году, находятся только в южной половине, или четырех пятых старого замка. Под внешней палатой их нет.

Снаружи и к северо-востоку от внешних ворот находятся полукруглые платформы, которые, по-видимому, играли определенную роль в обороне замка, но до или после использования артиллерии, точно не известно.

Навесная стена, толщина которой первоначально составляла около 5 футов, а высота - от 15 до 20 футов, резко начинается на гребне контркарпа в двух местах: на востоке напротив башни с фресками, которая отмечает примерно центр фронта замка, и затем спускается к реке, а на севере - недалеко от разводного моста главного входа. Эта последняя стена продолжается вниз по холму, делает смелый взмах в сторону города и, достигнув берега реки, соединяется с речной стеной. Образовавшаяся таким образом ограда примерно вдвое превышает площадь рва замка и издавна известна как Ле-Бель или Ла-Байль, что, очевидно, является формой норманно-латинского *Ballium*, называемого у нас "Бейли". Через это ограждение проходит дорога из Дьеппа в Мартиньи, которая проходит через двое ворот, носящих эти названия. Третьи, или водные, ворота на востоке, выходили к реке. На северном фасаде, по-видимому, находились две небольшие полукруглые башни с фресками, одна из которых сохранилась. Река несколько ущемила нижнюю часть Беля и подорвала часть стены.

Дьеппские ворота, которые также являются воротами из города Арк, в 1433 году назывались "La Première Port du Bel de Château d'Arques" и, как таковые, являлись предметом владения замковой стражей, арендатор был обязан защищать их в течение сорока дней во время войны. От этих ворот к замку поднимается дорога, справа от которой возвышается куртина, служащая защитой. Там, где эта стена подходит к замку, с обоих концов ее прикрывает широкий ров, продолжающийся вниз по склону.

Кремневая стена может быть любого возраста, но остатки ворот, которых несколько лет назад были видны круглоголовые арки, доказывают, что это сооружение относится к раннему периоду, вероятно, это одно из самых ранних дополнений к замку, сделанное Генрихом I. Несомненно, перед строительством внешней палаты, стена Бель была изготовлена таким образом, чтобы объединиться с крепостной. М. Девиль обнаружил часть этой стены, вделанную в большой занавес внешней палаты, который лежит на ее линии и может быть виден до сих пор.

Если обратиться к истории замка и к свидетельствам его остатков, то кажется вероятным, что крепость является самой старой частью каменной кладки и была построена дядей Завоевателя, Гийомом д'Арк, между 1039-1043 годами, и считается, что это одна из самых ранних, если не самая ранняя, из известных прямоугольных норманнских крепостей. В хронике Нормандии, которую цитирует М. Девиль, говорится о Вильгельме: "Si fist faire une tour moult forte, audessus du chastel d'Arques"; как будто здесь был более ранний замок, что, судя по виду земляных работ, весьма вероятно.

Завоевателю или его ближайшему преемнику следует приписать *возведение* внутренней палаты и формирование галерей. Ров может быть намного старше, чем западная кладка. Внутренняя палата, несомненно, была частью первоначального плана, и только случайное появление круглых башен на стене позволяет предположить, что между фактическим строительством крепости и ее окружения прошло какое-то время.

Южный вход с воротами и двумя фланкирующими башнями, а также одна или две из других настенных башен или контрфорсов, похоже, являются дополнениями, но норманнского периода, вероятно, работы сына Завоевателя, короля Генриха I, который около 1123 года, кажется, также огородил Бель. Роберт де Торины, называемый также "Дю Монт", из-за его аббатства в Монт-Сент-Мишель - нормандский хронист двенадцатого века, говорит, что

король Генрих I "великолепно укрепил замок Аркес стенами и башней". Считается, что это свидетельствует о том, что вся постройка была делом рук Генриха, правившего с 1105 по 1135 год, и чрезвычайная смелость контрфорсов и надстроек, несомненно, способствуют такому мнению; но, как замечает М. Девиль в том же отрывке, аналогичная ссылка делается на Жизор, Фалез и другие замки, известные своей более ранней датой.

М. Девиль склонен приписывать южные ворота Карлу V., поскольку он находит запись 1367 года, в которой указана стоимость перевозки 6 "нансов" камня, каждый от 16 до 18 "тонно", от реки до замка, для кладки нового моста и новых ворот замка. Этот материал был взят по приказу короля из разобранного "мануара" Веулеса или Веуллеса в Сен-Валери-ан-Ко. В записях 1378-80 годов упоминается башня на мосту за крепостью, ее разводной мост, оси, тяги, "верги" или рычаги длиной 18 футов и балки длиной 9 футов. Вероятно, это был южный разводной мост и ворота, включая открытие сообщения между ними и подвалом замка. Эти работы приписываются Карлу V. около 1378-80 гг. Вероятно, он только пробил существующую центральную башню, не изменив и не перестроив ее.

Следующей значительной работой стала внешняя палата, которую можно отнести к пятнадцатому веку, в связи с повсеместным использованием кирпича и появлением осадной артиллерии. Странно, что не сохранилось никаких записей об этой очень значительной работе, ведь она включала в себя не только внешнюю палату - замок сам по себе, с его огромными башнями и массивными куртинами, но и расширение очень грозного рва, ремонт старых стен и башен, и, наконец, обустройство и сводчатое перекрытие крепости. Предполагается, что все это было сделано Франциском I. Говорят, что на некоторых дополнениях к крепости была выбита дата 1553 года.

Генрих IV во время своего пребывания в замке в 1589 году, возможно, построил покои во внутренней палате и исправил то, что было не так в старом здании; но более вероятно, что его следы можно найти в полевых работах, которые венчают соседние холмы, и вдоль возвышенности в сторону Дьеппа.

Считается, что ров замка - это остатки более древнего укрепления, которое могли возвести первые северяне или еще более ранние кельты. Несомненно, так обычно поступали с местами великих нормандских замков, как в Нормандии, так и в Англии, и положение Аркеса весьма заманчиво. Однако нет никаких доказательств существования более раннего лагеря.

Заметим, что крепость расположена таким образом, что с нее открывается вид как на внутреннюю часть, так и на наиболее уязвимую сторону замка - ту, что расположена вдоль ровного гребня мыса. Он был вполне способен продержаться, когда все остальное было захвачено, и, наконец, в случае угрозы пожара или голода гарнизон имел возможность сбежать по галереям.

Этот замок - триумф норманнского мастерства. Часто подвергаясь нападениям, он никогда не был взят штурмом. Не будучи королевской резиденцией, его посещали в мирное и военное время наши норманнские короли, от Завоевателя до Иоанна, и большинство королей Франции, от Генриха I до Генриха IV; и, по прошествии 800 лет, его самые старые части по-прежнему заслуживают внимания и сохранились, по крайней мере, так же хорошо, как и дополнения, сделанные гораздо позже.

ЗАМОК АРУНДЕЛ, САССЕКС.

По своему положению, величине и истории Арундел является одним из самых значительных военных сооружений Англии эпохи Средневековья. Английский по происхождению, норманнский по происхождению, он не только относится к числу редких замков, записанных в Domesday, но и является единственным из них, который упоминается как существовавший до прихода герцога Вильгельма. Им владели Альфред и Гарольд, а Вильгельм пожаловал его вместе с окружающими и зависимыми лордствами главе великого дома Монтоммери в знак признания родства и в качестве достойной награды за его выдающиеся заслуги при Гастингсе. Три члена и два поколения этой семьи владели замком около тридцати двух лет. За ними последовали Генрих I и его королева, которые владели им в течение полувека, и с тех пор он перешел по наследству от д'Альбини, Фиц-Аланов и Говардов, через семь веков наследования, к его нынешнему владельцу. Несмотря на меньшую площадь, он не уступает Виндзору по древности и положению, а по своему типу очень напоминает его: у него есть верхняя и нижняя палаты, а также возвышенный курган, частично расположенный между ними, опоясанный глубокой лощиной и увенчанный круглым замком. В его пределах находится часовня Святого Георгия, а далеко за стенами, но только в одном направлении, простираются его обширные владения. Сразу за стеной нормандского замка, но, вероятно, в пределах более ранней английской постройки, стоит прекрасная приходская церковь, подарок Фиц-Алана, а к ее восточному концу пристроена часовня колледжа, основанного Ричардом, графом Арунделом, в 1386 году, и теперь, по дарственной или покупке в царствование Эдуарда VI, принадлежащего потомкам его основателя и являющегося частной собственностью хозяина замка. Здания колледжа в основном демонтированы, а в часовне находится множество гробниц, представляющих большое величие и значительный исторический интерес, под которыми покоятся останки многих членов великого дома Фиц-Алан, которые очень любили и много отдавали этой церкви, для которой их потомок Говард проявил себя не менее щедрым благотворителем.

Арун, главная река юга, берет начало в Суррее. Она пересекает всю широту, здесь около двадцати миль, графства Сассекс, и при впадении в море рассекает южную гряду мела очень поразительным оврагом или лощиной, которая, вместе с рекой, дает название замку и городу, а также Арундельскому изнасилованию, в пределах которого они стоят. Замок расположен на отвесной меловой скале, которая возвышается на правом или западном берегу реки, текущей легкими изгибами по широкому участку низкой и ровной земли, которая находится между холмами и морем, от которого замок удален примерно на четыре мили. На склоне и у его подножия вырос город, который на протяжении веков подчинялся замку и получал от него защиту и поддержку. В шести милях к западу от Аруна находится Богнор, богатый римскими остатками, а еще дальше к востоку - устье Адур, где Шорхэм оспаривает у Портсмута право на представительство древнего Portus Adurni. В нескольких милях к северу от замка, в Стэнуэе, проходит старая римская дорога между Чичестером и Лондоном. Различные деревни, названия которых свидетельствуют об их английском происхождении, густо расположены вдоль нижнего течения Аруна; но название реки может быть британским, как и, несомненно, лагеря на холмах, разбросанные здесь и там по склонам. Предполагается, что Рапе - это джутийское подразделение. Он включает в себя пять сотен, и раньше почти весь был лесом. Суды проходили под дубом в Мадехерсте.

Утес, на котором стоит замок, является концом гряды возвышенностей, которая особенно крута на востоке и юге и поднимается к еще более высоким землям на севере и западе. В этом направлении расположен парк, который занимает около 1100 акров и включает в себя, между двумя грядами мела, глубокую долину, в нижней части которой, чуть ниже замка,

находится озеро под названием Суонборн, бассейн с очень отдаленного периода для использования мельницы.

История Арундела была написана Даллауэем в его "Западном Суссексе" и Тирни в отдельной работе. Какова бы ни была ценность обоих трудов для истории и происхождения лордства, ни один из них не дает полного плана земляных работ замка и не вникает в его детали с научной точки зрения - ни с военной, ни с архитектурной. К сожалению, близость замка к Брайтону и некоторым менее значимым местам для купания привела к тому, что посетители не допускаются сюда, за исключением случаев, когда ограничения настолько узки, что не позволяют детально изучить работы. Из истории Тирни следует, что замок защищен с севера или с открытой местности двойной линией обороны, состоящей из вала и рва, внешняя из которых включает в себя как нынешний, так и старый парк, и местами находится не менее чем в двух милях от замка. Внутренняя линия гораздо меньше по протяженности, но обе они, похоже, предназначены для защиты города и порта, а также места расположения замка, и являются скорее линиями обороны, чем остатками лагеря, будь то британского или английского. Внутри обеих этих крепостей, вероятно, более поздних, находятся земляные сооружения, на части которых был основан нормандский замок. Они напоминают сооружения, общие для Англии и Нормандии, и, вероятно, могут быть приписаны северным захватчикам в восьмом или девятом веках. На возвышенности находится продолговатый холм, от которого осталась большая или меньшая часть первоначальной насыпи, а за его пределами на юге и востоке находилась естественная крутизна, а на западе - естественная впадина, углубленная и расширенная вокруг северного фронта искусством. В длину участок составляет 317 ярдов, а в ширину - 83 ярда, и включает в себя около 5½ акров. Недалеко от центра западной стороны, составляя часть *энсинта*, находится большой круглый курган, почти полностью искусственный, со своим собственным рвом, который с внешней стороны также является рвом общего *энсинта*. Диаметр кургана составляет около 90 футов на его вершине и около 230 футов у основания. По мере того как земля поднимается к северу, ее высота составляет с этой стороны около 50 футов, а с противоположной - около 70 футов от дна рва. Виндзорский курган примерно такой же высоты, но гораздо больше, его вершина составляет 125 футов в поперечнике. Своим выступом он значительно сужает основную площадь, а с добавлением короткого поперечного рва, насыпи и стены, ныне исчезнувших, делит ее на верхнее, или северное, и нижнее, или южное отделения, в последнем из которых находятся хозяйственные постройки. Эти два отделения были частями более раннего укрепления, которыми завладел строитель нормандского замка, но есть также участок, расположенный напротив кургана и за пределами рва, который доходит до узкого конца на северо-западе. Была ли она укреплена каменной кладкой, неизвестно, но она определенно была частью более ранней крепости и показывает ее размеры и важность. Рвы, расположенные в мела и на высоком уровне, несомненно, всегда были сухими. Граф Роджер, вероятно, нашел на гребне этих земляных валов такие же оборонительные сооружения, которые он оставил после себя на подобных валах и насыпях в своем отцовском замке в Нормандии; но были ли они деревянными или каменными, точно неизвестно. Вполне возможно, что они были и деревянными, и каменными. Однако несомненно, что граф или его ближайшие преемники заключили основную территорию в занавес из каменной кладки, который шел вверх по кургану и помещал его половину, как в Линкольне и Тонбридже, за пределами ограждения. На этой куртине, немного южнее кургана, располагалась сторожка, а вдоль нее в разных местах стояли настенные башни, вероятно, квадратные, одна из которых, расположенная на куртине к северу от кургана и известная как башня Бевиса, сохранилась до сих пор, хотя и в более или менее измененном виде. Домашние постройки тогда, как и сейчас, располагались по сторонам нижнего квартала, а на кургане находился панцирный замок.

Поскольку публике разрешено осматривать только нижнюю часть сторожки, прилегающую к ней куртину и внутренние помещения, невозможно составить правильное мнение о масштабах первоначальных земляных работ, о возрасте общей куртины или цоколя домашних построек, часть которых, как утверждается, относится к норманнской эпохе. О том, что земляные работы были обширными и частично сохранились, можно судить по вершине крепости и по верхним воротам парка. Даллауэй дает большой, но не совсем корректный план замка и его насыпи, сторожки и башни Бевиса, а также нижнего отделения; но его план не включает ни верхнее отделение, ни земляные работы, и не сопровождается никакими разрезами. Даллауэй и Тирни не были сильны в архитектурных деталях.

Привратническая башня стоит на линии куртины, выступая внутрь от нее, и на южном краю или контркарпе рва кургана. Она открывается в нижнюю палату. Она относится к ранненорманнскому типу и похожа на ту, что находится в Тикхилле. Это квадрат в 32 фута, с внешней и внутренней стороны которого находится большой круглоголовый дверной проем, совершенно простой, без фаски, и с простым наклонным абаксом. Камера, конечно, квадратная, но немного шире дверных проемов. Тот, что обращен к палате, похоже, был закрыт только парой дверей. Другой или внешний дверной проем имеет широкий паз порткуллиса, который может быть оригинальным, а может и не быть; более вероятно, что нет. Покрытие - пол верхней комнаты - несомненно, было деревянным и ровным. Нынешний свод - это вставка. Верхний этаж был всегда, но он был сильно изменен, в основном в декоративный период. Старые петли, ныне заблокированные, могут быть прослежены. Некоторые из вставленных окон очень поздние. В южной части внутреннего дверного проема находилась дверь, открывавшаяся в настенную лестницу, ведущую на верхний этаж и к рампе куртины, которая, по-видимому, была продолжена через сторожку, над внешним порталом. Нынешняя лестница является наружной и современной. Это вся первоначальная часть сторожки, которая вместе с примыкающим к ней очень толстым занавесом, вероятно, является работой графа Роджера.

Сторожка была расширена снаружи в декорированный период. К ней примыкает кривой проход шириной около 10 футов и длиной 40 футов, расположенный между толстыми боковыми стенами. В его боковых сторонах находятся дверные проемы с заплечиками, которые вели в ложи и кельи, а с южной стороны - колодезная лестница, поднимающаяся на крышу. Проход перекрыт очень плоским остроконечным сводом. Он заканчивается внешним дверным проемом с падающей аркой, открывающимся между парой фланкирующих башен площадью 20 футов, поднимающихся из рва. Они имеют подвальные камеры во рву, подвалы на уровне земли и два верхних этажа. В дверном проеме находится очень широкий паз для деревянной рамы порткуллиса, а впереди был разводной мост, который теперь заменен аркой из каменной кладки. Это дополнение к нормандской сторожке, сделавшее из нее очень длинный крытый входной проход, приписывается графу Ричарду Фиц-Алану, вернувшемуся с войны Эдуарда I. В новейшее время пол прохода был опущен примерно на 3 фута, а стены подкреплены цоколем. Двери, которые не используются, остались без изменений и показывают первоначальный уровень порога. Вероятно, к этому входу можно было попасть через внешние ворота на северо-западе, в верхней части города, и через большую пристройку, которая сейчас является садом и плотницким двором.

Кипер представляет собой округлый корпус из каменной кладки, примерно 67 футов на 59 футов по внутреннему диаметру, со стенами толщиной от 8 до 10 футов и высотой 20 футов до пандуса. Он построен из бутовой кладки, материал - в основном суссекский камень и мел, но снаружи облицован небольшими пепельными блоками из канского камня, тесно

соединенными между собой, и с плоскими пилястрами, которые вдаются в стену ниже основания парапета. На юго-востоке находился довольно большой дверной проем по центру, к которому, как и в Тикхилле и Линкольне, вероятно, вела лестница, поднимавшаяся по насыпи, с деревянным мостом у ее основания, как в Йорке. Этот дверной проем не показывают посетителям, но по рисунку Тирни он имеет смелый шевронный молдинг, чередующийся с валиками или кругами, общий для головного и косяков, и не нарушен импостами. Внутри она открывалась в углубление, также полностью центрированное, а его угол заменен смелым валиком. Как и в Линкольне, это был первоначальный вход, и, похоже, он, хотя и обнесен стеной, не подвергался другим изменениям. Рядом с этим дверным проемом в стене образовался колодец-лестница, поднимающийся с земли на валы. Очевидно, это декоративная вставка, датируемая той же датой, что и крутой лестничный пролет и сводчатая подземельная камера в центре участка, вероятно, погреб, принадлежащий жилым помещениям, которые, как и в Виндзоре, в свое время были построены у стены по всему периметру, оставляя в центре небольшой открытый двор, как в Тамворте и Ледесе. О том, что здесь были такие домики, свидетельствуют карнизы крыши в стене, а о том, что они, как и в Йорке, имели верхний этаж, говорит поздний камин, который отмечает верхний уровень, и задняя часть которого сложена из черепицы, поставленной на ребро. Высота парапета составляла около 8 футов, он был украшен зубцами, а в каждом мерлоне находилась петля, установленная в арочном углублении. В одном из мерлонов есть небольшое углубление по центру, очевидно, гардероб. Нынешний парапет, по-видимому, является декоративным дополнением. Замок, как и курган, стоит на линии главной куртины, которая пересекает ров от сторожки, поднимается на курган и имеет аналогичное продолжение на север. Там, где южная куртина примыкает к крепости, возвышается широкая башня неправильной формы, около 20 футов в проекции и 50 футов в ширину. В ней находится колодец и его камера, вход с крепостного вала и ораторий. Вход в башню осуществляется через сводчатый проход с пазом для портупеи на уровне земли. Куртина имеет парапет по обеим сторонам, образуя крытый проход, и завершается своеобразным балконом, соединенным с храмом. Колодец необычайно большого диаметра, но он не использовался. Камера находилась на уровне поверхности храма, в который она открывалась полноцентровым дверным проемом. Была и верхняя камера, ныне разрушенная. Такое расположение колодца, с внешней стороны крепости, встречается и в других местах. В Уоллингфорде он находится на склоне, а в Кардиффе - почти у его подножия. Ораторий, или часовня Святого Мартина, представляет собой небольшую камеру неправильной формы на уровне второго этажа, расположенную над входным проходом. В ней есть большое восточное окно, измененное в два периода, и два боковых окна поменьше, все они сейчас закрыты. Крыша была деревянной, и сейчас ее нет. У этого оратория был особый фонд, который впоследствии был перенесен и расширен в пользу большой часовни в нижнем приходе. Детали этой пристройки показывают, что, как и в Йорке и Кардиффе, она была дополнением к первоначальной оболочке, пепельный облик которой виден в одной из нижних палат. В Кардиффе пристроенная башня была перпендикулярной; в Йорке, где она включала небольшую часовню, - раннеанглийской. Здесь дополнение выглядит раннедекоративным. Часовня, вероятно, является часовней Святого Мартина, упомянутой в Domesday и в Патентных списках 1275 года, и, конечно же, была разобрана, когда в 1375 году был перенесен дарственный фонд. В разные периоды замок упоминается как Бомонт, Хаутмонт и Гросмонт, и все названия сохраняют его главную особенность.

Поскольку на этом кургане, вероятно, находилась английская "Аула", а пепловая внешняя часть нынешней стены, несомненно, более поздняя, чем Завоевание, предполагается, что сердцевина стены является оригинальной, и что она была обделана норманнским архитектором. Однако никаких признаков такой обшивки нет. Вход из куртины, похоже, был

прорублен в стене, в которой, как полагают, видны следы ранней кладки. Однако, как обычно бывает с ракушечниками, вся стена относится к одной дате, и, скорее всего, к поздненорманнской.

Башня Бевис стоит на куртине и выступает только с ее внешней стороны. Она стоит на северном контркарпе рва кургана, примерно в 42 ярдах от крепости. Она квадратная и, как говорят, по сути, ровесница сторожки, но близко ее рассматривать не разрешается. Его называют барбаканом, но его расположение вряд ли оправдывает его предназначение. Он больше похож на обычную настенную башню. С этой стороны нет никакого сообщения от крепости с завесой. К северу от этой башни земляные укрепления верхней части кажутся довольно совершенными, но просьба разрешить посетить их, очевидно, рассматривалась как своего рода измена.

Кроме колодца, пристроенного к замку, был еще один, ныне засыпанный, в центре нижнего отделения. Жилая часть замка в основном или полностью выполнена Говардом. Эдуард, девятый герцог, был великим строителем. Он восстановил Уорксоп, который вскоре после этого был сожжен, в 1761 году, и основал Норфолк-Хаус на Сент-Джеймской площади. Что он сделал здесь, неизвестно. Нынешние жилые дома, расположенные вдоль нижнего квартала с восточной, южной и западной сторон, по сути, построены герцогом Чарльзом в конце прошлого века, или в 1791-1806 годах, и с тех пор были дополнены. Они соответствуют ожиданиям того времени и лучше, чем более ранние работы в Алнвике, которые недавно были демонтированы. Говорят, что в подвалах и во внешних стенах сохранились части более ранней постройки, некоторые из них относятся к норманнскому периоду. Зал находился на восточной куртине. В нем была хорошая раннеанглийская дверь, разрушенная в нынешнем веке. Сам зал был разрушен во время осады 1643 года. Нынешний парадный вход в палату, расположенный к югу от первоначального, полностью современный, как и подход к нему и внешние ворота. Также как и часовня Святого Георгия, которая стоит вдоль западной стены. Предшествующая ей часовня, снесенная в 1796 году, имела 40 футов в длину и 22 фута в ширину и была пожертвована Ричардом, графом Арунделом, в 1375 году из трофеев, полученных при Креси. Считается, что в это же время были увеличены и домашние постройки за счет богатства из того же источника. Церковные пожертвования, перенесенные в 1375 году из оратория Святого Мартина в часовню Святого Георгия, примерно через столетие были снова перенесены в коллегиальную церковь Фиц-Алан, без стен.

Арундел - это замок, где, если где-либо, можно было бы ожидать сохранения следов английской кладки более раннего периода, чем норманнское завоевание, и, несомненно, вполне возможно, что они могут быть найдены в фундаменте норманнских стен. Главное, что в нем примечательно, - это сходство с Виндзором в общем плане: продолговатый комплекс, на который с одной стороны надвинута насыпь и ров, делящий его на два отделения, в одном из которых находятся домашние постройки. Более старая часть сторожки и часть куртины рядом с ней могут считаться ранненорманнскими, вероятно, работы графа Роджера. Замок кажется более поздним, хотя тоже норманнским. Пристройки к сторожке, колодезной башне и ораторию, вероятно, являются декоративными. Необходим правильный план местности, который должен включать в себя флигели и более отдаленные земляные сооружения. Старые стены должны быть критически изучены, особенно подвалы домашних зданий.

ИСТОРИЯ.

Поместье Арундел, а также другие поместья в непосредственной близости от него, были переданы Альфредом по завещанию (885 г.) сыну его брата. Им владел Гарольд, а затем Вильгельм, который около или до 1070 года пожаловал Роджеру де Монтгомери замок и честь Арундела с 84½ рыцарскими гонорами. Роджер, который был в родстве с Завоевателем и командовал норманнским центром в Гастингсе, стал графом Арундела и Шрусбери и владел замком около двадцати трех лет, до самой своей смерти. В "Domesday" описывается, что во времена короля Эдуарда замок Харундел ежегодно платил за мельницу 40 с., за три "convivia", или развлечения, 20 с., и "pro uno pasticio", или пастилу, 20 с. Здесь же находилась церковь Святого Николая, или приходская церковь, и церковь Святого Мартина, вероятно, часовня при замке. Была еще одна мельница, с которой платили десять бушелей кукурузы. За бург, порт и судоходство платили 12 фунтов стерлингов или больше.

Любопытно, что в Арунделе, Чичестере, Шрусбери и нормандском поместье, откуда Роджер взял свое территориальное название, в каждом из них был курган. После смерти Вильгельма в 1088 году граф Роджер поддержал Роберта Куртоза, которого он пригласил на землю в Арундел. Неповоротливость принца оттолкнула его английских сторонников, и граф предложил свою помощь Руфусу. После смерти графа Роджера в 1094 году он завещал свое графство Сассекс, называемое также "Чичестерским", своему младшему сыну Хью, валлийскому Хью Гочу, который владел Арунделом и Шрусбери, противостоял Уильяму Руфусу и был убит при отражении пиратов с северного валлийского побережья в 1098 году. Его преемником в английском графстве стал старший брат, который уже владел семейными лордами в Нормандии. Это был Роберт, граф Белесме в Перше, который принял в Арунделе Уильяма Руфуса по его прибытии из Нормандии в 1097 году.

Граф Роберт, нечестивый сын нечестивой матери, был смелым воином и способным, хотя и очень жестоким человеком. Он быстро построил мощный замок Брюгге или Бридженорт, а также Монтгомери, названный валлийцами Тре-фалдуин, по имени Болдуина, его первого сенешаля. Его карьера в Англии была бурной и короткой. Бридженорт был осажден и взят Генрихом I, который обрушил на его стены деревянную башню, известную как "мальвуазин". Граф отправился в изгнание в 1102 году, а умер в 1118-м.

Король Генрих владел Арунделом до своей смерти, после чего он перешел по наследству к его вдове Аделизе, дочери Годфрида Лувенского, герцога Брабантского. Вдовствующая королева вышла замуж за Уильяма д'Альбини, норфолкского дворянина, известного летописцам как "Уильям с сильной рукой", королевский дапифер. Они приняли императрицу Мод в Арунделе во время ее высадки в 1139 году вместе с ее братом, графом Глостером, и в результате им пришлось выдержать нападение Стефана, которому, как говорят, Аделиза с успехом объяснила обязанности гостеприимства, и Мод было позволено удалиться в Бристоль. Д'Альбини, однако, в целом был сторонником Стефана, хотя и с большой рассудительностью. Он посоветовал заключить соглашение между Стефаном и Генрихом в 1153 году и подписал его как "граф Чичестерский". Генрих, вступая на престол, признал его заслуги пожалованием графства Арундел с третью пенни графства Сассекс. Граф Уильям умер в 1176 году. От Аделизы, умершей в 1151 году, он оставил сына, тоже Уильяма, первого из четырех поколений д'Альбини и пяти лиц, владевших графством Арундел, или, как они его называли, Сассекса. Они были похоронены в Уаймондхэме, их собственном фундаменте. Граф Хью, восьмой по счету после Завоевания, умер бездетным в 1243 году. Изабель, его сестра, продолжила престолонаследие и вышла замуж за Джона Фиц-Алана, чей сын, после смерти дяди, стал наследником.

Этот Джон, глава великого дома Фиц-Аланов, лордов Клуна и Освальдестра, стал девятым графом и умер в 1240 году. Он был первым из четырнадцати графов этой фамилии, которые владели замком на протяжении двенадцати поколений. Из них старшая линия угасла в лице Томаса, пятнадцатого графа, который умер бездетным в 1415 году; но наследство продолжил его кузен, Генри Фиц-Алан лорд Мальтраверс, который умер в 1580 году, оставив наследницу Мэри, которая вышла замуж за Томаса Говарда, герцога Норфолка. Поздние Фиц-Аланы много жили в Арунделе, с которым они стали тесно связаны.

Герцогиня Мэри умерла в 1557 году, а ее муж - в 1572-м. Их сын, Филипп, стал двадцать вторым графом, после чего в общей сложности десять поколений Говардов носили титул Арундел. Нынешний герцог Норфолк - тридцать пятый нормандский граф и тридцать второй по происхождению от королевы Аделизы и Уильяма д'Альбини.

Замок Арундел не сыграл сколько-нибудь значительной роли в английской истории. Самое известное событие - осада 1643 года, когда его осадил сэр Уильям Уоллер, который сначала атаковал и взял город, затем оборонялся стенами и, наконец, бил по замку с башни церкви, где разместил свои пушки. Осада длилась с 20 декабря 1643 года до 6 января следующего, когда замок сдался, а вместе с ним и знаменитый Чиллингворт, умерший вскоре после этого. Внутренние постройки были разрушены и, похоже, оставались таковыми до прошлого века.

Город был обнесен стеной Ричардом Фиц-Аланом, который получил лицензию на эту работу в 1295 году. В городе было двое ворот: одни внизу, на реке, другие, называемые воротами Святой Марии, в верхней части города. Городская стена, по-видимому, примыкала к замку, который, таким образом, составлял часть его обороны.

Нынешний герцог построил недалеко от замка и приходской церкви большую церковь, посвященную Сан-Филиппо Нери, очень благородное сооружение, обставленное с большой простотой и отличным вкусом. К сожалению, она расположена таким образом, что значительно ухудшает общий вид замка с равнины. Расположенная немного ниже, она оставила бы замок доминирующей фигурой, позволила бы прекрасной старой приходской церкви занять подобающее ей место и поддерживала бы и возвышала, а не угнетала бы всю группу.

ЗАМОК БАРНАРД-КАСЛ.

Замок Барнард, или замок Бернарда, названный так по имени его основателя, Бернарда де Балиоля, занимает выгодное положение на левом берегу Тиса, где проходит граница между Даремом и Йоркширом. Это большой замок, который долгое время был очень важным, как из-за своего положения на границе епископства, так и из-за власти великих баронов, которые строили и содержали его.

Замок венчает вершину крутой и отчасти обрывистой скалы, возвышающейся над рекой примерно на 100 футов, с выступающим плечом, с помощью которого северо-западный квартал крепости защищен естественным обрывом. Остальная часть территории была покрыта глубоким и широким искусственным рвом, ныне в основном засыпанным, который разделял восточную и северную стороны замка и прилегающий город, которому он дал название, и жители которого, в те времена, когда замок сохранялся, искали защиты у своих

лордов. Северный фасад города и замка защищала река Перси Бек, впадающая в Тис примерно в 450 ярдах выше по течению.

Площадь замка в пределах стен составляет чуть больше 8 акров. В плане он продолговатый, имеет четыре неравные стороны, в среднем 293 ярда на север и юг и 133 ярда на восток и запад. Восточная, или городская, сторона, самая длинная, слегка выпуклая, и составляет 336 ярдов; западная, или сторона, выходящая к реке, - 245 ярдов; северный конец - 160 ярдов; южный конец - 110 ярдов. Мост Тис вытекает из скалистого берега, расположенного ниже центра западного фронта, и с него открывается вид на крепостные стены.

Район разделен на четыре округа, из которых "внешний" занимает более южной половины, а "городской округ" - восточную половину оставшейся части. Другая, северо-западная четверть, снова делится поровну на "среднюю" и северную, или "внутреннюю", части. Вся территория и несколько кварталов защищены, где это необходимо, стенами и рвами. Занавес вдоль скалы, по-видимому, был простым парапетом, за исключением тех случаев, когда, как во внутреннем отделении, он поддерживал внутренние здания. Высота стен обычно достигает 30 футов, а толщина - от 4 до 5 футов. Внешний ров, он же городской ров, начинался в глубоком овраге к северу от крепости и шел вдоль северного фронта, огибая так называемые "квартиры", затем вдоль восточного фронта, между стеной и городом, затем вокруг южного конца, и так под частью западного фронта, пока не терялся в крутом грунте у моста, в общей сложности почти 700 ярдов в длину. От этого рва ответвлялся второй, который пересекал местность с востока на запад, от городского рва до берега реки, и который, расположенный к югу от поперечной стены, служил защитой трех северных кварталов от внешнего квартала.

Другой ров, начинавшийся в овраге под крепостью, шел на север и юг, соединялся с предыдущим рвом и таким образом защищал внутренние и средние палаты от городской. Наконец, от него ответвлялся еще один, еще более короткий ров, который уходил на восток и запад к берегу реки и защищал внутреннюю палату от средней; таким образом, каждая куртина имела свой отдельный ров. Все рвы показаны на плане Гроуза, но городской ров, хотя его и можно проследить, был засыпан и застроен. Самым глубоким и широким из всех, а это грозный котлован, является тот, что относится к внутренней палате, возвышение которой в некоторой степени обусловлено нагромождением содержимого рва. Похоже, что все эти рвы были сухими. Они пересекаются на своих концах завесами, и в трех местах, где северная завеса закрывает конец внутреннего рва, а другой конец выходил на склон реки, и где восточная завеса закрывает большой поперечный ров, имеются арочные проемы в завесе на уровне дна рва. Гроуз также показывает четвертую арку в стене средней палаты. Это были либо дренажи, либо постеры. Они так сильно засыпаны, что видны только верхушки некоторых из них. Гроуз называет их дверьми, и, возможно, так оно и есть. Они кажутся оригинальными.

Энсинт внешней палаты, похоже, представлял собой простую контрфорсную и насыпную стену, не отличавшуюся особой прочностью. Удержать эту крепость мог только очень сильный гарнизон. Вероятно, как и шотландский бармкин, он предназначался для укрытия горожан и их скота в случае захвата города врагом. В случае серьезной осады он, вероятно, был бы покинут. Леланд говорит о прекрасной часовне и двух шантрапах в первом районе, с памятниками, как говорят, Балиолов. Вероятно, они находились в этом районе. На восточном фронте, напротив рыночной площади, были ворота из города, вероятно, на месте нынешнего входа, и внутренние ворота в северо-западном углу, от которых сохранились некоторые

следы, и которые вели в средний приход. Разводной мост этих ворот заменен земляной насыпью, закрывающей конец рва. Незначительная оборона этой внешней палаты согласуется со строфами из старой баллады о "Восстании Севера": - "Тот барон в свой замок бежал.

"Тот барон в свой замок бежал,

To Barnard Castle then fled hee.

The uttermost walles were eathe to win,

Графы завоевали их нынче.

Крайние стены были известью и кирпичом;

Но скоро они их сгорели,

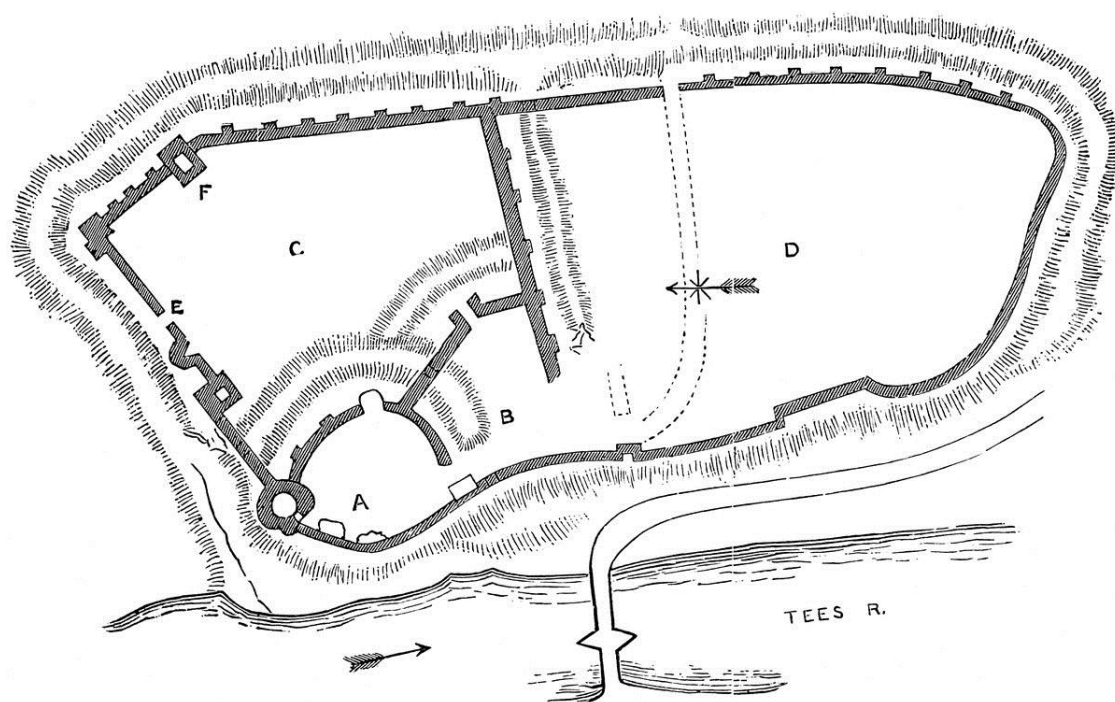
Внутренние стены они не могли победить,

потому что они были вырублены в камне".

Бароном был сэр Джордж Боус, который удерживал замок в течение одиннадцати дней против графов Нортумберленда и Уэстморленда в 1569 году, а затем, по некоторым сведениям, капитулировал на честных условиях. Вероятно, тогда Перси Бек носил такое название.

Городской квартал, занимающий северо-восточную четверть территории, гораздо менее обширный, чем внешний квартал, был более сильно укреплен. На его восточной куртине сохранились остатки прямоугольного здания, выступающего внутрь стены и известного как башня Брекенбери. У северо-восточного угла также находилась квадратная башня. На северном фасаде находится полукруглая башня, выступающая из стены и обрамляющая большой круглоголовый дверной проем, очевидно, главный вход с севера, независимый от города. Арка этого портала состоит из трех колец вуазуаров, каждое из которых имеет фаску, из отличного пепла, но без орнамента. Косяки также имеют фаски. У них есть простой импост, также скошенный, но с подобием бисерной лепнины под ним. Порткуллис отсутствует. По-видимому, это был средний или внутренний дверной проем обычной прямоугольной сторожки, линии боковых стен которой обозначены зубцами с каждой стороны двери. Внутри сохранились остатки аналогичных боковых стен. Вместе со сторожкой, разумеется, исчез и разводной мост, а ров был засыпан.

ЗАМОК БАРНАРД.

- A. Внутреннее отделение.
- B. Среднее отделение.
- C. Городское отделение.
- D. Внешнее отделение.
- E. Северные ворота.
- F. Башня Брекенбери.
- G. Круглая башня.

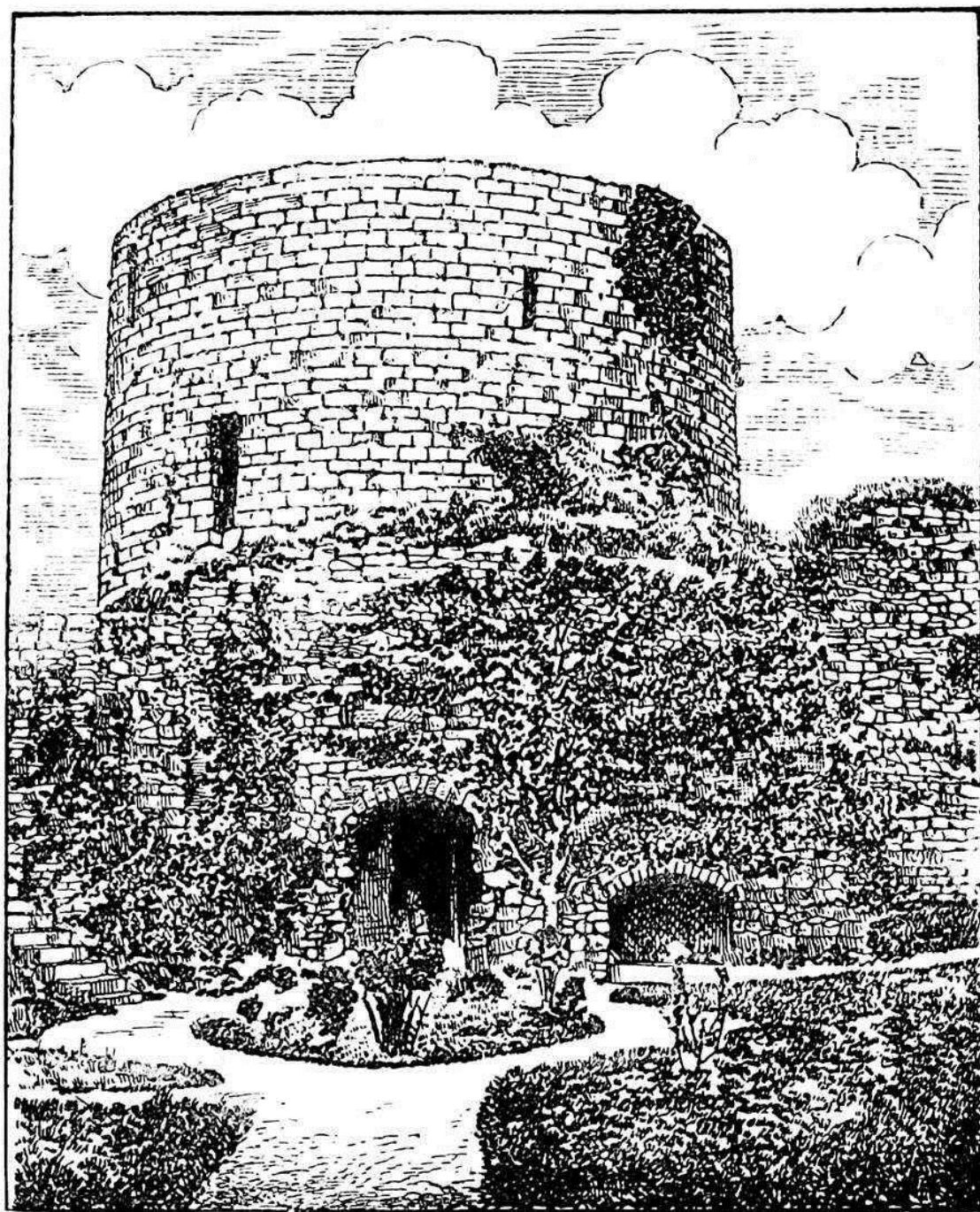
К западу от этих нормандских ворот, на контркарпе рва внутренней палаты, напротив сторожки, в куртине стоит небольшая прямоугольная башня, в сущности нормандская, от которой до самой сторожки тянется куртина большой высоты и прочности, закрывающая северный конец рва. В его основании, на дне рва, видна верхняя часть одного из уже замеченных круглоголовых проемов. Оно имеет пролет в 4 фута и больше похоже на столб, чем на водосток.

Территория этой городской палаты занята под огород, часть ее заперта, и вход туда запрещен. Занавески кажутся в значительной степени норманнскими. Гроуз показывает остатки разводного моста между этой и средней палатой, и, несомненно, здесь должно было быть какое-то подобное сообщение.

В средней палате, по-видимому, находились конюшни и офисы, ныне разрушенные. О его сообщении с внешними и городскими палатами уже говорилось. Кроме того, в северо-западном углу среднего отделения находился разводной мост, замененный земляной канатной дорогой, ведущей во внутреннее отделение. Трудно сказать, был ли здесь ров выведен на поверхность скалы и с тех пор засыпан, так как на склоне снаружи был построен коттедж, который фактически скрывает это место для осмотра. Однако Гроуз указывает на наличие дверного проема во рву, как и в другом конце, и в поперечной стене, отделяющей это помещение от городской палаты.

Внутренняя палата - самая совершенная и действительно любопытная часть замка. Он находится на уровне примерно 30 футов выше остальных, занимает всю площадь и

грандиозно возвышается над Тисом. В ней находятся кит, северная башня, хозяйственные постройки между ними, куртины и контрфорсы, а также остатки сторожки. Китень закрывает северо-восточный угол и находится наполовину внутри, а наполовину вне куртины. Это очень грандиозное сооружение, сложенное из блоков крупного красного песка умеренного размера, квадратных, с довольно открытыми швами. Она круглая, около 40 футов в диаметре и около 50 футов в высоту до основания парапета, который теперь исчез. Она поднимается из скалы. Его основание на протяжении примерно 6 футов слегка изгибается, но выше оно цилиндрическим. Она абсолютно без украшений, и нет даже обычного кордона, чтобы отметить верх основания. Петли необычной длины, с небольшим ласточкиным хвостом на нижнем конце, никогда не бывают крестообразными. Оригинальные проемы в основном имеют квадратную форму, без лепнины и накладок. Одно большое окно, расположенное высоко на севере, имеет круглую голову и, вероятно, является оригинальным. В направлении городской палаты находится пятисветное окно в стиле поздних Тюдоров, являющееся вставкой. Вероятно, парапет опирался на смелые карнизы, но если это так, то они исчезли. Нет ни отверстий для подкосов, ни признаков бреташей. Южная или внутренняя сторона, хотя и круглая сверху и со стороны поля, увенчана смелым отрогом - пирамидой, срезанной по диагонали, с вершиной, уходящей в круглую стену примерно на четыре пятых высоты. В этом отроге находится фресковая камера. Она сильно разрушена.

КРЕПОСТЬ, ЗАМОК БАРНАРД.

Замок имеет цилиндрическую форму внутри, подвал и три верхних этажа. Все его первоначальные проемы, похоже, были либо плоскими, либо круглоголовыми. Оригинальной остроконечной арки нет; арка над главной дверью явно является вставкой. Подвал находится на уровне земли, его диаметр составляет около 20 футов, а толщина стен - около 10 футов, и он покрыт плоским куполом из некачественного щебня, но предположительно оригинальным. На южной стороне сохранились следы камина, вертикальный тоннель которого остался в стене. Входная дверь находится на западной стороне, как и главная дверь. Она сильно разрушена, и в настоящее время имеет позднюю плоскоострую арку, но, похоже, была круглоголовой. Она открывалась не со двора, как сейчас, а из проходной комнаты, ведущей к почтовому ящику. В наружной стене, в паре ярдов справа от двери, есть углубление, похожее на усыпальницу в крепостной стене, и в нем лежит каменный гроб, вероятно, найденный во внешней палате. Возможно, это углубление служило местом для

сидения, но вряд ли это была гробница. Входная дверь не имеет портупей. В левом косяке плоский настенный проход шириной 3 фута ведет в гардероб, который выступает наружу между хранилищем и куртиной и имеет короткую наружную петлю. Вал гардероба в полу выше так опускается, что очевидно, что здесь, как и в Корфе, внутри него была деревянная перегородка.

Войдя в крепость, справа есть дверь, ведущая через полдюжины ступеней на северную сторону так называемой караульной палаты - сводчатого помещения размером 14 футов на восток и запад, 7 футов, с петлей на юге. Она очень похожа на ораторий, хотя и является проходной комнатой. Она частично находится внутри контрфорса, и, очевидно, является причиной появления этого пристроя. Из западного конца камеры вторая дверь ведет по настенной лестнице шириной 3 фута на второй этаж, в круглую камеру диаметром 21 фут со стенами толщиной около 8 футов 6 дюймов. Эта лестница открывается узкой круглоголовой дверью в косяке дверного проема, также круглоголового, который, по-видимому, вел с этого этажа в "большую камеру", отхожее место зала. В противоположном дверном косяке такая же дверь ведет по настенному проходу в садик, расположенный над уже упомянутым.

На втором этаже, очевидно, находилась парадная комната. На южной стороне сохранились следы камина, но колпак исчез, а напротив него находится круглоголовое окно с проемом в 4 фута, выходящее на Тис. Другое окно, вероятно, того же образца, выходило в сторону башенного отделения. Оно было переделано под тюдоровское пятисветное окно с плоским верхом. По-видимому, оно называлось "Кабинет миледи".

В левом косяке северного окна, ныне сильно разрушенного, находится еще одна узкая дверь, открывающаяся на настенную лестницу шириной 2 фута 6 дюймов, которая, следуя изгибу стены и освещаясь маленькими петлями, вела на бойницы, открываясь по пути на второй этаж, пол и крыша которого, деревянные, теперь исчезли. На этом этаже также имелся камин и нечто вроде увеличенной петли, которая служила дверью и открывалась на бойницы зала, а также вела в третий садик, выстроенный в виде карниза над двумя другими. В нем есть открытое вентиляционное отверстие, в то время как шахта двух других спускается в стену к сточной канаве, арочное устье которой видно у подножия стены, снаружи.

Похоже, что в лестнице также было отверстие с квадратной головкой, чтобы дать путь к верхней части занавеса, ширина которого составляла 2 фута 6 дюймов, парапет - 3 фута, а стена - 2 фута. Поскольку парапета нет, лестница резко заканчивается на уровне крепостной стены, где толщина стены составляет 7 футов 6 дюймов; отсюда открывается хороший вид на замок и город, а также на одно из самых прекрасных течений Тиса. В 1592 году эта крепость была покрыта свинцовой крышей. Вероятно, крыша всегда была плоской.

Башня Мортхэм возвышается над северо-западным углом палаты, поднимаясь из скалы высоко над рекой. Она представляет собой всего лишь фрагмент. Судя по всему, она имела неправильную планировку и была построена для того, чтобы приспособиться к пологому изгибу существующей стены. При строительстве было решено укрепить стену мощными наружными контрфорсами. Первоначальная стена - нормандская. Первая построенная часть башни, по-видимому, была раннеанглийской, а ее завершение - декорированным.

Пространство между башней Мортхэм и замком было занято залом и отхожими местами, причем последние находились рядом с замком. Зал находился на втором этаже, о чем свидетельствуют два окна в занавесе. Они двухсветные, с фрамугой и трилистником, с овальным кватрофилем в голове. Они расположены в нишах с простыми сегментными арками и боковыми каменными сиденьями. Они относятся к лучшему декорированному

периоду и, очевидно, являются вставками в более древнюю стену, которая также была укреплена декорированными контрфорсами.

Между залом и хранилищем на первом этаже были проходы, ведущие слева в подвал, который, вероятно, находился под залом, а справа - в хранилище, в конце которого находится небольшой столб с квадратной головкой в куртине, до сих пор используемый. Над этим проходом находилась отхожая комната, располагавшаяся между залом и первым этажом храма; окно этой комнаты в занавесе - известный проем, в софите которого изображен "щетиный кабан" Ричарда III. Окно, выступающее над столбом, держится на смелых карнизах и в основном относится к Перпендикулярю, но надстройка была изменена и испорчена очень плохой тюдоровской работой, похожей на окно в храме, и, возможно, заслугой сэра Джорджа Боуса. В 1592 году это здание называлось "Большой палатой".

Его сторожка занимала юго-западный угол этой палаты и была построена на краю обрыва. Ее остатки очень скудны. Занавес между ней и башней Мортхэм, похоже, был простым парапетом, упирающимся в скалу.

Изогнутый бордюр, соединяющий сторожку с храмом и закрывающий две стороны палаты с суши, довольно совершенен. Он укреплен внешним контрфорсом и небольшой башней. Последняя, расположенная под углом куртины к крепости, содержит подвал и верхнюю камеру, обе сводчатые, хотя от последней, которая находилась на уровне вала, остались лишь некоторые фрагменты. Эта башня прямоугольная, но углы ее скошены. У нее нет внутреннего выступа, а снаружи, против каждой из трех ее граней, прикреплен украшенный контрфорс шириной 2 фута 6 дюймов, выступающий в основании на 3 фута 6 дюймов. Каждый из них состоит из трех ступеней и вдается в стену около своей вершины. Между этой башней и храмом находится большой контрфорс, очевидно, полый, возможно, для трубы садовника. Это также декоративное дополнение. Рядом с ней куртина имеет плоскую норманнскую пилястровую полосу, но из трех ступеней. Ее ширина составляет 4 фута, а выступ уменьшается с 18 до 6 дюймов. Вблизи верха она также упирается в стену.

Судя по виду внутренней стены, не исключено, что это была крепость X века, состоящая из скалы с двух сторон, рва с двух других и центра, более или менее почти круглого и искусственно обрезанного; фактически, это мотте, на котором стояла первоначальная крепость. Внешние рвы могут быть той же даты, но, судя по их форме и плану, они, скорее всего, были более поздним, возможно, норманнским, дополнением. Их содержимое отброшено внутрь, образуя пандус за стеной.

Очевидно, что вся территория замка в его нынешнем виде была огорожена норманнами, а стены и почти все башни выполнены в этом стиле. То тут, то там по всей территории замка встречаются остатки норманнской работы. Пилястры на внутренней куртине, арки в нескольких рвах, квадратная башня и ворота на северной куртине, башня Брекенбери и большая часть стены по направлению к городу являются оригинальными. Во внутреннем дворе основание башни Мортхэм и полукруглая башня с фресками возле северных ворот, вероятно, относятся к раннеанглийскому периоду. Замок, фрагменты зала, юго-восточная башня внутренней палаты и большинство остатков других зданий, очевидно, являются декорированными. Первоначальные стены были сложены в основном из прочного бутового камня с пепельными перевязками. В декорированных работах ясель использовался более свободно.

В декорированный период замок, должно быть, подвергся почти полной перестройке. Нормандский архитектор, очевидно, рассматривал всю внутреннюю часть замка в качестве хранилища. Его преемники добавили часть башни Мортхэм, а художник Декорированного

периода, более амбициозный, возвел круглую башню в качестве хранилища, добавил - вероятно, перестроил - зал, достроил башню Мортхэм, а также укрепил или восстановил куртину в различных местах.

Здесь, как и на севере, круглоголовая арка и плоская перемычка были в основном использованы в Декорированный период. Общий стиль работ заслуживает восхищения. Крепкая, прочная, массивная, очень простая, превосходно выполненная, она выполнена в восхитительном вкусе и вполне соответствует военному строению. Кипер, хотя и не является одним из самых больших, представляет собой одну из лучших круглых башен в Англии. Ее пропорции хороши, материалы подходящего размера и насыщенного цвета, а сама простота говорит о прочности.

Перпендикулярных работ почти нет; вероятно, они были более легкого характера, упали и были удалены.

Как бы ни относиться к ценности материальных свидетельств о земляных работах, идея о том, что замок Бернард занимал место более ранней крепости, не подтверждается записями. Считается, что нынешний город возник на месте падения Марвуда, местоположение которого теперь забыто; он также не является приходом, будучи включенным в обширный приход Гейнфорд, церковь которого находится в восьми милях. Из "Domesday" нельзя почерпнуть никакой помощи, поскольку эта ценная запись не включает Дарем, и не упоминает ни Марвуд, ни Гейнфорд, ни тем более замок в "Domesday of Durham" Хью Падсея, "Болдонской книге", составленной в 1133 году, поскольку она ограничивается епископством, в которое в то время не входили владения Балиола.

Где Балиол получил от Вильгельма Руфуса баронство Байвелл в Нортумберленде и либо от этого короля, либо от своего отца лордство Гейнфорд, из которого он передал церковь Святой Марии в Йорке.

Бернард, его сын и преемник, был выдающимся приверженцем Стефана, но дожил до царствования Генриха II и был одним из тех, кто снял осаду Алнвика шотландцами в 1174 году, до этого времени он, вероятно, построил замок Барнард. Он же построил церковь, точнее часовню, в городе Барнард-Касл и передал ее церкви Святой Марии. Его сменил другой Бернард, отец Хью, отца Джона де Балиоля, основателя колледжа Балиоля в Оксфорде и больницы Святого Иоанна в Барнард-Касле, а также регента Шотландии. Он родился в замке. Он женился на Деворгойл, сонаследнице Алана, лорда Галлоуэя, от которой их сын, другой Джон, унаследовал смертельные притязания на шотландский престол, которые он реализовал, после некоторой моды, в 1292 году. Он потерял свои английские владения и умер в Шато-Гайяре в 1314 году.

Эдуард, его сын, стал королем Шотландии в 1332 году, но был изгнан в 1341 году и умер бездетным в 1363 году.

После отстранения Джона де Балиоля епископ Бек потребовал замок Барнард, вероятно, несправедливо, как принадлежащий престолу. Уже в 1301 году он захватил его и владел им некоторое время, и именно ему приписывают владение замком и другие дополнения в стиле, преобладавшем в тот период. Эдуард I, однако, передал его Гаю Бошампу, графу Уорику, которого мало заботили епископские притязания, выражавшиеся в протестах нескольких сменявших друг друга епископов.

Замок оставался во владении графов Уорик, Бошамов и Невиллов на протяжении пяти поколений, а около 1381 года Томас Бошам основал здесь Августинский приорство. Как он

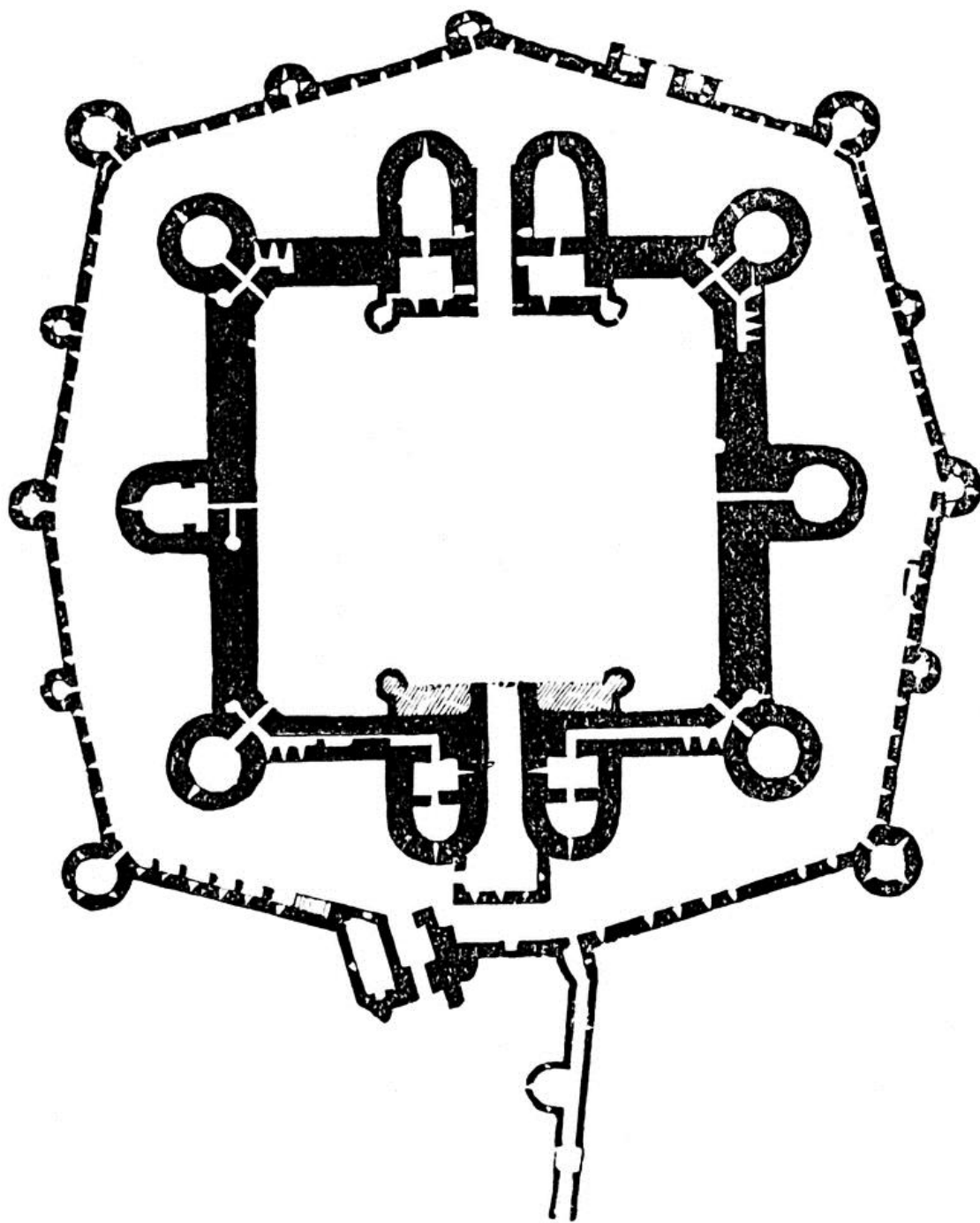
оказался во владении графов Уэстморленда из другой линии Невиллов, неизвестно. Однако в конце концов он перешел к Ричарду, герцогу Глостерскому, который отремонтировал его и оставил на нем свои полномочия, как уже говорилось. После его смерти она оставалась в собственности короны до тех пор, пока не была продана, и после различных превратностей стала собственностью предка герцога Кливленда. Он был разобран в 1630 году, когда руины большого зала были перевезены в Рэби.

Мост через Тис - прекрасный мост с двумя высокими остроконечными арками, который, как говорят, был перестроен в прошлом веке. Арки вылеплены в три захода, а снизу каждая арка поддерживается пятью смелыми ребрами. Если арка и современная, то старинный тип хорошо соблюден.

В соседней церкви сохранились некоторые старые части. Здесь есть хорошая богато украшенная южная дверь с фланкирующими колоннами и капителями, с круглой головкой, с шевронным узором на арке. Проем шире, чем обычно. Стиль - поздний норманнский. Основание башни округляется несколькими короткими раннеанглийскими контрфорсами. Примерно в 12 футах к западу от башни, на церковном дворе, установлено несколько больших голубых надгробий, которые сейчас не используются. Они, похоже, были латунными, сильно изношены и, очевидно, были извлечены из интерьера этой церкви или замковой часовни. Под одним из них, на котором сохранился купеческий знак, похоронены сэр Джон Халлок, барон казначейства, умерший 31 июля 1829 года, и его жена, умершая 18 ноября 1852 года.

ЗАМОК БОМАРИС В АНГЛСИ.

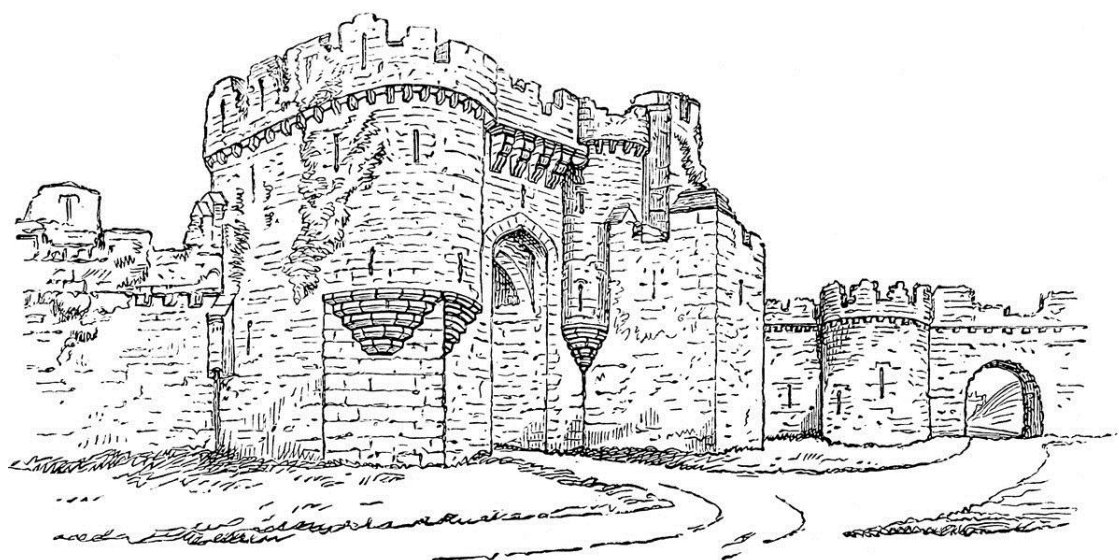
Замок Бомарис построен на болотистой равнине, недалеко от морского берега, но немного выше уровня моря, из которого он был снабжен рвом. Это пример чисто концентрической крепости, в которой инженер был свободен в проектировании своих сооружений, не руководствуясь, как в большинстве других случаев, неровностями местности.

*План местности.
Замок Бомарис.*

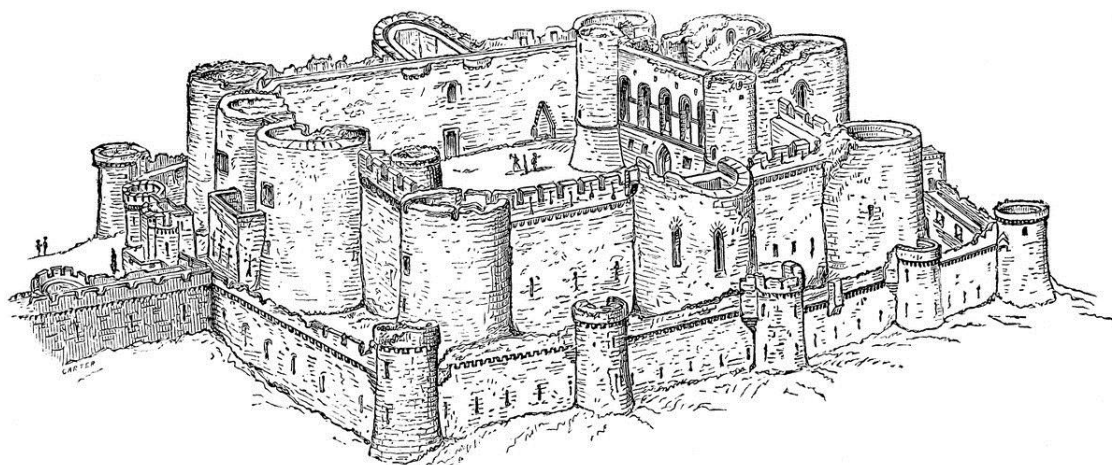
Его внутренняя часть представляет собой четырехугольник площадью около 50 ярдов, заключенный в четыре куртины толщиной около 16 футов и высотой от 40 до 50 футов. По углам расположены четыре барабанные башни высотой в три четверти высоты куртин. С восточной и западной сторон расположены промежуточные башни, полукруглые, с удлиненными сторонами, в восточной из которых, как и в Кидвелли, находится часовня. В центре северной и южной сторон находятся проходные башни, больших размеров и несколько выше остальных башен. В каждой из них четырехугольная часть выходит во двор, увенчанная по двум углам круглыми башенками с лестницами. Снаружи полукруглые башни

с вытянутыми сторонами фланкируют вход. Приведенный здесь план показывает общее расположение.

С. А. Баклер.

Вход в замок Бомарис.

ЗАМОК БОМАРИС: АНГЛЕЗИ:

Большой зал размером 70 футов на 23 фута 6 дюймов занимает большую часть первого этажа северной сторожки и освещается со стороны двора пятью окнами по два света в каждом, с фрамугой, как в Стоуксли и Ладлоу, современных залах. Камин находился на противоположной стороне. Крыша была деревянной, но с одним каменным ребром, как в Чаринге. В южной сторожке, вероятно, также находилась большая палата, ныне разрушенная. Государственные покои и жилые комнаты находились в сторожках. Порталы были необычной длины, и каждый из них охранялся тремя решетками.

Куртины пронизаны длинными фресковыми переходами, сообщающимися с башенными палатами и лестницами, которых здесь множество. Вал необычайно широк. Под частью стены, к югу от часовни, в самой нижней настенной галерее находится большая сточная канава.

Часовня, расположенная на втором этаже, хотя и не намного выше уровня земли, представляет собой красивую маленькую камеру, в которую можно попасть с западной

стороны со стороны двора по лестнице и короткому проходу, проходящему через настенную галерею. С каждой стороны находится ризница. Фактический вход в часовню осуществляется через двойную дверь, украшенную трилистником. Часовня состоит из двух пролетов с многоугольной апсидой. Вся она рифленая, а стены обшиты панелями в два этапа по всему периметру. Пять стрельчатых петель выходят на лицевую сторону башни, а два окна открываются в часовню из ризниц. Часовня стоит на крипте, также сводчатой.

Снаружи южной сторожки возведен своеобразный барбакан - полый квадрат из каменной кладки, имеющий вход с западной стороны. Это дополнение, предназначенное для того, чтобы портал не разбили граблями или не разнесли с наскока.

Описанная выше палата стоит отдельно внутри внешней палаты. Он восьмиугольный, симметричный или почти симметричный. На четырех главных углах, противоположных углам внутренней палаты, расположены четыре барабанные башни, задействованные на три четверти. От этих башен стены отходят наружу, образуя углы, из которых четыре, по одному напротив центра каждой стороны внутренней палаты, и таким образом освобождается место для привратников, часовни и противоположной ей башни. Каждый салиент увенчан барабанной башней, а на каждой из сторон, образующих салиент, находится башня меньшего размера. Всего башен двенадцать, три из них и одна угловая заняты иным образом. Внешние башни и куртины гораздо ниже и ниже, чем во внутренней части.

Ворот двое. Северные ворота, похоже, так и не были достроены, но их остатки очень своеобразны. В куртине находится главный портал, а с каждой стороны от него - по маленькому portalу или постерну. Снаружи находятся четыре смелых, но узких контрфорса, по одному с каждой стороны главных ворот и по одному с каждой стороны боковых ворот. Западный контрфорс имеет более смелый выступ, чем остальные, и, очевидно, в он предназначен для прикрытия и сокрытия вылазки из квартала, откуда валлийцы могли подойти с наибольшей вероятностью. Каждый контрфорс закольцован, два внутренних расположены так, что с боковых входов открывается вид на главный. Южный вход тоже своеобразен, у него есть своя сторожка и пристройка. Ворота, показанные на рисунке, имеют две башни на четырехугольных основаниях, которые возвышаются над вершинами барабанов, создавая прекрасный эффект. Эти внешние ворота выходят на морской берег. Позади, или на западе, находилась обнесенная стеной башня. С востока она была защищена шпорой - длинной куртеной, идущей от внешней стены замка к морскому берегу, большой толщины, пронизанной длинной галереей внизу и имеющей над валом проход, парапетный с каждой стороны. Проход петляет в каждую сторону и укреплен полукруглой башней на западной стороне. По-видимому, он заканчивался круглой башней, ныне демонтированной. Цель этой работы заключалась в том, чтобы прикрыть высадку припасов с моря и не дать врагу с восточной стороны подкрасться к берегу моря и застать врасплох замок или город. Отрог был пробит современной аркой.

На снимке с высоты птичьего полета замок виден с юго-восточной стороны. Показаны корень шпоры, внешняя часть башни-часовни со стрельчатыми окнами и окна большого зала. Был только один ров, который охватывал всю постройку и теперь засыпан.

Бомарис был построен, вероятно, около 1295 года, через двенадцать лет после казни принца Давида, и позже, чем Конвей, Кернарвон и Харлех. После покорения Уэльса он перестал иметь значение, и даже во времена правления Эдуарда II его не ремонтировали.

ЗАМОК БЕДФОРД.

На левом берегу Оуза, примерно в 50 ярдах от потока, в пределах города, но на его восточной окраине, находится все, что осталось от некогда знаменитого и очень сильного замка Бедфорд. Эти остатки, хотя и скудные и ограничиваются, или почти ограничиваются, земляными работами, очень заметны и имеют прочный характер, и, хотя слава замка зиждется на его приключениях в качестве норманнской крепости, есть основания полагать, что он имел более раннюю историю, и что большинство его нынешних реликвий относятся к тому более раннему и саксонскому периоду.

Главное сооружение - мотт или земляной курган, полностью искусственный, расположенный на гравийной равнине, через которую Оус прокладывает свой путь по широкой полосе среднего оолита. Этот круглый курган высотой около 15 футов и диаметром 150 футов на своей вершине, который идеально ровный, уже более полувека используется в качестве боулинг-грин. Склоны однородны и в меру круты, засажены деревьями и кустарниками. На северной стороне, наиболее удаленной от реки, вырыт котлован для ледяного дома, но он относится к современному времени и, похоже, не обнаружил никаких следов каменной кладки под поверхностью земли.

По направлению к реке и на запад, к городскому мосту, примерно в фурте над замком, земля совершенно ровная и обрабатывается под сад; но на севере и северо-востоке она довольно высокая, и здесь видны следы рва у подножия кургана, концентрического с ним и, несомненно, являющегося частью его обороны на этой слабой стороне.

Единственная каменная кладка, которая может быть старой, - это небольшой прямоугольный массив на южной стороне кургана, на котором сейчас стоит современный летний домик. Тряпичный камень, из которого состоит этот фрагмент, так быстро выветривается, что трудно судить о его возрасте, но, хотя он и может быть старым, его можно отнести к недавнему времени.

Учитывая положение кургана по отношению к реке, а также низкий и плоский характер земли вокруг него, очевидно, что большая сила этого места должна была исходить от Оуза, здесь глубокого и широкого, а также от земляных валов и рвов, заполненных из реки и сообщающихся с ней. Полное отсутствие каменной кладки и исчезновение всего, кроме следов окружающих берегов и рвов, о которых говорится в Хрониках как о некогда столь высоких и глубоких, полностью объясняется обстоятельствами, зафиксированными во время знаменитой осады Генрихом III.

Бедиканфорд, или Бедфорд, был хорошо известен саксам, и город, вероятно, имел саксонское происхождение. Здесь, недалеко от города, в 796 году был похоронен саксонский Оффа, король Мерсии, в часовне, давно снесенной паводковыми водами Оуза. В начале X века на город напала группа датских поселенцев из пяти бургов, которых отбили горожане, а вскоре после этого Эдуард Старший восстановил город и возвел то, что некоторые называют пригородом Миксгейт, а некоторые - крепкое место на южной стороне реки, возможно, прикрывающее "брод", что и послужило названием города. Бедфорд, несомненно, был важным городом при саксах и, как и Тамворт, Лестер, Уорем и Уоллингфорд, имел цитадель на одном из углов ограды, выходящей на реку.

Баронство, также называемое Бедфордским, было даровано Вильгельмом Руфусом Пейну, второму сыну, но в конечном итоге наследнику Хью Бошама, сподвижника Завоевателя, и, возможно, связанного с большим семейством этого имени, которое впоследствии владело графством Уорик. Хью получил множество поместий в Букингеме и около двадцати в

Бедфордшире. Пейн - предполагаемый строитель норманнского замка, который описывается как очень прочный, со рвами и земляными валами, и который перешел к его сыну Саймону, управляющему короля Стефана. Однако впоследствии семья выступила против короля, который, похоже, попытался отдать этот фьеф дочери старшего брата, вышедшей замуж за Хью, по прозвищу "Нищий", брата графа Лестера. Мило де Бошамп удерживал замок против короля Стефана в 1137 году. Осада длилась пять недель и велась с большой энергией. В конце концов замок был взят голодом. Автор "Gesta Stephani" описывает замок как мощное земляное укрепление, "editissimo aggere vallatum".

Симон де Бошамп владел замком во времена правления Генриха II и Ричарда I, вплоть до своей смерти, около 8-го года от Рождества Иоанна. Из Красной книги Казначейства следует, что он владел 36 и 5-10-ю рыцарскими гонорарами старого феодала и 8 гонорарами нового, все в баронстве Бедфорд. В его время замок, по-видимому, удерживался против Генриха II, поскольку во второй год правления этого короля, 1155-6, те бюргеры Бедфорда, которые находились в замке против короля, были оштрафованы на двадцать марок, за которые они отчитались в 1157-8 годах. В 1190 году Саймон оштрафован на 100 фунтов стерлингов за управление замком.

Уильям, сын и преемник Симона, описывается как лорд сильного замка Бедфорд, "капут" Чести. В конце правления Иоанна он участвовал в войне с мятежными баронами, а в 1215 году впустил их войска в свой замок. В результате он подвергся нападению известного Фалька де Бреоте и, не получив облегчения, был сдан в ноябре, после семидневной осады. Сам Джон присутствовал в Бедфорде трижды за этот год, в общей сложности в течение восьми дней. Он пожаловал Фальку конфискованную честь.

Фальк укрепил и удерживал замок до правления Генриха III, а затем опустошил страну ниже Чилтернса. Сначала он был сторонником молодого короля, но затем воспротивился его власти, и по просьбе его угнетенных соседей Генрих де Брайброк был послан в Данстейбл в 8-м году правления Генриха III, в 1224 году, для рассмотрения их жалоб, когда тридцать вердиктов были вынесены против барона, и по каждому из них были наложены штрафы в размере 100 фунтов стерлингов. В отместку Фальк похитил судью и поместил его в качестве узника в Бедфордском замке, обращаясь с ним очень унижительно. Его жена пожаловалась в парламент, находившийся в то время в Нортгемптоне, и король приказал ему выдать судью, но тщетно. Генрих, вероятно, был рад возможности подавить беспокойного подданного и, похоже, не терял времени на наказание за оскорбление. В июне 1224 года началась серия приказов, изданных самим королем и свидетельствующих о масштабности его подготовки к осаде и о том, с какой энергией он их продвигал. 22 июня Генрих лично прибыл в Бедфорд и находился там во время осады до 19 августа, почти два месяца. Приготовления были как масштабными, так и тщательными, а мандаты, которые всегда назывались срочными, были выданы огромному количеству шерифов и других лиц на юге и западе, вплоть до Корф-Касла и Сент-Бриавеля. В них требовались люди, деньги, задолженность по оброку, шнур, кабель, железо, сталь, шкуры, кожа для рогаток, бечевка для веревок, мангонели, петрари, балисты, кваррели, каменная дробь, каменоломни, каменщики, рудокопы, плотники, шорники, повозки для перевозки королевских павильонов, а также миндаль, пряности и имбирь для королевского зала. Все кузнецы в Нортгемптоне, умеющие ковать болты для кваррелей, или перо для них, должны работать день и ночь, пока не будут готовы и отправлены 4 000 штук. Большое количество вина из королевских запасов в Лондоне, Нортгемптоне и других местах должно быть быстро отправлено в Бедфорд. Рыцарям, несущим охрану замка в Ланкастере, отданы приказы: борзые отправлены на охоту. Шериф Бедфордшира должен снабдить каменотесов и каменщиков рычагами, молотками, булавами и клиньями, а также всем

необходимым для приготовления каменной дробы для мангонел и петрари. Шахтеры приезжают из Сент-Бриавелса, что в лесу Дин. Виндзор поставляет своего мастера-плотника и его помощников. Кембридж присылает шнур и кабель. Древесный уголь поставляется вместе с железом и сталью из Глостера, а соседнее аббатство Ньюэнхем не жалеет большого количества необработанного камня для переработки в дробь.

Подробная информация о поставляемых материалах зафиксирована в закрытых списках того периода. Подробности самой осады сохранили соседние монахи Данстейбла, из города которых, а возможно, и из монастыря, был доставлен судья, и чьи соотечественники играли важную роль в осаде. Король привел с собой архиепископа Кентерберийского и различных епископов и аббатов, в интересах которых ему было предоставлено по два человека с каждой хайды их церковных земель для работы на осадных машинах; помощь в размере "карукажа" или марки с каждого карука или плуга земли, находящейся в собственности, и 2 шиллинга с каждой земли, находящейся в аренде, - подарки, которые были защищены от прецедента специальной грамотой короля.

Фальк оставил брата терпеть нападение и обратился за помощью к землям графа Честера, Ранульфа Бландевиля. Однако граф был с королем, вместе с Питером де Рупибусом, епископом Винчестерским, Уильямом де Кантелупе, Брианом де Л'Айлем и Питером де Маулеем. Всех их заподозрили в недовольстве, и в результате граф и епископ покинули лагерь, хотя граф впоследствии был приведен епископом Честерским к исполнению своих обязанностей. Фальк оставался в Нортгемптоне, пока не бежал в Уэльс.

Осадные работы включали в себя на восточном фронте петрари и две мангонели, которые ежедневно били по противоположной башне; на западном фронте две мангонели били по старой башне; на северном и южном фронтах было по две мангонели, по одной на каждом, и каждая пробивала противоположную стену. Действиям этих семи орудий существенно способствовали две большие деревянные башни, достаточно высокие, чтобы окинуть весь замок, и поддерживаемые другими башнями поменьше, на которых находились лучники и арбалетчики. Кроме того, в замке имелся деревянный проход, известный под названием "кошка", с помощью которого рудокопы могли подрывать стену, а лучники расчищали бойницы наверху. Эти сооружения были густо покрыты шкурами, что делало их защищенными от огня; а прашники, которых было немало, вероятно, поддерживали общий и непрекращающийся ливень булыжников на всех, кто осмеливался показаться на валах.

Штурм был предпринят четырьмя энергичными атаками. Сначала был взят барбакан, при этом нападавшие потеряли четверых или пятерых человек. Затем удалось проникнуть во внешнюю палату. Это была работа людей из Данстейбла, и она сопровождалась серьезными потерями. В этом отделении хранилась большая часть боеприпасов, оружие, лошади и упряжь, крупный рогатый скот, бекон и живые свиньи. Здесь же сгорело много фуража, а также дома и сараи в приходе.

Далее шахтеры подрывали стену рядом со старой башней, которая обрушилась. Соппротивление здесь было упорным, многие погибли при проломе, а десять самых передовых нападавших были схвачены и унесены в глубь помещения.

Наконец, в бдение Успения, 14 августа, около часа вечерни, рудокопы, подорвав фундамент старой башни, выстрелили в подпорки. Стены раскололись, поднялся дым, и, не выдержав, гарнизон поднял королевское знамя и сдался, выслав де Брайброка с женой Фалька и другими женщинами. На следующее утро король вступил во владение городом. Вильгельм де

Бреоте и гарнизон предстали перед судом, а сам он и около восьмидесяти его людей были повешены через руку. Троице было позволено присоединиться к тамплиерам в Палестине, а капеллан замка был передан архиепископу в качестве духовной власти. Из записей следует, что остальной гарнизон спасся штрафами и конфискациями. Захват был значительным: сокровища, провизия и военное снаряжение. Генрих отправился в Кеместон 18-го числа, но уже 19-го был в Бедфорде, а 26 августа - в Данстейбле. Даже окрыленный успехом, он, похоже, не был суров к тем, кто не был в этом замешан. Алисе, вдове казнённого Уильяма де Бреоте, были предоставлены ее земельные наделы в Бедфорде и Камберленде. 19-го и 22-го числа Маргарет, жене Фалька, были пожалованы на пропитание поместья Хейфорд и Сабриджворт. Гилберту де Бреоте также было разрешено получить поместье; а Фальку, автору всех бед, было выдано двадцать марок на личные расходы по дороге в изгнание.

Сразу же после капитуляции Генрих разогнал осадные сооружения. Девятьсот четвертей, оставшиеся от 4000, были возвращены в Нортгемптон, а шерифу Бедса причитается оставшееся железо, уголь и т. д., собранные для осадных работ. Мангонелы и тяжелая артиллерия должны были быть разобраны на части и возвращены в Нортгемптонский замок. Также были произведены различные выплаты и выданы награды, в основном из конфискованных земель де Бреоте. Джон де Стэндон, королевский рудокоп из леса Дин, получил землю под Сент-Бриавелем.

Сам замок был слишком сильным и опасным, чтобы его можно было пощадить, и приказы о его разрушении были весьма масштабными и конкретными. В приказе от 20 августа, через пять дней после капитуляции, шерифу предписывается сровнять берега, засыпать рвы и выровнять поверхность внешней палаты. Он должен уменьшить мот, или курган, и стены внутреннего прихода на половину их высоты, а также выровнять три четверти старой башни в сторону собора Святого Павла, что на северо-западе. Камни должны быть разделены между Уильямом де Бошампом для его дома, церкви Святого Павла в Бедфорде и приорствами Колдуэлл и Ньюэнхем; но последнее должно получить большую долю, поскольку оно поставляло камни для выстрелов во время осады.

Пять дней спустя вышел еще один приказ, принуждающий к исполнению первого и предписывающий Генриху де Брайброку и Уильяму де Патешулле следить за его быстрым и точным исполнением. Также было указано, что Уильям де Бошамп может, если пожелает, построить на этом месте жилой дом и использовать уменьшенную стену внутренней палаты, но он не должен поднимать курган или стену на определенную высоту или укреплять ее. Он мог только возвести ее. Брейброк должен проследить, чтобы камень из обеих стен и кургана был распределен в соответствии с указаниями. 16 сентября шерифам Гертса, Кембриджа и Хантса было приказано прислать людей для помощи Брейброку и Пэйтшулле в работе по разрушению; они должны взять с собой инструменты и оставаться до тех пор, пока курган не будет понижен, а рвы засыпаны, как было приказано. Бошампу также было разрешено взять половину древесины из амбара и старой башни.

Так ушли в прошлое сила и слава замка Бедфорд, великой крепости на Оузе. Строил ли Уильям де Бошамп на этом месте, неизвестно. Он умер в 44 году Хен. III., и через несколько лет его имя исчезло, а баронство распалось.

Замок или его местоположение, вероятно, как место расположения суда манора, время от времени упоминается в "Inquisitiones post Mortem". Так, в 5 изд. II., Роджер Л'Эстранж, через Маргарет, свою жену, был захвачен "замок" и "место замка" Бедфорда; 1 изд. III., Джон де Моубрей был захвачен местом расположения замка Бедфорд и рыболовством в Оусе; и 40 изд. III., другой Джон имел судебный иск в замке Бедфорд; и 50 изд. III., Элизабет, жена

Джона Моубрея, владеет тем же замком. Также, 6 Рич. II., другой Джон Моубрей захватывает замок Бедфорд и баронство Бедфорд; и, наконец, 8 Неп. IV., Томас Моубрей, граф Маршалл, владеет Бедфордским замком на правах главного владельца, служа алмонером короля во время его коронации; таким образом, владения и привилегии, связанные с замком, оставались в силе еще долго после того, как сама крепость была снесена. Во времена Лиланда сохранилась замковая мельница - это великое свидетельство феодальных обычаев; он также упоминает "большой круглый холм" как нору для лис. В то время здесь не было никаких зданий.

По нынешнему виду видно, что мандат Генриха III был строго соблюден. Между курганом и рекой не видно следов рва, а сам курган настолько ниже, чем обычно бывает при строительстве сооружений такого диаметра, что можно предположить, что по крайней мере одна его половина была удалена и использована для засыпки рвов.

Из рассказа об осаде нелегко составить четкое представление о расположении частей замка. В замке было две палаты, и внешняя, судя по ее содержанию, должна была иметь значительную площадь. Он, вероятно, включал в себя внутреннюю палату и курган, и примыкал к реке. Барбакан вряд ли располагался на берегу реки или за пределами города и, вероятно, находился на северо-западе или рядом с церковью Святого Павла.

Внутренняя стена, вероятно, окружала курган с внешней стороны рва и была открыта для нападения, когда внешняя стена была взята.

Старая башня, взятая в последний раз, падение части которой заставило гарнизон сдаться, вероятно, была донжоном или панцирем, венчающим курган. Она относится к норманнскому периоду и поэтому вполне может называться старой башней, в отличие от пристроек Фалька и ремонта после осады Стефана. Таким образом, если принять это объяснение, замок Бедфорд имел панцирный замок или донжон на кургане, окруженный рвом и стеной, а затем еще одной стеной, на большем расстоянии, причем главные склады и жилища, как обычно, находились в этом большом или внешнем отделении. История замка Бедфорд и его осады - предмет подробной статьи покойного преподобного К. Х. Хартшорна, напечатанной в 1861 году.

ЗАМОК БЕРКХЭМПСТЕД, ГЕРЦ.

Замок Беркхэмпстед находится в приходе Беркхэмпстед-Сент-Питер, в графстве Хартфорд, и геологически расположен на нижнем мелу. Он расположен на меловом дне, на левом берегу реки Булборн. Между рекой и замком местность, естественно, низкая и болотистая, но сейчас она пересечена каналом Гранд-Джанкшн и Лондонской и Северо-Западной железной дорогой, которые, вместе с водотоком и вереницей дорог, отделяют замок от города.

К востоку и северо-востоку от замка земля круто поднимается в сторону Уайтхилла и Беркхэмпстед Коммон. К западу и северо-западу она поднимается более плавно в сторону Беркхэмпстед-плейс. Между ними, к северу, находится комб или почти сухая долина, занятая старым парком, называемым поместьем Беркхэмпстед, и в этой долине стоит замок, примерно в 400 ярдах от ее окончания в реке.

Составными частями замка являются курган, внутренний *энсинт* или палата, внутренний ров, второй *энсинт*, второй ров, третий *энсинт*, охватывающий только северную половину, равелин на западной стороне, и третий или внешний ров, также ограниченный северной половиной работы.

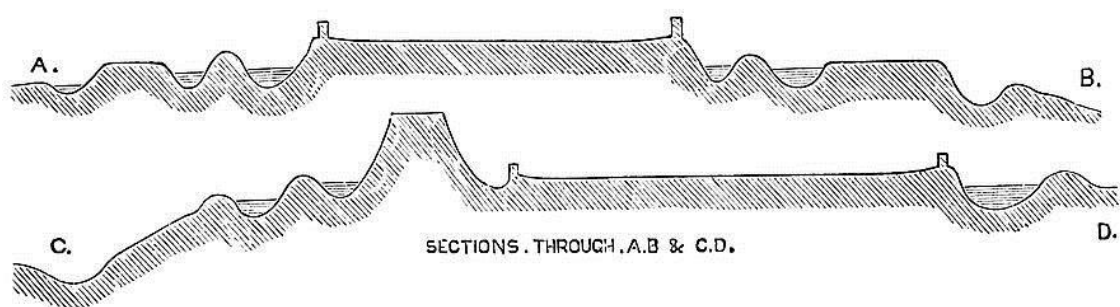
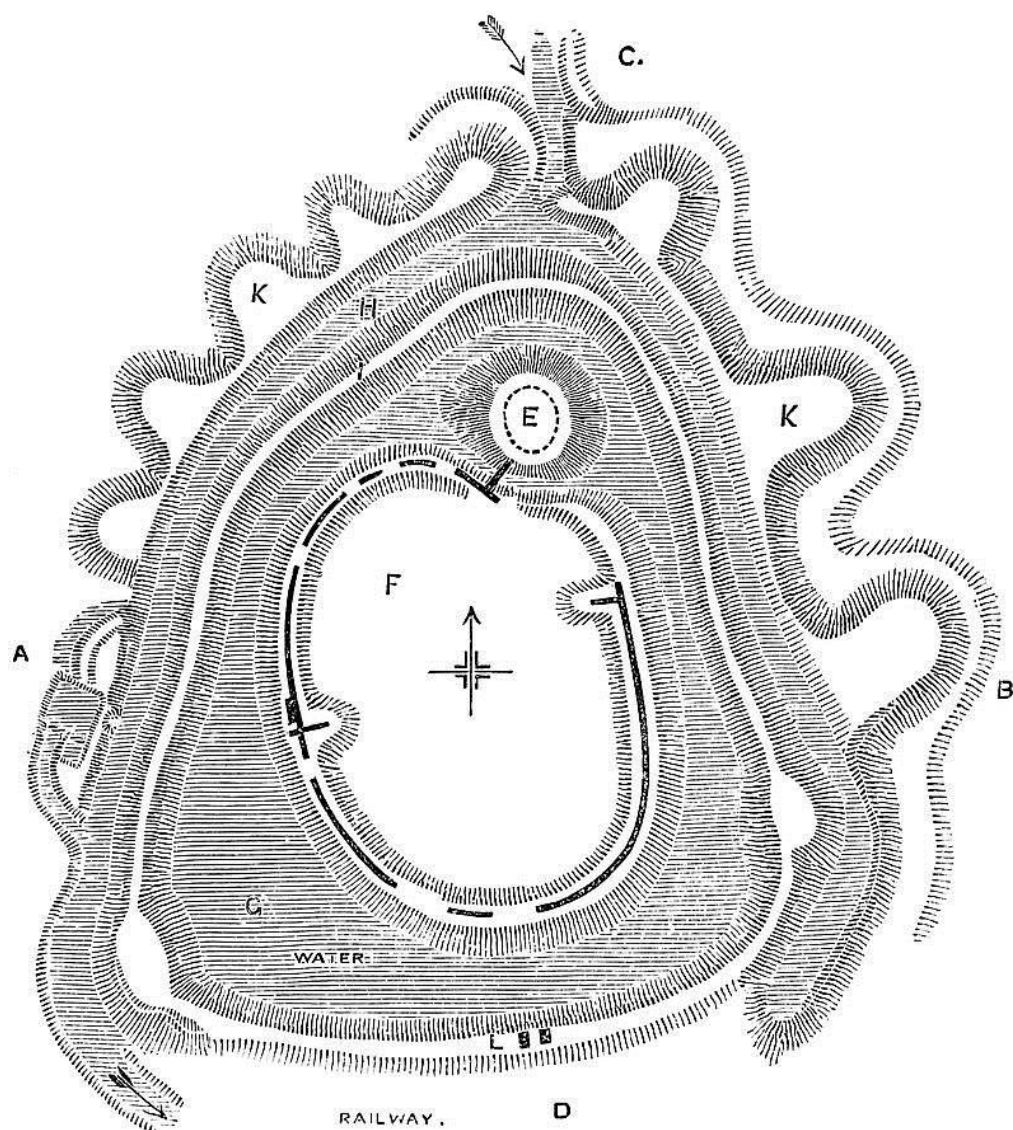
Курган полностью искусственный. Он конический, высотой около 60 футов и диаметром 40 футов в верхней части, с крутыми боками и мокрым рвом вокруг трех четвертей его окружности. Его вершина была увенчана круглой стеной толщиной около 8 футов, от которой сохранился только фундамент. С южной стороны от него возвышается куртина, сильно разрушенная, толщиной около 8 футов. Она начинается на уровне земли на вершине кургана и переходит во фрагмент стены *энсинта* внутренней палаты. Она, очевидно, соединяла эту стену с крепостью и, вероятно, как и в Тамворте, была обнесена парапетом по обеим сторонам вала. Она не была продолжена по дальней стороне кургана, который не был частью *энсинта*, а цитаделью, расположенной вне его, и связанной с ним только одной стеной.

Вероятно, первоначально ров кургана продолжался вокруг него и был просто пересечен стеной. Большая часть рва между курганом и внутренней палатой засыпана, вероятно, совсем недавно, так как сейчас идет процесс, цель которого - соединить ровное поле *энсинта* с курганом в целях развлечения.

Внутреннее отделение представляет собой овальное пространство, примерно 500 футов на север и юг и 300 футов на восток и запад. Оно окружено стеной толщиной около 7 футов и высотой около 20 футов, которая, возможно, была на 4-5 футов выше. На ней видны следы кренделей. Эта стена разрушена на части, но почти три четверти ее сохранились. Северный, противоположный кургану, конец вогнут, так как в него был врезан ров кургана. На западном торце сохранился фрагмент настенной башни, сильно изуродованной и, по-видимому, прямоугольной. В восточной части - два проема, один из которых, возможно, был столбом. В северо-восточной четверти поперечная стена, по-видимому, принадлежала хозяйственной постройке. Проем для главных ворот находится в южной части. Здесь нет следов башен, и, судя по стене, их никогда не было. Внутренняя площадка (*terre-plein*) ровная, без террасы у стены и без следов берега, на котором могла бы быть построена стена. Снаружи стены находится пространство шириной около 5 футов, за которым земля резко падает в сторону мокрого рва.

Внутренний ров проходит вокруг кургана и внутренней стены, представляя собой в плане непрерывный овал. Он глубокий и везде влажный, а местами открывается в бассейн. Так было там, где он выходил из рва, охватывающего курган, ныне частично засыпанного, и в юго-восточной четверти, где его переполнение вытекает в реку.

Снаружи, образуя контркарп этого рва, находится второй или средний *энсинт*. Это крутой и узкий берег шириной около 8 футов, имеющий примерно одинаковый уклон внутрь к внутреннему рву и наружу к внешнему. На протяжении северных двух третей берег очень однороден, но в юго-западной четверти он вздымается в небольшой курган или кавальер, диаметром около 22 футов в верхней части и высотой около 20 футов, рядом с которым земля была срезана, чтобы сделать современный вход. Напротив него, в юго-восточной четверти, находится другой, более крупный курган, около 30 футов в поперечнике и 25 футов высотой; в этом месте берег делает петлю наружу, что несколько нарушает симметрию его плана. Эти два кургана, очевидно, предназначены для фланкирования крайних точек внешнего берега.

Этот средний берег пронизан современной водопропускной трубой в его южной части, по которой уходят воды внутреннего рва; в нескольких ярдах к востоку берег пересекают две параллельные стены, расположенные на расстоянии 12 футов друг от друга, которые, очевидно, принадлежали к внешней части главного входа.

Второй или средний ров, также глубокий и влажный, очень регулярно огибает средний берег. В настоящее время он отсутствует с южной стороны на небольшом расстоянии, так как был засыпан и превращен в дорогу при строительстве железной дороги.

За пределами этого рва находится третий или внешний *энсинт*, крутой берег, который образует контркарп среднего рва и охватывает скорее северную половину замка. Его ширина составляет около 10 футов, а снаружи он укреплен восемью бастионами, также из земли, расположенными на расстоянии от 60 до 150 футов, и каждый из них, в верхней части, имеет ширину около 30 футов на 40 футов и округлую форму. Пять наиболее заметных из них, крутые и высотой около 20 футов, находятся на северо-западе. Небольшой ручей, впадающий с севера, перерезает линию, а к востоку от него, охватывая северо-восточную и восточную стороны, берег продолжается примерно на 580 футов, укрепленный тремя бастионами, которые, однако, низкие и не имеют той остроты, что остальные. Эти три бастиона почти не имеют рва, но остальные пять имеют у своих ног ров, который даже сейчас заболочен, и, несомненно, когда-то был грозной защитой. К западу от этого внешнего берега и вместе с ним, охватывая часть западной стороны замка, находится земляное сооружение весьма сомнительного характера. Его линии прямоугольные, есть ров, и он очень напоминает ранние рavelины, которые были распространены в пятнадцатом веке и не были неизвестны в четырнадцатом и тринадцатом.

Со рвом связан пруд, который, судя по всему, был мельничным прудом и рыбной ловлей. Несомненно, все эти обширные каналы были задействованы и питали мельницу, которая, как известно, была пристроена к замку.

В целом Беркхэмпстед представляет собой очень яркое и своеобразное укрепление. Городище, несомненно, было английским бурхом и, как это нередко случалось, имело собственные оборонительные сооружения. Внутренний *энсинт*, хотя и не был, как обычно, обнесен валом, был окружен крутым склоном и рвом, который, в сочетании с частоколом, был бы очень достаточной защитой. Вероятно, это и были все первоначальные постройки, и в их пределах вполне мог состояться знаменитый Беркхэмпстедский совет в 697 году. Две внешние постройки, по-видимому, более поздние. Внешняя, судя по ее бастионам, должна быть более поздней, чем Завоевание, а средний берег слишком мал по своей конструкции и слишком хорошо сохранился, чтобы иметь отдаленную древность. Но примечательно, что не осталось никаких следов, кроме внутренней стены *энсинта*, и совершенно очевидно, что другой никогда не было. Земляные сооружения, за исключением кургана, не могли нести стену, а если бы она и была построена, ее можно было бы заминировать и разрушить без особых проблем. Очевидно, эти берега были обнесены частоколом, и, вероятно, при тщательном изучении можно обнаружить следы кольев.

Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на наличие второй и третьей линии обороны, средняя или внешняя линия отсутствует. Эти линии обороны включают в себя только рвы, но не пространство, которое, каким бы узким оно ни было, всегда оставалось между стенами замков для сбора их защитников. Здесь гарнизон двух внешних линий должен был выстроиться в линию в непосредственной близости от крепостной стены, имея лишь пространство для прохода между ней и рвом в тылу.

Следует упомянуть, что земляное укрепление, состоящее из насыпи и рва и известное в округе как Гримсдаик, пересекает дорогу над городом, а в непосредственной близости от него находится несколько курганов. Земляные сооружения Беркхэмпстеда весьма своеобразны, но окрестности довольно богаты военными земляными сооружениями

кругового характера, среди которых на юге и западе можно упомянуть Бушвуд, Хоуридж, Чоулсбери и, на большем расстоянии, Кимбл.

Сохранившаяся кладка состоит из мелового кремневого щебня, залитого чистым белым раствором, и, вероятно, облицована крупным кремнем, отбитым, если не квадратным. Кое-где сохранились части облицовки. Эта работа может быть норманнской, а может быть и более поздней, хотя, скорее всего, не очень значительной. Примечательно отсутствие башен. Здесь вообще нет пепла. Несомненно, его убрали, когда строили Беркхемпстед Плейс, но его не могло быть очень много.

Беркхемпстед был резиденцией королей Мерсии и местом встречи совета магнатов, созданного в 697 году Вайтредом, королем Кента; а во времена Исповедника он принадлежал Эдмару, тэну графа Гарольда. Очевидно, это было сильное место, поскольку, когда Завоеватель отдал его своему брату Роберту, графу Мортейну, среди вассалов был некий "Фоссариус", в обязанности которого, должно быть, входила очистка крепостных рвов. Роберт, как говорят, укрепил его двойным рвом и валом, и он владел им по данным Domesday. Более того, при Завоевателе он был расширен до очень обширной чести, *капитулом* которой он и являлся. В Domesday названо поместье, но не замок.

Замок, по-видимому, принадлежал королю Стефану и Иоанну вместе с графством Корнуолл. Он пострадал во время войн Стефана, и в 1206 году Иоанн передал его Джеффри Фицпирсу, графу Эссекса, который перестроил или восстановил его и, возможно, возвел нынешние стены. Принц Людовик осадил и взял его в 1226 году. Атака велась с северной стороны, и замок продержался значительное время.

Ричард, граф Корнуолл и король римлян, брат Генриха III, удерживал его. Он писал своему брату отсюда в 1261 году и умер здесь в 1271-2 годах, как и его жена Изабель Марешаль в 1239 году. Его сын Эдмунд владел замком, городом и галимотом. В 1299 году замок был возвращен как не приносящий никакой арендной платы; но мельница и крепостные рвы были отданы в аренду для рыбной ловли за 20 с. в год. В замке была водяная мельница и парк с оленями. Замок был частью владений Маргариты Французской, второй жены Эдуарда I, умершей в 1317 году. Эдуард II передал его вместе с графством Корнуолл Гавестону, а Черный принц, будучи герцогом Корнуолла, получил от своего отца замок, поместье, виллу, парк и честь Беркхемпстеда, земли которого простирались в Герц, Бакс и Нортгемптоншир. Он был приведен в порядок для резиденции Иоанна Французского, и Черный принц находился здесь незадолго до своей смерти. Здесь же жил фаворит Ричарда II Роберт де Вере, маркиз Дублинский, у которого была лицензия на проживание. Здесь же умерла Сисели Невилл, мать Эдуарда IV.

Королева Елизавета сдала его в аренду сэру Эдварду Кэри, чей внук использовал его материал для строительства Беркхемпстед Плейс, после чего он сдавался в аренду разным лицам и в конце концов был продан Эгертонам, чей потомок по женской линии, граф Браунлоу, является владельцем прилегающего парка Эшридж.

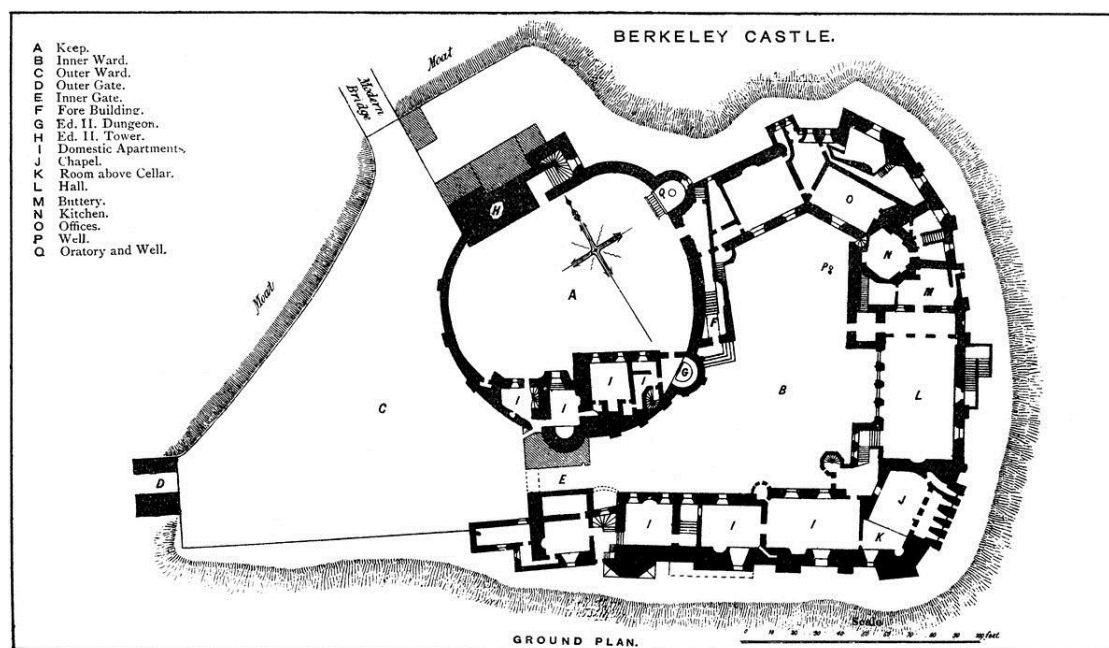
ЗАМОК БЕРКЛИ, ГРАФСТВО ГЛОСТЕРШИР.

Северн ниже Шрусбери, который на карте, кажется, обозначает естественный раздел между Англией и южной частью княжества Уэльс, на самом деле не является и никогда не являлся

разделительной линией. В этих краях она даже не является границей графства: Глостер, Вустер и Салоп расположены на берегу реки, а большая часть их территории находится на ее западном берегу. Если вернуться к шестому веку, когда западные саксы, начиная с побережья Хэмпшира и острова Уайт, сильно наседали на бриттов, то многие признаки все еще показывают, насколько стойким было сопротивление, пока земля была благоприятной; но, когда бритты перевалили через гребень Коттесволда, они, очевидно, стали быстрее отступать по открытой местности, и только после достижения возвышенности мы находим работы, которые в изобилии показывают, насколько ожесточенной была борьба, насколько близкой и упорной была атака. Возвышенности, образующие западный край Марчей, густо усеяны лагерями, расположение и облик которых указывают на то, что они английские, а прилегающие границы Глостера, Херефорда и Шропшира покрыты насыпными курганами, расположенными как в пределах дамбы Оффы, так и за ее пределами, которые показывают и масштабы английских завоеваний, и то, как они поддерживались до и в течение восьмого и девятого веков.

Норманны шли очень близко по стопам англичан, и хотя их крепости были более мощными и постоянными, они занимали, по большей части, древние места. Три графства, от граничащего с ними Чепстоу, родины Стронгбоу, до Клуна, колыбели дома Стюартов, были густо усеяны крепостями; одни, такие как Чепстоу, Годерик, Килпек, Эвиас, здесь брод, Ладлоу, Вигмор, замок Ричарда, Клеобури, Брамpton, замок Бишопа и Клун, были либо местами большой силы, либо принадлежали могущественным баронам; другие, как Св. Брайвелс, Уилтон, Пеньярд, Вобли, Крофт, Клиффорд, Уитни, Эардисли, Хантингтон, Линген, Хоптон, де Ботвуд, Сток-Сей или Уотлсборо, либо укрепленные дома или замки меньшей площади и меньшей силы. На линии реки Северн, в тылу у всех этих городов, было всего восемь важных крепостей: Бристоль, Беркли, Глостер, Хэнли, Вустер, Хартлбери, Бридженорт и Шрусбери, и из них Беркли был во многих отношениях самым примечательным и просуществовал дольше всех.

ЗАМОК БЕРКЛИ.

- А Замок.
- В Внутренний двор.
- С Внешнее крыло.

- D Внешние ворота.
- E Внутренние ворота.
- F Переднее здание.
- G Эд. II. Подземелье.
- H Эд. II. Башня.
- I Внутренние апартаменты.
- J Часовня.
- K Комната над погребом.
- L Зал.
- M Маслобойня.
- N Кухня.
- O Офисы.
- P Колодец.
- Q Ораторий и колодец.

Остальные замки либо представляют собой руины, либо вовсе снесены с лица земли. От Бристоля осталась только часть крипты. Глостер, Хэнли и Вустер исчезли. От Бридженорта осталась лишь часть замка, а от Шрусбери - фрагмент нормандской сторожки, сильно изменившиеся стены зала и, что еще древнее, курган, придававший характер всему замку. Беркли, напротив, был заселен с момента своего основания и по сей день. За исключением одного временного отчуждения в пользу короны, он всегда принадлежал одной семье, и он настолько мало изменен, насколько это соответствует современным обычаям и образу жизни.

Замок, церковь и город Беркли, входящие в сотню, которой они дали название, расположены на южной оконечности участка земли, который возвышается примерно на 50 футов над лугами к югу и западу, а сток осуществляется по руслу реки Литл-Эйвон, которая впадает в Пил или Крик Беркли, и таким образом достигает Северна, здесь расширяющегося в устье, южный берег которого находится на расстоянии около двух миль от замка. Замок стоит на южной оконечности возвышенности. В нескольких ярдах к северу от него находится приходская церковь с отдельно стоящей башней, а еще немного севернее - город, выросший под защитой своего лорда-соседа. Между церковным двором и замком проходит глубокий и полностью искусственный ров, пересекающий возвышенность, отсекающий и изолирующий последний, который защищает северную и западную стороны. На юге и востоке замок защищен естественным склоном, изрезанным и усугубленным искусством. Луга, на которых возвышается крепостной холм, немного возвышаясь над соседним Северном, раньше были обширным и почти непроходимым болотом, что значительно усиливало крепость этого места. Под влиянием мастерства и труда веков они превратились в травянистые луга большой красоты и плодородия и образуют очаровательный передний план замка. За ними - вязы и дубы, часто огромных размеров, расположенные в частых живых изгородях, а вдали на западе - Уэльские горы, а на востоке - близкий обрыв Коттесволда, то тут, то там покрытый процветающими плантациями.

Геологически город и замок стоят на Старом Красном песчанике, который в нескольких ярдах к востоку сменяется скалами Ладлоу, которые снова покрываются мергелями Лиас и Новый Красный, а в направлении Коттесволда - Нижним Оолитом.

Подобно Уорику, Виндзору, Арунделу и некоторым другим древним сваям, замеченным Шекспиром, -...

"There stands the castle by yon tufted trees,"

между его городом и парком, который сейчас, правда, разбит, но который простирался далеко на юго-восток и был пересечен длинной аллеей. Как и в Уорике, здесь есть олений парк, полностью отделенный от замка.

Главный подход к замку лежит через город, при выходе из которого дорога, минуя церковь, ведет к входу и пересекает ров по постоянному мосту, разводной мост которого был заменен Генри Лордом Беркли в 1587 году, а за ним и частично в нем находится *внешняя надвратная башня*. Это прямоугольное здание без особых достоинств, пронзенное порталом с низкой аркой на каждой грани. Проход имеет плоский свод из известкового туфа, а в венце свода - три квадратных отверстия, или *мортиры*. Верхнего этажа нет, как нет в настоящее время и фланкирующих башен или куртин. Ниже уровня проезжей части находится подвал, вход в который осуществляется из канавы, но, вероятно, когда-то он был засыпан землей. Эти ворота, возможно, относятся к декоративному периоду. Порткуллис отсутствует. Со стороны рва боковые стены моста выглядят оригинально и, возможно, были, как и в Годерихе, боковыми стенами, между которыми находилась яма для разводного моста.

Войдя во внешние ворота, посетитель оказывается на треугольной площадке, вершиной которой являются внешние ворота, а основанием - внутренние ворота и часть крепости; слева современная стена, заменяющая куртину, упирается в обрыв рва и образует северную сторону площадки длиной 66 ярдов. Справа низкий парапет длиной 54 ярда образует южную сторону и закрывает стену высотой около 10 футов, у подножия которой на древнем обрыве в хорошем вкусе разбит террасный сад. Эта треугольная платформа едва ли является внешним причалом: скорее это барбакан, прикрывающий главный вход и крепость. Его площадь составляет 7 750 квадратных ярдов. Не сохранилось никаких следов второго рва перед этой стороной крепости и внутренними воротами, но очень вероятно, что он был, хотя, если это так, он, должно быть, был засыпан, когда к крепости были добавлены дворы, так как в противном случае он бы полностью занял их.

Замок занимает около 35 ярдов, или более половины основания барбакана, и находится слева или к северу от ворот. Часть его была разрушена, и образовался большой пролом, показывающий, что внутреннее помещение на 22 фута выше уровня земли снаружи.

Внутренние ворота находятся в том же положении, что и в Алнвике. По правде говоря, это не обычные ворота, у них нет фланкирующих башен или *машикулей*, но входной проход пронзает возвышенную громаду зданий, которые соединяют домашние апартаменты с замком и завершают круг главного двора. Портал имеет ширину 11 футов и глубину 30 футов, а его крыша плоская и деревянная. Он имеет две опускающиеся арки. Справа находится дверь ложи, а внутренний арочный проем имеет полукруглый порт cullis groove. Выше расположены два этажа, через которые находятся двери, несомненно, современные, в замок. Вероятно, норманнский вход находился здесь, представляя собой просто отверстие в стене. Большая часть строения кажется декорированной с более поздними изменениями. К югу от ворот, между ними и юго-восточным углом, находится небольшое тюдоровское здание.

Ворота открываются в *Большой двор* замка - примерно прямоугольное пространство, в котором круглые ворота значительно выступают за северо-западный угол, а остальная часть пространства заставлена домашними постройками, возведенными против и полностью скрывающими высокий занавес.

Этот двор, который, собственно, и является замком, простирается на южную сторону на 60 ярдов, а на восточную - на 72 ярда, причем эти две стороны расположены почти под прямым углом. Северная и западная стороны составляют примерно 60 и 76 ярдов, но северо-западный угол занят крепостью, которая занимает около 40 ярдов северной и 42 ярда западной стороны, составляя часть *анфилады*. Здания выступают примерно на 30 футов, так что внутренняя и открытая часть двора значительно уменьшилась в площади. Куртина, изначально толстая, была укреплена снаружи, вероятно, в декоративный период, почти тридцатью широкими, толстыми и очень неуклюжими контрфорсами, некоторые из которых, вероятно, скрывают ранние нормандские пилястры, поскольку большая часть стены, несомненно, относится к этому времени. Некоторые из этих контрфорсов пронизаны петлями, что свидетельствует об огромной толщине стены.

При входе во двор слева находится высокая ровная стена замка с его передним зданием и наружной лестницей, поднимающейся к входу. Справа - домашние постройки, гостиные, спальни и т. д., простирающиеся до юго-восточного угла. Лицевая стена, хотя и сильно измененная и пронизанная тюдоровскими окнами, по сути своей кажется нормандской с большими декоративными переделками. В стене можно проследить остроконечные норманнские арки. Эти здания имеют подвал и два верхних этажа. Неясно, стоят ли они на своде.

Часовня занимает юго-восточный угол. Рядом с ней, вдоль восточной стороны, находится зал, а северо-восточный угол и северную сторону до самого храма занимают маслобойни, кухня и служебные помещения. В южной стене, рядом с воротами, но на уровне наружной земли, находится небольшой остроконечный дверной проем, вероятно, столб, и связанная с ним небольшая камера, примерно на 6 футов ниже уровня двора, сомнительного возраста, но со старым дверным проемом. У нее плоская крыша и деревянный пол, как в комнате выше: она заполнена баками современного погреба, и ее невозможно осмотреть.

Часовня, посвященная Богородице, стоит на своде большого погреба и имеет размеры 29 футов на 18 футов. В нее ведет современная дверь в северной стене, к западу от которой сохранились следы того, что, по-видимому, было первоначальным входом. У него довольно плоский апсидальный восточный конец с тремя гранями; ризница, фресковая камера, открывается в него на юго-востоке. С южной стороны находится внешняя стена, толщиной 14 футов; она пронизана фресковым проходом, своего рода нефом, на уровне пола, который открывается в часовню четырьмя листовыми арками, каждая из которых соответствует окну или петле в занавесе. Здесь находится небольшой украшенный писцина. У западной стены находится скамья, состоящая из двух ярусов, верхний из которых представляет собой закрытую галерею для семьи, открывающуюся из главных комнат.

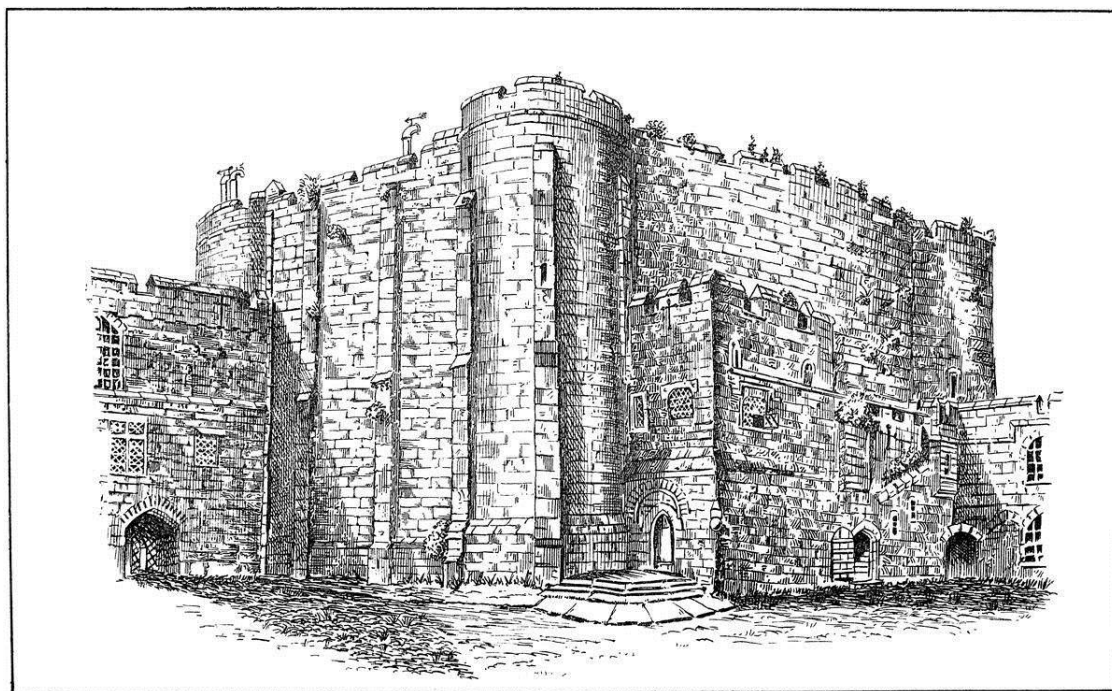
Крыша открытая, с очень низким углом наклона, с деревянными ребрами, поднимающимися от карнизов. Они, вместе с поперечными ребрами, делят крышу на большие панели очень любопытного характера. Стены часовни - норманнские, но крыша и фурнитура в основном украшены. Морис, лорд Беркли, 38 Эдуард III, получил от папы Урбана II буллу, дарующую определенные духовные привилегии всем, кто поклоняется здесь или в часовне в замке.

Подвал под часовней является частью первоначального замка. Его уровень немного ниже пола зала. В плане он представляет собой равносторонний треугольник со стороной около 40 футов. Его крыша сводчатая и рифленая в трех шестиугольных пролетах, выходящих из трех валов поздненорманнского характера. Девять треугольных сводов, примыкающих к стенам, завершают эту очень любопытную крышу. Отсюда открывается еще один свод, тоже подвал, расположенный ниже примерно на 5 футов. Он гораздо меньше и имеет ребристую и

сводчатую крышу. К сожалению, он используется как погреб и загроможден современной фурнитурой. В нем есть небольшое тюдоровское окно.

Из часовни и гостиной широкая деревянная лестница XVII века спускается в зал с южной стороны, где находится большой и красивый камин, вероятно, той же даты.

Зал имеет 32 фута в ширину и 61 фут в длину, и у него открытая остроконечная крыша. Он построен на уровне земли против восточного занавеса, который пронизан или был пронизан четырьмя окнами, тремя в зале и одним в масляном экране. Последнее - поздненорманнское, с тонкими фланкирующими валами. Три других - полноцентровые, с килевидной бусиной на углу и внутренней капельницей. Они кажутся декорированными и, несомненно, заменяют нормандские петли. В западной, или придворной, стене находятся четыре больших и высоких окна с плоским верхом и несколько своеобразных окна по два света в каждом, разделенных на четыре части тяжелой фрамугой. Верхние - с трилистником, нижние - с плечиками. Между каждой парой, снаружи, находится треугольный контрфорс. Вход со двора находится с западной стороны, в северном конце, у красивого и просторного крыльца, сводчатого и желобчатого. Наружный дверной проем представляет собой арку, состоящую из четырех довольно простых прямых сторон, частей восьмиугольника, похожую по очертаниям на арку над гробницами Беркли в Бристоле, известную как арка Беркли. Она повторяется с добавлением орнамента во внутреннем дверном проеме, который открывается в узкую полосу зала, отрезанную ширмой. Слева, в торцевой стене зала, находятся три прекрасные арки Беркли, открывающиеся в бабочки, центральная из которых раньше была дверью. Над этим проходом, высоко вверху, находится небольшая музыкальная галерея, вероятно, относящаяся к эпохе Тюдоров или даже более поздней. Крыша зала плохо сохранилась, но говорят, что она относится к четырнадцатому веку. Несомненно, это первоначальный норманнский зал, перестроенный в отношении придворной стены в Декорированный период.

Wyman & Sons, G^t. Queen St. Лондон.

ЗАМОК БЕРКЛИ - КРЕПОСТЬ.

Из зала.

В зале размещены, не без умысла, ранние хартии семьи, защищенные стеклом. Возможно, однако, учитывая их исключительную ценность, связанную с замком, было бы безопаснее вернуть их в комнату муниции, а для публичного показа заменить фотографиями.

На севере, за нижним концом зала, находятся маслобойни, кухня и кладовые, последние - против занавеса. *Кухня* представляет собой неправильный шестиугольник, в среднем 13 футов 6 дюймов в стороне. В трех длинных сторонах есть углубления для камина и вытяжки над плитами. Первоначальные двери находились в маслобойне с одной стороны и в буфетной с другой, а два окна выходили во двор. Крыша открытая, очень простая, тяжелая и бедная, и очень высокая. Говорят, что она была привезена из поместья Вуттон и поставлена здесь Генрихом VII. Коптильня и т. д. занимают северо-восточный угол двора и, как и соседние палаты, имеют неправильную форму, подчиненную общим очертаниям замка. Кладовая, молочная и т. д. находятся против северного занавеса, а из пекарни современный сводчатый проход ведет к древнему колодцу, который находится во дворе. Печь находится в северо-западном углу, и два смелых каменных ребра с перепадами пересекают камеру и укрепляют ее сводчатую крышу. Все эти помещения образуют первый этаж и несут на себе верхний. Их фасад, обращенный ко двору, кажется, был модернизирован, но по сути они являются декорированными, со значительными остатками более древней норманнской кладки.

Кипер - самая интересная часть этого весьма примечательного замка, поскольку он представляет собой панцирный кипер известной даты. Она почти круглая, около 50 ярдов в диаметре, а толщина стены составляет около 8 футов, что сокращает ее внутреннюю площадь до 45 ярдов. Земляной пол примерно на 22 фута выше наружной поверхности, а высота стены внутри составляет 40 футов, снаружи - 62 фута, причем нижние 22 фута - очень толстые. По ее контуру расположены три полукруглые выступающие башни или бастионные башни, диаметром 20 футов, высотой с занавес, который, по-видимому, был открыт сзади или закрыт только деревом. Одна из них выступает на восток и упирается в северную куртину замкового двора. В его основании находится колодец под бочкообразным сводом, а выше, опираясь на него, - ораторий, посвященный святому Иоанну Крестителю. Западная или торцевая стена оратория и ведущая к ней наружная лестница - современные.

В настоящее время ораторий используется в качестве комнаты для приема пищи. Церковные элементы сильно повреждены и затемнены. Восточный конец является полукруглым, здесь сохранились остатки фланкирующих валов нормандского восточного окна и небольшой писцины. Судя по всему, она была сводчатой.

Вторая полукруглая башня находится на расстоянии 64 футов от первой и выступает на юг, во двор, прикрывая внутреннюю сторону входа и подход к крепости. В ней, ниже уровня земли, но не намного ниже уровня двора, находится круглая темница глубиной 25 футов, в которую, как говорят, был окончательно заточен Эдуард II.

Третья башня находится в 50 футах от второй и выступает на юг. Здесь также недавно была обнаружена камера, несколько похожая на уже упомянутое подземелье, также не сводчатая и очень грубой кладки, как будто просто фундамент, предназначенный для заполнения землей. Эти две последние башни перекрыты более поздней кладкой, первая - внутри, вторая - как внутри, так и снаружи, поскольку она выступает в здания ворот. Поскольку эта

башня никогда не должна была быть скрыта, можно сделать вывод, что крепость была построена до возведения стены внутреннего двора.

Кроме этих трех полукруглых башен есть еще четвертая, прямоугольная и гораздо более крупная, на севере, составляющая часть внешней линии обороны. Она известна как башня Торпа, и говорят, что семья с таким именем удерживала свое соседнее поместье Уэнсвелл благодаря ее обороне. Длина этой башни составляет 64 фута, а глубина - 17 футов. Она составляет часть куртины, имея очень небольшой внутренний выступ. С каждого конца она расширяется в квадратную башенку, западная - 17 футов, восточная - 20 футов. Считается, что западная башенка и тело башни цельные, что очень маловероятно. Не исключено, что они были засыпаны землей, чтобы увеличить силу сопротивления, когда замок били с церковного двора. Восточная башня содержит квадратную колодезную лестницу из пятидесяти четырех ступеней, которая ведет на бойницы и имеет на своем пути фресковую камеру. Вход на эту лестницу ведет через оригинальную арку, расположенную по центру и частично перекрытую. Эта башня несколько выше куртины, с которой она не сообщается. Говорят, что первоначально она была выше на несколько футов. Даже в настоящее время это самая высокая часть замка, и именно здесь вывешено родовое знамя. Ниже и за пределами этой башни, на севере, находятся несколько современных офисов.

Между башней Торп и Колодезной башней в стене видны очертания углубления для петли, а над ним - сегментная арка и норманнская лепнина, ныне закрытая. Всю южную сторону хранилища занимает здание длиной около 80 футов и глубиной от 20 до 30 футов. Несомненно, часть этого здания может быть оригинальной, но самая заметная часть явно современная и, к сожалению, не на своем месте. Она закрывает заднюю часть двух южных полукруглых башен, которые, таким образом, не видны изнутри.

Вход в этот замок необычен. Обычно, как в Тамворте, Линкольне, Йорке, Кардиффе и Арунде, вход в раковинный замок располагался на уровне земли, а в прямоугольный, как в Касл-Ризинге и Дувре, - на первом или втором этаже. Здесь, однако, оба условия, можно сказать, выполнены, поскольку, хотя вход находится на уровне земли внутри крепости, он занимает всю высоту второго этажа над землей снаружи, и эта высота достигается с помощью наружной лестницы, охраняемой средними и нижними воротами, а над последними - обычной башней. Эта передняя постройка характерна для прямоугольных замков, но не встречается в других замках-раковинах. В данном случае *передний корпус* имеет 72 фута в длину и относится к юго-восточной стороне замка, или к той, что находится внутри двора. Ширина варьируется от 15 до 10 футов. Пять ступеней поднимаются к его внешним воротам, представляющим собой большой арочный проем с полным центром, заключенный в простую фасонную лепнину. Поскольку дверной проем был завален и уменьшен в размерах перпендикулярной работой, его косяки скрыты или, возможно, были удалены. Внутри находится сводчатый проход, проходящий через ворота-башню площадью 15 футов с верхним этажом. От дверного проема двадцать четыре ступени поднимаются на открытую площадку, с правой стороны которой находится высокий и пробитый парапет, а с левой - стена крепости. У лестничного проема справа находится выступ, который служит проходом на верхний этаж через шлюз. Это небольшая камера, освещенная двумя окнами и стрельчатой петлей. Два больших окна и дверь относятся к эпохе Тюдоров, как и вся комната; но если это так, то это перестройка, поскольку первоначальная башня должна была быть построена по тому же образцу. В комнате стоит старинная кровать и висят несколько рукоделий или гобеленов, очень ранних, но вряд ли относящихся к эпохе Эдуарда II, чьими покоями, как считается, была эта комната.

Чуть дальше от лестничного проема, справа и слева от стен, видны фальцы средних ворот, а впереди, в стене башни Оратория, - лепнина крыши. Отсюда следует, что лестница, как и в замке Ризинг, была покрыта по всему периметру.

Главный вход в крепость открывается с площадки у лестницы. Это красивый полноарочный дверной проем с закрытым тимпаном и плоской головкой. Он был обрамлен богато украшенными валами, один из которых сохранился. Этот портал открывается в сводчатый проход в стене храма и входит в него под оригинальной аркой, украшенной нормандской лепниной. Косяки обработаны очень смелым шевронным узором. С наружной площадки узкая лестница ведет на бойницы куртины над пекарней, но это может быть дополнением, так как обычно каждая часть норманнского замка была завершена сама по себе и не имела прямой связи с другими частями крепости. В стене есть еще одна, параллельная лестница, но открывающаяся наружу и ведущая в комнату над пекарней. Она не является оригинальной.

Замок построен из очень грубой бутовой кладки. На двух частях его фасада находятся девять узких и неглубоких пилястр: три в направлении барбакана и шесть между внутренними воротами и передним корпусом. Стена храма имеет грубый цоколь, не имеющий ни отмокты, ни завязки. Очевидно, что здесь, как и в Йорке, и в других раковинных крепостях, были жилые помещения с верхним этажом, расположенные по кругу у стены с открытой площадкой в центре. Вероятно, они были деревянными. В части крепости, обращенной к барбакану, есть пролом шириной около 40 футов до уровня внутреннего пола. Говорят, что эта часть стены была частично разрушена во время атаки генерала Мэсси, а затем расширена до нынешнего состояния, как в Кенилворте, скорее из соображений благосклонности, чтобы сделать замок непригодным для жизни, не повредив его как жилище. Если бы замок был взорван, как обычно, порохом, он предстал бы в совершенно ином свете.

Если бы каменная кладка замка Беркли была удалена, как в Килпеке или Эвиас-Харольде, его остатки представляли бы собой земляной курган, к которому с трех сторон была бы пристроена платформа, окруженная рвом или откосом. По сути, это насыпной курган с пристроенной платформой, очень распространенный в Англии, в Уэльских маршах и в Нормандии, и напоминающий такие постройки, как Тамворт и Таустер, даты которых указаны в англосаксонской хронике. Таким образом, напрашивается вывод, что Беркли был резиденцией английского лорда, вероятно, начиная с девятого века. Если бы крепость была исконно норманнской, вряд ли можно предположить, что для ее строительства была выбрана форма раковины, или что, если бы она была выбрана, ее нижние 22 фута были бы засыпаны землей. Очевидно, норманнский строитель, обнаружив насыпь небольшой высоты, но значительной ширины, возводил вокруг нее панцирь, как в Понтефракте, в качестве укрепительной стены, и на нем, когда вершина насыпи была свободна, поднимал завесу. На более низком уровне, вдоль обрыва существующего рва, он или его ближайший преемник возводил стены, которые, как тогда, так и сейчас, содержат весь замок.

Все основные стены замка либо норманнские, либо перестроены на норманнском фундаменте, либо почти такие же. Вероятно, сначала была построена крепость, а вскоре после этого был обнесен двор. Много было сделано в декоративный период. Внутренняя стена зала, по крайней мере, была перестроена, а сам зал, возможно, расширен. Крыльцо было пристроено, часовня значительно изменена, а домашние постройки, возможно,

выпотрошены и перестроены. Генрих VII, когда им владел, кажется, сделал несколько незначительных переделок, и другие были добавлены с тех пор.

Беркли - редкий пример поместья, которое по мужской линии ведет свое происхождение со времен правления Стефана, а по женской - со времен норманнского завоевания. Первый представитель последнего рода записан в Domesday как лорд Беркли; первый представитель первого рода также записан там, хотя и как владелец других поместий. Немногие, если таковые вообще имеются, из наших старейших семей могут сказать с правдой столько же, но, кроме того, владение Беркли было "per Baroniam", и со времен Завоевания они были баронами королевства, сначала по владению, а когда, в царствование Генриха III, владение вышло из употребления, то по писанию; но по тому или иному праву они всегда заседали в великом совете нации.

Нет никаких оснований полагать, что римляне имели какое-либо поселение в Беркли. Их лагеря и виллы часто встречаются в окрестностях, через которые проходили римские дороги, но об их присутствии в самом Беркли нет других свидетельств, кроме того, что две главные улицы города пересекаются в его центре под прямым углом, на римский манер.

Однако есть свидетельства того, что в восьмом веке в Беркли был религиозный дом. Тилхер, епископ Вустера в 778 году, похоже, ранее был аббатом Беоркли, как и Этельдун, его преемник в Вустере в 915 году. Таннер считает, что семья в Берклиа, упомянутая в актах синода в Кловшо в 824 году, может относиться к здешнему религиозному дому. Здесь также находился женский монастырь, поскольку грамота Аделизы, королевы Генриха I, дает церкви Рединга Беркли Херн, то есть церкви Беркли с приложенными к ней пребендами и пребендами "duarum monalium", что, по-видимому, относится к женскому монастырю. Камден говорит, что женский монастырь был подавлен графом Годвином в царствование Исповедника, и сохраняет скандальную историю об этом, которая получает некоторую поддержку из любопытной записи в Domesday, откуда следует, что Гифа, жена Годвина и мать Гарольда, получила Ульцестре, близ Беркли, от своего мужа, который купил его у Азора, чтобы она могла жить там, пока не переедет в Беркли. "Nolebat enim de ipso manerio aliquid comedere pro destructione abbatiae".

В "Domesday" Беркли фигурирует как королевское поместье и свободный район, который был во владении Исповедника, принадлежал Вильгельму, но перешел к нему от Роджера, который с тех пор назывался Беркли. Он был главой сока или баронства, поскольку к нему примыкали "берейторы", или члены, в двадцати одном соседнем приходе. Замок не упоминается, но в Нессе, вероятно Шарпнессе, находился кастеллум, или кастеллет, на который претендовал тот же Роджер. Его владения в Liber Niger указаны как 2½ рыцарских гонорара. Он щедро одарил приорство Стэнли и умер там в 1096 году. Его преемником стал племянник Уильям, у которого был сын Роджер, отец Роджера, все они владели Беркли и обозначались этим именем. Этот последний Роджер был приверженцем короля Стефана и был изгнан из Беркли Генрихом, который отдал Беркли Роберту, сыну Хардинге, препозиту Бристоля, который умер в 1170 году, 16 Генриха II, в возрасте семидесяти пяти лет, оставив Мориса Фицхардинга, своего сына. Чтобы утихомирить вражду между лишенным владений и новым лордом, Генрих заключил двойной союз: Елена, дочь Фицхардинга, была выдана замуж за сына Роджера де Беркли, а Алиса, дочь Роджера, - за Мориса Фицхардинга Беркли. В результате старые Беркли вернулись в свое поместье Кьюберли и окончательно вымерли, а Фицхардинги вместе с поместьем стали носить фамилию Беркли, и так продолжалось до сих пор. В то время поместье или лордство, иногда называемое честью Беркли, включало в себя более тридцати приходов и простиралось на большую часть сотни. Оно оценивалось в 160 шкур, а главная рента составляла 70 фунтов стерлингов.

Генрих, на момент дарения, был всего лишь герцогом Нормандии, причем слабым, а Фицхардинг - важным человеком; поэтому герцог относится к нему как равный к равному и вместе с поместьем дает обещание построить ему замок по своему вкусу. "Et repigi ei firmare ibi castellum secundum voluntatem ipsius Roberti", и, с другой стороны, Роберт обещает быть сеньором Генриха. Генрих посетил Беркли в 1155 году, когда, несомненно, было начато строительство нынешнего замка. Грамота Генриха прекрасно сохранилась и хранится в Беркли.

Другая грамота Генриха, когда он был королем, также сохранившаяся там, подтверждает Роберту Фицхардингу поместье Беркелей-Хернесс службой одного рыцаря или, если он предпочитает, 100 шиллингов в год. Третья грамота - почти копия второй, но в ней говорится о службе в пять рыцарей, а о составе ничего не говорится. Существует также грамота, напечатанная Дагдейлом, в которой Роберт Фицхардинг дарует определенные церкви церкви Святого Августина в Бристоле. Это самые ранние документы, подтверждающие титул семьи. Церковь Святого Августина была основана этим Робертом в 1142 году, а освящена в 1148 году. Он умер в 1170 году.

Считается, что Морис, сын Роберта, вырыл ров между замком и церковью. Вероятно, он его углубил. Также считается, что именно он построил внешнюю часть замка, включая две сторожки, как у короля Генриха. Он умер в 1189 году.

Роберт, его сын, носил фамилию Беркли. Он воевал против Джона, который удерживал замок с 1211 года до своей смерти в 1216 году. Лорд Роберт умер в 1220 году. Его брат, лорд Томас, принял здесь Генриха III в 1220 году. Он умер в 1243 году. Морис, его сын, принимал здесь принца Эдуарда в 1256 году. Он увеличил свои владения и, как говорят, укрепил замок. Томас, его сын, шестой лорд, был отличным солдатом и служил при Бэннокберне. Он умер в 1321 году. Морис, его сын, участвовал в войне против Деспенсеров и был заключен королем в тюрьму до своей смерти в 1326 году. Эдуард захватил замок, который удерживали Деспенсеры. Лорд Томас, его сын и преемник, принял здесь Эдуарда II в качестве пленника, 15 апреля 1327 года, и здесь же, по-видимому, король был убит Мальтраверсом и Гурнеем, 21 сентября 1327 года. За молитвы за его душу в замковой часовне взималась плата в Казначейство.

Лорд Томас владел замком с 1326 года до своей смерти в 1361 году. Он сражался при Кресси и Пуатье и, вероятно, заработал деньги на войнах, так как, по слухам, он произвел большие перестройки в замке, и, вероятно, зал и декоративные работы в целом - его рук дело. Считается, что он построил башню Торп. Возможно, он ее и возвел, но, судя по всему, она такая же старая, как и замок. Арка Беркли, которую можно увидеть в большом совершенстве в церкви Святого Августина, ныне Бристольский собор, а здесь она представлена, как и положено, в более простом виде, приписывается Ноулу, аббату церкви Святого Августина, с 1306 по 1332 год. Беркли были тесно связаны с монахами собора Святого Августина, и один и тот же архитектор мог быть нанят обоими.

Другой Томас, внук первого, принимал здесь Ричарда II в 1386-7 годах. Именно этот лорд Беркли упоминается в "Ричарде II" Шекспира, когда замок описывается как.

"В нем триста человек, как я слышал,

И в нем находятся лорды Йорк, Беркли и Сеймур".

Лорд Томас объявил о низложении Ричарда в парламенте в 1399 году. Джон Тревизский, чьи переводы из Апокалипсиса до сих пор можно увидеть на ребрах крыши часовни в Беркли,

был викарием этого прихода при жизни этого лорда. Лорд Томас оставил только дочь, выданную замуж за Ричарда Бошама, графа Уорика, который упорно, но тщетно пытался вытеснить наследника Джеймса де Беркли. Лорд Уорик появился в замке в 1418 году с вооруженным отрядом, и его наследники предпочли судебный процесс, который длился 150 лет, сменяясь периодическими сражениями, одно из которых, известное как битва при Нибли Грин, привело к разрешению спора, лорд Лисле, претендент, был убит в поле Уильямом лордом Беркли. Уильям, следующий лорд, был создан графом Ноттингемским Ричардом III. и маркизом Беркли Генрихом VII. В обмен на это он отчуждил поместье от своего брата и наследника мужского пола в пользу последнего короля и его наследников мужского пола, и Беркли не вернули его до смерти Эдуарда VI. и прекращения королевской мужской линии, когда замок был возвращен Генрихом, который возобновил титул Беркли, после отчуждения в течение 61 года 4 месяцев и 20 дней.

Считается, что Генрих VII возвел кухню, но, скорее всего, он лишь накрыл ее новой крышей.

Во время парламентской борьбы лорд Беркли, по-видимому, был умеренным роялистом, имея сильных друзей среди парламентских лидеров. В 1642 году он был сдан подполковнику Артуру Форбсу, представлявшему парламент, но не был разграблен, и даже оружие, находившееся в нем, не было изъято. Вероятно, этой умеренностью злоупотребили, так как 24 сентября 1645 года, будучи удерживаемым сэром Чарльзом Лукасом, он был взят штурмом со стороны церковного двора полковниками Рейнсборо и Морганом, а солдаты получили свободный грабеж. К счастью, в момент победы пришел срочный приказ о походе войск на помощь Фэрфаксу, и тогда грабеж был оплачен по 5 фунтов за голову. Унесенные вещи были найдены и возвращены, а главные беды, похоже, были связаны с муниципальной комнатой, где были разорваны и изуродованы хартии и документы на право собственности. В 1646 году флигели были разрушены, а оружие, боеприпасы и разводной мост перевезены в Глостер. Вероятно, большой пролом был проделан рабочими, занятыми на земляных работах, что объясняет аккуратную манеру, в которой была вырублена стена.

Джордж, лорд Беркли, был создан в 1679 году Карлом II, виконт Дурслей и граф Беркли, титулы сохранились до сих пор.

ЗАМОК БОДИХЭМ, СУССЕКС.

Примерно в четырех милях ниже древнего приорства Робертсбридж и в четырнадцати, по своему извилистому руслу, выше слияния с морем у старинного порта Рай, Ротер, значительная река Сассекса, принимает с севера важный приток, известный как Кентский ров, и, время от времени, является границей двух графств. Воды встречаются под косым углом, и между ними находится возвышенный мыс, сужающийся и постепенно понижающийся к месту слияния, на котором расположены церковь, деревня и замок Бодихэм.

Кто был Боди, или Боде, чей дом был здесь основан, неизвестно. Очевидно, он был саксом, и, судя по расположению его поместья, вероятно, раннего, давшего имя, возможно, урочищу, отвоеванному с оружием в руках у бриттов. Хэм - очень распространенное

окончание собственных названий мест, сочетающееся с Херстом, Деном, Леем и другими менее частыми, но столь же саксонскими обозначениями.

Церковь стоит на возвышенности, немного севернее центра мыса, замок находится примерно в 600 ярдах к югу от нее и примерно на половине расстояния от Ротера, на высоте около тридцати футов над его уровнем. Ротер, как здесь, так и ниже, пересекает широкие участки низины, ныне плодородного луга, но в прежние времена, очевидно, недоступного болота. Поэтому место между этими двумя потоками с их болотистыми берегами было защищено природой с юга и востока, то есть с той стороны, откуда после полного изгнания бриттов и в ранний саксонский период, в основном и исходила опасность.

Ранние лорды, как саксонские, так и нормандские, давшие название Бодихаму и производящие от него свои имена, разместили свои владения на северной стороне возвышенности, недалеко от церкви и на правом берегу Кентского рва, где до сих пор сохранились земляные укрепления и ров. Ближе к церкви, но к югу от нее, на склоне холма, выше нынешнего замка, находятся остатки еще одного земляного сооружения, прямоугольного и продолговатого по форме, вероятно, это место либо ранней резиденции, либо еще более раннего лагеря.

Ниже этого холма, на южном краю и в пределах склона, лорду Бодихама, ставшему таковым в результате брака с его наследницей, было угодно основать новую резиденцию. Сэр Эдвард Далингруж, успешный солдат из грубой школы Черного Принца и его капитанов, среди которых его непосредственный начальник, сэр Уильям Ноллис, был одним из самых грубых, занимавший доверенные должности при Ричарде II, решил построить здесь замок, соответствующий его званию, богатству и военной славе; и, получив королевскую лицензию в 1385-6 годах, он построил за огромные деньги, как земляные, так и каменные работы, замок, описанный здесь.

Бодихам - здание, представляющее большой интерес. Это полноценный и типичный замок конца XIV века, заложенный полностью на новом месте, построенный по одному проекту и в один период. Нечасто случается, чтобы большая крепость была полностью оригинальной, одной, причем известной, даты, и настолько полностью свободной от переделок или дополнений. Кроме того, она попала в хорошие руки. Было сделано достаточно, но не слишком много, чтобы остановить влияние времени и погоды. Ремонт был выполнен хорошо, из камня Вадхерст, подходящего материала; и, хотя за ним хорошо следят, он открыт для всех, кто желает его посетить.

В плане и деталях Бодихам относится к раннему перпендикулярному стилю и занимает среднее положение между Каэрфилли, построенным в конце XIII века, и Врессилом, который всего на несколько лет позже Бодихама по времени, но гораздо позже по стилю и обустройству. Как и у этих замков, у него нет крепости, а домашние здания построены внутри и у стен двора, но если Каэрфилли, как Харлех и Ледес, концентрический и имеет узкую внешнюю часть, то Бодихам и Врессил, как Болтон, имеют только одну часть, одну линию обороны, и являются лишь прямоугольными корпусами с мощными и высокими куртинами, фланкированными еще более высокими башнями с фресками. Пеннард в Гоуэре, хотя и относится к периоду правления Генриха III или его сына, в небольшом масштабе представляет собой тот же общий тип, что и Бодихэм.

Кроме прилегающей реки и болота, непосредственное место Бодихама не имеет никаких природных преимуществ. На склоне земли, примерно в 30 футах над уровнем реки, было выбрано нечто вроде платформы, и в ней был вырыт прямоугольный бассейн, размером 180 ярдов на север и юг, 117 ярдов на восток и запад, и глубиной около 7. С востока берег был

полностью искусственным, сформированным из вырытого материала, как и прилегающие части на севере и юге. Оставшаяся часть южного берега также была слегка приподнята.

С западной стороны, у северного конца, к котловану спускалась небольшая естественная комба, которая, будучи влажной, рассматривалась как будущий источник питания. Через нижнюю часть этого комба, между ним и котлованом, была перекинута мощная плотина, которая, таким образом, образовала берег. Несомненно, бассейн, заключенный таким образом, предназначался для хранения воды, когда ров был низким.

В центре или почти в центре котлована был оставлен прямоугольный остров площадью более полуакра, искусственно приподнятый на четыре фута, который должен был занять будущий замок, план которого представлял собой участок размером примерно 50 ярдов на 46 ярдов, окруженный мокрым рвом шириной от 35 до 65 ярдов. В настоящее время для периодического опорожнения рва предусмотрен шлюз, и, вероятно, нечто подобное было построено изначально, хотя, конечно, было бы скрыто. Однако факт остается фактом: несколько энергичных рабочих могли бы в любой момент за несколько часов пробить берег и тем самым лишить замок одной из его защитных стен. Однако грязь, пока она не высохла, была бы даже лучшей защитой, чем вода.

Итак, замок Бодихам представляет собой прямоугольное сооружение размером 152 фута на север и юг, 138 футов на восток и запад, заключенное в четыре куртины. На каждом углу находится барабанная башня диаметром 29 футов, выступающая на три четверти, фланкирующая несколько сторон. В центре северной стороны находится большая, а южной - меньшая сторожка, а в центре каждой из остальных сторон - квадратная башня. Таким образом, здесь восемь башен-фресок, четыре цилиндрических и четыре прямоугольных, что вносит приятное разнообразие в очертания. Кроме того, с восточной стороны есть выступ в 8 футов, в котором находится часть часовни и ризницы. Стены и башни поднимаются прямо из воды. Высота куртины от воды до гребня парапета составляет 40 футов 6 дюймов, а башни на треть выше, или 54 фута. Толщина внешних стен обычно составляет 6 футов 6 дюймов, что также соответствует высоте парапетов. Лестничные башни поднимаются на 14 футов выше своих башен, а дымовые трубы - на 9 футов. Обе башни восьмиугольные и украшены миниатюрными башенками в стиле позднего перпендикуляра. Водяных ворот или столбов, как в Ледесе и Каэрфилли, здесь нет.

Большая сторожка представляет собой очень внушительное сооружение. В плане она представляет собой букву Т, горизонтальная часть которой образует фронт шириной 30 футов, а вертикальная часть простирается назад на такое же расстояние и содержит входной проход. Фронт состоит из двух башен, прямоугольных, но с сильно углубленными углами, так что центральная часть каждой башни выступает вперед в виде смелого контрфорса, шириной 15 футов и глубиной 6 футов. Все это выступает из куртины примерно на 15 футов, а между башнями, глубоко утопленными, находятся ворота.

Ворота имеют слегка четырехугольную арку, очень простую и установленную в обычном квадратном углублении, предназначенном, по-видимому, для приема платформы моста при подъеме. В спандрелях сохранились следы отверстий для цепей. Все это помещено в более глубокую и простую нишу, заканчивающуюся четырехцентровой аркой, которая несет парапет и имеет за ним три машикуля, защищающие вход. Над дверью находится обычное окно камеры с порткулисом, а справа и слева - другие окна, все маленькие и стрельчатые, некоторые с трилистником, а некоторые простые. Две пары петель прикрывают вход, одна пара имеет ойлетовые отверстия на каждом конце щели. Другая пара имеет отверстия большего размера только на нижнем конце. Именно этот стиль петель знаменует появление

огнестрельного оружия. В откосах портала находится полукруглый паз порткуллиса, а немного вглубь - пара складных дверей. Входной проход, шириной 12 футов и длиной 30 футов, необычайно высок. Он разделен поперечной аркой на две палаты, обе сводчатые. Первая, длиной 18 футов, имеет справа и слева небольшие стрельчатые двери, ведущие через узкий сводчатый и ребристый фресковый проход в ложи, размером 11 футов на 10 футов. Слева находится вторая дверь, открывающаяся на круглую колодезную лестницу диаметром 8 футов, необычайно крутую, ведущую в верхние покои и на крышу, и заканчивающуюся башенкой на углу сторожки. Свод обрушился, но очевидно, что он напоминал свод второй камеры. Под поперечной аркой находится второй порткуллис, а за ним - вторая часть прохода. Он имеет площадь 12 футов, без боковых дверных проемов и сводчатый. Свод состоит из четырех ячеек, трех ребер и двух половинок или стеновых ребер, исходящих из каждого углового кронштейна и сходящихся в одном центральном, четырех боковых и четырех половинных боссах, расположенных на двух поперечных или коньковых ребрах. Они пробиты, как на внутренних воротах лондонского Тауэра, и, возможно, в каждом из них находился цветок. Диаметр отверстий в центральном боссе составляет 6 дюймов, а в остальных - 4 дюйма. Вряд ли эти отверстия предназначались для обороны: они слишком малы и не охватывают четыре угла прохода. Несомненно, в некоторые из них можно было бы просунуть длинную щуку, но в полуотверстия рядом со стенами - вряд ли. Что касается заливки расплавленного свинца, смолы или масла, то эти материалы всегда были слишком дороги, чтобы входить в состав регулярных боеприпасов для осады, и здесь, как и вообще в камерах портупеи, нет печей для нагревания таких материалов в каком-либо количестве.

Портал, ведущий из этого прохода во внутренний двор, имеет вторую пару дверей, а за ними - второй порткуллис. Эта камера не является частью обычной сторожки. Она образует своего рода крыльцо, выступающее из нее во двор, и не имеет верхнего этажа. С левой стороны от двора открывалась колодезная лестница, которая вела на вымощенную площадку, упирающуюся в свод. Считается, что такое вспомогательное увеличение длины и защиты входного прохода характерно для Бодихама.

Над внешней частью прохода находится камера-портключ. С каждого конца она имеет низкую четырехцентровую арку, которая скрывает голову решетки, когда она поднята, а над ней, с каждого конца, находится обычное маленькое окно. Лоббик между колодезной лестницей и этой камерой имеет желобки и ребра, а в центре находится большой бобыль, вырезанный в листе. В сторожевых домиках есть яма или подвал, возможно, погреб, а возможно, просто полость для сохранения полов сухими. Если это подвал, то вход в него осуществлялся через ловушки в полу над ним. Кроме того, над подвалом есть два верхних этажа.

Меньшая сторожка расположена напротив главных ворот, в центре южной стороны замка, и хотя она такая же высокая, но гораздо меньше. Это простая башня площадью 22 фута, выступающая на 15 футов вперед, но не имеющая внутреннего выступа. Внешние ворота находятся в центре башни и имеют портупею, а за ними находятся складные двери. Входной проход площадью 11 футов, сводчатый, как и большие ворота, но не такой высокий. Справа и слева находятся петли, сгребавшие занавес. Дверь в западной стене выходит на обычную колодезную лестницу, расположенную под северо-западным углом. Ложи здесь нет. Внутренний портал закрывался только дверьми. Он открывался в проход в нижнем конце большого зала.

Перед воротами и за их пределами на 9 футов в ров уходят две стены толщиной около 3 футов. Между ними, по-видимому, находилась мостовая яма, через которую от ворот вел мост, перекинутый через сохранившуюся поперечную стену. Яма засыпана. Напротив, на

расстоянии 62 ярдов от рва, находится уступ, из которого выступает полушестиугольный пирс. Как преодолевалось это промежуточное пространство, сейчас уже не узнать. Вряд ли на лодке, поскольку пирс, очевидно, предназначался для поддержки деревянного моста, и с него было неудобно спускаться на лодке. Вероятно, пешеходная дорожка была устроена на тесовых или деревянных опорах.

Таким образом, оба проходных двора - единственные башни, которые обработаны. Каждая из них ведет во двор замка, открытое пространство 86 футов на юг и север, 76 футов на восток и запад; вокруг него, против занавеса, расположены домашние здания, от 22 до 30 футов в глубину, некоторые в один этаж, некоторые в два, но все почти одинаковой высоты, и расположены так, чтобы скрыть занавес и нижние части башен от внутреннего двора.

Справа и слева от большой сторожки здания имели первый и второй этажи. Те, что слева, или на востоке, были более богато украшены, так как находились ближе к государственным апартаментам. Северо-восточная и северо-западная башни сообщались с этими помещениями с каждой стороны. Они имеют подвальные ямы, с петлями, первый и два верхних этажа. Они несколько отличаются друг от друга в деталях, но в каждой есть колодезь-лестница в стене ущелья, а также настенные шкафы и камин на нескольких уровнях. Ямы круглые, а камеры над ними шестиугольные.

Вдоль западной стороны находятся служебные помещения, а также, вероятно, квартиры слуг и комнаты для гарнизона. В центре большой и красивый дверной проем, с окном на каждой стороне и следами крыльца, открывается в маленькую кухню, комнату размером 21 фут на 16 футов, имеющую с каждой стороны камин, со сходящимся туннелем и арочной главой 12 футов пролета и 2 фута подъема. Здесь нет ни вытяжки, ни выступа. Крыша была открыта и находилась на уровне бастиона. Над дверью проходит галерея, в которую можно попасть из комнаты на юге, а под ней в стене также находится дверь.

Помещение на юге, по-видимому, состояло из двух этажей. Нижняя комната, 38 футов на 22 фута, вероятно, предназначалась для складов или слуг; верхняя была меньшим залом. Нижняя комната имела два окна во двор и небольшую дверь, а между окнами, возможно, находился неглубокий камин с дерзким колпаком. Выше находилась благородная комната такого же размера. Нижняя комната выходила в западную башню. Она, как и восточная башня, имеет 25 футов в ширину, 21 фут в глубину и 15 футов в проекции от куртины. Подвал здесь, очевидно, был погребом. Он имеет три петли, расположенные немного выше уровня воды. Колодезная лестница в юго-восточном углу ведет вверх от уровня земли.

Вдоль южной стороны располагались большая кухня, маслобойня и большой зал. Кухня, размером 33 фута на 24 фута, занимает юго-западный угол и сообщается с соседней угловой башней. В ней есть два больших камин по 12 футов в северной и южной стенах. Первый из них имеет печь в западном косяке, что было сделано позже, так как он выходит в соседнюю комнату. Другой камин имеет большой каменный колпак, от которого остался один пружинящий камень, и подкреплён кронштейном, помещенным в полый угол, чтобы принять его тягу, как в Сент-Бриавельсе. Кухня имела открытую, возвышенную крышу. Далее находится двухэтажная масляная мастерская со следами погреба под ней. Она имеет размеры 18 футов на 24 фута и открывается в зал тремя равносторонними арочными дверными проемами, расположенными рядом друг с другом, каждый из которых направлен в сторону зала и имеет глубокое углубление с ранней перпендикулярной лепниной. Они открывались в проход под музыкальной галереей.

Зал был около 50 футов в длину и 26 футов в ширину, с открытой крышей. В конце южной стены на помосте было окно с двумя фонарями и фрамугой; нижняя пара - с квадратной

головкой, верхняя - с заостренной. Все это находится в углублении с плоской сегментной аркой. Говорят, что в северной стене было два окна, выходящих во двор, и здесь, вероятно, находился камин, поскольку в моде здесь были камины, а не центральные очаги. Дверь в зал сохранилась. Это красивый арочный проем с двойным огибающим молдингом. Она открывалась под музыкальной галереей, а на другом конце этого прохода находился вход в меньшую сторожку, так что из двора можно было попасть в ворота через проход, отгороженный от занимаемой части зала. Конечно, меньшая сторожка использовалась только для пеших пассажиров. Похожий проход пересекает нижний конец не самого зала, а сводов под ним в Кенилворте.

Государственные апартаменты и часовня занимали восточную сторону, причем первые, похоже, были в основном двухэтажными.

За торцом зала находилось большое помещение, называемое оружейной палатой, из которого открывалась юго-восточная башня. Подвал здесь шестиугольный, сводчатый и рифленый. Своды обрушились, но сохранились карнизы, шесть фронтонов и ребра стен. Вероятно, это был частный склад или подвал, так как в нем нет ни пожара, ни садовника, и, хотя своды были изящными, в помещении, расположенном на уровне воды или немного ниже, всегда было сыро. Верхние этажи были деревянными.

Вероятно, термин "оружейная" является современным, и здесь находились комнаты для отвода глаз, в которые вел проход с северного конца помоста, за пределами зала. Сохранилась платформа из каменной кладки, которая, похоже, была выложена для такого прохода.

К северу от этих комнат сохранились следы других, которые сообщались с восточной башней и часовней и, вероятно, были частными апартаментами с окнами во двор. Под всем этим находился ряд подвалов, расположенных ниже уровня двора, но с дверями и петлями, поднимающимися к нему.

Далее следует часовня, 29 футов на 19 футов, с большим остроконечным окном в три света на восточном конце. Деревянный пол покрывал подвал, петля которого поднималась к двору, а в южной стене была дверь. В восточной части находится массивная приподнятая платформа для алтаря, а рядом с ней - небольшое северное окно. На юге находится небольшая остроконечная piscina, а рядом с ней стрельчатая дверь, открывающаяся по ступеням в сводчатую и рифленую настенную камеру размером 11 футов на 6 футов, предназначенную для ризницы, с двумя шкафчиками и небольшим окном во рву. Дверь в часовню находилась в южной стене и вела из нижних частных апартаментов. Над ризницей находится более просторная комната с дверью из верхних апартаментов и окном с квадратной головой и двумя трилистниками, выходящим в часовню; очевидно, это было личное место лорда, откуда он мог присутствовать на мессе, оставаясь незамеченным. Западной двери или прямого входа со двора не было. Похоже, что у часовни была открытая деревянная крыша.

Каменная кладка во всем замке выполнена из отличного пепла, материал - мелкозернистый, мягкий, но прочный песчаник. Орнамент практически отсутствует. В замке было семь основных лестниц-колодцев, каждая из которых заканчивалась восьмиугольной башенкой, служившей главой. Лестница не поднималась на вершину башни, которая была куполообразной и недоступной. Почти во всех комнатах есть камины, а во многих - настенные гардеробы, которые, по-видимому, закрывались занавесками или не закрывались вовсе, поскольку нет никаких следов дверей. Их шахты спускаются в стены и выходят в ров под поверхностью земли. Окна, как правило, небольшие, только в часовне и зале они имеют сносный размер и обращены ко рву.

Барабанные башни выглядят старше своей реальной даты, их ущелье, общие пропорции и расположение, колодезные лестницы, стрельчатые и часто трилистниковые окна напоминают об эдвардианском периоде. Однако их шестиугольные интерьеры, а также смелая и простая лепнина, венчающая парапеты, относятся к перпендикулярному стилю. Дымовые трубы восьмиугольные, хорошо пропорционированные, но простые, за исключением рельефной лепнины над ними. Они могут быть более поздними, чем замок.

Три гербовых щита над большими воротами изображают Бодихама или Бодема, Далингруж и Вардё. Центральный, принадлежащий основателю, расположен под углом к его шлему и гербу. Над меньшими воротами также было три щита. На одном, несомненно, изображен Далингруж, как и прежде, на другом - Кноллис, из комплимента этому полководцу.

Батальоны, как правило, имеют простую копию, с бусиной на гребне по направлению к полю. Мерлушки гораздо шире амбразур, но не пробиты. Копирование не повторяется в амбразурах. Не было обнаружено ни колодца, ни свинцовых труб, как в Ледесе, где замок снабжался чистой водой из источника, расположенного на небольшом расстоянии. В целом, замок для своего времени необычайно суров в обустройстве, здесь почти нет следов роскоши. Это был именно замок, а не усадьба или дворец.

Осталось описать очень необычную особенность этого замка - подход к большим воротам. В настоящее время от северного берега рва отходит земляная дорога шириной около 6 футов, которая идет прямо, примерно 62 фута, к противоположным воротам. Затем она резко обрывается, а ее вершина выложена каменной кладкой, которая, однако, является современной. Напротив, на расстоянии 11 футов, между которыми течет вода, находится восьмиугольник в 16 футов с каждой стороны, или 40 футов в диаметре, возвышающийся в виде острова из рва и облицованный по всему периметру. Очевидно, что между этим восьмиугольником и насыпью находился какой-то подвижный мост. Была ли у этого восьмиугольника какая-либо надстройка, точно неизвестно, скорее всего, у него был только парапет, от которого остались следы.

Пересекая восьмиугольник по той же прямой линии, мы достигаем второго промежутка в 6 футов, а за ним находится прямоугольный остров около 21 фута на север и юг и 20 футов в ширину, также облицованный по всему периметру, на котором возвышались стены барбакана. Таким образом, это было прямоугольное здание, пересекаемое входным проходом и имеющее дверные проемы в каждом конце, внешний из которых охранялся портупеей, а внутренний - дверями. Проход был сводчатым и, по-видимому, рифленным. По-видимому, он был одноступенчатым, платформа опиралась на свод и бойницы. В северо-западном углу находилась колодезная лестница, открывавшаяся из прохода и поднимавшаяся на крышу. На рисунке Гроуза она показана как боковой или пешеходный вход, что, по-видимому, не так. Работа выполнена из превосходного ясеня, но сохранилась только западная сторона.

Барбакан находится примерно в 54 футах от Больших ворот, и в настоящее время соединен с ними дамбой. Так как в этом месте видны уступы, они могут быть оригинальными, в таком случае, возможно, они были сломаны с обоих концов, и соединение осуществлялось мостами, падающими с барбакана и с больших ворот. Однако это лишь предположение.

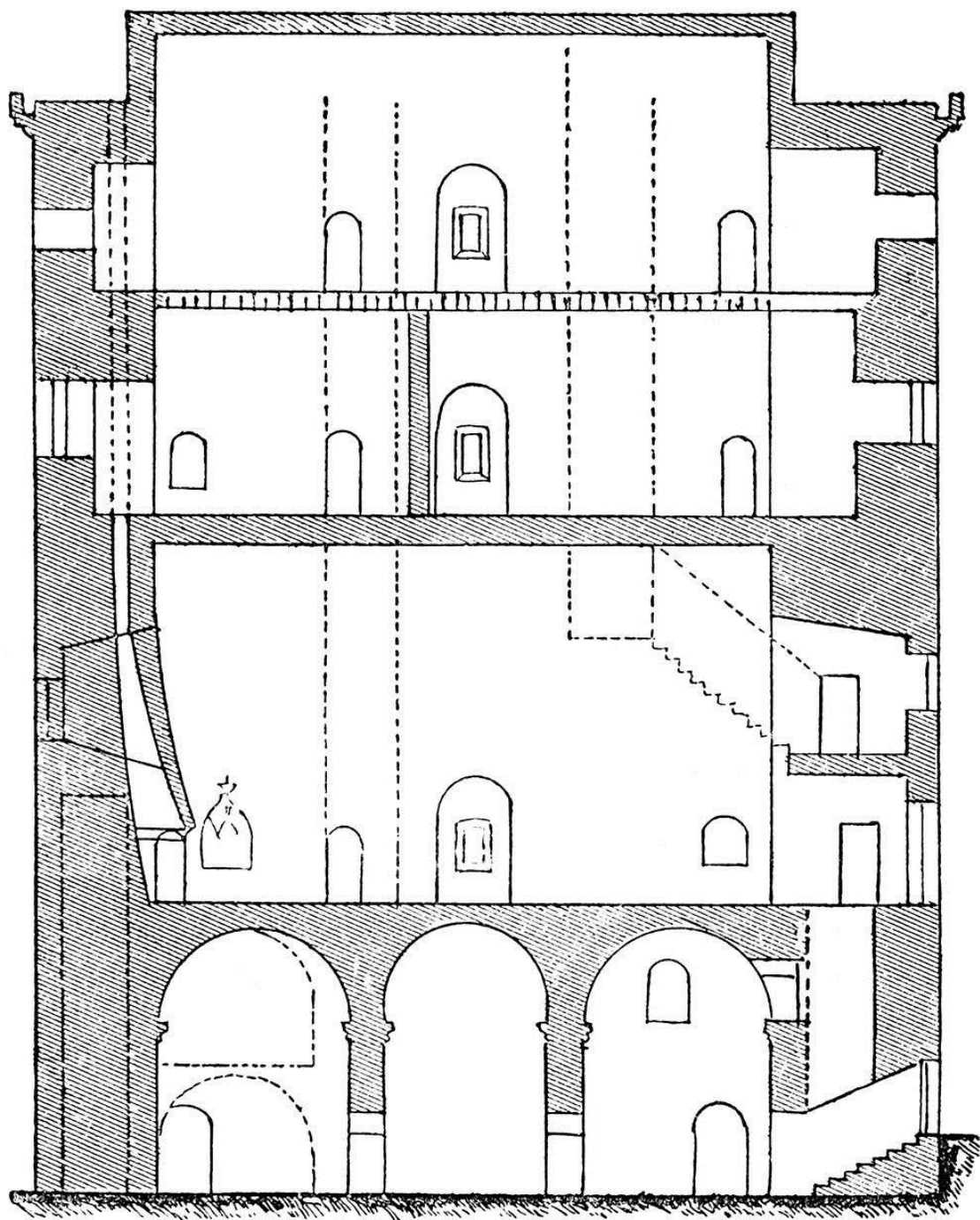
Возникли сомнения в том, как к восьмиугольнику изначально подходили с основной территории. Это сомнение вызвано наличием демипирса из каменной кладки, выступающего с западного берега в нескольких ярдах от его северного конца, а значит,

напротив восьмиугольника. Поэтому можно предположить, что проход с северного берега является дополнением, а с западного берега к восьмиугольнику был проложен другой проход или какая-то коммуникация на гораздо большее расстояние, почти в три раза большее. Несомненно, аналогичная полуопора на южном берегу указывает на сообщение с меньшими воротами, но здесь нет никаких причин для предполагаемого удлинения и изгиба подхода. В целом, для каких бы целей ни предназначался западный пирс, все говорит в пользу того, что подход к нему всегда располагался вдоль нынешней линии. Ни на северном, ни на западном берегу нет серьезных возвышенностей. Северный берег, несомненно, возвышается, но едва ли настолько, чтобы дать большое преимущество лучникам, расставленным для того, чтобы досаждал тем, кто входит в замок, и уж точно не большее, чем можно было бы получить от возвышенности на западе. Возможно, пристань предназначалась для швартовки и защиты лодок, работавших на этой стороне рва. К этому демипирсу вела дорога, которую можно проследить до сих пор.

Предполагается, что это двойное сооружение во рву характерно для Бодихама. В Ледесе, действительно, есть два барбикана, но они находятся не совсем во рву, а на берегу, и глубоко вкопаны, чтобы отводить воду вокруг них. В Казэрфилли в центре рва есть один большой изолированный пирс, ныне сухой, который был соединен разводными мостами с большими воротами и контрэскарпом и может быть уподоблен восьмиугольнику в данном случае.

БАШНЯ БОРТВИК В МИДЛОТИАНЕ.

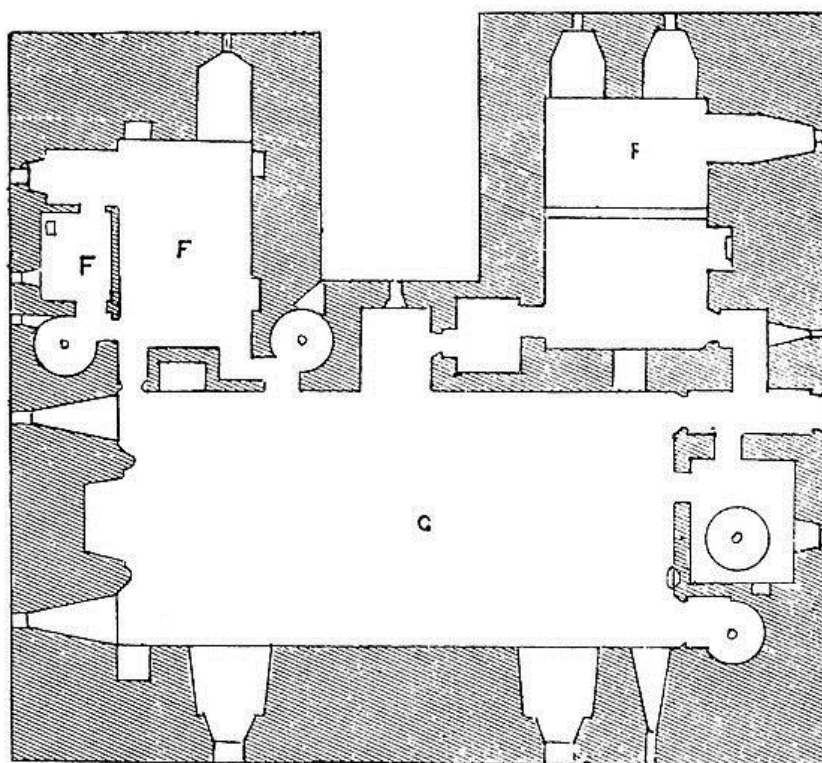
Бортвик был выбран и включен в эти примеры как благородный образец военной архитектуры и лучший из сохранившихся образцов башни Пиль, столь знаменитой на шотландской границе; под "Пилем" понимается крепость, единственным значительным сооружением которой является башня, и которая стоит внутри обнесенного стеной базисного двора или бармкина умеренной площади. Здесь, правда, размеры башни соответствуют нормандскому замку, а двор, хотя и небольшой, охраняется бастионными башнями большого диаметра, но все же башня сама по себе является крепостью и, очевидно, была резиденцией лорда и его семьи не только во время осады, но и в любое время. Такие крепости, как Лохлевен и Уркхарт на Лох-Несс, хотя и значительно уступают Бортвику по прочности кладки и грандиозности, тем не менее являются замками, тогда как Бортвик - это Пиль.

УЧАСТОК А В, ВИД НА ЗАПАД.

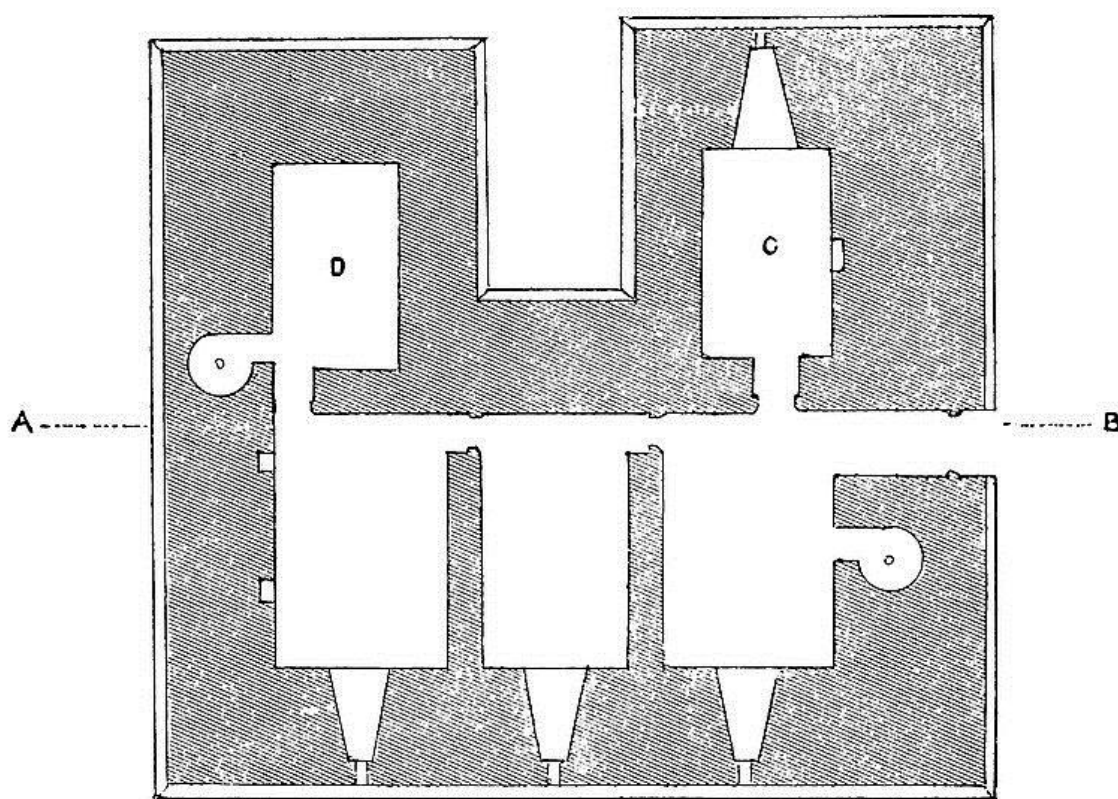
Несмотря на то, что Бортвик является руиной и заброшен, вероятно, уже несколько столетий, он все еще находится в сносном порядке, сохранившись благодаря необычной толщине стен и совершенству их кладки, а также тому, что и подвал, и самый верхний этаж сводчатые, а верхние своды защищены каменной кровлей очень основательного характера.

Промежуточные деревянные перекрытия исчезли, а в обширных полостях обитает многочисленная колония галок, чьи кучи гуано можно было бы с пользой удалить. За этим местом, которое до недавнего времени почти не нуждалось в уходе, не было и нет никакой заботы; теперь, однако, буйная растительность на крыше вытесняет черепичные камни, и вода проникает под своды. Большие каминные трубы обрушились, а некоторые из меньших вот-вот упадут. В настоящее время несколько десятков фунтов, выделенных с умом, могли бы остановить процесс разрушения, который, если его не остановить, через несколько лет непременно обрушит верхние своды и приведет все строение в непоправимый упадок.

SCALE OF 10 5 0 10 20 30 40 50 60 FEET

FIRST FLOOR.

BASEMENT.

С. Тюрьма. D. Колодезная комната. E. Кухня. F. Комнаты королевы Марии. G. Холл.

БАШНЯ БОРТВИКА.

Башня стоит на скалистом участке, защищенном с юга, востока и севера глубокими, изрезанными и заросшими лесом оврагами. По двум из них текут верховья Миддлтонского ожога, а ниже замка они объединяются и впадают в Горскую воду, которая, беря начало в соседних Ламмермуирах, течет параллельно железной дороге по красивой пасторальной долине у Горского моста в Южный Эск. Башня, расположенная над местом слияния трех потоков, является очень заметным объектом с железной дороги, оспаривая внимание путешественников с замком Крихтон, расположенным в противоположном направлении, но находящимся в поле зрения на несколько секунд в одно и то же время.

Платформа, покрытая цокольным двором, представляет собой неправильную фигуру, опирающуюся на землю, закругленную на востоке и образующую прямые углы на севере и юго-западе. Его размеры составляют около 80 ярдов на восток и запад, 35 ярдов на север и юг. На юго-западном углу находится большая барабанная башня, а в центре южного фасада - еще одна, с квадратной задней частью, и следы третьей башни, закрывающей юго-восточный угол. Диаметр этих башен составляет 18 футов, они имеют подвал, первый и второй этажи, высота над площадкой - 23 фута, а до поля - 35 футов. На западном фронте, рядом с угловой башней, находятся ворота: отверстие в очень толстом низком занавесе, круглоголовое, вероятно, относящееся к периоду строительства башни. У него был разводной мост и портупья, а также, возможно, низкий верхний этаж. Над дверью, снаружи, находится плоский антаблемент с лепниной в стиле Ренессанса, а прилегающий бастион и занавес пронизаны длинными петлями, расположенными горизонтально, очевидно, предназначенными для мушкетонов, а значит, и вставок. Они похожи на те, что находятся на северо-восточном бастионе городской стены Бервика. На южном бастионе сохранились оригинальные вертикальные петли для луков и стрел. Запад - слабая сторона, для которой природа ничего не сделала. Соответственно, куртина с этой стороны утолщена до 12 или 15 футов, и, возможно, здесь был ров, ныне засыпанный.

Двор был разделен поперечной стеной, северной и южной, не очень прочной, и башня стояла в западной половине, на расстоянии от шести до восьми ярдов от трех внешних стен. Северная куртина представляет собой неровную кучу развалин; на ней, напротив двери башни, находилась масса каменной кладки, поднятая, вероятно, по ступеням и служившая опорой для каменной арки, через которую был устроен главный вход или вход на второй этаж.

Башня прямоугольная, 74 фута на север и юг, 69 футов на восток и запад, высота от 90 до 110 футов, последняя высота - до конька фронтонов. В западном фасаде находится углубление, также прямоугольное, 14 футов в ширину и 24 фута в глубину, так что здание в плане напоминает греческую столицу П, и может быть удобно разделено на корпус и крылья. Углубление находится не совсем в центре, северное крыло имеет ширину 31 фут, а южное - 29 футов. Кроме того, последнее скорее короче, так что северный фронт составляет 69 футов, а южный - 68 футов. Расположение палат очень простое, все они прямоугольные и параллельны сторонам, но способ добраться до них по лестницам очень сложен. Стены имеют огромную толщину, северная или входная сторона составляет 14 футов, а другая - от 10 до 11 футов. Толщина стен, расположенных в защищенном углублении, гораздо меньше, и в некоторых местах составляет всего 6 футов. Примечательно, что эти толщины продолжают до самого верха, практически не уменьшаясь. Стиль прост и суров, и хотя

материалом служит тесаный камень удивительно тонкой работы как внутри, так и снаружи сооружения, орнамента почти нет. Над внешней дверью, в неглубокой нише с выступом, изображен святой или епископ в низком рельефе, а внутри - красивая ниша с навесом для статуи и своего рода государственное кресло или седалище для господина. Каминны также хороши, а два больших отличаются великолепным характером и размерами. Эти украшения относятся к декорированному стилю архитектуры и соответствуют известной дате постройки - первой половине пятнадцатого века. Стены возвышаются на простом цоколе и завершаются мощными карнизами, расположенными на расстоянии 2 футов друг от друга и глубиной около 2 футов, между которыми находился "мортира", а снаружи - низкий парапет, ныне снятый. Как обычно для шотландских башен, под каждым углом находился низкий бартизан высотой в три четверти, опирающийся на косоуры и, вероятно, поднимающийся не выше парапета. Кроме того, три высокие скатные крыши корпуса и крыльев возвышаются над стенами и находятся внутри них, отступив от них от 6 до 8 футов. Дымовые трубы, где они сохранились, высокие и красивые, а три колодезные лестницы, выходящие на крышу, размещались в цилиндрических башенках с коническими крышами, от которых осталась одна, лишенная только завершения.

Подвал находится на уровне земли, которая примерно на 5 футов ниже наружной стены. Над ним находится первый этаж, который в корпусе занимает большой зал, над ним - второй этаж, содержащий часовню и верхний зал. Над ним находится третий этаж. Деления крыльев менее возвышенны. Северное содержит шесть этажей, южное - пять. В разных частях здания находятся пять колодезных лестниц. Две поднимаются с уровня земли на второй этаж и там останавливаются. Два других начинаются на этом этаже и поднимаются на крышу, снабжая промежуточные этажи, а еще один начинается на полпути вверх по высоте зала, огибает две стены в виде галереи и, наконец, поднимается в виде колодезной лестницы на крышу. Таким образом, с первого и верхних этажей в случае опасности можно было легко добраться до крепостных стен.

Подвал. В корпусе три камеры, расположенные крест-накрест, с востока и запада, бок о бок, все 23 фута в длину, центральная 14 футов в ширину, остальные 15 футов. Своды отходят от пола на 14 футов, и в каждом из них, в восточном конце, находится большое арочное углубление, высоко поднятое, сужающееся до петли. На линии пружины каждого свода находится ряд крепких карнизов, очевидно, для поддержки пола, своего рода антресоль без окон. Эти нижние палаты сообщаются между собой дверями, а в южной стене самой южной есть углубление или шкаф. Внешний дверной проем, шириной 6 футов, на уровне земли снаружи, находится в северной стене и закрывается крепкой дверью, внутри которой проход спускается на восемь ступеней. В той же стене находится колодезная лестница, которая поднимается из подвала на второй этаж и там останавливается. В ней, на полпути вверх, находится дверь в антресоль над северной камерой, от которой лестница продолжается на второй этаж. В антресоли двух других камер можно было попасть по лестницам. Весь этот комплекс, очевидно, предназначался для хранения запасов на случай осады.

Из северной и южной палат открываются двери в подвалы двух крыльев, также сводчатые. Северное, тюремное, имеет размеры 18 футов на 12 футов, с высокой и узкой петлей на западе. В его верхней части также есть небольшая дверь из соседнего антресоля, которая, возможно, открывалась на аналогичный этаж над тюрьмой или была отверстием, чтобы заглянуть в него.

В левом крыле находится склеп длиной 20 футов и шириной 12 футов 6 дюймов, а высотой всего 8 футов. В него можно было попасть из соседней камеры в корпусе, где находился колодец. Из этой камеры, открывающейся в южной стене, ведет колодезная лестница,

которая поднимается на 10 футов к антресоли, а оттуда переходит на второй этаж. Антресоль, также сводчатая, имела размеры 18 футов на 12 футов. В северной стене находится камин и шкаф, а в южной - небольшая петля, настенный садик и входная дверь. От нее 14-футовый подъем ведет на второй этаж, который, таким образом, находится на 24 фута выше подвала.

На втором этаже находится большой зал - благородная палата размером 51 фут на 24 фута, со стенами толщиной от 12 до 14 футов. Он перекрыт остроконечным бочкообразным сводом, довольно простым, но, как и стены, из превосходного пепла. Высота до венца составляет около 30 футов. Он занимает всю ширину здания. В северном конце находится настенная камера размером 8 футов 6 дюймов на 7 футов 10 дюймов, в которой находится голова колодезной лестницы снизу. Из нее есть дверь в зал и еще одна - во входной проход. Это проход главного входа, шириной 4 фута 7 дюймов и длиной 14 футов, с дверью на каждом конце, но без портупей. Это главный вход в башню. Снаружи к нему, по-видимому, вела каменная арка пролетом около 8 футов, под порогом которой видна пружинящая дорожка. В сводчатом фресковом проходе находятся противоположные двери, одна из которых уже упоминалась на лестничной площадке, а другая ведет на кухню, занимающую северное крыло.

На другом конце северной части зала дверь открывается в колодец-лестницу диаметром 7 футов 10 дюймов, которая здесь начинается и обеспечивает верхний этаж и крышу. Восточная сторона зала пронизана двумя окнами с квадратной головкой, расположенными в арочных углублениях диаметром 7 футов и на расстоянии 22 футов друг от друга. Кроме них, в северной части находится небольшой фонарь, всего лишь петля, в углублении с проемом 2 фута 7 дюймов.

Главной особенностью зала, после его прекрасного остроконечного свода, является грандиозный камин, 9 футов шириной и 3 фута глубиной, с выступающим каменным колпаком, который уходит в стену примерно на две трети пути вверх, и поддерживается двумя двойными полуовалами, с основаниями и резными колпаками и цветочной полосой над ними, все в декорированном стиле. Он занимает центр южной части, и с каждой стороны от него, высоко вверху, находятся углубления в 5 футов, заканчивающиеся петлями в 1 фут. Колпак разрушен, а камин пришел в упадок, но его остатки поражают воображение. Вдоль западной стороны зала расположены различные проемы. В центре находится оконная ниша шириной 5 футов 10 дюймов и глубиной 9 футов, из которой боковой проем ведет в сводчатую сервировочную комнату размером 5 футов на 11 футов, которая снова выходит на кухню. В южной части этой стороны дверь открывается в отхожее место, а другая дверь - в колодезную лестницу, которая здесь начинается и соединяется с верхними этажами южного крыла и крышей. Рядом с северным концом этой стороны низкая арка или масляный люк открывался прямо на кухню. Кроме этих проемов, есть два декоративных углубления. Одна из них - ниша в северной стене для статуи высотой около 5 футов, с красивым желобчатым и флорированным навесом и основанием, опирающимся на полуовал, вероятно, для статуи святого покровителя семьи. Также в западной стене, рядом с камином, находится своего рода седалище, шириной 4 фута, с козырьком, на котором изображены три сабельника - герб Бортвиков. Стены зала, похоже, были либо расписаны, либо покрыты орнаментами, один из которых, "Ye Temple of Nonpour", недавно можно было видеть. Здесь и на лестницах много следов каменщиков. Две двери имеют головки в виде трех сторон шестиугольника, что-то вроде арки Беркли.

Кухня занимала первый этаж северного крыла. Ее размеры - 16 футов на 22 фута, она перекинута через большую плоскую арку, отбрасывающую западную половину в каменный колпак, под которым проводились основные кулинарные операции. На северной и западной

сторонах есть три ниши с петлями, одна из которых перекрыта более поздней печью. Здесь же находится небольшой камин. Входы в зал ведут из главной двери и из сервизной, а между ними находится люк для масла.

Выдвижная комната занимает южное крыло и имеет размеры 19 футов на 14 футов. В нее можно было попасть из зала и с колодезной лестницы, она имеет ниши и небольшие окна на юг и запад, а также стенные шкафы. В южной стене в сводчатой камере находится голова лестницы из колодезной комнаты и ее антресоль; в этой стене также есть настенная камера, 8 футов на 7 футов, с двумя дверями, окном и, в ее плоской, покрытой плитами крыше, шахтой, вероятно, для печного дымохода. Эта комната называется комнатой королевы Марии и, вероятно, была ее спальней, когда она посещала Бортвик. В этой и более просторной комнате есть заглушки для обшивки, а смежные дверные проемы с лестницы и из зала имели деревянное крыльцо, отгораживающее их в углу комнаты, так что был проход либо из комнаты королевы, либо с лестницы в зал, не заходя в отводную комнату.

Над залом соответствующее пространство, 51 фут на 24 фута, разделено поперечной стеной на верхний зал и часовню. В *верхнем зале*, размером 27 футов на 24 фута, находится большой камин с каменным колпаком и фланкирующими валами, а рядом с ним - окно, оба в восточной стене. В северной стене - большое углубление и окно, а также дверь на северо-восточную лестницу. В западной стене - окно в нише и дверь, ведущая по настенному проходу в северное крыло и в садик в северной стене.

Часовня, размером 24 фута на 21 фут, имеет углубление шириной 9 футов, в котором находится восточное окно, писцина и альмбри. В ней также было два южных окна, а между ними - небольшой камин. В его западной стене находится входная дверь с колодезной лестницы и дверь, расположенная на высоте 2 футов от пола, из южного крыла, которая, вероятно, открывалась в приподнятое сиденье для лорда. И часовня, и верхний зал имели плоскую деревянную крышу высотой 14 футов.

Следующее над ними помещение, третий этаж корпуса, имело размеры большого зала. В нем было три окна на восток и по одному на север, юг и запад. Вход в него осуществлялся по колодезной лестнице в северо-восточном углу и в южном крыле, а также через дверь, ведущую прямо в северное крыло. В этой комнате есть длинный, полновсводчатый свод, который возвышается над стенами примерно на 6 футов, и, следовательно, его высота до венца составляет около 15 футов. Вероятно, эта большая комната была разделена перегородками, но в ней нет камина.

В южном крыле пять этажей, соответствующих этим этажам в корпусе, - первый из них, уже описанный, представляет собой отхожее место высотой 13 футов. Второй имеет два окна, камин, настенный садик и высоту около 11 футов. Третья - такая же, высотой 8 футов; четвертая - с такими же помещениями, и, кроме того, с дверью в частное помещение часовни. Ее высота составляет 17 футов. Пятый этаж имеет только два окна и высоту около 15 футов до венца сводчатой крыши. Все палаты в этом крыле одинакового размера и расположены одна над другой.

Палаты в северном крыле находятся над первым этажом или кухней и имеют одинаковый размер, вытяжка и дымовая труба которой, пристроенная к западной стене, проходит через каждый этаж, сужаясь по мере подъема. В этом крыле шесть этажей, большинство из которых имеют два окна, а некоторые - камин. На второй этаж - тот, что над кухней, - можно попасть с восточной колодезной лестницы, откуда, на высоте 12 футов от пола зала, через северную стену и ее оконную нишу проходит фресковый проход, ведущий в палату. Далее, поднявшись по западной стене зала на 10 футов, он достигает начала колодезной лестницы,

которая ведет на верхние этажи и крышу. Самый верхний, шестой этаж находится в своде крыши и освещается через отверстия в ее фронтонах.

Кроме этих камер в двух крыльях, в западной стене есть небольшие фресковые камеры на двух уровнях, в которые можно попасть с южной лестницы, и которые смотрят в углубление на западном фронте башни.

На бойницы по-прежнему ведут две лестницы, и видно, что три крыши поднимаются независимо друг от друга с уровня пандуса. Они имеют высокий скат, а их своды покрыты тесаной каменной плиткой, подогнанной таким образом, чтобы образовать гребни и впадины, и так соединенной, чтобы полностью, но в то же время идеально, исключить попадание дождя. Эта кровля прослужила долго, и даже сейчас нуждается только в перекладке и замене нескольких разбитых камней. Фронтоны выполнены из тесаного камня. Лестничные площадки высотой около 8 футов, круглые, с коническими крышами из пепла. Похоже, что по всему периметру был низкий парапет, опирающийся на косоуры, а между каждой парой - квадратная машикуля. Вокруг - чистый проход, нарушаемый лишь валами дымовых труб. Парапет был снят, вероятно, для того, чтобы башню не использовали в качестве военного поста. Восточная стена у вершины сильно пострадала, говорят, от выстрела Кромвеля, когда он обстреливал замок с этой стороны, за оврагом.

Башня Бортвик была построена на основании лицензии, выданной Яковом II сэру Уильяму Бортвику, датированной 2 июня 1430 года.

Биллинг дает отличный вид на эту башню с юго-запада, а также хороший рисунок интерьера зала, на котором изображен большой камин до его падения и кресло лорда.

ИСТОРИЯ.

Семья Бортвик, на протяжении многих веков владевшая этим поместьем, ведет свое происхождение от места на берегу Бортвиквотер в графстве Селкирк, откуда в отдаленные времена они перебрались на земли и в замок Каткун, удерживая его вместе с Легертвудом и Херриотом Мьюиrom, после чего снова перебрались в Лочерварт, которому дали имя Бортвик, инверсия, распространенная в Ирландии, но редкая в Англии и Шотландии. Их предшественниками в Лочерварте были Хейсы из Йестера.

Первым представителем этой фамилии был, I., *Томас де Бортвик, временщик Давида II*. Давида II и владевший землями в Бервикшире. Его сын, II., *сэр Уильям Бортвик* из Каткуна, жил в 1378 году, а его сын, III., *сэр Уильям Бортвик*, в 1387-1401 годах, был отцом IV., *сэра Уильяма* из Легертвуда, который в 1410 году получил от Роберта герцога Олбани земли Бортвика и Тофтокотиса в Селкирке; V., *Другой Уильям*, сын последнего, был одним из заложников, отправленных в Англию для выкупа Якова I. Ему, как Виллельмусу де Бортвику, миль, король 2 июня 1430 года выдал лицензионную грамоту, "construendi castrum in illo loco qui vulgariter dicitur le Mot de Lochorwort ac in eodem castro et fortalicio Constabularium, Janitorem, custodesque necessarios et optimos pro sua voluntate providendi, removendi, et omnia alia quæ ad securitatem et fortificationem dicti castri necessaria fuerint faciendi."

Подобное разрешение было редкостью в Шотландии, где дворяне были очень независимы от короны, а страна обычно была настолько беспокойной, что замок был почти жизненной необходимостью. Замок, строительство которого было разрешено, получил название Бортвик. Вероятно, судя по названию "Ле Мот", там уже было укрепленное место, для которого, действительно, очень подходило расположение. Этот сэр Уильям, по-видимому, и был первым лордом Бортвиком. Его прямой потомок по мужской линии, Джон, восьмой лорд,

некоторое время удерживал свой замок против артиллерии Кромвеля. Его сын, Джон, девятый лорд, умер бездетным в 1681 году, и после его смерти замок перешел к сыну его сестры, Дандасу из Харрингтона, у которого, после двух отступлений, замок купил Бортвик из Кростона, происходящий от младшего сына первого лорда, а его потомок в десятом поколении претендовал в 1774 году на баронство, которое, однако, в итоге было предоставлено еще более близкому наследнику по мужской линии.

Джон, пятый лорд, был ярым приверженцем королевы Марии. Именно он утопил ябедника в горе и заставил его съесть письмо об отлучении от церкви, смоченное в вине. Мария бежала в замок Бортвик примерно через три недели после свадьбы с Ботвеллом, 7 июня 1577 года, и, преследуемая враждующими лордами, 11-го числа скрылась в Данбаре, переодевшись пажом. Несомненно, она спала в комнате, названной ее именем. В то время Ботвелл владел соседним замком Крихтон.

В зале замка высечен герб Бортвиков: (А) три сабельника (соболь).

Прилегающая церковь была перестроена, или почти перестроена, в отличном вкусе, в 1850 году. Она имеет западную башню со шпилем, неф, алтарь и круглую апсиду, а также два трансепта, из которых южный - старый, выполненный в основном в декорированном стиле, хотя и с некоторыми следами норманнской работы.

Доктор Робертсон, историк, родился в этой усадьбе, которая, однако, была перестроена.

ЗАМОК БОВ.

Замок Бов представлен здесь в качестве наглядного примера насыпной крепости по другую сторону Ла-Манша. Замок и деревня стоят на левом берегу долины реки Нойе, в старой провинции Пикардия, выше и примерно в четверти мили от потока. Нойе поднимается недалеко от Кребекёр-ле-Гран, за Бретуем, и течет через меловой район. Немного выше и ниже Бова она сливается с Авром, который поднимается недалеко от Кревкер-ле-Пети, и объединенный поток, протекая мимо Лонго, вливается в Сомму непосредственно над Амьеном, который находится примерно в пяти милях от Бова. И Нойе, и Авр демонстрируют особенности, которые еще сильнее выражены на Сомме. Они вяло текут по широким, плоским участкам торфа и гравия, заключенным в крутые и высокие берега из мела. Торф был интенсивно выработан на топливо, а пустоты заполнены темной торфяной водой. Поставки угля по железным дорогам и каналам, похоже, несколько снизили спрос на эти турбары, и нерасчищенные поверхности в значительной степени культивируются как питомники, которые появляются пятнами среди водоемов, и в основном достигаются на лодках. Тополь - преобладающее дерево в этих сырых, мрачных районах, и он достигает здесь очень значительных размеров. Под торфом, у основания и по бокам меловых холмов, скалы более или менее плотно покрыты слоями гравия и легкого суглинка, в которых находят кремневые орудия, ставшие предметом стольких спекуляций.

В деревне Бовес проживает менее 2 000 человек, чьим основным занятием является отбеливание на открытых полях хлопчатобумажных тканей, производимых в окрестностях. Церковь, единственное общественное здание, представляет собой тяжелый дорический храм современной постройки. Деревня построена у подножия мелового холма, на котором

стоит замок, и который для строительных целей был вырублен в скале высотой от 50 до 80 футов.

Замок, ныне представляющий собой руины незначительной величины, примечателен прежде всего своими земляными сооружениями. Он стоит на меловом хребте, возвышающемся над долиной на 150 футов, и отделен от нее в южном направлении изогнутым рвом глубиной около 50 футов, шириной 60 или 70 футов и длиной около фурта. Этот ров проходит по склону скалы в сторону деревни и по естественному склону в противоположном направлении. Земля без него или на его контркарпе не была нарушена. Содержимое было отброшено внутрь и увенчало обрыв возвышенным берегом.

На самой высокой части земли, в пределах рва и недалеко от его центра, находится курган или мотт, с очень крутыми сторонами, высотой около 50 футов, и круглой плоской вершиной около 100 футов в диаметре. Основанием мотта служит меловая порода, которая была обтесана, а материал добавлен к вершине. От насыпи вдоль края рва отходит насыпь, которая, вероятно, была связана с моттом или прикрывала вход в него. К востоку и северу от мотта земля довольно ровная до самого края обрыва и глубокой ложбины, поднимающейся от деревни. Сейчас это пространство частично занято общественным кладбищем и некоторыми хозяйственными постройками. К западу от мотта находится своего рода лунообразная платформа, за которой склон снова изрезан искусством. Вероятно, основные здания замка и его офисов занимали эти платформы под моттом.

Единственная сохранившаяся каменная кладка находится на мотте и состоит из руин башни и фрагмента стены. Башня стоит на стыке обрывистого берега с моттом, на краю рва. Она четырехугольная, с толстыми стенами, от которых сохранились только северная и южная части. Он состоял из трех этажей: подвал, сводчатый в круглоголовых бочках; первый этаж с деревянным потолком; и второй этаж, более высокий, очевидно, являвшийся государственной комнатой. В стенах подвала сохранились три прямоугольные бойницы, или небольшие оконные проемы, расположенные высоко вверху. Верхняя комната, возможно, была сводчатой. На его стенах виден круглоголовый фронтон, но, возможно, он относился к потолку, покрытому штукатуркой. Снаружи, у одной стены, находится простой контрфорс размером 3 фута на 3 фута. Материал - меловой щебень, без кремня, облицованный внутри и снаружи меловым пеплом, камни - курсирующие, , длиной около 9 дюймов и высотой 6 дюймов, с довольно открытыми швами. В этой башне, возможно, находился небольшой портал. От нее отходит фрагмент куртины, расположенный вдоль края мотта. В нем есть одно разбитое отверстие, возможно, окно, с круглой головкой. Трудно судить о возрасте этой кладки. Возможно, она поздненорманнская.

По всему периметру мотта сохранились следы фундамента стены и центральной прямоугольной площадки. В настоящее время вершина засажена деревьями, а склоны покрыты кустарником.

Бёв подвергся осаде со стороны Филиппа Августа, о которой интересно рассказал Гийом ле Бретон. Из него можно извлечь следующее: - "Первые барьеры были отвоеваны, и теперь мы можем наблюдать за осадой.

"Когда первые барьеры были завоеваны, осаждающие соорудили из осины, шкур и крепких досок кошку, под прикрытием которой отборные люди засыпали ров. После этого рыцари, прикрываясь своими большими щитами, прислоненными к стене, прикрывали рудокопов, которые с помощью брусьев и кирок взламывали стену, подпирая ее грубыми стволами деревьев, а затем снимая кладку выше уровня фундамента. Когда все было подорвано, они подожгли подпорки и удалились. Когда подпорки сгорели, стена рухнула в густом облаке

пыли и дыма. Осажденные отступили, среди пыли и развалин взошли юноши в доспехах, перебили одних и захватили других, а остальные, отступая, бежали в крепость, которая, построенная на скале и защищенная двойной стеной, представляла собой надежное убежище.

"Тогда на крепость обрушилась машина, изобретенная для различных целей; иногда она, как мангонель, используемая турками, посылала в воздух ливень мелких камней, иногда же один камень огромного веса метался со скоростью, превышающей скорость полета из пращи. В стенах стали появляться трещины, сотрясаемые повторными ударами" и т. д.

История Бове, вероятно, аналогична истории Амьена. Предполагается, что он был возведен в девятом веке для защиты от агрессивных северян, и характер земляных сооружений говорит в пользу этого мнения. Некоторые из съёров де Куси были лордами Бове, а Генрих IV, чьи войны привели его в Амьен, как говорят, иногда посещал Бове вместе с Габриэль д'Эстре. Во время этого царствования владения принадлежали Филиппу де Морнэ, сыну того самого Дю Плесси Морнэ, чье имя так тесно связано с карьерой Генриха. Земляные укрепления хорошо видны со станции Бове Амьенской железной дороги.

ЗАМОК БОУС, ЙОРКШИР.

Крепость, известная как замок Боус, в настоящее время состоит из одной прямоугольной башни, не связанной ни с какими другими зданиями и не имеющей никаких следов того, что она когда-либо была связана с ними. Это очень примечательно, поскольку башня во всех отношениях, как в плане, так и в деталях, является норманнской крепостью, а норманнские крепости обычно, можно сказать, неизменно, как следует из названия, связаны с другими зданиями или окружены ими, из которых башня является крепостью или цитаделью.

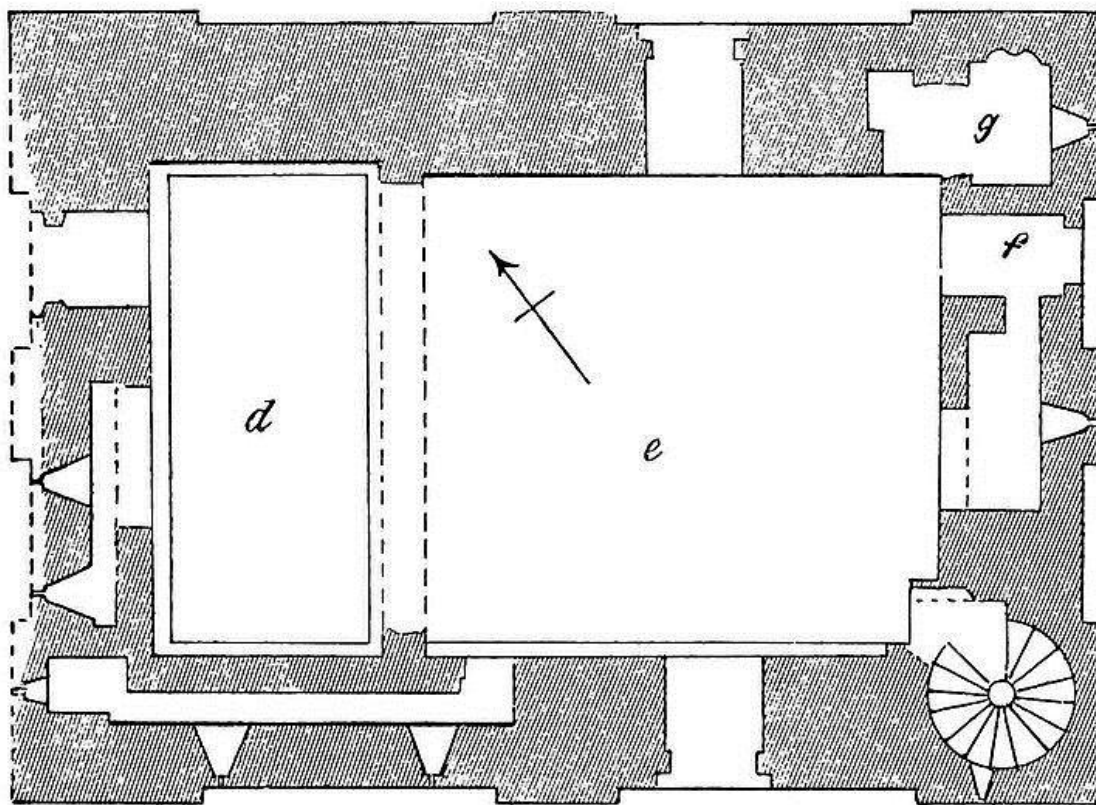
Броу, Броум и Эпплби, Карлайл и Ньюкасл, Хелмсли, Скарборо и Ричмонд, все норманнские прямоугольные крепости северных графств, являются лишь частями, хотя и главными, каждая из которых является частью своего замка, и только к крепостям, состоящим из частей, принято применять название "замок", а единое строение обычно называют башней или пилластром. Однако в записях Боус всегда называется замком, и, конечно, не исключено, что по своему составу он мог напоминать другие замки, а более прочная и лучше построенная часть могла оказаться наиболее долговечной. Однако очевидно, что никакая другая каменная кладка не примыкала к этой башне, или, по крайней мере, не была связана с ней, и нет никаких признаков строительства или фундамента в зеленой зоне, к которой башня с двух сторон примыкает. С другой стороны церковный двор простирается всего на несколько футов от башни, а с остальных сторон коттеджи не показывают ни старых стен, ни материала, из которого они могли быть построены.

Боус Кип, если его можно так назвать, представляет собой прямоугольную башню высотой 82 фута на востоке и западе и 60 футов на севере и юге. Однако она не совпадает с основными точками компаса: фактический север находится под северо-западным углом. Его высота составляет около 50 футов. Каждый угол увенчан широкой плоской пилластрой, шириной 14 футов и выступающей на фут, а угол встречи каждой пары - сплошной. В середине, в центре каждой грани, также находится пилластра шириной 8 футов 10 дюймов и такого же выступа,

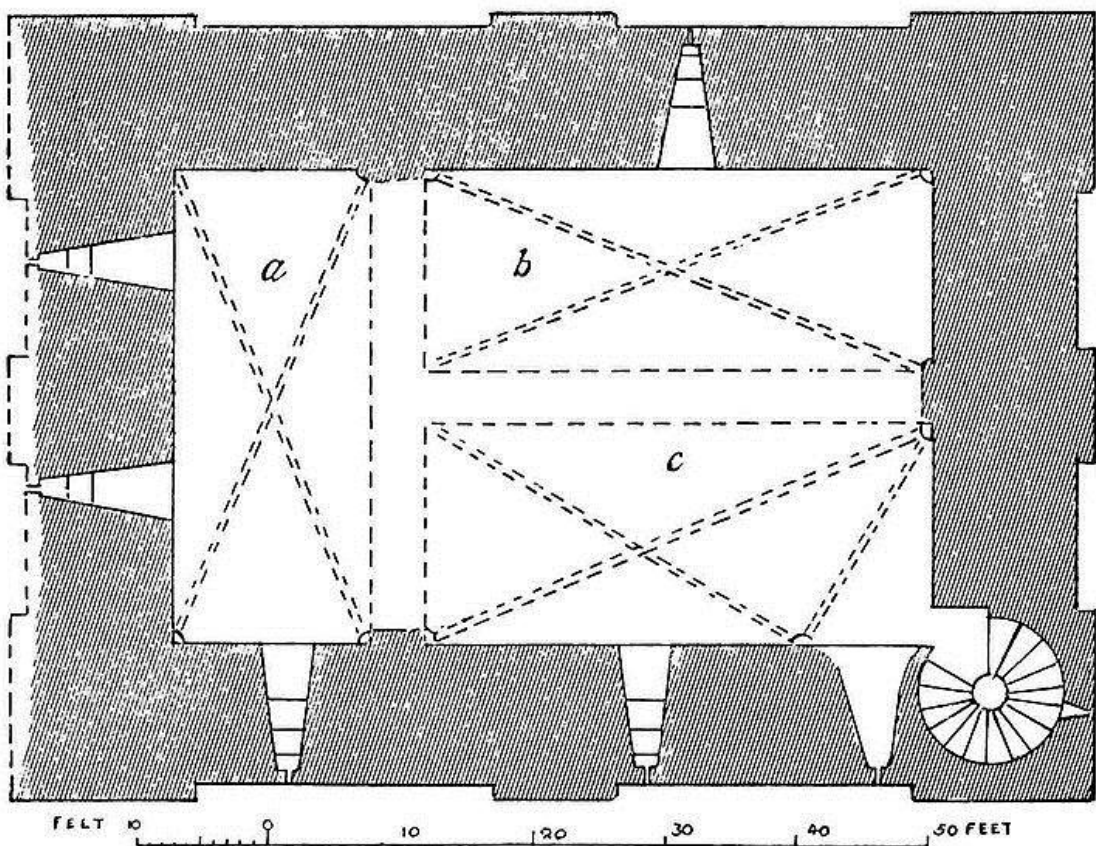
как и фланкирующие ее. Нет ни цоколя, ни отмостки, за исключением того места, где ровная струнная дорожка отмечает уровень верхнего этажа и продолжается вдоль всего здания, стен и пилястр. Верхняя часть стены сильно разрушена, не сохранилось ни одного бастиона. Судя по всему, башенки на углах не было, за исключением, возможно, одной на юго-востоке, где находилась лестничная площадка.

Имеется подвал, основной и верхний этажи. Подвал, как обычно, находится на уровне земли. Толщина его стен составляет от 11 до 12 футов, они массивные и занимают площадь 36 на 58 футов. Он также разделен двумя поперечными стенами толщиной 4 фута 4 дюйма. Одна из них, лежащая на север и юг, кажется, поднималась через каждый этаж, а другая, расположенная под прямым углом к ней, вероятно, ограничивалась подвалом. Обе стены разрушены, осталось только достаточно, чтобы показать, что такие стены были. Из трех образовавшихся таким образом камер та, что занимала западный конец этажа, имела 37 футов в длину и 16 футов в ширину (*a*). Из двух других южная имела длину 37 футов 10 дюймов при ширине 17 футов (*c*), а северная - ту же длину при ширине 15 футов (*b*).

ЗАМОК БОУЭС.

FIRST OR MAIN FLOOR.

SCALE.
GROUND PLAN.

Западная камера, несомненно, была сводчатой, в четырех углах сохранились карнизы, от которых отходили ребра или своды. Две другие камеры, вероятно, также были сводчатыми, и в них сохранились некоторые следы угловых кронштейнов. Особое ребро, по-видимому, перекрывало юго-восточный угол, вероятно, для того, чтобы обеспечить пространство для лестничного проема. С юга в западную камеру вел дверной проем, от которого сохранился южный косяк. Вероятно, эти камеры были сводчатыми в два пролета, но никаких указаний на это не сохранилось. Все они освещены петлями, каждая из которых имеет ширину около 2 дюймов и находится на высоте 6 футов над землей, и помещена в ступенчатое углубление с круглой головкой, раздвинутое изнутри на ширину около 4 футов 6 дюймов. Этих петель шесть. Одна в северной стене, открывающаяся из северной камеры; три в южной стене, из которых две открываются из южной камеры, а третья из западной камеры, которая также имеет две другие в западной стене.

Юго-восточный угол занимает колодезная лестница диаметром 11 футов 8 дюймов, которая поднимается на крышу, сообщаясь коротким вестибюлем с каждым этажом. Единственный доступ в подвал осуществлялся по этой лестнице со второго этажа.

Первый или главный этаж был разделен поперечной стеной на большую восточную (e) и меньшую западную камеры (d), а полка или отступ уменьшает некоторые из стен на фут и соответственно увеличивает внутреннюю площадь. На этом уровне стены также содержали несколько фресковых камер. Главный и, по сути, единственный вход в башню находился на этом этаже в восточной стене, примерно в 10 футах от земли. Дверной проем, представляющий собой простую округлую арку с проемом в 5 футов 4 дюйма (f), вел в проход шириной 6 футов, открывающийся прямо в восточную камеру. Порткулиса не было, и единственным средством защиты была крепкая дверь, запертая на засов. В южной стене прохода небольшой дверной проем вел в камеру в восточной стене, шириной 6 футов и длиной 14 футов, с петлей в наружной стене, которая, несомненно, открывалась дверным проемом, ныне разрушенным, в восточную камеру. С северной стороны от дверного проема, но не сообщаясь с проходом, северо-восточный угол здания занимает вторая настенная камера длиной 14 футов и шириной 9 футов, также сводчатая (g). В северной стене этой камеры находится камин с вогнутой спинкой, а в восточном конце - петля. Из восточной камеры в нее входил дверной проем, ныне разрушенный, в южной стене, и эта дверь вела в небольшой вестибюль, отгороженный поперечной стеной от камеры с камином.

В третью камеру с фресками можно попасть из большего помещения через небольшую дверь в южной стене. Она открывается в проход шириной 2 фута 6 дюймов и длиной 33 фута, освещенный парой петель в южной стене и заканчивающийся в небольшой камере размером 8 футов на 4 фута, которая занимает юго-западный угол и освещена петлей в западной стене.

Четвертая камера находилась в западной стене. В нее вел дверной проем, ныне разрушенный, открывавшийся в проход шириной 2 фута 8 дюймов и длиной 19 футов, освещенный двумя петлями в наружной стене, одна из которых находилась в садовом погребе, а в разрушенной стене видна шахта, спускавшаяся из верхнего садового погреба, возможно, на втором этаже или на бойницах. Все настенные палаты сводчатые. У юго-восточного угла дверной проем и вестибюль ведут на винтовую лестницу. Главный этаж освещался тремя окнами: по одному в северной и южной стенах больших апартаментов и одно в западной стене меньшей комнаты. Все эти окна похожи друг на друга. Их ниши имеют плоскую и круглую форму и открыты до уровня пола. Их ширина составляет 8 футов. Их рамы или наличники исчезли, так что невозможно точно сказать, как они были закрыты. Их

плоские стороны придают этим трем оконным нишам вид дверных проемов. Этот этаж не был сводчатым, а был перекрыт деревянным потолком обычным способом.

Верхний, или второй, этаж представляет собой руины и недоступен, сохранились лишь фрагменты его стен. Наименее пострадавшая часть находится у изголовья лестницы у юго-восточного угла. Здесь сохранились боковые стороны дверного проема и одна стена вестибюля.

Материал здания - грубый прочный песчаник, выветрившийся до темного цвета. Стены внутри и снаружи были облицованы крупнозернистым пеплом, хорошо выполненным, и на трех внешних сторонах не пострадавшим. Западная сторона была разобрана, несомненно, для использования в более поздних постройках. Интерьер также почти полностью разобран, осталось только то, что было. Подвал завален фрагментами свода, так что пола нигде не видно. Возможно, здесь был колодец. Лестница была предусмотрительно выломана, так что она осталась пустым цилиндром. Вход в нее, у основания, сильно разрушен. Три южные петли довольно совершенны, одна - совсем.

На втором этаже большая или восточная камера, вероятно, была залом. Главный вход не имел передней постройки или внешнего покрытия, нет никаких следов каменной лестницы или разводного моста. По всей видимости, к нему вели деревянные ступени. Камера в северо-восточном углу, содержащая камин, очень большой для своего размера, возможно, была кухней. Это единственный камин, который сейчас можно увидеть в здании, хотя в поперечной стене могли быть и другие. Две камеры у юго-западного угла, по-видимому, были гардеробами, по одному выходу из каждой из основных комнат. Три окна необычайно велики и, находясь всего в 12 или 14 футах от земли, должны были значительно ослабить прочность здания. Несомненно, рамы или наличники, заполнявшие проемы, были тяжелыми и прочными, но все же ни один наличник или муллийон не смог бы устоять перед тяжелым камнем из катапульты, как и оболочка стены, содержащая лестницу. Вероятно, у пограничников, чьим набегам башня должна была противостоять, не было в распоряжении военных машин.

Поскольку крыша исчезла вместе со стенами, которые ее поддерживали, невозможно сказать, была ли она плоской или наклонной. Однако в западной стене, на северном конце, виднеется участок пепла, срезанный под низким наклоном, очевидно, для бывшей крыши, и такой же признак есть в остатках поперечной стены на южном конце; примерно на том же уровне находится квадратное отверстие, которое, очевидно, отводило воду из водостока на одной стороне стены в водосток на другой. Уровень этих признаков низкой скатной крыши находится примерно на уровне пола верхнего этажа и на много футов ниже даже нынешнего верха стены. Похоже, что здесь, как и в Ричмонде, Ладлоу, Порчестере, Бридженорте, Кенилворте и во многих других случаях, первоначальная крыша была над первым этажом, а второй этаж был достроен позже, как правило, не более чем через несколько лет. Возможно, вся стена над струнным ходом является дополнением, но если это так, то очень ранним.

Башню Боуса можно смело отнести к поздненорманнскому стилю. Поперечные стены, безусловно, оригинальны, но свод, вероятно, был добавлен, и, судя по перекосам двух ребер на южной стене, относится к декорированному периоду. Подвалы нормандских замков очень редко были сводчатыми, и здесь, как и в Броуме, Ричмонде и Карлайле, своды выглядят более поздними, чем стены.

Две открытые стороны башни, западная и южная, показывают, что она была ограждена рвом на расстоянии от 40 до 70 футов, и это, возможно, продолжалось по всему периметру. Башня стоит в нескольких ярдах к югу от шоссе, которое пересекает этот район с востока на запад и

представляет собой римский путь от Грета-Бридж через Броу, Эпплби и Броум, с ответвлениями на север к Алстону и Карлайлу. В Боусе, как и в Бро и Броуме, дорога была укреплена лагерем, а башня Боуса стоит внутри лагеря, у его западной границы и к югу от его центральной линии. Рвы лагеря прослеживаются на севере и западе, а также частично на востоке, а его площадь составляет около 130 ярдов на 140 ярдов: на юге земля резко падает к глубокому руслу Грета и защищена террасами и уступами, в которых, немного западнее центра, находится отверстие, вероятно, для сообщения с рекой. Остатки римской бани были открыты за юго-восточным углом, а фрагмент свинцовой трубы, несомненно, питавшей ее, был выкопан в соседнем церковном дворе. К западу находятся остатки четырех небольших курганов в Раундхилл Клоуз, а оборона лагеря усилена двумя водотоками на небольшом расстоянии с восточного и западного фронтов. Кроме этого лагеря есть еще один у Грета-Бридж, в 6 милях к востоку, и два других в 6 и 8 милях к западу, из которых один, известный как Рэйкросс, считается британским лагерем, принятым римлянами. Крест, о котором говорится в названии, был установлен в 1067 году, чтобы обозначить границу, согласованную в то время между Англией и Шотландией. Дальний лагерь известен как Девичий замок. Считается, что Боус - это римский Лаватр. Место для лагеря выбрано удачно, оно имеет значительную высоту. Он находится на высоте 928 футов над морем, и с него открываются обширные виды, особенно на юг и восток.

Поскольку история Северного Йоркшира еще не написана, о Боусе мало что известно, кроме того, что и поместье, и замок всегда принадлежали графам Ричмондам. Король Джон, этот самый беспокойный из монархов, был в замке 16 февраля 7 года своего правления, то есть в 1206 году, когда он оттуда, "apud Bouas", обратился с мандатом к лесничим Ноттингема, и еще раз, согласно маршруту мистера Хантера, 16 июня в 14 году своего правления, 1212. "Графы Ричмонды", - говорит Кэмден, - "взимали здесь сквозную пошлину и установили виселицу". Раймер также приводит грамоту Генриха III Петру, графу Ричмонду, от 25 марта 1262 года, дарующую и подтверждающую ему, вместе с другими землями, "Villas de Richemund et Boghes, cum castris et wapentachiis, et omnibus aliis pertinentiis suis"; а "Bowes castrum" принадлежал Петру Савойскому, 10 Эдварду I, и "Bowes Manerium" Джона ле Дрё старшего, графа Ричмонда, 13 Эдуарда I. 19 Эдуарда I, Уильям де Фельтон был назначен ответственным за Ричмонд и Боус, и т.д., для короля. Джон ле Дрё, граф Ричмонд, получил его 5 Эдуарда III. 36 Эдуард III., Маргарет де Дакр умерла, завладев поместьем Боус, как, 4 Генрих VI., сделала Джоан, вдова Джона де Грея, шевалье; и, 14 Генрих VI., Джон герцог Бедфорд. 22 Генриха VI, две части манора или лордства Боус принадлежали Джону герцогу Сомерсету. В настоящее время его владельцем является мистер Пулейн из Клифтона. Упоминается Боус в Нортумберленде в правление Эдуарда III и аренда под названием Боус в Боулне в Сассексе, 4 Генриха IV. Замок, вероятно, был построен в конце XII века, а разобран либо Карлом, либо парламентом в XVII веке. Это очень хороший пример позднего норманнского замка. Мельница, почти неизменный придаток раннего замка, стояла на реке Грета.

ЗАМОК БРАМБЕР, СУССЕКС.

Среди всех графств Англии нет более глубоко английского, чем Сассекс. Его название, имена самого центрального из двух столичных городов, его главных и второстепенных подразделений, его приходов и в очень значительной степени его жителей мало чем отличаются от тех, которые они носили накануне Завоевания и под властью Годвина и

Гарольда. Даже нередкие следы норманнской оккупации в виде приходских церквей, аббатств и замков большой прочности и долговечности во многих случаях были привиты к фундаменту, восходящему к временам Альфреда и Эгберта. Так было с Селси, церковным родителем Чичестерского собора, с Бошамом, Маллингом, Стейнингом и другими религиозными домами; а Арундел, Брамбер, Кнапп, Гастингс и Льюс, все великие замки в свое время, были резиденциями английских вождей на протяжении веков, прежде чем их берега были покрыты каменными стенами или их курганы увенчаны крепостями, построенными по нормандскому образцу. Певенси, действительно, может похвастаться еще более ранним происхождением.

Британские остатки в Сассексе весьма скудны. Предполагается, что несколько больших и более возвышенных городищ, а также городищ неправильной формы, таких как Сиссбери, площадь которого составляет 60 акров, были созданы регнами, самыми ранними жителями этого района. Трудно не заметить в реках Арун, Адур и Оус названия, соответствующие Аэрон, Дур и Уск или Эск, которыми до сих пор обозначаются многие ручьи в кельтских странах. Глинде утверждают, что это кельтское название, но очень редко, особенно в Сассексе, можно встретить название прихода не тевтонского происхождения.

Следы римского периода более многочисленны. Главная дорога, пересекающая графство от Чичестера в сторону Лондона, несомненно, относится к этому времени, и, похоже, существовала еще как минимум одна дорога от Чичестера - римского Регнума - до Певенси. Сохранилось также несколько прямоугольных лагерей, таких как Гоушилл, Холлингбери, Дитчлинг, Хайдаун и Брайтхелмстоун Даун, очевидно, римских. Чичестер, хотя его латинское название, вероятно, включает более раннее наименование, имеет римское крестообразное расположение двух главных улиц, хотя и не прямоугольные очертания. Андериды, Мутуантонис и Мида, римские города, местоположение которых оспаривается, похоже, находились в Сассексе; а в Богноре и других местах были обнаружены тротуары, фундаменты, камни с надписями и другие следы римского жилья. Тем не менее, остатки британской или римской оккупации весьма незначительны: все, что говорит о законе, порядке, собственности, семейных узах, предках народа, гражданском или религиозном устройстве, общественном культе - все это, что является родовым, является английским. Такое тщательное выкорчевывание следов более ранней оккупации, несомненно, объясняется положением Сассекса в той части британского побережья, которая наиболее подвержена саксонским и датским вторжениям и которая выдержала атаки этих грозных захватчиков, когда они были самыми ранними и свирепыми. Сассекс поздно попал под гуманизирующее влияние христианства, оставаясь языческим до середины седьмого века. Удивительная сохранность названий и делений до наших дней, вероятно, объясняется весьма своеобразной конфигурацией района и изоляцией, которую создавали крутые и высокие пограничные хребты, а также густые леса, покрывавшие и в некоторой степени до сих пор покрывающие его центральную часть. Поскольку расположение главных замков определяется этой конфигурацией, несколько слов о ней не будут лишними.

Сассекс образует западную половину меловой котловины. Мел поднимается длинной, узкой, высокой и очень крутой грядой, образуя северную, восточную и южную окраины области, высота которой, достигающая 800 футов, известна как Даунс. Северные Дауны отделяют Сассекс от Суррея, а Южные Дауны являются границей, ведущей к морю. Последний хребет простирается от окрестностей Чичестера до Бичи-Хед, а Северные Дауны - до Фолкстона и Дувра. Глубокая лесистая местность, заключенная между ними, - это хорошо известная слава Сассекса. Котловина косо пересекается морем, и юго-восточная граница графства, таким образом, открыта на протяжении около пятидесяти миль. Однако в прежние времена

широкие болота Певенси, Уинчелси и Ромни закрывали этот проем таким же эффективным барьером, как и сами дауны.

На этих склонах, и особенно на хребте к морю, ранние морские короли, по-видимому, устраивали свои стоянки. Здесь до сих пор находят такие холмы-лагеря, как Вулстонбери, Кабурн, Рукшилл и Чукбери, круглые по форме и, следовательно, не британские и не римские, а также несколько других, таких как Ньюхейвен, Сифорд и Берлинг, которые представляют собой сегменты кругов и, как Флэмборо-Хед, окружают мысы, и с определенной вероятностью приписываются датчанам. По общему мнению, эти круговые или сегментные земляные сооружения предшествовали курганам и насыпям, обнаруженным в глубине страны и на более низких участках земли, - работам тех же людей после их заселения и цивилизации.

Сассекс - единственное графство, первичные подразделения которого носят названия рапсов; их шесть: Гастингс, Певенси, Льюс, Брамбер, Арундел и Чичестер, которым подчинены шестьдесят пять сотен; каждый рапс содержит часть морского побережья, реку, гавань и крепость. Реки: Лавант, которая почти опоясывает город Чичестер и впадает в устье Бошам, порт Чичестера - считается, что это название произошло от саксонского *hlifian*, "подъем", поскольку источники ежегодно поднимаются из глубоких мест; -Арун, который спускается в лощину, носящую его имя, рассекая меловой хребет, и достигает моря в Литл-Хэмптоне; Адур, река Брамбера, которая также через проход в мелу достигает моря в Шорхэме; Оуз, река Льюса, которая через узкое ущелье теперь вливается в море в Ньюхейвене, а не вытекает, как раньше, в Сифорде. Кукмир - река Певенси, но она покидает это убежище далеко на востоке и спускается, также через разрыв в мелу, к морю, к западу от Бичи-Хед; и, наконец, Ротер, река Гастингса, но общая граница Сассекса и Кента, которая впадает в море у Рая. Певенси-Хейвен, хотя и лишен Кукмира, является вместилищем ряда мелких ручьев, с помощью которых воды с возвышенностей раньше затопляли эту обширную территорию.

Крепостей на рейпах также шесть: Чичестер, вероятно, римского происхождения, давно разрушен; Арундел, Брамбер, Льюс и Гастингс - все пра-норманнского происхождения; Певенси - римского происхождения. Элла, высадившаяся на берег в 477 году, завладела Чичестером. Все они были резиденциями английских лордов, и все были приняты норманнами как удачно выбранные позиции, и с их помощью были заняты и укреплены. Замок Кнепп или Кнапп, подчиненный Брамберу, в том же рапе, как и он, имеет английское происхождение.

Из шести замков три - Арундел, Брамбер и Льюс - расположены в верхних проемах узких щелей на меловых склонах. Чичестер расположен к востоку от меловой гряды и за ее пределами. Певенси стоит в пределах мела, среди низких болот, через которые эта местность выходит к морю; а Гастингс, также в пределах мела, стоит на морском утесе, на скалах и песках, которым он дал свое геологическое название.

Все шесть, как и Кнапп, в большей или меньшей степени обладали конической насыпью, столь характерной для английских крепостей, и каждая из них после Завоевания стала главной резиденцией баронства и принадлежала могущественному дворянину. Роберт де Эу владел Гастингсом; Уильям де Уоррен - Льюсом; граф Моретон - Певенси; Чичестер достался Роджеру де Монтоммери, который основал здесь замок на месте более ранних построек, от которых осталась часть насыпи. Замок стоял внутри городской ограды, в северо-восточном квартале. Вместе с Арунделом он стал собственностью д'Альбини и был разрушен по приказу короля Иоанна, после чего третий граф Арундел основал на его месте монастырь Серых

монахов, дом которого, вероятно, был построен из материалов замка. Говорят, что на кургане стояла круглая или многоугольная крепость, как в Арунделе, и что следы ее фундамента долгое время были видны на ее вершине. Курган пережил все норманнские дополнения и является единственным сохранившимся остатком древней крепости. Город, внутри которого стоял замок, также является ранним сильным местом. Крестообразные улицы, несомненно, римские, как и монеты и камни с надписями, которые иногда откапывают; но очертания города не прямоугольные, и он заключен в вал и ров неправильных очертаний, когда-то грозной силы, и все еще в некоторых частях довольно совершенный. Не исключено, что эти земляные работы - постримские, дело рук романизированных бриттов, а значит, более ранние, чем дата возведения замковых насыпей. Более поздняя стена была построена на берегу, который, таким образом, до сих пор, где он сохранился, образует широкий пандус или террасу.

Замок Арундел, следующий на восток за Чичестером и превосходящий его по военной значимости, стоит на правом берегу Аруна и высоко над ним. Перевал имеет более открытый характер, чем те, что находятся к востоку от него. Этот замок уже был описан.

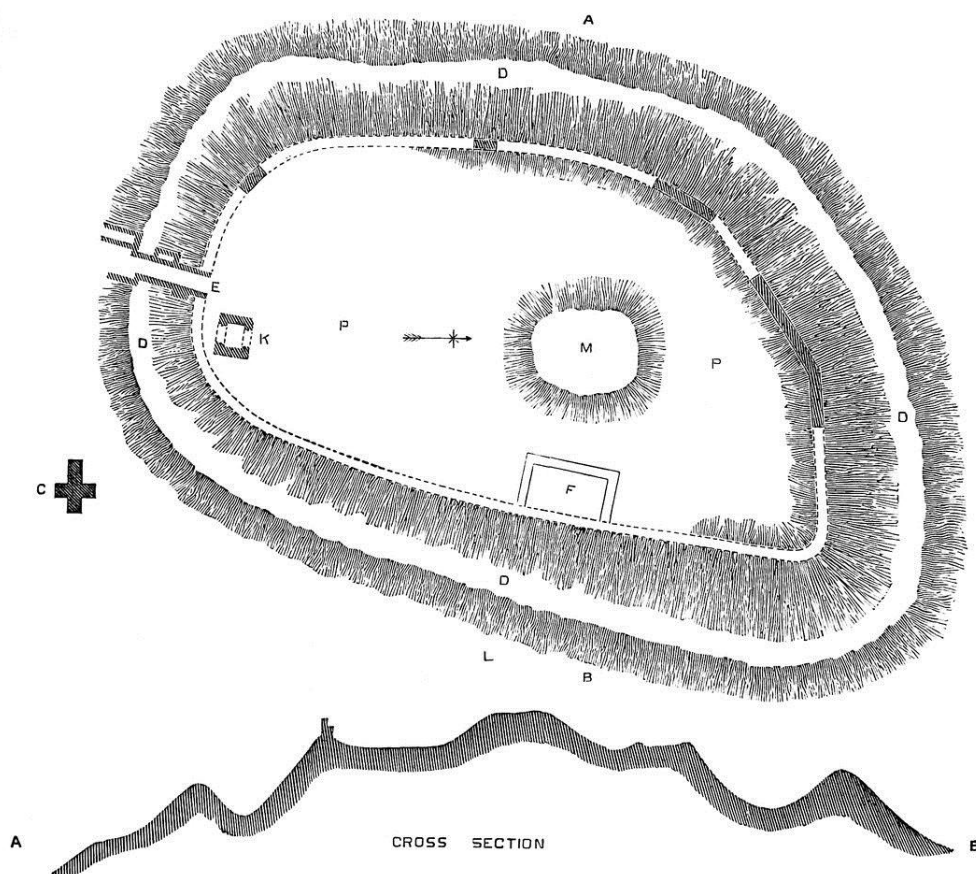
Замок Кнепп находится в приходе Шипли. В нем на насыпи находился панцирный замок, от которого сохранились следы, но который, как говорят, был разрушен еще в 1216 году.

Брамбер, замок, расположенный к востоку от Арундела, считается английским "Бримбургом", крепостью на краю или краю пропасти. Он был главой баронства и главным местом рапы, которой он дал название и которая включает сорок два прихода. Рапа простирается на двадцать четыре мили от границы Суррея до моря, а ее ширина составляет около восьми миль. Узкая, она до 1832 года включала в себя четыре парламентских округа - Шорхем, Брамбер, Стейнинг и Хоршем, которые избирали в парламент восемь депутатов, теперь их число сократилось до трех. Замок стоит на западной стороне канала, по которому Адур впадает в море у Шорхэма. Проход, которым он управляет, имеет четыре мили в длину и полмили в ширину; дно плоское и болотистое, стороны очень крутые и поднимаются на 600 или 700 футов. Новый Шорхэм, основанный около 1200 г. норманнским лордом Брамбером, стоит на берегу моря; старый же Шорхэм, английский порт, сейчас находится на полмили вглубь материка, так как отложения реки и *обломки* мелового хребта значительно уступили место морю. Комб и Сент-Ботолф, старинные приходы, расположены в пределах перевала, а выше, на той же стороне, находится деревня Брамбер, стоящая на слегка возвышенном месте у подножия западных холмов и на краю широкого участка ровной земли, все еще влажной и ранее непроходимой, через которую вялый и часто затопляемый Адур прокладывает довольно извилистый путь.

Замок расположен немного к северо-западу от деревни и, по английскому обычаю, рядом с приходской церковью. От него через долину проходит насыпная дорога, ведущая к деревне Селе или Бидинг, Бедингс из Домедея, где когда-то находился религиозный дом, зависящий от замка. Деревня, состоящая из одной короткой улицы, примыкает к дамбе, а рядом с ней в 1839 году были обнаружены сваи и опоры древнего моста, по которому дорога проходила через один из притоков Адур. В грамоте 1075 года упоминается этот мост и часовня на нем, как "St^{us}. Petrus de veteri ponte". Однако мост имеет более древнее происхождение, и по нему проходила римская дорога через болото, которое в то время, вероятно, было затоплено морем.

При строительстве крепости был использован холм из нижнего или серого мела, примерно овальной формы и высотой около 120 футов над рекой. Он был выровнен по верху и обрезан по сторонам так, чтобы образовать более или менее округлую площадку, 560 футов на север

и юг, 280 футов на восток и запад. Скарп спускался на 180 футов под углом 45 футов, или с уклоном один к одному, в ров шириной около 20 футов у основания, противоположная сторона которого, или контрскарп, поднималась примерно на 40 футов под таким же углом, так что ров на уровне контрскарпа был шириной 100 футов, а гребень скарпа поднимался на 30-40 футов над землей напротив. Очень грозная оборона. На востоке, где земля была низкой, высота контрэскарпа не превышала 20 футов, а чтобы увеличить глубину рва, его гребнем служила легкая насыпь, от которой земля отходила к болоту. На севере и северо-западе, где канава была наиболее глубокой, а земля высокой, склон наружу пологий, обрывающийся на протяжении примерно одного фута. К западу, где находится долина, ныне занятая железной дорогой, земля низкая, и здесь внешняя сторона рва, образующая гребень контркарпа, представляет собой узкий хребет, как в Аркесе, сменяющийся очень крутым склоном. Таким образом, те, кто приближался к этому месту с этой стороны, после крутого и опасного подъема оказывались на внешнем краю глубокого рва, а за ним - еще один, более высокий и крутой подъем. К югу канава пересекает холм, а не огибает его, и гораздо менее глубокая. Здесь находился вход, а на небольшой оконечности холма, отрезанного таким образом, располагалась приходская церковь, стоящая, таким образом, прямо за рвом и защищенная склоном холма и пологой дорогой, проходящей в нескольких ярдах от края болота, уровень которого на 8 или 10 футов ниже.

- С. Церковь.
- D. Ров.
- E. Вход.
- F. Фундаменты.
- K. Хранить.
- L. Низина и болото.

- М. Mound.
- Р. Платформа.

ЗАМОК БРЭМБЕР.

На вершине стола, в 160 футах от его северного и 40 футах от восточного края, возвышается конический курган высотой около 40 футов и диаметром 70 футов на вершине. Он полностью искусственный, и материал, очевидно, был зачерпнут с поверхности местности, которая, таким образом, стала слегка пологой, поверхность плавно поднимается к кургану и к внешнему краю местности, то есть к гребню скарпа. Судя по всему, курган не имел собственного рва. С южной стороны он был разрыт и изуродован. Возможно, там находились постройки. С северной стороны первоначальная и обычная форма осталась нетронутой. Склон очень крутой. Это был "бург" или крепость первоначальной крепости.

Что стояло на месте бурга или как первоначально оборонялся край территории, конечно, можно только предполагать; но, учитывая богатство древесины в округе, вполне вероятно, что все оборонительные сооружения были из этого материала, как и прилегающая церковь, и, таким образом, мы можем представить себе "аулу" графа Герда, который был лордом Брамбера во времена правления Исповедника. Позиция очень сильная, а вид с нее на восток и северо-восток обширный.

Брамбер - один из замков, упомянутых в Домедее. В то время он входил в состав лордства Вашингтон и принадлежал Вму де Браозе, нормандскому грантополучателю. "Ipse Wills. [де Брайока] tenet Wasingetune. Guerd comes tenuit tempore Regis Edwardi. Tunc se defend. pro LIX. hid. Modo non dat geldum. In una ex his hidis sedet Castellum Brembre".

Упомянутый здесь Уильям де Браоз, вероятно, присутствовал при Гастингсе. Грамота, цитируемая Дагдейлом, датируемая 1075-6 годами, показывает, что он был из Браозе, недалеко от Сомюра, на Луаре. Ему сразу же было пожаловано почти все изнашивание Брамбера, и он принял замок в качестве своей главной резиденции.

Хотя местная история умалчивает о деятельности де Браоза, многое можно почерпнуть из свидетельств существующих руин. По краю столовой площадки он или его ближайший преемник построил стену из *энсинта*. Там, где земля была прочной, она была основана на краю склона, но там, где мел отступил, фундамент был заложен на 3 или 4 фута ниже, так что стена была построена как укрепительный вал, а земля внутри образовывала пандус против нее. От этой стены сохранились значительные участки, и ее фундамент можно проследить по всему периметру. Ее толщина составляла от 7 до 9 футов, высота внутри - от 10 до 18 футов, а снаружи - от 20 до 30 футов. Он был построен полностью из крупной гальки, как с морского пляжа, уложенной в очень толстый слой раствора. Конечно, такие камни не могут иметь никакой связи, и это самый худший материал, который мог быть выбран при обычных обстоятельствах, но раствор настолько прочен, что стена остается крепкой, а местами даже парапет толщиной в 2 фута, состоящий из того же материала, стоит. На северо-востоке находится острый угол, а на юго-западе - еще один смелый, но ни там, ни в других местах, похоже, не было башен с фресками, хотя надо признать, что густой подлесок из терновника и камыша делает невозможным внимательный осмотр внешней стороны.

Нормандская крепость стояла на линии *энсинта* или прямо на ней, в южном конце, к востоку от входа и напротив церкви. Она представляла собой квадрат в 40 футов, вытянутый на север и юг, и находилась примерно в 240 футах к югу от кургана. Толщина стен у

основания составляла 9 футов 6 дюймов, а на вершине - немного, если не меньше, и внешняя поверхность была вертикальной. Подвальная камера на уровне земли имела площадь 21 фут и высоту 14 футов, а над ней располагались три этажа, все с деревянными полами. Высота до крепостной стены, по прикидкам, составляет около 70 футов, или диаметр с тремя четвертями. Первый этаж высотой 23 фута опирался либо на балки, которые поддерживали северную и южную стены, ныне исчезнувшие, либо, что более вероятно, на выступ в стене, толщина которого на этом уровне уменьшилась примерно на 6 дюймов, как видно на западной стороне. Осталась только западная стена и нижние 6 или 8 футов восточной стены. Северная и южная стены полностью удалены. Западная стена цельная у основания, но восточная стена утоплена внутрь любопытным образом, и, кажется, кроме того, содержала две полости, похожие на выгребные ямы. Однако вся эта масса была так растащена, что из нее мало что можно извлечь.

На втором этаже западная стена также сплошная, за исключением того, что в ее южной части находится короткий сводчатый проход, который, по-видимому, заканчивался садовником, отверстие которого отмечено своего рода вертикальной бороздой в стене. В этот проход, вероятно, вела дверь в южной стене, недалеко от юго-западного угла. Восточный этаж высотой 19 футов опирался на шесть балок в восточной и западной стенах. В западной стене находится углубление по центру, глубиной 3 фута, высотой 2 фута над полом, шириной 5 футов, с откосами высотой 7 футов. В нише находится окно шириной 3 фута, с косяками высотой 5 футов, также расположенное по центру. И ниша, и окно довольно простые и не раскрепованы.

Третий этаж, высотой 14 футов, также опирается на шесть балок, с востока и запада. У него нет окна на западе, но в стене есть два углубления для вертикальных балок крыши, а в основании каждого - венчик. Похоже, что крыша была наклонена, как в Бридженорте и других местах, с небольшим уклоном, а северная и южная стены были ее фронтонами.

В фундаменте есть некоторые признаки пристроенного к северной стороне здания, где, вероятно, находился вход. Материал, из которого построена крепость, - меловой кремень, уложенный в обильные слои раствора. Кремень не обработан, а работа представляет собой курсированный бутовый камень, очень простой и хороший, но довольно грубый, с тенденцией к селедочной костяной работе. Окно отделано пеплом, как и полые кряжи в интерьере, но нет никаких украшений, даже обычных нормандских пилястр или цоколя. Вероятно, пепел - это окрестная порода мальм, залегающая под мелом, подобная той, что использовалась в Дорчестере и некоторых соседних оксфордширских церквях. В целом, эта крепость кажется ранней норманнской работой, возможно, еще в Маллинге, и, вероятно, была построена первым де Браозом до 1095 года, когда владениями владел его сын.

Когда крепость была взорвана, как это, очевидно, и было, порохом, южная и восточная стены упали четырьмя или пятью огромными массами в прилегающий ров, где они и остались, мало изменившись, хотя и затененные растительностью. Если бы их расчистили, можно было бы обнаружить больше деталей крепости. Северная стена, похоже, была разрушена и удалена.

Примерно в 40 футах к западу от крепости находятся остатки входа. Насколько можно судить, здесь не было значительных ворот, вероятно, только арка в занавесе, как в Ричмонде. Фрагмент стены показывает, что подход был крутым, а примерно в 40 футах от ворот находился мост, пирс и контрпирс которого, расположенные на расстоянии 13 футов друг от друга, все еще стоят во рву, ширина которого не превышает 90 футов, а глубина - 30 футов. Подход к контрпирсу круто поднимается от подножия холма и проходит мимо церкви.

Единственным зданием, от которого сохранились следы, помимо крепости, в пределах территории, была прямоугольная свая, построенная на куртине, длиной 60 футов и выступающая на 24 фута вглубь территории. Она располагалась напротив и к востоку от кургана, а проход между ними был шириной всего 15 футов. Часть основания этого здания сохранилась, и на ней видны цоколь и фрагмент стены, облицованной кремнем. Постройка выглядит на много веков позже, чем замок, и наверняка не является норманнской. От колодца не осталось и следа.

Приходская церковь пользуется покровительством Святого Николая, как и в Старом Шорхэме. По своей сути она норманнская, возможно, более поздняя, чем замок, и первоначально была крестовой церковью с центральной башней. Неф и центральная площадь сохранились, но хор и трансепты были удалены, а арки завалены. Южная дверь нефа украшена простой заготовкой, но первоначальный проем был замурован, и в него вставлен сегментный дверной проем меньшего размера. Крестообразный план, по-видимому, часто использовался здесь. Его можно увидеть в Олд-Шорхэме, Стейнинге и Бродвотере.

У Брамбера почти нет истории. Лорды были одними из самых диких, буйных и неудачливых среди нормандских баронов. Их основатель, Уильям де Браоз, получил от Завоевателя сорок одно лордство в Сассексе, в основном в этом графстве, а также другие в Дорсете, Хантсе, Берксе, Уилтсе и Суррее. Он основал приорство Святого Петра в Селе.

Филипп, его сын, придерживался Руфуса, но выступал против Генриха I и был лишен наследства. Он женился на Берте, дочери Мило, графа Херефорда, с которым у него были Брекнок, Гоуэр и другие южные валлийские владения, и таким образом заложил основу большей части могущества и большинства несчастий своего рода. Вероятно, он основал мощные замки Ойстермут и Суонси.

Уильям, внук основателя, вернул себе эти поместья. Он основал церковь и порт Нью-Шорхэм. Он также участвовал во вторжении в Ирландию вместе с Генрихом II и удерживал все королевство Лимерик. Его обвиняют, хотя и на основании скудных доказательств, в массовом истреблении своих валлийских соседей в Абергавенни. Его владения в Англии, Уэльсе и Ирландии были огромны, кроме того, он владел почетом Брауза в бейливики Фалеза в Нормандии и долей почета Тотнеса. Он женился на Мод де Хейс или Сент-Валери. По какой-то не совсем понятной причине он стал неприятен королю Иоанну, и их распри, сильно обостренные высказываниями его жены, привели в 1210 году к его изгнанию и смерти его жены и сына Уильяма, как говорят, от голода, в тюрьме Виндзорского замка. Сам он умер в Париже вскоре после этого, в 1212 году. Он был значительным благотворителем для церкви, и о нем рассказывают, что он с большим благоговением употреблял имя Божье. Король захватил Брамбер и пожаловал баронство Ричарду, графу Корнуолла. Джайлс, епископ Херефордский, и Реджинальд де Браозе, братья пострадавшего барона, через некоторое время получили часть владений. Брамбер был пожалован епископу, который, однако, умер в течение года. Наконец, в царствование Генриха III Реджинальд вернул себе Брамбер и Кнапп, а также большую часть остального имущества, и, женившись на Греси, дочери Уильяма де ла Бруэра, умер 6-го Генриха III, а его преемником стал Уильям, его сын.

Уильям де Браоз женился на Еве Марешаль, сонаследнице великого графа. Он попал в руки принца Ллевелина, который обвинил его в слишком большой близости со своей принцессой и предал его смерти в Буилте, как говорят, через повешение. Он оставил четырех дочерей-сонаследниц, потомкам которых принадлежала большая часть владений.

Однако оставался наследник мужского пола - Джон де Браоз от Мод де Клэр: он был внуком от Мод де Клэр того Вильгельма, который был умерщвлен вместе со своей матерью в Виндзоре и получил Брамбер и Гоуэр. Его сыном был Уильям де Браоз, который владел Брамбером и Гоуэром, а также значительно увеличил владения в Сассексе. Говорят, что в 1262 году он собрал большую сумму денег со своих арендаторов, отказавшись от права муража. Он умер в Финдоне в 1290 году, в 19 году Эдуарда I, и ему наследовал Джон де Браоз из Брамбера, который женился на Маргарет, дочери Ллевелина, принца Уэльского. Он умер в Брамбере от падения с лошади (16 Генриха III., 1232), и его сменил Уильям, который умер 19 Эдуарда I. Уильям был влиятельным бароном и активно участвовал в войнах Эдуарда I и II. Однако он был расточителен и вынужден был продать Гауэр, что впоследствии привело к спорам между покупателем и законными наследниками продавца, из которых Алива, его старшая дочь, вышла замуж за Джона де Моубрея, от которого произошла, в седьмом поколении, Маргарет де Моубрей, которая вышла замуж за сэра Роберта Говарда, откуда происходит герцог Норфолк, нынешний владелец замка Брамбер. Баронство находится в состоянии покоя. Вероятно, с уходом старшей мужской линии де Браозе замок перестал быть резиденцией, но в 1644 году он был достаточно прочным, чтобы капитан Джеймс Темпл, представлявший интересы короля, смог удержать его против сильной парламентской партии, и, вероятно, именно в результате этого замок был взорван, а крепость приведена в нынешнее состояние. Существует гравюра Холлара, сделанная 150 лет назад, на которой он изображен именно в таком виде.

Другая ветвь рода де Браозе дослужилась до звания парламентских баронов и владела большими сассекскими владениями. Последний мужчина из этой кадетской ветви, де Браоз из Чесворта и Ист-Гринстеда, умер во времена правления Ричарда II.

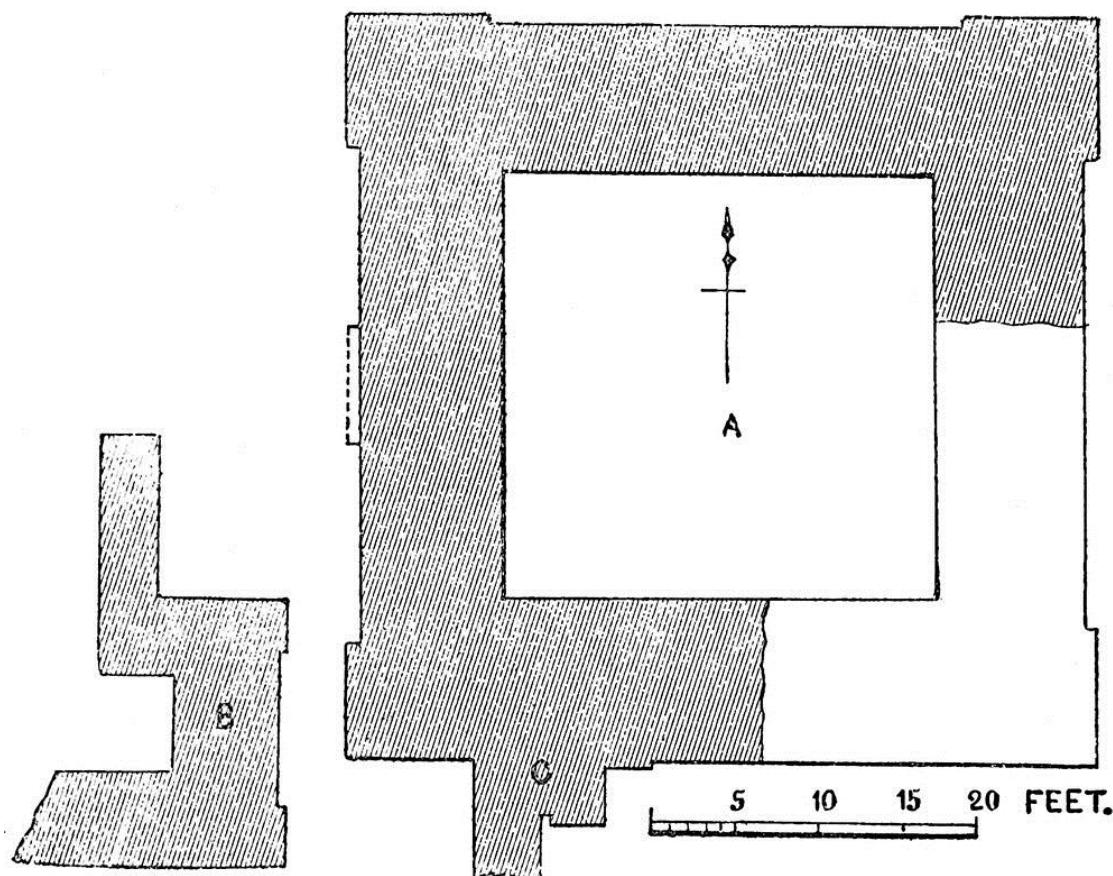
Брамбер, как и Понтефрак, Льюс и Дадли, является примером естественного холма, изрезанного и защищенного искусством, и увенчанного искусственной насыпью; но, в отличие от этих замков, он имеет и насыпь, и прямоугольный замок - редкое сочетание, встречающееся также в Гилфорде и Крайстчерче. Прямоугольный замок на естественном изолированном холме, не сопровождаемый курганом, хотя и не является обычным, но и не неизвестен. Его примеры можно увидеть в Хедингеме, Корфе и Бридженорте. В Брамбере, как и во многих других местах ранних крепостей, первоначальные земляные сооружения пережили норманнские дополнения и остались практически в том виде, в котором они, должно быть, существовали до Завоевания.

БРИДЖЕНОРТ, ОЛДБЕРИ И КВАТФОРД В ШРОПШИРЕ.

Река Северн, текущая от Шрусбери к Вустеру, на протяжении нескольких миль проходит по глубокому и изрезанному оврагу, в пределах или рядом с которым расположены густонаселенные районы Коулбрук-Дейл, Айрон-Бридж, Коул-Порт и Броусли - ранние очаги производства железа и свидетельства богатства, хотя и мало гармонирующего с природной красотой страны. Овраг начинается немного ниже покрытых плющом руин аббатства Билдвас и заканчивается в двадцати-двадцати пяти милях ниже, около Бьюдли и Стоурбриджа, где он открывается в долину с мягким и улыбчивым характером.

Примерно на полпути вниз, между скалой Пендлстоун и впадением в Уорф, Северн принимает на свой правый берег воды из короткой, но глубокой и широкой долины, которая косо спускается с северо-запада, и между ней и основной долиной находится точка крутого

и узкого хребта скалы, возвышающегося примерно на 200 футов над рекой, и на почти ровной вершине которого расположен город и то, что осталось от замка Бридженорт. Скала более возвышенная, а положение гораздо более поразительное, чем у замка Понтефракта, оборона которого также была в значительной степени естественной, и в этом отношении Бридженорт может вызвать сравнение с Куси, на который он также похож по отношению замка к городу. В обоих местах замок примыкал к городу, и их соединенные оборонительные сооружения образовывали общий *энсинт*, а замок, кроме того, имел собственный ров.

ЗАМОК БРИДЖЕНОРТ.

В Бридженорте замок занимал вершину и южный конец платформы, более широкую и северную часть которой занимал город, городские стены примыкали к стенам замка, а крепостной ров пересекал платформу с одной стороны на другую. Из оборонительных сооружений города сохранились только северные ворота, да и то в сильно изуродованном и замаскированном виде, но линию стен можно проследить, отчасти по неровностям местности и расположению улиц, а отчасти по наличию утеса, на котором они частично стояли. Древний укрепленный мост, который стоял во время визита Гроуза в конце прошлого века, но теперь перестроен, пересекал Северн к востоку от города, и к нему вели крутые и узкие ступени, вырубленные в скале, и почти такая же крутая проезжая дорога, изрезанная траверсами. Этот мост защищал проход через реку и соединял город с пригородом, называемым Нижним городом, расположенным на левом берегу. Именно этот мост, как предполагается, дал этому месту его раннее название Бруг или Брейг, а приставка "Северный" была добавлена, вероятно, в тринадцатом веке, когда, как говорят, немного ниже существовал более ранний мост. В городе есть несколько старинных зданий, среди них, недалеко от моста, очень красивое деревянное здание, в котором родился епископ Перси. Здесь же находится прекрасная приходская церковь Святого Леонарда, которая стоит в северном конце города, к востоку от северных ворот, и как раз в пределах линии старых стен.

Платформа замка в плане напоминает равносторонний треугольник, каждая сторона которого составляет около фурта. По словам Леланда, ее площадь составляет около трети площади города. Две стороны этой площадки были защищены обрывом, настолько крутым, что ров был излишним, а его поверхность, где требовалась поддержка, была и до сих пор остается увенчанной, стена и край обрыва, несомненно, были увенчаны парапетом. Утес поднимается из крутой осыпи, или склона. Основание местности защищала стена во рву, на которой находилась большая сторожка, стоявшая во времена Лиланда и столетие спустя. Ров был засыпан и застроен, а стена удалена. Неподалеку от нее сохранились остатки крепости, а в нескольких ярдах к востоку от нее находилась замковая часовня, ныне церковь Святой Марии Магдалины, до недавнего времени особая, с особой юрисдикцией. Часовня была коллегиальной и предназначалась для некоторых пребендариев, но была упразднена во время Реформации. Нынешнее здание, построенное в 1796 году, представляет собой большой и ужасающий пример церковной архитектуры Телфорда, выполненной в греческом стиле, который великий инженер с удовольствием считал своим. Оба здания стоят на самой высокой части территории замка, которая понижается на 30-40 футов к южной точке. Современная стена заняла место старого *энсинта*. Отсюда открывается очень благородный вид, и ни один город в Англии не может похвастаться более красивой набережной, чем та, которой корпоративная забота окружила территорию.

Фрагмент крепости, давно известный как "наклонившаяся башня Бридженорта", кажется, единственная оставшаяся от замка каменная кладка, поскольку стена утеса выглядит так, будто ее заменили. Замок представлял собой правильную прямоугольную башню обычного норманнского образца, но по размерам очень недостойную могущественного графа, который ее построил, или знаменитой крепости, цитаделью которой она являлась. Ее площадь составляла 45 футов, а высота - от 60 до 70 футов до основания парапета. На каждой грани было по две полосы пилястр шириной 8 футов на 6 дюймов, расположенных вплотную к углам башни, но не закрывающих их, которые, таким образом, превращаются в углубления, или полые углы, со стороной 6 дюймов, и которые, вместо того чтобы, как обычно, заканчиваться сверху и снизу плоским квадратом, заканчиваются наклонной поверхностью, как бы для приема колонны. Пилястры поднимаются от общего цоколя и поднимаются к парапету. Были ли они продолжены вверх, чтобы образовать обычные угловые башенки, неизвестно. Каждая из них имела по два заступа только на лицевой и внешней стороне, что уменьшало ширину до 7 футов 6 дюймов и 7 футов. Зачеты были продолжены по всему зданию. На западном торце была еще одна пилястра такой же ширины и 15 дюймов выступа. Она уходила в стену на несколько футов ниже вершины и, по-видимому, была связана с входной дверью, которая, вероятно, открывалась в ее торце, так как внизу она отколота и видна часть грубой основы арки. Толщина стен у основания составляет 9 футов, а на вершине - около 7 футов. Здание состоит из трех этажей: подвал на уровне земли высотой 12 футов, первый этаж - 25 футов, второй этаж - еще больше, возможно, 30 футов. Полы были деревянными. Первый этаж, по-видимому, опирался на выступ, верхний и плоская крыша - на балки, нижние лежали на восток и запад, верхние - на север и юг. Отверстия для балок в северной стене были закрыты более ранними работами, а выше находится небольшой выступ или полка в стене, как будто уровень пола был изменен. В западной стене также были прорезаны новые отверстия для балок, меньшего размера, над старыми.

Первоначальная крыша была очень крутой, с двумя скатами и центральным водостоком, как в Порчестере, и обратным расположением в Ладлоу, где конёк был центральным, а два водостока боковыми. В северной стене сохранился идеальный погодный стол с отверстием высотой 2 фута и шириной 1 фут для балки, поддерживающей водосток и ноги стропил. На западной стене стол продолжается горизонтально, где он был установлен в качестве оклада,

чтобы закрыть верхний край черепицы. Стены были доведены до ровной линии по всему периметру, чтобы скрыть крышу. Такое расположение, как в Ладлоу, Ричмонде, Порчестере и Шерборнской сторожке, показывает, что изначально не было намерения использовать крышу в качестве платформы для мангонел и подобных тяжелых машин. Плоская крыша из свинца, очевидно, появилась позже. В северной или западной стене не осталось никаких следов настенной лестницы, равно как и настенных проходов.

Подвал, вероятно, представлял собой темный склад или погреб, куда можно было попасть только через люк в полу выше. Вход, по-видимому, находился на втором этаже в западной стене, в которой также сохранились следы петли или небольшого окна. Северная стена сохранилась идеально. Она была наиболее открытой и не имеет никаких отверстий. В остатках южной стены сохранился один косяк первоначального камина, из которого видна наклонная задняя стенка, часть бокового уголка и нормандский абакус над ним. Фланкирующая шахта исчезла. В сохранившейся части восточной стены находится северная половина небольшого полносферического окна, глубоко выдающегося внутрь. Восточная и южная стены над первым этажом исчезли. В западной стене верхнего этажа виден северный косяк небольшого полносферического окна, расположенного в смелом распадке в форме песочных часов. К северу от него, в той же стене, находится небольшое углубление, вероятно, для лампы, которое, по-видимому, было круглым. В южной стене, вероятно, находился камин.

С внешней стороны южной стены выступает фрагмент занавеса толщиной 7 футов 6 дюймов, в котором, как и в Кенилворте, виден косяк дверного проема, защищенного снаружи портупеей, паз которой, квадратный, глубиной 5 дюймов и шириной 3 дюйма, показывает, что решетка была железной. Паз, как и в Кенилворте, останавливается примерно в 3 футах от земли, к двери вели ступеньки. Желоб не открыт снизу, а, как обычно, проходит вверх за стеной, и, очевидно, был сделан с вала, как это до сих пор видно на Фишергейтском столбе в Йорке. Дверной косяк находится примерно в 6 футах от ворот. Очевидно, это был вход во внутреннюю палату, в которой, или, скорее, на стене которой, стояла крепость.

В нескольких футах к западу от храма находится масса каменной кладки, очевидно, часть здания, закрывавшего вход. Его лицевая сторона в сторону крепости имеет длину 13 футов, а в южном направлении - 16 футов. Ее толщина варьируется от 3 до 6 футов, а высота в настоящее время составляет около 10 футов. В настоящее время она удалена от храма на 3 фута 6 дюймов, но, очевидно, когда-то эти две грани соприкасались и были сдвинуты взрывом. Мина, которой был разрушен замок, по-видимому, была заложена здесь.

Материал, из которого построена крепость, - бутовый камень, облицованный отличным мелкоштучным ясенем. Внешняя поверхность носовой части здания, по-видимому, имела аналогичную облицовку.

Нелегко получить точные размеры храма, так много было удалено, так много повреждено, а то, что осталось, так сильно скрыто плющом. Кроме того, внутреннее помещение оборудовано под две собачьи конуры, которые содержатся в очень грязном состоянии, а на стенах развешаны гнилые отбросы. Руины также представляют собой три отдельных корпуса, все заперты. Между крепостью и передним зданием была заложена мина, взрыв которой разрушил всю верхнюю часть последнего и так накренил крепость, что она наклонилась под углом в пятнадцать градусов к востоку от вертикали, а верхняя часть восточной и южной стен исчезла. Более того, кажется, что крепость была поднята на три фута к востоку, а в северной

стене образовалась большая трещина. Примерно в пятнадцати ярдах от юго-восточного угла возвышается огромная, покрытая плющом масса каменной кладки, вероятно, отделенный угол башни. То, что осталось от крепости, держится благодаря превосходному цементу. Руины находятся в состоянии большой грязи и запустения, и приходится сожалеть, что вся территория не превращена в общественный сад. Разумные раскопки, вероятно, прольют свет на детали крепости и покажут линию прилегающей к ней куртины.

Каменная кладка и детали храма вполне соответствуют дате 1101-1102 годов, к которой его относит история. Она точно не является более ранней. Занавес внутренней палаты был явно того же времени и окружал двор в северо-западной четверти общей территории, северо-восточный угол которого, вероятно, образовывала крепость, и вход в который был с восточной стороны, близко к югу от крепости. Все остальное исчезло; "могучих северных ворот", о которых говорит Леланд, больше нет. Сами руины исчезли, а последний след от них, хорошая норманнская арка, обнаруженная при сносе нескольких домов в 1821 году, с тех пор разрушена местными вандалами.

Ранняя история Бридженорта крайне туманна. В Саксонской хронике говорится, что когда в 896 году Альфред посадил датские корабли на мель в Эссекс-Ли, датчане покинули их, пересекли Англию, перезимовали в Квотбридже на Северне и там устроили свою работу. Так переведены три из четырех оригинальных текстов. В четвертом они остановились в "Брайгсе", или Мосту, на Северне. Флоренс Вустерский поддерживает Квотбриджа и упоминает о работе или крепости. "Брайгс" в Хронике считается интерполяцией, как в том случае, когда оно добавлено к Куату, так и в том, где оно стоит отдельно, поскольку, вероятно, в то время Северн не был переброшен. В настоящее время на левом берегу реки, ниже Бридженорта, есть два прихода, в названия которых входит Куат: Куат и Куатфорд, а на реке - Дэйнсфорд. Эйтон считает, что Куат - это слово, образованное от британского "Coed", то есть "лес", так как вся округа была лесом.

В той же "Хронике" говорится, что Этельфледа, великая владычица мерсийцев, могущественная строительница бургов в свое время, названная Генрихом Хантингдонским "Terror virgo virorum", построила в 912 году бург в Брикге, к которому Флоренс добавляет: "на западном берегу Северна". Вряд ли Бридж мог быть Бридженортом, который даже не упоминается в Domesday. Однако мы должны найти у реки, около Бридженорта, земляные сооружения, возведенные датчанами и Этельфледой, и мы увидим, что осталось по крайней мере три отдельных сооружения, любое из которых или все они могут относиться к IX или X векам. Это Олдбери, замок Кватфорд и Кватфорд.

Бридженорт не упоминается в Domesday. Нормандского замка тогда не существовало, и нет никаких оснований, как бы ни было сильно и заманчиво это место, предполагать, что его занимали либо датчане, либо Этельфледа. Мистер Эйтон считает, что место более позднего города и замка находится в пределах неких двух шкур, которые в ходе исследования были отнесены к землям нормандского графа Шрусбери в его большом поместье Морвилл. Кватфорд, а не Кватбридж, упоминается в этой записи вместе с Ардинтоном. "Ibi", то есть в Ардинтоне, "Molendinum de iij oris et nova domus et burgum Quatford dictum nil reddens", "там есть мельница стоимостью три унции (5 с. в год), и новый дом, и бор под названием Кватфорд, не платящий ничего". Таким образом, можно считать, что в 1085 году у графа был новый дом в Кватфорде, где, как известно, по просьбе своей второй жены Аделаис и в знак признательности за ее спасение от кораблекрушения он основал в 1086 году коллегиальную церковь. В грамоте о ее основании упоминается гора неподалеку от моста; последняя, вероятно, является пристройкой к новому дому, а первая, возможно, является частью более древнего земляного сооружения, которое сейчас известно как замок Куатфорд.

Графа Роджера в его английских почестях и владениях сменил его второй сын граф Хью, который был убит в Уэльсе в 1098 году и оставил наследство своему старшему брату, Роберту де Белесме, который уже унаследовал владения своего отца в Нормандии и был графом Понтье по праву своей жены. Роберт, ставший таким образом графом Шрусбери, хотя и был жестоким тираном, оказался человеком больших способностей и энергии, не только отличным солдатом и "princeps militiæ", или "командующим войсками" для Руфуса, но и великим военным инженером. Он выбрал место и спланировал строительство знаменитого замка Жизор на франко-норманнской границе. После смерти брата Фульк, граф Анжуйский, осадил его в замке Балаон, и осада была снята Руфусом, который пожаловал ему или подтвердил честь брата. Когда он прибыл в Англию, точно неизвестно, вероятно, не ранее конца 1099 года.

После смерти Руфуса в 1100 году граф Роберт вступил в союз с герцогом Робертом, чьи претензии, однако, не были выдвинуты вначале. Вероятно, готовясь к их открытому отстаиванию, он решил укрепить сильную позицию, которая возвышалась незанятой всего в миле от церкви и резиденции его отца. Его решение было быстрым, и за ним сразу же последовали его действия. Он перенес "бургус" Кватфорда в новый город на холме, а вместе с ним дом и мост своего отца, которые он также перестроил. В результате появились город, замок и мост Бридженорт, причем последнее сооружение дало название всему городу как Бридж или Брюгге, а отличительное слово "северный" было добавлено только во времена правления Эдуарда II или III.

Вместе с Бридженортом граф Роберт также основал замок Кароклоув в Уэльсе, и настолько он был необходим, что работы велись днем и ночью. Он также укрепил Арундел, Шрусбери и Тикхилл. Его усилия в 1100 и 1101 годах, когда он, судя по всему, строил замок, должны были быть чрезмерными. Король Генрих, однако, был не менее активен. Он отправил Роберта, епископа Линкольнского, осадить Тикхилл, а сам, начав с Арундела, двинулся к Бридженорту. Он взял его после трехнедельной осады в сентябре 1102 года, и на этом короткое пребывание графа Роберта у власти в Англии закончилось. Граф бежал в Нормандию, его графство Шрусбери было конфисковано, а Бридженорт через некоторое время был отдан Хью де Мортимеру из Вигмора, сыну одного из самых верных сторонников Генриха. В 1126 году здесь был заключен в тюрьму Уолеран, граф Меллентский, а в 1128 году - Мередит аб Лливарх. В 1130 году сюда присылали вино для королевских нужд, так что Мортимер, вероятно, был скорее констеблем короны, чем ее владельцем.

В новое царствование Мортимер перешел на сторону Стивена, после смерти которого он стал владельцем Вигмора и Бридженорта. Поскольку он восстал против Генриха II, король выступил против него, и в апреле 1155 года замок во второй раз выдержал королевскую осаду. Клеобури, один из замков Мортимера, сдался в июле, а за ним последовали Вигмор и Бридженорт. Генрих некоторое время находился в этом месте, и его грамота аббатству Стоунли датирована "apud Brugium in obsidione". Именно во время этой осады Юбер де Сент-Клер, как говорят, шагнул вперед, чтобы принять стрелу, направленную в его государя, - романтическая, но не имеющая под собой оснований история. Генрих сохранил замок для короны и использовал его в основном как тюрьму для своих валлийских заложников. В 1173-4 годах, когда принц Генрих восстал против своего отца, Бридженорт был накормлен на сумму 22 фунта 5 шиллингов. 2d. В 1175-6 гг. король датировал хартию аббатства Уэнлок отсюда. Частые сборы на ремонт между 1166 и 1189 годами показывают, какое значение придавал этому замку Генрих II. В 1176 г. в "Трубном списке" указана плата в размере 1 ден. в день для носильщика замка.

Король Иоанн шесть раз был в Бридженорте, пробыв там около четырнадцати дней. Он подтвердил грамоту о вступлении в город. И он, и его предшественник Ричард содержали замок в порядке, о чем свидетельствуют частые сборы на ремонт в течение шестнадцати лет. В 1198 году было уплачено 6s. 3d. за аренду баржи, на которой жена Гриффита аб Риса была перевезена из Бридженорта в Глостер. В 1203 году Джон подарил пребенду в замковой часовне. В 1209 году олень из соседнего леса проник в замок через потерна, был пойман и, несомненно, превращен кастелянами в оленину. За это их привлекли к ответственности вердерщики, и из материалов дела следует, что в то время замок находился в ведении всего пяти человек, один из которых был констеблем. Несомненно, в мирное время королевские замки были предоставлены сами себе, а зачастую даже не содержались в ремонте. Когда же начиналась война, их в спешном порядке ремонтировали, размещали гарнизоны и снабжали продовольствием. Однако Бридженорт, судя по всему, пережил не лучшие времена. Мы читаем о ремонте королевского дома, подвала замка, барбакана и разводного моста, башни внешней стены, дымовой трубы большой палаты, стен замка, башни, колодца, стеклянных окон в зале, королевского антаблемента и часовни.

Эти сборы продолжают на протяжении всего правления Генриха III, а также Эдуарда I, с 1218 по 1281 год. В 1232 году шериф должен был отремонтировать замковую конюшню и кухню в барбакане башни, а в 1244-5 годах взималась плата за покрытие свинцом башни в Бруг. Вероятно, это и была крепость. В 1267 году Генрих III и его королева находились в Бридженорте, и, похоже, Мортимеры все еще были связаны с замком, поскольку в 1273 году, после смерти Хью де Мортимера, Эдуард I оставил его преемника Ральфа на должности шерифа графства и констебля замка.

В 1281 году была проведена инквизиция по поводу состояния здания, которое в последнее время находилось в запустении. Бревна большой башни прогнили, свинцовое покрытие было унесено; мост замка был разрушен, так что по нему не могли проехать кареты.

Как и большинство других замков, принадлежащих короне и потому не заселенных, Бридженорту, по-видимому, было позволено прийти в упадок со времен правления Эдуарда I, так что, вероятно, за стенами мало что осталось. Во всяком случае, он не играл никакой роли в английской истории вплоть до Великого восстания, когда город выступил на стороне короля, для которого в замке был выставлен гарнизон. Башня была атакована парламентскими войсками с северной стороны, и в нее был пробит пролом возле церкви Святого Леонарда. После этого город был сожжен до самого замка, который все еще держался. Говорят, что парламентские батареи располагались на земляном валу Олдбери, что вполне вероятно, хотя следов парапетов или гвардии того времени не сохранилось, что, впрочем, учитывая расстояние до замка и глубокую долину между ними, было, вероятно, не нужно. Гарнизон продержался три недели и капитулировал на выгодных условиях. Замок был взорван, а материалы, вероятно, проданы.

Любой рассказ о замке Бридженорт был бы очень несовершенным, если бы в нем не упоминались весьма примечательные земляные сооружения, которые можно увидеть в его окрестностях и которые, очевидно, связаны с событиями, упомянутыми в девятом и десятом веках. Их три - Олдбери, Кватфордский замок и Кватфорд; сначала об Олдбери.

На левом берегу Северна, примерно в четверти мили ниже и юго-западнее замка, и на противоположной стороне глубокой сухой долины, образующей его западную защиту, возвышенность Олдбери разбита тремя глубокими гребнями, спускающимися к реке, между которыми находятся две высокие гряды или холмы, крутые по обе стороны от Северна и комба, а на западе соединенные горловиной с более высокой землей. Более крупный из них,

ближайший к замку, известен под нелепым, но наиболее описательным названием "холм Пан Пудинг". Он и в самом деле очень напоминает по форме пудинг из говяжьего стейка, только что перевернутый из кастрюли, в которой он варился. Имея естественную продолговатую форму, он подвергся рубцеванию и округлению. Круглый плоский верх имеет диаметр 150 футов. В центре находится небольшой курган высотой 3 фута, похожий на сосок, а по периметру возвышается насыпь высотой около 4 футов. По направлению к реке склон крутой на протяжении 50 или 60 футов, к суше он защищен поперечной траншеей шириной около 50 футов и глубиной от 10 до 12 футов. На полпути вниз по склону с восточной стороны находится узкий выступ или тропинка, которая, возможно, была защищена крепостной стеной. К югу этот выступ переходит в ступень или полку шириной от 90 до 100 футов, которая вырыта так, чтобы провести ров. Все устроено очень просто, а курган в основном естественный, хотя и изрезанный шрамами и искусством. Вероятно, именно здесь в семнадцатом веке были установлены парламентские пушки.

Ближе к югу от этого холма находится второй объект, более низкий, маленький и менее четко очерченный. Его вершина также круглая, а диаметр составляет около 100 футов. Эти два сооружения относятся к одному общему типу и, вероятно, датируются одной датой, и если они не являются работами Этельфледы, то, несомненно, относятся к ее периоду. Они либо английские, либо датские, но не британские. То, что главная постройка старше норманнской крепости, следует из документа 1299 года, в котором она названа "старым замком". Более того, именно этот бург дал название Олдбери, приходу, в котором он расположен.

Замок Куатфорд находится на левом берегу Северна, в четверти мили ниже Бридженорта и в фурте от реки, а промежуточная территория представляет собой полосу луга. С возвышенности на северо-востоке спускается короткая крутая гряда, которая, разветвляясь внизу, включает в себя скальный холм, возвышающийся на 150 футов над долиной и на 200 футов над рекой. Мягкая красная порода была расчищена и обтесана, а часть материала использована для создания искусственной вершины холма. Она имеет несколько овальную форму, а на ее восточном конце, похоже, был курган, который сейчас занят современным домом с кастетом. Склоны крутые, особенно к западу, и они разбиты узкими террасами, которые сейчас являются дорожками, но, возможно, были рвами. С северо-восточной или наименее крутой стороны к нему ведет своеобразная дамба. Вершина и боковые стороны превращены в дом и сады, но общее устройство первоначального холма можно легко определить. Он должен был быть очень прочным и в целом напоминает Девизес и подобные ему английские сооружения. Вероятно, именно здесь находился "новый дом" графа Роджера, как и его английского предшественника. Это очень любопытная работа, которая заслуживает того, чтобы офицеры-орденоносцы провели крупномасштабное исследование. Можно упомянуть, что во внутреннем дворе есть небольшой проход, вырубленный в скале под углом сорок пять градусов, который спускается по девятисто четырем ступеням к колодцу, откуда поступает вода в дом. Проход, очевидно, является дополнением, первоначальная шахта колодца спускалась, как и сейчас, вертикально с поверхности.

Немного к северо-западу от замка, в сторону Бридженорта, хвост отдельного высокого участка земли был отрезан траншеей возле места, названного в дюймовом ордонансе "Собака в стене". Похоже, это была легкая временная работа для размещения небольшого количества людей.

На той же дороге, в двух милях к югу от города, находится Кватфорд, недалеко от приходской церкви с таким названием, где дорога пересекает крутой хребет в глубокой, но, вероятно, современной выемке. Хребет упирается в Северн отвесным скалистым мысом высотой около 70 футов. На нем возвышается курган высотой около 30 футов, в основном искусственный. Он

имеет круглую форму и около 60 футов в диаметре на вершине, которая была сильно изрезана, вероятно, для современных целей. Боковые стороны крутые, примерно три четверти к одному по уклону. Этот курган отделен от корня мыса вырубленной в скале траншеей глубиной и шириной около 12 футов, которая тянется от утеса к утесу и включает в себя примерно три четверти кургана. За пределами этой траншеи и к востоку от нее находится участок неправильной формы, определяемый очертаниями земли. Его северная и южная стороны защищены рвом, который на юге глубокий и широкий. Вероятно, он включал в себя восточную сторону, но теперь его вытеснила полая дорога. Площадь не очень велика и, возможно, вмещает около двухсот человек.

К западу от дороги и за ней находится церковь - здание с некоторыми норманнскими остатками. Она возвышается над лагерем, и ее церковный двор, при небольшом уходе, мог бы стать частью лагеря и удвоить его площадь. Так ли это было на самом деле, сказать трудно, скорее всего, нет. Брод, от которого деревня получила свое название, до сих пор используется, когда река мелеет. Он пересекает Северн ниже лагеря.

Этот лагерь отсутствует на ординарной карте, а от земляного сооружения замка Бурф, расположенного в полутора милях к западу, на этой карте сохранилась только одна сторона.

Можно отметить, что характер поверхности здешней местности очень благоприятен для строительства этих земляных сооружений с курганами. Здесь есть десятки естественных округлых бугров из красного песчаника, которые имеют искусственный вид, и которые, при небольшом уступе, были бы прочными. Особенно один, расположенный к востоку от дороги между Кватфордом и Дадмастон-парком, очень похож на английские земляные сооружения, и для его совершенства не хватает только рва. Кроме вышеописанных земляных сооружений, в округе есть и другие, которые, похоже, относятся к тому же типу. К ним относятся Касл-Хилл в девяти милях к юго-востоку от Бридженорта и изолированный холм под названием "Блюдо дьявольской плевки" в двух милях к юго-востоку от Бьюдли.

БАШНЯ БРОНЛЛИС, БРЕКНОКСШИР.

Башня Бронллис, расположенная на левом берегу реки Ллифни, притока Уай, находится в одноименном приходе, недалеко к северу от города Талгарт, на обычном и древнем пути между Херефордом и Брекноком.

Башня занимает вершину насыпи или холма, большей частью искусственного, который венчает крутой берег соседней реки; она возвышается, возможно, на 60 футов над потоком и на 30 футов или около того над землей к западу от здания и позади него. Курган расположен на вершине земляной насыпи грушевидной формы, крутую восточную сторону которой образует берег реки, а к ее основанию, или северной стороне, примыкает валлун почти прямоугольной формы, который может быть или не быть римским дополнением к кельтскому лагерю. Курган, который спокойно выдержал значительный вес башни, должен быть значительно более ранним; в целом работа очень напоминает один из тех многочисленных случаев, когда для придания высоты нормандскому или раннеанглийскому замку использовалась более ранняя насыпь.

Однако, как утверждается, на части валлума до сих пор сохранились остатки каменной кладки, по характеру и вероятному возрасту напоминающие башню, и это свидетельствует о

том, что, как известно, башня не стояла отдельно, а находилась внутри цокольного двора. Сейчас эти стены не имеют никакой протяженности и, похоже, входят в состав современного дома, построенного на месте старой ограды.

В основании башня имеет 37 футов в диаметре и расширяется внутрь до 12 футов в высоту, когда ее опоясывает смелый кордон или струнный ход, сильно выветрившийся, но, по-видимому, полукруглого сечения, с канавкой для воды на нижней стороне. Над ним возвышается цилиндрическая башня диаметром 34 фута или почти столько же до вершины, которая в настоящее время составляет около 60, а раньше, возможно, была 70 футов в высоту. Кроме основания для тарана, на южной стороне башни есть небольшая неровная площадка, по-видимому, часть фундамента. Вокруг всей башни проходит дорожка шириной около 18 дюймов, так что курган имеет около 40 футов в поперечнике на своей вершине.

Башня состоит из подвала и трех этажей, над которыми возвышался бастион, ныне полностью разрушенный. Подвал внутри был цилиндрическим, диаметром 18 футов, со стенами толщиной 9 футов 6 дюймов, и покрыт остроконечным сводом, гребень которого проходит примерно на северо-восток и юго-запад. Это помещение скорее проветривалось, чем освещалось, благодаря ступенчатой нише, заканчивающейся небольшой петлей или отверстием на значительной высоте, через которое ничего нельзя было увидеть. С противоположной или западной стороны в нее вела дверь-ловушка во втором этаже, которая поднималась в оконную нишу и открывала восемь очень крутых ступеней шириной 2 фута 7 дюймов, заканчивавшихся дверным проемом на высоте 7 футов от пола; под ним, вероятно, находилась деревянная лестница. Судя по фальцу, дверь открывалась внутрь и имела засовы на внешней стороне. Пол находится на уровне вершины кургана, а в его центре есть углубление, которое может указывать на колодец.

Два отверстия были пробиты в эту камеру снаружи, с восточной и западной сторон. Зачем нужно было дважды пробивать девять футов каменной кладки, затрачивая на это колоссальные усилия, сказать трудно; нет также никаких следов дверей или петель, которые могли бы облегчить задачу или подсказать эти отверстия. Однако разрушенные стены показывают у самого основания строения, с каждой стороны, горизонтальный или почти горизонтальный квадратный сток, очень грубой конструкции, в веществе стены. Эти отверстия стали предметом многочисленных спекуляций. Очевидно, это были стоки с верхних этажей башни, собранные для падения в один выход. Подобные стоки можно увидеть в самом центре разрушенной массивной башни в Корфе. Не исключено, что один из проломов мог содержать углубление или садовую ограду, которая сообщалась со стоком и предполагала проникновение в стену в этом направлении.

На второй этаж, имеющий 17 футов 9 дюймов в диаметре, вела наружная дверь в стене, на уровне кордона, или 12 футов над землей, с восточной стороны. Должно быть, здесь были наружные ступеньки, но они не примыкали к стене и, возможно, были деревянными. Дверь имеет проем в 3 фута 3 дюйма, с аркой и простым скошенным наличником. Она была защищена внутренней дверью, но не было ни портупей, ни других защитных сооружений. Дверной проем имеет ширину 4 фута и арку с понижением.

На этом этаже было два окна на север и юго-запад, проемы которых шириной около 18 дюймов, с простыми равносторонними головками. Первое открывается из ниши шириной 7 футов 4 дюйма, с каменными боковыми сиденьями; между ними в полу находится сифон, спускающийся в подземелье. Другое окно имеет углубление шириной 6 футов 10 дюймов, с каменным сиденьем на левой стороне. В правом, или западном косяке, находится дверь шириной 2 фута 5 дюймов, с квадратной головкой, под аркой с понижением; из нее

поднимается настенная лестница шириной 2 фута 5 дюймов, освещенная двумя наружными петлями, с плоским покрытием, ведущая на второй этаж. Оконные проемы сегментные, сложены из отличного известнякового туфа.

Второй этаж с деревянным полом, опирающимся на двенадцать карнизов, имеет цилиндрическую форму, как и первый, и такой же диаметр, но выше. Это было лучшее помещение. Кроме входной двери на западе, в нем есть камин на юго-западе под плоской сегментной аркой с ровной фаской, над которой находятся два тонких восьмиугольных карниза, которые, очевидно, поддерживали колпак, вероятно, из дерева. Также есть два окна под нишами с опускающимися арками, на юго-востоке и северо-востоке. В первом из них есть каменные сиденья, а во втором - фонарь шириной 2 фута, с головкой в виде сабельника, центральная часть которого имеет форму оге. Голова сделана только из двух камней. Лепнина простая, внутри имеет фальц затвора, а снаружи - закругленные косяки вместо обычной фаски. Эта ниша имеет каменное сиденье только с западной стороны. В восточном косяке находится небольшая дверь с квадратной головкой, открывающаяся на настенную лестницу шириной 2 фута 5 дюймов, от которой осталось девятнадцать ступеней, и которая вела на третий этаж.

Лестница освещена снизу небольшим отверстием, а сверху - петлей с квадратной головкой в 9 дюймов в углублении, расширенном до 3 футов 7 дюймов. Петля, находящаяся на высоте около 60 футов от земли, была закрыта одной вертикальной и тремя горизонтальными перекладинами. Возможно, этот этаж использовался в качестве тюрьмы.

Третья ступень имела стены толщиной 8 футов и деревянный пол. Лестница снизу открывалась в него с юго-восточной стороны, но, по-видимому, была продолжена в южной стене, чтобы добраться до платформы, ныне полностью исчезнувшей. На западной стороне этого этажа находится небольшая настенная камера, несомненно, садовая, дверь в которую узкая, с аркой из двух камней, похоже, четырехцентровая или тюдоровского образца. Эта дверь расположена между окном на северо-западе, ниша которого имеет плоскую каплевидную арку, и другим окном на юго-западе, ниша которого выбита. На северной стороне также есть небольшой камин, а на северо-востоке - еще одно окно.

В стене к югу от настенной камеры находятся две небольшие квадратные шахты, одна из которых, несомненно, была дымоходом, а другая, возможно, отдушиной для садовников с крепостных стен.

Башня Бронлис имеет множество особенностей. Несмотря на грубую кладку, ее дверные и оконные переплеты превосходны. По общему дизайну она напоминает раннюю английскую работу; но ее двери, ниши, камин и карнизы, похоже, относятся к ранней декорированной, а возможно, в некоторых частях и к перпендикулярной работе. По деталям он превосходит Пенрайс, на который похож по размерам, и уступает Тре-Тауэр. Стены можно смело отнести к первой четверти XIII века; но, несомненно, в течение двух с половиной веков после этого здание использовалось как место обороны, а затем как жилище; время от времени оно подвергалось некоторым изменениям, из которых можно привести в качестве примера нынешний каминный фронтон, сабельник и другие окна, а также вход в настенную камеру в верхнем этаже. Свод подвала, возможно, является оригинальным, но может быть и дополнением.

ЗАМКИ БРО И БРОАМ, ВЕСТМОРЛЕНД.

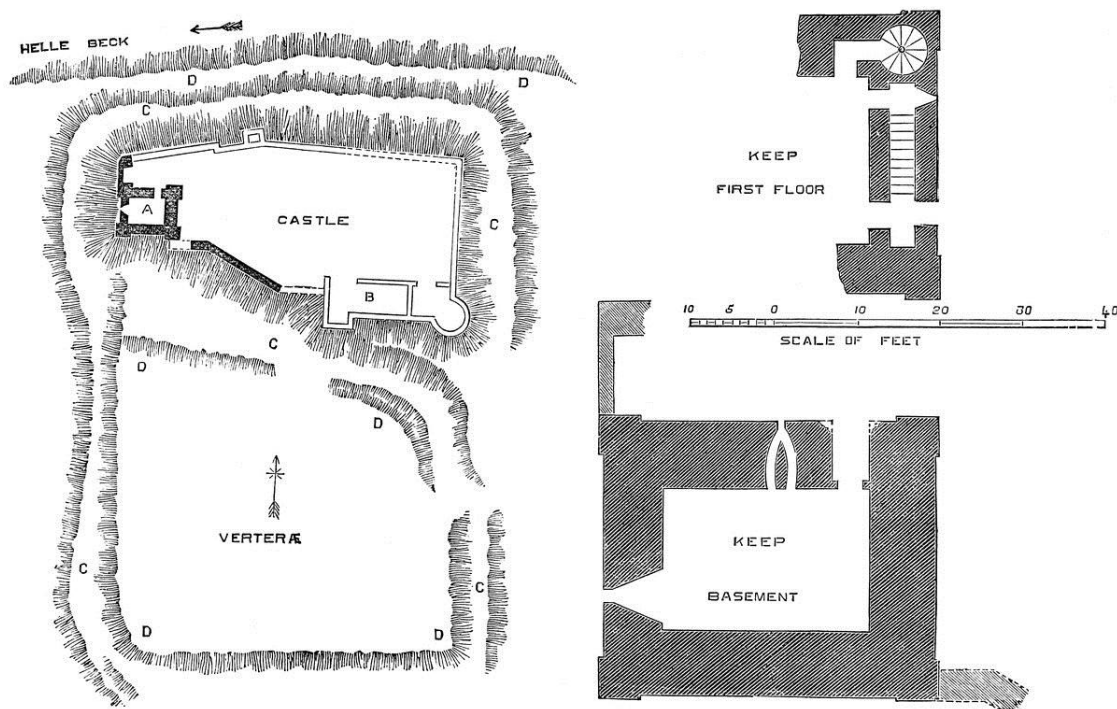
"Анна Дорсет, Пембрук и Монтгомери, баронесса Клиффорд, Уэстморленд и Веши, наследный шериф Уэстморленда и почетная леди Скиптона в Крейвене, была во всех отношениях замечательной женщиной: она была высокого происхождения, владела большими поместьями, была вдовой двух значительных пэров, получила прекрасное образование и в значительной степени им воспользовалась. К сильной и богатой памяти она добавила здравый смысл и проницательность. Она была человеком с очень твердым характером и провела свою жизнь среди событий, которые развивали и укрепляли это качество. Среди множества тем, о которых она была осведомлена и которые, по словам доктора Донна, варьировались от "предопределения до шелка для сна", было и тщательное знание особенностей ее собственных поместий, а также очень тщательное стремление поддерживать свои дома и замки в хорошем состоянии. Она нашла замки своих предков Клиффордов и Випонтов, Эпплби, Броуэм и Броу, в руинах; она восстановила их и сделала пригодными для жизни, и, хотя время и рука разрушителя снова привели два из них, Броуэм и Броу, в упадок, их стены все еще демонстрируют многое из того, что было сделано рукой великой графини, а также из того, что было создано ее далекими предками.

ЗАМОК БРОУГ.

Замок Броу занимает весь крутой холм, возвышающийся на 60 футов на левом берегу Свимдейла или Хелле Бек, и находится примерно в 50 ярдах от воды. Бек принимает Огилл с юго-востока, прямо над замком, и их объединенные воды, временами значительные по объему и силе, впадают в Иден примерно в полтора милях ниже. Сам замок находится на высоте 630 футов над уровнем моря, а окружающие его горы Уэстморленда и Йоркшира поднимаются на высоту от 1000 до 2000 футов. Примерно в пяти милях к востоку находятся истоки рек Грета и Балдер, а чуть дальше и к северу - истоки Луны, не того благородного потока, который дал название Ланкастеру, а притока Тиса.

Даже в этой дикой и почти непроходимой стране сохранились следы римской цивилизации. Дорога из Лаватрæ (Боус) в Лугуваллиум (Карлайл) проходила через Бро, который отождествляется со станцией Вертерæ, и через Эпплби и Броам, соединяясь в Пенрите с главной дорогой, проложенной с юга теми же людьми. В пяти и семи милях к востоку от Бро находятся два римских лагеря, а также другие на той же линии дороги в Редлендс и Киркби-Тор, и очень совершенная в Броуэм. Римская дорога в Бро проходит с востока на запад и пересекает реку Бек у Маркет-Броу, названной так в отличие от Черч-Броу, которая находится в трех фурлонгах к югу от реки и содержит замок. Коллективный приход называется "Броу-андер-Стейнмор". Вертерæ, если отождествлять его с существующим лагерем и замком, стоит в стороне от главной дороги и к югу от реки, как и Броуам.

Замок Бро

Вертерæ представлен прямоугольным лагерем, северную и более высокую часть которого, примыкающую к реке, занимает замок. Площадь лагеря составляет 157 ярдов на север и юг, 113 ярдов на восток и запад, из которых платформа во рву занимает 134 ярда на 90 ярдов. На северном конце этой территории поперечным рвом отрезан участок, 90 ярдов к востоку и западу на 50 ярдов, который занимает замок. Эта часть защищена еще несколькими земляными сооружениями, возможно, норманнскими, на востоке и западе. Южный фрагмент лагеря, по-видимому, использовался как своего рода пристройка к замку, вероятно, для защиты овец и скота.

Таким образом, замок располагался поперек лагеря и параллельно реке, действие которой унесло внешнюю половину рва и превратило склон в обрывистый берег, на вершине которого находится куртина. Восточный флигель состоит из конца холма, или гряды, на котором стоит замок, и который обрывается в треугольную платформу, основание которой, длиной 57 ярдов, охватывает конец крепости и выступает на 38 ярдов. Ров, отсекающий это сооружение от основной части крепости, имеет ширину 23 ярда и большую глубину. Земляные работы на западе представляют собой два вала и рва, расположенные поперек хвоста холма, один из которых длиной 57 ярдов и на 47 ярдов впереди главного рва, а другой - на 84 ярда дальше и длиной 94 ярда. Оба предназначены для отсечения подходов вдоль берега реки. Поперечный ров, охватывающий южный фронт замка, имеет ширину около 30 ярдов, и по нему с востока подходили основные подступы. Эти рвы на юго-восточном и западном фронтах полностью искусственные. Вдоль восточного фронта лагеря, примерно в 30 ярдах от основного рва и длиной около 60 ярдов, сохранились следы насыпи и рва. Дорога, которая может быть римской, идет с юга и пересекает Огилл по мосту в 250 ярдах выше или к востоку от замка, чтобы соединиться с главной дорогой через другой мост в Маркет-Броу. На этом ручье находится мельница замка. Оборонительные сооружения из каменной кладки, похоже, ограничивались собственно замком. На флигелях, которые, вероятно, были обнесены острогом, нет никаких следов. Канавы находились на слишком высоком уровне, чтобы питаться из реки; но почва обладает хорошей влагоемкостью, и, похоже, они наполнялись дождевой водой.

Замок состоит из одного корпуса, представляющего собой трапецию, восточная, северная и западная стороны которой расположены под прямым углом и составляют соответственно 77, 90 и 57 ярдов, а южная или косая сторона - 94 ярда. По сути, это прямоугольный треугольник, острый угол которого усечен. На усеченном конце находится сторожка, которая образует юго-западный угол палаты, а ее южная и западная стороны являются внешними и находятся на линии куртины. Бытовые постройки располагались вдоль южной стороны и около юго-восточного угла и были построены против куртины. В центре этой стороны находилась сторожка, а к востоку от нее - зал, за которым возвышалась большая башня с тремя четвертями барабана, закрывавшая юго-восточный угол. Эта башня и сторожка - единственные башни с фресками. Кухня и часовня, а также некоторые более поздние постройки, вероятно, упирались в восточную стену, а между сторожкой и замком сохранился небольшой фундамент. Северная стена, обращенная к реке, кажется, была свободна от построек. На ней находятся два контрфорса, а в одном из них - садовый домик, в который, вероятно, ведет боковая дверь и проход в стене. Толщина этого занавеса составляет от 3 до 5 футов, а высота внутри - от 12 до 15 футов.

Гейтхаус находится в центре южной стороны замка. Это было продолговатое здание, составлявшее западную часть блока, восточную часть которого занимали зал и отхожее место. Он состоял из прохода между двумя стенами, одна из которых сохранилась, толщиной 6 футов 6 дюймов и длиной 45 футов; внешние 10 футов находятся за пределами занавеса. Портал исчез, но от внутреннего дверного проема, шириной 3 фута 7 дюймов и углубленного на 8 футов 6 дюймов во внутреннем фасаде, остался пружинный камень. Свод прохода, длиной около 10 футов, опирался на три смелых ребра, от которых остались пружинные камни, а за ними находились внешние ворота, от которых сохранилась лишь часть. Был и верхний этаж, и если бы мусор был расчищен, то стал бы виден план сторожки. Стены кажутся норманнскими, но ребра, свод и арматура, вероятно, относятся к эпохе декорирования.

Зал был беден. Он находился на уровне первого этажа и имел пол над ним, а значит, и плоский потолок. Цоколь состоит из трех сводов, расположенных поперечно, с плоскими, слегка заостренными арками. Двери выходят во двор, а в одной из камер есть небольшой тюдоровский камин в углу. Каждая из них имеет петлю на внешнем конце, а в торцах двух есть фрески-гардеробы в материи занавеса. Высота зала не превышала 12 или 14 футов. В его северной части находится круглое арочное углубление, вероятно, первоначальный вход по наружной лестнице, а рядом с ним - камин. На южной стороне, или стороне занавеса, находятся два хороших поздних декорированных окна в два света, довольно вычурных по тону, с простыми наружными капельницами. Над ними - ступенька, или карниз, для пола верхней комнаты, и два окна, расположенные не прямо над окнами зала.

Нет никаких определенных признаков *часовни*. *Кухня*, вероятно, находилась у северо-восточного конца зала и против восточного конца занавеса. Выводные комнаты находились в восточном конце зала и выходили на *башню Клиффорда*, прекрасный смелый барабан диаметром 30 футов, который закрывает юго-восточный угол палаты. Эта башня, по-видимому, относится к декорированному периоду, а ее основание и часть стены являются оригинальными; но она была почти перестроена, вероятно, с использованием старых тесаных камней, в период Тюдоров, к которому относятся ее многочисленные окна с квадратными головками. Часть его была снесена в 1763 году.

Кип стоит на самой высокой части ограды. Он прямоугольный, 43 фута на восток и запад, 51 фут на север и юг, и стоит на куртине, с которой его западная и южная стороны непрерывны. Поскольку он не полностью закрывает конец палаты, его закрывает низкий занавес длиной 17 футов и толщиной 3 фута, который тянется от хранилища до северо-западного угла палаты. Китель состоит из подвала и трех этажей, его высота составляет около 60 футов. Парапет исчез. Цоколь есть только на двух внешних сторонах, где земля низкая, и есть два отступа, которые указывают на уровень второго и верхнего этажей. На конце каждой грани находится пилястра шириной 7 футов и выступающая на 6 дюймов, а соседние пилястры пересекаются и образуют сплошной угол. Эти пилястры возвышались над стеной, образуя угловые башенки, часть которых сохранилась. От верхнего отступа на северной и южной сторонах поднимается промежуточная пилястра шириной 3 фута. Толщина стен в основании составляет 10 футов, а в верхней части - 6 футов. В настоящее время подвал почти засыпан землей и мусором, скрывая большую часть восточной стороны. Часть юго-восточного угла обрушилась в 1792 году и скрывает детали главного входа.

В настоящее время в *подвал* ведет простой круглоголовый дверной проем длиной 4 фута 7 дюймов, расположенный в северной стене у восточного конца. В нем есть фальц для внутренней двери, но нет паза для портупей. Внешние косяки отломаны. Из сравнения его кольцевых камней с оригинальными арками над ним становится ясно, что этот вход - вставка, вероятно, времен Якова I или Карла I. В той же стороне, рядом с дверным проемом, находится очень своеобразное вентиляционное отверстие, состоящее из двух петель, расположенных на расстоянии 2 футов друг от друга, которые сходятся в одну внешнюю петлю. Подобные петли, гораздо более позднего времени, есть в Каэрнарвоне. Возможно, подвал был разделен на две камеры, и из каждой открывалось по одной петле; но никаких следов перегородок нет. В западной стене, вероятно, была еще одна петля, превращенная теперь в окно с двухфутовым проемом, с квадратным верхом, расположенное в смелом расклешенном углублении, очевидно, вставка того периода, когда безопасность уже не стояла на первом месте. Окно открывается по линии цоколя, отбивка которого вынесена над его головой в виде квадратного колпака. Южная стена была пустой, как и, вероятно, восточная. Цоколь был высотой 13 или 14 футов, с плоским деревянным потолком. В нем точно не было ни фресковых камер, ни лестницы. Вероятно, в него попадали сверху через люк и лестницу и использовали в качестве склада.

Второй этаж высотой около 13 футов, похоже, имел петли в простых круглоголовых углублениях на северной, южной и западной сторонах, из которых последняя разрушена, и в нее вставлено двухсветное тюдоровское окно. Северная петля также была заменена аналогичным окном. В южной стене петля представлена небольшим квадратным отверстием. В руинах восточной стороны можно проследить остатки дверного проема и основание вестибюля и лестницы в стене. Ясно, что внешняя дверь находилась в этой части, около южного конца, и что она открывалась прямо на второй этаж, в то время как справа и слева, в толще стены, был настенный проход, в южном конце которого был просто вестибюль, но к северу содержащий прямую лестницу, которая поднималась на 13 футов на 12 ступеней, 4 фута 4 дюйма шириной, к восточному углу, где был небольшой вестибюль, который открывался на второй этаж, и освещался петлей в восточной стене.

Таким образом, на *второй этаж* с восточной стороны вела прямая настенная лестница, подобная тем, что были в Карлайле, Чепстоу и Ладлоу. В каждой из сторон, северной, южной и западной, этого этажа находится оригинальное углубление с круглой головкой, а в восточной стене, над настенной лестницей, видны следы более короткого углубления, расположенного выше, откуда, по-видимому, был проход в настенную камеру в юго-

восточном углу. Только в южной нише сохранилось первоначальное окно. Это небольшое спаренное окно в два света, с квадратной головкой, но внутри арки с круглой головкой. Разделительный вал явно норманнский, как и весь характер проема. Северное окно также соединено и имеет круглую головку, но выглядит как вставка эпохи Стюартов. Восточное и западное окна с квадратной головкой относятся к эпохе Тюдоров. В северо-западном углу находится настенное углубление с петлями, возможно, садовый павильон, а в северо-восточном углу - дверной проем с квадратной головкой, открывающийся через вестибюль в колодец-лестницу, который начинается на этом уровне и поднимается на крышу. Ее диаметр составляет 7 футов 6 дюймов, и она поднимается на 31 фут по сорока шести ступеням до аллюра, или вала. Изначально второй этаж был главным и самым верхним, возвышенным, с высокой скатной крышей, лепнина которой до сих пор видна на восточной и западной стенах. Конёк крыши находился на уровне вала, а поскольку северная и южная стены, судя по всему, были оригинальными, то с обеих сторон должна была быть глубокая полость, в дне которой находился водосток. Впоследствии эта крыша была снята и заменена плоской крышей на уровне вала, линия которой отмечена рядом кронштейнов в северной и южной стенах. Причиной этого изменения, общего, вероятно, для всех норманнских замков, стало удобство плоской крыши для обороны, ставшее возможным благодаря внедрению листового свинца в качестве кровельного материала.

Третий этаж был образован путем деления высоты, полученной таким образом, на пол, уложенный на уровне пружины старой крыши, и таким образом был создан второй этаж в 10 футов и третий в 20 футов. В западной стене было открыто окно с квадратной головой, расположенное в раскрепованной нише, а ближе к югу от него находится небольшой тюдоровский камин, дымоход которого поднимается в юго-западную башенку. Восточная стена менее совершенна, но на ней все еще видна линия старой крыши и косяк тюдоровского окна. В северо-восточном углу находится дверь с колодезной лестницы.

Полы в стенах были деревянными, балки первого и второго этажей упирались в отверстия в северной и южной стенах башен; юго-западный этаж, вероятно, является современным. В ней сохранились дымоходы нескольких каминов, которые, по-видимому, были вставлены в южную стену, но выпали. Вероятно, первоначально в храме не было каминов. Северо-восточная башенка содержит голову колодезной лестницы. Две другие башенки, похоже, были просто оболочками, имея только две внешние стены. Все они возвышаются примерно на 12 футов над валом и на 5 или 6 футов над гребнем парапета на внешней стороне восточной и южной стен крепости. Рядом с вершиной находятся ряды треугольных отверстий, образованных тонкими черепичными камнями, поставленными на ребро, и очень похожих на голубятни, которыми они, вероятно, и были. Ряд в южной стене имеет пять отверстий, а в юго-восточной башне - три. В восточной стене два ряда, один из которых состоит из трех отверстий, а другой, несовершенный, из двух. В северо-восточной башенке одно отверстие. Они, очевидно, оригинальные и не сообщаются с интерьером. Не сохранилось никаких следов регулярной пристройки, для которой замок, как и Годерих, был слишком мал, но, вероятно, здесь была открытая лестница, деревянная или каменная, поднимавшаяся к главной двери, которая находилась на высоте около 12 футов от земли. Внешняя отделка замка была довольно простой и грубой. Пилястры сделаны из квадратных камней, а стена - частично из такого же материала, а частично из камней неправильной формы, уложенных в виде нетесаного щебня. Здесь нет ни следочных костей, ни видимых следов римской обработки.

Очевидно, что замок является поздним норманнским, а стены - оригинальными, хотя и сильно потрепанными, с многочисленными вставками времен Тюдоров и Стюартов. Это еще

один пример высокой скатной крыши, как в Ричмонде и Бридженорте, где вся крыша была скрыта стенами.

Вероятно, основатель замка построил крепость и куртину по линиям нынешней куртины и прорезал поперечный ров, который изолирует его от остальной части римского лагеря. Сторожка и зал, а также юго-восточная башня, вероятно, были переделаны и дополнены в Декорированный период. Вся крепость была отремонтирована графиней Анной, чья рука прослеживается во всем строении. Крепость была расколота порохом, вероятно, по приказу парламента, в результате чего в ее северной и южной стенах образовались трещины.

Роберт де Ветерипонт, или Випонт, глава великой уэстморлендской семьи, которой, судя по гербам Масгрейвов и Лоутеров, Бленкинсопов и Хеллбеков, они были подчинены с самого начала, считается основателем замков Броам и Броу, во всяком случае, в их нормандской форме. Его непосредственный предок прибыл сюда вместе с герцогом Вильгельмом Нормандским, и семья сначала обосновалась в графствах Девон, Нортгемптон и Йорк. Роберт, второй или третий по происхождению, процветал во времена правления Генриха II, Ричарда, Иоанна и Генриха III, умер в 1228 году, двенадцатым из последних государей. Он занимал множество военных постов, был хранителем многих замков и шерифом многих графств средней полосы и севера. Он также был разъездным судьей и членом суда общей юрисдикции. В 1203 году (4 Иоанна) он получил от короля пожалование на бейливик Уэстморленда и замки Эпплби и Бург, сначала в виде пожалования, а затем в виде . Возможно, пожалование было связано с тем, что его мать, Мод, была членом великого уэстморлендского рода Морвиллов и, вероятно, дочерью Хью де Морвилла, одного из убийц Бекета. Жена Роберта, Идонья де Буисли, была наследницей замка и почетного титула Тикхилл. Он был человеком очень богатым и могущественным и, вероятно, предпринял шаги, чтобы обезопасить свое уэстморлендское баронство от северных соседей. В пожаловании упоминаются замки Эпплби и Бург; а Бург, то есть Бро, был разграблен Вильгельмом Шотландским в 1174 году. Вероятно, в этих местах уже существовали какие-то крепости, основанные, возможно, англичанами на месте римских постов. Кроме того, 1204 год - очень позднее время для постройки столь явного норманнского типа, и несомненно, что оба замка могли построить де Мешинес или де Морвиль, предыдущие лорды этого владения.

Джон де Випон, сын и преемник, умер 25 Генриха III, задолжав королю, который передал свои владения в управление настоятелю Карлайла, который пренебрег замками. В его время замок Броу не ремонтировался, а балки прогнили. Лорд Джон встал на сторону баронов и умер от ран, полученных при Льюсе. Его дочь и, наконец, единственная наследница, Изабель, была замужем за Роджером де Клиффордом - тем самым Роджером из надписи над воротами Броума, - который был убит в битве в Англесее валлийцами в правление Эдуарда I. Роберт де Клиффорд, их сын, повелитель Скиптона, Эпплби, Броума и Бро, пал при Бэннокберне. После этого в Бро было два парка, мельница и земельные владения. Замковые рвы сдавались в аренду за траву по 6s. 8 д. в год, а констебль имел 40 с.

Роджер, следующий лорд, был великим строителем; он следовал судьбе и разделил участь Томаса Ланкастерского. Считается, что именно он сделал пристройки к восточной части Броума, где долгое время можно было видеть его герб и герб его жены, Мод Бошамп. Его преемником стал брат Роберт, второй и выживший сын которого Роджер, достигший возраста 28 лет при Эдуарде III, вернул себе конфискованные родовые поместья и поддерживал замки в порядке. Он умер 15 Ричарда II, владея Эпплби, Бергхэмом и Бергом. Четыре следующих лорда пали в бою: Томас в Германии, Джон во Франции, Томас при Сент-Албане и Джон при Тоутоне. В 4 году правления Генриха V замок Броуэм пришел в запустение, и всех доходов от демесна не хватало на его ремонт и содержание. Следующим

Генрихом был лорд-пастух, который в 1519 году устроил в Броу большой праздник на Рождество, за которым в 1521 году последовал сильный пожар, во время которого замок сгорел до голых стен и долго оставался пустым. Сменивший его лорд и его сын, оба Генри, были первым и вторым графами Камберлендскими, из которых последний умер в замке Броуэм около 1560 года. Джордж, третий граф, адмирал, умерший в 1605 году, родился в Броу в последний год правления королевы Марии, в 1558 году. С его братом Фрэнсисом, четвертым графом, который три дня принимал короля Якова в Броу в 1617 году, мужская линия прервалась, и поместья и баронства перешли к графине Анне, дочери графа Георга. Эта дама, которая в 1651-2 годах ремонтировала Броам и Бро, родилась в Броаме в 1589 году, в той же комнате, в которой родился ее отец, умерла мать и был принят король Яков. Маргарет, ее дочь от графа Дорсета, передала поместья Тафтонам, графам Танет, которые также унаследовали наследственное шриварство Уэстморленд, вплоть до их исчезновения в нынешнем веке. Они разобрали Броуэм и Броу и продали их в 1714 году. Нынешний владелец, судя по всему, очень внимательно относится к тому, что осталось от двух замков. Оба замка отремонтированы очень основательно.

ЗАМОК БРОУЭМ.

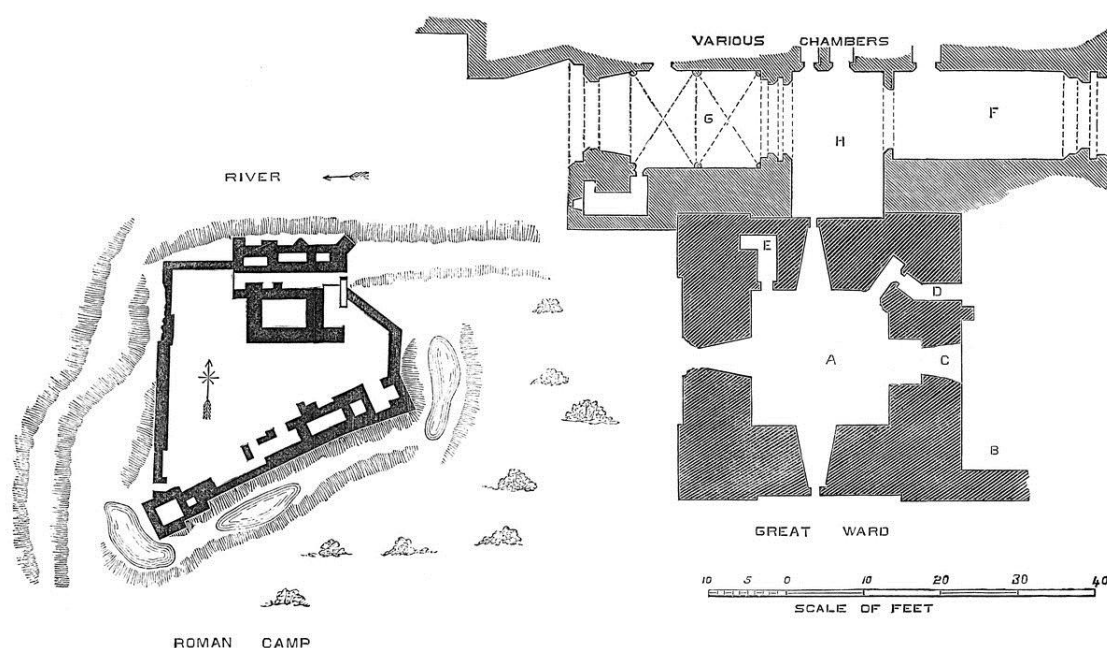
Эта очень любопытная громада стоит на правом берегу реки Имонт, чуть ниже того места, где она вливается с юга в Лоутер, так что объединенный поток охватывает крепость с севера, а также две воды и болотистую местность между ними на западном фронте. Замок расположен всего в нескольких ярдах от реки Имонт и в нескольких футах над ней, между ней и большим прямоугольным лагерем, который отмечает место римского "Бровакума", откуда и замок, и поселок получили свои названия; по крайней мере, такая этимология кажется наиболее вероятной, хотя на Бергхэм было выдвинуто требование, которое было бы более обоснованным, если бы существовали доказательства того, что это место было не только римской, но и английской крепостью.

Римская дорога из Бро и Эпплби в направлении Карлайла и Пенрита проходит по северо-восточному фронту лагеря и замка, а в нескольких ярдах ниже последнего через реку перекинут современный мост. Над замком и на реке Имонт располагалась крепостная мельница, плотина которой сохранилась до сих пор. На место Бровакума претендует Броуэм-Холл, расположенный на прилегающей возвышенности; но, как бы то ни было, лагерь внизу, несомненно, римский, и является прекрасным примером окопов этого народа. В 1602 году в месте слияния двух рек был найден римский алтарь. Какое более раннее название воплотилось в римском Бровакуме, неизвестно, но "Бро" в Южном Уэльсе - это старое валлийское слово, означающее "холмистая страна", и оно сохранилось в Брокасле и Бровискине, в Гламоргане. Приход Броуама большой; церковь называется Нинекиркс, вероятно, в переводе с английского "кирк святого Ниниана". Приходская часовня, стоящая рядом с Броуэм-Холлом, посвящена святому Уилфриду.

Лагерь находится в пределах одного вала и внешнего рва, оба очень хорошо обозначены, хотя по высоте и глубине сильно уменьшились. Вдоль обрыва или внутреннего склона рва видны следы ступеней или террас, как для линии палисадов, перед и под основной обороной. Площадь рва составляет 113 ярдов в ширину, а его длина, которая сейчас равна 134 ярдам, вероятно, составляла 198 ярдов - таковы были пропорции лагеря в Броу. Ширина рва составляет около 25 ярдов. Вход исчез; он, несомненно, находился в центре восточной стороны, обращенной к дороге. Углы, как обычно, слегка закруглены. Замок стоит в нескольких ярдах к северу от лагеря, прилегающие к нему части были срублены и выровнены при строительстве его флигелей. В плане замок представляет собой очень неправильную четырехугольную фигуру; южная и западная стороны пересекаются менее чем под прямым

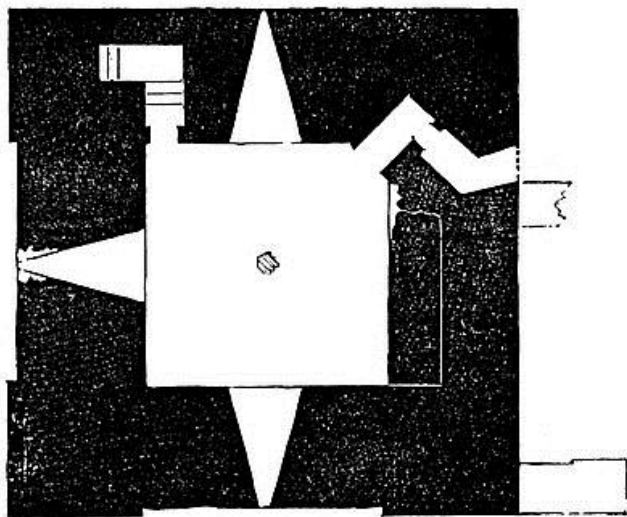
углом, их длина составляет 80 ярдов и 77 ярдов. Северная сторона, расположенная под прямым углом к западу и выходящая к реке, составляет 50 ярдов. Восточная сторона была частично перестроена, с низким углом наклона. Ее длина составляет около 40 ярдов. Эта территория является главным или, скорее, единственным двором замка. Первоначально крепость стояла в глубине двора, у его северо-восточного угла; теперь этот угол и большую часть северного фасада занимает большая сторожка, соединенная с крепостью, которая, таким образом, больше не является изолированной. Зал и хозяйственные постройки стоят у южной стены и продолжают на небольшом расстоянии вдоль восточной стены. Большая квадратная башня расположена у юго-западного угла и прикрывает постерн. Западная стена свободна и, похоже, была низкой. Замок находится примерно в 50 ярдах от реки и в 30 футах над ней. Вход в замок был с востока, вдоль берега реки. Западный, южный и восточный фронты защищал ров, полностью искусственный и, вероятно, заполненный дождевой водой. На западе он самый широкий и глубокий, так как это открытый фронт. По направлению к реке естественное падение и болотистый характер местности были достаточной защитой. Вход находится и, вероятно, всегда находился в восточной стене, в ее северном или речном конце. Эта часть *крепостной* стены построена с плечом или углом входа, чтобы на несколько ярдов прикрыть подход к внешним воротам. Ров теперь пересекает земляная канава, заменившая прежний разводной мост.

Замок Броуэм

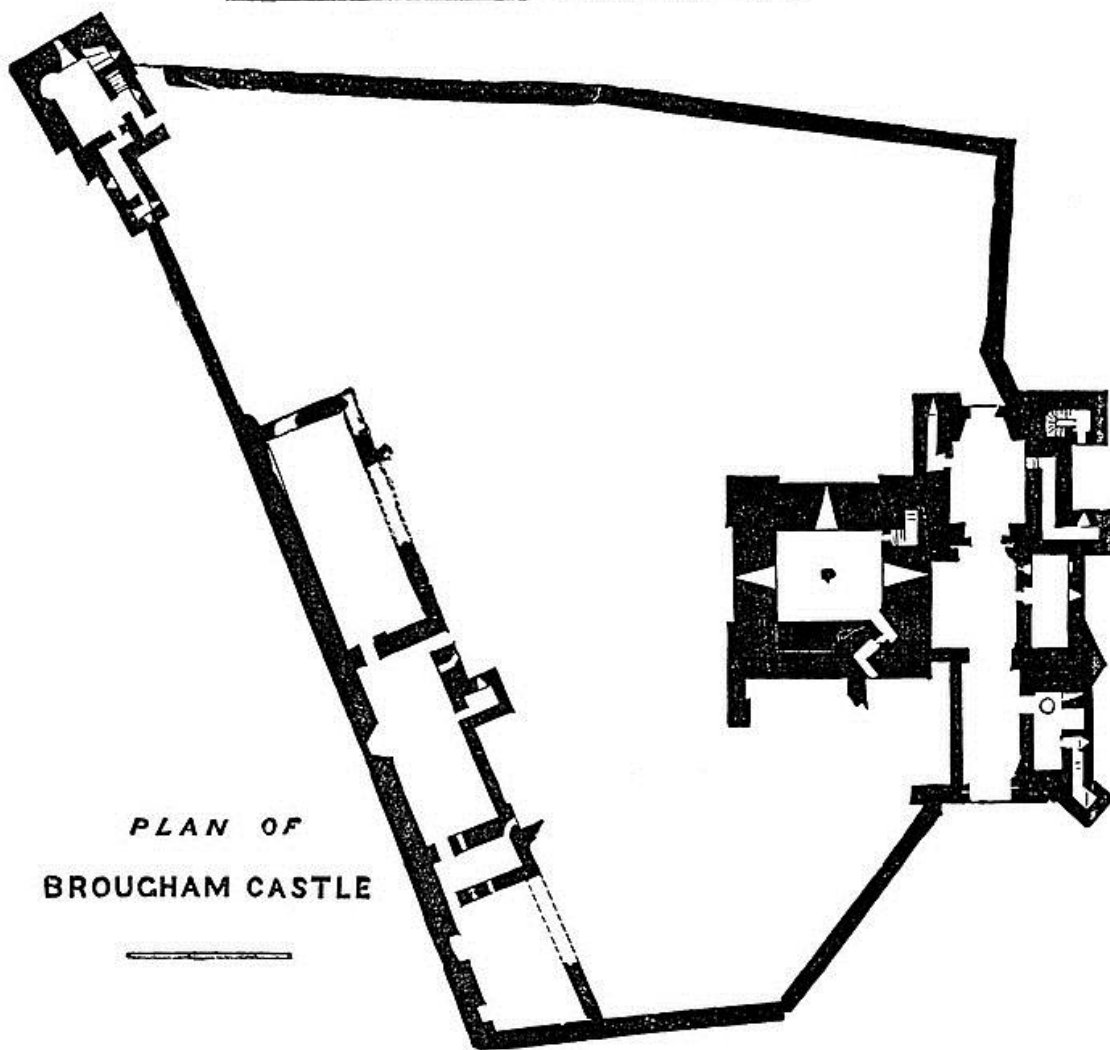
Гейтхаус, прямоугольный в плане, 90 футов в длину и 39 футов в ширину, занимает пространство между замком и северной стеной и простирается в обе стороны за пределы замка. Он состоит из двух частей: одна, состоящая из палат, домиков и т.д., образует или, скорее, примыкает к занавесу; другая, соединяющая эти палаты с замком, содержит сводчатый вход. Вход разбит в поперечном направлении на две части, разделенные небольшим открытым двором. Внешний проход, длиной 34 фута, относится к внешним воротам; другой, длиной 36 футов, - к внутренним. Одну сторону образуют ворота, а другую - домики. Таким образом, в действительности существует две сторожки - одна примыкает к северо-восточному, а другая к северо-западному углу замка, каждая со своей защитой и воротами, а здания на севере сообщаются с обеими. Внешний портал находится в восточной

стене. Он не имеет фланкирующих башен, так как защищен куртиной. Северо-восточный угол закрыт квадратным контрфорсом, поставленным по диагонали. Над воротами возвышается плоская сегментная арка. На камне высечены слова: "Это сделал Роджер", а выше - два яруса, каждый из которых состоит из двух хороших декорированных окон в два света, с трилистниками и кватрофилом в голове, разделенных фрамугой. Между двумя верхними окнами находятся три смелых карниза, предназначенных для поддержки машикулей, похожих на те, что расположены на каждой из сторон здания. Говорят, что раньше над входом был вырезан герб Во, "chescu"; но, скорее всего, это был герб Клиффорда, "chequy, a fess", или, возможно, "a bendlet". Проход внутри, шириной 11 футов, сводчатый. Первой защитой был порткуллис, от которого остался квадратный паз шириной 6 дюймов и глубиной 4 дюйма. Внутри него находится фальшпанель для пары ворот, а справа - маленькая дверь домика. Во внутреннем конце прохода находилась вторая пара ворот, открывающаяся в сторону первой пары, а за ними - открытый двор с крепостной стеной слева. Над этими внешними воротами находится большая комната, 21 фут на восток и запад, 32 фута в длину. В его западной стене находится камин и дверь, открывающаяся в средние покои. В северной стене хорошее декорированное окно смотрит на реку; в восточной стене - два окна, выходящие на внешние ворота, а между ними, над воротами, - углубление для работы портупеи.

Ground Plan of Norman Keep, Brougham Castle.

10 5 0 10 20 30 40 FEET

PLAN OF
BROUGHAM CASTLE

Scale. 60 ft to 1 inch.

0 5 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100 110 120 130 140 feet.

ПЛАН ЗАМКА БРАУЭМ

За открытым двором находится вторая часть сторожки, которая начинается с портупей, поддерживаемой парой дверей, внутри которой находится проход длиной 20 футов и шириной 16 футов, сводчатый в два пролета с поперечными и диагональными ребрами, опирающимися на шесть карнизов. Ребра конька отсутствуют; внутренний или дальнейший портал также имел двери. Левая ложка представляет собой сводчатую камеру длиной 11 футов и шириной 3 фута 3 дюйма. Справа помещение гораздо больше и ведет к северному столбу. Внешний или северный фасад этих двух ворот представляет собой красивый блок, пронизанный различными отверстиями на разных уровнях. В северо-восточном углу находится угловой контрфорс, за ним следует полуквадратный в сечении, поставленный по диагонали, а к западу от него - большой квадратный контрфорс, в одной из сторон которого находится северный постерн - небольшая дверь с плечевой головкой у подножия лестницы.

Возвышенная башня у юго-западного угла двора имеет площадь около 35 футов, с пристройкой на восточной стороне. Она имеет толстые стены и фресковые переходы, и незначительно выступает за пределы куртины. В нем есть подвал и три верхних этажа. На второй этаж вела наружная лестница, которая также сообщалась с валом западной куртины. На ее стыке с башней находится потерна, подход к которой охраняется петлей, а почти над дверью вырывается побег гардероба.

Вдоль южной стены расположены хозяйственные постройки, главной из которых была часовня размером 35 футов на 20 футов. Она находилась на втором этаже, имела деревянный пол и открытую крышу. В помещение, расположенное ниже, можно было попасть со двора через стрельчатую дверь. В часовне было большое восточное окно, от которого сохранились косяки, а в южной или навесной стене - два длинных окна с трилистником, разделенные внутри. К восточному концу примыкают три седалища, также с трилистниковыми головками и трилистниками в эспадрильях, все под плоским верхом. Здесь же находится piscina позднего декоративного стиля. Рядом с часовней, в юго-восточном углу, остатки большого камина, по-видимому, указывают на кухню, а вдоль восточной стены находятся два окна и следы камина между ними, которые, по-видимому, относятся к залу. В северной части на втором этаже сохранились остатки красивой двери в перпендикулярном стиле, с четырехцентровой аркой под квадратной головкой. Лестница, возможно, была наружной. В 1775 году Гроуз изобразил здесь несколько стен, которые теперь исчезли.

Кил, называемый во времена графини Анны "римской башней", единственный остаток первоначального замка, имеет 44 фута в квадрате и, в своем нынешнем состоянии, необычную высоту. Его наружный цоколь ограничен северной стороной. Два западных угла закрыты пилястрами, шириной 12 футов и выступающими на 6 дюймов, по одной на каждой грани, встречающимися так, чтобы образовать твердый угол. Две другие пилястры, уравновешивающие эти, покрывают восточный конец северной и южной стен, но на восточной стороне их нет, так как она была закрыта передней частью здания. Южный фасад продлен на 12 футов на восток стеной толщиной 5 футов, которая поднимается до уровня третьего этажа и образует южный конец переднего здания. Пилястры поднимаются до нынешней вершины стены и первоначально заканчивались четырьмя квадратными башенками, следы которых сохранились на двух северных углах. У храма есть подвал и три верхних этажа, из которых самый верхний, если это не пристройка, был перестроен. Толщина стен составляет 11 футов у основания и не менее 10 футов на уровне вала. Парапет отсутствует. Внешний облик отсутствует. В центре каждой грани и около вершины находятся

три или четыре смелых карниза, которые, очевидно, несли короткую маковку; а в углах, около вершины, несколько крестообразных петель, слегка веерообразных сверху и снизу, с боковыми рукавами, заканчивающимися маслинами, очень похожими на те, что в Кенилворте. Некоторые из них являются нижней половиной башен, которые вместе с парапетом стояли в 1775 году. В верхней части юго-восточного угла стена отбита на 12 дюймов при ширине 15 футов на южной и, скорее, на восточной стороне. Это сделано для того, чтобы дать немного больше места настенному ораторию, который имеет петлю на южной стороне и небольшое окно с трилистником на востоке, за пределами передней части здания. На северной стороне, у восточной пилястры, вертикальная линия из шести петель указывает на наличие колодезной лестницы со второго этажа. Четыре нижние петли имеют круглые головки, две верхние - квадратные, вероятно, более поздние.

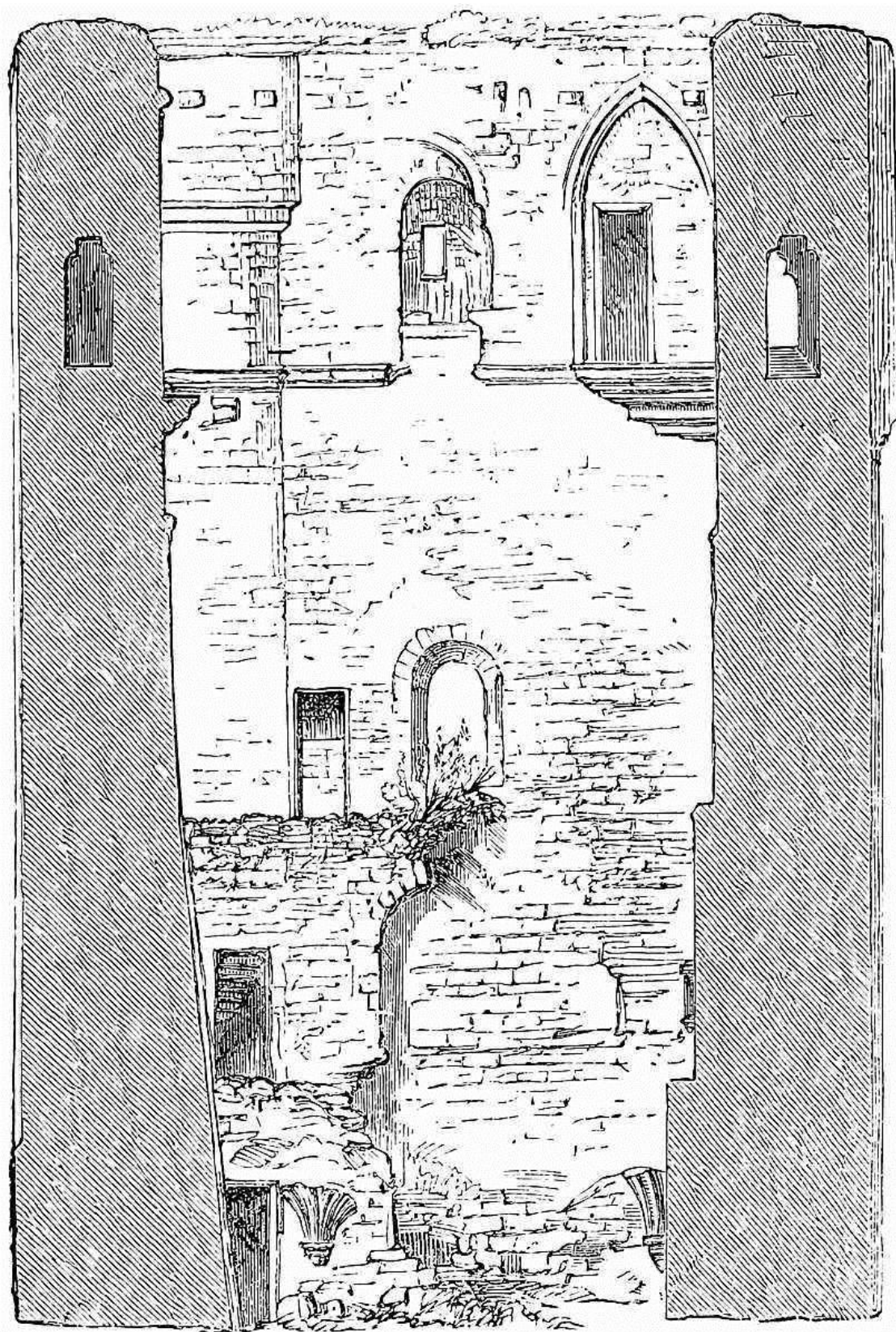
Цокольный этаж находится на уровне земли. Он имеет раскрепованные петли на севере, западе и юге, а в восточной части находится углубление с параллельными сторонами и следами фальца дверного проема. Если он был первоначальным, то, как и в Рочестере, должен был вести в камеру под зданием; но, возможно, это декоративная вставка. Он почти завален мусором. В северо-восточном углу, который был заделан короткой стеной, находится маленькая дверь, открывающаяся в извилистый проход, который теперь ведет на открытый воздух, где находилось подножие большой входной лестницы. Возможно, здесь всегда была келья, но поперечная стена и внешняя дверь не являются оригинальными. В западной части северной стены находится еще одно углубление, открывающееся в садовую камеру длиной 5 футов и шириной 3 фута. Этот подвальный этаж имел сводчатую и ребристую крышу, опирающуюся на кронштейны по углам и на четыре других, в центре каждой стороны. На 1775 года был центральный пирс. Как и в Ричмонде, этот свод был вставкой, заменяющей древесину. Высота подвала составляла около 13 футов.

Первый этаж имеет площадь 23 фута. Он имеет круглоголовые оконные проемы на север и запад, в круглоголовых нишах, с бусинами на углах. В южной стене находился камин, вероятно, садовый, как и тот, что внизу. В северо-восточном углу, заполненном, как и внизу, короткой поперечной стеной, находится дверь, открывающаяся на колодезную лестницу, которая занимает этот угол и поднимается на крышу. Восточная стена была в некоторой степени перестроена недавно. В ней видны части большого украшенного дверного проема, очевидно, вставленного для обеспечения прямого входа в палату. На этом этаже к стенам примыкала аркада, следы которой сохранились на южной и западной сторонах. Аркада имела тонкие опоры и трилистники. Необычно обнаружить столь богато украшенную комнату на первом, да и вообще на любом этаже нормандского замка: она, должно быть, больше напоминала капитул, чем частную комнату. Часовня в замке Райзинг была украшена подобными арками, как и часовни в Йорке и в занавесе в Ричмонде. Высота этого этажа составляла около 15 футов, и он был перекрыт балками и полом комнаты выше.

На *втором этаже* с северной и западной сторон имеются круглоголовые углубления для окон, украшенные по углам бусинами; южную сторону занимает дымоход, ныне открытый. В восточной стене находится первоначальный вход - простая арка с круглой головкой, открывающаяся на 6 футов, со скошенным фальцем для наружной двери. Решетки не было. К северу от него находится небольшая дверь, ведущая в косой проход, который, как и в Миддлхэме и Рочестере, выходил на башенку над внешним входом в передний корпус. Колодезная лестница не имеет прямого выхода на этот этаж, что бы ни было до перестройки. В северо-западном углу, как и в нижнем, находится садовая башня.

Этим этажом, по-видимому, заканчивался первоначальный дом. Однако теперь здесь есть *третий этаж*, который если и не был полностью новым, то был перестроен. Стены очень

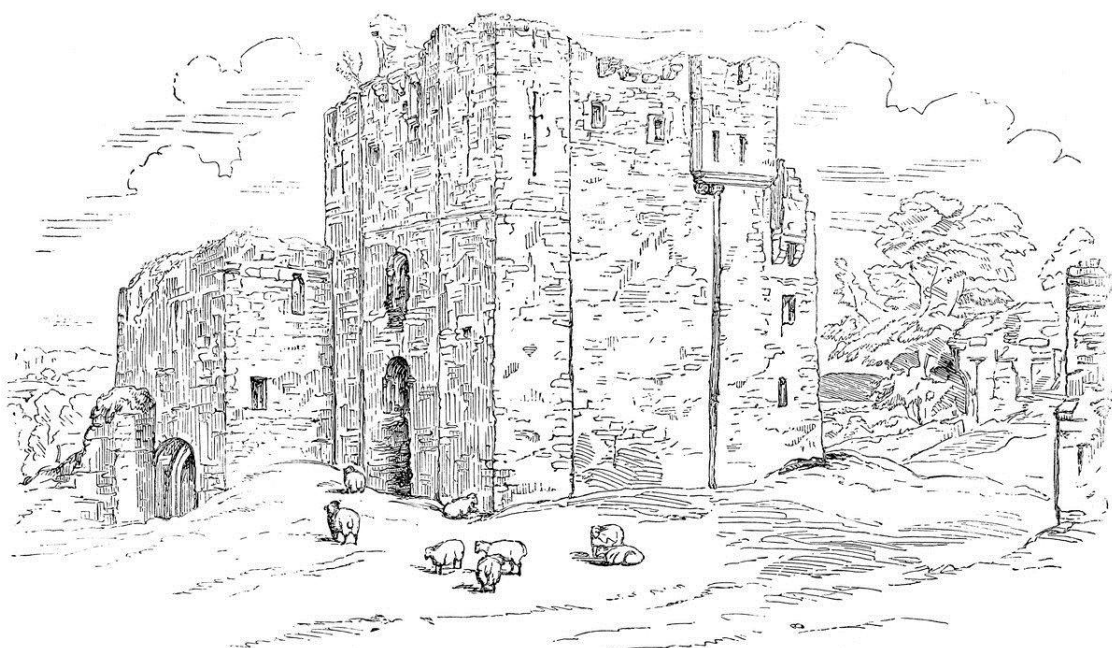
толстые, а четыре угла внутри заполнены короткими стенами, превращающими камеру в восьмиугольник, или, скорее, в квадрат со снятыми углами. Одно из этих заполнений, северо-восточное, проходит по всей длине. Три других ограничены верхним этажом и опираются на кронштейны. На этом этаже было большое углубление и окно в каждой из четырех главных граней, из которых та, что на западе, сегментная и ребристая. Сейчас эти ниши совершенно недоступны, но, судя по толщине стены и некоторым квадратным проемам снаружи, они сообщаются с западной стороны с настенными палатами. В северо-западном углу находится очень примечательный камин, открывающийся на 9 футов, с совершенно плоским наличником, сложенным из тринадцати камней, пригнанных друг к другу. Это очень хороший пример подобной работы, и он стоит совершенно без изменений. В противоположном, юго-восточном углу находится углубление с мелким острием, а в нем - дверной проем с квадратной головкой, открывающийся в ораторий. Оконная ниша в южной стене отличается от остальных. Ее арка была высоко заостренной и оформлена глубокими дублированными полосами, с полувалями с колокольными капителями; , несомненно, декорирована, но имеет раннеанглийский характер. Из восточного косяка этой ниши открывается второй проход в ораторий, который, вероятно, был главным входом в него. Снизу видно, что ораторий имеет сводчатые и желобчатые стены. Она занимает юго-восточный угол здания.

ХРАМ, ВЕРТИКАЛЬНЫЙ РАЗРЕЗ.

Восточная сторона храма была закрыта *передней постройкой*, в которой, очевидно, находилась прямая лестница, поднимавшаяся от северо-восточного угла храма к главному дверному проему на уровне второго этажа. Этот дверной проем, как и в Миддлхэме, находится у южного конца стены, но, несмотря на это, ступени должны были начинаться выше уровня земли, чтобы без излишней крутизны достигать столь значительной высоты.

Стена была так сильно повреждена и так свободно ремонтировалась, что следы лестницы больше не видны, но зубцы и несколько пружинящих камней, как для арки, кажется, показывают, что лестница поднималась от северо-восточного угла, под крытым проходом или низкой башней, бойницы которой, очевидно, были достигнуты косым проходом, который все еще виден выше в стене, как в Миддлхэме и Рочестере. Ниже уровня первоначального дверного проема видны следы более крупного и высокого дверного проема, выполненного в богато украшенном стиле, - очевидно, вставка. Он давал прямой проход на второй этаж храма, и, вероятно, был сделан, когда была введена аркада, и превращен в главную квартиру. На стене есть и другие зубцы и неровности, свидетельствующие о различных переделках. Передний корпус был шириной около 12 футов, содержал подвал и два этажа, о чем свидетельствуют проемы в южной стене: у земли - петля, над ней - небольшое окно, а выше - садовая ограда, выложенная из двух тяжелых блоков на южной стене. Над линией крыши переднего здания видно восточное окно оратория, а рядом с ним - крестообразная петля.

С ЮГО-ЗАПАДА.

К сожалению, для тщательного изучения этой очень любопытной крепости верхняя часть недоступна, а лестницы достаточной длины не так-то просто достать. Об архитектурной истории замка можно судить по его деталям, насколько они заметны. Очевидно, что первоначальная крепость была поздним норманнским замком, и она должна была располагаться внутри *ансинта*, довольно близко соответствующего тому, что мы видим сейчас, и который проходит по краю рва. От этой предполагаемой первоначальной стены *энсинта*, а также от хозяйственных построек и сторожки, которые должны были в той или иной форме присутствовать внутри него, не осталось никаких определенных следов. Судя по внутренним признакам, замок и, вероятно, рвы были построены Робертом де Випоном в начале XIII века.

В Декорированный период замок претерпел значительные изменения. Вероятно, крепость была поднята на один этаж, и в нее была включена оранжерея. Подвал был сводчатым, второй этаж - аркадным, а передний корпус был изменен таким образом, чтобы обеспечить вход на этом этаже. Все остальные части замка, сторожки, хозяйственные постройки и вся *крепостная* стена относятся к одному общему периоду и, вероятно, являются делом рук

Роджера де Клиффорда, первого представителя своего рода, владевшего этим владением, и мужа Изабель де Випон, его наследницы, во времена правления Эдуарда I. Обычно при перестройке нормандской крепости в эдвардианский период хранилищем пренебрегали и оставляли его в первозданном виде; в данном случае, однако, было решено использовать его в своих целях, украсить главные покои и соединить их с набором комнат на верхнем этаже сторожки.

На рисунке изображен разрез хранилища с востока и запада, если смотреть на юг. Здесь показаны различные пристройки, а также пружины свода подвала.

Внешний вид храма, снятый с юго-западной стороны, показывает сверху выступ для оратория, а внизу и за ним - торцевую стену снесенного переднего здания. Слева видны речные ворота входа.

В этом замке есть несколько особенностей деталей, которые требуют дальнейшего изучения. Большие окна первого и второго этажей храма являются оригинальными, но полуколонны и колпаки в наружных косяках выглядят гораздо более поздними и могут быть частью декорированных дополнений. Говорят, что здания у восточной стены подверглись некоторым переделкам при другом Роджере де Клиффорде, внуке первого. Любопытно, что стены такой толщины, как в храме, и из такого хорошего материала, должны были остаться цельными, по большей части не пронизанными камерами и переходами, которые так сильно пострадали от норманнских архитекторов. Следует также отметить, что куртина очень скудно оснащена фланговыми оборонительными сооружениями. Графиня Анна упоминает "Башню Лигера", "Языческую башню" и "Государственную палату Грейстоков" в замке Броуэм.

ЗАМОК БУИЛТ В БРЕКНОКШИРЕ.

Название Буилт, которое в наши дни носит значительный город и сотня графства Брекнок, очень древнее. Поскольку, как и Бреккон, город расположен в открытой долине, доступной без особых трудностей для врага с востока, он страдал от вторжений с самого раннего периода, и к этим и подобным нападениям следует отнести различные крепости, как земляные, так и каменные, остатки которых в изобилии встречаются на маршах Англии и Уэльса, а также на тех участках последней территории, которые саксонцы или норманны, захватив, сочли нужным удержать.

Строительству дамбы Оффы в восьмом веке, должно быть, предшествовали долгие годы завоеваний и создание множества английских крепостей на всей территории присоединенного района, а также, вероятно, и за его пределами. Ничто, кроме нынешней неспособности подняться, не заставило бы валлийцев замолчать во время строительства такого сооружения или даже пассивно принять ограничение, отрезавшее большую часть их самой красивой территории. Крепости Буилт и Бреккон, которые в целом напоминают крепости английского происхождения в других местах, вероятно, были передовыми постами, возведенными либо во время войн, предшествовавших строительству дамбы, либо для помощи в агрессии, последовавшей за ней. План строительства приводит скорее к последнему выводу и указывает на девятый или начало десятого века.

Как бы то ни было, несомненно, что когда Бернард Ньюмарч вторгся в Брекнок в конце XI века, он обнаружил уже существующие земляные укрепления Брекона и Буилта и занял их, как обычно, работами норманнского характера. Вероятно, поначалу они были деревянными, поскольку каменная кладка требовала времени и покоя, и вообще традиция приписывает самые древние норманнские военные постройки в Уэльсе скорее непосредственным преемникам завоевателей, чем самим завоевателям. В тех случаях, когда возраст здания можно с уверенностью определить либо по его конструкции, либо по орнаменту, оно, как правило, оказывается очень поздним норманнским, граничащим с ранним английским периодом.

Ньюмарчу наследовал Майло Фиц Уолтер, который женился на его дочери. В 1140 году императрица Мод сделала его графом Херефорда, и он получил от нее ров, или, скорее, "соринку", и замок этого города. Его сыновья умерли бездетными, а Маэл, последний из них, погиб от падения камня с башни Бронлиса. Буилт унаследовала его сестра Берта, вышедшая замуж за Филиппа де Браоза, который, как говорят, уже владел этой территорией и впоследствии женился на ее законной наследнице, как Ньюмарк женился на валлийской Несте, в целях предосторожности.

Их сын, Уильям де Браоз, также могущественный барон в Девоне, процветал во времена правления Генриха II, Ричарда и Иоанна и умер в изгнании в 1210 году. Его преемником стал брат Джайлс, епископ Херефорда, а за ним, умершим в 1215 году, последовал его брат Реджинальд. В его время происходит самое раннее упоминание о замке. В 1219 году, 4 Генриха III, шерифу Глостершира предписано оказать немедленную помощь Реджинальду де Браозе "ad castrum suum de Buetto firmandum et fossatum et trencheyas ibidem faciendas contra inimicos nostros.". Также 12 сентября 1223 года, 7 Генриха III, король приказывает всем шерифам Англии, за исключением шерифов Стаффорда, Салопа, Вустера, Глостера и Херефорда, которые, вероятно, уже выполнили свой долг, собрать людей и отправиться в Глостер, что было вызвано достоверной информацией короля о том, что Рейнольд де Браоз был осажден в своем замке Буйльт Ллевелином и множеством вооруженных людей. Каков был результат, неизвестно, но несколько лет спустя, в июле 1260 года, после смерти де Браоза, когда замок находился в ведении Роджера де Мортимера, он был осажден и взят Ллевелином. Роджер находился в Лондоне, и, поскольку его долг состоял в том, чтобы быть на своем посту, он получил обычное отпущение грехов, в котором говорилось, что он посещает парламент по специальному предписанию. В нем говорилось, что он владеет замком "ex ballio" по депутациям принца Эдуарда. В августе Ллевелин все еще владел замком, и сохранилось предписание по этому поводу, адресованное Ричарду де Клеру и другим.

Реджинальд де Браоз, который был лордом во время осады 1223 года, по общему мнению, умер в 1221 году, что опровергается записями Раймера. Однако он умер примерно в это время, и за ним последовал Уильям, его сын, который в 1229 году был повешен, согласно валлийцам, Ллевелином. После его смерти, оставившей только дочерей, корона забрала замки, и они были пожалованы принцу Эдуарду, который владел ими до 1254 года, когда его отец возобновил пожалование.

5 Эдуарда I. Возник вопрос о некоторых тайтах, принадлежащих настоятелю и монастырю Брекона при Уильяме, Уильяме, его сыне, ... и Реджинальде де Браозе, лордах Буилта, и из более поздней записи на сайте, 13 Эдуарда I., следует, что их обязанностью было служить в часовне или костеле внутри замка, который тогда назывался "Королевским замком". 25 Эдуард I., Джон Гиффард был кустосом, и его содержание было уменьшено казной, потому что оно было больше, чем обычно.

17 Эдуарда II, 1324 г., было проведено обследование замка для короны. Замковый двор и прилегающая территория стоили 12 д. в год, а в демесне было 40 акров пашни по 3 д. за акр, итого 10 с. Также 10 акров луга по 12 д., итого 10 с. Также "communitas patriæ", прихлебатели за пределами деревни, платили королю каждый второй год, за все услуги и годовую ренту, 10 коров или 20 марков в деньгах по желанию лорда, то есть 1 фунт 6 шиллингов. 8 д. за каждую корову - ее денежная стоимость в то время. Ренты ассизов в Ланвейре 70-х годов, вероятно, с 75 бюргеров. Паром 4s. в год. Земля Талевана, в руках короля, 2s. Земля Тира Маукина, 2s. Панаж свиней, 20s. У короля там было четыре мельницы, каждая по 10s. Деревни там не было. Все выплаты и вознаграждения придворного купца в Ланвейре 57 с. в год. Плясы и платежи судов "патрициев", 17s. Аммобраги, 13 с. 4d. Никаких роялти, вилленажа, демесне или других отчислений. Король не получал никаких доходов в Буйльте, кроме вышеперечисленных.

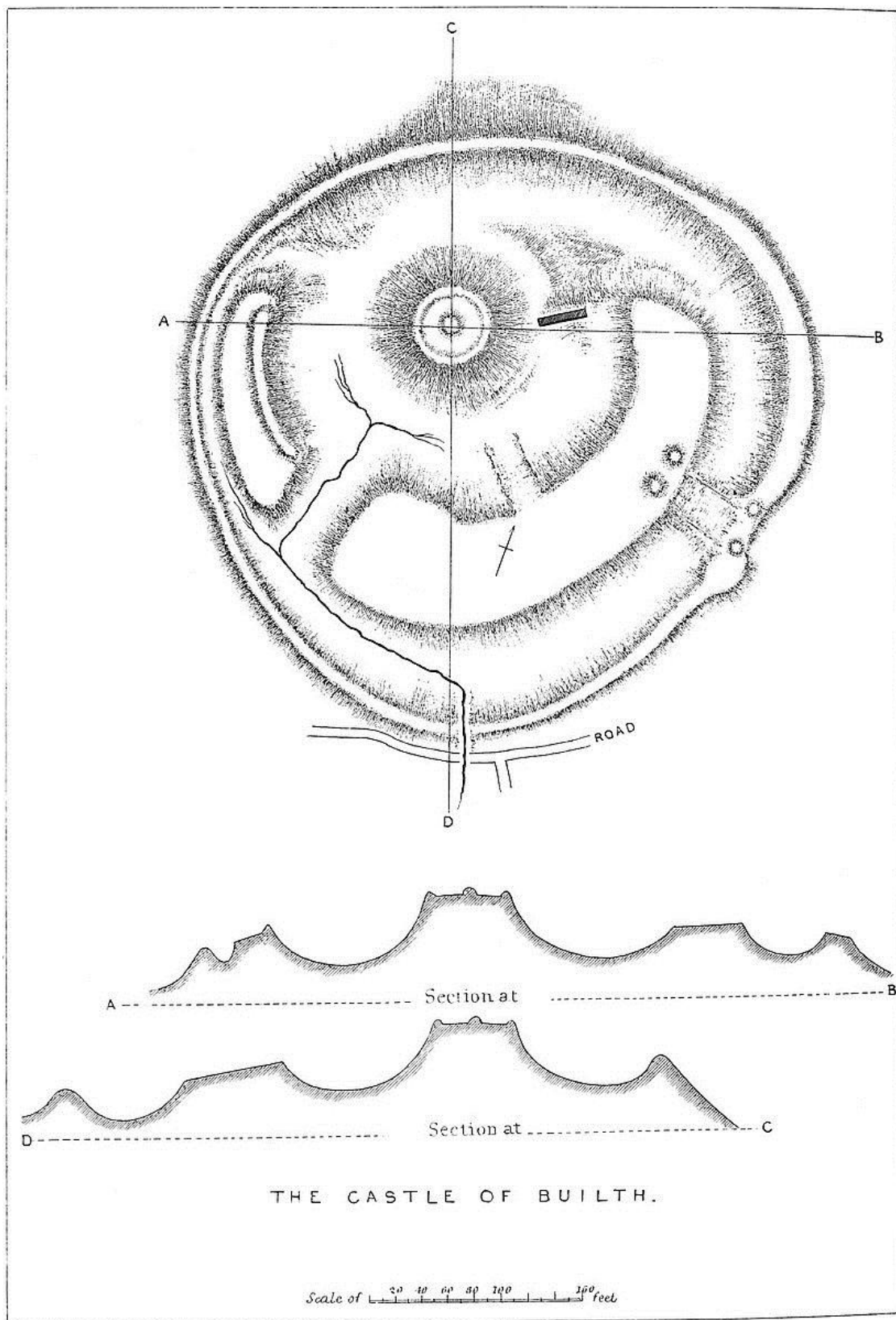
Лланфайр - это город Буилт, его валлийское название - Лланфайр-им-Муаллт, или церковь Святой Марии в Буилте. Спелман считает, что аммображ - это то же самое, что и шеваж, налог, который платили холопы своему господину. Джонс, историк из Брекнока, дает ему валлийскую этимологию и считает, что это своего рода акциз.

Значение этих пограничных замков, естественно, уменьшилось после заселения Уэльса 3 Эдуардом I, и корона больше не заботилась об их сохранении. 9 Эдуарда III замок Буилт был передан во владение Эуболо ле Стренджу и Алесии, его жене, а 14 Эдуарда III. Томас де Брадестан, баннерет, получил замок "Тланвер", вероятно, "Блаенллевени", и лордство Буилт.

16 Эдуард III. 1342-3 гг. Гилберт Талбот, юстициарий Южного Уэльса, получил указание собрать сборы в округах Буилт, Эвиас-Лейси и Эвиас-Гарольд, и аналогичные предписания были изданы в 1367 году.

34 Эдуард III, 1360-1, Роджер де Мортимер владел замком и кантрedom Буилт, а 5 Ричард II, Эдуард граф Марч и Филиппа, его жена, владели замком Беволт или Беулт, как и граф Роджер, их преемник, 22 Ричард II. После убийства Мортимеров замок перешел к короне, и так оставался до тех пор, пока его не отдал Карл II, после чего он переходил через множество рук.

Учитывая положение замка на открытой и очень опасной границе, неудивительно, что его стены и башни были спланированы с определенным мастерством и выполнены с большой пассивной силой. Но от каменной кладки теперь не осталось и следа, а на место крепости, которая могла сдерживать Ллевелина и его вооруженных валлийцев, вероятно, в течение нескольких недель, теперь указывают кучи земли довольно примечательного характера, которые, благодаря своему расположению и размерам, выделяются в очертаниях города с любой точки обзора.

Дж. Х. Ле Ке, Дарем.

ЗАМОК БУИТ.

Более того, эти земляные сооружения, сохранившие каменную кладку, которая на протяжении многих веков венчала их вершины, очевидно, относятся к более раннему

периоду, чем норманнские, и только в наше время они приобрели тот вид, который имели первоначально.

В общих чертах и в деталях они напоминают земляные сооружения, расположенные ближе к английской границе, такие как Вигмор, замок Ричарда, Килпек и Эвиас-Гарольд, которые также похожи на Уорик, Лестер, Бедфорд и Тоустер, даты и авторы которых известны, и все они, где бы ни находились, совершенно не похожи на грандиозные холмы, столь распространенные на границе, и обычно приписываемые англичанам.

Поэтому особый интерес вызывают работы, подобные этим в Буилте. Не только в отношении английской части общества существует предположение, почти доказательство, что они были делом рук их предков, но, что представляет интерес для всех, можно установить приблизительную дату их строительства, чего ни в коем случае нельзя сказать о более крупных и, вероятно, более древних холмах.

Город Буилт стоит в северо-восточном квартале Брекнока, в одноименной сотне, на крутом изгибе реки Уай, которая, вырвавшись из глубокой долины, по которой она спускается из Раядер-Гви, и собираясь впасть в ту, по которой она достигает более открытой местности возле Гласбери и Хэя, пересекает широкую полосу медоносов, на которую город смотрит и которая, несомненно, дала ей начало.

На восточной окраине города и, как и он, в сотне ярдов выше и на таком же расстоянии от реки расположен замок. С него открывается прекрасный вид на север, и он находился в нескольких минутах езды от замка Пейн и других крепостей на среднем Уайе и Уске. Он стоит на берегу, круто обрывающемся к северу от реки, и, хотя со всех сторон он выше, чем прилегающая территория, к нему ведет легкий подъем с южной стороны, с которой находился вход.

Замок занимал участок земли почти круглой формы, примерно 180 ярдов на север и юг, 190 ярдов на восток и запад. Его главная особенность - коническая насыпь, увенчанная столом, полностью искусственная, диаметром 60 футов в верхней части, 200 футов в диаметре от центра окружного рва и 60 футов в высоту от дна рва. Ширина рва по всему периметру составляет от 100 до 120 футов, он наиболее узкий с северной стороны, естественно, сильной. На протяжении примерно четырех пятых окружности к югу курган покрыт двумя изогнутыми платформами, выпуклыми к полю и вогнутыми к тылу. Та, что на юго-востоке, больше, ее ширина составляет от 60 до 90 футов, а длина - 400 футов. Западная - от 30 до 35 футов в ширину и 200 футов в длину. Их разделяет глубокая траншея шириной около 100 футов, которая соединяет внутренний и внешний ров. На другом или северном конце они заканчиваются более плавно, но оставляют северный фронт кургана непокрытым. Эти платформы находятся их задней части примерно на 30 футов выше дна рва, контрэскарпа которого они образуют, и, следовательно, примерно на 30 футов ниже вершины кургана. Они плавно наклоняются наружу. Западная платформа имеет вдоль своего внутреннего края узкую крутую насыпь высотой около 6 футов. Вряд ли на ней мог располагаться частокол, так как за ней нет места для прохода. Она выглядит так, как будто ее возвели во время осады, чтобы прикрыть тех, кто собирался штурмовать курган.

Снаружи и перед этими платформами находится ров шириной от 70 до 100 футов и глубиной от 15 до 25 футов. Он охватывает южные четыре пятых сооружения, но к северу, где платформы заканчиваются, он продолжается и составляет часть внутреннего рва.

И, наконец, на краю внешнего рва находится вал разной высоты и толщины, иногда узкий и высотой от 5 до 6 футов, в других местах расширенный до платформы от 12 до 20 футов. Эта насыпь опускается к естественному склону земли, который очень крут только к северу.

Хотя над землей сохранился лишь один небольшой фрагмент каменной кладки, там, где фундамент был раскопан, видны следы стен, а кое-где и нагромождения, которые, вероятно, покрывают остатки башен. Очевидно, что на вершине кургана находилась центральная башня или замок, круглый или многогранный, вероятно, как и в Бронлисе, раннеанглийского или поздненорманнского времени. Северный склон кургана, покрытый только рвом и насыпью, составлял часть *энсинта*, как в Беркхемпстеде, а от хранилища на восток спускалась куртина, часть которой сохранилась, которая пересекала ров и, очевидно, была проведена вдоль платформы, чтобы включить ее. На ней находятся два небольших кургана, которые, по-видимому, были башнями, фланкирующими вход. Как продолжался этот занавес, ограничивался ли он восточной платформой или же пересекал поперечный ров и включал в себя западную платформу, точно не известно. В любом случае он должен был в конце концов повернуть внутрь, пересечь внутренний ров и снова подняться на курган, чтобы упереться в крепостную башню. Замок, похоже, состоял из крепости и одной палаты и, вероятно, был в значительной степени обязан своей прочностью против внезапного нападения своей ограниченной площадью. Рвы находятся на большом расстоянии от любого источника воды в прилегающей местности. Однако, похоже, они были более или менее влажными, вероятно, от дождевой воды. Поперечный ров и прилегающие к нему части канав все еще заболочены и образовали бы небольшой бассейн, если бы не сток, прорубленный во внешнем берегу.

Подход к замку, по-видимому, пролегал через город Буилт по существующей дороге и достигал внешнего барьера, где ров частично засыпан с восточной стороны; затем он пересекал платформу, где, по-видимому, была насыпь через внутренний ров, и, несомненно, от нее вела лестница на курган.

ЗАМОК КЕРНАРВОН.

Из трех величайших военных сооружений, выполненных Эдуардом I в Уэльсе, Кернарвон, несомненно, является главным; и действительно, нет ни одного замка в Британии, построенного с большим единообразием дизайна или в котором были бы более искусно использованы ресурсы военного инженера. Кроме того, он меньше, чем любой другой равный по величине замок, пострадал от насилия, естественного распада или жадности местных строителей. Его башни, стены и ворота стоят так же прочно и без повреждений, как и тогда, когда они вышли из-под руки каменщика. Полы и крыши, правда, были сняты, и внутренние жилые помещения, зал и часовня отсутствуют, но их удаление, если оно имело место, было произведено с такой тщательностью, что неясно, были ли они когда-либо возведены, и не были ли зубцы и неровности прилегающих стен оставлены с целью их дополнения. В последние дни корона, всегда являвшаяся владельцем громады, проявила необычайное рвение к ее сохранению. С мистером Салвином, более искусным реставратором древнего замка, советовались по поводу необходимого ремонта, а мистер Тернер, заместитель констебля, следит за состоянием строения с обычной заботой.

Замок и город Каэрнарвон расположены на правом или северном берегу Сейонта, реки, известной тем, что на ее лугу был построен римский Сегонтиум, на небольшом расстоянии над замком, который вместе с городом стоит в месте слияния реки с водами пролива Менай, так что две стороны позиции защищены, одна - рекой, другая - морем. На смену Сегонтиуму, или Каэр Сейонт, пришел валлийский лагерь Каэр-ин-Арвон, названный так из-за своего расположения на берегу Арвона, уже не "унылого Арвона", а одного из самых очаровательных мест в Северном Уэльсе.

Город, основанный вместе с замком королем Эдуардом, в плане напоминает параллелограмм. Он заключен в куртину, укрепленную десятью башнями, две из которых образуют восточные и западные ворота, а три - главные углы крепости. Они представляют собой цилиндрические или полуцилиндры, открытые сзади.

Южный конец территории закрыт замком, главная сторона которого обращена к городу и находится внутри него. Противоположная или южная сторона упирается в Сейонт, как и западная, и, в некоторой степени, восточная. На фотографии Уилсона, сделанной в прошлом веке, стены возвышаются почти у самой кромки воды, а поперечный ров перед воротами королевы по-прежнему открыт, но в это время между стенами замка и рекой находится широкая набережная, а от широкого и глубокого рва, отделявшего крепость от города, осталась лишь часть. Вероятно, ров был достаточно глубоким, чтобы пропускать приливные воды.

В плане замок напоминает песочные часы, его очертания определяются скалистым хребтом, на котором он стоит, и который поднимает его на несколько футов над уровнем города. В длину он составляет около 100 ярдов, а в ширину - от 30 до 40 ярдов, причем самая узкая часть находится в центре. Его очертания многоугольны, и на каждом углу стоит башня, также многоугольная. Их девять, две из которых двойные и служат воротами. В центре двух куртин находятся две небольшие башни, также многоугольные. С юго-восточной стороны земля падает довольно круто, но в самом низу находится на несколько футов выше уровня воды.

Главные или Королевские ворота, очень благородное сооружение, находятся в центре городского фронта и занимают угол стены. Она широкая и высокая, с необычайно высокой и богато украшенной аркой, в верхней части которой находится статуя Эдуарда II, завершившего строительство замка, а под ней - утопленные ворота. Два смелых полуоктагона обрамляют вход, к которому вел разводной мост, ныне замененный каменной кладкой. Портал широкий и высокий, сводчатый и ребристый, с обычными пазами для портупей, фальцами и отверстиями для дверей, а также *меуртриерами* в своде. По обеим сторонам находится ложа, необычайно просторная камера. Обе фланкирующие башни имеют петли, а в той, что справа, находится фресковая галерея, петли которой завершают команду подхода. Задняя часть этой правой башни продолжается в квадратное здание, образующее тюремную башню, в одном из углов которой находится колодезная лестница, ведущая на верхний этаж сторожки и ее крышу. У подножия этой лестницы находится небольшой дверной проем, закрытый портупеей, выходящий на запад, на кухню.

От Тюремной башни узкое здание соединяло сторожку с противоположной, Казначейской башней, и таким образом делило замок на восточную, или верхнюю, и западную, или нижнюю, палаты. Красивый арочный проем пронзал это здание и открывался из одной палаты в другую. Здание и сторожка исчезли, но косяки одной стороны с двумя пазами для портупей свидетельствуют о том, что портал был прочным и богато украшенным.

Кроме Королевских ворот, в верхнее отделение входили вторые, Королевские ворота, весьма примечательное сооружение, поскольку они расположены в самой высокой части крепости,

а порог их входа находится на высоте около 25 футов над уровнем земли и, должно быть, на 12 или 14 футов выше дна ныне засыпанного рва. Как к этому входу подходили, неизвестно, но если с помощью разводного моста, то пристань, на которую он опускался, должна была быть очень высокой, и к ней должно было вести что-то вроде виадука. Портал сводчатый и ребристый, с портупеей и воротами, но боковые палаты от него не открываются. Задняя часть сторожки, по-видимому, не была завершена, но рядом с ней, на западе, сохранился косяк небольшого порталного проема с богатой лепниной. Куда он вел, не очень понятно.

Башни, хотя и сильно отличаются друг от друга в деталях, все выполнены в одном общем стиле и, вероятно, спроектированы одной рукой. В каждой из них есть подвал, расположенный примерно на уровне наружной поверхности земли, сырой и темный, куда можно попасть только по лестнице с этажа выше. Возможно, эти подвалы не предназначались для использования. Они не были сводчатыми и не имели канализации. В каждой башне первый этаж находится на уровне двора, и на этом уровне или на несколько ступеней выше стена пронизана по всему периметру фресковой галереей, петляющей по полю и соединенной с разнообразными фресковыми камерами и гардеробами. Второй этаж имеет окна большего размера, как и третий или самый верхний. На каждом этаже есть камин, обычно простое отверстие в стене, и на каждый этаж ведет колодезная лестница, которая начинается на уровне первого этажа и заканчивается высокой башенкой, возвышающейся над крышей примерно на 20 футов. С верхнего этажа открывается дверной проем на вал куртины. Пол был полностью деревянным. Крыша была почти плоской, с небольшим уклоном к центральному коньку, и покрыта свинцом.

Занавес, везде необычайно толстый и высокий, с северной стороны петлял в два этапа, показывая, что он служил опорой для длинных рядов зданий, вероятно, казарм, с толстыми стенами и очень низкими скатными крышами, покрытыми свинцом. Эти здания отсутствуют, но башни и куртины имеют зубцы, чтобы придать прочность их стенам при строительстве.

Наиболее примечательной частью замка является устройство обороны южного или речного фронта. На этой стороне завеса огромной толщины, простирающаяся от Королевских ворот до Орлиной башни и включающая в себя Принцеву и Казначейскую башни, а также еще две башни меньших размеров. В этой стене, от Королевских ворот до Принцевой башни, на высоте чуть выше уровня двора находится широкая и возвышенная галерея, которая не только пронзает занавес, но и продолжается сквозь стены башен, с отдельной сводчатой камерой или вестибюлем, как "место для оружия". Эта галерея петляет в сторону поля, иногда имеет окно и дверь во двор. Она спускается по ступеням, чтобы сохранить свой уровень относительно двора, и в ее стенах есть несколько гардеробов.

Над ней, такой же длины и аналогичной конструкции, находится вторая галерея, также петляющая в сторону поля, но либо внутренняя стена и крыша этой галереи были удалены, либо, что более вероятно, никогда не были завершены, так как сейчас она остается открытой платформой. Однако толстая внешняя стена сохранилась в полном порядке и представляет собой широкую крепостную дорожку, или аллюр, к которому с верхней галереи ведут отдельные ступени в стене. Таким образом, была предусмотрена тройная линия петель, и эти петли не являются, как это часто бывало, простыми вентиляционными отверстиями, а устроены так, что дают широкие возможности для эффективного использования как длинноствольного лука, так и арбалета. Ни одно тело нападающих, каким бы храбрым оно ни было, не защищенное доспехами и не снабженное обычными осадными приспособлениями, не смогло бы противостоять такой линии обороны, укомплектованной, как и положено, первыми лучниками в Европе, подвергая тех, кто находился без них, спереди и с фланга, ливню суконных стволов и железноострых кортиков.

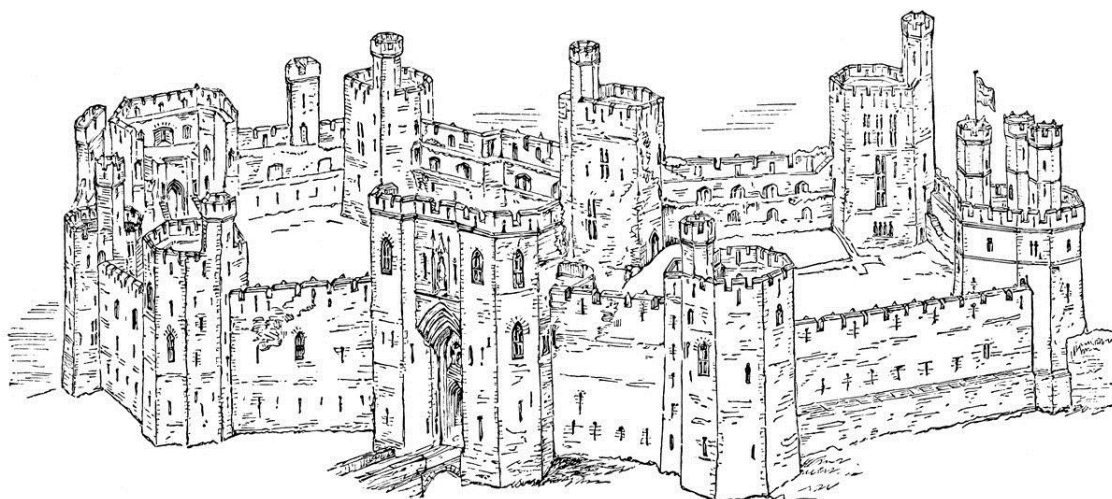
Куртина от Княжеской до Орлиной башни, хотя и такая же толстая, как и везде, но внизу сплошная, имеет только верхнюю галерею; она также не сообщается с Орлиной башней, которая образует своего рода крепость или цитадель, будучи по размерам больше, чем все остальные, а по прочности полностью равна им. Эта башня также отличается более высоким качеством исполнения и, безусловно, более богатой отделкой, чем остальные. Все ее лепные украшения относятся к лучшему декорированному периоду, и, очевидно, она предназначалась для приема знатных гостей.

В Колодезной башне, что к западу от Королевских ворот, находится весьма примечательный колодец. Колодец, с трубой диаметром 5 футов, спускается в толщу стены, в которой также находится колодезная камера, откуда колодец и был выработан. Все, и колодец, и камера, находятся в прекрасном состоянии. В отличие от других башен, в подвал Колодезной башни можно попасть со двора по крутой прямой лестнице. Причину этого можно увидеть в отверстии, которое открывается из пола башни в стене. Он находится на высоте 16 футов над дном рва и, вероятно, служил для внутренней связи с городом. Большой кухни сейчас не существует. Она была большого размера и прямоугольной формы и простиралась от Колодезной башни до Королевских ворот. На одном конце видны два любопытных каменных круга, вероятно, предназначенных для перевозки больших железных котлов с пространством внизу для огня. В боковой стене, или занавесе, есть несколько настенных камер, а также желоб с каменной трубой, по которой вода поступала из колодезной камеры через стену. Здесь же находится пружинящий камень с лепным ребром, показывающий, что у кухни была открытая крыша. В этой стене прямая лестница поднимается в сторожку, возможно, в спальню повара.

Напротив кухни линия фундаментов показывает расположение и размеры большого зала, 100 футов на 60 футов. Он был построен напротив южной куртины и простирался от Казначейской до Принцовой башни, последняя, вероятно, находилась на возвышении. С другого конца зала прямая лестница вела к постерну, выходившему на набережную и реку.

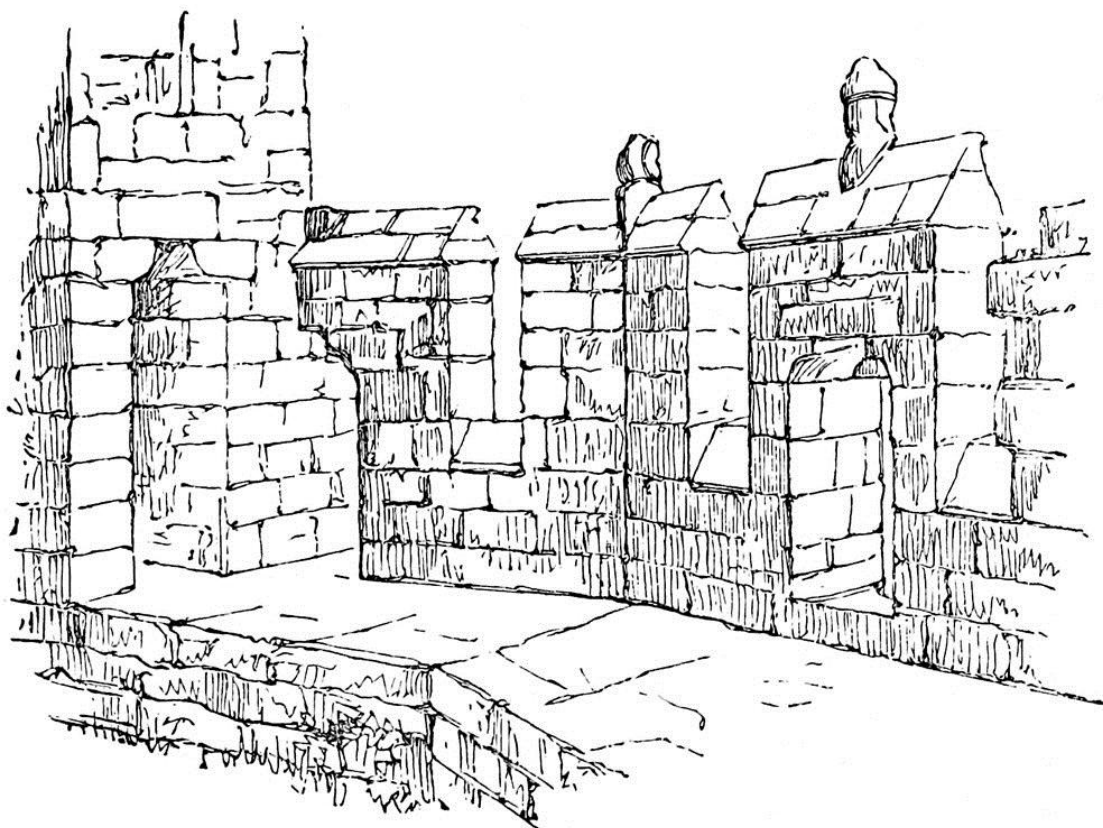
Казрнарвон построен в основном из известняка. Камни обтесаны молотком, грубо обтесаны и уложены курсами. Очень широко используется ясень, причем тонко обработанный. Используемые лепные украшения характерны для декоративного периода, а камень сохранил свою поверхность и орнамент без повреждений.

Отсутствие зала и кухни, офисов и казарм, а также крестообразного здания, разделяющего два отделения, придает интерьеру замка незаконченный вид, но это не влияет на его военные детали и детали башен, ворот и куртин; они очень совершенны и очень любопытны. С угасанием декоративного периода в архитектуре военная оборона также начала приходить в упадок, и работы Эдуарда III и его преемников, хотя часто дворцовые в своем величии, никогда не были чисто военного типа, и в этом отношении никогда не сравнятся с работами более раннего эдвардианского периода.

Замок Каэрнарвон.

Строительство Каэрнарвона было начато в 1283 году, сразу после казни Давида, последнего валлийского принца. Первой работой была разработка карьера для поперечного рва, сбор материалов и рабочих, которых набирали из английских графств. Кернарвон, Конвей, Криккэт и Харлех строились вместе, и ничто иное, как надежда на консолидацию своего королевства, не могло побудить столь экономного государя, как Эдуард, взять на себя расходы, которые за один год только на Кернарвон составили более 3 000 фунтов стерлингов. Впервые король побывал здесь в 1284 году, и в этом же году, 25 апреля, Эдуард Кернарвонский родился, вероятно, в этом городе. К 1295 году прогресс был настолько незначительным, что валлийцы, подняв локальный мятеж, сумели сжечь город и взять то, что было тогда построено из замка. Сколько было построено, а сколько осталось, неизвестно, но с тех пор работы велись все быстрее, и к моменту смерти Эдуарда замок, безусловно, находился в передовом состоянии. Работы были продолжены и завершены его сыном. В 1316 году была покрыта Орлиная башня, в 1320 году над большими воротами установили статую короля, а к 1322 году замок был полностью готов к обороне. Здесь, по-видимому, проживал камергер Северного Уэльса, а Башня казначейства была названа так потому, что здесь хранились финансовые отчеты северных графств, но можно сомневаться, что грандиозные помещения, спроектированные первоначальным архитектором для визитов государя, были когда-либо выполнены.

Батареи и орлиная башня, Каэрнарвон.

Замок перешел в руки Овайна Глендвра, а во время Великого восстания его поочередно удерживали король и парламент.

Одна из многих ценных статей, опубликованных покойным мистером Хартшорном в журнале Археологического института, содержит прекрасную историю этого замка; если бы этот джентльмен взялся за более простую задачу - его описание, то этот рассказ был бы излишним.

Большая из прилагаемых иллюстраций дает вид на замок с высоты птичьего полета с северо-запада. Впереди и в центре - Королевские ворота, далее, справа от зрителя, - Колодезная башня, а за ней - Орлиная башня. Крайний слева - внутреннее помещение Королевских ворот, расположенное между Гранатной башней слева и Черной башней. Напротив Королевских ворот находится Казначейская башня, а между ней и Орлом - Принцева башня. В нижнем или правом дворе видны фундаменты зала; следующая слева от Королевских ворот - Башня подземелья.

На меньшей иллюстрации показан аллюр или рамповый проход Орлиной башни. Задняя стена, если она вообще существовала, была удалена. В разрезе показан мерлон с его петлей, простая плоская амбразура и фигуры, расположенные на гребне копки, одна из которых дает название башне. Также виден небольшой дверной проем с плечевой головкой, открывающийся из башни на вал.

ЗАМОК КЭРФИЛЛИ, ГЛАМОРГАН.

Каэрфилли - самый обширный замок в Уэльсе, который, по некоторым данным, занимает вместе с флигелями и земляными сооружениями около тридцати акров.

Своей знаменитостью замок обязан огромным размерам и особой манере, в которой одна из его башен была отброшена от перпендикуляра силами, использованными для его разрушения. Его реальные достоинства не столь очевидны, но гораздо более значительны, и заключаются в большом военном мастерстве, проявленном при его проектировании и строительстве. Он мало ассоциируется с историческими событиями. Известно лишь, что его посетил один, и тот падший, государь. Он не является, подобно Кидвелли или Кардиффу, главой феодальной чести или лордства, не окружен какой-либо франшизой или баронством. Он даже не удостоился бесплодной чести присвоить почетный титул кому-либо из своих многочисленных владельцев. Его не прославил ни один бард, и даже упомянул только один.

Не обладает Каэрфилли и многими обычными источниками интереса. Он не может похвастаться ни архитектурными украшениями Каэрнарвона, ни выгодным положением Конвея, ни живописностью Раглана. Это просто руины огромных размеров, обладающие той суровой возвышенностью, которая неотделима от скопления возвышенных стен и массивных, частично разрушенных башен, но не утопающие в лесах и не увитые плющом.

Примечательно, что этот замок остался без внимания или очень поверхностно отмечен историками Уэльса. Более ранние авторитеты, Карадок из Лланкарвана и Гиральдус Камбрэнсис, процветали до возведения настоящего здания, но необычно, что молчание о таком огромном сооружении сохранили Ллойд и его комментатор Пауэл, и почти без изменений передал неутомимый, хотя и доверчивый автор "Мунимента".

Однако нетрудно догадаться о причинах неясности, в которой пребывает ранняя история Каэрфилли, и отсутствие каких-либо исторических ассоциаций, возможно, объясняет продолжающееся молчание современных авторов.

Вскоре после норманнского вторжения в Уэльс в Кардиффе был возведен замок значительной величины; Это место, которое благодаря близости к устью Северна и устью Таффа, плодородию прилегающих лугов, защите, которую оно взаимно предоставляло и получало от жителей города, а также благодаря большей удаленности от гор и, как следствие, меньшей опасности быть застигнутым врасплох их хитрыми и воинственными обитателями, неизменно было главной резиденцией феодалов Гламоргана; И отсюда, как необходимое следствие, вытекало, что Керфилли, который из-за его опасной близости они были вынуждены держать в своем непосредственном владении, впал в сравнительное забвение и, хотя очень превосходил Кардифф по величине, рассматривался лишь как его зависимая часть по значимости.

Именно лорду Кардиффа феодалы Гламоргана должны были оказывать услуги, и именно в замковом дворе этого места они обязаны были ежегодно проводить ремонт.

Замок Кардиффа упоминается как резиденция великих нормандских баронов; его не раз удостоивали королевского гостя, и даже в гораздо более поздний период парламентских войн его приобретение считалось очень важным. Каэрфилли, напротив, редко упоминается летописцами, а как военный пост перестал иметь значение после смерти Ллевелина и уменьшения и заселения княжества Эдуардом. Эти соображения объясняют то, что современники мало обращали внимания на эту великолепную крепость, и, как следствие, скудность информации о ее судьбе.

Керфилли стоит на том широком участке спорной земли между Англией и Уэльсом, который так долго оспаривался обеими нациями под названием "Марчи" и который при норманнах имел свои собственные обычаи и своих правителей, известных как лорды-марчи.

Замок, хотя и находится в Марчесе, расположен в пределах валлийской границы, примерно в миле от реки Римни, границы между Монмутом и Гламорганом, а со времен правления Генриха VIII - между Англией и княжеством в этом направлении.

Лордство Сенгенидд, в пределах которого находится замок, было даровано при завоевании Гламоргана Эйнону из Колвина, валлийскому лорду, чья внучка Нест, "верховная Мадок ап Крадок ап Эйнон", вышла замуж за Кадивора ап Сидриха, внука Гвэтуда и отца Ивора Баха, который описывается как [mesne] лорд Сенгенидд. Гриффит, сын Ивора, женился на сестре Риса, принца Южного Уэльса, до 1174 года, когда он приносил дань Генриху II в Глостере. Благодаря этому браку влияние семьи, и без того большое, на валлийцев значительно возросло и стало очень большим. Они жили слишком близко к Кардиффу, чтобы организовывать восстания, но всегда были готовы содействовать им при любой благоприятной возможности. Таких возможностей было немало во время правления Генриха III, когда графы Пемброк пользовались властью малолетнего лорда Гламоргана и постоянно воевали с Генрихом. Ллевелин, тогдашний принц Уэльский, то вступал в союз с графом, то досаждал ему в тыл, спускаясь с возвышенностей Кермартена и Кардиффа и врываясь в Монмутшир через неохраемый перевал Сенгенидд. Гилберт де Клэр, получив титул лорда, решил перекрыть этот проход, что он и сделал, построив Каэрфилли. Имя его архитектора или инженера неизвестно, но он был дьяконом в своем ремесле, и граф в полной мере использовал его способности.

Замок расположен посреди глубокой и широкой котловины, открытой на востоке в сторону реки Римни, а на западе отделенной от долины Таффа горным хребтом Майнидд-Майо. К северу и северо-западу, на большем расстоянии, находится вогнутый гребень Mynydd Eglwysilan, а на юге - длинная и хорошо известная возвышенность, которая отделяет холмистую местность Гламоргана от равнины и пересекается оврагами Тафф, Римни и Эббв. Этот хребет известен под названием Цефн-Карнау, а на дороге от замка к морю его венчает древняя крепость Мор-Грейг. Путешественник, желающий увидеть Каэрфилли с лучшей стороны, должен спуститься к нему осенью, вскоре после восхода солнца, с одной из окрестных высот, когда серые башни замка будут видны, поднимаясь из огромного моря тумана.

Вся котловина является частью угольного месторождения Гламорганшир. Это полезное ископаемое давно разрабатывается на горе Каэрфилли, где оно выступает на поверхность, а замок построен в основном из хрупкого песчаника, который, судя по всему, добывали из большой выработки на обочине дороги, недалеко от Чапел-Мартина.

Вдоль основания гор и на некотором расстоянии от них, как и во всех окрестных долинах, лежат обширные залежи гравия и песка, частично состоящие из обломков соседних скал, но в основном из обкатанной гальки, принесенной с северных холмов дилювиальными потоками.

Недалеко от центра котловины расположен гравийный пласт значительной протяженности и толщины, поверхность которого в результате естественного процесса была глубоко изрезана бороздами и выемками.

Узкий язык слегка возвышенной земли, являющийся окончанием низкого гравийного полуострова, выступает на восток и своим выступом делит болотистую равнину значительной

ширины на две части. Они заключены в неровные гравийные валы, похожие на центральный полуостров, хотя и несколько выше его. Южная часть короче и почти параллельна ему, северная - длиннее и изгибается вокруг его острия, пока не будет отделена от южной лишь незначительным ущельем. Таким образом, болото приобретает форму конской подковы.

К югу от полуострова с юго-запада, через болото, по ущелью, течет Нант-и-Гледир, крупная река, впадающая в Рифму.

К северо-востоку от полуострова через часть северного болота протекает источник поменьше, частично питаемый Нант-и-Гледир; а к северу от него - еще один источник, впадающий в ту же реку. Естественно, эти воды по впадине или ущелью попадали на северо-восток в нижнюю часть Нант-и-Гледир, за пределами и ниже верхнего ущелья, о котором уже говорилось.

Охраняемый таким образом участок земли хорошо подходил для целей обороны, если предположить, что полуостров был превращен поперечной траншеей в остров. Воды было в избытке, пастбища под рукой, а морская гряда образовывала надежный фронт. Однако нет никаких доказательств того, что это место было занято валлийцами, хотя предполагается, что здесь находилась крепость Сенгенидд.

Когда замок был построен, поверхность земли претерпела значительные изменения. Первым делом норманнский инженер должен был обеспечить защиту своей крепости большим водным пространством. Для этого русло реки Нант-и-Гледир было запружено в одном ущелье, а северные воды - в другом, и два участка болота превратились в озера, южное площадью около 13 акров, северное - около одного или двух.

Узкая и изогнутая гряда, отходящая от корня полуострова, разделила северную воду на две части, из которых одна образовала средний, а другая - внутренний ров.

Внутренний ров соединялся с южным озером двумя поперечными разрезами: один - старым естественным окончанием полуострова на восток, другой - искусственным разрезом через него на западе, и таким образом круг внутреннего рва был завершен.

Образовавшийся таким образом остров, окруженный рвом, был обнесен куртинами и бастионами и облицован камнем, а один поперечный разрез на запад не был признан достаточной защитой, и полуостров был разделен вторым поперечным разрезом дальше на запад, а второй образовавшийся остров был превращен в нечто вроде большой рогатины или деми-луны, прикрывающей западный подход. Он также был обнесен шрамом и укреплен.

Итак, основные черты плана: конец полуострова превращен в *остров* и защищен с севера *внутренним северным рвом*, с юга - *озером*, с востока - *внутренним восточным рвом*, а с запада - *внутренним поперечным рвом* - все это составляет *внутренний ров*.

Границами этого рва служат: на западе - *рогатина*, продолженная на севере в *изогнутую гряду*, образующую контркарп внутреннего рва; на востоке - естественный берег, занимаемый *южной половиной парадного фронта*; на юге - *уступ берега озера*, поднимающийся довольно круто. Все это составляет внешние границы внутреннего рва. Вторая, или средняя, линия обороны менее полна и ограничена западной и северной сторонами. Она начинается с внешней *поперечной просеки*, расположенной к западу от рогатины, которая одним концом сообщается с озером, а другим - со *средним рвом*. За этой средней линией обороны на северо-западе находится высокий холм, на вершине которого высечен *редут*; на севере - *северный берег*, защищенный на западе *северным ручьем* и

утолщенный на востоке в стену плотины; на северо-востоке, востоке и юго-востоке - продолжение этого берега и *северная половина большого фронта*, построенного на нем.

Эти оборонительные сооружения вновь укреплены на севере одним из участков *внешнего рва*, образованного проходом через северный ручей, а на востоке - другим участком, протянувшимся перед главным фронтом и соединенным с Нант-и-Гледир у большого разводного моста. Эти рвы разделяет своего рода *дамба* у северо-восточного угла флигеля, предназначенная для прохода кавалерии из саллипорта. Часть земли, вырытой из этих внешних рвов, похоже, была выброшена наружу, чтобы образовать валы, один из которых занимает главную улицу Каэрфилли, а другой - дорогу Нант-Гарв.

Надеемся, что ссылки на план и вид озера с высоты птичьего полета будет достаточно, чтобы сделать вышеприведенное описание понятным.

Для целей описания самого замка его можно рассматривать как состоящий из пяти частей, каждая из которых будет далее подразделяться. Эти части следующие

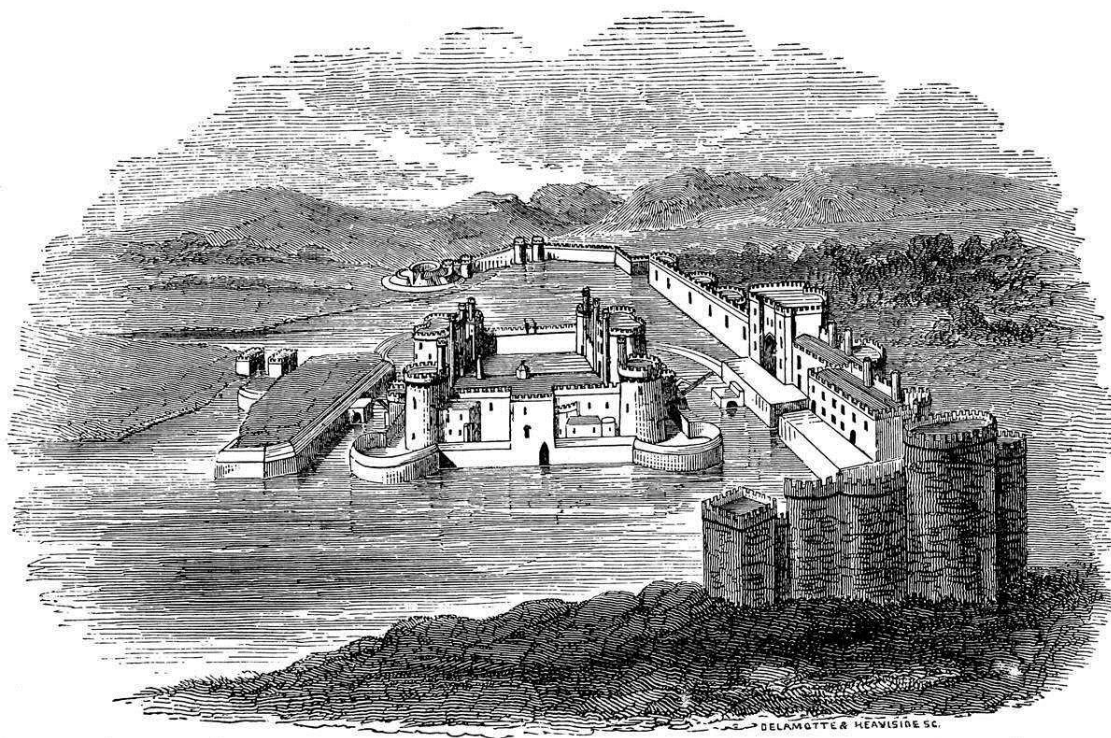
I. - Большой фронт. II.- Рогатая башня. III.- Редут. IV.-Среднее отделение. V.-Внутреннее отделение.

I.- Восточный, или Большой, фронт Керфилли представляет собой очень прекрасный и законченный образец средневековой линии обороны. Он состоит из длинной куртины значительной высоты и толщины, укрепленной с внешней стороны контрфорсами и башнями-батареями, поднимающейся в центре к широкой и высокой сторожке и завершающейся с обеих сторон гроздьями башен, которые защищают салли-порты и предотвращают их обход с флангов. Перед ним находится широкий и глубокий ров, снабженный водой и пересеченный двойным разводным мостом. В задней части находится второй ров, также пересеченный разводным мостом. Длина фасада составляет около 250 ярдов, высота варьируется от 20 до 60 футов.

Он делится на большую сторожку, северную куртину и потерна, южную куртину и потерна.

Большая сторожка стоит немного с северной стороны от центра. Его линия фронта не совсем параллельна линии куртин, так как план неравномерен.

Собственно ворота - это возвышенное продолговатое здание, 50 футов в ширину, 35 футов в глубину и около 60 футов в высоту. Внизу он прорезан порталом, а сверху возвышается в виде широкой башни. Его боковые части выступают на 6 футов за пределы портала и образуют домики носильщиков.

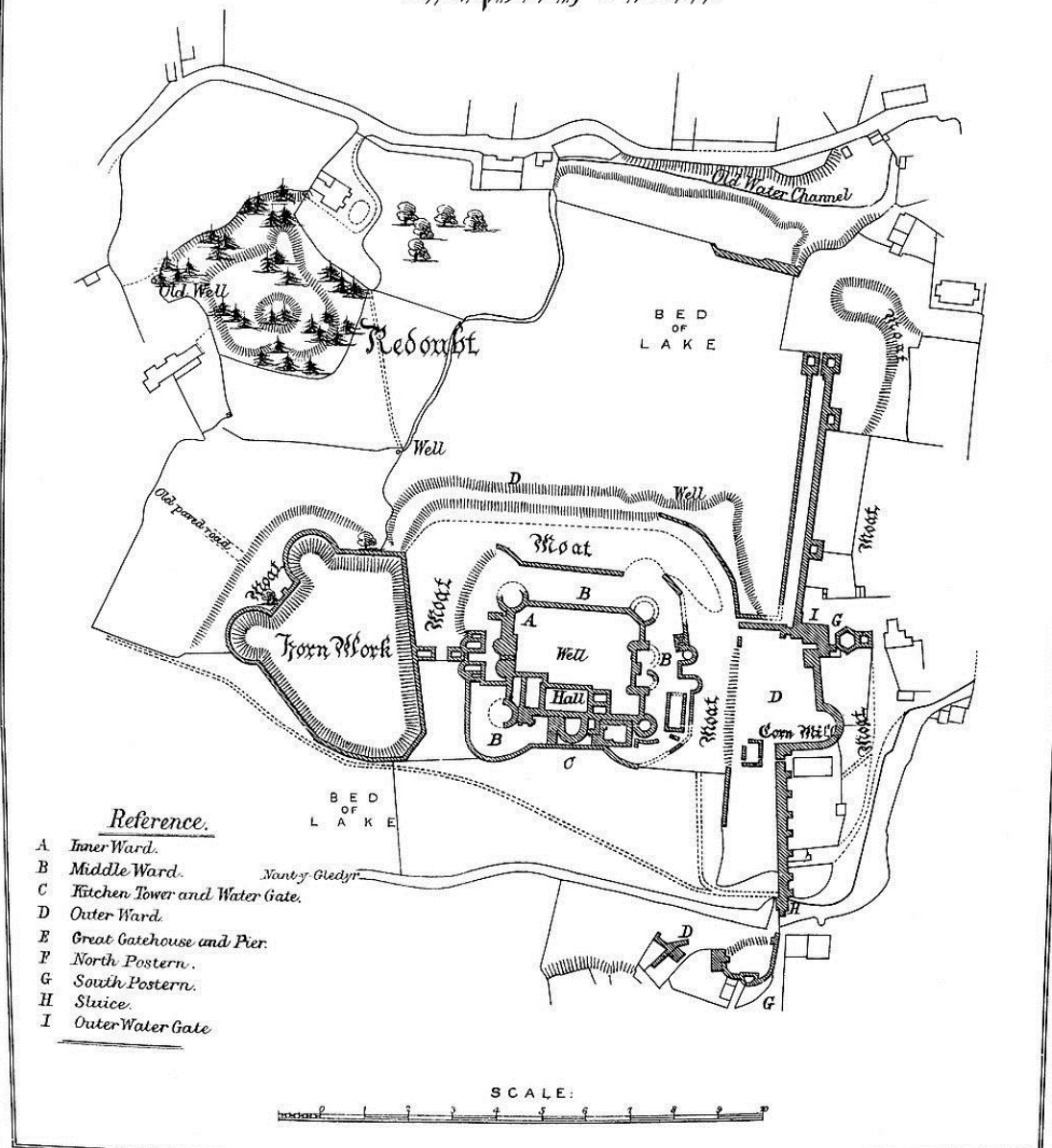
ДЕЛАМОТТ И ХЭВИСАЙД.

КЭРФИЛЛИ.

Портал шириной 10 футов и высотой 20 футов защищали ворота, порткуллис и острог. С каждой стороны его защищают петли от домиков. Те, что открываются из портала, имеют размеры 20 футов на 10 футов, камины и деревянные полы. Толщина стен составляет 9 футов, а для защиты они соединены петлями в разных направлениях.

Замок Каэрфилли.

Caerphilly Castle.

- A Внутреннее отделение.
- B Среднее отделение.
- C Кухонная башня и Водяные ворота.
- D Внешнее отделение.
- E Большая сторожка и пирс.
- F Северная башня.
- G Южная башня.
- H Шлюз.
- I Внешние водяные ворота.

Если пройти через сторожку, то за ней находится широкая площадка, которая простирается за южной куртиной, обшарпанная и увенчанная решёткой в сторону внутреннего рва; справа от неё находится продолжение сторожки на запад, в *сторожевую башню*. Один из двух дверных проемов ведет в эту башню по шестиугольной колодезной лестнице, средний диаметр которой 9 футов; она открывает семь двухэтажных апартаментов и завершается

высокой четырехугольной башней. В первом этаже находятся приспособления для работы с портупей, а также небольшой камин и печь, вероятно, предназначенные для приготовления пищи для привратника и его помощников. Эти помещения сводчатые. Из этого помещения открывается проход на вал северной куртины, ведущий, вероятно, по временному дощатому мосту, через пропасть в толще стены, глубиной около 29 футов и шириной 5 футов, открывающуюся внизу между решетками водяных ворот. Проход, расположенный на уровне земли, ведет с платформы через башню сторожки, через ров или канал от водяных ворот к северной куртине, и был защищен воротами, порткуллисом и разводным мостом.

От сторожки *разделительная стена* высотой 20 футов и толщиной 6 футов тянется на запад на 80 футов до края внутреннего рва, отсекая таким образом платформу и всю южную часть от северной куртины. Каждая сторона была укреплена, чтобы в случае захвата одной из куртин можно было защищать другую.

В месте соединения сторожки с *северной куртиной*, в последней, на уровне уреза воды, находится низко расположенная арка, в которую можно было попасть только на лодке, и которая является водяными воротами. Она защищена двумя решетками, между которыми открыта полость, а дальше *крытый путь*, когда-то, вероятно, служивший своего рода каналом, ведет под разделительной стеной и к северу от нее, к краю внутреннего рва.

Этот занавес тянется на север на 130 ярдов и укреплен снаружи тремя *башнями-батареями*, четырехугольными и массивными внизу, но шестиугольными и камерными вверх. Каждая из них выступает на 20 футов; они имеют неодинаковую ширину. Камеры имеют по одной петле спереди и по одной на стыке башни со стеной с каждой стороны. В них можно было попасть только с вала.

В самой куртине шесть петель, открывающихся попарно между контрфорсными башнями. На севере куртина заканчивается парой башен, соединенных сводом портала - *северного потерна*, регулярно обороняемого и выходящего на участок земли и дамбу, разделяющую две части внешнего рва.

Позади и параллельно этой куртине, на расстоянии 19 футов, находилась невысокая стена толщиной 4 фута, которая образовывала заднюю стену *галереи*, ведущей из сторожки в северную башню и образующей широкую ровную площадку для обороны валов. Считается, что эта галерея была оборудована под конюшню.

Южная куртина. - Общий план этой куртины нерегулярен; она проходит на юго-восток от сторожки, образует большой полукруг, и, переходя в длинную прямую стену, пересекает Нант-и-Гледир и заканчивается *тет-а-тет* и постерном. Эта стена содержит большую настенную башню-гардероб под углом и поддерживается с внешней стороны семью четырехугольными массивными контрфорсами. В одном месте она перфорирована для отвода сточных вод мельницы, а в другом - для прохода Нант-и-Гледир, толщина которой в той части, где она подвергается большому давлению, составляет 15 футов. В эту завесу можно попасть с *tête-du-pont*; на ней, через башню *garde-robe*, находится настенная камера, служащая "местом для оружия". Лицевая сторона стены, между контрфорсами, имеет вогнутость, увеличивающуюся к вершине, так что любой снаряд, упавший с нее, будет направлен наружу. Грунт платформы за этим занавесом находится на 25 футов выше наружного уровня.

Платформа - это большая поверхность болота за южной куртиной, между ней и контрэскарпом внутреннего рва; на ней стояла *мельница*, и с нее опускался внутренний

разводной мост. Она увеличивается в ширину от плотины до разделительной стены, где ее длина составляет 94 фута.

Тет-дю-Пон завершает южную куртину. Она представляет собой изгиб стены на запад в виде полукруга с башнями и воротами, защищенными раздвоенной стеной, предназначенной для предотвращения обхода куртины с фланга. Она упирается во внешний край озера.

Перед этой линией обороны находится ров шириной около 60 футов, который пересекает двойной разводной мост с двумя пролетами по 18 футов каждый у больших ворот, соединенный с большим пирсом в центре рва, который можно превратить в подобие барбакана. Этот ров сообщается с Нант-и-Гледир и может быть заполнен из него.

Таков главный фронт и восточная линия обороны, не только рассчитанная на атаки с фронта, флангов и тыла, но и способная удерживать южную часть против северной.

От северной оконечности этого фронта, у северного столба, земляная насыпь, обнесенная внутри, или с южной стороны, стеной, а в некоторых местах утолщенная в дамбу, отделяет середину от внешнего рва, который в настоящее время огибает дорога Нант-Гарв. Это *северный берег*.

С той же стороны, от конца крытого пути, недалеко от разделительной стены, отходит вторая земляная насыпь, которая, проходя на запад и соединяясь с рогожей, отделяет внутренний ров от среднего и составляет часть северных оборонительных сооружений замка. Его внутренняя сторона частично облицована стеной, в которой находится шлюз-тоннель. Это и есть *изогнутый гребень*.

II.- Горн, покрывающий западный фронт замка и расположенный между средними и внешними воротами, представляет собой неправильный многоугольник площадью около трех акров, обнесенный по всему периметру стеной высотой 15 футов, над которой возвышается осыпь еще около 8 футов. С его юго-западной стороны бьет один из питательных источников озера. На восточной, самой длинной, стороне находится полуярус, для приема разводного моста 20 футов пролетом, из противоположной сторожки средней палаты. На северо-западной стороне аналогичный полуостров между полукруглыми бастиянами, похоже, поддерживал разводной мост, также 20-футового пролета, обеспечивающий доступ к замку в этом направлении. Возможно, каждый мост состоял из двух частей, опускавшихся с каждого берега на центральную перекладину или деревянную конструкцию во рву.

III.- Редут уже упоминался как образованный путем срытия гравийного холма в северо-западной части замка.

Тело этого земляного сооружения четырехугольное, увенчанное по трем внешним углам тремя бастиянами и вырытое в центре в виде своеобразного каземата. Куртину, направленную к замку, пересекают две траншеи, разделенные курганом или кавальером и ведущие в центр сооружения.

Снаружи редута, по изгибу его бастиеонов, проходит ров, с трех внешних сторон широкий и глубокий, с четвертой стороны слабо выраженный.

Валы редута не снабжены ни парапетами для пушек, ни банкетам для мушкетов, а скарп продолжается до самого вала. Ни скарп, ни контрскарп, хотя и крутые, не имеют подпорных стен.

За главным рвом находится просторный *ледник*, заканчивающийся тремя низкими бастионами и неглубоким рвом. Оба рва, вероятно, были сухими.

Все сооружение сильно напоминает те, что были возведены в спешке во время войн между Карлом I и парламентом, и либо было частично разрушено, либо, что кажется более вероятным, никогда не было полностью завершено. Несомненно, он был обнесен острогом.

Внутренние и средние палаты замка занимают остров, который уже был описан как образованный из конца полуострова.

Этот остров имеет форму параллелограмма, 111 ярдов на восток и запад, 96 на север и юг. Четыре угла увенчаны большими бастионами, представляющими собой части окружностей. Промежуточные прямые линии в фортификации называются куртинами.

Боковые стороны или скаты этих бастионов и куртин облицованы каменной стеной высотой 30 футов, а над ней возвышается парапет высотой от 5 до 12 футов; внутри этого ограждения находятся средняя и внутренняя палаты.

Внутренняя палата образуется путем размещения внутри нее второго параллелограмма, меньшего, чем предыдущий. Это образует внутреннюю палату, а concentрическое пространство между ними - среднюю палату.

IV.- *Среднее отделение*, таким образом, представляет собой четыре отдела, направленные к кардинальным точкам, все они образуют террасы шириной от 16 до 20 ярдов, а противоположные стороны имеют почти одинаковую длину. На востоке и западе находятся сторожки, на юге - офисы и водные ворота, а на севере - открытая терраса, с которой открывается вид на внешнюю оборону замка с этой стороны.

Восточные ворота состоят из двух низких башен с полукруглыми выступами в сторону рва и порталом между ними. Стены толстые, с каждой стороны находится по домику, освещаемому тремя петлями. Над этими домиками возвышалась крепостная стена. С северной стороны находится квадратное здание, назначение которого неизвестно. Эта сторожка была соединена с воротами внутренней палаты, а между ними, по-видимому, находились боковые двери.

Одна из них, с южной стороны, вела в *Водяной резервуар*, выложенный каменной кладкой, длиной 50 футов на 20 в ширину, вероятно, это было рыбное хранилище, связанное с кухней.

Перед этой сторожкой, отделяющей ее от платформы Больших ворот, находится ров шириной около 45 футов. Поскольку не сохранилось следов центрального причала для разводного моста, который должен был пересекать это пространство, кажется вероятным, что он опирался на промежуточную деревянную перекладину, как в Раби и Холте, которую можно было убрать или разрушить в случае осады.

Западные ворота расположены напротив рогатой башни, а между ними находится ров шириной 60 футов. Портал более высокий, а фасад шире, чем в восточной сторожке. По обе стороны от портала находятся две палаты, а над ними - второй этаж с каминами и дымоходами.

Между этими воротами и северо-западной башней внутренней палаты находятся несколько более поздних построек и стена, которая, по-видимому, была предназначена для того, чтобы отрезать сообщение между сторожкой и северной террасой. С южной стороны находится аналогичная стена, отгораживающая южную террасу.

Часть южной террасы этой палаты занимают служебные помещения и проход к Водяным воротам.

Галерея Водяных ворот ведет из зала к озеру и достаточно велика, чтобы вместить лодку. Она сводилась не одним наклонным сводом, а чередой узких арок, расположенных ступенями. Над ним находятся камеры, вероятно, для поваров и обслуживающего персонала на кухнях.

Против этого прохода, с восточной стороны, находится *Кухонная башня* - низкая башня большой прочности, со сводчатым первым этажом и углублениями, очевидно, для варки и тушения в больших масштабах. Камин находится в верхнем этаже.

Кухня сообщалась с залом и двором, занимавшим восточную часть южной террасы. Колодезная лестница ведет в нижнюю и верхнюю кухни.

Во дворе находится печь и проход, ведущий к цистерне. Здесь же, против южной куртины внутреннего отделения, находится низкое продолговатое здание с одним или двумя поклонами на юг, которое, по-видимому, было связано с кухней и в наши дни должно было быть комнатой для хранения мертвых.

V.- Внутреннее отделение представляет собой четырехугольник, размером 200 футов на восток и запад, 160 футов на север и юг. Он заключен в четыре куртины, увенчанные по углам четырьмя круглыми башнями и прорванные с восточной и западной сторон двумя высокими и великолепными воротами. Южную сторону образованного таким образом двора занимают зал и государственные апартаменты.

Куртины, расположенные на севере и востоке, имеют высоту около 30 футов, включая башенки. Та, что на юге, выше на целый этаж, и вдоль нее продолжается вал - внизу в виде сводчатой *трифорийной галереи* в толще стены, вверху - в виде открытого прохода. Трифорийный проход в южной куртине называется галереей Браузе, почему, сказать трудно, поскольку бароны с таким именем, хотя и были лордами Гоуэра, не имели владений к востоку от Недда, в Гламоргане.

Четыре *бастионные башни*, обрамляющие углы этой палаты, являются очень заметными элементами в облике замка. Они выступают за пределы стены на три четверти окружности, состоят из трех этажей, с деревянными крышами и полами, и имеют внешний диаметр 36 футов, а внутренний - 18 футов; толщина стен составляет 9 футов. Каждый этаж освещен бойницами, очень большими внутри, но внешне выглядящими как линия. На вершину каждой из них ведет колодезная лестница. Эти башни выходят во двор и на крепостные стены. Их тип лучше всего виден в северо-западной башне.

Восточная надвратная башня представляет собой превосходную сваю. Она имеет продолговатую форму, два полукруглых лука на восточной стороне и две круглые башенки, выступающие на три четверти окружности, на северо-западном и юго-западном углах, внутри двора. Здание пересекает портал, вход в который находится между носовыми башнями. Арка "капельная", а вход защищают ворота, частокол и порткуллис. Над проемом во двор находится стрела для сбрасывания ракет на тех, кто находится внизу. По обе стороны от портала находятся ложи, а на втором этаже - просторный зал или палата совета с большим камином и двумя большими красивыми окнами, выходящими во двор. Над этой палатой возвышается бастион. На северной и южной сторонах этой сторожки расположено несколько небольших помещений, в основном сводчатых, некоторые из них используются как помещения для портупей. Над дверью, ведущей на валы, с южной стороны находится

небольшое помещение или часовня с ребристой сводчатой крышей и двумя декорированными окнами.

Западные ворота построены по тому же плану, но меньшего размера и без башен, направленных во двор, а их лестницы находятся в толще стены. Ложи с каждой стороны портала сводчатые и ребристые, с декоративными карнизами. Они открываются прямо во двор. Государственная палата, расположенная выше, не такая большая, как в восточной сторожке. Она опирается на сводчатый пол.

Зал построен напротив южной куртины. Его размеры составляют 73 фута на 35 футов, а высота - около 30 футов. Он освещен четырьмя большими и высокими окнами, выходящими во двор, с дугообразными арками и дублированными полосами лепнины в виде цветка-шара; внутри - козырьки, выполненные в несколько жестком, но превосходном стиле. Между окнами находится широкий камин, а к востоку от них - дверь, которая была главным входом с южной стороны. Дверь в куртине ведет по длинному сводчатому проходу к водным воротам озера, а другая дверь - в кухню и пекарню, расположенные в среднем отделении. Простая дверь в западном конце открывается в некоторые государственные апартаменты, а другие двери и большое окно в восточном конце сообщают с погребом и часовней.

Крыша деревянная, с четырнадцатью короткими пилястрами, которые опираются на козырьки, расположенные у северной и южной стен. Северная стена выложена из тесаного камня, на ней проходит колонна с шаровидными цветами на высоте около 3 футов от земли. На восточной стене есть шнур, соединенный с капельником окна часовни. Восточная, южная и западная стороны были оштукатурены и, вероятно, расписаны или завешены гобеленами.

Капелла, расположенная к востоку от зала - это видно по ее расположению и большому восточному окну - не представляет собой ничего примечательного. К западу от зала находятся четыре *государственных апартамента*, два на первом и два на втором этаже. Они освещены с севера, а одно из окон имеет большую длину и сабельник, с кватрофилом в голове. Лестница в толще куртины ведет в галерею Браузе, а также в верхние помещения и в некоторые пристройки, связанные с канализацией, которые, по-видимому, были добавлены.

В большом дворе, немного севернее восточного входа, находится колодец диаметром около 4 футов.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ.

В своем нынешнем состоянии замок сильно отличается от того, что описано в качестве его первоначального состояния, хотя и сохранилось достаточно, чтобы подтвердить это описание.

Восточный, или главный, фасад хорошо сохранился. Кладка трех северных контрфорсов почти не пострадала, хотя между ними и куртиной имеются глубокие трещины, очевидно, от пороха, чему способствует наличие длинного окна с каждой стороны. Мина, очевидно, была заложена в ущелье этих контрфорсов, но количество введенного пороха оказалось недостаточным для их разрушения.

Большинство небольших контрфорсов на южном фланге не пострадало, но два на южной оконечности лежат на полу, а их соединительная куртина толщиной 15 футов образует

пропасть, через которую Нант-и-Гледир проходит без помех. Цель этого разрушения, которое должно было навсегда опустошить озеро, достигнута. Теперь это луг.

Нижний этаж великой сторожки и опоры моста находятся в приличном состоянии, но верхние покои первой сильно разрушены, а лестницы, расположенные выше определенной высоты, стали недоступны из-за отсутствия перил и разрушения каменных ступеней. Большой пирс стоит отдельно, но внешний полупирс обременен коттеджами. Внешний и восточный ров, уже не имеющий большой глубины, по-прежнему заболочен. На его северном конце берега возделаны, на южном - построены коттеджи. Между этими двумя частями, к северу от пирса, находится современный вход, проходящий через водяные ворота, которые сейчас представляют собой забитую дыру шириной 11 футов: рядом с ними открыта дверь в некое подобие полости под нижним этажом сторожки, используемой в качестве лачуги для телег. Фундамент южной куртины, находящейся во рву, довольно совершенен. Фундамент северной, возвышающейся на земляном валу, сильно разрушен.

Тет-дю-пон, которым заканчивается южная куртина, значительно пострадал. Криволинейная стена между башнями выровнена до уровня лещади, а сторона портала, обращенная к озеру, снесена, как и вход и часть пола соседней D-образной башни.

Северная часть раздвоенной стены, идущей от почтового ящика, снесена с перпендикуляра, и, хотя большой опасности ее падения нет, рыхлые камни, примыкающие к расщелине, представляют опасность для антиквара, который попытается по ней подняться. С внешней стороны стены расположены коттеджи, а в углу, куда она входит, находится свинарник.

К югу от замка, к западу *om tête-du-pont*, земля на заднем берегу озера частично обрабатывается, а частично занята коттеджами; на севере, к западу от саллипорта, стена между внешним и вторым рвом сведена к линии фундамента. Хорошо видна особенная толщина этой стены там, где она служила в качестве дамбы. В этом направлении на внешний ров на протяжении примерно 100 ярдов натывается дорога Нант-Гарв, которая упирается в его контркарп. Мельница сровнена с землей. Пересохший водоток и туннель, расширенный до пролома, все еще отмечают древний выход ее вод. Осушение озера, конечно же, стало фатальным для мельницы. Современный мельник из Каэрфилли перебрался на внешнюю сторону большого южного пролома, где он пользуется преимуществами Нант-и-Гледир.

Роговая кладка, прикрывающая западный вход, прекрасно сохранилась, а ее облицовка, за исключением тех мест, где она частично разрушена, почти так же надежна, как и прежде, хотя сторожка и западный причал, если они вообще существовали, были разрушены. Вероятно, они были деревянными. Ров, расположенный к западу от рогатины, в сырую погоду оставаясь руслом ручья, зарос камышом и водными растениями; с восточной или замковой стороны в сырую погоду он заболочен, а на юге находится русло древнего затопления, ныне представляющее собой равнину, через которую ведет тропинка к источнику.

Вдоль внешней линии обороны на северо-западе редут, ямы и прилегающие земляные сооружения затенены молодыми деревьями и кустарником, последствиями обработки почвы и постройками замковой фермы.

Если войти в замок через восточные водные ворота, то справа можно увидеть стену, параллельную куртине, которая образовывала заднюю часть северной или конюшенной галереи, выровненную почти до уровня почвы, и, следовательно, весь регулярный доступ к контрфорсным камерам отрезан.

Контрэскарп внутреннего рва разрушен и загромождает ров. Все остатки восточного разводного моста между парадным и средним корпусами исчезли.

Фланкирующие башни восточной сторожки средней палаты разрушены, южная - полностью, северная - почти полностью, руины единственного здания, пристроенного к ней, предотвратили ее полное разрушение.

На противоположной или западной оконечности этой палаты сторожка находится в гораздо лучшем состоянии. Портал внизу был разрушен, но полые полуопоры, соединяющие его с рогожей, сохранились. Фронтон этой сторожки, большой толщины, совершенен и украшен парой дымовых труб; внутренняя часть разрушена. Окна в передней части - единственные остатки верхнего этажа.

На северном фронте этой палаты куртина сильно разрушена падением внутренних башен, а поскольку все бастионы были разрушены и взорваны, их точную линию границы едва ли можно проследить.

С южной стороны широкое озеро и прочность построек в некоторой степени сохранили занавес, но открывающийся в него проем водяных ворот сильно пострадал. В нескольких футах ниже порога длинное черное пятно отмечает высоту воды в прежние времена, а средняя глубина озера составляет около 9 футов.

Галерея, кухни и т. д., занимающие эту сторону, сильно пострадали; но перед большой печью сохранилась часть парапета, высотой около 12 футов, снабженная петлей.

Сохранился и резервуар, хотя он почти забит камнями и зарослями. С тех пор как обрушилась прилегающая стена бастиона, его положение стало ненадежным. Недавно его стена треснула, и, если ее не починить, можно ожидать, что она скоро упадет в ров.

Поднявшись от восточной сторожки через массу почти не прослеживаемых руин, можно попасть в центральную часть замка.

За исключением частичного пролома на северной стороне, кулисы этого внутреннего отделения пострадали совсем немного, а о высоте парапета и стены можно судить по выступам на стыке с башнями.

Восточная сторожка была разделена взрывом на две части, из которых внутренняя, возвышающаяся на огромную высоту, все еще остается довольно совершенной, в то время как внешняя, разбитая на фрагменты, раздавила нижнюю сторожку под своим весом и до сих пор обременяет ее своими руинами.

Западной сторожке повезло больше; лестницы, однако, сломаны и неровны, а своды повреждены. В полу центральных апартаментов пробита дыра в сводах портала и одной из ложи под ним.

В полу галереи Браузе или трифория есть два больших отверстия, которые открываются на лестницу и проход внизу.

Здания внутри двора сильно пострадали. Зал покрыт временной крышей, но структура его древней крыши видна по сохранившимся карнизам. Тротуар давно снят: подоконники окон срезаны, а украшавшие их орнаменты и лепнина разбиты и испорчены.

Окно и дверь в восточной части были разбиты вдребезги, а сводчатый проход, ведущий в служебные помещения, представляет собой бесформенную и изрезанную дыру.

Сводчатая крыша кухни разрушена, но сохранилось достаточно деталей, чтобы показать ее первоначальную структуру. Ступени галереи водяных ворот были удалены, но сводчатая крыша пострадала незначительно.

На большом дворе впадина в болоте указывает на древний колодец. Недавно его открыли на несколько футов вниз, но ничего важного не обнаружили.

Четыре бастионные башни этого двора заслуживают особого внимания, так как именно расположение одной из них принесло замку большую часть той известности, которой он обладает.

То, что эти четыре башни были заминированы и взорваны с помощью пороха в тот период, когда действие этого вещества было хорошо изучено, становится очевидным при осмотре. Мина была заложена недалеко от центра каждой башни и произвела эффект, отличающийся лишь степенью воздействия на каждую из них. Северо-восточная башня полностью сравнялась с землей, снаружи, сокрушив при падении сам бастион, на котором покоилось ее основание, а внутри остались только дверь и часть стены высотой до занавеса. Разрушение северо-западной башни отнюдь не было столь полным. Только треть ее внешней окружности обрушилась, а остальная часть, лишенная полов, остается такой же прочной, как и прежде. Обрушившаяся часть лежит в виде фрагментов на соседнем бастионе.

В юго-западной башне шахта действовала наружу; вся наружная часть упала на бастион и в ров, но внутренняя полоса, соединяющая ее с остальной частью здания и содержащая входы в несколько этажей, была защищена пристройками с южной стороны и осталась непоколебимой.

Последняя, юго-восточная, башня - это знаменитая наклоненная башня, наклон которой сильно преувеличен и нелепо объяснен. В случае с этой башней мина взорвалась в противоположном направлении от остальных, и внутренняя часть с прилегающим занавесом была выброшена во двор, в то время как внешняя часть осталась стоять, хотя сила взрыва отбросила массу от перпендикуляра, так что она нависла над ее основанием, на юго-запад, на девять футов. Парапет на ее вершине сохранился в полном порядке, и это единственный парапет в замке.

Окрестности этих четырех башен и примыкающих к ним сторожек, на которые в основном и была направлена сила пороха, представляют собой хаос руин; разрушенные массы галереи, лестницы, своды значительной части палат лежат в беспорядке на земле, а тонкая пелена растительности, окутавшая их, хотя и придает им живописность, в немалой степени затрудняет точное определение их первоначального расположения.

Во всем этом огромном здании железные конструкции, вплоть до скоб дверных проемов, были удалены; в гнездах оконных перекладин также не найти свинца.

Тесаный камень, из которого сделаны дверные рамы, оконные наличники, перила колодезных лестниц, а в некоторых случаях и сами лестницы, был грубо выворочен, с повреждением стен, вероятно, с целью превращения их в известь.

Порткулисы, чуланы, двери, крыша зала и каждая частица древесины в этом месте были давно удалены. Каждая лестница, галерея и камера пронизаны дождем и подвержены пагубной силе мороза, однако материалы настолько прочны, а раствор, которым все это

скреплено, настолько прочен, что только время и погода нанесли гряде ничтожные повреждения по сравнению с преднамеренным разрушением рукой человека.

Прежде чем прийти к какому-либо общему выводу относительно возраста Каэрфилли, следует сделать несколько замечаний по поводу некоторых деталей, на которых эти выводы в определенной степени основываются.

И сначала о дверных проемах. За некоторыми исключениями, которые мы вскоре перечислим, дверные проемы во всем здании имеют один и тот же общий характер. Арки - "капельные", то есть тупоконечные, чьи центры лежат ниже пружины. Очевидно, что это лучшая форма остроконечной арки для порталов замка, и именно она обычно используется в военных сооружениях эдвардианского периода. За теми же исключениями, арочная лепнина состоит из пятигранного ребра, на передней и самой широкой грани которого расположено меньшее ребро той же формы. Подобный рисунок реберной лепнины также часто используется в замках.

Главные порталы, а также двери, ведущие с первого этажа башен на валы, защищаются портулисами, работающими в D-образном пазу. Этот паз проходит в камеру, расположенную выше, в виде прохода или щели, но нет никаких свидетельств того, что для поднятия портупей использовалось какое-то приспособление. Тем не менее, портключ мог быть поднят простым ручным усилием, и для его надежного удержания в поднятом положении достаточно было бы вставить в него прут. Пороги разрушены, поэтому неясно, входили ли острия портупей в небольшие отверстия или были проделаны в них. Кроме портупей, большие порталы снабжены погоном, но без боковых пазов, предназначенных, как предполагается, для использования своего рода деревянной рамы. Кроме того, в главных порталах есть четыре или пять квадратных отверстий в арке, через которые можно опускать балки для создания крепостной стены. Далее можно заметить, что, хотя некоторые порталные проходы имеют значительную длину, ребра их сводов все поперечные, никогда не проходящие по диагонали от угла к центру, как это сделано в Калдекоте и других местах для свода отсека таких проходов.

Похоже, что в этом замке использовалось более одного вида разводных мостов. В некоторых местах, как у больших ворот и прохода в башне-шлюзе, мост, когда его поднимали, входил в углубление, чтобы лежать вровень с верхней стеной, откуда, следовательно, можно судить о его длине. В других случаях он просто упирался в стену, образуя выступ. Похоже, что всегда был достаточно длинным, чтобы в поднятом состоянии перекрыть ворота.

Способ навешивания моста также варьировался. По бокам некоторых порталов был вставлен камень, в который вставлялись горизонтальные шарниры моста (железные, из-за небольшого размера штыря или отверстия); но с местом для пескаря или шарнира связан другой паз, который проходит вверх под углом в сорок пять градусов на несколько футов, а затем проходит дальше горизонтально еще на несколько футов. Похоже, что это приспособление, когда мост был поднят, для того, чтобы отбросить его нижний конец вверх и вперед, чтобы эффективнее защитить верхнюю часть двери, представить косую поверхность для ракет и, прислонив мост к стене, снять напряжение с его цепей или тросов и предотвратить его падение, даже если они оборвутся. Возможно, в эти пазы вставлялся какой-то рычаг или другое приспособление для управления мостом; там, где они есть, сверху нет отверстий для прохода цепей разводного моста в камеру портупей. Подобные пазы можно увидеть в верхней сторожке в Чепстоу.

Оборона большого, или водяного, шлюза необычна. Пазы, которые в других случаях образуют задвижки для портупей, здесь резко обрываются чуть выше арки. Они слишком

глубоки для петель ворот, и, вероятно, были заполнены защитой, похожей на портуллис, но поступавшей в полость вниз. В самом деле, поскольку здесь есть только возвышенная стена, а камеры над столбом нет, обычный план был неприемлем.

Существует еще одно приспособление для защиты ворот, состоящее из своеобразной стрелы, открывающейся косо вниз от подоконника окна, которое используется в двух местах в этом замке: одно над дверью восточных внутренних ворот, а другое над дверью северо-западной башни главного бастиона; в обоих случаях, очевидно, с целью защиты башен, когда враг овладеет внутренним двором.

Броненосцы и парапеты во всем замке имеют очень простое описание. Они массивные и плоские, а их покрытие представляет собой грубую плиту из песчаника. Их высоту и толщину, а также высоту и ширину вала можно определить, внимательно осмотрев стены или башни, на которые они опираются. Парапет и крепостная стена обычно имеют одинаковую высоту и почти равны высоте ворот, ведущих к ним.

Амбразуры заключены в параллельные стороны и составляют небольшую долю от мерлонов, каждый из которых пронизан петлей. Эти детали можно увидеть на вершине наклонившейся башни или, что более удобно, на северной куртине, в направлении северо-западной башни бастиона. По незаконченному характеру бастионов и плоским неровным покрытиям видно, что они должны были быть замаскированы наружной галереей или решеткой из дерева, опирающейся на сохранившиеся каменные косоуры. По этой причине в камне нет ни машикулей, ни приспособлений для сбрасывания снарядов через пол выступающего парапета - приспособления, которое придает величественность башням Уорика, Раглана и Кардиффа. Над восточными средними воротами парапет имеет фальшивую машикулю, или небольшой выступ, опирающийся на стол из каркасных блоков, но без проемов или выступа, достаточного для того, чтобы допустить их наличие.

Окна, за некоторыми исключениями, либо петлевые, либо, если они больше, очень простого характера. Однако в зале и в больших помещениях двух внутренних проходных комнат они очень широкие и высокие, и сильно украшены. Две последние комнаты так сильно пострадали, а окна так изуродованы, что можно только сказать, что те небольшие остатки орнамента, которые можно увидеть, напоминают по стилю более совершенные украшения зала. Ораторий, пристроенный к восточной внутренней сторожке, имеет сводчатую крышу, разделенную на два квадратных отсека, поддерживаемых поперечными и диагональными ребрами. Два окна, выходящие на юг, длинные и узкие, без наличников, с трилистником; их лепнина представляет собой только наружную фаску. В проходных комнатах есть еще несколько окон, обращенных внутрь, которые гораздо короче, но в остальном похожи на эти. Четыре окна зала возвышаются и имеют хорошие пропорции; они открываются на расстояние до четырех футов от земли.

Внешняя лепнина на окнах полностью исчезла; лепнина на двери была обнаружена после удаления травы у ее основания.

Внутренняя лепнина окон чрезвычайно богата, благодаря дублированию полос, занимающих большую толщину стены. Углы лепнины на две глубины удалены, а их место занимает полый желобок, в котором с интервалом помещен гранатовый орнамент, составляющий круг своим выступом. За каждой из этих полос гранатов - полосы пилястр, филенчатые по углам и увенчанные небольшими угловатыми капителями: внутри - красивый конический навес, украшенный крокетами и финтифлюшками, выполненными в очень чистом стиле.

Дверь имеет хорошую внутреннюю капелюшницу, но ее внутренняя лепнина состоит только из одной полосы шариковых цветов. Внешняя лепнина богата. Три полосы гранатов, которые, несомненно, были продолжены, как и в окнах, вокруг арки; между ними - два ряда маленьких разьединенных колонн с круглым вогнутым пьедесталом. Из них сохранился только пьедестал.

Четырнадцать кокошников, на которые опирались балки крыши, состоят из трех коротких столбиков, соединенных задней половиной и разделенных филенкой и жирной впадиной; сверху они увенчаны аккуратной лепниной, а внизу опираются на три выступающих бюста, из которых центральный - самый низкий и большой. По центру каждой из этих колонн проходит филенка, которая, останавливаясь у абака, продолжается по столице и, наконец, заканчивается в астрагале. Колонны несколько более раннего периода, но в целом похожие на эти, можно увидеть в замке в Чепстоу.

На камине не осталось никаких украшений. Вдоль восточного конца зала, отходящего от кронштейна окна часовни, проходит ровный шнур. На западном конце северной стороны видна базовая табличка, но она разрушена по всей длине.

Длинное окно в одной из кают напоминает, хотя и в гораздо большем масштабе, уже описанные окна орактория. Однако, судя по всему, оно было трехстворчатым, с четырехлистником над головой.

По обе стороны от внутренних западных ворот находятся два небольших многоугольных апартаментов, в сводчатых крышах которых от карниза под каждым углом поднимается простое диагональное ребро и встречается со своим собратом в центре. Карнизы имеют три плоские грани и заканчиваются острием, на которое опирается какое-то животное, в каждом случае небрежно изуродованное. По всей видимости, это были домики.

В Каэрфилли так мало архитектурных украшений, пропорциональных его размерам, как и в любом другом кастеллированном здании в Британии.

В целом его серия концентрических оборонительных сооружений и общее расположение составных частей напоминают Харлех и Бомарис. План этих концентрических замков очень своеобразен. Он не похож на ранние норманнские замки, в которых главной особенностью был трюм, а комфорт приносился в жертву безопасности; он также не похож на более поздние замки, которые имеют не только большие внутренние, но и большие внешние окна, как в Шериф-Хаттоне, и в которых нет ни одного здания, к которому можно было бы применить название "трюм".

Архитектурный стиль, использованный в Каэрфилли, также не является менее характерным для его эпохи; падающая арка, совершенно простое ребро, общее отсутствие украшений и гербов, простые бойницы и отсутствие машикулей, в целом, указывают на тот же период.

Колонны дверного проема зала, вогнутая лепка их пьедесталов, тройное скопление колонн, образующих карнизы крыши, их колокольные капители и легкая лепка крышек относятся к раннеанглийскому стилю, который преобладал с 1189 по 1307 год.

С другой стороны, гранатовая лепнина, богатые, хотя и целомудренные и несколько чопорные козырьки дверей и окон, маленькие пилястры в окнах с пятиугольными капителями, сводчатые арки и простая филенка, идущая вверх по колонным карнизам крыши, относятся к декорированному стилю, который преобладал с 1307 по 1377 год.

Смешение этих двух стилей, очень часто встречающееся в английских зданиях, обозначает период, меняющийся в зависимости от преобладания одного из них, и в данном случае может быть с полным основанием отнесено ко второй четверти XIII века, когда декорированный стиль начал вытеснять раннеанглийский. Примеры такого перехода и лепнины в виде цветка-шара или граната можно увидеть на внутренней стороне хора Бристольского собора и на внешней стороне южного нефа церкви Киншема.

Более ранние перестройки в Чепстоу, в частности, , пристроенная к башне Мартина, и колонны в храме, могут быть отнесены к более раннему времени, чем в Керфилли, поскольку, очевидно, были поставлены там до упадка раннеанглийского стиля.

Внутренние свидетельства о здании, позволяющие отнести его дату к концу правления Генриха III, согласуются с приведенными далее записями, в которых замок упоминается в 1272 году как недавно возведенный Гилбертом де Клэром, графом Глостера и Хартфорда.

До этого периода время от времени упоминается замок Сенгенидд, который, судя по тому, что его брали, возвращали и не раз полностью разрушали, очевидно, был местом, за которое много спорили, но которое не отличалось большой величиной или пассивной силой. После возведения Каэрфилли замок Сенгенидд больше не упоминается. Поэтому не исключено, что замок Сенгенидд представлял собой грубое укрепление из дерева и неотесанного камня на полуострове, который впоследствии занял Каэрфилли.

Каэрфилли, несомненно, был основан графом Гилбертом немного раньше 1272 года, возникает вопрос, был ли он тогда построен целиком.

Внутренняя палата, ее куртины, бастионы, ворота со всем их содержимым и придатками относятся к одной дате. Южная стена всегда имела нынешнюю высоту и, следовательно, всегда предназначалась для поддержки крыши зала, стены которого скреплены с ней. Очевидно, что сторожки являются частью первоначального плана, а длинные окна кают и оратория во внутренней сторожке по своей форме и лепнине в точности похожи.

Похоже, что куртина, соединяющая северо-западную башню бастиона с западной сторожкой, изначально была такой же низкой, как и северная куртина, но к ней было добавлено нечто вроде галереи и надстроенного вала. С внешней стороны южной куртины, под углом, образованным ее соединением с юго-западной башней, также было добавлено скопление зданий.

Общий дизайн средней палаты и большинство ее построек явно относятся к дате внутренней палаты. Западная сторожка, однако, кажется несколько более поздней; на это указывают ложные машикули, отверстия для цепей портупей, дымовые трубы, возвышающиеся над парапетом, и менее прочный характер кладки. Кроме того, стены, посредством которых эта сторожка соединена с куртиной внутреннего баллиума, хотя и имеют одинаковый возраст с первой, но не скреплены с последней и отделены от нее трещинами - достаточно верное указание на разницу в возрасте.

Не исключено, что вся внешняя линия обороны на востоке и роговая башня на западе были последними завершенными частями замка. Однако они являются частью первоначального проекта, поскольку, если бы земля, на которой они стоят, осталась незанятой, замок был бы нежизнеспособен.

Что касается редута, то по его виду совершенно очевидно, что он был возведен не только тогда, когда порох был в обиходе, но и когда наука фортификации была достаточно хорошо

изучена. Похоже, что, как и земляные сооружения в Доннингтоне и других замках, он относится к эпохе Карла I.

Повреждения, полученные этим замком, схожи с повреждениями, полученными в Корфе и других местах, и, как известно, относятся к тому же периоду гражданских волнений, в которых, как показывает битва при Сент-Фагане и захват Кардиффа, активное участие принимали жители Гламоргана. Поэтому ничто не кажется более вероятным, чем то, что редут был поспешно возведен одной стороной для защиты замка, а разборка его была произведена другой, чтобы предотвратить такую оборону в будущем. Хотя история не дает никаких подсказок относительно того, к какой из противоборствующих сторон следует отнести то или иное действие, не может быть никаких сомнений в том, что подрыв башен был делом рук парламента.

Нет никаких оснований полагать, что работы в Каэрфилли так и не были завершены. Фланкирующие башни на обоих крыльях упираются в озеро, а рогатая башня служит достаточной защитой в противоположном направлении.

Примерно в трех четвертях мили от Каэрфилли, на дороге Рудри, находятся руины "Вана", или "Ффанвавра", древней и очень величественной усадьбы семьи Льюисов, прямых потомков по крови и наследников Айвора Баха, на земле которого был возведен Каэрфилли.

Большая часть внешних стен дома и любопытная старая голубятня сохранились до наших дней. Они относятся к эпохе Елизаветы или Джеймса, но большая часть тесаного камня, использованного в окнах, дверных коробках, кромках и колоннах нижнего этажа, либо из оолита, либо из камня Саттон, и очень очевидно, что это часть трофеев Керфилли. Большинство этих камней были обработаны, а их первоначальные украшения уничтожены, но один длинный стрингер декоративного стиля, очевидно, гораздо более ранний, чем стена, в которую он вмонтирован, тянется вдоль западного фасада дома.

Эти камни не могли быть вывезены из Каэрфилли ранее правления Елизаветы, в которую, а точнее в правление Генриха VIII, замок использовался в качестве тюрьмы. Вероятно, так были заняты центральные части, а испорченными оказались те, что связаны с восточным фасадом. Присвоив камни Каэрфилли для возведения своей усадьбы, семья Льюисов, у которой изначально была отвоєована земля, возможно, нарушила вкус, но никто не имел большего морального права пользоваться этим источником.

ЗАМОК КАРДИФФ, ГЛАМОРГАН.

Замок Кардифф, хотя и небезызвестный в приграничье, не был театром великих исторических событий и не представляет собой каких-либо поразительных особенностей расположения, декораций или структуры. Его претензии на более чем местный интерес обусловлены характером и судьбой великих баронов, чьим наследством и периодической резиденцией он был с XI по XV век, от правления Руфуса до Генриха VI. Вероятно, это был римский каструм и, несомненно, владение местных английских князей. В 1090 году он был завоеван мечом Роберта Фицхеймона, лорда чести Глостера, и стал "капут" его новоприобретенного сеньората Морган и Гламорган.

Мейбл, наследница Фицхеймона, передала его владения своей рукой Роберту Консулу, графу Глостеру, внебрачному сыну Генриха I, и предполагаемому строителю норманнских частей замка.

Им наследовал их сын Уильям, граф Глостер, который умер в 1173 году, оставив только дочерей; наследством некоторое время владел король Джон, тогда граф Моретон, вступив в брак с Изабель, младшей сонаследницей; а после ее развода, вскоре после 1199 года, - Джеффри де МанDEVиль, граф Эссекс, который умер в 1216 году. Третьим мужем Изабель был Хьюберт де Бург, она умерла бездетной.

После этого Альмарик д'Эврё, женившийся на старшей сонаследнице Мейбл, стал графом Глостером; но потомство Мейбл также оказалось бездетным.

Амис, вторая сонаследница, вышла замуж за Ричарда, главу могущественного дома де Клер; их сын Гилберт, граф Хартфорд, в итоге стал графом Глостера, повелителем этой чести и владельцем замка Кардифф. Он умер в 1229 году.

Четыре графа из рода Клэр владели замком Кардифф на протяжении почти целого столетия; и хотя в основном они проживали в Клэре и Тонбридже, сделали многое для украшения замка и укрепления сеньории.

В 1320 году Элеонора, старшая сонаследница последнего де Клэра, была выдана замуж за Хью ле Деспенсера Младшего, приспешника Эдуарда II. Во время несовершеннолетия или отстранения от власти их сына, Хью д'Одли, женившийся на второй сонаследнице, получил графство и, возможно, владел Кардиффом до своей смерти в 1347 году. Затем Деспенсеры вновь появились в лице Томаса, сына Эдуарда, который был сыном Хью и Элеоноры де Клэр. Этот Томас стал графом Глостера в 1397 году, а в 1400 году был обезглавлен. Его сын Ричард, ставший преемником, умер малолетним и бездетным в 1414 году.

Графство Глостер не было возрождено, но, включая первого Хью, пять представителей этого несчастного рода владели сеньорией и замком в течение девяноста четырех лет.

Изабель ле Деспенсер, сестра Ричарда и последняя наследница, родилась в замке Кардифф, который она очень укрепила и украсила. Она вышла замуж за двоюродных братьев, Ричарда Бошама, графа Вустера, и Ричарда Бошама, графа Уорика. Граф Вустер женился до 1415-16 гг. и умер около 1421 г., оставив дочь, чьи потомки стали баронами Ле Деспенсер по ее праву, но не унаследовали Кардифф. Основные работы графини Изабель в Кардиффе, вероятно, были выполнены после ее второго брака, который состоялся до 1425 года. Ее грамота на Кардифф в качестве графини Вустерской в 1423 году подтверждает грамоты ее предков по отцовской линии. Ее сын, Генри, герцог Уорик, наследовал своему отцу в 1439 году, а умер в 1446 году. Его наследница, Анна Бошамп, владела сеньорией недолго и лишь номинально: она умерла в 1449 году, будучи шестилетним младенцем.

Затем замок перешел к представительнице другой Анны Бошамп, сестре и наследнице герцога. Она вышла замуж за Ричарда Невилла, великого графа Солсбери и Уорика, который таким образом добавил Кардифф к своим и без того обширным владениям. Одна из городских хартий, датированная Кардиффским замком 12 марта 1451 года, была дарована Ричардом, графом Уориком, лордом ле Деспенсером и т. д., и Анной, его женой.

После смерти графа в 1471 году замок Кардифф перешел к Анне, его младшей дочери и сонаследнице Анны Бошамп, по праву которой ее муж Ричард, герцог Глостерский, впоследствии Ричард III, стал лордом замка Кардифф и сеньории, и в этом качестве даровал различные хартии и подтверждения, которые до сих пор сохранились.

После падения и смерти Ричарда наследственные притязания были отменены, а замок и сеньория перешли к короне. Впоследствии они были пожалованы Джасперу Тюдору, герцогу Бедфордскому, но после его смерти в 1495 году снова стали собственностью короны. Сеньория с ее "юрскими регалиями" и прерогативами марширования больше не возрождалась, но Генрих VII и его сын сдали лордство в аренду Чарльзу Сомерсету, который проживал в Кардиффе в 1513 году; а Эдуард VI подарил или продал замок Кардифф с большей частью земельных владений и манориальных прав старой сеньории Уильяму Герберту, первому из новых графов Пембруков, в чьих общих наследниках все это с тех пор и осталось.

История этой длинной череды могущественных лордов, большинство из которых оставили свой след в великих делах своей эпохи и страны, придала замку исторический интерес, который, однако, едва ли может быть распространен на особенности самого здания, являющегося предметом настоящей статьи.

Замок Кардифф стоит на широкой гравийной равнине между реками Тафф и Римни, на левом берегу и в двухстах ярдах от первого потока, примерно в самой низкой точке, где в обычное время года можно перейти его вброд.

Позиция, спереди и сзади которой протекает река, а с южного фланга вплотную примыкает море, такова, какой бы ее выбрал полководец, сведущий в военном искусстве, и как бы она ни была окружена в стране противника; при наличии дисциплинированных войск она была бы неприступной.

Эти условия, название места и его положение на известной "via maritima", наводят на мысль о римском происхождении; мнение, действительно, лишь умеренно поддерживается скудными находками римских останков, но в унисон с формой и характером части земляных сооружений, которые входят в состав нынешнего замка.

Они, по-видимому, представляли собой один высокий вал, поднятый из внешнего рва и охватывающий большую часть трех сторон четырехугольного пространства, четвертая из которых открыта к реке; такая практика не является чем-то необычным для римских или "квази-" римских лагерей. Возможно, хотя и маловероятно, что земляные работы когда-то были завершены с трех сторон до реки, а юго-западная часть была разрушена и образовала очень значительный курган, который до сих пор возвышается над берегами ограды и увенчан корпусом раннего многоугольного замка. Уоллингфорд, Тамворт и Уэрхем - примеры того, как четырехугольная земляная насыпь была частично сохранена, а частично удалена строителями нормандского замка, и в каждом из них также есть курган.

Каково бы ни было его происхождение, замок Кардиффа занимает участок земли, почти квадратный в плане, размером 200 ярдов с востока и запада на 216 ярдов с севера и юга; он ограничен с северной и восточной, а также частично с южной стороны земляными валами, а с запада и остальной части южной стороны - стеной. Высота насыпи составляет около 30 футов, ширина у основания - 90 футов, а на вершине - 12 футов, вдоль которой тянется легкая насыпная стена высотой около 6 футов и толщиной 2 фута. Эта стена упоминается Мейриком в 1578 году как пришедшая в упадок, и в 1861 году она была восстановлена из неглубокого фундамента толщиной всего 2 фута. Она не могла быть предназначена для серьезной военной обороны, а недавние раскопки не выявили никаких следов более древней или более основательной постройки. На юго-восточном, северо-восточном и северо-западном углах берега укреплены, возможно, для возведения башен, фундаменты которых, однако, не обнаружены. Земляные работы возвращены примерно на 70 ярдов вдоль южного и примерно на 30 ярдов вдоль западного фронтов, чтобы дать поддержку и прикрыть начало

стен с этих сторон, которые, за незначительным исключением, очевидно, очень древние и, вероятно, были выполнены Робертом, консулом или графом Глостером.

Эти стены представляют собой великолепное сооружение высотой 40 футов и толщиной 10 футов, причем совершенно прочное.

Главные здания замка находятся в линии и составляют часть западной стены. В центре южной стороны находятся ворота, которые когда-то были внешним приходом, а теперь относятся к общей части замка. Они представляют собой простую арку в занавесе, а в своем нынешнем виде, вероятно, относятся к эпохе Генриха VIII, чей герб, возможно, занимал квадратную каменную раму, оставшуюся над воротами и на их внешней стороне.

Ближе к западу от ворот находится возвышенная башня, очевидно, раннеанглийского или раннедекоративного периода, восстановленная покойным лордом Бьютом. Это черная башня. Хотя она находится так близко к воротам, очевидно, что она никогда не имела прямого сообщения с ними и не предназначалась в качестве сторожки. Мейрик описывает ее как огромную башню высотой в несколько этажей, покрытую свинцом, с двумя камерами в каждом этаже, самые нижние были тюрьмами, известными как Ставел-и-Огед и Ставел-Вен. Одна из этих тюрем, более крупная, ныне не используется, имеет остроконечный свод и небольшую петлю, расположенную высоко в восточной стене. В этой башне четыре оригинальных входа: по одному в каждую из подвальных тюрем, один из остатков большого занавеса и один с вала крепостной стены. Все они находятся на северной и западной сторонах, и нет ни одного дверного проема, открывающегося в сторону больших ворот. Таким образом, становится ясно, что эта башня, хотя и располагалась близко к воротам, никогда не использовалась в качестве сторожки.

Северный берег общей ограды представляет собой небольшой угол наружу, а рядом с выступом через него пробит туннель. Это было сделано около тридцати лет назад, чтобы обеспечить проезд карет к Сенгенидской дороге.

Снаружи, у подножия берега, вдоль северного, южного и восточного фронтов проходил мокрый ров, который в древности питался водой из Таффа через мельничный канал. Этот ров охватывал три фронта, простираясь до северных, или Сенгенидских, ворот города. Во времена Мейрика он был сухим и заиленным. Совсем недавно восточная часть была в некоторой степени вытеснена Гламорганширским каналом, а северная, находящаяся на более низком уровне, стала частью подводящего канала, по которому речная вода поступает под канал в водохранилище Док. Южный рукав был засыпан и застроен в течение многих веков, и о его существовании известно только по мягкой черной почве, которую иногда находят при раскопках. Мельничный канал, питавший мельницу лорда, на которой жители Кардиффа должны были молоть, и периодически использовавшийся для затопления низменных мест в целях обороны, до сих пор проходит вдоль западного фасада замка. Во времена правления Елизаветы от замка зависели три мельницы и мельница, а одна мельница стояла в 1660 году, но затем на ее месте был построен тандыр, который убрали в 1861 году, когда возвели новый домик и городской мост. Разрушенный мост был построен около 1796 года и заменил собой конструкцию из четырех каменных арок, вероятно, эпохи Елизаветы (о которой упоминается в некоторых актах парламента), расположенную довольно высоко над замком; таким образом, шоссейная дорога от него к западным воротам города пересекала болото по мосту из трех арок и проходила недалеко от основных зданий замка. Часть старых городских ворот с их железными пескарями до сих пор можно увидеть в зарослях кустарника в нескольких ярдах от великой башни, показывая, как дорога входила в город под крепостной стеной. Справа от старого входа до сих пор сохранилась небольшая

тюдоровская арка, расположенная почти на одной линии с Красным домом - зданием значительной древности, ныне сильно перестроенным и известным как отель "Кардифф Армс". Недавно в ходе раскопок между этим зданием и замком были обнаружены фундаменты старой городской стены и большой арочный проход, который мог быть либо почтовым ящиком, либо канализацией. Но это не было продолжено.

Территория в пределах крепостной стены составляет около 10 акров, а в пределах контрфорса рва - около 13 акров.

Внутри большой ограды, недалеко от центра северного берега и немного западнее, находится Курган, грандиозное земляное сооружение, которое поднимается от круглого основания диаметром 60 ярдов на высоту 32 фута над окружающей землей. Его вершина - платформа, также круглая, 36 ярдов в поперечнике, увенчанная остатками крепости, названной Лиландом Белой башней. Это раковина или многоугольник с двенадцатью почти равными сторонами, 80 футов в диаметре, стена толщиной 9 футов и высотой 30 футов, построенная в основном из обкатанной гальки. Стена пронизана отверстиями для путлога, столь распространенными в старой кладке, особенно в этом районе; в одной из восточных сторон находится камин огромных размеров, но дымоход которого выглядит как простое углубление в стене, без каких-либо следов четвертой стороны или фронта. Рядом с ним находится раковина, так что это, очевидно, была кухня: часть, несомненно, здания, которое поддерживала стена. Стены никогда не укреплялись контрфорсами или пилястрами, но внешние углы многоугольника увенчаны кряжами из ясеня, которые, похоже, относятся к периоду перестроек Бошампа, с некоторыми недавними дополнениями, одним из которых может быть камин. Вход в здание осуществлялся через высокие и прочные ворота-башню, должным образом закрытые с южной стороны, часть которых сохранилась. Раковина, вероятно, является работой Роберта Консула, но стиль и отделка воротной башни свидетельствуют о том, что она принадлежит Изабель Бошамп или ее мужу из Уорика.

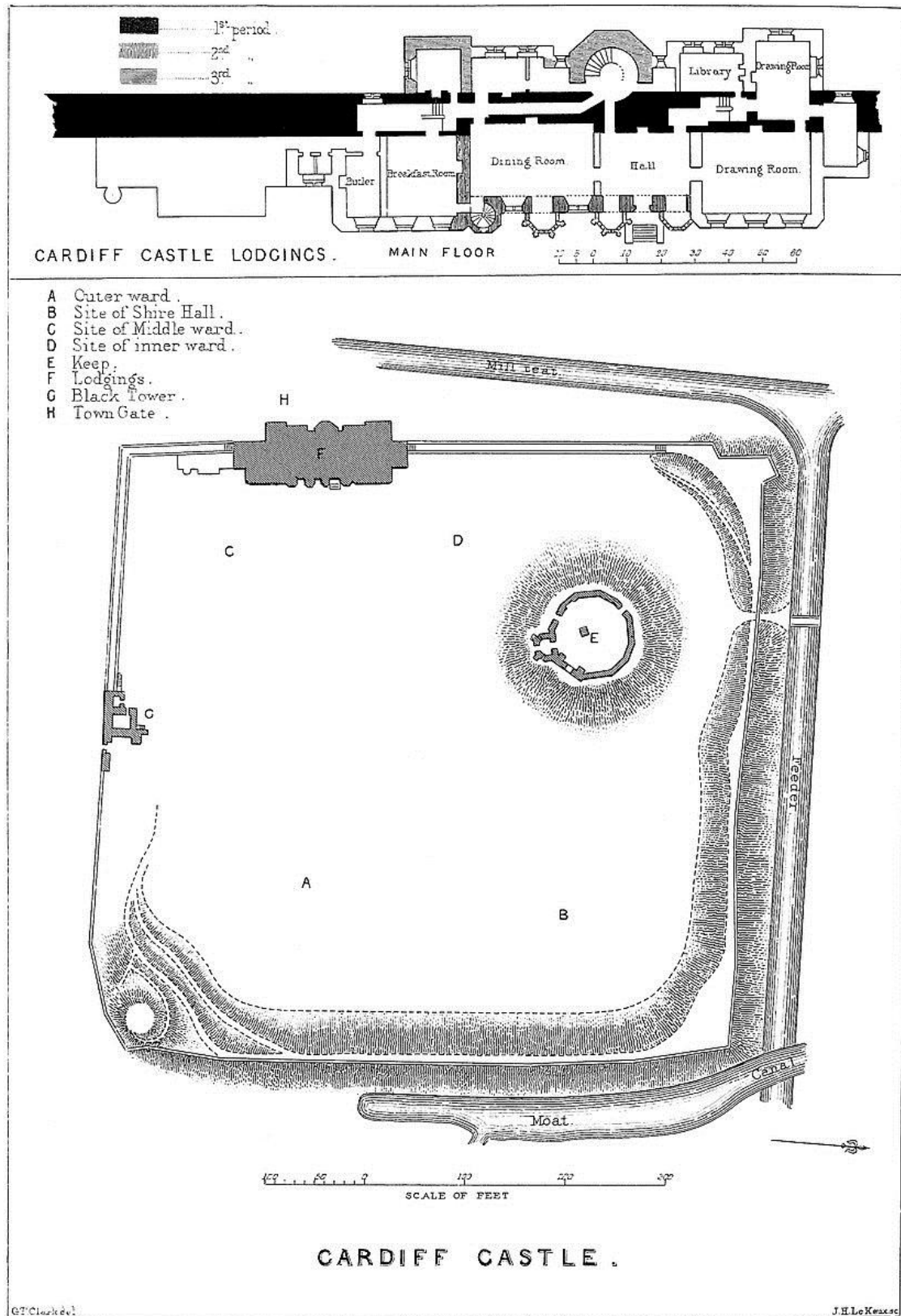
Эта сторожка была связана со скоплением башен большой прочности, которые занимали южный склон кургана и заканчивались внизу вторыми воротами, которые были первым или внешним входом из средней палаты в замок. Здесь, хотя и в более древнем строении, предположительно находилась сцена варварства, совершенного над Куртозом, и его последующего заточения. Мейрик описывает комнаты в этих зданиях как "не столько справедливые, сколько крепкие". Вероятно, это были казармы. Большая часть этого здания обрушилась в конце прошлого века и была вывезена. Оно, несомненно, имело нормандский фундамент и, вероятно, было перестроено как де Клерами, так и Изабель Бошамп.

С тех пор как был составлен этот рассказ, ров кургана был тщательно вскрыт и вновь наполнен водой. В результате были открыты сваи раннего моста и арка более позднего, вероятно, поздненорманнского периода, основание ворот у подножия кургана и колодец рядом с ним. Также были обнажены части ступеней, по которым поднимались на курган, уложенные вдоль поперечной стены, как в Тикхилле.

Похоже, что в замке не было никакого центрального здания. Простая каменная лестница, следы которой сохранились на стене, вела к крепостной стене, куда можно было попасть и из сторожки. Вероятно, двор был окружен внутренним навесом или сараем.

На противоположных фасадах надвратной башни и Черной башни сохранились участки большой куртины, которая тянулась от одной к другой. Эта стена толщиной в 7 футов и высотой в 30 футов, украшенная с каждой стороны, вероятно, не была делом рук основателя замка. В конце прошлого века она была удалена, но фундамент остался и был открыт. Из описания Мейрика и картины маслом, хранящейся в замке, следует, что он был пробит

недалеко от центра воротами, по бокам которых стояли одна, а то и две полубашни, выступающие во внешнюю палату, которые, собственно, и составляли настоящие ворота в сильную часть замка. В южном барабане находилась вторая дверь меньшего размера, своего рода постерн. Фундаменты подтверждают эту точку зрения. Вероятно, занавес был добавлен одним из ранних де Клеров, после и, возможно, в результате известной и успешной атаки Айвора Баха.

Г. Т. Кларк дель

Дж. Х. Ле Ке

ЖИЛЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ КАРДИФФСКОГО ЗАМКА.

- А Внешняя палата.
- В Место расположения Шир-холла.
- С Участок средней палаты.
- D Внутренняя палата.
- Е Кипер.
- F Жилища.
- G Черная башня.
- H Городские ворота.

ЗАМОК КАРДИФФ.

Для завершения обороны было совершенно необходимо, чтобы большая куртина была продолжена к северу от замка. Однако эта часть была удалена. Она, конечно, никогда не была соединена со стеной крепости, но оставшийся с севера и снаружи карниз, возможно, был связан с ней.

Жилища, или жилая часть замка, представляют собой прямоугольную свая длиной 145 футов и глубиной 55 футов, которая занимает примерно две седьмые части западной стороны двора по направлению к южному концу и, таким образом, является частью внешней линии обороны. Эта свая состоит из башни, центральной части или корпуса, двух главных крыльев и двух меньших крыльев. Все они построены напротив большой нормандской стены: башня и меньшие крылья - снаружи, остальные - внутри.

Башня представляет собой смелый и хорошо пропорциональный восьмиугольник 10 футов в стороне, три грани которого выступают из внешнего или западного фасада, а остальная часть включена в более древнюю норманнскую стену и теперь является ее частью. Он поднимается от квадратного основания в 26 футов, переходящего с помощью протяжек в восьмиугольник, на высоту 75 футов, что на 12 футов выше соседних зданий. Она смело обработана, с пятью арками на каждой стороне и высоким парапетом над ней, с двумя амбразурами в каждую сторону, промежуточные мерлоны, в количестве восьми штук, пронизаны крестообразной петлей или маслобойкой. Четыре внешних или западных угла, у основания парапета, увенчаны смелыми гротескными головами животных в виде гургойлов.

Основание цельное. Примерно в 6 футах над землей находится грубая камера, 13 футов квадратных, с бочкообразным сводом, слегка заостренным, с дверными проемами, которые, похоже, являются оригинальными, в северном и южном, или двускатных, концах. Северная дверь, ныне заваленная, еще в прошлом веке была столбом, а камера была проходом и, судя по следам стены, содержала что-то вроде ложи, разделенной на две камеры.

Над этой камерой находится цилиндрическая внутренняя часть башни, диаметром 13 футов, сейчас это просто оболочка, в которую ведет лестница, а сверху она сводчатая. В двух ярусах шесть окон, нижнее на высоте 38 футов от земли. Они почти петлевые, маленькие и квадратные, но смело раздвинутые внутри, чтобы дать свет и воздух, и демонстрируют большую толщину стены. Их расположение доказывает, что верхняя часть башни была занята двумя палатами. Трудно предположить, как использовалась нижняя часть, которая,

должно быть, всегда была темной и довольно большой для лестницы с перилами. Нынешняя лестница и выемка над ней очень современны, хотя последняя может прикрывать более древнюю работу.

Раковина является оригинальной и нетронутой. Материал - лиасовый пепел, обложенный обкатанной галькой из Таффа. Кронштейны и башенки в основном из белого известняка, тщательно обработанного. Эта башня придает характер всей массе здания. Ее сравнивают с башней Гая в Уорике, на которую она, хотя и меньших размеров, очень похожа; несомненно, это работа того же дворянина или его жены, возможно, того же архитектора, и, вероятно, она была построена между 1425 и 1439 годами, в этот период Ричард, граф Уорик, был лордом Кардиффа.^[3] На некоторых гравюрах прошлого века изображена башенка, возвышающаяся над башней Кардиффа; но это, по-видимому, вымысел, поскольку следов такой башенки не обнаружено, и в таком положении она не соответствовала бы внутреннему устройству башни.

Сразу за башней находится центральная часть здания, примерно 70 футов на 30 футов, состоящая из столовой и вестибюля на главном этаже; подвала с подвалами и офисами внизу, и ряда спален наверху. Башня отделена от этого здания более древней главной стеной замка, толщиной 10 футов и высотой 40 футов, которая проходит через весь замок и сильно изрезана и изуродована более поздними коммуникациями.

Нынешняя столовая и вестибюль, похоже, состояли из зала длиной 62 фута, шириной 18 футов и высотой 13 футов, с плоским потолком, вероятно, как в зале в Уорике. Проход, прорубленный в стене, ведет из вестибюля в башню у подножия лестницы, и, несомненно, он такой же старый, как и башня. В недавние времена, вероятно, при первых Стюартах, лицевая сторона большой стены была срезана на 3 фута от уровня пола вверх, чтобы дать столовой ширину в 21 фут. Кроме того, около пяти лет назад через ось этой стены был прорублен проход длиной 32 фута и шириной 3 фута, как туннель, чтобы обеспечить проход из башни в зал для завтраков и офисы.

Восточный фасад этого зала, выходящий в среднюю палату, образует центр нынешнего фасада. Он разделен на три отсека четырьмя восьмиугольными башенками, выступающими наполовину, примерно на 4 фута в сторону. Они поднимаются до самой крыши. В южной части находится лестница с оригинальной дверью из двора. Остальные три состоят из двух ярусов по три окна в каждом, разделенных струнным переходом. В нижнем этаже две центральные башенки более богато украшены, чем остальные, а их углы увенчаны стройными контрфорсами, увенчанными пинаклями. На самой южной из них табернакль является оригинальным, но был добавлен к другой, когда в ней были пробиты окна и она была обшита, несколько лет назад. Эти башенки украшены башенками и петлями, а также повторяют обычный парапет здания, но они не обработаны, их структура незначительна. Лестничная башня намного старше остальных. Лестница диаметром 7 футов, грубо восстановленная на оригинальных перилах, сообщалась с подвалом, а также с двором, и через двери, ныне закрытые, открывалась в зал и спальни. Именно по расположению этих дверей, а также по окнам башенки можно судить о высоте старого зала. Лестница освещена квадратными окнами, а над ними - небольшим четырехгранным проемом. Она ведет на крышу.

Три куртины или стены, соединяющие четыре башенки, также пронизаны двумя рядами одиночных окон, всего их шесть: нижние - с квадратной головкой, верхние - с заостренной. Все они двухсветные, с фрамугой. Окна башен и куртин одинаковы, за исключением того, что в первом случае нижний ярус заострен.

Нынешняя входная дверь - современная, сделанная путем вырезания окна, и, вероятно, все окна были обновлены за последние полвека. Однако на рисунке этого фасада 1776 года изображены окна, в целом напоминающие нынешние, за исключением того, что вторая с севера башенка, как и лестничная, не имеет больших окон.

Если перейти в интерьер, то три башни выглядят как пролеты из главного и верхнего этажей, средняя открывается своего рода проходом, как будто она когда-то была просто темным чуланом, или, возможно, лестницей: две другие открываются остроконечными арками с простыми, смелыми, круглыми и полыми лепными украшениями. Толщина стены составляет 5 футов, а проход через нее разделен тремя ребрами на две панели, которые продолжаются через софит. Сами пролеты, шириной 8 футов, со стенами толщиной всего 18 дюймов, имеют пять граней, из которых две внутренние пустые, а три внешние пронизаны уже описанными окнами. Каждый из шести углов и центры двух пустых сторон заняты стройными пилястрами, поднимающимися от высокого восьмиугольного основания и заканчивающимися изящной крышкой, украшенной подобием трилистника. Эти валы расположены выше с некоторой изобретательностью, чтобы поддерживать шестнадцать ребер желобчатой восьмиугольной крыши, сходящихся к центральному боссу. В двух северных пролетах и в пролетах верхнего этажа этот босс представляет собой массу листвы, вероятно, очень современную реставрацию; но в южном пролете из трех, который находится рядом с лестничной башней, он несет оригинальное и тщательно продуманное гербовое достижение. Внутри венка из виноградных стеблей, усеченного таким образом, чтобы изобразить хорошо известный потрепанный посох Уорика, находится щит, расположенный под углом, с Ньюбургом и Бошампом по четвертям, а в центре - Деспенсер на притворном эсхошеоне. Шлем украшен большими ламбрекенами с кистями, а на нем помещен герцогский герб Бошампа - голова сирены. Все это расписано красками, вероятно, по оригинальному образцу; очевидно, что это заслуга Ричарда графа Уорика и Изабель Деспенсер, которые и построили эти башенки, что также следует из их стиля. Однако вполне вероятно, что ребра и выемки центрального пролета были скопированы с остальных и добавлены, когда его окна были открыты, а стены обшиты или реконструированы.

Из описания Мейрика и рисунка Гроуза, сделанного двумя столетиями позже, следует, что вход в зал в XVI, XVII и XVIII веках находился в его южном конце, в юго-восточном углу, рядом с которым располагались кухни. Башенная лестница, по-видимому, была либо закрыта, либо использовалась только для сообщения между подвалом, спальнями и крышей. Гроуз показывает ее внешнюю дверь, как и сейчас, частично опущенной под уровень почвы.

В верхнем или северном конце зала, на месте нынешней гостиной, находилась "прекрасная столовая" и еще две комнаты, а над ними - еще два этажа, то есть часть замка, в которой проживали лорд и его ближайшие родственники и сопровождающие лица. Следует заметить, что все эти конструкции, существование которых не вызывает сомнений, оставляют наиболее украшенный эркер, или воронку, и лестницу в нижней части зала. Этого никак нельзя было ожидать при строительстве эркера, и, следовательно, это указывает на более раннее и обратное расположение.

Известно, что граф Генри, сын Герберта-купца, внес значительные изменения в жилые помещения замка, но в чем они заключались, не зафиксировано, и пока невозможно сделать вывод. Однако можно с уверенностью утверждать, что он фактически перевернул все внутреннее устройство. Очевидно, что в зале Ричарда Бошама южная сторона с геральдическим восточным проемом была местом для возвышения; это объясняет удобную

для этого группу зданий, которые он возвел за пределами великой стены; таким образом, вход в великую башню открывался, как и положено, в нижнем конце зала. Мейрик говорит, что Герберты перенесли цветник на север с южного конца здания, где, несомненно, он был размещен для удобства обитателей помоста. Это также объясняет наличие башенной лестницы, которая обеспечивала свободный выход в личный сад лорда, спуск в подвал и подъем на второй этаж, где, естественно, должны были располагаться самые безопасные и лучшие спальни. Кроме того, на рисунке 1776 года видны некоторые разрушенные стены в южной части здания, со стороны современных офисов, как будто вход Гербертов был осуществлен путем неполного удаления старых зданий, и это предположение подкрепляется башней, изображенной на старой масляной картине в замке. Поэтому, я думаю, неоспоримо, что помост Ричарда Бошама и, вероятно, Де Клер, находился в южном, а Гербертов - в северном конце. Северная стена бывшего зала - современная, построенная Стюартами; но южная стена - оригинальная, и, судя по значительному расстоянию между нею и восточной частью, возможно, что здесь была небольшая отделенная от зала комната, в которую выходила лестничная башенка.

Подвал состоит из одной просторной камеры, или погреба, 62 фута в длину и 18 футов в ширину, и перекрыт довольно высоко заостренным и четырехцентровым сводом, без ребер и пазов, но хорошей работы, и такой же совершенной, как и при первом строительстве. Это неопровержимо доказывает, что размеры древнего зала над ним. Он, конечно же, относится к Бошам. В его северном конце находится оригинальный дверной проем в 4 фута 6 дюймов, с железными двустворчатыми дверями и отверстиями, показывающими, что эти двери были заперты изнутри. Один конец, возможно, оригинального дубового бруса, остался в отверстии. Похоже, что в южном конце была такая же дверь; из старых работ видно, что башенная лестница открывалась в юго-западный угол этого свода. В юго-западном углу есть еще два отверстия, каждое в старой и очень толстой стене, которые могут быть оригинальными.

Два больших крыла, очевидно, принадлежат первому владельцу Стюарту, шестьдесят или семьдесят лет назад, когда, несомненно, центральная стена была впервые прорезана в продольном направлении. Северное крыло - это полная перестройка резиденции Герберта, от которой теперь ничего не осталось. Стена между этим крылом и центральной частью была построена вместе с ним и заменяет первоначальную северную торцевую стену зала Де Клер и Бошам.

Южное крыло относится к той же дате Стюарта, за исключением того, что стена между ним и центральной частью является оригинальной. Это южная торцевая стена старого зала. Само крыло закрывает старый вход, которым пользовались Герберты, и стоит на месте группы башен, изображенных на картине маслом в замке, частью которой был вход. Вероятно, эти башни были построены Клэрами и Бошами и снесены Гербертами. Они изображены на картине, но отсутствуют на рисунках 1776 года.

Следует отметить два меньших крыла, или группы зданий, расположенных за пределами большой стены, по одному на каждом фланге здания, и каждое из них соединено с центральной восьмиугольной башней своего рода коридором.

Из этих крыльев южное, по-видимому, соприкасается с башней. Два его нижних этажа площадью 14 футов сводчатые. Южный коридор, соединяющий крыло с восьмигранной башней, на первом этаже сообщается с цокольным этажом башни и, по-видимому, служил проходом из башни в глубь здания. Однако нынешняя стена частично, если не полностью, является современной и представляет собой трудности, которые пока не удалось устранить.

Северное крыло и его коридор - работа Стюарта. В этом крыле на одном этаже находится задняя гостиная, для расширения которой было отрезано более 7 футов от лицевой стороны великой стены.

Редко когда старая стена подвергалась столь жестокому обращению и так хорошо переносила увечья. Однако в результате получилась отличная задняя гостиная и кабинет, доступные, благодаря этим тоннелям, как из большой гостиной, так и из холла.

В целом, несмотря на многочисленные недочеты в деталях, общий результат переделок и дополнений, сделанных с 1775 года, был однозначно удачным. Большой двор был расчищен, а крепость, хотя и лишенная рва и нижних ворот, все еще представляет собой почтенный вид, а летом, когда вокруг цветут терновые кусты, - необыкновенную красоту. Черная башня была восстановлена почти по старому образцу. В главном здании большая башня, которая когда-то закрывала северо-западный угол, благодаря пристройкам с севера была помещена в центр фасада; а внутри двора пристройка южного и реконструкция северного крыла, а также открытие окон в глухой башне значительно увеличили завершенность всего здания.

На месте старого зала находится вестибюль и столовая, которые вместе с залом для завтраков и гостиной, большого размера и отличных пропорций, задней гостиной, кабинетом и несколькими небольшими квартирами образуют апартаменты, вполне соответствующие аспектам и претензиям здания. Антиквару, правда, можно позволить себе сожалеть о том, насколько внутренние особенности были удалены или замаскированы современной штукатуркой и обивкой.

В рассуждениях о возрасте, абсолютном или относительном, различных частей этого замка, нашим единственным ориентиром, по крайней мере, до эпохи Елизаветы, являются внутренние свидетельства его структуры, и особенно планы его подвальных и основных этажей. Из них можно с уверенностью заключить, что большая западная стена замка, построенная Робертом Консулом или его преемником, изначально продолжала непрерывную линию, а норманнские постройки находились в другой части двора, а также на насыпи. Замок Роберта Консула, вероятно, представлял собой прямоугольное ограждение размером 216 ярдов на 84 ярда, заключенное в три очень прочные стены и, возможно, деревянный частокол, на линии которого располагались курган и его крепость; А к востоку от него находилось второе прямоугольное пространство, внешняя палата, 216 ярдов на 116 ярдов, заключенная в три земляных вала, укрепленная рвом на севере, рвом и городскими воротами на востоке, рвом и самим городом на юге, и, возможно, дополнительно защищенная деревянным палисадом или просто грудной стеной по гребню вала. Вход из города даже тогда был, вероятно, там же, где и сейчас, - через арку в куртине, открывавшуюся во внешнюю палату; а вход из внешней палаты в среднюю, вероятно, находился в центре промежуточной обороны. У юго-западного угла точно не было башни, а у северо-западного, вероятно, не было; Черная башня также кажется довольно поздней. На самом деле замок состоял из двух частей: одна - просто ограждение из крепких стен и частокола с круглой насыпью; другая, более крупная часть - ограждение внутри земляных сооружений.

Таким, по-видимому, был норманнский замок, рассчитанный на то, что благодаря своей огромной пассивной силе он сможет противостоять любым военным машинам, которые валлийцы могли выдвинуть против него. Следующими дополнениями, вероятно, стали Черная башня и крестовая куртина; а затем, с целью периодического проживания де Клер, - более старая часть нынешних домиков, построенных внутри и у западной стены.

Пространство этой постройки сейчас невозможно определить, но вполне вероятно, что она включала в себя нынешнюю переднюю или восточную стену центра здания, южную или поперечную стену, соединяющую ее с большой стеной, и соответствующую северную стену, разрушенную Гербертами или Стюартами и восстановленную последними. Таким образом, для зала оставалось свободное пространство размером примерно 61 фут на 18 футов; кроме того, несомненно, имелись кухни на северном и некоторые дополнительные постройки на южном конце. Получился бы умеренный зал и жилые помещения, а вместе с Черной башней и замком - вполне приемлемое жилье для барона и его приближенных. Южная лестница-туррель, вероятно, была ранним дополнением к этой работе.

Независимо от того, считать ли великую куртину, отделявшую собственно замок от простого земляного ограждения, совместной с внешней стеной или более поздней, ворота в ней и башни с барабанами, от которых сохранился набросок и фундамент, были явно более поздними, и, вероятно, вставками Де Кларов.

Исчезновение рода Де Клер, раздел наследства, строительство Керфилли и постепенное умиротворение страны стали причинами, которые, наряду с продолжительными несчастьями Деспенсеров, несомненно, привели к частичному запустению Кардиффа или, во всяком случае, на некоторое время остановили любые дополнения к его зданиям. Однако Керфилли, некогда столь великолепный, похоже, оказался слишком тяжелым бременем, и им стали пренебрегать, а наследница, замкнувшая род Деспенсеров, родилась в Кардиффе. Вероятно, этот факт, а также амбициозные замыслы Бошамов привели к частичной реконструкции замка, который, к тому же, несомненно, пострадал от Оуэна Глендауэра. Ричард и Изабель Бошамп, очевидно, построили большую восьмиугольную башню, надежно вписав ее в старую стену. Вместе с ней и в то же время они пристроили, также снаружи и скрепленные со стеной, южное меньшее крыло, или то, что направлено к городским воротам. Внутри двора они, вероятно, перестроили жилые помещения, соорудив большой свод под залом. Кроме того, они пристроили к восточной стене три башни, расширив внутреннюю часть, по крайней мере, двух из них, как пролеты из большого зала, и украсив гербовым щитом ту, что открывалась на помост. Башня, содержащая жилые комнаты на юге и, вероятно, кухни на северном конце, также, по-видимому, была пристроена в ту же эпоху.

В пределах двора, на линии восточного занавеса и вверх по склону кургана, Бошамы также, по-видимому, построили или реконструировали группу зданий, от которых остался лишь фрагмент. Это та самая разрушенная башня, которая значительно возвышается над всеми остальными частями ограды и придает замку столь же живописный вид, как и его материальную прочность.

В свое время Герберты внесли значительные изменения. Они, по-видимому, снесли кухни или другие постройки, существовавшие в северной части домиков, и заменили их елизаветинским зданием с большими многоугольными эркерами. Они также снесли здания на юге и разбили на их месте огород. Вероятно, работы Герберта были гораздо менее основательными, чем предшествующие им, поскольку все они исчезли.

Ближе к концу прошлого века, в 1778 году, вскоре после вступления во владение Стюартов, по совету "Способного" Брауна они снесли постройки Герберта, расчистили большой двор, засыпали ров в замке (тогда он назывался Магазиен), построили два крыла, модернизировали интерьер домиков и оставили все в общих чертах так, как было в последнее время.

Необычно, что в таком важном замке, как Кардифф, не осталось никаких следов регулярной сторожки. Леланд говорит о двух воротах, Шир-Холл и Экшекер; первыми, несомненно, были

нынешние ворота, а вторыми, вероятно, ворота, ведущие из внешней палаты в среднюю. То, что нынешние занимают место первоначального входа, совершенно точно. Где еще он мог находиться? Если бы они были прорублены в земляном полотне или в других частях стены, следы непременно остались бы. Вероятно, как уже говорилось, и как это иногда случалось, вход был простым проемом в занавесе, а настоящим барьером был проход из внешнего в средний отдел, который, несомненно, был очень прочным. Внешняя палата, должно быть, была местом, где обычно собирались казначеи и другие государственные служащие; а в рыцарских домиках регулярно жили какие-то люди, хотя обычно не хозяева. Движение, связанное с таким положением вещей, делало неудобными формальности, связанные с воротами, порткулисами и разводными мостами, и, возможно, стало причиной того, что от обычной регулярной защиты ворот отказались. Фундаменты этих зданий, общественных и частных, были открыты в большом дворе.

Единственная оставшаяся трудность связана с обороной окружной набережной. Общий вид Бака, опубликованный в 1748 году, и гравюра Райланда показывают обширную стену, охватывающую большую стену и земляные работы у северо-западного угла и продолжающуюся по нынешнему руслу фидера. Вряд ли это одна из распространенных ошибок Бака в перспективе, поскольку он показывает и нынешнюю стену, закрывающую земляной вал. Поэтому вполне возможно, что на северном фронте между валом и рвом была стена. Но как бы то ни было, следует помнить, что враг, преодолевший земляные укрепления, все равно имел перед собой крепость, равных которой по толщине и высоте стен было мало в Британии. Часовня замка, Ширский зал и дома рыцарей находились во внешней части, и их могли сжечь или разрушить; но сами рыцари, их последователи и имущество укрывались и находились в полной безопасности во внутренних частях замка.

Рис Мейрик, писавший около 1578 года, оставил подробный и, в целом, очень понятный отчет о замке, восстановленном графами Пембрук для их периодического проживания до постройки Уилтона. Из его описания следует, что главный вход в замок был из города через "прекрасные ворота", слева от которых находилась Черная башня с тюрьмами, открывавшаяся во внешнюю палату. Эта палата занимала восточную часть общей ограды и была отделена от внутренней и средней палат курганом и крепким занавесом, который тянулся от Черной до Белой башни или хранилища.

В этой внешней палате Леланд увидел жилища двенадцати рыцарей Гламоргана, которые владели своими землями на правах стражников замка и платили серебро за палату. Во времена Мейрика здесь оставался только один дом, принадлежавший Бассетам, которым владел сэр Эдвард Мэнселл. Здесь же, у северо-восточного угла, как нарисовал Спид и видел Мейрик, стояло здание суда лорда, которое использовалось как Шир-холл и в котором до конца прошлого века проходил суд лорда боро. Оно было защищено специальной стеной, на которой располагались рыцарские жилища, составлявшие его часть. Завершала группу небольшая часовня. Эта часовня вместе с приходской церковью Святой Марии в Кардиффе была подарена одним из ранних нормандских графов монастырю в Тьюксбери и упоминается в общей хартии подтверждения Николая, епископа Лландаффского ("Dug. Mon.", ii. 67). Пространство между двором Шир-Холла и прилегающим берегом было занято садами и огородами.

Вход в среднюю палату находился немного севернее центра куртины, в воротах между двумя барабанными башнями, с портиком в башне слева.

Если войти в среднюю палату, то впереди находилось жилье лорда, а слева лестница вела на башенную башню и проезд к Черной башне, которая была отделена стеной от деревянного двора, занимавшего, как и сейчас, юго-восточный угол двора.

Справа, через ров кургана и по его склону, к крепости вела дорога, быстро поднимавшаяся вверх. Этот путь проходил через две сторожки, должным образом защищенные портупелями, и был дополнительно защищен большой куртиной, под которой и вдоль которой он проходил. Правильность этого описания была доказана недавними раскопками.

Средняя палата занимала все пространство к югу от кургана, поперечная стена отделяла ее от внутренней палаты. Его западная сторона была занята главным образом жилыми помещениями. В юго-западном углу этого отделения находился первоначальный *plaisance*, или господский сад, который Герберты превратили в огород.

Внутреннее отделение находилось дальше, к северу от среднего отделения, и сообщалось с ним дверью в поперечной стене. Это отделение также было ограничено частью рва крепости, но, похоже, оно было небольшим по площади и не простиралось до северной внешней стены, а ограничивалось стеной, которая тянулась от северо-западного угла крепости вниз по склону, к северо-западному угловому контрфорсу общей ограды. В этом отделении находился цветочный сад Герберта, который, несомненно, располагался под окнами частных апартаментов и был соединен с ними декоративной каменной лестницей, изображенной на одном из рисунков прошлого века. Из этого сада через большую западную стену открывался шлюз, расположенный сразу за западными воротами города и недалеко от шлюза восьмиугольной башни.

Узкое пространство к северу от кургана, должно быть, было отгорожено каким-то способом, от которого сейчас не осталось и следа.

Главное здание во времена Мейрика выглядело в своей центральной части так же, как и десять лет назад. Южное крыло и нынешние кухни отсутствовали, а вход в здание находился через несколько ступеней и открытую террасу в юго-западном углу громады. Войдя, посетитель оказывался в зале длиной 61 фут на 18 футов и высотой 13 футов 6 дюймов с плоским потолком. Справа находилась дверь, выходящая на лестничную башню, слева - другая, открывающаяся через большую стену в меньшее крыло Бошампа. Если пройти по залу, то слева находился камин, а за ним - проход, ведущий в башню Бошамп; справа комнату освещали два эркера и три обычных окна, а в центре находился шкаф, занимавший среднюю башню. В верхнем или северном конце зала двери вели в личные комнаты, больших размеров, как в зале, так и на верхних этажах, и освещенные большими многоугольными окнами, выходящими на север в сад и на запад через проем в наружной стене. На втором этаже располагались спальни и, прежде всего, плоская свинцовая крыша, с которой открывался один из самых прекрасных видов в Британии.

Это описание было составлено в 1861 году. С тех пор замок претерпел значительные изменения: было добавлено несколько новых башен, а интерьер полностью переделан. Над сводом подвала находится библиотека, а над ней - зал. Все детали выполнены в полуитальянском стиле, в котором Бёрджес был таким великим мастером, и все, что мог придумать утонченный вкус владельца и архитектора, было выполнено в манере и с изобилием, которые более чем соперничают с Алнвиком.

ЗАМОК КАРЛАЙЛ.

Город Карлайл впервые появляется в начале девятого века в истории Ненния как Каир-Луадиит, или Луилид, или Кастра Лугубаллиа, один из "восьми и более крупных городов... с многочисленными замками из лапида и поздних тканей", перечисленных этим уважаемым авторитетом. Однако слава Карлайла связана не с этим ранним упоминанием и не с последующим даром этого места королем Экгфридом святому Катберту, а скорее с его названием как центра раннего цикла артурианской романтики, хорошо подкрепленным его последующим воспеванием в пограничных сказках и балладах. Действительно, в баснях или на самом деле, Карлайл пользуется не самой плохой репутацией. Он играл роль в британской, римской, саксонской и датской оккупации острова, а после того, как шотландцы удерживали его в качестве пограничной крепости против англичан, стал, в свою очередь, великим оплотом северной Англии против шотландцев и бичом диких племен Спорной земли.

Город и замок естественно сильны. Замок расположен на отвесной скале, выступающей на север, в позиции, которая, несомненно, создала его раннее и обусловила его долговременное значение. Через его фронт протекает глубокая и быстрая река Иден, находящаяся в семи милях от песков и в нескольких десятках от своего окончательного исчезновения в заливе Солуэй. Над городом, прикрывая его восточный фланг, спускается Петтерилл, чтобы укрепить Иден, а эта река, протекающая под городом и под его стенами, принимает двумя рукавами воды Колдью, который таким образом прикрывает фланг поста на западе.

Город, защищенный с трех сторон, с которых он наиболее подвержен нападению, построен на высоте около 60 футов над Иденом, которая, слегка возвышаясь, заканчивается на севере выступом, занимаемым замком, и который, несомненно, является местом "Каэр", откуда, будь то британского или римского происхождения, город получил первую половину своего названия.

Лугубаллиа, или Каэр Луэл, стоит не на линии римской стены, а примерно в миле от нее. Это великое сооружение, идущее со стороны Уоллби и по линии Линстока и Дравдайкса, проходило мимо Стэнвикса, через реку, чтобы закончиться на Солуэе, в Дайксфилде, недалеко от Бург-апон-Сэндс.

Замок занимает северную, самую высокую и сильную часть города, примерно в 60 футах над рекой. Он построен на скале Новый Красный Песчаник, а на востоке, севере и западе склоны очень крутые в сторону лугов, которые окаймляют на значительном протяжении левый берег Идена и правый - Колдью. В плане территория замка представляет собой почти прямоугольный треугольник, прямой угол которого направлен на юго-запад, а длинная сторона, несколько выпуклая и длиной 256 ярдов, представлена к северу и востоку. Длина остальных сторон, обращенных к городу с юга, составляет 200 ярдов, а с запада - 143 ярда. Пространство внутри стен составляет не более трех акров.

Внешняя оборона города представляет собой искусственный ров длиной 240 ярдов, шириной 30 ярдов и глубиной около 10 ярдов, прорезанный на возвышенности от склона до склона и ограниченный с каждой стороны стеной, соединяющей город с замком, который, таким образом, хотя и является самостоятельным сооружением, составляет часть общего *аншлюса*. Между замком и городом находится открытое пространство шириной около 78 ярдов, на котором расположены ров и широкий ледник, и которое вместе с замком лежит за пределами городской черты. С западной стороны, примерно в 45 ярдах от этой границы,

находится Айришгейт-Броу, место, где располагались Ирландские ворота города.

Шотландские ворота находились на аналогичной позиции с восточной стороны, а третьи, или английские, ворота, охраняемые цитаделью, находились в противоположном, южном конце города.

Замок состоит из внешней и внутренней частей, в последней находится крепость.

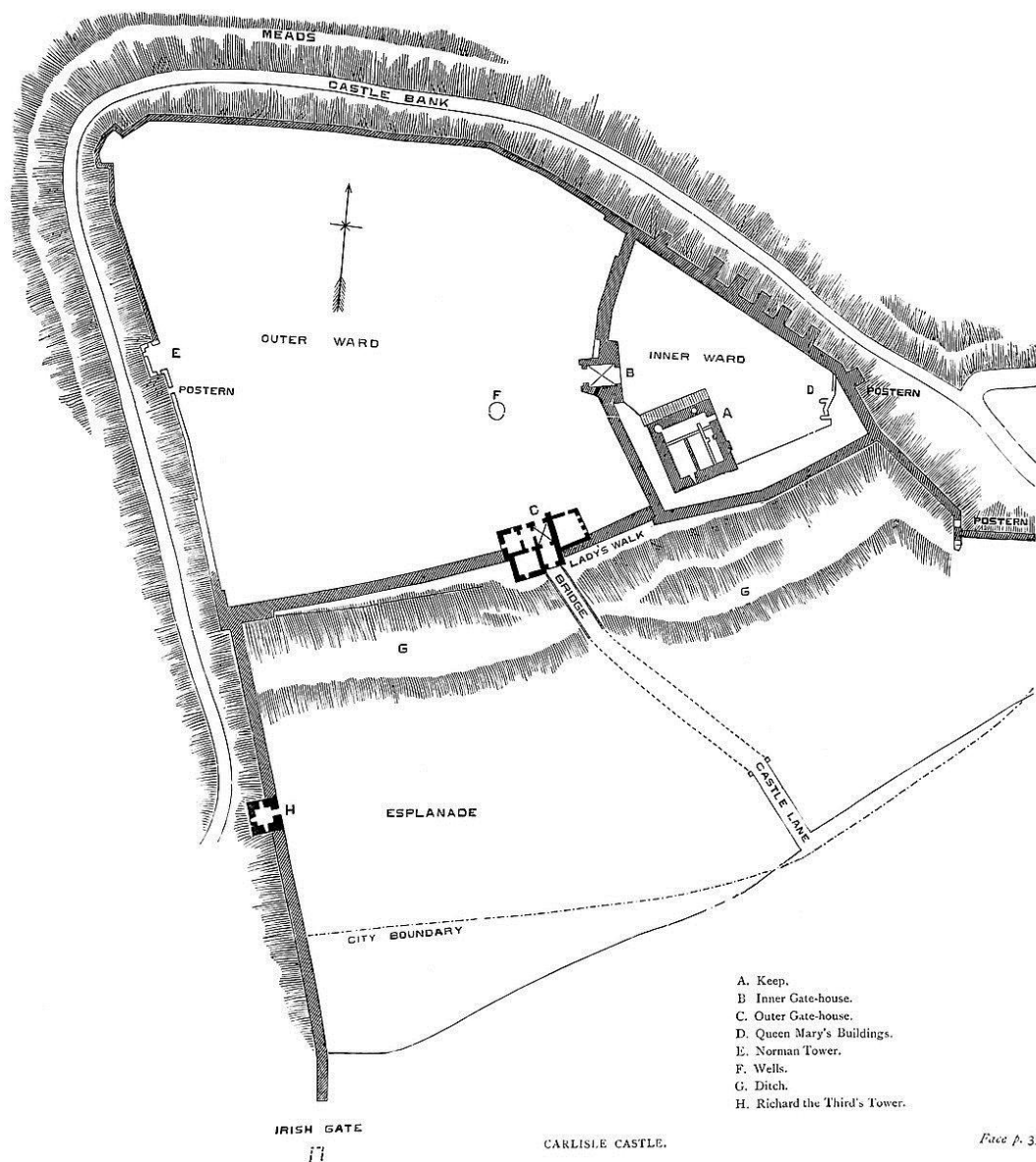
Внутренняя палата образует восточный конец или вершину территории, которую она занимает примерно на пятую часть, и отделена от внешней палаты поперечной стеной длиной 90 ярдов, на низком выступе которой находится внутренняя сторожка. Другие стороны этой палаты - восточная, 96 ярдов, и южная, 73 ярда. Сторожка стоит в юго-западном углу, примерно в 20 футах от двух соседних куртин, из которых южная отброшена примерно на 18 футов, чтобы увеличить пространство и сформировать плечо, обрамляющее внешние ворота.

Главный вход в город находится в середине южного фронта, в 40 ярдах к западу от крепости, через большую сторожку. Разводной мост через ров был демонтирован в прошлом веке, и его заменил каменный мост, который пересекает ров и ведет к *сторожке*, называемой башней Джона де Иреби или Ирби. Она открывается во внешнюю палату.

План этой сторожки своеобразен. Ее можно описать как простое строение площадью 44 фута и выступающее на 20 футов перед линией занавеса. Она состоит из подвала и верхнего этажа, но вход, вместо того чтобы проходить, как обычно, через центр здания, находится в его восточном конце. Юго-восточный угол здания полый, образуя уголок или углубление длиной 18 футов в каждую сторону, две внешние стороны которого представляют собой стены толщиной 6 футов и высотой около половины высоты основного здания. Эти стены снабжены парапетами спереди и сзади, чтобы образовать крытый проход, который сообщается с восточной куртиной. Перед этой оградой находятся внешние ворота, открывающиеся на 11 футов, с аркой в виде капли, помещенной в утопленную панель с квадратной головкой, предназначенную для размещения разводного моста в поднятом состоянии. Этот вход ведет в открытую камеру площадью 12 футов квадратных, закрытую внешними стенами. Это, по сути, барбакан, вырезанный в полом углу сторожки, с внешними стенами высотой с куртину. Барбакан ведет ко второму арочному проему с порткуллисом в квадратном желобе и воротами. Далее следует сводчатый проход, заканчивающийся еще одними воротами, которые открываются в палату. В проходе слева находится стрельчатый дверной проем, выходящий на лестницу-колодец, а за ним - арочная дверь, открывающаяся в ложи. Справа - дверь с заплечиками, которая ведет или вела на лестницу. В передней стене сторожки находятся два карниза, на которых, по-видимому, располагался небольшой фронтон или бартизан, освещавший подступы. К восточной стороне сторожки, но полностью в пределах палаты, примыкает меньшее здание, пристроенное наискосок, как бы в качестве дополнения.

При входе во внешнюю палату колодец виден на расстоянии 40 ярдов. Здания в приходе современные, разной степени уродства, и уж больно основательные. Некоторые из них отдельно стоящие и безобидные, другие встроены в старый занавес, чтобы скрыть его и в большей или меньшей степени повредить. Занавес, чрезвычайно любопытный и в большинстве своем оригинальный, лучше всего виден снаружи. Кроме сторожки, на нем есть только одна настенная башня - оригинальная, открытая в ущелье, в центре западного фасада.

Проходная башня внутренней палаты находится в центральной точке крестовой куртины. Она называется Капитанской башней. Она прямоугольная или почти прямоугольная, около 32 футов в каждую сторону, с выступом от куртины в 18 футов. Над порталом, который является центральным, возвышается один этаж. Ворота представляют собой низкую арку с падением, фланкированную парой контрфорсов. Проход сводчатый, с каждого конца имеет по двери, а на внутреннем конце также портуллис. Над внешней стороной внутренних ворот проходит кольцо ажурной резьбы, необычное, но эффектное. Большая часть этой сторожки декорирована, но контрфорсы кажутся норманнскими.

Face p. 352, Vol. I.

- A. Кипер.
- B. Внутренние ворота.
- C. Внешние ворота.
- D. Здания королевы Марии.
- E. Нормандская башня.
- F. Колодцы.
- G. Ров.
- H. Башня Ричарда Третьего.

ЗАМОК КАРЛАЙЛ.

Изначально перед этой стеной был ров и ворота с разводным мостом, которые теперь исчезли. В более поздние времена перед воротами была возведена небольшая полулунная батарея, защищенная рвом примерно в 8 ярдах. Батарея была соединена легким полевым укреплением, которое тянулось от нее до внешней сторожки, уложенной в форме зигзага, чтобы прикрыть и защитить сообщение между двумя воротами, если предположить, что внешняя сторожка была бы пробита и проникла с северо-западной стороны. Эти сооружения были удалены, а земля выровнена.

Поперечная стена внутренней палаты оригинальна, прочна и хорошо построена, ее подпирает насыпь из земли и каменной кладки, в которой находятся казематы, один из которых имеет перпендикулярный дверной проем. Они, несомненно, были добавлены, возможно, Генрихом VIII, чтобы стена могла нести пушки. В передней части этой стены, немного севернее сторожки, находится большая остроконечная арка поздненорманнского стиля, ныне замурованная, которая, возможно, была первоначальным входом.

Кил имеет прямоугольную форму, 66 футов на север и юг, 61 фут на восток и запад, а его высота в настоящее время составляет всего 68 футов. Он очень прост. Есть общий высокий и ступенчатый цоколь, от которого поднимаются пилястры, 12 футов шириной и 1 фут выступа, по две на каждой грани, встречающиеся и охватывающие каждый угол, который является сплошным. Стены не бьются, но слегка понижены одним отступом, на разном уровне с каждой стороны. Оконные рамы, хотя и находятся на прежних местах, не являются оригинальными. Парапет был снят, а вершина понижена, сводчата и превращена в площадку для пушек, установленных *на барбет*. Толщина южной стены составляет 8 футов, западной - больше, а восточной и прилегающей части северной стены - 15 футов. Внутри находится подвал и два верхних этажа. Он разделен обычной поперечной стеной, выложенной с севера и юга. Предполагается, что эта стена была частью первоначального проекта; однако она была настолько сильно изменена, что трудно с уверенностью сказать о ее возрасте или первоначальной высоте. Вход находится на уровне земли, в северной части восточной стороны. На нем установлен порткуллис, вероятно, работы Эдуарда I. От его косяка слева прямая лестница поднимается в восточной стене к юго-восточному углу второго этажа, как в Чепстоу и Ладлоу. Подвал был разделен на четыре отделения, которые имеют каменные своды. Один из них - проход у северной стены, заканчивающийся колодезной лестницей в северо-западном углу. Эта лестница, ныне не используемая, является первоначальной и вела на второй этаж, но, вероятно, не выше. Из прохода слева открываются двери в два свода, разделенные поперечной стеной здания. Восточный свод представляет собой одну камеру, западный разделен поперечной стеной на две, причем во внутреннюю можно попасть через внешнюю. Свод представляет собой простой остроконечный ствол, очевидно, вставной. В меньших сводах - поздние каменные сиденья. Один из дверных проемов относится к перпендикулярному периоду. Эти своды, очевидно, были тюрьмами, предназначенными, несомненно, для содержания пограничных риверов, и, вероятно, являются поздним дополнением. В северной стене находится углубление, связанное с колодцем.

Второй этаж, высотой около 16 футов, сводчатый из современного кирпича, использовался в качестве комнаты для сбора мусора. В его северной части был очень большой камин, фланкированный нормандскими колоннами, но теперь он замурован. Сейчас вход на этот этаж осуществляется исключительно через юго-восточный угол, но раньше здесь была

дверь в северо-западном углу, со стороны колодезной лестницы. У юго-западного угла также есть дверь, открывающаяся во второй колодец-лестницу, которая, вероятно, вела на верхние этажи и в бойницы. Сейчас она закрыта, и прямого пути с первого на верхние этажи нет.

На второй этаж в настоящее время ведет наружная дверь в западной стене, к которой ведет наружная лестница с северной стороны и с вала с восточной. Эта дверь не является оригинальной, она была пробита на месте углубления, вероятно, петлеобразного, которое вело со второго этажа в настенную камеру и садик в восточной стене, и которые видны справа от двери при входе. Второй этаж имеет высоту около 16 футов и деревянный потолок. В восточной стене, над нынешней входной дверью, находится настенная камера, на стенах которой есть несколько любопытных резьб, выполненных заключенными. На одной из них изображен полумесяц Перси, а на другой - герб. С этого этажа лестница ведет через ловушку на верхний этаж - современное устройство.

Третий или верхний этаж сводчатый из современного кирпича, чтобы поддерживать оружейную платформу над ним. Эта платформа сложена из больших каменных плит, уложенных в 1812 году, что может быть датой возведения свода. Толщина стен составляет 11 футов по всему периметру.

Считается, что колодец храма - римский, хотя это вполне вероятно и для более крупного колодца во внешней части. Когда крепость была построена, колодец, новый или старый, был включен в северную стену, между дверным проемом и северо-восточным углом, а его труба была проведена вверх по стене, несомненно, с освещенной камерой на каждом этаже, на что указывает линия петель, все еще видимая в стене. Чтобы сделать колодец доступным, когда крепость была закрыта как тюрьма, в наружной части северной стены, недалеко от уровня земли, было прорезано отверстие для трубы колодца, через которое до сих пор поступает вода. Глубина колодца составляет 78 футов, а его нынешний цоколь находится на высоте 92 футов над уровнем моря.

Любопытная внешняя лестница, вероятно, эдвардианской эпохи, была построена на северной стороне храма и ведет вверх, к колодцу, на валы куртины, а затем к двери второго этажа храма. Несомненно, изначально она вела только на валы.

Хотя крепость сильно изуродована, чтобы сделать ее артиллерийской, и сильно омрачена ее превращением в тюрьму, кузницу и кладовые, она по большей части оригинальна, и если очистить ее от сводов верхних этажей, то она будет представлять собой довольно совершенный образец нормандской крепости, с полной долей настенных палат и придатков.

Зал и другие хозяйственные постройки, включая то, что называлось башней королевы Марии, большинство из которых стояли в конце прошлого века, располагались под юго-восточным углом, на прилегающих стенах, как показано на картине Гроуза. Сейчас все они исчезли, кроме фрагмента обшивки, части оболочки парадной лестницы начала эдвардианской эпохи, которая вела в главные апартаменты.

Похоже, что в восточной стене, у ее южного конца и, следовательно, под серединой этих апартаментов, в прошлом веке находился нормандский столб с шевронами и желобком для портупей, ведущий из внутренней палаты в поле, независимое от города. Эти детали показаны на некоторых поздних видах замка. Гроуз в 1774 году неясно показывает положение и размер ворот, а также нормандские пилястры, которыми была укреплена прилегающая стена. Верхняя часть этого занавеса, похоже, была раннеанглийской. Все вокруг этого угла теперь современное.

Пространство между замком и прилегающей к нему куртиной было засыпано землей, отгорожено от замка своеобразной площадной стеной, и таким образом валы здесь, как и вдоль поперечной стены, стали достаточно широкими для пушек. Насыпь современная, и ее следует расчистить.

У подножия внешней куртины проложена дорожка, называемая "Замковой аллеей" или Замковым берегом, откуда удобно изучать ее детали. Юго-восточный угол, как уже говорилось, современный, но если двигаться на север и запад, то становится видна старая норманнская часть, а на северной стороне внутренней палаты видны норманнские пилястры, поднимающиеся с цоколя, но частично скрытые шестью огромными ступенчатыми контрфорсами большого выступа и декорированными или перпендикулярными, без сомнения, являющимися большой поддержкой для стены и очень любопытными, но, с военной точки зрения, очень мешающими.

Почти в центре северного фронта находился отрог, состоящий из мощной куртины, спускающейся по склону и заканчивающейся круглой башней. Это, конечно, предназначалось для того, чтобы раздражать врага в случае его атаки с западной стороны. В настоящее время все это удалено: возможно, это была эдвардианская пристройка. Северная сторона куртины и ее северо-западный угол были значительно восстановлены в декоративный период, но большая часть западной стены сохранилась. Недалеко от ее центра находится небольшая башня, похожая на башню Гаррет в Алнвике, шириной 28 футов, глубиной 18 футов, выступающая на 9 футов и открытая в ущелье. Она полностью норманнская, датируется временем постройки замка. Она имеет ступенчатый цоколь высотой около 10 футов, с шестью отступами по 2 дюйма каждый, а на передней стороне находится центральная пилястра, вделанная в стену у основания первоначального парапета. В северной части башни, высоко вверх, находится побег садовника вровень с поверхностью стены, а ниже - каменный водосток. Примерно в 10 ярдах к югу от этой башни находятся следы небольшого столба. Стена, соединяющая замок с городом с этой стороны, норманнского происхождения, но имеет несколько контрфорсов, очевидно, эдвардианских, в одном из которых находится побег гардероба, такой же, как на башне-чердаке. На этой стене, к югу от рва, находится *башня* короля Ричарда III, или *Черепичная башня*, шириной 26 футов и глубиной 20 футов, без внутреннего выступа. Она выглядит как эдвардианская, но, вероятно, переделана из нормандской. Она стоит примерно в 30 ярдах к северу от городской черты. Говорят, что несколько лет назад между этой башней и замком был обнаружен подземный ход, который сразу же закрыли. Об этом говорится в "Истории Карлайла, 1838", и это должно быть правдой, но это кажется невероятным, так как проход должен был глубоко погрузиться, чтобы пройти под рвом.

Южная стена замка по большей части оригинальна, нормандские пилястры видны к востоку и западу от сторожки. К востоку от них, до крепости, стена кажется эдвардианской, но за ее пределами, где она относится к внутренней палате, она нормандская.

Стена между юго-восточным углом замка и городом, длиной около 90 ярдов, смешанная нормандская и эдвардианская, и, пересекая ров, она делает зигзаг или плечо, в котором находятся большие круглоголовые ворота, либо оригинальные, либо на месте оригинального отверстия, предназначенные, вероятно, для того, чтобы скот мог быть загнан на эспланаду и ров с лугов при приближении врага. Вероятно, от этих ворот вел путь по так называемой Лединой аллее у подножия южной стены до больших ворот. К югу от этого столба, рядом с так называемым городским камнем, находятся следы большого бастиона, вероятно, части городских оборонительных сооружений. Постерн теперь обнесен стеной, а позади него возведен земляной вал.

Энсинтская стена замка, построенная против естественного склона, снаружи имеет высоту около 28 футов, а внутри - 18 футов. Ее толщина варьируется от 8 до 10 футов.

План замка - мыса, превращенного в отдельный лагерь с помощью поперечного рва, - может быть британским или английским, но общие очертания каменной кладки, повторяющей линию земляных сооружений, - нормандские. Нормандский инженер, очевидно, построил стену *энсинта* вдоль края склона, спланировал внутреннюю и внешнюю палаты, а также крепость. Замок обычно приписывают Уильяму Руфусу, который находился здесь в 1092 году, когда Карлайл из шотландского стал английским пограничным местом. Престол был учрежден Генрихом I, а первый епископ хиротонисан в 1133 году, когда, вероятно, и была построена городская стена, часть которой до сих пор можно увидеть под деканатом. Карлайл был взят шотландцами, его осаждали Стефан и Иоанн. Последний государь был здесь четыре раза в 1201-6-8 и 1212 годах. В 1204 году констеблю Честера было назначено шестьдесят марок на укрепление замка. В 1205 году здесь должна была храниться трава, скошенная в окрестностях. В 1215 году Роберт де Рос был смотрителем замка, а в 1216 году Роберт де Випон, по-видимому, отвечал за ремонт и гарнизон.

В 1222 году Генрих III приказал отремонтировать дома в замке и отправить туда двух баллист из рога и двух из дерева. Командовал ими Вальтер Моклерк. В 1222 году гарнизон был сохранен и находился на жаловании у короля.

Эдуард I использовал Карлайл в шотландских войнах и был здесь в 1293 году, после большого пожара, от которого сильно пострадали город и замок в предыдущем году. В период с 1293 по 1307 год он был здесь семь раз, часто по несколько дней. В 1307 году он отметил здесь свой последний день рождения и отправился умирать в ближайшие окрестности. К его правления следует отнести большинство эдвардианских дополнений, ремонт стены и замка, сторожки и домашних построек, от которых остались лишь следы. В 1302 году епископ Хаттон, тогдашний губернатор, потратил 275 фунтов стерлингов. 4s. 11d. на работы. Большой зал, который, как предполагается, был возведен в то время, нуждался в ремонте в 1344 году.

Кэмден говорит, что замок ремонтировал Ричард III, и шесть чудесных контрфорсов могут относиться к этому времени, хотя выглядят они более ранними. Генрих VIII, судя по всему, сильно изменил замок, вероятно, чтобы сделать его артиллерийским. Он построил блокгауз или цитадель в южной части города и вооружил ее пушками, а также отремонтировал городские стены. Его работа, вероятно, была сделана в спешке, так как в 1563 году крепость сильно обветшала, как следует из обследования, проведенного по приказу королевы и напечатанного Гроузом. Три стороны крепости находились в опасном состоянии. Капитанская башня нуждалась в парапете, как и большая часть внутренней куртины, а все стекла в большом зале и большой палате обветшали. Во внешней палате был открытый пролом длиной 70 футов, где в 1557 году обрушилась стена. В результате этого исследования были построены часовня и казарма, а также, несомненно, восстановлены стена и крепость.

Мария, королева Шотландии, нашла здесь жилье, когда бежала из Шотландии, и дала название жилью, которое недавно снесли. Замок несколько пострадал во время великого восстания, но избежал разрушения. Он был разрушен с запада и взят герцогом Камберлендским в 1745 году.

Вероятно, самые значительные и разрушительные изменения произошли в современную эпоху. Зал был снесен в 1827 году, а часовня и другие здания - в 1835 году.

На лугах к северу от замка сохранились следы двух легких полевых укреплений, меньшее из которых находилось в тылу другого, очевидно, подготовленных для приема шотландцев в 1745 году, когда они подходили к Стэнвиксу через лоб.

Замок слишком тесен и является частью города для той цели, для которой он предназначен. Военные должны быть убраны, современные здания очищены, замок восстановлен, а территория застроена для удовольствия жителей Карлайла, чтобы продемонстрировать его остатки с наибольшей выгодой.

В окрестностях Карлайла есть и другие военные объекты, заслуживающие внимания. Например, в Хейтоне находится Касл-Хилл - курган высотой 12 футов и диаметром 100 футов в верхней части. Замок Линсток был построен до 1133 года, но сейчас это не более чем фермерский дом, в который он был превращен в 1768 году. Замок Скейлби был построен Робертом де Тиллиолом, который в 1307 году получил лицензию на возведение гренады. В 1596 году он был капитально отремонтирован, но во многом сохранил свой первоначальный характер и всегда был обитаем. Замок Науорт был главной резиденцией английского баронства Гиллсленд, во время конкисты он был пожалован Юберу де Во, от которого через Дакров перешел к Говардам. Нынешнее сооружение было построено Ральфом лордом Дакром в 1335 году и является хорошим примером четырехугольных замков того времени. Замок Роуз находился в баронстве Далстон и относится к 1336 году, когда епископ Кирби получил лицензию на возведение зубцов. Он также представлял собой четырехугольник, обнесенный рвом. Замок Хайхед, на реке Айв, нарисован Баком. Здесь был замок в 1326 году, но лицензия датируется 1342 годом. Замок был перестроен в 1714 году. Далстон-холл - дом с замком, вероятно, середины XIV века.

Римскую стену можно проследить в разных местах, как к востоку, так и к западу от прохода Иден. Она хорошо видна на поле рядом с Дравдайксом - строгим квадратным фермерским домом, построенным на месте римского кастеллума. Надпись "Diis Manibus", выбитая на его стенах, как говорят, была выкопана в Карлайле, недалеко от старой цитадели.

КАСТЕЛЛ КОХ, ГЛАМОРГАН.

Река Тафф, берущая свое начало под Бреконскими маяками, пройдя около 26 миль по северному и горному району Гламоргана, сбегает по глубокому и узкому оврагу через последнюю возвышенность и беспрепятственно катится к Бристольскому каналу.

Хребет, который он пересекает и который отделяет холмистую местность от равнины, является частью большого южного уступа угольного бассейна Гламоргана, поддерживаемого горным известняком, поднимающимся снизу, и, в свою очередь, опирающимся на старый красный песчаник, опустошенная поверхность которого под более поздними горизонтальными породами и гравием образует основу равнины. Уступ, протянувшийся на многие мили вдоль соседних графств Монмут и Гламорган, в этом районе пересекается тремя проходами - Эббв, Римни и Тафф. Возвышенности, окаймляющие последнюю реку, хотя в действительности и ниже некоторых других участков цепи, производят очень яркий эффект из-за крутизны своего подъема с равнины.

Эти высоты, расположенные по обе стороны перевала, должно быть, всегда рассматривались жителями страны как места большой безопасности. На правом берегу реки

огромная глыба песчаника Гарт возвышается над морем на 981 фут и увенчана двумя примечательными вулканами, хорошо известными как ориентиры в долине и видимыми даже с далеких берегов Сомерсета. Нижний Гарт, который возвышается перед большим Гартом напротив Кастелл-Кох, образует правый берег перевала.

Возвышенность на левом берегу, хотя и ниже, но более обрывиста. В покрытых лишайником скалах на вершинах и в богатой зелени, покрывающей бока и основание, проявляются все те черты, которые так хорошо известны геологам как характерные для горного известняка.

Природа сделала западную и южную стороны этой высоты - те, что открыты любому врагу из-за моря, - практически недоступными. С северо-восточной стороны в скале вырублены линии окружности, размеры которых показывают, какое значение придавали этому месту, как крепости, кимры.

Выбор был обоснован. Отсюда можно было наблюдать за длинными кораблями датских мореходов, пока они были еще далеки от берега, и своевременно оповещать жителей равнины и обеспечивать им защиту, если разорители распространятся далеко вглубь побережья. Огонь маяка на мысе Пенарт - прославленном в англо-норманнских стихах своим древним дубом и издавна отмеченном белой церковью, - зажженный здесь или на противоположном Гарте, был бы повторен с вершин далеких гор Брекон и Каермартен и сразу же разнес бы весть о вторжении по всему южному побережью.

Норманны за полтора столетия после завоевания Гламоргана построили цепь замков на равнине от Чепстоу до Пемброка, и им оставалось только противостоять вторжениям валлийцев с горных районов на севере. Чтобы противостоять им, они возвели ряд крепостей, расположенных на холмах или в их пределах, в качестве примера можно привести Морле и Кастель Кох.

Место, где располагался кимрский лагерь, было слишком труднодоступным для того, чтобы туда можно было доставлять провизию и боеприпасы, а также поддерживать постоянную и быструю связь с главным замком в Кардиффе. Ниже по склону, но все еще высоко над равниной, норманнский инженер выбрал естественную платформу на известняковой скале, отделенную от основного склона естественной впадиной и достаточно удаленную от вершины, чтобы быть вне досягаемости любых военных машин, с которыми валлийцы могли быть знакомы или которые они могли бы привести со своими силами против замка. К этой платформе легко подойти с востока, она, вероятно, сообщалась со старой дорогой, называемой римской и, несомненно, симрийской, которая ведет прямо из Кардиффа в Рубину, и рядом с которой находится низкий круглый курган, на котором стояла башня времен Генриха III в Уитчерче, и кельтский курган Твмпат. На этой платформе была возведена крепость, о которой пойдет речь ниже.

Замок Кох, названный так из-за красного оттенка его материалов, в плане представляет собой треугольник, каждый угол которого завершен башней с барабаном. Его основными частями являются *южная, восточная и северная башни, надвратная башня, куртины и зал, а также флигели.*

Платформа, занимаемая всем этим, имеет длину около 200 ярдов и ширину 70 ярдов, а основные работы замка занимают ее западную часть. Южный фасад частично обрывистый, его высота составляет от 20 до 30 футов. Северная сторона, в направлении верхнего склона холма, углублена в грозный ров, а восточная часть была защищена фоссом, глубоко прорезанным в скале, а за ним - двумя башнями, соединенными куртиной.

Северная башня поднимается от квадратного основания к цилиндрической супер конструкции, северный и южный углы которой заканчиваются контрфорсами, каждая из которых представляет собой половину пирамиды, разрезанной по вертикали и диагонали, по образцу, очень распространенному в валлийских замках, и хорошо заметному в башне Мартина в Чепстоу. Диаметр цилиндра составляет 40 футов. В нем три этажа, из которых средний находится на одном уровне с внутренним двором, или *терр-плен*, этого места.

Нижний этаж, возможно, был подвалом. Он сводчатый, с двумя большими поперечными ребрами и двумя окнами, открывающимися высоко над полом. Узкий проход, сводчатый, со ступенями, ведет в него со двора. Его внутренний диаметр составляет 18 футов, толщина стен - до 10 футов. Окна были просто бойницами.

Средний этаж также круглый и сводчатый, с такими же ребрами. Здесь, однако, окна открываются почти на уровне пола, хотя и с петлями. Здесь есть камин с дымоходом, проведенным в стене. Дымоход заложен камнем. Вход в эту камеру также со двора, а с восточной стороны сводчатого прохода в толще стены проходит галерея, ведущая в небольшой садик, занимавший квадратный выступ на восточной стороне башни, у ее стыка с куртиной. Общие размеры этого этажа и толщина стен соответствуют размерам помещения внизу.

В верхнем этаже находится одна камера, южная и восточная стороны которой плоские, а остальные круглые. Здесь находится не менее трех каминов, каждый больших размеров, с воронками в толще стены. В нем также есть два небольших углубления, одно из которых представляет собой нечто вроде раковины, и два окна. Здесь также есть две двери: одна, с южной стороны, выходит на крышу и валы зала и западного фасада, другая, с восточной стороны, ведет на валы большой или северной куртины. Доступ в эту камеру снизу, по-видимому, осуществлялся по наружной лестнице между башней и залом. Диаметр этого помещения составляет около 26 футов, а толщина стен варьируется от 2 футов 3 дюймов до 4 футов. Крыша была плоской, деревянной, а над ней возвышались валы и парапет, на который, вероятно, можно было попасть через люк в крыше. Очевидно, это была кухня, которая здесь, как и в Морле и Кониингсбурге, располагалась на верхнем этаже.

Эта башня - самая совершенная из всех, и сохранилась довольно хорошо, хотя нижняя камера наполовину завалена мусором; небольшая квартира, связанная со средним этажом, разрушена, а на вершине отсутствуют крыша и валы. Тем не менее, эта башня, очевидно, представляет собой тип и служит в данном случае подсказкой для первоначального плана остальных.

Южная башня почти соответствовала последней и, как и она, содержала три камеры, а в месте ее соединения с западной куртиной - квадратный выступ, содержащий в среднем этаже небольшой садик, а в верхнем, вероятно, сообщение с бойницами зала. В нижнюю камеру ведет сводчатый проход, спускающийся по ступеням со двора. В среднюю или главную камеру, вероятно, входили на уровне, через проход со двора, и настенная галерея, по-видимому, вела из этого прохода к окну или отверстию в южной части зала. В верхнюю камеру можно было попасть с крыши зала, как, вероятно, и с крыши воротной завесы. Неизвестно, возвышалась ли эта башня на квадратном основании - вероятно, да. Ее верхняя часть была цилиндрической, диаметром 40 футов. Толщина стен - 8 футов, а камеры, похоже, не были сводчатыми. Эта башня находится в разрушенном состоянии. Две внешние трети ее окружности были подорваны миной, но часть, связанная с залом, включая дверь внизу, два окна в нижнем и среднем этажах и небольшую камеру в стене, сохранилась в идеальном

состоянии и устраняет все сомнения относительно первоначальной высоты и особенностей всего здания.

Восточная башня по высоте и общему расположению соответствует двум другим, как и они, и состоит из трех этажей. Она цилиндрическая от основания и 40 футов в диаметре, но по направлению к внутреннему двору представляет собой плоскую грань с двумя плечами, выступающими на стыке с куртинами. Как и другие башни, она имеет квадратный выступ для маленькой камеры, который находится в месте соединения снаружи с большой или северной куртиной. Нижний этаж, как и в других башнях, находится ниже уровня двора, но вместо прямого входа по отдельной лестнице, от прохода в среднюю камеру отходит галерея и спускается, извиваясь в толще стены, в сводчатую тюрьму вниз. Эта нижняя камера заполнена, но ее существование достаточно очевидно, а лестница видна через большой проем в стене. Ее диаметр составляет 18 футов 4 дюйма, а толщина стены - 10 футов 10 дюймов.

На второй этаж ведет проход из двора, расположенный на одном уровне. В этой камере было две петли. Здесь нет ни камина, ни следов свода, хотя толщина стен превышает 10 футов. По обе стороны от прохода, ведущего в эту камеру, в стене находятся галереи: правая спускается в камеру ниже, левая идет на одном уровне и открывается в маленькую камеру в квадратном выступе между башней и большой куртиной. Здесь, по-видимому, находился колодец. В верхнюю камеру, судя по всему, можно было попасть с валов через длинный остроконечный дверной проем в ущелье, а над нижней дверью, ведущей от нее направо, есть проход, ведущий к винтовой лестнице в стене, по которой, очевидно, можно было попасть на боевые элементы башни. Эта башня была разорвана центральным взрывом, но внешняя часть лишь немного сдвинулась.

Зал стоит на сводчатой камере, ныне заваленной мусором. Он занимает пространство между северной и южной башнями, которые он соединяет, а его внешняя стена образует занавес между ними. Она прямоугольная, 30 футов 8 дюймов на 17 футов 8 дюймов, сводчатая, с остроконечной аркой, толщина ее внешней стены 7 футов, а внутренней - 6 футов. В первой находятся три петли, расходящиеся внутрь и имеющие заостренные головки. Они находятся высоко над основанием стены, и с них открывается прекрасный вид. Дверь находилась рядом с северным концом противоположной стороны, и, возможно, на той же стороне, что и дверь, был камин. В южном конце находится окно, которое выходит на своеобразную галерею в южной башне.

Над сводчатой крышей, вероятно, находилась платформа, низкая, обращенная ко двору, и высокая, обращенная к внешней стороне замка. Эта платформа сообщалась с северной и южной башнями напрямую, а со двором - по узкой лестнице, которая, как уже отмечалось, вела в верхнюю камеру северной башни. В настоящее время зал сильно изуродован, свод и часть восточной стены разрушены.

Большой занавес представляет собой большой неправильный сегмент круга, около 80 футов по внешней стороне и с хордой около 60 футов. Первоначально это была стена толщиной 3 фута, которая, по-видимому, оказалась недостаточной для использования военных двигателей на северной и северо-восточной башнях, на этих, самых слабых сторонах крепости; поэтому внутри и против нее была построена параллельная стена толщиной 6 футов, протянувшаяся по всей длине от северной до восточной башни. Старая стена содержит семь петель на уровне двора, и чтобы сохранить их, в новой стене напротив каждой из них сделана арка диаметром 6 футов. Выше, конечно же, находится вал, имеющий достаточную ширину, в который можно попасть из башни с обоих концов. Внешняя сторона

этой стены, ниже уровня двора, укреплена каменной облицовкой, образующей обрыв рва. Эта завеса сохранилась до наших дней в довольно совершенном виде. Вблизи ее примыкания к северной башне имеется пролом, а новая внутренняя стена отсутствует напротив четырех петель, хотя следы ее видны в растворе на старой стене.

Занавес ворот гораздо менее совершенен. Она слегка выпуклая в плане по отношению к наружной стороне и имеет длину около 28 футов между южной и восточной башнями, с обеих из которых, несомненно, был вход на валы. Ее толщина составляет около 5 футов. Осталась одна петля, около 6 футов над уровнем двора, которая могла использоваться только с помощью платформы, возможно, деревянной. В 21 футе от ее соединения с восточной башней из занавеса выступала небольшая полукруглая башня, служившая, несомненно, для защиты ворот, которые, по-видимому, находились между этой и южной башнями и, вероятно, представляли собой простой арочный проход с портупеей и дверями. То, что вход находился именно здесь и между этими башнями, можно определить по ведущему к нему проходу, но башня с воротами и большая часть занавеса полностью исчезли.

Такова большая часть замка. Далее мы переходим к *флигелям*.

Южная и северная башни, а также куртина зала не нуждались во внешней обороне. Они возвышаются на очень крутом берегу, а их фундамент состоит из скалы и прочной каменной кладки. Снизу они совершенно неприступны. Две другие стороны более уязвимы. Перед южной башней находится начало рва, прорванного насыпью напротив внутренних ворот и ведущего от них к внешнему двору. За дамбой ров углубляется и огибает восточную башню и большую куртину, крутую и глубокую, вырубленную в скале, чтобы сделать эту, естественно более слабую сторону, очень прочной. Ров, который, должно быть, всегда был сухим, заканчивается напротив северной башни любопытной выемкой, напоминающей резервуар для воды, которым, однако, он вряд ли мог быть.

Внешний двор замка занимает оставшуюся или восточную часть естественной платформы. Его размеры составляют около 100 футов в длину и 40 футов в ширину. Его южная сторона, продолжающая линию одной стороны замка, была защищена обрывом, частично естественным, частично вырубленным искусством, хотя сейчас разрушенным и засыпанным. Следов стены на этой стороне не сохранилось, но, вероятно, здесь был парапет.

Противоположная, северная, или сухопутная, сторона защищена ответвлением от рва, который, после того как его прервали и проложили по тропе, огибает восточный конец работ и заканчивается глубокой и широкой выемкой, которая проходит по краю обрыва и таким образом защищает также восточный конец этого внешнего двора.

Западный конец платформы, или тот, что обращен к замку, отрезан от него собственным рвом, пересекаемым, как уже упоминалось, канатной дорогой, ведущей к внутренним воротам. Нет никаких свидетельств того, что этот двор был обнесен стеной, но без нее рва со стороны суши едва ли хватило бы, чтобы задержать врага и подвергнуть его обстрелу с восточной башни и занавеса ворот, от которых зависела оборона этой стороны.

Поскольку главной целью было обеспечить регулярный подход с востока, оборонительные сооружения были продолжены в этом направлении. Снаружи, на контркарпе рва внешнего двора и в 6 футах от края южного обрыва, сохранились следы *башни* диаметром около 30 футов, с южной стороны которой, возможно, находилось что-то вроде контрфорса, доходящего до обрыва. Напротив, на северной стороне, в месте соединения с нижней куртиной, находится то, что, по-видимому, было колодезной лестницей или основанием

отдельной башенки. К востоку от башни нет рва, но земля обрывается естественным обрывом.

Эта *Нижняя куртина*, обозначенная, как и башни, только насыпью земли, огибает контркарп внешнего рва и заканчивается *проезжей башней* диаметром около 40 футов, фундамент которой очень отчетлив, и которая должна была полностью контролировать подход, находясь в точке, расположенной намного впереди и ниже внешней проезжей дороги и восточной башни. Обычный подход, очевидно, лежал с востока, между обрывистой высотой, увенчанной старым кимрским лагерем, и ровной площадкой замка, и, приближаясь к нему со стороны, наименее сильно защищенной природой, на расстоянии 150 ярдов от тела места, был бы охвачен огнем нижней башни, затем нижней куртины, а затем проезжей башни. Предположим, что они затихнут, а внешний проезд будет достигнут, осаждающий окажется прямо под восточной башней и частью прилегающих к ней куртин; а когда он пересечет внешний двор и достигнет второго проезда, ему будет противостоять огонь восточной и южной башен, их куртин и проезжей башни.

Даже если бы место было захвачено врасплох, каждую из трех башен и платформу зала можно было бы оборонять в течение нескольких часов, пока не будет подан сигнал о помощи и ее не пришлют из Кардиффа. Несомненно, перед храбрыми людьми любая оборона терпит крах; и валлийцы, которые, конечно же, не были обделены храбростью, по преданию, не раз брали этот замок, вероятно, врасплох и эскаладой; тем не менее, это была очень сильная крепость, как по природе, так и по искусству, и, должно быть, была большой занозой в боку горцев Гламоргана.

Современное состояние каждой части замка уже было описано. В целом можно добавить, что все очень густо заросло кустарником и сорняками, настолько, что трудно разобрать детали плана здания. Хотя никаких украшений не осталось, из общего плана и дверных проемов ясно, что ни одна часть замка не выполнена в нормандском стиле. Вероятно, это раннеанглийский стиль, и он вполне может относиться к периоду правления Генриха III, и, возможно, немного раньше, чем Каэрфилли.

Тут и там, особенно во внешнем дворе, растут красивые шотландские ели и несколько почтенных буков, чья зеленая листва с большого расстояния обозначает линию старого подхода. Их, конечно, вместе с лесом, покрывающим склон холма, и плющом на стенах и башнях, следует оставить нетронутыми; но очень хотелось бы, чтобы сам замок и расположенные выше постройки кимрского лагеря были очищены от леса и подлеска, а вместо них была бы создана прекрасная зеленая зона.

Этот замок отошел к остальным владениям де Клера и теперь принадлежит маркизу Бьюту.

Существуют различные предания о нем, но очень мало записанной информации. Будучи ключом к верхней части страны, он, должно быть, был свидетелем многих набегов коренных валлийцев, начиная с норманнского завоевания и заканчивая временами Оуэна Глендауэра, который, как предполагается, спустился через этот перевал, когда сжег епископский дворец в Лландаффе и разорил Кардифф.

Со времени написания этого рассказа замок был очищен от мусора и полностью восстановлен, чтобы вновь стать пригодным для жизни. В одной из башен был обнаружен и вычищен колодец, а также очень сильное подземелье. Реставрация очень полная,

выполнена в прекрасном вкусе и в строгом соответствии с тем, что было установлено относительно первоначальной структуры.

ЗАМОК РАЙЗИНГ, НОРФОЛК.

Касл-Рисинг, названный так, вероятно, из-за своего расположения на возвышенности или подъеме по сравнению с низкими уровнями района, стоит примерно в двух милях от устья реки Уош на ее восточном или норфолкском берегу. В полумиле к северу от деревни большой участок низменных земель пересекает река Бэбингли, и очевидно, что до того, как эта часть страны была осушена и мелиорирована под пашню, подходы к деревне, по крайней мере, с трех сторон - северной, западной и восточной - должны были быть практически неосуществимы. Этими соображениями, вероятно, руководствовались те, кто выбрал Райзинг в качестве места жительства. Почва здесь легкая и песчаная, как в голландских дюнах, но содержит достаточно растительной плесени, чтобы поддерживать рост дерна. Деревья в основном представлены ясенем и ивой очень больших размеров, а на склонах замка растут благородные и очень древние терновники. Богатство растительности в деревне и вокруг нее выгодно отличается от унылых и бесплодных вересковых пустошей, которыми она окружена.

Земляные сооружения имеют большой масштаб и, вероятно, являются остатками большой английской резиденции, центра крупного поместья; обстоятельства, которые, несомненно, привели к адаптации этого места для нормандской крепости, откуда деревня получила приставку к своему более древнему названию.

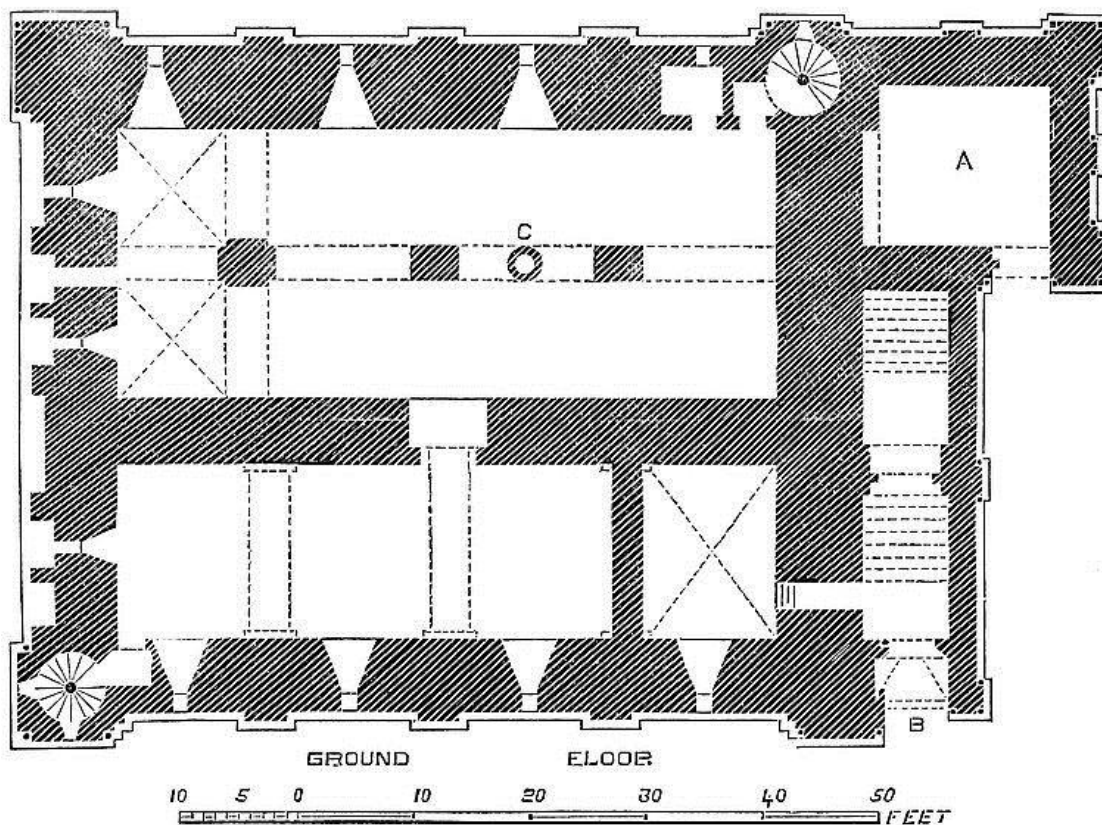
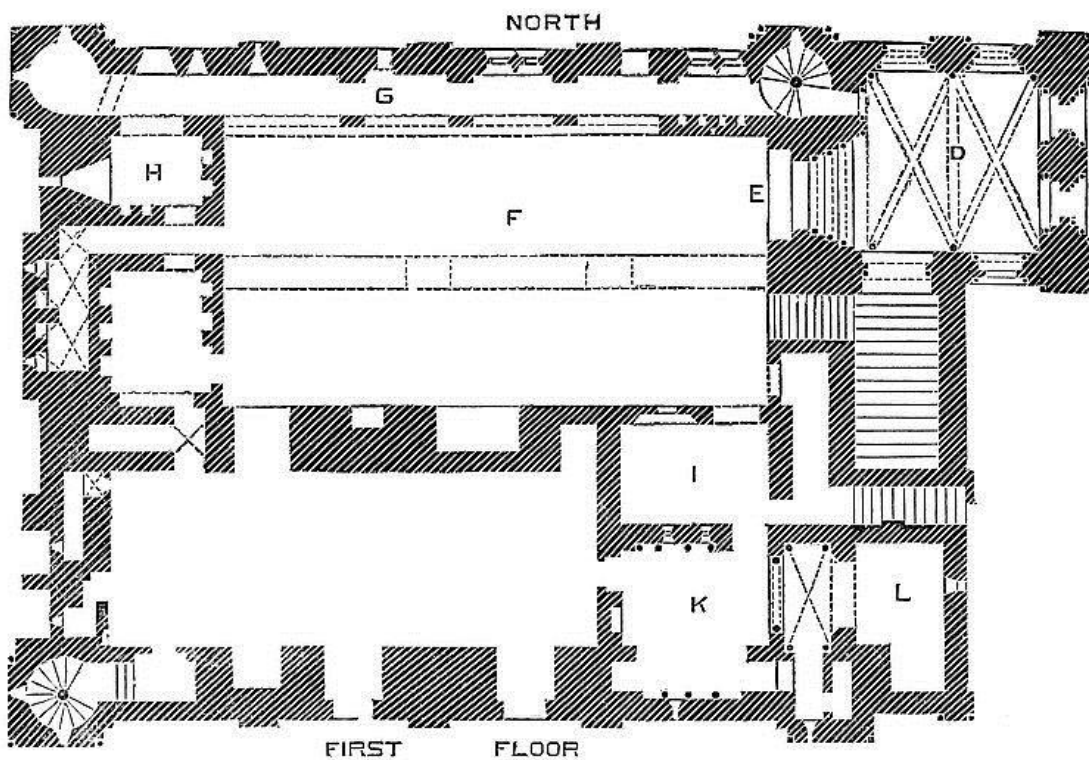
Центральная и главная часть крепости состоит из неправильной овальной площадки размером 67 ярдов к востоку и западу и 80 ярдов к северу и югу, заключенной в широкий и возвышенный вал, который, в свою очередь, окружен очень грозным рвом. За пределами этого рва, охватывая восточную сторону, находится вспомогательное сооружение, также находящееся в пределах вала и рва. По форме это почти параллелограмм, но его стороны несколько неравномерно выпуклые, а углы закруглены. Его северный конец составляет около 60 ярдов, южный - 70 ярдов, а длина фронта - 90 ярдов; но концы наклонены, так что там, где он примыкает к главному рву, он составляет около 80 ярдов.

Это уравнивается соответствующим земляным сооружением на западной точке центрального сооружения. Это земляное сооружение имеет размеры около 100 ярдов на север и юг и 30 ярдов в ширину, а также находится в пределах насыпи и рва. Канавы этих земляных сооружений фактически не впадают в главный ров. Между ними оставлен узкий земляной проход. Общий внешний обхват рва составляет 10 803 ярда. Центральная земляная насыпь имеет высоту около 30 футов от замкнутого пространства, а снаружи находится на высоте около 60 футов над дном рва. Его ширина в верхней части составляет около 15 футов, и, будучи сложенным из легкой почвы, он имеет значительный уклон. Берега флигелей не так высоки - около 20 футов внутри и 40 футов снаружи. Однако те, что находятся на востоке, выше, а в точках почти такие же высокие, как и в центре. Западные укрепления более легкие, но все равно очень прочные. Площадь работ составляет около 13 акров. Они полностью искусственные.

Главный вход был с севера, по краю контрэскарпа главного рва, и таким образом он попадал в восточную выработку. Недалеко от центра дорога пересекала ров по мосту и входила в

центральную часть через выемку в восточном берегу. В западный флигель, по-видимому, попадали из центрального флигеля по ступеням вверх и вниз по берегу, соединенным, вероятно, с легким мостом через ров. Возможно, он использовался только для скота.

ЗАМОК, ПОДНИМАЮЩИЙСЯ ВВЕРХ.

10 5 0 10 20 30 40 50
FEET

Ground Floor.

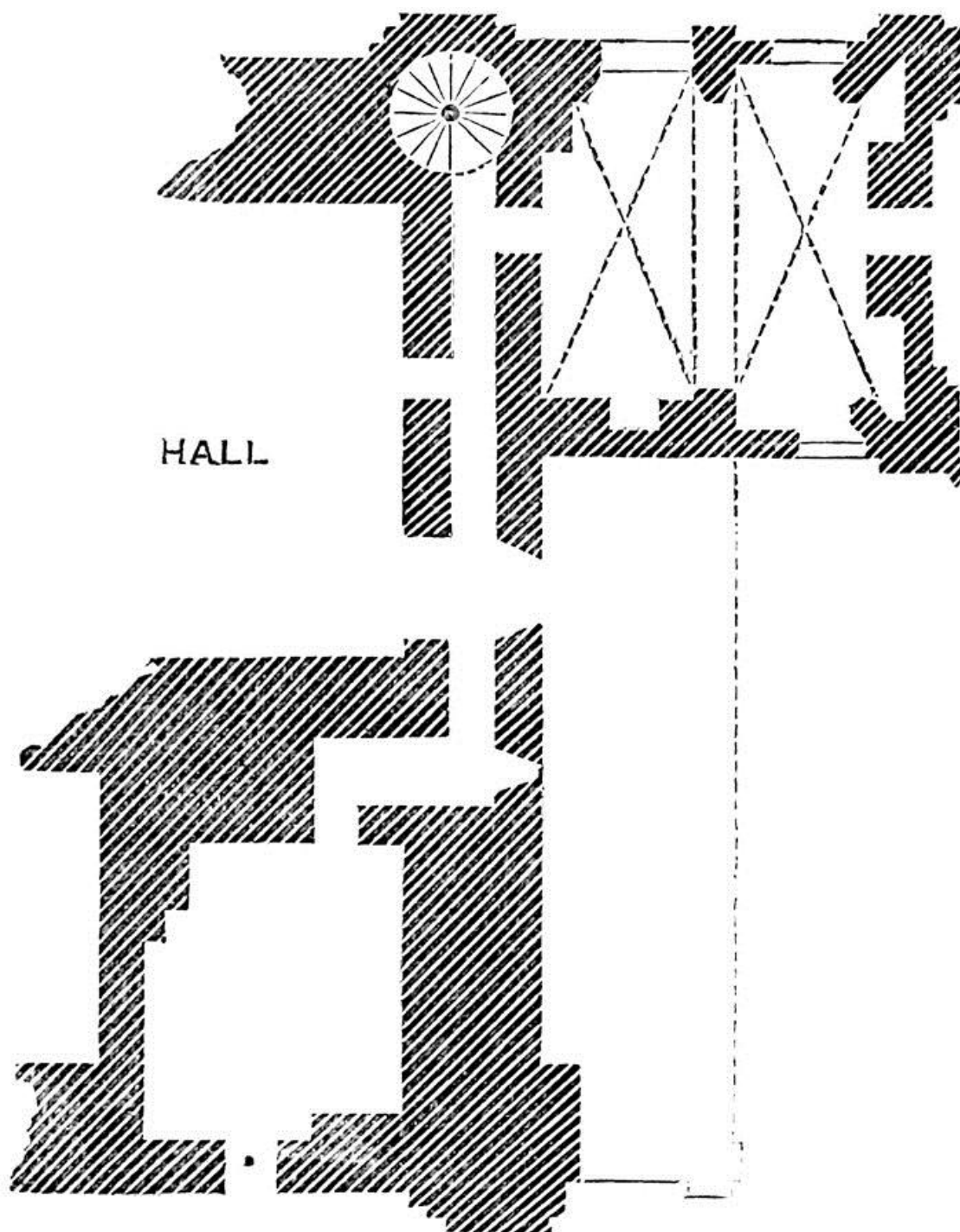
First Floor.

A. Prison.	D. Vestibule.	G. Gallery.	K. Chapel.
B. Main entrance.	E. Entrance.	H. Kitchen.	L. Upper part of fore-
C. Well.	F. Hall.	I. Ante-chapel.	building.

- A. Тюрьма.
- B. Главный вход.
- C. Колодец.

- D. Вестибюль.
- E. Вход.
- F. Холл.
- G. Галерея.
- H. Кухня.
- I. Антикапелла.
- K. Капелла.
- L. Верхняя часть передней постройки.

Считается, что эти земляные сооружения имеют несколько разную дату, и центральное является самым древним. Круг или неправильный овал с насыпью и рвом, с курганом или без него - нередкая форма земляных работ в Англии, и, вероятно, это работа англичан в седьмом и восьмом веках. То есть там, где работы ведутся на низком участке, а форма не определяется, как в английских работах, очертаниями земли. Такие английские ограждения редко стоят отдельно. Обычно к основному рву примыкают одна или несколько пристроек, как в Лафтоне и Килпеке, вероятно, дополняющих, но не намного более поздних, чем основная работа. Обычно они также находились на небольшом расстоянии от приходской церкви. Судя по тому, что флигели в Касл-Райзинг имеют прямоугольную форму, они, по мнению авторитетных специалистов, были римскими, а римляне, несомненно, имели поселение в Бранкастере, примерно в пятнадцати милях к северу. Но римские сооружения редко состоят из земляных насыпей такого масштаба: в тех случаях, когда требовалась большая безопасность, римляне обычно строили стену. Кроме того, если флигели только римские, то центральное сооружение должно быть английским, что едва ли согласуется с тем, что известно об оборонительных сооружениях этого народа. Скорее всего, центральная часть является английской, а флигели либо той же даты, либо ранние дополнения того же народа. Но, как бы там ни было, ясно, что здесь, как и в Норвиче, Клэре, Хедингеме и Касл-Акре, нормандский захватчик, захватив владения английского лорда, приступил, как и в Нормандии, к сочетанию новой моды на строительство замков со старыми оборонительными сооружениями.

ВЕРХНИЙ ЭТАЖ

Кип, часовня и сторожка - единственные части ранней кладки, от которых сейчас что-то осталось, - были, вероятно, одними из самых ранних работ. *Кип* представляет собой очень благородный пример прямоугольного норманнского типа. Не то чтобы его площадь, а тем более высота ставили его в первый ряд, но к значительным размерам он добавляет степень декоративности, редко присущую военным зданиям, и хотя он является руиной, его части необычайно хорошо сохранились и превосходны как по материалам, так и по мастерству исполнения. Как и Хедингем, он стоит в пределах, но не в центре внутреннего квартала. Он почти касается склона западного берега и находится примерно в тридцати ярдах от сторожки и восточного берега. Между северным и южным берегами он находится почти посередине. В плане она прямоугольная, в основании 75 футов на восток и запад, 64 фута на север и юг, высота до вала - 50 футов. Каждую грань обрамляют две пилястры шириной 7

футов и выступающие на 6 дюймов. Они сходятся под углом, но не закрывают его, а образовавшееся углубление занято валом, не совсем отделенным, и такие же валы занимают место других углов каждой фланкирующей пилястры. Между ними, на северной и южной сторонах, находятся по три пилястры шириной в 3 фута, и одна на восточной стороне, все они уходят в парапеты. Западная сторона имеет сложный характер. На ней находятся две большие ниши шириной 9 футов и глубиной 2 фута, одна из которых имеет арку над уровнем ближнего парапета. Кроме того, есть еще четыре ниши, каждая из которых открывается на 4 фута и имеет глубину 2 фута 6 дюймов, и выгнута дугой чуть ниже уровня первого этажа. Все эти пять ниш имеют софиты, пронизанные жерлами гардеробов. Стена имеет только один небольшой выступ у вершины. Фланкирующие пилястры не имеют ни одной, остальные - в основном по две, но очень высоко. На каждом углу стояло по квадратной башенке, ныне почти исчезнувшей. У основания этих башен прекращались выступы, и угол башни был сплошным. Парапет исчез. Значительно ниже его основания находились круглые отверстия, видимо, для отвода воды. Толщина стен у основания, с северной и восточной сторон, составляет 7 футов, с южной - 6 футов 6 дюймов, а с западной - 6 футов, и эта толщина сохраняется до самого верха или почти до него. Восточная сторона покрыта передней постройкой, которая здесь очень совершенна. Она удлиняет северный фронт на 20 футов, а южный - на 9 футов. У храма есть подвал на уровне земли и первый этаж. В двух местах, однако, верхний этаж разделен таким образом, чтобы дать частичный второй этаж. Часть переднего здания, как и в Рочестере, также имеет второй этаж. Вход находится в южной части здания, откуда прямая лестница поднимается к главной двери, расположенной на уровне второго этажа. В северо-восточном и юго-западном углах храма находятся колодезные лестницы диаметром 7 футов, которые поднимаются на семьдесят шесть ступеней от основания до вершины и сообщаются со вторым этажом. Однако следует отметить, что основание колодезной лестницы находится примерно 4 фута над уровнем земли, так что вход в нее осуществляется по лестнице из пяти ступеней, выступающей в комнаты. Похоже, что так было и в Дувре, до того как пол был поднят. Причину этого трудно установить.

Китель разделен на северную и южную камеры поперечной стеной толщиной 6 футов, которая поднимается до самой крыши. Длина обеих камер составляет 58 футов, северная - 25 футов, а южная - 16 футов. *Северная палата* снова разделена на равные части аркадой из четырех высоких арок пролетом 11 футов, опирающихся на колонны в стене и на три квадратные опоры шириной 3 фута на 4 фута. На стенах этой аркады лежали балки перекрытия. Три восточные арки и две опоры исчезли. От западного пирса отходят две боковые арки на север и на юг, разделяя торцевой отсек на два квадратных пространства, которые сводчатые и желобчатые и несут верхние палаты, сокращая тем самым верхнюю большую комнату или зал. Это нижнее помещение скорее проветривается, чем освещается, благодаря трем петлям в северной и двум в западной стене, расположенным высоко и в раздвинутых нишах, с круглыми головками. В северной стене также есть небольшой вестибюль у подножия колодезной лестницы, из которого, по-видимому, был проход, поднимающийся на 3 фута в настенную камеру на высоте 8 футов над землей. В западной части большой камеры была сломана внутренняя дверь на уровне земли. Она имеет заостренную головку и является вставкой. Возможно, она представляет собой петлю. Круглоголовый дверной проем длиной 4 фута открывается в сегментном углублении в поперечной стене в южную камеру. Дверь открывалась на север и была зарешечена с этой стороны. Углубление рифленое. Колодец находится в полу северной камеры, между двумя опорами, под второй аркой с востока. Его диаметр составляет 4 фута, а труба из пепла возвышается над уровнем земли примерно на 3 фута.

Южную камеру пересекали три простые широкие арки, опирающиеся на косоуры, расположенные высоко в стене, и несущие балки пола над ней. Восточная арка, однако, сводчатая и желобчатая, поддерживает часовню. Две другие арки разрушены. Эта камера имеет четыре петли на юге и одну на западе. Ее колодезная лестница также имеет небольшой вестибюль в стене, на высоте 5 футов от пола. В восточной части южной стены находится дверь, поднимающаяся на четыре ступени, которая выходит на лестницу переднего корпуса. Хотя эта дверь в ее нынешнем состоянии не кажется оригинальной, она может быть действительно таковой. Похожая дверь есть в Дувре.

Первый этаж также разделен поперечной стеной на две главные палаты, и каждая из них укорочена за счет комнат, отрезанных от одной с востока, а от другой - с запада. Большие палаты: северная - 47 футов на 23 фута, южная - 42 фута на 15 футов. Северная комната была залом. В него можно было попасть из вестибюля переднего корпуса через красивую главную дверь, открывающуюся на 6 футов, у северного конца восточной стены. Рядом с ней, в той же стене, находится вторая дверь с круглой головкой, которая спускается на десять ступеней по лестнице переднего корпуса. Эта дверь, очевидно, является вставкой на месте петель. Третья небольшая дверь, сегментная, открывается в узкий фресковый проход, ведущий через средние ворота переднего корпуса и ответвлением в часовню. В поперечной стене дверь открывается в южную камеру, а рядом с ней глубокое круглое углубление в 5 футов от пола, возможно, чулан, и еще одно углубление, 8 футов шириной и 5 футов глубиной, на уровне пола, возможно, для мангала с углем, но без дымохода. У восточного конца этой же стены находится небольшое окно, украшенное декоративной вставкой, а рядом с ним - сегментная дверь, обе открываются в предкапеллу. Северная стена пронизана галереей шириной 3 фута 6 дюймов, состоящей из пяти пролетов, между которыми находится простая арка, уменьшающая проход до 2 футов 9 дюймов. Два из этих пролетов имеют соединенные наружные окна, одна пара с квадратной головой, другая - с круглой головой и трилистником, и на каждом из них - диск, как в углублении в Конингсбурге, что создает тяжелый эффект. Пятый пролет имеет петлю. Четыре из этих пролетов открываются большими арками на уровне пола в большую камеру, частью которой и является эта галерея. Восточный пролет сообщается с колодезной лестницей. Он вырублен, и его сторона, обращенная к камере, кажется, была частично закрыта, и в ней есть три небольшие шахты, которые, по-видимому, открывались в настенную камеру внизу. Они не могут быть предназначены для гардероба, и их назначение неясно. В этом же отсеке находится очень красивое окно с двумя фонарями, соединенными вместе, а общий для них вал обработан довольно примечательной резьбой или узлом. На этих окнах были ставни. От стекла не осталось и следа. Галерея длиной 62 фута имеет петлю в западном конце и грубое отверстие, вероятно, когда-то бывшее окном, из трех маленьких лампочек, рядом с этим концом в северной стене. Северо-западный неф занят цилиндрической шахтой диаметром 5 футов 6 дюймов, которая начинается на уровне пола и открыта как камин. На уровне крыши она обложена кирпичом и поднимается вверх как дымоход. В ее боковых сторонах находятся четыре петли в два яруса, а выше - шесть небольших круглоголовых ниш, вероятно, для выхода дыма и пара. В этом конце галерея открывается в высокую сводчатую камеру, в восточной стене которой пробит проем в зал, а в южной стене находится любопытная низкая сегментная ниша, 10 футов в длину и 3 фута в высоту, частично замурованная, а в заполнении несколько небольших ниш. Большая высота этой камеры, сводчатая крыша, шахта и паровые отверстия в одном углу, ниши вокруг нее и ее расположение рядом с залом указывают на то, что это кухня.

В западном конце зала есть дверь, ведущая в помещение, соответствующее кухне, к югу от нее. Она имеет размеры 8 футов на 12 футов, три ниши в западной и две в восточной стене. В северной и южной стенах - рельефные арки, как и в плоской нише на кухне. Причина

появления этих трех арок, развернутых в трех параллельных стенах, не очевидна. Две из них могли служить для того, чтобы направить вес стены вверх от свода вниз на опоры, но третья находится в поперечной стене, которая является сплошной. Южное помещение имело деревянную крышу и, вероятно, было своего рода комнатой для приготовления пищи или выпечки. Между этими двумя комнатами дверь из зала открывается в L-образный сводчатый проход, заканчивающийся настенным сводом, 10 футов на 5 футов, в западной стене которого находятся две петли и два двойных гардероба.

Крыша зала была деревянной, опиралась на шесть пар принципалов, от которых сохранились карнизы, несущие молотковые балки. На некоторых из них вырезаны мужские и женские головы, а на одном изображено животное. Шаг фронтона отмечен на восточной стене, поперек которой, на уровне карнизов, проходит жирная полоса шеврона, а на ней покоится окно с проемом в 2 фута 6 дюймов, через которое в крышу попадал свет из верхней галереи с фресками. В этом фронтоне было сделано второе отверстие шириной 7 футов в ту же галерею. Это более крупное окно перерезает шевронную полосу, спускаясь несколько ниже нее. Очевидно, оно было сделано для того, чтобы дать больше света в зал, и открыто с одной стороны, а не на месте маленького окна, чтобы его можно было видеть из передней части здания.

В южную камеру из зала ведет дверной проем шириной 5 футов, расположенный в большом углублении глубиной 5 футов. В южной стене - два круглоголовых окна, трилистник, с дисками на цоколях, между ними - камин и дымовая труба, вставленные, вероятно, в эпоху Тюдоров. В этой стене также есть что-то вроде шкафа и дверь, открывающаяся в вестибюль размером 7 футов на 3 фута 4 дюйма, который выходит на юго-западную колодезную лестницу. В восточной стене находится небольшая дверь, украшенная декоративной вставкой, открывающаяся в часовню. В северной стене, помимо двери из зала, находятся шкаф и небольшая сегментная дверь, открывающаяся в настенный садик в западной стене. В западной части находятся две маленькие двери, открывающиеся во фресковые палаты, в каждой из которых находится садик, освещенный петлей. Таким образом, видно, что все гардеробы находятся на западном фасаде, и, по-видимому, были и другие, расположенные над ними. У южной палаты была такая же высокая открытая крыша, как и у зала, но высоко в ее западном фронтоне было открыто окно, как будто для дополнительной внутренней галереи или балкона на уровне помещения над часовней в противоположном конце. Однако это окно - единственный признак такой вставки, нет ни других окон, ни следов балок пола, только под окном есть несколько отверстий для балок. Окно двухсветное, стрельчатое, с трилистником. В центральном спандере - своеобразный орнамент, состоящий из четырех петель, которые снаружи заменены небольшим кругом. Это окно стоит в углублении по центру, которое может быть оригинальным, но само окно является вставкой.

В восточной части камеры находится *предкафедра*, сводчатая, размером 9 футов на 13 футов. Она расположена частично в поперечной стене, а частично в южной камере. В ней есть дверь и окно в зал, причем последнее кажется вставкой. Также в противоположной, южной стене видны дверь и две петли из часового стекла, открывающиеся в часовню. В восточной стене находится дверь, из которой узкий проход ведет на крышу передней постройки над средними воротами.

В часовне, в которую можно было попасть из зала либо через предкафедру, либо обходя ее по настенному проходу, есть только одна первоначальная дверь, которая находится в северной стене. Вторая дверь была открыта, в ранний английский период, в западной стене. Часовня имеет размеры 13 футов с востока и запада на 14 футов и плоский деревянный потолок. С южной стороны имеется глубокая ниша, вделанная в стену хранилища, в ней

сохранились остатки тройного окна, вероятно, состоящего из трех петель. В двух косяках этой арки имеются боковые углубления. Высоко в северной стене находятся две петли часового стекла из передней капеллы. Часовня сильно пострадала, но в нижней половине западной и северной стен сохранились остатки красивой аркады с отдельными валами, а в южной - то, что, по-видимому, было соединенным окном. В восточной стене находится красивая арка пролетом 7 футов 6 дюймов, с валами перед опорами с резными крышками. Она открывается в своеобразный алтарь, глубиной 5 футов и шириной 9 футов, с прирубками. Он сводчатый, рифленый и ребристый. Босса нет, но на пересечении ребер есть грубая резьба, с которой, кажется, была подвешена лампада. На востоке есть окно, ныне разрушенное, но, вероятно, состоявшее из трех соединенных фонарей, а в южной стене - углубление с петлей. В северной стене была сделана попытка, по-видимому, в эпоху Тюдоров, вставить камин.

Со второго этажа юго-западная колодезная лестница ведет только на крышу; но северо-восточная лестница, ведущая на крышу, имеет два боковых проема, из которых первый, шириной 2 фута 4 дюйма, ведет по узкому проходу вверх на четырнадцать ступеней к валам башни-вестибюля. Сейчас он заблокирован вставным сводом, которым перекрыто это здание. Восемью ступенями выше этого нижнего проема второй ведет в галерею в восточной стене. Над этим проемом еще семнадцать ступеней ведут на валы крепости, которые на 22 фута выше уровня первого этажа. Восточная галерея сводчатая, ее длина составляет 32 фута. С одной стороны ее находится дверь, ведущая на второй этаж передней башни, а за ней, также с восточной или внешней стороны, - петля. В западной части находятся два уже описанных проема, которые выходят на двускатную крышу зала. На южном конце галерея поворачивает под прямым углом и заканчивается небольшой спальней размером 18 футов на 14 футов, которая находится над часовней и имеет окно на юг. Поскольку парапеты исчезли, а валы недоступны, крыша над кухней не может быть исследована; но, похоже, в этом квартале не было второго этажа.

Передний корпус - очень совершенный и очень хороший пример этого своеобразного придатка к нормандскому замку. Он состоит из трех частей: нижней лестницы, верхней лестницы и башни-вестибюля. В южной части находятся внешние ворота, расположенные на уровне земли, на одной линии с южной стороной замка. Портал расположен по центру, его фланкируют две колонны под простым абаком, от которого отходит арка со смелым валиком. Порткуллис отсутствует. Дверь открывалась внутрь и была крепко заперта. Толщина стены составляет 6 футов, а сводчатый проход в ней, внутри дверного проема, сегментный и желобчатый. Внутри проход имеет ширину 8 футов и содержит нижнюю лестницу из пятнадцати ступеней. Во внутренней стороне стены, над дверным проемом, находится большое, глубокое углубление, вероятно, для облегчения веса входной арки. На правой или внешней стене, высоко вверху, находится петля, а слева, на четвертой ступени, большая дверь, уже упоминавшаяся, открывается в южную камеру. Она, по-видимому, относится к позднему декору, и, вероятно, представляет собой первоначальную петлю, или же это может быть дверной проем. Во главе этой первой лестницы находится средний или второй дверной проем, открывающийся на 5 футов, также полноцентровый, с фланкирующими колоннами. Головной проем также украшен смелым валиком. Толщина стены, в которой она расположена, составляет 4 фута, а глубина площадки - 5 футов. Портал утоплен, а в софите перед ним находится отверстие, шириной 2 фута и глубиной 6 дюймов, вал или *мортира* от верха стены, где находится проход. По-видимому, здесь были высокие парапеты и петля, выходящая на лестницу. Отверстие служило для защиты портала. Эта дверь также была зарешечена. Внутри нее находится вторая лестница, расположенная на той же линии, из девятнадцати ступеней, шириной 8 футов, поднимающаяся к верхнему и внутреннему

дверному проему, двери притвора. Справа - вторая петля, слева - неуклюжий дверной проем, ведущий в зал, уже упоминавшийся, и, очевидно, являющийся вставкой. Лестница цельная, не имеет свода или камеры внизу. Она была покрыта деревянной двухъярусной крышей с низким уклоном, разделенной стеной средних ворот и прислоненной к стене храма.

Дверной проем на лестничной площадке очень похож на те, что находятся внизу. Он расположен в глубокой нише, имеет фланкирующие валы и завальцовку вокруг головы. Порткуллис отсутствует. Дверной проем открывается в камеру размером 14 футов на 15 футов, которая является притвором главного входа в крепость и находится на уровне ее второго этажа. Она имеет два окна на севере, два на востоке, а на юге - дверь лестницы и окно, выходящее на внешнюю сторону наружной стены лестницы. Эти окна, по-видимому, имели 12-дюймовый проем, но были увеличены. Они расположены в глубоких нишах, как в аркаде. В западной стене находится большой вход - благородный арочный проем, глубоко утопленный и обрамленный четырьмя валами с каждой стороны. Внешняя арка имеет пролет 10 футов, сам дверной проем - 6 футов. Цоколи необычайно высоки - 3 фута. Крышки рифленые и с подушками. Внешняя арка полносводчатая, а сам дверной проем сегментный. Полосы арки обработаны шевроном и другими элементами лепнины. Ближе к северу от большого входа простая узкая дверь открывается в соседний колодец-лестницу, но это явно увеличенная петля, которая была предназначена для освещения лестницы. Первоначальное покрытие этого помещения, как и его нынешний пол, было деревянным, но оно было заменено плохо выполненным сводом раннего декоративного периода. Помещение состоит из двух пролетов, разделительным ребром служат пилястры, вделанные в северную и южную стены. Каждый пролет пересечен по диагонали двумя ребрами, опирающимися на карнизы полуовальной формы. Свод заслоняет и портит старонорманнские детали этой очень красивой палаты.

Под вестибюлем находится нижний этаж, вероятно, тюрьма, просто яма, 14 футов на 16 футов и 21 фут в высоту, проветриваемая двумя петлями очень высоко в восточной стене, и, возможно, третьей в южной стене. В западной стене, стене хранилища, под входом в хранилище находится возвышенная ниша, внутри которой пробито отверстие. В настоящее время в эту камеру ведет дверь на уровне земли в южной стене, но это, безусловно, вставка. Первоначальный вход, должно быть, осуществлялся по трапу и лестнице с пола вестибюля.

Второй этаж башни-вестибюля был 16 футов в квадрате и имел четыре круглоголовых окна с проемом в 2 фута, которые теперь переделаны в окна с плечевыми накладками. Два из них находятся на северной, два на восточной и одно на южной стороне, каждое из которых расположено в простой плоской нише шириной 3 фута. В западной стене, где находится вход из настенной галереи, есть углубление шириной 12 футов и глубиной 2 фута, расположенное над парадным входом в кивер. Его угол заменен углом-шахтой, особенности которого показывают, что, хотя стены и расположение окон являются оригинальными, уровень пола был поднят, а в южной стене был вставлен камин. Как и в притворе, в этом помещении плоская деревянная крыша была заменена высоким скатным сводом в два пролета, желобчатым и ребристым, с разделительным ребром. Все ребра опираются на полуовальные опоры, вставленные в старые стены. Снаружи этот свод предстает в виде высокой скатной крыши. По возрасту он соответствует тому, что находится ниже.

Материал, из которого построена крепость, - кремневый бутовый камень, но облицован он в основном ясенем, а орнаменту уделено гораздо больше внимания, чем обычно в военных зданиях. Передний корпус полностью облицован пеплом и богато украшен. Над внешним порталом расположены широкие полосы штриховой и шевронной работы, заполняющие аркаду из двух арок, над которой находится круг с центром, вырезанным в виде головы. Юго-

восточный угол занят прирубом-шахтой. Восточный фасад, стена лестницы, украшен еще более богатой резьбой. Здесь две аркады на разных уровнях, соответствующих уровню крыши каждой лестницы, а выше - линия кругов, центры которых вырезаны в виде голов. Существует мнение, что настенный проход над средним дверным проемом заканчивался в высоком проеме в этой стене, откуда можно было спустить лестницу; но для этого невероятного мнения нет никаких оснований. Если бы такой проход существовал, две петли на лестнице были бы предназначены для его защиты, но они расположены слишком высоко, чтобы их можно было использовать только для света и воздуха. Любопытно, что снаружи здание должно быть гораздо более богато украшено, чем сам замок; в то время как в Дувре и Рочестере, где в нем также находилась часовня, внешняя отделка была на удивление простой. Подчиненные лестницы, то есть те, что расположены по двум углам, устроены неуклюже, и нет никакого приспособления с помощью лестничной площадки, чтобы подогнать ступени к уровню поставляемых этажей. Несомненно, главная лестница была основной. Храм имеет близкое сходство с Норвичским, особенно по расположению кухни, северной галереи и часовни. Носовая часть здания также построена по тому же плану. Арки, как правило, полносводчатые, хотя некоторые дверные проемы сегментные. Там, где настенные галереи расширены в ширину, а также в дверных нишах поперечной стены и внешнего входа, свод слегка рифленый; это, что встречается также в Лондонском Тауэре и в Рочестере, производит хороший эффект и избавляет от однообразия свода-бочки. На кухне навалена груда фрагментов резных камней, найденных в замке или рядом с ним. Они выполнены во всех стилях - норманнском, раннеанглийском, декоративном и нескольких перпендикулярных. Вероятно, некоторые из них пришли из часовни Святого Николая; многие вряд ли могли принадлежать замку. Если Замок Райзинг был построен архитектором Норвичского замка, то он должен быть ранним норманнским, поскольку Норвич был осажден в 1076 году во время восстания графа Гуадера, а Харрод предполагает, что нынешний замок стоял именно тогда; но орнамент Замка Райзинг выглядит гораздо более поздним, и в целом нет причин отказываться от согласия с традицией, которая приписывает его Уильяму д'Альбини, умершему в 1176 году. Как обычно, здесь нет подземных покоев. Хотя три дверных проема передней постройки не имели, как в Дувре, башни, каждый из них имел четкую защиту: внешний - от башенки над порталом, средний - от башенки, пробитой валом, и сообщающейся с замком, а внутренний - как часть башни-вестибюля.

Сторожка стоит недалеко от центра восточной части крепости, на земляном валу, который был вырублен, чтобы ее можно было построить. Она находится в 325 ярдах от северо-восточного угла замка и имеет тот же возраст. Это обычный нормандский образец: прямоугольная башня, пронизанная проходом, с аркой в 12 футов, открывающейся с каждого конца, установленной в стенах, внешняя из которых 6 футов, а внутренняя 5 футов толщиной. Арки совершенно простые, без фальцев и фасок. Проход между ними также имеет ширину 12 футов и длину 13 футов, у него плоская деревянная крыша, пол камеры над ней теперь снят. Во внешней арке имеется паз для портупей, квадратный, шириной 3½ дюйма и глубиной 4½ дюйма. В северной стене есть два неглубоких углубления, шириной 4 фута и глубиной 1 фут 10 дюймов. В южной стене есть одно такое же углубление и дверь с проемом 2 фута 6 дюймов, которая, по-видимому, вела в колодец-лестницу в юго-западном углу здания. Перед внешними воротами подход, шириной 15 футов, лежит между двумя стенами, южная из которых еще выступает на 15 футов. Они, вероятно, защищали разводной мост, а между ними находилась мостовая яма. За этими стенами находится большой ров, шириной около 80 футов и глубиной 30 футов, пересеченный мостом из каменной кладки, состоящим из двух арок, внутренняя из которых замурована. Открытая арка, похоже, относится к эпохе Тюдоров, но опоры выглядят оригинальными. Внешний конец моста упирается в контрэскарп рва, примерно в центре восточной части.

Сторожка стояла на уровне земли и, следовательно, ниже, чем куртина *энсинта*, которая была построена на гребне земляного вала. Первоначальный занавес, если он существовал, что вполне вероятно, полностью исчез, и был заменен кирпичной стеной эпохи Генриха VII, также почти полностью разрушенной. От этой стены с южной стороны ворот осталось около 12 ярдов. Ее толщина составляет 2 фута, но внутри она была облицована аркадой толщиной 3 фута, которая шла по валу, как в Саутгемптоне. Эти арки имеют пролет 8 футов, четыре центра, с опорами шириной 3 фута, и внутри каждой арки или углубления была петля. Осталось три арки с половиной. Кроме того, к юго-западу от крепости сохранился фрагмент занавеса, а вдоль берега - следы фундаментов.

В центральной части, в нескольких ярдах к северу от крепости, находится колодец, а дальше к северу - остатки большой часовни. Она состояла из нефа, хора или пресвитерии и апсиды. Ширина нефа составляет около 12 футов, а длина - 25 футов. Арка в пресвитерии была шириной 5 футов, а через нее проходит основание каменного экрана с дверью в 3 фута. Имелась южная дверь и северное окно. Купель стояла в центре, недалеко от западного конца. Пресвитерий был 8 футов в длину и 9 футов в ширину, с петлей на юге и аркой в 6 футов, открывающейся в апсиду. Апсида была округлой формы, 8 футов в ширину и 9 футов в длину, с петлями, расходящимися к северу и востоку, и, вероятно, к югу. Говорят, что ранняя нормандская купель, которая сейчас находится в приходской церкви, была сделана именно здесь. Каменная кладка того, что осталось от этого здания, имеет грубый характер, и, вероятно, она старше, чем замок. Предполагается, что это часовня Святого Николая, упоминаемая в записях. В настоящее время ее остатки вделаны в берег, и создается впечатление, что это более древнее из двух зданий, хотя вряд ли это так. Песок на берегу может быть сдвинут ветром, и уже в начале нынешнего века центральная палата была сильно завалена им, а часовня более или менее погребена, так что, вероятно, это и является причиной полусасыпанного состояния руин часовни.

Кип, часовня и сторожка - единственные остатки норманнской кладки, которые сейчас видны над землей. Во внутреннем дворе, должно быть, находились хозяйственные постройки большого масштаба, пригодные для приема королевских особ, но фундамент, сохранившийся к югу от замка, кажется очень поздним, вероятно, эпохи Тюдоров. Считается, что это жилище констебля. В двух внешних приходах нет никаких следов каменной кладки.

Приходская церковь, стоящая в деревне Касл-Райзинг, является прекрасным примером позднего нормандского стиля. Особенно богат ее западный фасад, а также хорошая центральная башня. Алтарь построен несколько позже. Купель очень массивная. Ее квадратная чаша покрыта резьбой раннего характера, и она стоит на простом цилиндре, правильно скопированном с оригинальной опоры. Считается, что чаша была привезена из замка.

Райзинг, а точнее Снеттишем, в поместье которого он находится, был частью владений Эдвина, датчанина и последователя Канута. Так утверждает Дагдейл. В *Domesday* он записан как "bervite" поместья Snettisham. "*Huic manerio jacet una bervita Risinga*". Оно принадлежало архиепископу Стиганду, а после его конфискации Вильгельм отдал его епископу Одо, тогдашнему графу Кента. После падения Одо Руфус пожаловал ее Уильяму д'Альбини, королевскому "пинчерну", или дворецкому, сыну Роджера, чей младший брат Найджел был родоначальником великого дома Моубрей. Сыном Уильяма был "Уильям с сильной рукой", знаменитый граф Арундел и лорд Бакенхем в Норфолке, который женился на Аделизе Лувенской, вдовствующей королеве Генриха I, и, как считается, построил замок до 1176 года.

Их сын, третий Уильям, умер в 1190 году, оставив четвертого Уильяма, который умер в 1221 году, а его старший сын, пятый Уильям, умер бездетным в 1224 году, когда Ризинг перешел к его брату Хью, который оставил четырех сестер, сонаследниц, из которых Сесили родила Ризинг и вышла замуж за Роджера, лорда Монтальта. Их старший сын, Джон Монтальт, умер бездетным, за ним последовал его брат Роберт, который умер 3 Эдуарда I, оставив Роджера, который умер бездетным 25 Эдуарда I, и Роберта, который стал его преемником. Этот Роберт де Монтальт был очень значительной личностью, как в качестве воина, так и государственного деятеля. Он прославился тем, что в царствование Эдуарда II выиграл очень важный судебный процесс против корпорации Линна по поводу пошлин с этого порта и рынка. Не имея потомства, он в 1-м веке Эдуарда III продал короне возвращение замка Райзинг в пользу королевы Изабеллы, "волчицы Франции", с остатком Джону Элтхемскому, брату короля. В 1331 году Изабелла вступила во владение замком и прожила здесь в уединении не более года до своей смерти, которая произошла в Хартфорде в 1358 году. Эдуард со своей королевой посетил здесь свою мать на четырнадцатом году своего правления.

Иоанн Элтхэмский умер бездетным, замок перешел к Черному принцу и стал частью герцогства Корнуолл, а затем перешел к Ричарду II, который обменял его на Иоанна, герцога Бретани, который владел им в 1397 году и периодически проживал в нем. После этого замок был возвращен короной и пожалован Эдмунду Лэнгли, герцогу Йоркскому, от которого перешел к Эдуарду IV, вновь присоединившему его к герцогству, но, вероятно, тогда замок находился в разрушенном состоянии. Во времена Генриха VII он, по-видимому, был отремонтирован. Крыша замка была покрыта черепицей с большими желобами из свинца. В правление Генриха VIII замок снова пришел в упадок, а крепость и сторожка остались без крыши, и, похоже, единственной пригодной для жилья частью было жилище констебля. В конце концов король обменял замок на поместье и погоню Райзинг у Томаса Говарда, герцога Норфолка, а в 1693 году он перешел к другому Томасу Говарду, предку графов Саффолка и Беркса, один из потомков которого владеет им до сих пор. Еще 31-го года правления Елизаветы на берегу была возведена стена, которая подвергалась опасности из-за норы кони, а также сторожка и мост длиной 90 ярдов и шириной 7 ярдов. Под замком, на правах замковой стражи, находились поместья Ханстантон, Рейдон и Воттоны.

ШАТО-ГАЙЯР, НА СЕНЕ.

Шато-Гайяр, хотя и является французским замком, представлен здесь как творение английского короля и весьма примечательный образец военной архитектуры конца двенадцатого века.

Шато-Гайяр, "Соуси Кастл" Кёр-де-Лиона, работа одного года его короткого правления и непреходящий памятник его мастерства военного инженера, является по своему положению и деталям одним из самых замечательных, а по своей истории - одним из самых интересных замков Нормандии. Несмотря на то, что он является руиной, от него осталось достаточно, чтобы антиквар мог восстановить все его основные детали. Эти особенности, как в плане, так и в высоте, настолько своеобразны, что опыт, полученный из других зданий, бросает лишь неопределенный свет на их возраст; но от этого руководства, обычно столь важного, они независимы, благодаря тому несколько необычному факту, что крепость полностью

относится к одной дате, и эта дата зафиксирована. Более того, через несколько лет после постройки, пока оборонительные сооружения были новыми и совершенными, с многочисленным гарнизоном и кастеляном, одним из лучших воинов англо-норманнского баронства, ее осаждали все одноразовые силы самого могущественного монарха своего времени; И подробности осады были записаны современным историком с такой подробностью, которая оставляет мало возможностей для воображения, и которая, с помощью места и работ, мало изменившихся, позволяет нам получить очень четкое представление о том, как атаковались и защищались большие крепости в начале тринадцатого века.

Шато-Гайяр венчает почти обрывистую голову смелого и узкого мелового мыса, который, изолированный с обеих сторон глубокой долиной, выделяется из широкой столовой земли Ле-Вексен, на высоте 300 футов над глубокой и быстрой Сеной, которая омывает и на протяжении веков угрожает подорвать его основание.

Течение Сены через Нормандию, от впадения в Эпт до моря, представляет собой стремительную череду смелых и изящных изгибов, уступы которых, отвесные и обрывистые, подвергаются нападению наступающего потока, сильно контрастируя с противоположными берегами, которые, засыпанные и окруженные им, низки и плодородны, усыпаны старинными деревьями, церквями и усадьбами, возвышающимися сквозь мантию богатой, улыбающейся зелени.

На дне одной из самых грандиозных рек, на краю обширного амфитеатра, возвышается дерзкий город Кёр-де-Лион. Справа и слева - отвесные скалы мелового хребта, покрытые зеленым дерном, как в Сассексе или Кенте, с редкими выступами меловых утесов, разбавленные полосой растительности, покрывающей подножие крутизны и промежутки между возвышенностью и рекой. Впереди, за бесчисленными островами Сены, находится богатая низменная земля, известная как полуостров Бернье, на переднем плане которого видна деревня с названиями Toeni и Venables, знакомыми по англо-нормандской истории. Справа или с востока, непосредственно под замком, находится долина реки Гамбон, на которой расположены города Большой и Малый Анделис; первый - место рождения Николаса Пуссена и Брюнеля или в миле от него; второй - в полумиле ниже, на месте слияния потока с Сеной, в непосредственном подчинении замка и в эпоху его основания.

Шато-Гайяр состоит из двух основных частей, собственно замка и флигеля: первый занимает всю головную часть мыса, второй - единственную ровную площадку, являющуюся корнем хребта, с которого крепость можно атаковать на равных.

Замок состоит из крепости, внутренней палаты, частью которой является крепость и которая имеет свой собственный ров, и внешней палаты, внутри которой находится внутренняя палата, обе они соединяются или почти соединяются на северном конце. Таким образом, крепость имеет концентрическую форму. Флигель, расположенный перед рвом внешней палаты, имеет свой собственный ров и представляет собой опорную или самую сильную часть на юге.

Крепость представляет собой башню, одна половина которой в плане круглая, а другая выступает в сторону крепости в виде прямого угла, или шпора - такая форма башни хорошо известна во французских замках. Ее диаметр составляет 48 футов или 55 футов в диаметре. Толщина стен составляет 11 футов, у шпоры - 18 футов, а внутренняя окружность - 26 футов. В настоящее время он состоит из подвала и первого этажа; похоже, что второго под валами не было. В подвале есть одно окно на запад, или внешнее, и грубый проем на восток, или внутреннее помещение. Есть следы, как будто это была дверь с проемом в 4 фута 6 дюймов;

но если это так, то она, несомненно, не была оригинальной. Вряд ли у этого здания был вход на первом этаже.

На втором этаже есть два окна на запад и дверь на север. Окна, расположенные со стороны скалы и недоступные, имеют умеренно большие размеры. Они двухсветные, плоскоголовые, под равносторонней аркой. Их внутренние углубления слегка заострены. Дверной проем, также плоскоголовый, занимает пространство оконного проема. В другом пространстве находится петля, указывающая путь. Оба находятся под круглоголовой аркой, тимпан закрыт.

В храме нет ни настенных палат, ни лестницы. Полы и лестницы были деревянными. Нет ни камина, ни садовника, ни колодца. Шпора цельная.

Внешний вид очень своеобразен. Нижние две трети значительно изгибаются по всему периметру, чтобы придать прочность основанию и заставить упавший сверху снаряд быть направленным наружу на нападающего. Примерно на полпути вверх по склону от карнизов начинается серия контрфорсов, которые расширяются вбок по мере подъема, но имеют вертикальные грани. По сути, это машикули, но начинающиеся низко; и, как и обычные машикули, они соединены рядом арок, несущих парапет, за которым находился проход для снарядов, как, например, в Авиньоне. Эти преувеличенные машикули значительно увеличивают пространство верхней части крепости, но они ограничены ее внутренними двумя третями, внешняя сторона достаточно надежна и без них. Поскольку верхняя часть крепости была удалена, арки исчезли, и остались только контрфорсы. Одна из этих защитных стен нависала над входом.

Из любопытного каменного изображения замка в церкви Грейт-Анделис можно узнать, что над крепостью возвышалась вторая, меньшая по размеру, башня внутри вала, а внутри нее - еще одна, возвышающаяся, как трубы телескопа. Вероятно, они были деревянными.

Узкая лестница, начинавшаяся на уровне палаты и проходившая по внешней стороне крепости, поднималась с двумя поворотами к входу. Часть этой узкой и опасной лестницы сохранилась. На восточной стороне храма сохранились следы пристройки, вероятно, дополнительной.

Материал, из которого построена крепость, - кремневый щебень, затертый в обильном растворе и облицованный внутри и снаружи пеплом. Камни длиной около 1 фута 6 дюймов и высотой 6 дюймов представляют собой твердую и прочную разновидность мела, изредка с кремнем. Материал, вероятно, местный. Качество обработки, хотя и простое и без украшений, хорошее. Стыки в меру открыты, достаточно для того, чтобы пропустить обычный свинцовый карандаш.

Внутренняя палата напоминает по форме человеческое ухо, с западной или пологой стороны находится хранилище, а с северной или северо-восточной - мочка. Эта палата имеет размеры около 200 футов на север и юг и 100 футов на восток и запад. Его *энсинтная* стена - одна из достопримечательностей замка. В обхвате она составляет около 500 футов. Из них около трети в северо-западной четверти занимают крепость, круглая башня и промежуточное здание, а оставшиеся две трети включают в себя простую стену, ворота и семнадцать сегментных контрфорсов по 9 футов в хорде, расположенных на куртине на расстоянии 3 футов друг от друга. Стена, толщиной около 8 футов, внутри простая. Благодаря такому расположению стена приобрела большую прочность, а также ряд фланговых оборонительных сооружений на единственной стороне, с которой можно было атаковать.

Высота этой части стены составляла, вероятно, около 30 футов, и она стояла на вертикальном обрыве высотой около 20 футов. Бастионы исчезли, поэтому не видно, как стена была укреплена. Аналогичная стена с контрфорсами и более ранней датой существовала в замке Шербур, и нечто похожее есть в Керфилли.

Замок уже был описан. Он стоит в линии этого *энсинта*, на западной стороне, которую он защищает. К замку с северной стороны примыкает прямоугольное здание, вероятно, жилье кастеляна. Его ширина составляет около 30 футов, а длина - 40 футов, подвал вырыт в меловой породе. Оно двухэтажное, с каминами и сегментными арками, и имеет пристройку на севере, возможно, для офисов. Окна в занавесе выходят на скалу в сторону реки. Отсюда лестница спускается к почтовому ящику, а между этим зданием и ящиком находится лестница в кипер.

В северной точке, за пределами стены, но вовлеченный в нее, находится фундамент круглой башни, теперь включенной в квадратный бастион, относящийся скорее к внешней палате, чем к этой.

Постерн является общим для этого и внешнего прихода, точнее, в этом месте они сливаются в один, и постерн пробивает общую стену. Это узкая дверь с плоским верхом, поддерживаемым двумя кронштейнами, и круглой аркой с закрытым тимпаном. Она открывается под углом стены, прикрытой бастионом, и на скарп, так что к ней, должно быть, вел раздвижной мост или лестница, на устройство которой указывают некоторые углубления для прутьев прямо внутри портала. Порткуллиса нет; защитой служила зарешеченная дверь. Потерна находится примерно на 30 футов ниже основания крепости. К нему ведут ступени, вырубленные в меловой породе и мало изношенные.

Большие ворота этой палаты открываются в куртину на востоке, а сторожка почти полностью находится внутри стены. Эти ворота находятся значительно ниже уровня палаты. К ним ведет крутой спуск, а свод портала имеет три висячих ребра или арки, внутри которых находится порткуллис с квадратным желобком. Внутренняя половина портала исчезла; вероятно, здесь был второй свод и порткуллис, а также открытое пространство между ними. Лицевая сторона домика привратника исчезла, но видно, что у домика был простой сегментный свод. Снаружи ворот есть любопытный квадратный паз, как для порткуллиса, но он остановлен и не опускается ниже уровня арки ворот.

Эти ворота выходят в ров. Основание уступа моста сохранилось. Контрэскарп обрушился. Вероятно, в канаве находился центральный пирс. Нынешний мост не является оригинальным. Подход к этим воротам, оставленным Кёр-де-Лионом, представлял собой дамбу, образованную путем оставления скалы неразрубленной. Именно по этой дороге была взята штурмом и захвачена внутренняя палата.

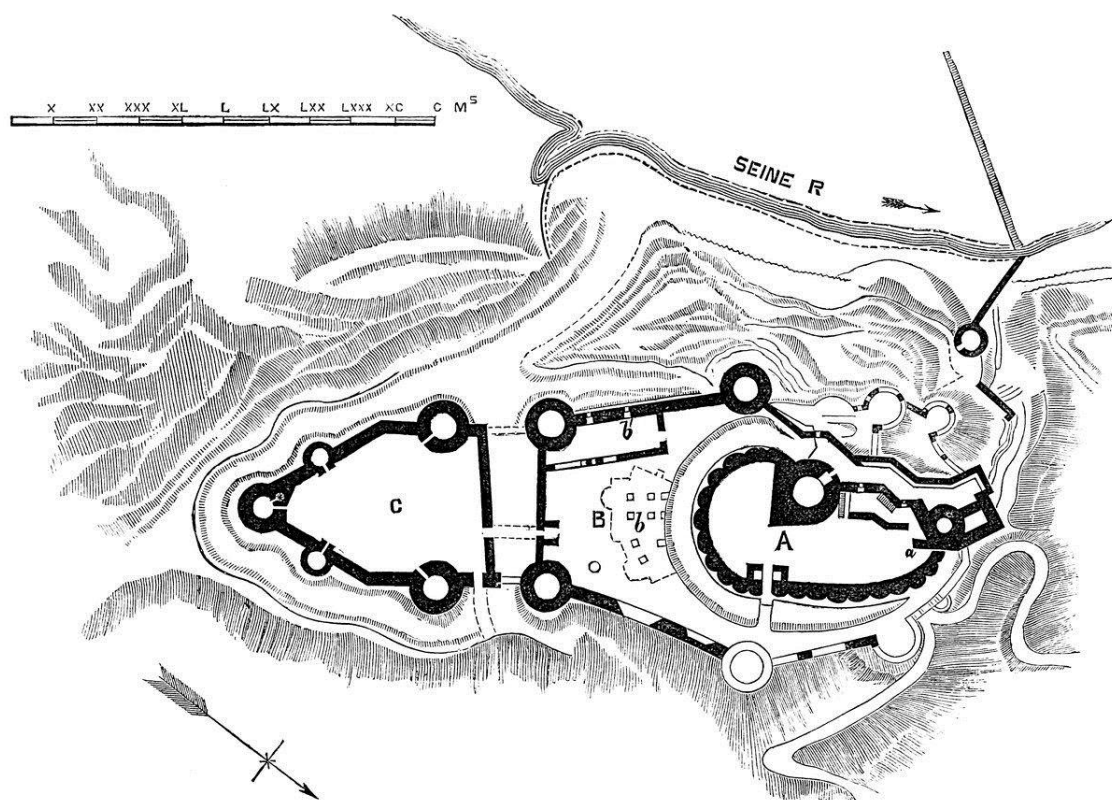
Непосредственно перед воротами находился колодец глубиной 270 футов, ныне заваленный.

За пределами *энсинта* находится ров глубиной около 20 футов и шириной 30 футов у ворот и вдоль южного фронта, с вертикальными сторонами, но обрывающийся на крутом склоне по мере продвижения к северу.

Этот ров, по сути, находится во *внешнем приходе*, который окружает внутренний приход. Этот приход продолговатый, около 325 футов на север и юг и 200 футов на восток и запад. Его северная половина имеет неправильную овальную форму, повторяющую скалу, и заканчивается двумя большими прямоугольными бастионами на обрывистом северном конце. Южная половина почти прямоугольная, с прямым южным фасадом длиной 125 футов,

фланкированным двумя башнями-барабанами. От них отходят боковые куртины, образующие восточный и западный фронт и заканчивающиеся двумя другими барабанными башнями, из которых восточная, почти напротив внутренних ворот, исчезла. Занавес, идущий от этой башни на север, также исчез. С противоположной или западной стороны он представляет собой просто парапет, обрамляющий обрыв и повторяющий его очертания. Судя по тому, как размещена внутренняя палата в этой палате, она занимает почти всю ее северную часть, но оставляет на юге площадку за пределами рва размером примерно 140 футов на 100 футов. Здесь находится прямоугольный фундамент, шириной около 40 футов и длиной 60 футов, разделенный в продольном направлении стеной. Его длина - север и юг, но здесь, как говорят, находилась часовня, вероятно, построенная поперек одного конца. Она была построена при короле Иоанне, располагалась в подвале и находилась в непосредственной близости от садовника замка в западной стене. "Juxta foricas, quod quidem religioni contrarium videbatur", - говорит летописец. Торцевые стены и восточная сторона облицованы ясенем, но сейчас здесь нет ничего похожего на часовню. Однако здесь она, по-видимому, была, и ее крыша виднелась над стеной. Эти фундаменты интересны, так как именно здесь, через окно в смежной стене, во время великой осады в палату проникли и застали врасплох.

ПЛАН ШАТО-ГАЙЯР.

- А. Внутренний двор и крепость.
- а. Постерн.
- В. Среднее отделение.
- b. Подвалы.
- b'. Часовня.
- С. Внешнее крыло или рavelин.

В этом отделении не осталось обычных ворот. В южной куртине есть отверстие, которое вело к большому флигелю, но вряд ли могло быть обычным входом. Не могло быть его и на западном или северном фронтах. Вероятно, он находился на северо-востоке, где сейчас нет стены. Говорят, что он не находился напротив внутренних ворот. В лучшем случае, подъезд был малопригоден для колесных повозок. В восточном квартале этой палаты находился колодец.

Следует упомянуть о любопытных камерах, вырубленных в мелу на уступе рва, из которых в это время в них входят. Их три или четыре, около 80 футов в длину и 7 футов в высоту. Они вырезаны с грубой регулярностью, с пилястрами, прислоненными к стене, и полосами, изображающими сегментные арки. Один большой восьмиугольный пирс имеет крышку и основание, а последний - водоносное углубление, характерное для раннеанглийского стиля, и, очевидно, является оригинальным. Из того, что говорится об этих местах в рассказе о неожиданности этого отделения, можно предположить, что они имели дверь в сторону рва, но, похоже, в них также можно было попасть через круглое отверстие в 4 фута в поперечнике в крыше, как это было в подземельях в Куси.

Внешняя палата имеет свой собственный ров, прорезанный с вертикальными сторонами через хребет перед южной стеной, между ней и задней частью флигеля. Этот ров имеет около 30 футов в ширину и 20 футов в глубину, но обрывается, когда достигает крутого склона.

Флигель, рavelин, или внешняя стена, представляет собой антемуральную работу, предназначенную для прикрытия единственной стороны, с которой замок был открыт для атаки с ровной или, скорее, возвышающейся земли, и для того, чтобы занять то, что в противном случае было бы очень опасной платформой.

По форме это равнобедренный треугольник, основание которого составляет 125 футов, а стороны - 175 футов. Каждый из трех углов увенчан круглой башней диаметром 35 футов, со стенами толщиной 11 футов, которые, кажется, были не менее 40 футов в высоту. Кроме того, в боковых стенах, в 60 футах позади передней башни, находятся две подчиненные башни, также круглые, диаметром 25 футов; и снова, в нескольких футах от них, куртина слегка изогнута, чтобы представить тупой косой угол к полю. Таким образом, хотя в целом сооружение представляет собой треугольник, на самом деле оно имеет пять углов и столько же башен. Передняя башня имеет колодезную лестницу на стыке с западной куртеной. Занавес сильно разрушен, но его высота должна была составлять не менее 30 футов, а толщина вблизи фронта - около 12 футов, в других местах - 8 футов.

Задняя стена, или стена ущелья, не совсем является занавесом для фланкирующих башен. Она расположена немного в стороне от них, на краю рва, а между ней и восточной башней находились ворота, особый и независимый вход во флигель. Северная сторона исчезла, но с другой стороны видны пружинящие порталы арки и квадратный паз порткуллиса. В стене этого ущелья, недалеко от ворот, находится большая арка, соответствующая той, что уже упоминалась в наружной стене. Это, несомненно, был путь сообщения между замком и земляным валом. Этот ров пересекала стена в восточной части, которая соединяла два сооружения и защищала мост. Западный конец заполнен руинами. В настоящее время от построек во флигеле не осталось и следа.

Башни флигеля отличаются большой прочностью и облицованы ясенем. Особенно сильна передняя башня, которая, похоже, никогда не была заминирована или проломлена. Скала

под ней также не нарушена. Возможно, пролом, о котором говорилось во время осады, был в соседней куртине на востоке.

В тылу этого сооружения находится уже описанный ров, а вдоль его фронта и флангов - еще один ров, примыкающий к наружным стенам и самый грозный из всех оборонительных сооружений. Его ширина составляет более 30 футов, а глубина в передовой точке, где земля поднимается, - более 40 футов. Скарп и контрскарп вертикальны.

Кроме этих регулярных сооружений, на западной стороне есть и другие, менее регулярные, но очень грозные. Этот склон скалы в сторону Сены, крутой от природы, был изрезан и защищен искусством. На полпути вниз по склону находится круглая башня, связанная, как утверждают, с вышеупомянутой работой галереей, вырубленной в мелу. От башни к реке спускалась стена, так что подходы с этой стороны и дорога между холмом и рекой были надежно защищены. Эта стена, по-видимому, заканчивалась на берегу реки, на пристани, от которой остались следы, и которая поддерживала один конец мощной плотины или дамбы из свай, протянувшейся через реку и являвшейся частью первоначальной работы Кёр-де-Лиона. Несколько других сооружений были вделаны в скалистый склон, особенно на западной стороне.

Плотина проходила над островом, ранее называвшимся Д'Анделис, на котором находился восьмигранный форт, возведенный еще Ричардом, и от которого сохранились следы. Мосты от этого острова в обе стороны к берегам были деревянными и не оставили после себя никаких следов.

Наконец, следует упомянуть укрепления меньшего Анделиса, ныне разрушенные, и озеро, питаемое водами Гамбона, которое омывало стены Большого Анделиса и полностью окутывало нижний город. Эти дополнительные оборонительные сооружения сейчас разрушены, а озеро осушено и засыпано, но сохранилось достаточно свидетельств, чтобы подтвердить подробное описание Гийома ле Бретона и оправдать описание М. Девиля и реставрацию М. ле Дюка, представленную в превосходных статьях "Шато" и "Донжон" в его "Словаре".

ЗАМОК КРАСЧЕРЧ, ХАНТС.

Город, замок и приорство Крайстчерч расположены на юго-восточной точке и краю умеренно возвышенной местности, которая находится между рекой Стоур на западе и рекой Эйвон на востоке. Эти две реки Дорсета и Уилтса меандрируют подобно своему прототипу,

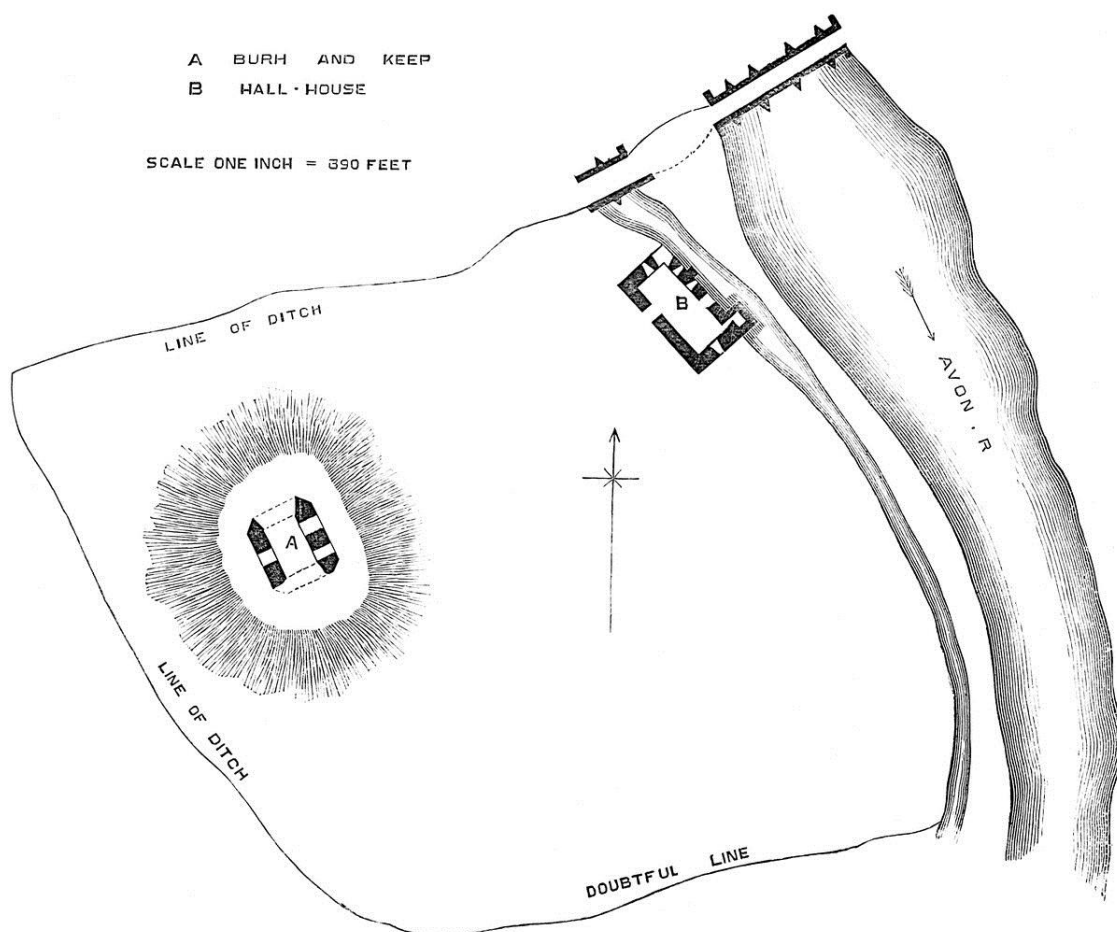
". ... toties qui terris errat in isdem".

и текут по широким и болотистым участкам земли, чтобы соединиться ниже Крайстчерча в просторном заливе, который с юго-востока защищен мысом с наводящим на размышления названием Хенгисбери. Позиция, таким образом, сильна и удобна: неприступная из-за болот на востоке и западе, представляющая на севере узкий и защищенный фронт и расположенная в гавани, в былые времена очень удобной для небольших судов, защищенной от преобладающего западного ветра и имеющей узкий и легко охраняемый вход из соседнего канала. Таким положением не мог пренебречь ни один народ, даже в самую грубую эпоху, и, соответственно, бритты, похоже, укрепили мыс: а те, кто вытеснил их, не только дали этому мысу его нынешнее название, но и, найдя внутреннее положение более

подходящим для своих привычек, укрепили его берегом и рвом, а на огороженной территории возвели обычный курган, или бурх, - обычный признак резиденции раннего английского вождя.

Остатки британского периода ограничиваются двойными берегами и рвами, которые до сих пор венчают мыс, и названиями рек, которые здесь соединяются. От британского города или церкви Абердур, как, вероятно, назывался этот город, не осталось и следа.

Самое раннее упоминание этого места в англосаксонских записях содержится в Хронике 901 г. н.э., где говорится, что после смерти Альфреда и наследования Эдуарда Старшего Этельвольд, сын его дяди, захватил виллу в Винбурне и Твеокснеаме, но после похода Эдуарда на Бадбери и угрозы нападения на Винбурн, ныне Уимборн, он бежал на север. Это утверждение повторяет Флоренс Вустерская с дополнительной информацией о том, что Твикснейм был королевской виллой. Это место под более известным названием Твинхем встречается в грамоте Ательстана, датированной 23 апреля 939 года, в которой, среди прочих земель, он, "король, владеющий всей Британией", дарует Богу и Святой Марии, Святому Михаилу, Святому Сампсону и Святому Бранваладру земли на Авене в Твинхеме. Это королевское поселение долго сохраняло свой характер, и из Domesday следует, что оно принадлежало Исповеднику, а затем королю Вильгельму. Однако задолго до этого времени здесь был основан религиозный дом, и каноники Твинхэма или Святой Троицы из Твинхэма фигурируют в "Обзоре" как главные арендаторы. Вероятно, основание было ранним. Твинберн, или Уинберн, на том же Стоуре в нескольких милях выше, был основан до 705 года, а Уарем - до 876 года. Во времена Исповедника в колледже было двадцать четыре каноника и декан; в правление Руфуса последнюю должность занял Ральф Фламбард, который, как говорят, перестроил колледж, практически заново основанный Ричардом де Редверсом, графом Девона, в правление Генриха I., сын которого, граф Болдуин, добился преобразования светских лиц в каноников ордена Святого Августина. Мельница упоминается в Domesday. Во всех этих документах замок не упоминается.

- БУРХ И ЗАМОК
- В ЗАЛ-ДОМ

ЗАМОК КРАЙСТЧЕРЧ.

Замок, однако, хотя, возможно, и не являлся строением регулярной кладки до столетия позже Завоевания, несомненно, был бурхом задолго до этого события, и, вероятно, по крайней мере, уже в девятом веке, предшествуя, несомненно, и являясь причиной возникновения виллы, или собрания домов. Он стоит на правом или западном берегу реки Эйвон, прямо под старинным мостом, по которому через нее проходит большая дорога. Его восточный фасад находится примерно в 16 ярдах от реки, он поднимается и образует берег Мельничной протоки, которая проходит между замком и Эйвоном. Он начинается примерно в трех четвертях мили выше и заканчивается у древней мельницы Приората, которая теперь называется "Мельница Плейс", в 500 ярдах ниже, где, выйдя из Эйвона, он впадает в Стоур. Поскольку, судя по всему, здесь была только одна мельница, можно предположить, что светские и духовные владыки были едины во мнении по поводу интереснейшей темы мультур. Во всяком случае, именно первый должен был перекрыть подачу воды.

Территория замка была примерно прямоугольной, около 110 ярдов на север и юг, или параллельно реке, и 150 ярдов на восток и запад, - размеры, включающие ров, ныне засыпанный, но на который есть указания, шириной 20 ярдов, вдоль северного и западного фасадов, ныне улиц Касл и Черч. Линия рва вдоль южной, или приоратской, стороны не прослеживается. Старая стена Приората отсутствует, а земля была выровнена и возделана под сад более века назад. Вероятно, ров с каждого конца соединялся с мельничным потоком и заполнялся из него, занимая в самой глубокой части не более 12-15 футов выемки. Несомненно, внутри рва была насыпь, отсыпанная из него, которая впоследствии была

использована для его заполнения. На водном фронте земляные работы не потребовались. Ширина канала составляет 25 футов, а ниже моста река резко расширяется до 130 футов в ширину.

В самой высокой и северо-западной четверти отгороженного пространства находится бурх, который Норден с большой долей вероятности приписывает Эдуарду Старшему после подавления восстания Этельвальда в 901 году. Это продолговатый курган, полностью искусственный, сложенный из мела и гравия. Его размеры составляют 160 футов на север и юг, 150 футов на восток и запад, а вершина - 120 футов на 90 футов; высота - около 20 футов. Этот курган и двор с основанием, с обводным валом и рвом, с водотоком и, несомненно, с сильным частоколом, составляли первоначальную крепость, которая, бок о бок с Приоратом, обеспечивала прилегающему городу временную и духовную защиту. Здесь, на старом месте, Ричард де Редверс, получив перед этим дарственную на поместье от Генриха I, возвел замок, подобный тому, что был тогда в ходу. Он обнес территорию стеной, разместив, вероятно, свой заслон вдоль гребня берега и на краю мельничного канава. Свой замок он построил на насыпи, а зал и хозяйственные постройки - по линии стены, вдоль кромки воды. Считается, что он также обнес город стеной. Сохранившаяся каменная кладка очень скудна и ограничивается некоторыми фрагментами замка и дома, оба из которых, по-видимому, являются оригинальными.

Крепость своеобразна как по расположению, так и по деталям. Она прямоугольная или была прямоугольной, и стоит на вершине кургана. По понятным причинам очень необычно находить прямоугольные хранилища, расположенные на искусственных земляных насыпях. В Гилфорде, где это, по-видимому, так, башня построена на склоне кургана так, что по крайней мере одна ее половина спускается к тверди. Несомненно, возможно, что здесь, поскольку курган имеет небольшую высоту, фундамент может быть заложен под ним; но более вероятно, что это не так, и инженер доверился огромной ширине своей кладки, чтобы распределить вес и таким образом избежать неравномерного оседания. Обычно, когда хранилища возводятся на искусственных насыпях, они относятся к типу ракушечника, как в Арунделе.

Эта башня также отличается своими деталями. Это была прямоугольная башня, 50 футов с севера и юга на 46 футов с востока и запада. Толщина ее стен составляла 11 футов. От пилястр не осталось и следа, а углы скошены, причем фаска составляет около 6 футов. В настоящее время сохранились только восточная и западная стороны высотой около 30 футов, и по ним трудно определить, как было устроено здание. В западной стене находится один проем, в восточной - два, плоских, шириной 8 футов, высотой около 18 футов, спускающихся до уровня земли. Сверху они закрыты очень плоскими сегментными арками - фактически наличниками, - разгруженными тупоконечными, если не круглоголовыми, арками конструкции в работе, находящейся непосредственно над этими деталями, насколько их можно увидеть или предположить. Низкие и большие проемы, скошенные углы и отсутствие пилястр совершенно не похожи на то, что обычно бывает в норманнских замках; хотя, судя по огромной массе и общей форме здания, оно вряд ли может быть не норманнским. Митфорд в Нортумберленде, хотя и отличается в деталях от нынешней башни, так же сильно отличается от обычного типа, и это, безусловно, норманнская постройка. Работа этого хранилища представляет собой нечто вроде грубого пепла, грубого, но хорошего качества. Возможно, можно было бы обнаружить больше деталей, если бы не густая драпировка плюща, который на этой стадии упадка служит для защиты здания.

Зал, называемый Домом констебля, представляет собой прямоугольное здание, 80 футов с севера и юга на 35 футов с востока и запада, расположенное на окраине канавы и возвышающееся над ней, так что его широкая сторона образует часть внешней линии обороны на востоке. В настоящее время она стоит отдельно, но, вероятно, примыкала к куртине, от которой, однако, сейчас не осталось и следа. С юго-западным углом, по-видимому, было связано здание.

Здание состояло из подвала и первого этажа. На каждом конце был высокий скатный фронтон, от которого сохранился только южный. Толщина стен составляет 5 футов, а внутренние размеры - 70 футов на 25 футов. Подвал находится на уровне земли и примерно на 1 фут выше уровня воды в канале, высота которого регулируется люками. Вход из замка находился в западной части, в 16 футах от северного конца. Дверной проем длиной 5 футов, по-видимому, имел сегментную головку, но зола была грубо удалена. В двух концах находились петли: та, что на юге, давно закрыта. На восточной стороне, в северном конце, есть две петли. Все эти петли представляют собой прямоугольные щели, предназначенные, очевидно, для воздуха, а не для защиты. Каждая из них помещена в раздвинутое углубление шириной 4 фута 6 дюймов с сегментной головкой. Также в восточной стене, в 4 футах от южного конца, находится аналогичное углубление, открывающееся в небольшую дверь, которая вела в башенку-гардероб. Далее, к северу от нее, в 12 футах от южного конца, находится дверь, выходящая на воду, шириной 7 футов, с очень плоской аркой, очевидно, оригинальной. Косяки выполнены из пепла, а капители имеют своеобразный характер. Очевидно, это были ворота для ввоза товаров с реки, расположенные в нескольких ярдах за канавой и в нескольких футах ниже нее. Гардеробная башня представляет собой выступ площадью 12 футов квадратных от восточной стены на ее южном конце, стоящий в канале и пронизанный внизу круглоголовой аркой или водопропускным сооружением шириной 4 фута, через которое свободно течет вода и в которое сбрасываются гардеробы. Этот подвал, очевидно, служил складом. Говорят, что его пересекала стена. Сейчас от нее не осталось и следа.

На втором этаже находился зал, который занимал всю его площадь. Главный вход находился в южной части, у юго-западного угла, через дверь с сегментной головкой; в северной стене - окно из двух соединенных фонарей, каждый под сегментной головкой, с наружными капельниками, и все это помещено в наружную круглоголовую нишу, по бокам которой находятся фланкирующие валы, вырезанные в виде уголков. Выше, не доходя до центра, находится карниз, вырезанный в виде человеческой головы. Головка арки и тимпан сильно украшены разновидностями шевронной лепки, а на фасках меньших капельниц вырезаны розетки с большой изысканностью. Хотя это окно сильно задрапировано плющом, видно, что оно является поздним нормандским и очень красивым. Похожие по типу, но менее богатые орнаментом окна есть в боковых стенах, по два в каждой, а возможно, их было три, на что указывают выемки в плюще. В восточной стене, в 20 футах от северного конца, находятся остатки большого камина, от которого сохранилась выпуклая задняя часть и верхняя часть круглого туннеля, а над ним - высокий цилиндрический дымоход-шахта, вероятно, оригинальный. Дверь с южного конца этой стены вела в башенку садовника, которая имела петлю на восток. В южном фронте также есть круглоголовое окно, которое выходило на крышу. Сводов не было; пол и крыша были деревянными, причем последняя была открытой.

На снимке Гроуза, сделанном в 1783 году, видна башня-гардероб на всю высоту боковой стены и большой дымоход, не заросший плющом. На снимке также виден северо-восточный угол, внутри которого находилась колодезная лестница. Сейчас этот угол обвалился или был

удален, а его разрушенные части так заросли плющом и мусором, что ничего нельзя сказать о том, что могло остаться; но, несомненно, лестница поднималась из подвала на главный этаж, а оттуда на крышу или на валы куртины. Во времена Гроуза северная стена была обременена коттеджем, несколькими дымоходами и другими кирпичными пристройками; сейчас они удалены. Башенка-гардероб была умышленно снесена, когда замок переходил из рук в руки в конце прошлого века. В журнале "Джентльменс мэгэзин" было опубликовано письмо с жалобой на это, которое, возможно, остановило дальнейшие разрушения.

Примечательно, что здание, очень похожее на это, находится в замке Десмонда, в Адаре, недалеко от Лимерика. Это позднегенуэзский замок с прямоугольной крепостью, хотя и не на кургане, так как земля здесь естественно высокая; а чуть ниже крепости, на берегу реки, находится дом-холл. На уровне земли находится подвал, очевидно, склад, с отдельным входом, а выше - зал с дощатым полом и открытой крышей. Садовая башенка выведена к ручью, под ней находится водопропускная труба, и она почти идеальна. Здесь сохранились сторожка, зал и ворота, и если, что вполне вероятно, вход в Крайстчерч находился у реки, у подножия моста, то относительное расположение зданий будет таким же. Превосходный план замка Десмонда, а также многое другое ценное можно найти в "Мемориалах Адара" лорда Данрейвена.

Замок Крайстчерч не был сценой какого-либо выдающегося события, и его название не фигурирует в истории страны или даже графства. Впервые поместье было отчуждено от короны Генрихом I в пользу Ричарда де Редверса, которого он назначил графом Девона. В "Монастиконе" (vi., 304) напечатано пожалование или подтверждение этим графом каноникам Крайстчерча *"Terram usque in aquam de havene, quæ est inter cimeterium et fossatum castelli, messuagium supra ipsius castelli fossatum, quod habent ex dono Gamelini."* Это первое упоминание о замке, и, следовательно, он появился раньше 1137 года, в котором умер граф Ричард. Поскольку каменная кладка замка выглядит на двадцать или тридцать лет позже, речь может идти о земляных сооружениях или более древнем замке; и нынешнее здание могут быть делом рук Болдуина, второго графа, который выдал грамоту, аналогичную грамоте своего отца, подтверждающую земли между церковным двором и рвом замка (ibid., vi., 303). Граф Болдуин умер в 1155 году. В парламентских списках упоминается Джон Рэндольф, бывший судья, как надзиратель замка во времена Генриха I. Сыном и преемником Болдуина был граф Ричард, который подтвердил его дары и умер 8 Генриха II, 1161 г., оставив Болдуина, четвертого графа, который умер бездетным, а его преемником стал его брат Ричард, пятый граф, который также умер бездетным. Наследником стал Уильям, прозванный де Верноном, шестой граф, брат Ричарда, третьего графа, и дядя двух последних графов. Он процветал во время правления Ричарда I и Иоанна. Вероятно, в эти переходные периоды корона выступала в роли опекуна, поскольку в заявлении в Курию Регис в 1194 году некий Роджер Васпайл утверждает, что конфискация определенных земель была передана ему графом Джоном *"in werra sua dum fuit in Castello de Cristescherche"*. Немного позже, когда граф Уильям уже был во владении, король (2 Иоанна) подтвердил соглашение, заключенное Уильямом де Верноном, графом Девона, по которому замок Плимpton, замок этой чести, должен был перейти к его старшей дочери, а Крайстчерч и остров Уайт - к Джоан, младшей. Джон находился в Крайстчерче, либо в приорстве, либо в замке, 13 декабря 1201 года. Вероятно, этот документ был составлен до рождения Болдуина, сына графа, или когда предполагалось, что Болдуин умрет бездетным. Как бы то ни было, он не вступил в силу, поскольку, хотя Болдуин умер раньше своего отца, он оставил сына, Болдуина, седьмого графа, который также был графом острова Уайт.

В 1210 году, 11 Иоанна, король снова был в Крайстчерче, по пути из Кларендона в Кэнфорд. Болдуин умер в 1245 году, оставив сына, другого Болдуина, восьмого и последнего графа из дома Редверсов. Он умер в 47 году при Генрихе III, в 1262-3 годах, и описан как Болдуин де Лисле, граф Девона, и умер, завладев поместьем Крайстчерч. Из "Testa de Nevile" следует, что он владел этим поместьем "de veteri feoffamento", по какой службе - не указано.

Наследницей графа была его сестра Изабель, которая вышла замуж за Уильяма де Фортибуса, графа Альбермарля, умершего в 1260 году. Изабель унаследовала все поместье с возвращением Крайстчерча, который принадлежал графине Маргарет. Графиня Изабель умерла до 1269 года, оставив одного ребенка, Авелину, которая вышла замуж за Эдмунда Краучбека, сына Генриха III. Она умерла бездетной, унаследовав Крайстчерч после смерти графини Маргарет в 20 году Эдуарда I, в котором она также умерла, предоставив или завещав Крайстчерч и некоторые другие части графства королю, которому в 1299 году, 27 году Эдуарда I, "Castrum de Cristeschurche de Twynham cum burgo et Manerio de Westovre et Hundredo de Cristeschurche" были переданы в качестве части дани королевы Маргарет. На эти владения, как часть графства Девон, претендовал в 1315 году, 8 и 9 Эдуарда II, Хью де Куртенэ, как генеральный наследник графини Изабель, но безуспешно. Замок перешел к Эдуарду III, который поместил в него Томаса Веста в качестве смотрителя.

На третий год своего правления король пожаловал сэру Уильяму де Монтакуте, впоследствии графу Солсбери, замок и округ Крайстчерч-Твайнам, поместье Вестовр и сотню Крайстчерча. Граф умер с такими правами, и его завещание датировано 20 апреля 1397 года в Крайстчерч-Твайнаме. За исключением короткой конфискации графом Джоном Генриху IV, замок оставался за Монтакутами до графа Томаса, который умер в 7 году Генриха V и оставил его своей дочери и наследнице Алисе, которая вышла замуж за Ричарда Невила. Вероятно, он считался мужским вотчиной, так как в 32 году Генрих VI предоставил Ричарду, графу Солсбери, право аренды на двенадцать лет манора, бора и сотни в пользу леди Алисы, его жены, за арендную плату в размере красной розы. Судя по всему, срок аренды был продлен и в конечном итоге превратился во фригольд, поскольку поместья Крайстчерч принадлежали сыну Ричарда и Алисы, королю-мастеру Уорику, и перешли к его старшей дочери и сонаследнице Изабель, которая вышла замуж за Джорджа, герцога Кларенса. Их сын, Эдуард, граф Уорик, владел Крайстчерчем до его конфискации и смерти, после чего (5 Генриха VIII.) его владения и титул Солсбери были разрешены его сестре Маргарет, казненной в 1541 году, и которая после своей смерти или конфискации владела поместьем, замком, боро и сотней Крайстчерча, которые затем отошли Короне. Именно по наследству от графини Маргарет, через ее внучку Кэтрин Поул, наследники баронства Гастингс претендуют на придел, возведенный в честь их предка Плантагенета в церкви при монастыре. Они, несомненно, являются общими наследниками; наследник мужского пола - граф Хантингдон.

От Генриха до Якова Крайстчерч оставался в собственности короны. Последний государь передал его попечителям в пользу принца Чарльза, после чего он переходил по наследству через разные руки и, наконец, был куплен сэром Джорджем Роузом в 1790 году. Сейчас он является собственностью лорда Стратнейрна.

Здания Приората стояли к югу от церкви, но от них сохранились лишь скудные следы. Есть значительные фрагменты стены с юга и востока, фрагменты двух башен с фресками и ворот. На юго-западе, в низине на берегу Стоура, на краю влажной земли, называемой "Куомпс", сохранились следы большого рыбного пруда. За мельницей находятся "монастырские луга".

На щитах, завершающих капельный камень западной двери башни, изображены, с декстера, "крест-патонс" де Фортибуса, а с синистра - Монтакут, четвертующий Монтермера.

ЗАМОК КЛИФФОРД, ХЕРЕФОРДШИР.

Замок Клиффорд - самая западная из крепостей, которыми защищена линия реки Уай, проходящая через графство Херефорд, и которые, судя по всему, были построены, некоторые задолго до, некоторые незадолго до, а другие вскоре после норманнского завоевания, для защиты этих плодородных земель от вечно агрессивных валлийцев из Брекнока и Рэdnора.

Еще в первой четверти девятого века саксы под предводительством Эгберта подчинили Уэльс номинально. И этот великий принц, покорив Мерсию и получив власть над всей Англией, не исключено, что укрепил мерсийскую границу и саксонские приобретения в целом на валлийской стороне; к этому периоду, вероятно, относятся такие земляные сооружения, как в Кардиффе, Керлеоне, Шрусбери, Старом Радноре и Буилте, а также частично разрушенные в Херефорде и полностью в Вустере: земляные сооружения, которые в своих основных чертах напоминают те, что были возведены в начале X века в Татбери, Тамворте и Лестере Эдуардом Старшим и его сестрой Этельфлед.

Но что бы ни происходило в то время, совершенно точно, что во время правления Исповедника несколько его нормандских фаворитов обосновались в Англии, и среди них Ричард Фиц-Скроб, владевший землями на севере Херефордшира, который основал там замок Ричарда и дал ему название. Поскольку этот замок вызывал много нареканий, он, вероятно, отличался от деревянных укрепленных домов английских танов, и вполне мог быть каменным, по возвышающейся норманнской моде. Это, безусловно, было место значительной силы, и оно пригодились во время вторжения принца Гриффита в 1052 году. Вероятно, эта мода не распространилась среди англичан, поскольку, когда тот же принц вторгся в Арченфилд и сжег город Херефорд в 1055 году, он без особых затруднений вошел в сильное место, или Гаер, которым оно было защищено, и частью которого, несомненно, были берега и рвы, все еще сохранившиеся, и курган, который, как известно, был снят. Гарольд вновь захватил и укрепил город в 1056 году.

Херефордшир был в то время и долгое время после этого одним из самых ценных и самых угрожаемых английских приобретений на валлийской границе. До норманнского завоевания он находился под энергичным владычеством графа Гарольда, который отбил валлийцев от Раддлана до Глостера и Чепстоу, хотя и не смог помешать Карадоку ап Гриффиту разрушить охотничий замок, строившийся для Исповедника в Портскьюте. То, что Гарольд поощрял строительство укрепленных мест в этих походах, вполне определенно, поскольку из небольшого числа замков, записанных в Domesday Survey, не менее десяти названы стоящими в походах Монмута и Херефорда: Вигмор, Клиффорд, и Чепстоу, из которых Вигмор считается одним из старейших в королевстве; Монмут; Эвиас, основанный до Завоевания и отремонтированный до Домсдея Алуредом де Марлебургом; Авретон; Керлеон, известный своими римскими стенами и горой; замок Феррарс; Хердесли; Уотерли. Эти и некоторые другие, не упомянутые в "Обзоре", но существовавшие в то время, были укреплены и удержаны норманнскими захватчиками.

Замок Клиффорд стоит на правом берегу Уай, на дне одного из тех коротких и резких изгибов, которые так часто встречаются на пути течения этой реки и которые придают ей особую красоту. Он венчает скалу из красного песчаника, возвышающуюся на 150 футов над потоком и расположенную в непосредственной близости от него. Обрыв, от природы крутой, недавно был сделан искусственно, чтобы между замком и рекой могла пройти железная дорога Брекон и Херефорд. Утес является частью холма, длиной около полумили, который в результате длительного течения реки превратился в полулунную фигуру. Самая высокая часть этого холма превращена в узкий язык широким и глубоким оврагом, который спускается с севера почти параллельно Уайю и заканчивается на берегу реки. Таким образом, между оврагом и рекой выделяется длинный, сужающийся кверху хребет, на котором и стоит крепость. Овраг ограничивает хребет с юга и востока, а естественная впадина небольшой глубины пересекает его в широком северном конце. Промежуточную часть пересекают два искусственных поперечных рва, которые идут от реки к оврагу, глубиной около 100 футов, но все же значительно выше уровня обоих.

Центральная и самая высокая часть, выделенная таким образом, содержит внутреннюю палату; к югу от нее находится небольшое, но сильное разделение, составляющее флигель; а на севере - более низкое, но широкое пространство внешней палаты, и все три части расположены в одну линию.

Внутренняя палата, от которой остались только здания, имеет четырехугольную форму, около 100 футов в квадрате. Вдоль западного или речного фронта расположены зал и отхожее место. На южном фронте находится полукруглая башня и куртина. Восточная, или овражная, сторона разрушена до уровня земли, как и почти вся северная часть, в которой находились ворота. Зал размером 20 на 40 футов находился на втором этаже. Под ним находился магазин или подвал, восточная и южная стены которого исчезли. Вход в него и освещение, вероятно, выходили на двор или восточную сторону. В зале был деревянный пол. Он освещался тремя окнами в западной или речной стене. Из них сохранилась ниша одного, с довольно низкой, заостренной аркой. Дверь в северной стене вела в отхожее место, а в южной - в башню с фресками. Восточная и южная стены исчезли. Отхожее место занимало изогнутый угол палаты между залом и воротами; под ним находился цокольный этаж. Южный конец зала, как и западный, представлял собой внешнюю куртину. Он примыкал к полукруглой башне диаметром 30 футов со стенами толщиной 9 футов и стеной-ущельем толщиной 5 футов вровень с внутренней стороной куртины. В этой башне, по-видимому, был подземный этаж, ныне засыпанный. В подвале есть дверь со стороны двора, в ущелье; еще одна дверь на западной стороне, вероятно, потерна, и две петли с широкими углублениями, открывающиеся в сторону поля. Верхний этаж также имел две петли в поле, окно в ущелье и с каждой стороны по двери, одна из которых вела в зал, а другая - в настенную камеру внутри занавеса и содержала двойной садовый павильон. Полы были деревянными. Лестница и камин отсутствуют.

Занавес обрывается к юго-восточному углу, где он, по-видимому, расширялся и, вероятно, примыкал к башне. В ней находится настенная камера - гардероб, один, на уровне второго этажа, который, очевидно, открывался из разрушенной башни. Два упомянутых гардероба открываются косыми проемами в стене, примерно в 5 футах от земли, без каких-либо выступов. Поскольку весь восточный или овражный фронт исчез, трудно сказать, были ли башни на юго-восточном и северо-восточном углах; вероятно, были, и круглые. На северном фронте находятся два круглых углубления, очевидно, на месте двух башен надвратной башни, а между ними - вход. Он ведет из внешней палаты и пересекает ров по земляной насыпи шириной около 6 футов в верхней части, подъем по которой от контрэскарпа рва к

порталу очень крутой. По-видимому, эта насыпь является оригинальной и была выложена камнями по краям. В конце рва, где он выходил на берег реки, его пересекает занавес толщиной в 6 футов, предназначенный для того, чтобы враги не могли проползти по берегу реки и застать врасплох соседние ворота. Сейчас высота этого занавеса составляет около 6 футов, но, вероятно, он был 25 или 30 футов.

Флигель, расположенный к югу от внутренней палаты и отделенный от нее очень узким, но глубоким рвом, нелегко объяснить. Это крайняя часть хребта, треугольной формы, 60 футов на сторону, ровная, без следов земляных работ или какой-либо кладки. Три уступа очень крутые, довольно острые и чисто вырубленные, мягкая порода покрыта отличным прочным дерном. Эта выработка находится так опасно близко к внутренней палате и на таком высоком уровне, что она, должно быть, была занята, вероятно, острогом или деревянным сооружением. Это очень любопытное сооружение.

Внешнее укрепление, расположенное на северном конце или в корне хребта, находится на 60 или 70 футов ниже и гораздо шире внутреннего. С юга его защищает поперечный ров, через который проходит дорога во внутреннее отделение; с запада - речной утес высотой от 80 до 90 футов, а с востока и севера - крутой обрыв, частично из красной породы, частично выложенный каменной кладкой и глубиной от 10 до 20 футов. За ним находится верхняя часть оврага и естественная впадина, соединяющая овраг с берегом реки. Это место представляет собой нечто среднее между квадратом и кругом и имеет около 300 футов в диаметре. С восточной и южной, или открытой, стороны он, очевидно, был защищен занавесом, вероятно, низким, а земля, обычно ровная, поднимается в виде пандуса к тому, что, по-видимому, является остатками стены. Этот пандус отсутствует на речной и южной сторонах, которые, будучи покрыты рекой и речной палатой, были, вероятно, только палисадом. Примерно в центре восточного фасада находится невысокая насыпь, по-видимому, фундамент круглой настенной башни.

Впадина в центре южного фронта указывает на то, что здесь находился внешний вход; а посередине между ним и мостом, ведущим во внутреннее отделение, находятся две длинные кучи земли и камня с проходом между ними. Они очень похожи на остатки длинной сторожки между внешними и внутренними воротами; но если это так, то она должна была находиться в середине стены, разделявшей внешнее отделение на две части, от которой не осталось и следа.

Эта внешняя стена, никогда не отличавшаяся особой прочностью, очевидно, предназначалась для приема жителей деревни и скота во время вторжения валлийцев. Земляные сооружения, хотя и более глубокие и широкие, чем норманны обычно придавали такой маленькой крепости, не имеют ничего общего с британскими или саксонскими работами и, вероятно, не старше Завоевания или предшествующего ему царствования. Но ни одна из существующих каменных кладок не может быть с уверенностью названа норманнской. Стены сложены из некачественного и грубо обтесанного бутового камня; не осталось ни одного ашлара, кроме жирного кордона или бусины, которая проходит по верху нижней или таранной части стены, и то не по всему периметру. Арки настенной башни имеют плоское острие. В целом, общий вид зданий указывает на правление Генриха III, и ни одно из них не кажется более древним. Определенно, не видно ни одной явно норманнской работы.

Канавы были практически сухими, хотя, возможно, они принимали и удерживали больше или меньше воды с суши.

У основания склона флигеля овраг был углублен для прямоугольного пруда, вероятно, рыбного, и на одном из ранних рисунков показано, как здесь собиралась вода.

Если смотреть с внутреннего двора на реку, то прямо над замком хорошо видна линия старого мельничного канава, ныне зеленого, и небольшое озеро, на котором, должно быть, стояла замковая мельница. На реке, несколько расширенной, виднеется брод, а напротив, на краю широкого пространства низкого ровного луга, находится деревня Кабалва, что в переводе с валлийского означает "лошадиный брод". Таким образом, в одном месте видны утес и брод, которые при саксонском владычестве дали название приходу, и от которых одна из самых знаменитых английских семей получила свое имя.

Клиффорд, хотя и был колыбелью великого рода, мог быть ценным только в то время, когда Херефордшир был небезопасным владением. С заселением страны при Эдуарде I он, вероятно, пришел в запустение и упадок. Он слишком мал и слишком неудобен для доступа, чтобы удерживать его, кроме как в целях безопасности; а история, которую он имеет, ограничивается очень ранним и воинственным периодом.

Считается, что замок, а также Стригуил или Чепстоу, Эвиас и Вигмор были основаны Уильямом Фиц-Осборном, одним из спутников Завоевателя и первым нормандским графом Херефордшира. Он был убит в 1070 году, а его третий сын, Роджер де Бретуй, унаследовавший его английские земли, лишился их еще до проведения исследования Домсдей, когда замок находился во владении Ральфа де Тони, который, по словам Дагдейла, женился на Алисии, одной из дочерей Роджера. Как бы то ни было, он владел замком Клиффорд на момент проведения исследования и умер в 1102 году.

Как замок перешел от де Тони, неизвестно, но здесь поселился Саймон, сын Ричарда Фицпонса, и основал приорство, а он и его брат Ричард, по словам Дагдейла, приняли фамилию Клиффорд. Уолтер де Клиффорд, сын Ричарда, был великим бароном-марчером и жил в 1165 году. Его сын, Уолтер второй, был еще более могущественным бароном. Он умер в 1222 году, женившись на Маргарет, дочери Ллевелина, принца Уэльского, и был отцом третьего Уолтера и Роджера, родоначальника великого дома Клиффордов, графов Камберлендских. Он вполне мог быть строителем существующего замка.

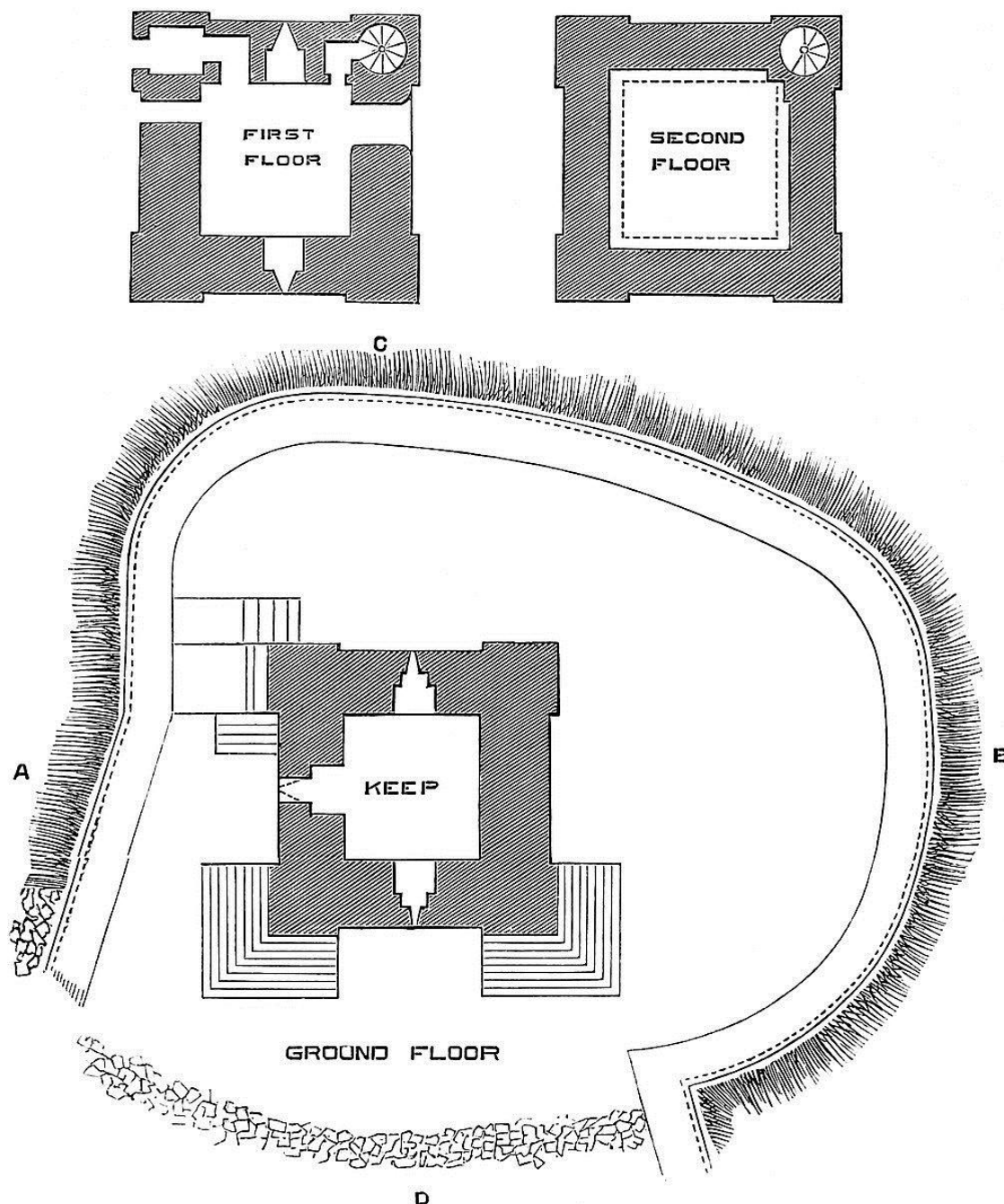
Уолтер, умерший в 1263 году, завершил старшую линию. Мод, его наследница, как говорят, вышла замуж, во-первых, за Уильяма де Лонгспе, графа Солсбери, а во-вторых, за Джона Гиффарда из Бриммсфилда, который владел, вероятно, при ее жизни, замком Брунлесс, поместьем Гласбери, поместьем и замком Клиффорд, а после смерти 27 Эдуарда I был лишен их. Дочь Мод от Лонгспе вышла замуж за Генри де Лейси, графа Линкольна, и, вероятно, после смерти матери получила свое наследство, поскольку в ходе инквизиции, проведенной над де Лейси и его женой, 4 Эдуард II, были включены поместье и замок Клиффорд. Вероятно, к этому времени замок утратил свое значение, поскольку больше он не упоминается в инквизиции. Обычно его не считают капитулом чести; но в инквизиции Гиффарда упоминаются его арендаторы, получавшие рыцарскую службу, а Джон де Соларс, 4 Эдуард II, владеет поместьем Raunteleye "честь Клиффорда" в графстве Глостер, которое в те времена не всегда отличалось от других частей марша.

Церковь Клиффорда не проливает свет на архитектуру и владельцев замка. Башня значительных размеров и солидного вида, возможно, довольно старая, но остальная часть здания была перестроена в манере церковного старосты, распространенной в 1836 году, однако крыши были сохранены. Кроме того, от старого здания сохранились хороший крест с крышкой гроба в круге, неразумно установленный в качестве порога северной двери; купель, или, скорее, восьмиугольная чаша одной из них, вероятно, декорированной; и в алтаре, свободно стоящее на полке, очень хорошее изображение церковного служителя в

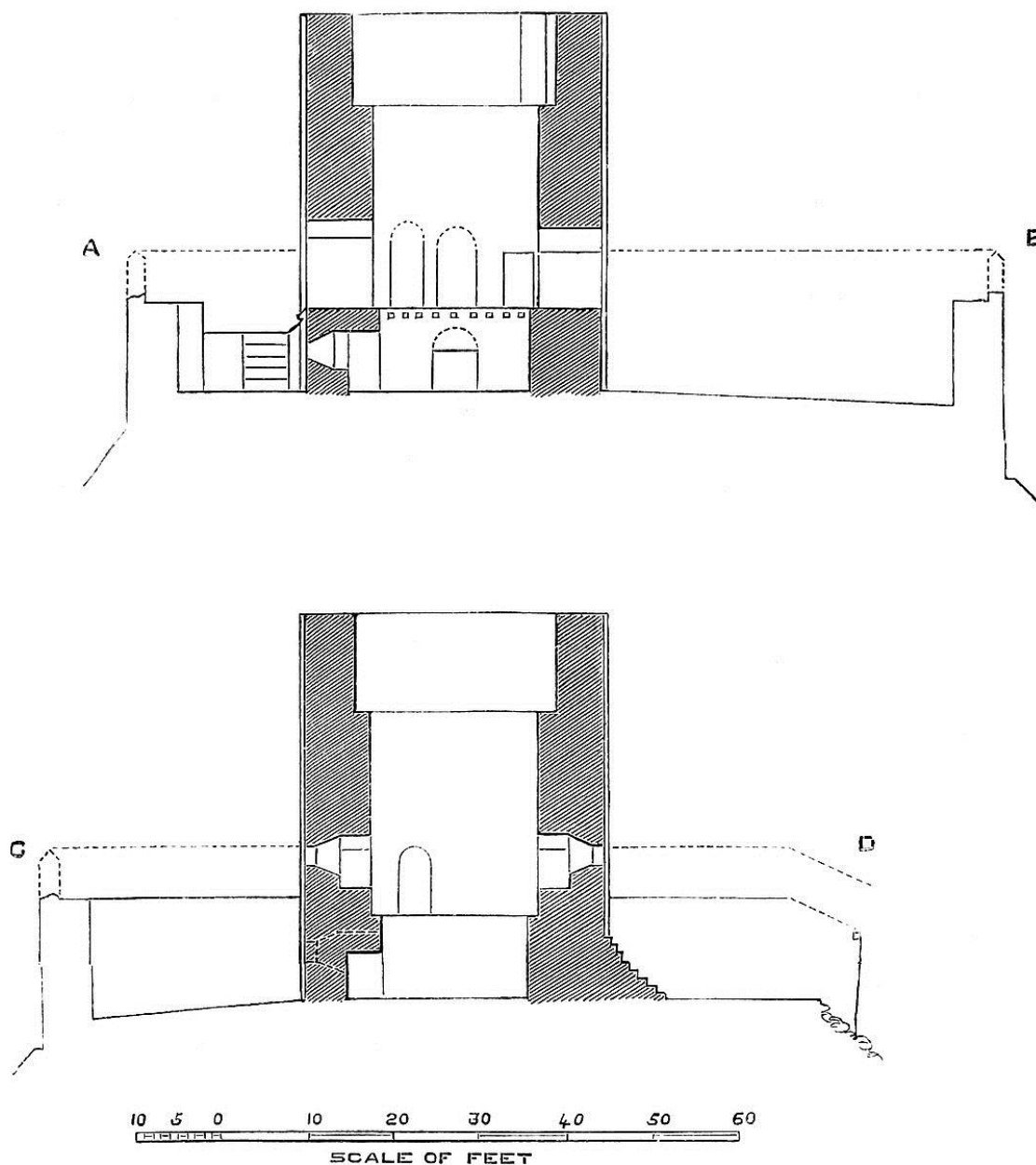
натуральную величину, в одежде и постриге, смело спроектированное и прекрасно выполненное из дерева, которое заслуживает лучшего ухода.

ЗАМОК КЛИТЕРО, ЛАНКАШИР.

Замок Клитеро, главная резиденция древней и обширной чести, хотя и один из самых маленьких, но, возможно, самый сильный, самый старый и, судя по его положению, один из самых примечательных крепостей Ланкашира. Она расположена на левом, или восточном, берегу Риббла, где проходит граница между Йоркширом и Ланкаширом, в трех четвертях мили от потока и примерно в 130 футах над ним. Он занимает вершину и верхнюю часть известняковой скалы, которая, местами обрывистая и очень крутая на северном склоне, падает, в зависимости от наклона скалы, менее круто к югу или юго-западу. Поэтому северная точка была выбрана для крепости и верхней палаты, а для нижней палаты и подходов к ней - плечо и склоны с юга. Римская дорога из Манчестера через Скиптон в Йорк поднимается по долине примерно в полумиле к востоку от скалы, которую вряд ли могли игнорировать в качестве военного поста люди, владевшие этим районом в другие, не очень мирные времена. Город Клитеро возник у подножия скалы на северо-востоке.

Замок стоит внутри, но близко к восточной стороне небольшой округлой площадки размером 80 футов на 90 футов, заключенной в куртину, которая окаймляет край скалы. Толщина этого занавеса составляет 6 футов, высота внутри - 12 футов, а снаружи - от 14 до 20 футов. Контур, который, несомненно, был полным, прерывается примерно на 70 футов с южной стороны. Это ширина горловины, через которую верхняя палата соединялась с нижней, и занавес на каждом конце разрыва выдвинут на юг и юго-восток вниз по крутизне, чтобы включить последнюю. Таким образом, не хватает ни одной внешней занавески, только внутренняя и поперечная стена между двумя палатами. Открытое пространство представляет собой отвесную крутую скалу. Вероятно, над ним находилась поперечная стена и дверной проем, а снизу к нему вела узкая лестница.

Храм сложен из грубой бутовой кладки, с пепельными кромками и перевязками. Она не имеет ни цоколя, ни подступенков, ни колонн и сохраняет свои внешние размеры до вершины. Каждый угол увенчан двумя пилястрами шириной 9 футов на 11 дюймов. Они соединяются на углах, которые являются сплошными. Два южных угла поддерживаются экстравагантно большими низкими контрфорсами, современными, но говорят, что им предшествовали контрфорсы, похожие на них, хотя и гораздо более слабые.

Площадь храма составляет 33 фута, а высота - около 43 футов. Толщина стен у основания составляет 8 футов, и, следовательно, они окружают камеру площадью 17 футов. Это подвальный этаж, расположенный на уровне земли. Его высота составляет 9 футов, а пол, который покрывал его сверху и теперь исчез, опирался на девять балок и поэтому был очень прочным. Северная, южная и западная стены пронизаны петлей, установленной в круглом углублении шириной в 5 футов и высотой в 5 футов. Две из этих петель превратились в открытые проломы, а третья, северная, была замурована, а углубление закрыто плоской перемычкой. На этот этаж, должно быть, можно было попасть из комнаты выше с помощью сифона и лестницы. Как обычно, это был склад, ведь ценность этих крепких небольших башен зависела от того, насколько хорошо они были снабжены.

Первый этаж опирается на футовую опору, поэтому его площадь составляет 19 футов, а толщина стен - 7 футов. Его высота составляет 23 фута. В северной и южной стенах имеются небольшие петли с квадратными головками, помещенные в круглые углубления с проемом 4 фута 6 дюймов. В западной части, ближе к северному концу, находится дверной проем шириной 2 фута 10 дюймов и высотой 8 футов, с круглой головкой. В северной стене, с каждой стороны петли, находится дверь. Одна из них, с плоским верхом, проемом 2 фута 6 дюймов и высотой 6 футов, ведет через небольшой вестибюль с фресками, размером 4 фута 8 дюймов на 3 фута 2 дюйма, на колодезную лестницу диаметром 7 футов, которая занимает северо-восточный угол и, начинаясь на этом уровне, поднимается на бойницы по пятидесяти четырем ступеням. Другая дверь, открывающаяся на 2 фута 11 дюймов, высотой 8 футов и с круглой головкой, ведет через проход, изогнутый под прямым углом и имеющий бочарный свод, в простую настенную камеру, 7 футов на 5 футов, также бочарно сводчатую, и которая, несомненно, имела петлю в западной стене. Эта стена, однако, теперь разрушена, так что камера имеет вид входного лобби, которым она, конечно, не была.

Второй, или самый верхний, этаж опирается на отступ в 2 фута, поэтому его площадь составляет 23 фута, толщина стен - 5 футов, а высота в настоящее время - 11 футов. Как ни странно, здесь нет никаких следов проемов в стенах, как будто они были добавлены в современное время только для эффекта, что, однако, не похоже на правду. Лестница, однако, несомненно, была отремонтирована и, несомненно, первоначально открывалась в этот этаж. Стена у внутреннего угла несколько утолщена, чтобы дать место для лестницы. Возможно, стены были на фут или около того выше, но вряд ли больше. Парапета нет, а он, вероятно, был еще 5 футов. Северо-восточный угол, похоже, заканчивался небольшой квадратной башенкой.

Главный вход, очевидно, находился на втором этаже, в восточной стене, к нему вела внешняя лестница, пристроенная к стене и поднимавшаяся с южной стороны. Это ясно из расположения и размеров дверного проема, а также из отсутствия петли на этой стороне подвала, где она должна была быть закрыта лестницей.

Маленькая дверь в западной стене того же этажа, по-видимому, вела на вал соседней куртины, находящейся здесь всего в 11 футах от крепости. Такая дверь есть в Аркесе и Рочестере, а также в Хелмсли и Адаре. В этом замке нет ни камина, ни садовника, ни каких-либо украшений.

Нижняя палата была так переделана для бытовых целей и так застроена, что стала совсем непонятной. Его площадь была по меньшей мере в восемь или десять раз больше площади верхнего отделения, и он спускался вниз по склону на 280 футов, а его крайняя ширина составляла 150 футов. Современный жилой дом построен на юго-восточной куртине и, несомненно, представляет собой часть старых хозяйственных построек и, вероятно, содержит их. Бак дает вид на южный фронт этой палаты и показывает большую круглую башню на одном из углов, которую сейчас не видно.

Удобный подъем проходит вдоль подножия западной куртины, или, скорее, скалы, на которой она стоит, и входит в верхний конец нижнего отделения, чуть ниже сторожки. Однако это, скорее всего, современная лестница. Старый путь, по-видимому, представлен дорогой из города, которая поднимается с другой, восточной стороны.

Примерно в фургоне к югу от замка и значительно ниже его находится крутая прямая земляная насыпь с внешним рвом, вероятно, являвшаяся подступом к подножию холма.

Замок является собственностью герцога Баклюха, чей управляющий по делам чести Клитеро проживает здесь и позволяет посетителям беспрепятственно входить в замок. Герцогу принадлежит главная рента и королевские доходы, которые, как говорят, очень ценны. Все аккуратно и отремонтировано, как и подобает руинам; но похвальное усердие его светлости, конечно, несколько затемняет сохранившуюся ткань, и приходится сожалеть, что новые работы не были более четко отличимы от старых.

Название Клитеро, хотя оно явно старое и, как говорят, частично британское, не встречается в Domesday. Уиттакер считает, что это место входит в Бернульфесвик, ныне Бернолдсвик, приход в шести милях к северо-востоку от замка, и что оно упоминается как замок Роджера Пиктавенского или Пуату. Указывается, что "в Бернульфесвике Гарнел владел двенадцатью каркасами, платя мерину Беренгеру де Тодени. Поместье находится в замке Роджера Пуатевиинского". Обычно Роджера отождествляют с Ланкастерским замком, но в то время Ланкастерский замок еще не был построен, и это владение не принадлежало Роджеру. Роджер был крупным главным арендатором в графствах Честер, Дерби, Ноттс и Линкольн. В Йоркшире и Ланкашире он тогда владел совсем немного. Местный лорд, де Тодени, был одним из семьи, владевшей Бельвуаром; Дагдейл говорит, что это сын Роберта де Тодени, который построил его. Больше он не упоминается в связи с этой частью Англии.

Считается, что Роджер пожаловал этот надел Роджеру де Буисли, от которого, или от Альберта Греслея, он перешел к де Ласи из Понтефракта, лордам Блэкберншира, из которых Роберт де Ласи, как говорят, владел им при де Буисли. Этот де Лэйси, чья история связана с Понтефрактом, является предположительным основателем хранилища Клитероу в эпоху правления Генриха I, и, безусловно, здание не относится к более позднему времени. С тех пор Клитероу разделил с Понтефрактом честь быть резиденцией власти де Лэйси, и так оставалось до тех пор, пока их владения не слились в графство и герцогство Ланкастер, а те - в корону. Основатель, вероятно, также пожертвовал часовню Святого Михаила в замке, вероятно, в нижнем отделении, которая упоминается в царствование Генриха I. Однако претензии на то, чтобы представлять эту часовню, предъявляются к приходской церкви, хотя это здание никогда не могло быть внутри замка.

Клитеро, как и другие сильные места в Ланкашире, был удержан королем во время парламентской борьбы, и в 1649 году замок было приказано разобрать.

Карл II пожаловал замок и почести генералу Монку, чей сын, Кристофер герцог Альбемарль, оставил его своей жене, леди Элизабет Кавендиш, которая снова оставила его своему второму мужу, Ральфу герцогу Монтегю, от которого он перешел к нынешнему владельцу.

ЗАМОК И БАРОНСТВО КЛАН, ШРОПШИР.

Церковь, деревня и замок Клун расположены в центре просторного амфитеатра высоких, но плодородных холмов, вершины и верхние склоны которых покрыты молодыми и пышными насаждениями, а в нижних частях изредка встречаются одиночные деревья, Главным образом дубы, вязы и буки, огромных размеров и огромного возраста, реликвии древних владений, которые до сих пор выделяются среди живых изгородей, которые, хотя часто и больших размеров, все относятся к периоду огораживания и культивирования. По всей этой богатой и улыбающейся земле, среди деревушек, церквей, усадеб, фермерских домов и коттеджей, с частыми фруктовыми садами и огородами, зелеными пастбищами и

корнеплодами, а также волнистыми кукурузными полями, протекает река Клун, даря жизнь и плодородие пейзажу, который, действительно, повсюду пропитан атмосферой мира и, возможно, довольно ленивого процветания.

Древний лес Клун занимал большой участок возвышенности, простиравшийся в радиусе около пяти миль к северу и западу от резиденции баронства. Его граница проходит по графству Салоп и тянется вдоль возвышенного хребта, который от Бишопс-Рота на востоке до Кастелл-Цефн-Фрон на западе отделяет графство от Монтгомери, а водораздел Клуна от водораздела Хафрена или Верхнего Северна. От этой последней реки хребет удален примерно на пять миль, а промежуточная страна гориста и изрезана. Естественное разделение отчасти усилено искусственным сооружением, известным как берег Саесон, и расположенным значительно западнее дамбы Оффы, которая, будучи очень совершенной, проходит на север и юг примерно в трех милях к западу от Клуна и таким образом разделяет лес и баронство. Какое из этих земляных сооружений является более ранним, сомнительно, но, скорее всего, дамба. С берегом Саесона и под прямым углом к нему связаны два коротких отрога, возраст и назначение которых не очень очевидны.

Лес никогда не был густо заросшим в его верхних и более открытых частях, но то, что он всегда был мало населен, видно из того факта, что в нем есть только одна приходская церковь - Мейнстоун, которая стоит на самой линии дамбы, примерно в шести милях к северу от Клуна, на краю небольшого ручья - Ффридда. Из ее необычного положения можно сделать вывод, что она возникла позже дамбы.

Водные потоки леса образуют четыре довольно значительных ручья, которые в конце концов объединяются в реку Клун, которая затем спускается на восток по глубокой и довольно узкой долине через Клунтон, Клунбери и Клунганфорд в Лейнтвардин, где, пройдя около двенадцати миль, вливается в Тем, реку Ладлоу и Тенбери.

Баронство Клун, называемое также Честью и Сотней, было более обширным, чем лес, и включало земли более оседлого характера на востоке и юге. Облей, Пентреходр, Хобендрид, Хоббарис, Ларкенхоуп, Эйлестон и Манултон входили в состав поместья Клун, которое было сопредельным с Сотней; в "Уэлшери" к нему примыкали деревушки Адердели и Биктон, Ходикот и Ньюкасл. В двенадцатом веке в его состав входили пять виллов и субманоров, город-графство Клун и поместье Темпсетт. Клун был также церковным центром. Его благородная приходская церковь Святого Георгия располагалась над часовнями Святого Фомы Клунского, Святой Марии Уотерденской, Святого Свитуна Клунберийского, Святой Марии Клунтонской, Святой Марии Оппертонской, а также часовнями Эдгтона и Сибдона. Все они были прикреплены к большому аббатству Уэнлок. Многие из этих часовен стали самостоятельными приходами, а сотня Клун исчезла как графство, войдя в состав Пурслоу. В 1837 году парламентским актом было огорожено 8600 акров старого леса, а в 1869 году - еще 1700.

Примерно на футлонг ниже того места, где коллективные воды леса соединяются и образуют Клун, этот поток, имеющий значительный объем, делает резкий и внезапный изгиб, в ложбине которого, на его левом или выпуклом берегу, расположен замок. Пространство, частично огороженное и защищенное рекой, составляет около 600 ярдов в длину и занято скоплением холмов или бугров из мягкой, рыхлой породы, которая была высечена и изрезана в целях обороны, так что ее разложившаяся и поросшая травой поверхность имеет во многом искусственный вид. Среди этих холмов выделяется один, более высокий и даже более искусственный, чем остальные. Он представляет собой конический курган диаметром

около 40 ярдов, с очень крутыми боками, высотой над окружающим его рвом около 60 футов; ров же находится на высоте около 30 футов над руслом реки. Ров прикрывает курган с южной и восточной сторон, но с севера и запада склон спускается прямо к уровню реки, представляя собой очень грозный вид. Более открытая часть защищена тремя земляными сооружениями, расположенными за рвом; из них более крупное, на юго-западе, имеет неправильную форму, около 40 ярдов в глубину и 70 ярдов в ширину, четыре неровные стороны, из которых внутренняя вогнута и образует контркарп главного рва. По направлению к реке эта платформа обрывается к кургану и соседней платформе; ее защищает ров глубиной около 7 ярдов и шириной от 16 до 18 ярдов. Верхняя часть ровная, только по краям трех внешних сторон проходит узкая насыпь - своего рода парапет, на котором, вероятно, находился острог. В одном месте, где платформа подходит к кургану, находится небольшой отрог, как бы руины причала моста, который, очевидно, был главным входом в крепость или главный курган. Дорога к этому мосту поднималась на платформу от деревни с юга.

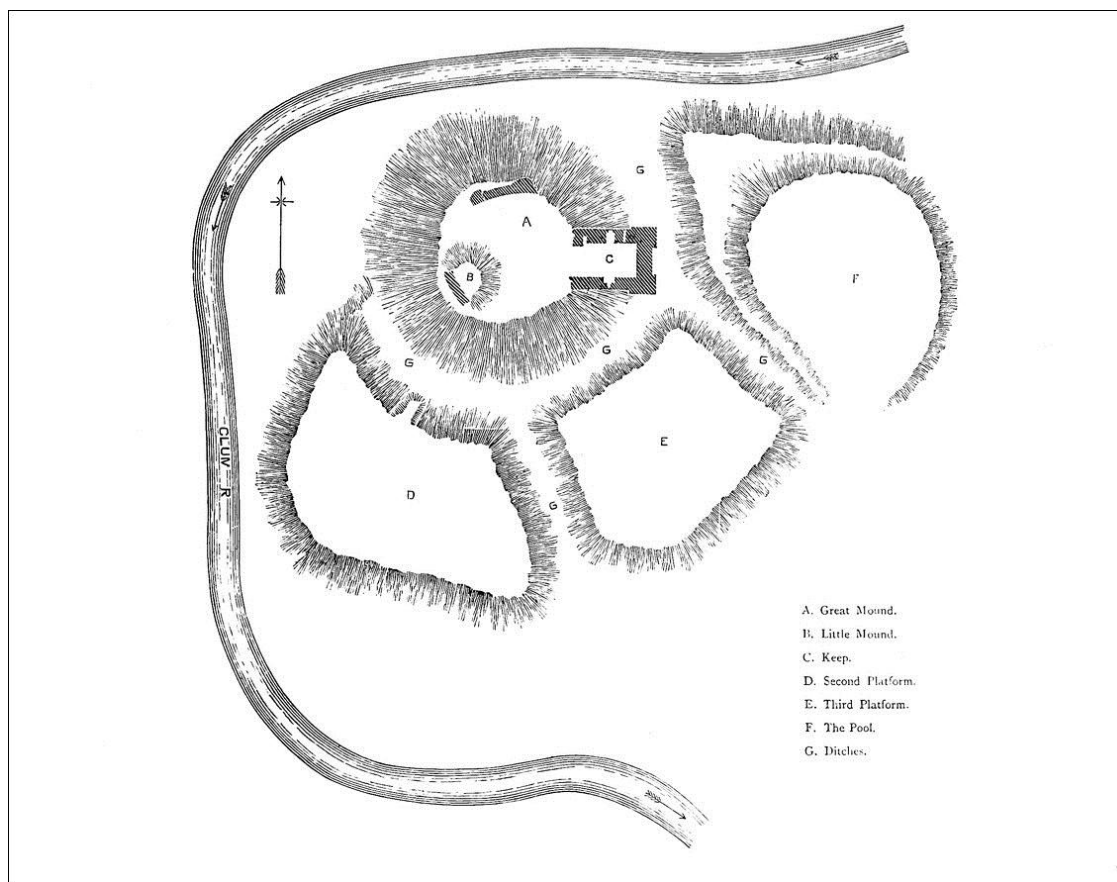
К востоку от нее находится вторая платформа, такой же высоты, глубиной около 14 ярдов и шириной 30 ярдов, ее большая сторона вогнута и обращена к главному рву. Ее верхняя часть ровная, без следов насыпи или парапета.

Третье земляное сооружение, не очень большого размера, находится к востоку от кургана, примыкает к рву на западе и к реке на севере. Эти две стороны вытянуты, а развилка или полый угол между ними занят впадиной, бывшей большим бассейном, со шлюзовыми воротами в сторону реки. Между берегом этого бассейна и южной платформой находится ров, который, по-видимому, использовался в качестве пологого хода, ведущего к речному фронту кургана.

Между курганом, западной платформой и рекой находятся два лунных участка глубиной около 90 ярдов, один - 70 ярдов, другой - 140 ярдов; вероятно, в обычное время они служили безопасным пастбищем для гарнизонного скота, который в случае нападения можно было легко вывести на платформы или загнать по крепостным рвам в пределы города.

Таковы земляные сооружения в том виде, в каком они видны сейчас, и в общих чертах, несомненно, такие же, какими они были, когда норманн Пикот вступил во владение своим опасным грантом. Они принадлежат к классу, известному как бурты, или насыпные курганы, и датируются девятым или десятым веком. Кем они были возведены или, скорее, высечены, неизвестно, но можно с уверенностью утверждать, что они представляют собой главную резиденцию одного из тех англичан, которые вторглись и обосновались на валлийской территории, и чьей обязанностью было защищать западную и часто подвергавшуюся нападениям границу Мерсийского королевства. Занимавший такую должность, должно быть, был смелым и сильным вождем, хотя то, жил ли он до или после создания дамбы Оффы, вызывает сомнения. Возможно, тщательное изучение хребта Саесон, где он пересекается дамбой, прольет свет на этот вопрос, а исследования должны распространиться на Кругин или Замковый холм на ипподроме Бишопс-Кастл, на Бишопс-Ров, Каэр-дин, Томен, Кастелл-цефн-фрон или Брин Амлwg и некоторые другие лагеря и курганы по обе стороны границы. Кроме них есть и другие, как лагеря, так и курганы, а также примечательный вертикальный камень или маенхир в лесу, и все они, несомненно, британского происхождения. Следует помнить, что Клун, хотя и являлся открытой частью мерсийской территории, был прикрыт с северо-запада и севера английскими поселениями вдоль Верхнего Северна, от которых сохранились обширные следы от Керри до Уэлшпула, по обе стороны от Дайка. Если посмотреть на расширение баронства Клун к западу от дамбы до естественной границы, то кажется вероятным, что оно было основано, когда дамба уже не была границей Мерсии, а англичане продвигали свои поселения вверх по долине Северна. Это также более

соответствует рисунку земляных сооружений в Клуна и прилегающем районе, которые напоминают те, что были возведены Этельфледой и Эдуардом Старшим в начале X века, и примером которых является Вигмор.

- A. Большой курган.
- B. Малый курган.
- C. Хранилище.
- D. Вторая платформа.
- E. Третья платформа.
- F. Бассейн.
- G. Рвы.

ЗАМОК КЛАН.

Положение и владения Клуна, как и многих других подобных владений в Англии и Марче, были сразу же захвачены норманнскими последователями Завоевателя, и Пикот де Сай стал их военным вотчиной, зависимой от Роджера де Монтгомери в Шрусбери. Укрепил ли де Сэй или его ближайшие преемники курганы каменной кладкой по образцу, принятому в то время в Нормандии, или же они довольствовались такими оборонительными сооружениями, вероятно, деревянными, какие попадались им под руку, неизвестно, но если бы они сразу же построили крепость и стены на норманнский манер, крайне маловероятно, чтобы даже сейчас не осталось никаких следов работ, обычно столь значительных, и тем более, чтобы они обветшали к середине двенадцатого века, к которому, вероятно, относится более старая часть каменной кладки, сохранившаяся до наших дней, и которую будет уместно описать далее.

Kip (The Keep) - большая прямоугольная башня, построенная на нижнем краю и восточном склоне кургана и напоминающая Гилфорд. Ее размеры составляют 42 фута на север и юг и 68 футов на восток и запад, толщина стен у основания - около 11 футов, а на вершине они возвышаются примерно на 6 футов. Он состоит из трех этапов; первый опирается на подвал, его подоконник находится примерно на 5 футов ниже уровня вершины кургана. Полы деревянные, опираются на отступы в боковых стенах. Высота всей башни составляет около 80 футов, ее основание находится на высоте около 30 футов над рекой. Западная стена полностью разрушена. Два восточных угла увенчаны двумя пилястрами, 14 футов шириной и 1 фут выступа, сходящимися под прямым углом и без переломов и уменьшений поднимающимися к вершине, где они, возможно, поддерживают квадратные башенки. Восточный бордюр, между ними, имеет основание для тарана и простой кордон на уровне первого этажа. Стены совершенно просты, сложены из рядовой кладки, камни, вероятно, обтесаны молотком; но, будучи скоропортящимися, они сильно обветшали и разрушились. Подвал размером 40 футов на 45 футов имеет пол на 20 футов выше уровня земли, который сейчас завален мусором. На юге имеется небольшое окно, а на севере - небольшое квадратное вентиляционное отверстие, расположенное высоко, как в подzemелье. В той же стороне, около середины, находится дверной проем по центру, шириной 2 фута 2 дюйма, когда-то закрытый крепкой дверью и выходящий на склон кургана. Он ведет в проход шириной 3 фута 6 дюймов, который входил в камеру, а слева от него находилась настенная лестница из шестнадцати ступеней, которая вела на второй этаж. Многие из ступеней сохранились, но внутренняя стена и большинство висячих арок свода исчезли.

Первый этаж, 23 фута на 45 футов, имел два окна на юг, одно на восток и два на север, с камином между ними. Окна разбиты на простые проемы, но ширина ниш составляет от 5 до 6 футов. Камин имеет круглую спинку и вертикальный тоннель. Колпак отломан. Фресковых камер нет, но снаружи, на каждой грани восточных углов, находятся две притворные петли.

На втором этаже также пять окон, более крупных, чем нижние, и камин в том же положении. В каждом косяке восточной оконной ниши находится небольшая дверь, которая через проход ведет в настенную камеру в двух восточных углах. В каждом из них, на двух внешних гранях, имеется по небольшому окну.

Третий этаж имеет два окна на север, одно на восток и два на юг, но здесь положение камина находится между ними. Из ниши восточного окна ведут два прохода, открывающиеся в две палаты, каждая из которых имеет по два небольших окна над окнами второго этажа. На втором этаже находилась каюта, а на третьем, по-видимому, спальни, принадлежащие ей. Лестница, возможно, находилась в западной стене. Из оконных ниш некоторые имеют тупоконечные арки, другие - сегментные. Несомненно, в западной стене находилась дверь, открывавшаяся с насыпи. Углубления окон второго и третьего этажей имели по одному ребру из ясеня - единственный вид орнамента, который сейчас можно увидеть. Несмотря на большие размеры и основательную постройку, внешний вид храма страдает из-за плохого материала, грубого исполнения и очень редкого использования золы в деталях.

Вершина кургана была обнесена куртиной, частью которой являлась верхняя часть хранилища, так что вместе с прямоугольным, кажется, было объединено что-то вроде хранилища-раковины, что является самым необычным расположением. От этой оболочки осталось два фрагмента; один, значительный, в направлении северо-запада, состоит из двух почти полукруглых башен, или, скорее, бастаионов, с обратными сторонами наружу, и соединяющей их короткой куртины, которая, похоже, была концом зала, и содержит некоторые более поздние вставки. Бастаионы, несомненно, более поздние, чем замок. Другой фрагмент находится на юго-западе, его длина составляет около 12 футов, толщина - 6

футов, а высота - 20 футов. Он также являлся частью общего *энсинта*, но с ним связан небольшой круглый курган, насыпанный на краю большего, и полностью искусственный. Его поперечник в верхней части составляет около 21 фута, высота - от 12 до 13 футов, и на нем, возможно, стояла небольшая башня; рядом с ним находится углубление, указывающее на местоположение колодца. Вся поверхность кургана неровная и покрыта шрамами, как будто на этом месте были построены здания, как в Тамворте, фундаменты которых были выкопаны.

Вход в курган мог находиться только на западной стороне, поднимающейся с юго-запада. Все остальные стороны абсолютно неприступны, а эта была так изрезана, что исчезли все следы дороги. На платформах нет никаких следов стен. Возможно, на них были какие-то сторожки, но внешние оборонительные сооружения, скорее всего, всегда были деревянными.

Большая часть боро, города или, скорее, деревни Клун, расположена на востоке, то есть в тылу замка; но есть дома на обоих берегах реки, которую перекинул старинный мост из пяти ребристых арок с углублениями над выступающими опорами. В этом направлении, в фургонге от замка, находится прекрасная и преимущественно норманнская церковь Святого Георгия с западной башней, достаточно крепкой, чтобы выдержать осаду, и по узору напоминающей башни Мор и Хоуп-Сей. Примерно в ста ярдах за церковью или к югу от нее находится очень примечательный овраг, естественный, но в этом месте он был изрезан, а земля отброшена внутрь, чтобы образовать берег. Овраг начинается немного выше церкви и, становясь все глубже и круче, впадает значительным ручьем в Клун, расположенный немного ниже города. Этот овраг значительно увеличивает прочность места.

Клун - предписанный район, в котором есть два судебных исполнителя и регистратор. Недавно в нем появился сотенный суд для взыскания мелких долгов и судебный леет. Приставы также вели гражданский суд. Хартия Фитц-Алана, признающая его исконные права, датируется временем правления Эдуарда II. В городе находится старинная богадельня, основанная Генри Говардом, графом Нортгемптоном, в 1614 году; под ней, на берегу реки, сохранились следы очень значительной мельницы, ныне высохшей.

В Domesday Clun упоминается как владение Пикота. До этого им владел Эдрик. Пикот владел большими владениями (двадцатью семью особняками) в тогдашней сотне Ринлау, а также Конодовре, Басечерке и Лентеврде под началом графа Роджера де Монтгомери. Из исследований г-на Эйтона следует, что Пикот был тоном, и что получатель гранта, как Роберт де Сай, с Аделою, женой, и Робертом и Генри, его сыновьями, назван в грамоте, относящейся к Сен-Мартену из Сиза, вероятной даты 1060 года, и описан там как "Robertus de Sai qui cognominabatur Picot". Саи - деревня близ Эксмеса, главная резиденция нормандского виконтства графа Рожера, который был покровителем дома Сизов.

То, что в 1060 году было *cognomen*, в 1086 году стало *poten*. В 1074 году Одерикус называет его просто Пикодом, одним из пяти, которых граф Роджер поставил над своим новым графством Шрусбери, и снова Пикотом де Саи, когда в 1083 году граф поклялся основать аббатство Шрусбери. Эдрик, предшественник Пикота в Клуно, был, несомненно, тем самым Эдриком Сильватикусом, или Диким, который был так хорошо известен в валлийских походах. Пикот прожил примерно до 1098 года, и ему наследовал его сын, Генрих де Сай, который процветал в правление Генриха I, и, кажется, был жив до 1129-30 годов. При нем или его преемнике и, вероятно, сыне, Хелиасе де Сае, Клун и Облей были отделены от Рингау и возведены в самостоятельную сотню и почетное владение, став, по сути, маркерским

лордством, как Освестри. Гелиас оставил единственного ребенка, Изабель де Сай, леди Клуна, которая вышла замуж, во-первых, за Уильяма Фиц Алана; во-вторых, за Джеффри де Вера, когда баронство содержало 11¼ рыцарских гонораров; и в-третьих, за Уильяма Ботерелла, при котором, похоже, замок был взят штурмом и сожжен Ллевеллином и его валлийцами.

Уильям Фиц Алан был сыном Алана, сына Флаальда, который получил от Завоевателя поместье Освальдестр или Бланминстер, которое в 1148 году принадлежало Мередиту ап Блетин, несколько необычному случаю валлийского землевладельца так далеко к востоку от дамбы Оффы. Мередит построил там замок, который после смерти Фиц Алана в 1160 году перешел под опеку шерифа, который выкопал там колодец и снабдил его запасами и палисадами для обороны. Следующий брат Уильяма Фиц Алана, Уолтер, был родоначальником дома Стюартов. Первой женой Уильяма была племянница Роберта графа Глостера. Его второй женой была Изабель де Сэй, от которой он оставил...

Уильям Фиц Алан, который унаследовал Клун и Освестри. Он добился от короля Иоанна ежегодной ярмарки в Клуно. Кажется вероятным, что замок Клун, сожженный валлийцами, был деревянным строением, в котором жил Эдрик, и что он был заменен каменной кладкой, включая существующий замок, этим Уильямом, который, умирая в 1210 году, оставил

Уильям Фиц Алан, который умер в Клуно около 1215 года, и ему наследовал его брат,

Джон Фиц Алан, лорд Клуна и Освестри, который владел баронством, но не замком Клун, и который умер около 1243 года, оставив сына,

Джон Фиц Алан, который приобрел замок Арундел у своей матери и умер в 1267 году, оставив...

Джон Фиц Алан, лорд Клуна и Освестри и граф Арундел, умерший в 1272 году.

Именно после его смерти было приказано провести расследование состояния замка Клун, который оказался небольшим, но довольно хорошо построенным. Крыша башни нуждалась в свинце, и мост, который нужно было отремонтировать. Снаружи замка находился бейли, обнесенный фоссом, и ворота, которые еще не были достроены. В бейли находились гранж, конюшня и пекарня. В городе было 183 бургаж. Арендаторы держали замок под охраной, каждый находил себе слугу и лошадь на сорок дней по 4½ д. в день. Бургессы должны были предоставлять двадцать человек, когда лорд охотился.

В 1293 году Ричард граф Арундел получил 200 фунтов стерлингов от своих валлийских арендаторов в Темпсете за хартию. После его смерти в 1301 году замок Клун стоил не больше, чем расходы на его содержание, или 20 фунтов стерлингов в год. В замке было две водяные мельницы.

Кланом продолжала владеть длинная череда Фиц Аланов, немногие из которых, вероятно, оставались в живых, пока, когда мужская линия не прервалась, Мария, дочь и сонаследница Генри Фиц Алана, вышла замуж за Томаса Говарда, герцога Норфолка, и передала графство Арундел, баронство и замок Клана в эту семью в лице своего сына, Филиппа графа Арундела, который умер в 1595 году, под угрозой расстрела. Томас, его сын и преемник, был восстановлен по крови, но лишь частично по имуществу, так что, хотя он и был титулярным лордом Клуна и Освальдестра, он никогда не владел поместьями, которые были дарованы королем Яковом брату его деда, Генри Говарду, графу Нортгемпτονу, который основал богадельню в Клуно. От Генри Говарда Клун и Освестри перешли по завещанию к его

племяннику, Томасу Говарду, графу Саффолку, младшему сыну которого, сэру Роберту, установлен памятник в церкви Клуна, и чьи потомки продали владения.

ЗАМОК КОКЕРМУТ, КАМБЕРЛЕНД.

Этот замок занимает место на крутом и частично скалистом холме, который находится между слиянием Дервента и Кокера, двух камберлендских рек, одна из которых, с севера, течет прямо у подножия скалы, а другая, с юга и запада, отделена от нее неровной полосой земли шириной от 50 до 70 ярдов, с неровной поверхностью и покрытой частью города, который носит общее название с замком. Фактическая встреча вод происходит только в 120 ярдах ниже замка. Две стороны позиции укреплены таким образом природой; другая сторона, корень мыса, не имеет такой защиты. По-видимому, она была прикрыта искусственным рвом, соединявшим утес Дервента с отлогим берегом Кокера. Однако он был засыпан, и все, что от него осталось, - это предание, подтвержденное небольшим углублением в почве.

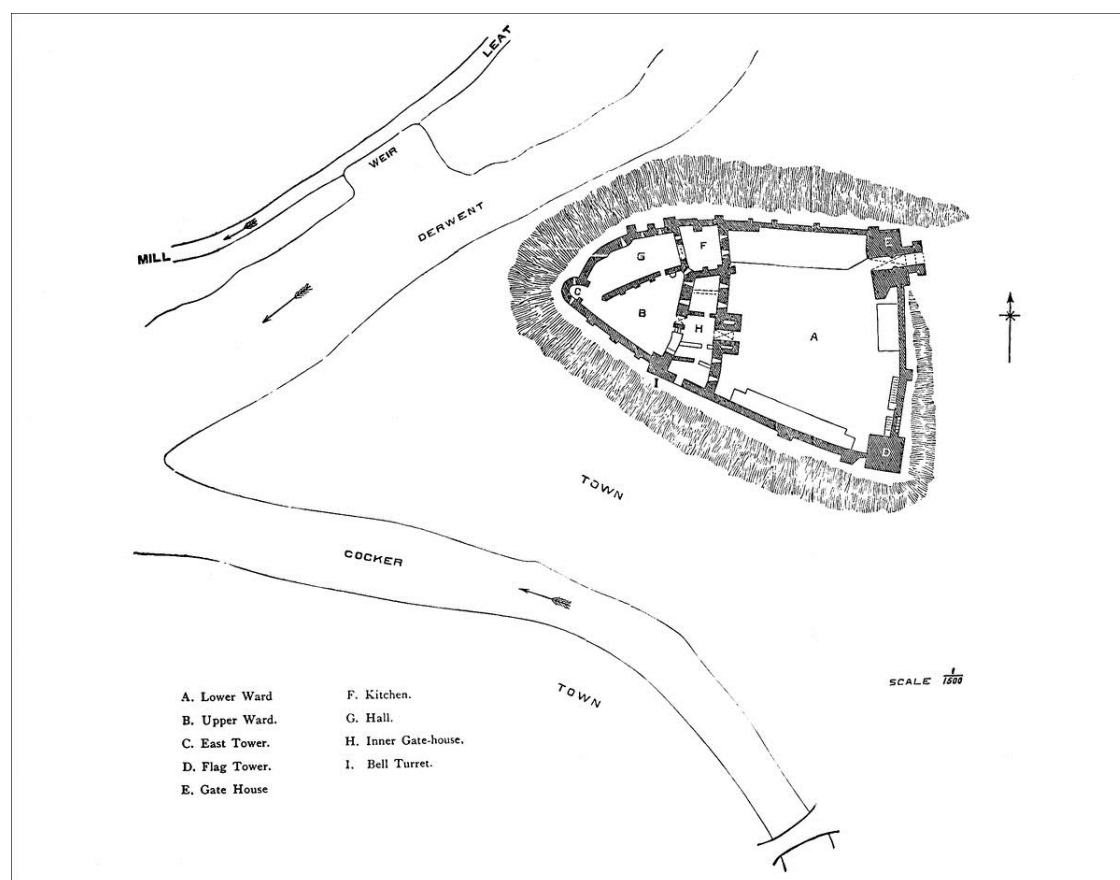
Замок, повторяющий очертания скалы, имеет треугольную форму в плане. Его северная и южная стороны обращены к рекам Дервент и Кокер, а длина составляет 110 и 120 ярдов. Они достигают склона на высоте около 36 футов над уровнем воды и соединены линией основания длиной 76 ярдов, в которой находится вход, обращенный на восток. Замок занимает большую часть города и находится за его пределами на севере и востоке.

Приходская церковь стоит в пределах города на возвышенности напротив и к юго-западу от замка, между ними протекает Кокер в своей узкой долине.

Куртина, внутри которой находится замок, имеет высоту около 30 футов и увенчана под западным или острым углом полукруглой башней, а под двумя углами основания - двумя прямоугольными башнями, та, что на северо-востоке, является сторожкой. Между ними находится небольшая контрфорсная башенка, массивная, площадью 8 футов. Также есть два довольно больших контрфорса, пристроенных к южной куртине у восточного конца, и три небольших плоских на более старой части стены, у западного конца. На внешней стороне северной стены находятся семь контрфорсов различных размеров и дат.

Треугольная внутренняя часть замка разделена поперечной линией зданий, примерно в 60 ярдах от основания, на два отделения, нижнее или восточное, четырехстороннее, является большим, а верхнее или внутреннее представляет собой небольшой треугольник. Там, где поперечная стена соединяется на южном конце с куртиной, на последней находится небольшая квадратная башня, называемая "колокольней", а на северном конце - гораздо большая башня, в которой находится кухня. Между ними, на поперечной стене, находится внутренняя сторожка. Уровень верхней палаты примерно на 6 футов выше уровня нижней. Эта сторожка не является центральной, она находится в 34 ярдах от северной и в 19 ярдах от южной стены. Она прямоугольная, или почти прямоугольная, и в плане имеет форму буквы Т. Внешний портал находится в центре крестообразной головы, внутренний - в подножии, а большая камера - в стебле между ними. Ширина главы составляет 36 футов, выступ - 18 футов, а глубина сторожки - 60 футов. К наружному входу, находящемуся на 6 футов выше внешней палаты, должен был вести какой-то мост или наклонная плоскость, от которой теперь не осталось и следа. Внешняя арка высока и сегментна, ее проем составляет 9 футов. Она поддерживает парапет, украшенный решеткой, за которым находится проем или мачекула шириной 9 футов и глубиной 4 фута. За ним находится равносторонняя арка, открывающаяся в проход глубиной 10 футов, сводчатый и ребристый с четырех углов, ребра сходятся в центре

с двумя коньковыми ребрами, центральная точка восьмерика без босса или круга. За проходом находится вторая арка проемом 8 футов, а за ней - сводчатый проход или тамбур глубиной 9 футов, открывающийся во внутреннюю часть сторожки на уровне второго этажа. За ним, справа и слева от этого внутреннего тамбура находятся две двери с проемом в 2 фута, одна сегментная, а другая с заплечиками. Каждая из них открывается в небольшую остроконечную сводчатую тюрьму размером 8 футов на 16 футов, освещенную небольшим фонарем. Из каждой открывается небольшая дверь во внешнюю стену, ведущая в настенный садик. В центре каждой тюрьмы находится небольшая квадратная ловушка, которая является единственным входом в нижнюю тюрьму или подземелье, такое же по размеру и сводчатое, как и верхнее, но без каких-либо других отверстий. Два отверстия в верхних сводах, по-видимому, предназначены для горизонтальной перекладины, по которой заключенный или его пища могли бы спускаться в ловушку. Эти тюрьмы расположены по обе стороны от ворот, параллельно им, в толстой крестовине Т.

- А. Нижнее отделение.
- В. Верхнее отделение.
- С. Восточная башня.
- D. Башня флага.
- Е. Дом у ворот.
- F. Кухня.
- G. Холл.
- Н. Внутренние ворота.
- I. Колокольная башня.

ЗАМОК КОКЕРМУТ.

Цокольный этаж привратницкой палаты, шириной 21 фут, глубиной 29 футов и высотой около 10 футов, совершенно прост и не имеет петель. Вход в него находится в западной стене, со стороны верхней палаты, по двенадцати ступеням, под стрельчатым дверным проемом. Покрытием этой комнаты служил деревянный пол сторожки. Второй этаж, также 21 фут на 29 футов, имеет в боковых стенах два дверных проема по 3 фута и остроконечных, которые вели в боковые палаты. В западной стене, но недалеко от северного конца, находится внутренний проход, пробивающий стену толщиной 9 футов и открывающийся в верхнее отделение. Этот проход сводчатый. В нем нет портупей и только один фальшборт для двери. В северной части прохода узкая дверь с заплечиками ведет в небольшой сводчатый домик, петляющий по направлению к верхнему отделению.

При входе в это отделение слева находится дверь, спускающаяся в подвал, а дальше, справа и слева, - две двери, каждая стрельчатая, и наверху пролеты из двенадцати ступеней, которые спускались в подвалы боковых палат. У сторожки был верхний этаж, который сейчас в основном исчез.

По обе стороны от сторожки находились две боковые палаты, разделенные поперечной стеной с востока на запад, ныне разрушенной. Образовавшиеся таким образом большие пространства не совсем прямоугольные. На севере оно составляет в среднем 26 футов на восток и запад и около 35 футов на север и юг; а на юге - средний квадрат около 35 футов. Из четырех палат, которыми были заняты эти пространства, подвалы двух, расположенных рядом со сторожкой, были перекрыты остроконечным сводом. Кроме них, полы над ними были деревянными. Стены южных палат в основном разрушены, стены северных сохранились довольно хорошо, на них видны окна и каминные первого и второго этажей, а также небольшие настенные палаты в северо-восточном углу. Южная палата примыкает к куртине, в которой видна грубая арка с круглой головкой, ныне являющаяся столбом, но имеющая норманнский облик и выглядящая так, словно изначально предназначалась для углубления петли. Небольшая квадратная колокольная башня размером 18 футов на 10 футов, расположенная в юго-западном углу этой камеры, стоит на внешней стороне занавеса и слегка выступает из него. Цокольный этаж относится к возрасту куртины; надстройка - к возрасту крестовых зданий и внутренней сторожки.

На другом, северном конце крестовых построек находится кухонная башня, весьма примечательное сооружение. В плане она почти прямоугольная. Она состоит из подвала и первого этажа. В подвал можно попасть из верхней палаты по пятнадцати ступеням, спустившись по сводчатому проходу в стене, во главе которого находится круглоголовая дверь декоративного стиля. Камера имеет площадь около 30 футов, центральный восьмиугольный пирс без основания или крышки, из которого выходят восемь ребер, встречающихся с восемью другими ребрами, которые выходят из углов и образуют ответвления в центре каждой грани. Каждый из четырех образованных таким образом пролетов снова перекрыт ребрами, отходящими по диагонали от ответных ребер. Коньковые ребра отсутствуют, а сводчатые пространства заполнены бутовым камнем. Арки остроконечные, высота свода около 20 футов. В двух восточных пространствах находятся петли с квадратными головками, открывающиеся на нижнюю палату и скрытые современным зданием. В северной стене находится небольшой водосток. Эта камера, вероятно, была подвалом, введенным и сводчатым, чтобы поместить каменный пол кухни на уровень зала. Она называется часовней, но нет никаких признаков того, что она была предназначена или когда-либо использовалась в качестве таковой.

Над погребом расположена кухня, пол которой находится на одном уровне с полом зала и примерно на 10 футов выше пола верхней палаты. В плане она скорее ромбовидная, чем

прямоугольная. Два восточных угла - прямые, северо-западный - острый, а юго-западный - тупой. Северная и восточная стороны составляют 35 и 37 футов, а противоположные стороны - 29 и 38 футов соответственно. В южной стене находятся два камина, 11 футов шириной и 2 фута глубиной, с остатками каменных колпаков и с квадратными вертикальными воронками, идущими вверх по общей шахте на внутреннем конце каждого камина. В эти воронки также попадают дымоходы от каминов в комнатах на юге, образуя единую трубу. Над этими каминами, высоко в южной стене, находится большая длинная петля с квадратным сечением и шириной около 2 футов. В восточной стене есть еще две петли такой же ширины и длиной около 24 футов, пересеченные фрамугой, с квадратной головкой, но помещенные в выемки с плечиками. Эти отверстия явно предназначены для отвода пара. К северу от этих петель находится небольшая дверь, от которой узкая лестница с фресками поднимается на 10 футов ко второй двери, выходящей на галерею вдоль северной стены.

В центре северной стены находится смелый пирс, шириной 7 футов и глубиной 4 фута, от которого отходят две остроконечные арки, образуя два углубления. Софиты ребристые, один с двумя, другой с тремя ребрами, гладко скошенные. В каждой нише есть петля, с квадратной головкой, открывающаяся на занавес, а выше, в 10 футах от пола, находится струна, поддерживающая пол деревянной галереи, которая шла вдоль этой северной стороны, и была проведена перед пирсом, и таким образом открывала вид на кулинарные работы. В восточном конце галереи находилась уже упомянутая дверь. В ее западном конце находилась еще одна дверь, открывающаяся в настенную камеру, которая сейчас недоступна, но, возможно, сообщалась с залом. Над галереей находились еще две петли. На уровне галереи пирс пронизан двумя узкими проходами с круглоголовыми дверями, которые ведут в небольшую камеру в куртине, вероятно, садовую. Ниже боковые грани пирса выдолблены, как для шкафов.

Западную стену кухни теперь занимает большая высокая арка, 15 футов в длину и около 30 футов в высоту, очевидно, современная вставка вместе со стеной выше, и открывающаяся в то, что было залом. На южной стороне сохранились следы части старого маслостойного люка. На севере находится единственная дверь кухни, шириной 4 фута и с плечом, которая открывалась из нижнего конца зала. Любопытно, что такая большая кухня не имела другого выхода. Гроуз приводит рисунок, сделанный в 1774 году, на котором изображена западная стена кухни до того, как в нее была вставлена большая арка. В стене имеется огромная дыра или щель, над которой, с внешней стороны, видна погодная лепнина высокой скатной крыши зала. Кухня была очень высокой и имела открытую деревянную крышу, карнизы молотковых балок которой сохранились. Над ней находился парапет, одна сторона которого относилась к внешней куртине.

К западной стене кухни, при перестройке которой была удалена лепнина, показывающая угол наклона крыши зала, примыкала восточная, или нижняя, часть зала - здание шириной 30 футов и длиной около 50 футов, северную сторону которого образовывала куртина. Южная стена выровнена почти до земли, но на ее фундаменте видны наружные контрфорсы и место двери в подвале у восточного конца стены. Западная стена, отделяющая зал от отхожего места, исчезла. Высота подвала под залом, по-видимому, составляла около 10 футов. Он был покрыт деревянным полом. Вход был в южной стене, недалеко от восточного конца, вероятно, по внутренней лестнице. Сохранился один косяк дверного проема, богато украшенный лепниной в декоративном стиле, хотя и сильно обветшавший. Зал имел три больших окна в северной стене, которая укреплена снаружи тремя контрфорсами, очевидно, добавленными к более старой стене во время строительства зала. Окна выполнены в стиле, столь распространенном в залах декорированных замков. Они двухсветные,

трилистниковые, с фрамугой, а в голове - четырехлистник. В восточной части окна имеется каменное сиденье, возможно, так были устроены и другие. Снаружи окна имеют хороший капельный камень. Вероятно, камин находился в южной стене. В восточной стене, недалеко от южного торца, находится большое простое углубление с трилистником, даже без фаски, напоминающее большую писсуарницу, с каменной полкой. Возможно, она предназначалась для размещения посуды, которую приносили из соседней маслобойни. К югу от него небольшая дверь ведет в колодезную лестницу, ведущую на крышу, освещенную небольшим и очень аккуратным листовым кругом. С помощью этой лестницы происходит кантование или заполнение соседнего угла кухни. Зал имел открытую деревянную крышу, некоторые из карнизов которой сохранились.

Помещения к западу от зала простираются до западной или угловой башни. В комнате рядом с залом было два больших тюдоровских окна в занавесе; они плоские, трехсветные, с фрамугой и в плоских арочных нишах; это явные вставки. Интерьер западной башни имеет четыре стороны, а стена ущелья исчезла. Она имела подвал с тремя петлями, с большими раскрепованными и заостренными углублениями, а выше - три этажа, каждый с прекрасным односветным трефовым окном декоративной датировки; два нижних - на запад; верхний, заметный в панораме замка со стороны города, - на юг. В северной стене прямая лестница ведет к настенному садику, отверстие которого выступает на двух косоурах, расположенных высоко на стыке куртины и башни. Нижняя часть этой башни кажется оригинальной, верхняя часть была перестроена, несомненно, в Декорированный период. В двадцати двух футах в задней части башни сохранилось основание дверного проема, который вел в эти покои из верхней палаты. Колодец находился в ярде или двух от входа в комнату под залом. На его месте сейчас стоит насос.

Нижнее отделение сильно затенено возведением против северной куртины жилого дома, а против южной - конюшни, обе современные. К восточной стене также пристроено здание, связанное с проходной. Юго-восточный угол образует *Флагманская башня*, площадью 32 фута и выступающая на 9 футов за две куртины. Она имеет подвал и два верхних этажа, в каждый из которых можно попасть со двора, а в два последних - по отдельной наружной каменной лестнице. Третья лестница, также наружная, поднимается с восточной куртины на бойницы. Такое расположение совершенно необычно. Кроме того, крыша башни имеет высокий скат, южный фронтон, по шотландской моде, расположен вровень с наружной стеной, а северный фронтон заходит на 3 фута, что позволяет пройти по валу вдоль трех сторон башни. Башня занята и заперта.

Соответствующая ей башня, образующая северо-восточный угол палаты, является сторожкой. Она прямоугольная, 50 футов в ширину и 22 фута в глубину, пронизана проходом, с просторными комнатами по бокам и сверху, все они обитаемы. Внешние ворота имеют круглую форму, и их окружность меньше половины круга. Проход сводчатый, с фальцами для центральной и двух внешних дверей, из которых та, что рядом с входом, кажется, была вставлена вместо портупей. Над фасадом, под длинной плоской табличкой, расположены пять гербовых щитов: 1. Похоже, это был сабельник в орле из крестиков флори, Умфранвиль. 2. Барри из 6, Мултон. 3. Три луча в воздухе, Люси. 4. Разъяренный лев, Перси. 5. Сальтир, Невилл. Над воротами сторожки возвышаются два этажа в перпендикулярном стиле, более поздние, чем нижняя часть, которая декорирована. К ней пристроен верхний этаж, встроенный в бойницы, которые выступают на лицевой стороне стены.

Портал фланкирован двумя плоскими пилястрами, которые были частично скрыты добавлением *барбакана*, состоящего из двух боковых стен 18 футов в проекции и 7 футов 6 дюймов толщиной, заканчивающихся квадратными опорами, которые поддерживали

поперечную арку входа, над которой был парапет, ныне исчезнувший. Высота этих стен составляла около 12 футов, они были покрыты парапетом, а на валы вели две боковые прямые лестницы, вырубленные в стене. Несомненно, первоначально к главным воротам вел разводной мост, который, возможно, был перенесен вперед при возведении барбакана. На рисунке Гроуза перед этим внешним входом изображен некий земляной рavelин, который, вероятно, был насыпан во время парламентской борьбы. Весь этот фронт, за пределами стен, был выровнен и превращен в сад и подъезд. Снаружи северной и южной куртин, между стеной и вершиной склона, проложена дорожка шириной около 9 футов.

В рассказах об этом замке утверждается, что он имеет очень отдаленное происхождение, а холм, на котором он стоит, описывается как искусственный. Однако это не так. Холм, очевидно, естественный, и является точкой участка возвышенности, который ограничен двумя реками. Позиция не менее сильная, и ею вполне могли воспользоваться бритты, римляне или саксы. Однако нет никаких доказательств того, что они это сделали, и ничто из того, что сейчас видно, не обязательно древнее или такое же древнее, как Завоевание. Фундамент западной башни и большей части прилегающих к ней куртин, в той мере, в какой они содержат верхнее отделение, вероятно, норманнский, и может быть делом рук Уильяма де Мешинеса в правление Генриха I. Поскольку работы вряд ли могли быть ограничены столь малой площадью, как нынешнее верхнее отделение, вероятно, что вся нынешняя территория была включена в норманнский замок, и что поперечный ров был вырыт именно тогда. Как тогда занималась эта территория, где находился зал, где кухня, неизвестно; вероятно, не на нынешнем месте, поскольку окна явно вставлены в северную куртину, а контрфорсы пристроены к ней. Более того, ни в одной части линии зданий, разделяющих верхнюю и нижнюю палаты, нет никаких следов норманнской работы. Какими бы или где бы ни были норманнские постройки, они, вероятно, простояли до Декорированного периода или начала XIV века, когда были возведены нынешние крестовые постройки, кухня и зал, а большая часть куртины была перестроена или укреплена.

Внешняя сторожка и юго-восточная башня, скорее всего, относятся к одной и той же дате, хотя к первому зданию были сделаны большие пристройки и изменения в период Перпендикулярного периода, когда был добавлен барбакан. Тюдоровские окна в верхней палате - единственные следы более поздних перестроек. Последствия парламентских волнений для здания, за исключением демонтажа крыш, не представляются серьезными; и, поскольку сторожка, похоже, всегда была обитаема, несомненно, ей и башне с флагом уделялось определенное внимание. Совсем недавно на территории был построен жилой дом, в одном из окон которого висит любопытная реликвия прошлого в виде эскиза Перси и Люси в четвертушках, выполненного на старом витраже.

Перестройка нормандского замка в декорированный период, вероятно, была делом рук Энтони де Люси, который владел этим лордством со 2-го Эдуарда II по 17-й Эдуарда III, был активным солдатом, крупным военачальником в графствах Камберленд и Уэстморленд, и вполне мог привести в наилучший порядок замок, важный как для его собственных владений, так и для государственной границы, находящейся в его ведении.

Перпендикулярные дополнения, включая гербовые щиты над воротами, должно быть, появились позднее 22 года Ричарда II, когда Мод, наследница Люси, передала замок Кокермут Генри Перси, который согласился четвертовать ее оружие. Щит Умфранвилла посвящен первому мужу Мод, Гилберту, графу Ангусу. Щит Невилла - это щит первой жены Генри Перси, которая была дочерью Ральфа лорда Невилла. Поскольку этот Генри был весьма значительной персоной и дожил до 1408 года, вполне вероятно, что он построил или перестроил верхнюю часть сторожки между 1388-9 и 1408 годами.

Замок Кокермут имеет весьма скудную историю, что, возможно, объясняет идеальное состояние его внешних стен. В 1221 году Генрих III приказал осадить его и, в случае взятия, разрушить; но этой участи он либо избежал, либо, если это было сделано, был восстановлен столетие спустя с большой полнотой. Он не фигурирует в Войне Роз, и не известно, в какой степени он участвовал в превратностях дома Перси. Похоже, что в 1387 году город был захвачен врасплох бандой шотландских мародеров. Мария Шотландская отдыхала здесь, несомненно, по пути из Уоркингтона в Карлайл после высадки в Камберленде. В августе 1648 года замок, удерживаемый парламентом, подвергся нападению окрестных роялистов и продержался месяц, пока не был освобожден парламентским генералом Эштоном. Похоже, его постигла обычная для английских замков того времени участь - пострадать от рук одной или другой стороны. В 1688 году единственными пригодными для жизни частями замка были ворота и здание суда, вероятно, соседнее.

УПАДОК.

Кокермут был "капут" баронства Аллердейл, обычно называемого в инквизиции "Честь Кокермута". Список земель, принадлежавших чести, не сохранился, но, по-видимому, они были обширны и время от времени указывались в различных инквизициях с именами их владельцев. Первоначальным владельцем, по-видимому, был Уильям, брат известного Ранульфа де Мешинеса, графа Честера. Он получил от Завоевателя или Генриха I территорию Копланд, расположенную между реками Дадден и Дервент, и, вероятно, был основателем замка Кокермут, как и монастыря Сент-Бис. Его сын Ранульф умер бездетным, а его наследницей стала Сисели, которая вышла замуж за Роберта де Ромилли, лорда Скиптона. Кокермут перешел к Алисе, их третьей дочери и сонаследнице, которая вышла замуж за Уильяма ФицДункана, графа Морая, в Шотландии, племянника короля Малькольма. Амабель, их вторая дочь и сонаследница, владела Эгрмонтом и вышла замуж за Реджинальда де Люси, жившего при 20 Генрихе II; а Сисели, старшая дочь, вышла замуж за Уильяма ле Гроса, графа Альбемарля, который умер в 1179 году. Их вторая дочь, Хавиза ле Грос, вышла замуж, во-первых, за Уильяма де Мандевиля, графа Эссекса, а во-вторых, за Уильяма де Фортибуса, по праву графа Албемарля, который (1215) вернул ему королем Иоанном поместье Кокермут и (1216) некоторые конфискованные земли, принадлежавшие Чести. В феврале 1221 года король Генрих приказал шерифу Уэстморленда созвать свои войска, чтобы осадить, взять и полностью разрушить замок Кокермут; но позже, в том же году, поместье было вновь пожаловано графу. Говорят, что этот граф владел половиной замка, который перешел к короне и был пожалован в 1323 году Эдуардом II Энтони, лорду Люси, который владел другой половиной. Однако происхождение замка крайне туманно. Оказывается, Ричард де Люси, сын Амабель, владел Эгрмонтом и умер около 15 лет от роду, оставив Амабель и Алису. Его жена, Ада де Морвиль, вышла замуж вторым браком за Томаса де Мултона и оставила потомство, а два сына Мултона от прежней жены женились: 1. Ламберт де Мултон на Амабель; и 2. Алане де Мултоне на Алисе, которые стали сонаследниками.

Правнучка Ламберта, наследница Эгрмонта, вышла замуж за Томаса де Люси, а сын Алана, Томас де Мултон, принял имя Люси, умер в 33 году Эдуарда I и, вероятно, владел замком Кокермут. За ним последовали его сыновья, Томас, умерший бездетным, 2 Эдуарда II., и Энтони де Люси, великий барон и военный лидер в западных походах. Он умер 17 Эдуарда III, оставив Томаса де Люси, который умер, захватив Кокермутский замок и честь 39 Эдуарда III, женившись на своей дальней кузине, Маргарет де Мултон, наследнице Эгрмонта, и таким образом воссоединив все наследство, второй участок Кокермута был приобретен его отцом.

У Томаса и Маргарет родились Энтони де Люси, двадцати четырех лет, 39-летний Эдуард III, и Мод. У Энтони была Джоан, которая умерла молодой, 43 г. Эдуард III захватил замок и честь, когда Мод стала наследницей. Она вышла замуж за Гилберта де Умфранвиля, графа Ангуса, который умер 4 Ричарда II. У них был только один сын, сэр Роберт, который умер бездетным. Граф умер 4 Ричарда II, лишившись замка и чести, а Мод затем, 8 Ричарда II, вышла замуж за Генри де Перси, графа Нортумберленда. В случае отсутствия наследников ее тела, наследство перешло к наследникам мужского пола ее мужа, которые должны были носить герб Перси и Люси ежеквартально. Эта уступка вступила в силу, и Кокермут перешел к потомку Перси от его первой жены, Маргарет, дочери Ральфа лорда Невилла, чей герб изображен над воротами Кокермута, как и герб графа Ангуса.

Граф Генри был убит в Брэхем-Муре в 1408 году. Хотспур, его доблестный сын, пал при Шрусбери. Генрих, следующий граф и лорд Кокермута, пал при Сент-Албане в 1455 году, как и его сын Генрих при Тоутоне в 1461 году. Генри, следующий граф, встретил насильственную смерть в Тауэре в 1489 году, будучи пятым лордом Кокермута из этого храброго, блестящего и неудачливого рода. Генри, следующий граф, умер естественной смертью в 1527 году, как и его сын Генри, бездетный, в 1537 году. Следующими наследниками стали его племянники, сыновья его брата, сэра Томаса; граф Томас, который был обезглавлен, оставив единственную дочь, в 1572 году, и граф Генри, который умер в 1585 году. Генри, следующий граф, умер в 1632 году, за ним последовал граф Алджернон, умерший в 1668 году, чей сын, граф Джослин, был последним представителем древнего рода, его сын Генри умер молодым. Елизавета, баронесса Перси, дочь и единственная наследница, вышла замуж за Чарльза Сеймура, герцога Сомерсета. Алджернон, их сын, граф Эгремонт и барон Кокермут, умер в 1750 году и был отцом Элизабет, наследницы Сеймур-Перси; но у герцога Алджернона была еще сестра Кэтрин, на сыне которой, сэре Чарльзе Уиндэме, обосновались графство и баронство, а также замок Кокермут, и так они перешли к Джорджу, последнему графу, который умер без наследника в 1845 году, завещав Кокермут своему родному сыну. Таким образом, замок Кокермут, перешедший по наследству через дома де Мешинес, де Фортибус, Мултон, Люси и Перси, может похвастаться связью с некоторыми из самых знаменитых северных баронов. Однако у него есть и другая, не менее яркая связь. В соседнем городе родился Уильям Вордсворт, и зеленый двор, увенчанные цветами стены и мрачные подземелья замка запечатлены в одном из самых приятных его сонетов: "Из духа Кокермутского замка..."

ИЗ ДУХА КОКЕРМУТСКОГО ЗАМКА.

"Ты смотришь на меня и с нежностью думаешь,

Поэт! Что, пораженные годами,

Мы, некогда столь разные, теперь сроднились,

Готовы, отстояв свой срок, опуститься

В пыль. Когда-то более прочные узы

Соединяло нас; когда ты, в мальчишеской игре,

Войдя в мою темницу, стал жертвой

Душераздирающей тьмы. Ни малейшего проблеска

света; и так я, твой наставник,

С могилой познакомил твои юные мысли,
Пока ты гонялся за крылатой бабочкой
По моим зеленым дворам; или взбирался, дерзкий жених,
К цветам, чье золотое потомство
До сих пор вокруг моего разбитого чела красотой волнуюсь".

КРЕПОСТЬ ЗАМКА КОЛЧЕСТЕР, ЭССЕКС.

КОГДА Губерт Рийский, стоя на рассвете между церковью и своим замком,

"Entre li mostier e sa mote,"

приветствовал, приютил и под конвоем трех своих сыновей отправил вперед своего жестокосердного повелителя по дороге, до сих пор известной как "Ле Вуа ле Дюк", он, вероятно, не думал, что этот случай войдет в историю, и тем более не мог предположить, какую великолепную награду за эту и другие верные услуги получают его сыновья двадцать лет спустя от того же государя в чужой и тогда еще не покоренной стране. Принимал ли сам Губерт участие в завоевании, неизвестно; он, конечно, не оставил свои мот и мостье в Котентине ради английских владений, но из его сыновей Ральф и Адам получили земли в качестве арендаторов в графствах Ноттингем, Дерби и Кент; а Эйдо, названный Дагдейлом четвертым сыном, но главным представителем семьи в Англии, фигурирует в "Обзоре" как главный арендатор шестидесяти четырех поместий в графствах Бедс, Кембридж, Эссекс, Хантс, Гертс, Хантингдон, Линкольн, Норфолк, Нортгемптон и Саффолк.

Двадцать пять из этих поместий находились в Эссексе, в графстве которого проживал Евдо, называвшийся по должности "Дапифер", и его владения там располагались в двенадцати из двадцати сотен. В Колчестере лордство и владения города принадлежали королю. Доля Евдо там была весьма скромной и состояла из пяти домов, 40 акров земли и права на четвертую часть некоторых земель "in elemosina Regis". Как он поддерживал свое военное положение, нам не известно, как и то, почему он поселился в Колчестере. Единственный эссекский замок, упомянутый в Domesday, - это Рагеня или Ралег. "In hoc manerio fecit Suen suum castellum", и ни один из старых моттов, которых несколько, как Бурес, Грейт-Берч, Онгар, Плесси и Стэнстед, похоже, не принадлежал Эйдо. Должность дапифера или шведа он занимал при Завоевателе и двух его преемниках, и именно он засвидетельствовал грамоту Вильгельма в Онфлере в 1074 году, другие грамоты Руфуса в 1093 году и Генриха I. Хотя он был описан как "Дапифер Домини Регис Тотуус Англиес", он, по-видимому, принадлежал к герцогскому, а не королевскому двору, так как, согласно Спелману, был братом Роберта Фиц Хамона из Морганва, который в "Обзоре" в Колчестере и других местах фигурирует как "Хамо Дапифер". Рассказывают, что из-за высокого характера, который носил Эйдо, бургомистры Колчестера подвигли Уильяма Руфуса поставить его во главе своего города. То, что он был назначен, следует из документа, процитированного Дагдейлом, а о его связи с городом свидетельствует Трубный список от 31 года Генриха I, в котором, среди прочих записей, относящихся к Колчестеру, есть записи о "лордстве королевских пахотных земель земли Евдо Дапифера, 8s. 10d.", а также за "ферму его земли, внесенную в казну, £91. 3s. 0d." Это было уже после смерти Эйдо, когда им управлял Хамо де Клэр. Поскольку корона владела

львиной долей города, положение Эйдо в нем должно было быть верховным. Первым его шагом, вероятно, было строительство замка, причем на собственной земле, ведь когда в 1096 году он основал аббатство Святого Иоанна, одним из его наделов, указанных в учредительной грамоте, были "все принадлежащие ему капиталы в замке Кольчестрия". В подтверждении Ричарда I (1 R. I.) этот надел описывается как "замок Кольчестрия, с децими и обвентибусом", который, по словам Моранта, состоял из титров определенных земель в городе и его окрестностях.

Положение Эйдо как владельца земель в Эссексе и Колчестере и представителя короля в городе вполне могло побудить его возвести там замок. Место было удачным для района, не отличавшегося особым неравенством поверхности. Он находился в пределах римской территории и с двух сторон был охвачен рекой Колн. Древняя стена, изначально римская, была отремонтирована Эдуардом Старшим и включала в себя город и предполагаемое место. В легендарном документе, цитируемом в "Монастиконе" [i. 724], говорится, что Эудо построил замок на фундаменте короля Коула: "in fundo palatii Coelis quondam regis", что может свидетельствовать о том, что на этом месте стояло более древнее здание. Если это так, то оно должно было быть римским. В большинстве главных городов Англии имелись замки, построенные задолго до прибытия Завоевателя, хотя и не из камня, и этих крепких мест обычно пользовался король или какой-нибудь великий нормандский барон, заменяя, по мере необходимости, нормандскую кладку на более ранние и менее совершенные оборонительные сооружения. Иногда замок находился в пределах городской черты, как в Чичестере, Честере, Лестере и Линкольне - римских городах с английскими добавлениями; иногда он находился за пределами городской стены, но примыкал к ней, как в Карлайле, Уорике и Винчестере. В каждом случае замок имел собственные оборонительные сооружения, так что, с одной стороны, его можно было держать вместе с городом против общего врага, а с другой - против города и использовать для подавления горожан. Здесь замок располагался в пределах римской территории, в ее северо-восточном квартале, и стоял, не исключено, на месте какого-то значительного римского здания, к которому, как считается, относились существующие, но недоступные канализационные трубы.

Эвдо умер в 1120 году в своем замке Прео в Нормандии и был похоронен здесь, в церкви Святого Иоанна. Таким образом, он прожил двадцать четыре года после основания религии и несколько больше после строительства своего замка. В правление Генриха I он также основал госпиталь Святой Марии Магдалины в пригороде Колчестера. Он женился на Рохаизе, которую Дагдейл в своем "Баронстве", ссылаясь на завещание Жюмьежа, называет дочерью Уолтера Гиффарда, графа Букингема, и вдовой Фитца Гилберта; ошибка, допущенная в раннем издании, исправлена в более позднем издании "Монастикона", откуда следует, что Рохаиз была дочерью Фитца Гилберта и предыдущей Рохаиз, и была замужем за Евдо в ее немолодом возрасте, "ante habiles annos nupta est". Она заложила второй камень собора Святого Иоанна, а первый заложил сам Эйдо. От этого брака родилась Маргарет, единственная наследница Евдо, которая вышла замуж за Уильяма де Магнавиля и была матерью Джеффри графа Эссекса, а по праву сенешаля или швейцара Нормандии. Джеффри, который выгодно разыграл свои карты между Стефаном и императрицей Мод, получил от последней земли Евдо Дацифера в Нормандии с должностью Дацифера, а также опцион, при определенных обстоятельствах, на земли, которыми Евдо умер, захваченные в Англии. Однако, похоже, он их не получил; в современных Трубных списках они считаются принадлежащими короне, и не фигурируют в инквизиции потомков Джеффри.

Замок, который, судя по дарственной на часовню, несомненно, принадлежал Эудо, перешел во владение короны. Морант приводит дарственную Мод Альбериду де Вере из раннего

издания "Фёдера" (xiii. 251), но ни в более позднем, ни в последнем издании такого документа нет. Он также приводит документ, находящийся в его собственном владении, времен правления Ричарда или Иоанна, показывающий, что вместе с другими поместьями замок Колчестер и Сотня находились в руках короля и в ведении шерифа Эссекса. В "Анналах Стоу" упоминается некий Хьюберт де Сент-Клер, который ценой собственной жизни отразил стрелу Генриха I при осаде Бридженорта в 1165 году, и которого Стоу называет констеблем Колчестера, и добавляет, что король отдал его дочь за Уильяма де Ланвалай. Уильям, который был бароном Эссекса, несомненно, получил должность констебля от короля Иоанна (2 Иоанна), заплатив 200 марков. Он умер 12 Иоанна, оставив Уильяму сына, который стал констеблем 17 Иоанна, но вскоре после этого присоединился к мятежникам. Его дочь Хавиза впоследствии была отдана под опеку Хьюберту де Бургу, который выдал ее замуж за своего сына Джона. Король Иоанн посещал замок шесть раз, в 1203, 1205, 1209, 1212, 1214 и 1216 годах, оставаясь в нем три дня во время двух предпоследних визитов и одиннадцать дней во время последнего. В 1214 году Стивен Харенгот сменил на посту Мэтью Мантелла; также Хью де Альбемунт, плотник, получил заказ на 23 марки за выполненную работу, к которым в 1215 году добавили 20 марок за ремонт, а бюргерам сообщили, что Харенгот отвечает за королевскую ренту. В апреле того же года Харенгот должен был получить древесину из леса неподалеку от города для его обороны, "*ad illam claudendam*", а Хью де Невилл должен был разрешить то же самое. В июле подозрительный характер Джона заставил его заменить Харенгота Уильямом де Ланвалаем, который, как уже говорилось, женился на дочери предыдущего констебля. В этом же году замок был осажден и взят Сахером де Квинси, который также сжег город. Впоследствии оба замка были возвращены королем Иоанном.

В марте 1216 года записан список из ста тринадцати человек, рыцарей, оруженосцев и слуг, арбалетчиков и пеших солдат, судя по именам, вероятно, французских наемников, которым король дал безопасный пропуск для перехода из замка Колчестер в Лондон. В апреле Харенгот снова стал главным, а в августе получил кредит на 100 марок из причитающегося штрафа в тысячу. Это было сделано для оплаты гарнизона замка. В ноябре 1217 года Ричард де Монт-Фитчет получил приказ отдать Уильяму, епископу Лондонскому, конфискацию леса Кингсворт, принадлежащего замку Колчестер, и вывести оттуда своих слуг. В июле 1218 года королевские бейлифы Колчестера должны были отвечать за ферму города перед епископом, как они делали раньше, когда замок принадлежал Харенготу. В это время епископ вел переговоры от имени короля с французскими захватчиками, которые некоторое время фактически удерживали замок. После смерти Джона епископ (октябрь, 2 Генриха III.) получил кредит на ферме Колчестера на 20 фунтов стерлингов, потраченных "*in waristura*" (на боеприпасы) для замка. В 1222 году шериф Эссекса, который в то время был главным, должен был перевезти в порт Колчестера определенную древесину, вырубленную констеблем Дуврского замка. В январе 1223 года судебные приставы города получили от Казначейства кредит на 100 фунтов, выданных ими констеблю замка. Похоже, что казначейство тщательно охраняло доходы, так как в 1224 году епископа Лондона призвали вернуть 20 фунтов стерлингов, выплаченных Уильяму, покойному епископу Лондона, на ремонт королевского замка Колчестер. В апреле 1225 года пруд-хоммы, "*probi homines*" Колчестера, должны передать городскую ферму констеблю для ремонта замка. Епископ Лондонский, похоже, иногда брал на себя ответственность, так как в 1227 году ему было приказано отправить к королю некоего человека, которому можно было бы доверить передачу замка от епископа королю.

В свое время Хьюберт де Бург вместе с подопечным Хавизом де Ланвалай занимал должность констебля замка; так что, хотя это и не было наследственным, но, похоже,

некоторое внимание уделялось происхождению. Де Бург был лишен собственности в 1232 году, его сменил Стивен де Сегрейв, а его - Томас де Клэр, который был констеблем в 1265-6 годах, когда 12 июня 1256 года Генрих III пожаловал замок и городскую ферму Ги де Монфору на пожизненный срок, а тот поддерживал замок в порядке. Он был одним из непопулярных иностранных фаворитов Генриха, и в 1258 году был лишен наследства. За ним последовал Уильям де Вейланд, который 18 декабря 1273 года передал его Джону де Бургу, последнему, кто занимал этот пост с хоть какой-то тенью наследственных притязаний. В 1275 году им завладел Ричард де Хоулбрук, и сразу после этого замок стал тюрьмой графства, находящейся в ведении шерифа, и перестал иметь какое-либо военное значение. В 1347 году некоторые из пленных, взятых во Франции, были размещены в Колчестере, несомненно, в замке.

Констебль замка был также управляющим сотней Тендринг и судебным приставом, который вершил суд над несколькими поместьями, входящими в нее. Замок был совершенно независим от города и, как большинство подобных замков, являлся внепароходным и имел отдельную юрисдикцию. Семнадцать маноров были приписаны к нему и платили подати и повинности в его суде. В духовных вопросах он был связан с Сент-Джонсом. Из решения казначейства от 1290 года следует, что аббаты Святого Иоанна, получавшие титулы, составляющие имущество замковой часовни, должны были предоставлять капеллана, который совершал богослужения три дня в неделю либо в часовне Святой Елены, либо в королевской часовне в замке, в зависимости от распоряжения констебля. Спустя долгое время аббат был оштрафован на 12 марок за то, что пренебрег этой обязанностью. Часовня Святой Елены стояла, да и сейчас стоит, хотя и оскверненная, примерно в 100 ярдах к северо-востоку от крепости, за линией крепостной стены.

Когда замок перестал представлять военную ценность, его время от времени отдавали разным лицам. Генрих герцог Ланкастерский, сын Генриха IV, получил его в 1404 году. Генрих VI подарил его своей королеве, а сэр Джон Говард получил его в пожизненное владение от Эдуарда IV. В те времена вместе с замком перешло около 160 акров земли. В 1496-1509 годах им владел Джон граф Оксфорд. Окончательно замок был отчужден Яковом I, который в 1629 году передал его в собственность Хэю, графу Карлайла. Благодаря огромной толщине стен и центральному положению, во время войны с Парламентом его удерживал Карл. Командиром был сэр Чарльз Лукас, член местной роялистской семьи и потомок получателя земель аббатства Святого Иоанна. Осада и захват Фэрфакса, а также последующие военные казни хорошо известны истории. Вероятно, тогда была снесена *крепостная* стена, и замок стал непригодным для жизни. Вскоре после этого то, что осталось, было продано человеку по имени Вили, который попытался снести крепость, но это удалось лишь частичного успеха. С тех пор замок принадлежал семьям Грэй и Раунд, и за ним должным образом ухаживали, как, впрочем, и сейчас.

ОПИСАНИЕ.

Замок, единственная сохранившаяся часть замка, является своеобразным и во многих отношениях очень примечательным сооружением; примечательным из-за необычайно большой площади, которую он занимает; из-за отсутствия, даже в своем первоначальном состоянии, пропорциональной высоты; из-за расположения и дизайна его частей и деталей; из-за материалов, из которых он состоит; и из-за мастерства, с которым они собраны вместе. Не только его происхождение оспаривается, но и цель, с которой он был построен, до сих пор является предметом спора, разрешить который можно только с помощью внутренних доказательств, предоставленных самим зданием, мельчайшие детали которого представляют особый интерес.

В плане оно прямоугольное, и на уровне внутреннего основания, которое также почти совпадает с уровнем верха наружного цоколя, оно имеет размеры, за исключением шести выступов, 152 фута на север и юг, 111 футов на восток и запад, а с выступами - 171 фут на 146 футов. Два северных угла увенчаны двумя прямоугольными башенками, из которых северо-западная имеет ширину 29 футов с 8-футовым выступом, а северная - 30 футов с 8-футовым выступом. Северо-восточная башня имеет ширину 29 футов на восточной стороне и 27 футов на северной стороне, с выступами в 8 футов. Юго-западная башня выступает от южного конца западной стены на 14 футов, а ее ширина составляет 40 футов. Юго-восточная башня занимает аналогичное положение на восточном фронте, но в плане представляет собой полукруг с диаметром или шириной 50 футов и выступом 25 футов. Южная стена имеет контрфорс на каждом конце. С восточной стороны он имеет ширину 20 футов и выступ 8 футов, а с западной - ширину 12 футов и выступ 8 футов. Последний защищает вход.

На более длинных, восточной и западной сторонах находятся две промежуточные пилястры шириной 8 футов на фут выступа, а на северной стороне - одна пилястра шириной 8 футов на 18 дюймов выступа. Против полукруглой башенки расположены четыре пилястры шириной 4 фута 10 дюймов на футовом выступе, а у подпруги - две полупилястры шириной 2 фута 5 дюймов. Башенки, контрфорсы и пилястры, за одним исключением, поднимаются к нынешней вершине, не прерываясь ни заступами, ни струнным ходом. Исключение составляет северо-западная башня, которая на уровне первого этажа уменьшена на северной стороне с 30 до 24 футов, 6 футов образуют полку или площадку для входной двери. Цоколь проходит вокруг здания и завершается простой фаской. Под ним стены распространяются по бокам внутри и снаружи, пока на глубине около 30 футов не достигают основания в 30 футов. Часть, находящаяся над землей, была обложена золой, которая была снята. Такая чрезмерная глубина и ширина фундамента очень необычна. Две северные башни цельные до уровня первого этажа, как и два южных контрфорса, один из которых действительно цельный. Юго-западная башня содержит колодезную лестницу, которая поднимается из подвала на вершину. Юго-восточная башня содержит крипту на уровне земли.

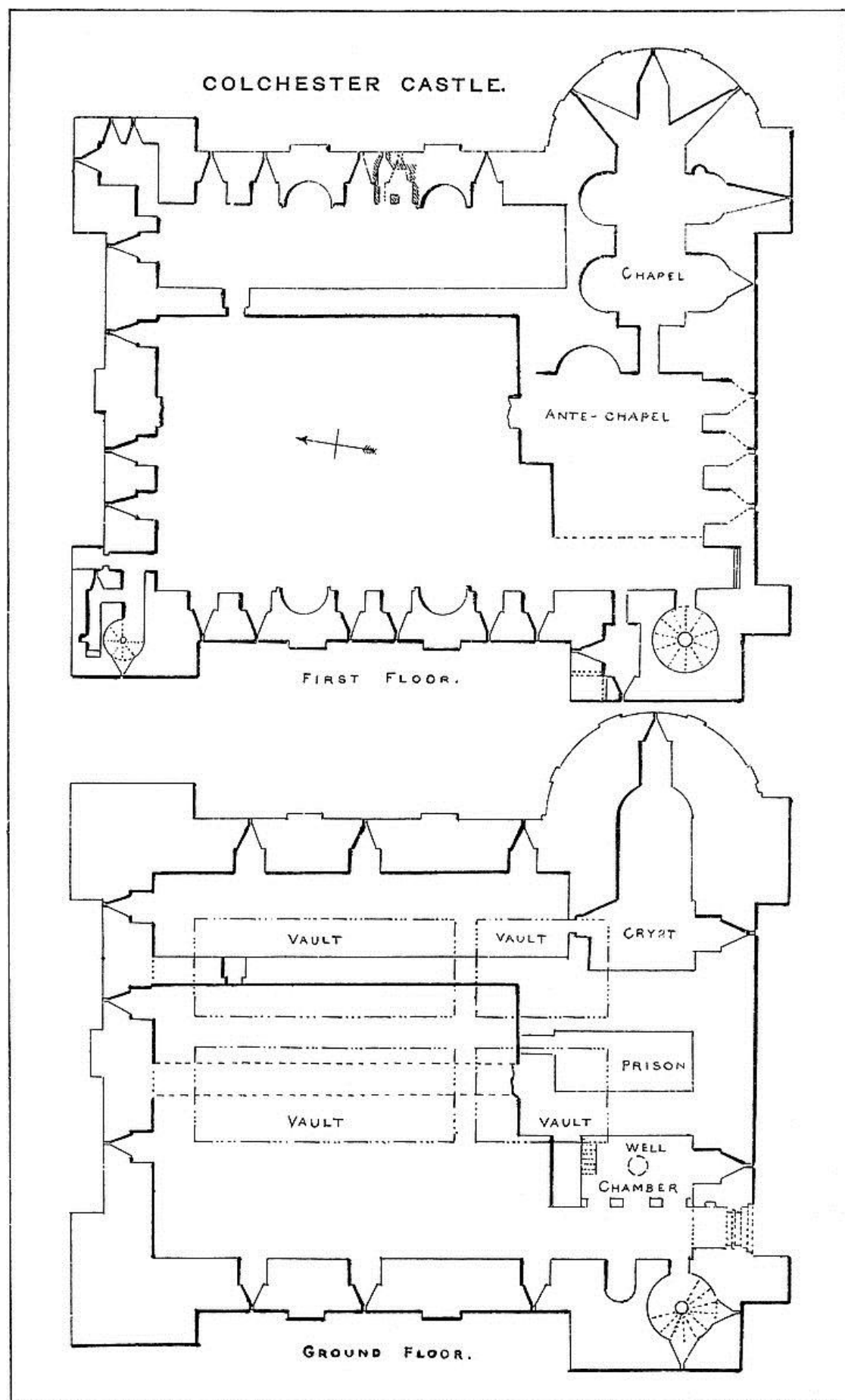
Пространство внутри стен, размером 126 футов на 87 футов, было поделено поровну. Часть, шириной от 36 до 40 футов, была отгорожена стеной с южной стороны и использовалась в качестве входного прохода, колодезной камеры, тюремного склепа и крипты под часовней. Пространство к северу было снова разделено на восточный, западный и средний отсеки двумя стенами, идущими на север и юг. Восточный отсек, 91 фут на 22 фута, был скорее проветриваемым, чем освещенным, благодаря трем петлям в восточной и одной в северной стене. Одна из этих петель в прошлом веке была превращена в дверь, но с тех пор замурована. Центральная петля теперь является дверью. В южной части небольшой дверной проем ведет в крипту. В этот отсек ведет дверной проем в поперечной стене шириной 3 фута 9 дюймов, но с выступом для двери. Толщина стены составляет 7 футов. Средний отсек был 80 футов в длину и 15 футов в ширину, но его западная стена толщиной 7 футов была удалена, как говорят, в 1683 году. След от нее остался на южном конце, а на северном конце выступ в стене показывает, что в этом конце находилась дверь сообщения. В северном конце этого отсека имеется одна петля, а в южном - дверной проем, ведущий в тюремный склеп.

Западный, или более крупный, отсек, из которого выходили остальные, имел 90 футов в длину и 36 футов в ширину. В его северном конце была петля, а в западной части - три петли. В его южной стене, вероятно, находился внутренний дверной проем, соответствующий главному входу. Говорят, что под полом этой камеры находится яма или сток, канализация из которой, римской конструкции, проходит на запад через стену к реке. Петли на всем первом

этаже выполнены по одному образцу. Они круглоголовые, шириной 6 дюймов, в конце раздвинутой ниши, которая открывается в плоскую нишу шириной 7 футов и глубиной 3 фута 6 дюймов. Эти ниши с круглой головкой возвышаются над уровнем пола примерно на 12 футов. Углубление и арочная глава построены в основном из черепицы. Отступ или раскрытие - из ясеня. Все арки, как дверные, так и ниши, круглоголовые. Три отсека были перекрыты цельными деревянными балками, поддерживающими пол верхней камеры. Первый этаж высотой около 15 футов, за исключением свода и крипты, по-видимому, предназначался для складов.

Главный вход находится на этом этаже, в западном конце южной стороны. Дверной проем длиной 7 футов 7 дюймов с каждой стороны фланкирован двумя нишевидными колоннами с простыми базами и капителями, украшенными жесткой листвой нормандского характера. Над капителями находится простой скошенный абакус. Головка состоит из трех элементов, каждый из которых представляет собой смелый валик или бусину. Две внутренние части выходят из капителей, а внешняя, с капельником, выполненным в виде двух полуокружностей, - только из абакуса. Внутри портала абак остановлен квадратным пазом для портупей, вероятно, железной, за которым находится фальц для двери с отверстием для прочного деревянного бруса. К этому проему вели пять или шесть ступеней, ныне скрытых или исчезнувших, а также следы разводного моста. Внутри портала, в стене толщиной 14 футов, слева находится небольшая круглоголовая ниша, плоские стороны и задняя часть которой украшены невысокими барельефами некоторых епископов и святых, включая святого Христофора. Они выполнены довольно качественно и, вероятно, являются работой какого-то изобретательного носильщика.

КОЛЧЕСТЕРСКИЙ ЗАМОК.

Дверь открывается в вестибюль или входной проход шириной 12 футов и длиной 36 футов. Правая стена представляет собой открытую аркаду, современную, но, вероятно, представляющую собой более древнюю стену, отгораживающую колодезную палату. Южный конец сейчас открыт, но раньше его пересекала стена толщиной 10 футов, в которой, несомненно, находилась внутренняя дверь, ведущая в большую камеру первого этажа. Слева находится дверь большой лестницы, затем ниша шириной 8 футов, высотой 9 футов и глубиной 7 футов с полукуполом. Короткий проход, сводчатый и рифленый, ведет к большой лестнице - цилиндру диаметром 16 футов, с перилами в 2 фута. Она имеет петли на юг и запад, и сорок семь ступеней ведут к нынешней вершине. На двадцать третьей ступени проход с тремя ступенями ответвляется на второй этаж.

В колодезной камере размером 15 футов на 26 футов находится колодец, который сейчас закрыт насосом. Он имеет диаметр 5 футов и глубину 65 футов и был облицован ясенем, верхняя часть которого была ободрана. Колодец был обнаружен в прошлом веке. Говорят, что в нем была обнаружена боковая водопропускная труба, предназначенная для отвода сточных вод, которые в противном случае могли бы повредить фундамент. В южной стене было углубление шириной 8 футов и глубиной 7 футов, круглоголовое и полукупольное, в котором сейчас находится окно. Вероятно, в нем стояли ведра. Здесь же к сводам спускается современная лестница. Колодезная палата не имеет сводов. Далее к востоку, отделенная стеной толщиной в 9 футов, находится тюрьма; это сводчатая камера размером 15 футов на 30 футов, в которую из среднего отделения ведет дверной проем в 3 фута; она поддерживает переднюю капеллу. Снова к востоку от этого свода стена толщиной 13 футов отделяет его от крипты. Западная часть крипты, поперечная конечность буквы Т, прямоугольная, 14 футов на 28 футов, сводчатая и желобчатая, вход в нее из восточного отделения; в южной стене есть петля. Стебель буквы Т - это собственно крипта, 31 фут в длину, 14 футов в ширину и 14 футов в высоту до венца бочкового свода. Его восточный конец полукруглый и полукупольный. Петля в центре апсиды превращена в окно. Говорят, что в этой крипте находится сток, падающий на юг к реке. На этом описание первого этажа заканчивается.

С лестницы открывается дверь в вестибюль, расположенный над входным проходом и, вероятно, имевший такие же размеры. В настоящее время восточная и северная стены являются современными. Южный конец этого вестибюля занимает выемка с плоской стороной и плоской спинкой, шириной 10 футов, глубиной 10 футов и высотой около 12 футов, в полу которой есть желоб или проход для прохода портупеи. Поскольку углубление шире решетки, боковые пазы отсутствуют. Выше находится полость, в которую вставлялось кольцо или крюк, на котором подвешивалась решетка. На сайте слева от лестничной двери находится дверь меньшего размера, которая открывается в садик, разделяющий башню с лестницей. Он имеет длину 15 футов 6 дюймов и ширину 10 футов 4 дюйма, сводчатый, с петлями на западе и севере, под каждой - сиденье и проем в стене. Петли были расширены и превращены в окна, а камера используется в качестве комнаты для записей. Снаружи, в северной стене башни, недалеко от ее соединения с куртиной, находится смелый глубокий кронштейн, состоящий из семи камней и плитняка, в верхней части выступающий примерно на фут, который, возможно, поддерживал вал гардероба с бойниц, или был связан с каким-то видом брекетоу или деревянных конструкций. Его назначение неясно. Восточная стена вестибюля отделяет его от современной библиотеки, которая стоит над древней предкапеллой и, вероятно, была главной частной квартирой в замке. В его южных стенах было три углубления, несомненно, с петлями. В двух из них сейчас находятся окна, а в одном - камин. За пределами этой камеры, на севере, находится современный коридор, пространство которого, очевидно, было частью предкапеллы. В его восточной стене находится ниша с круглой спинкой шириной 10 футов, через которую был пробит проход в

часовню, причем весьма неосмотрительно. Из передней капеллы в западную часть часовни открывался высокий круглоголовый дверной проем.

Часовня состоит из нефа и апсиды, а также четырех боковых углублений или боковых капелл. Ее длина составляет 45 футов, ширина - 15 футов, а высота - 17 футов 6 дюймов до венца бочкового свода. Апсида полукруглая и полукупольная, одной высоты с нефом. Самая западная пара ниш имеет ширину 14 футов и глубину 12 футов, с полукупольными концами. Восточная пара имеет ширину 11 футов и глубину 11 и 14 футов, обе полукупольные. В восточной стене южной ниши есть ниша для бокового алтаря. Боковые своды примыкают к главному своду. Пазы или линии пересечения - простые. Апсида имеет центральное углубление, в котором сейчас находится окно, и два боковых углубления меньшего размера с петлями, без изменений. Поскольку стены везде очень толстые, а пять первоначальных проемов не могли превышать восьми дюймов, часовня должна была быть более чем обычно темной. В ней нет никаких украшений, даже абакуса или цоколя. Каменная кладка, судя по всему, представляет собой бутовый камень самого обычного характера. Она густо оштукатурена. Это очень любопытный и редкий пример замковой часовни.

Первый этаж, к северу от часовни и входного вестибюля, разделен на большую западную и меньшую восточную камеры. Восточная камера имеет размеры 21 фут на 88 футов, западная - 61 фут на 100 футов, увеличение размеров по сравнению с меньшей площадью произошло за счет небольшого уменьшения толщины стен.

В восточную камеру можно попасть из западной через дверной проем в разделительной стене. В ее северном конце находится петля, в восточной стене - два камина; к северу от одного из них - две петли, к югу - одна; между ними - четвертая петля и настенный садово-парковый ансамбль. Эта камера, размером 3 фута 6 дюймов на 9 футов 3 дюйма, имеет восточную нишу шириной 3 фута, а в ней небольшую петлю, под которой находится сиденье, и отверстие в стене. Из главной камеры открываются две двери на расстоянии 3 футов 3 дюймов друг от друга. Вероятно, камера была разделена деревянной перегородкой, так что в каждой комнате был камин, а садовая часть была общей для обеих, и из каждой открывалась дверь. В северо-восточной башне находится сводчатая камера размером 13 футов на 10 футов и высотой 16 футов. Она имеет одну петлю на севере и две на востоке, ныне разбитые на одну. В западной стене есть указание либо на камин, который так и не был достроен, либо на камин, замурованный в стену. Вероятно, это была спальная комната.

Возможно, западная камера, как и нижний этаж, была разделена стеной, возвышавшейся над той, что теперь удалена; в пользу этого мнения говорит неравное пространство между петлями в северной стене. Однако более вероятно, что стена не была так поднята, а неравномерное пространство может быть вызвано желанием сохранить петли свободными от внешней пилястры. В камере, если предположить, что она была полной ширины, было четыре петли в северной стене, а в западной - два камина, по две петли между и по две за каждой, всего шесть. Каминные просторные, круглоголовые, с закругленными спинками, украшенными изразцами по краю с рисунком "селедочная кость". Они стоят на широкой пилястре, выступающей на фут, и совершенно просты. Они выложены изразцами с одним рисунком по всему периметру, а на высоте около 14 футов дымоход останавливается и разделяется на два ответвления, которые открываются в лицевую сторону стены, по одному с каждой стороны пилястры, в полем углу, как в Рочестере и в лондонском Тауэре. Эти каминные, похоже, не имели никакого колпака. Над одним из них есть своего рода погодный молдинг из черепицы, который выглядит как часть колпака, такой, как до сих пор можно увидеть над западной дверью церкви Святого Ботольфа. Однако на косяке каминного проема есть второй фрагмент, который не может быть частью колпака. Вероятно, это остатки погодной лепнины крыш

коттеджей, построенных на территории замка после того, как он был выпотрошен и заложен. Петли этого этажа, как и нижележащих, выполнены в едином стиле. На уровне пола начинается ниша шириной 7 футов, плоская и круглоовальная, которая поднимается примерно на 14 футов. На глубине 3 футов 6 дюймов находится отступ или раскрытие, от которого начинается разветвленная ниша, заканчивающаяся петлей шириной 8 дюймов.

В северной стене, в ее западном конце, находится простой дверной проем и углубление, соответствующее дверному проему в наружной части стены, который открывался на уже упомянутую полку, как и в восточной части северо-западной башни. Этот выступ образовывал площадку размером 6 футов на 8 футов, откуда по торцу стены на землю спускалась лестница. На стенах видны места, где лестница была вделана в стену путем прекращения регулярной укладки, но это также свидетельствует о том, что лестница была сделана позже. Вероятно, первоначальная лестница была деревянной. Дверь, очевидно, была замурована с раннего периода. В западной части этого дверного проема находится боковой дверной проем меньшего размера, открывающийся в рифленый вестибюль, который ведет к лестнице и садовой башне, занимающей северо-западную башню. Гардероб имеет размеры 7 футов на 2 фута, с петлей на востоке, сиденьем и стоком на западе, а в северной стене - углубление для лампы. В нескольких футах к югу от сиденья и его побега во внешней стене виден второй побег. Вероятно, он относился к садовому робу в бойницах, ныне исчезнувшему. Лестница представляет собой колодец диаметром 6 футов, от которого осталось двадцать четыре ступени. Она, очевидно, вела с уровня первого этажа на вершину. Фрагмент башенки показывает, что первоначальная высота стены составляла от 32 до 36 футов. Эта и главная лестницы укорочены в результате удаления верхних 5 или 6 футов стены. Они открываются на нынешнюю верхнюю часть стены, которая была выровнена, а для безопасности прохода построены небольшой бастион и задняя стена. Похоже, что второго этажа здесь не было.

Много лет назад, около 1683 года, тогдашний владелец замка, печально известный тем, что снял верхнюю часть стен и выпотрошил внутреннюю часть здания, обнаружил, что часть первого этажа покоится на сводах. Он открыл и осмотрел их, и они до сих пор доступны. Сводов два, они построены рядом друг с другом, каждый шириной 22 фута и длиной 96 футов. Их пересекает стена толщиной 6 футов, образуя два свода по 60 футов и два по 30 футов. Стена между ними имеет толщину 8 футов. Когда их обнаружили, они были полны земли, настолько полны, что было очевидно, что содержимое фундаментов было навалено и использовано в качестве центрирующего элемента, а арка была повернута на земле или камнях, положенных на нее. На одном своде крыша плоская, держится за счет простого сцепления кладки. Эти своды не имели первоначального входа и, очевидно, были только строительными работами, не предназначенными для использования. Было сделано несколько проломов, так что в один свод можно войти из другого; также был сделан пролом в северной стене храма ниже уровня наружной земли, через который была удалена значительная часть грунта, и таким образом полости допускают частичный осмотр. Каменная кладка полностью состоит из грубого щебня, крупной гальки, валунов и фрагментов камня, не обработанного и с очень свободным использованием раствора. Своды описаны как остроконечные, но чрезмерная грубость работы и характер центрирования объясняют любую неравномерность в фигуре арок. На глаз они кажутся грубо полукруглыми. То, что эти своды относятся к дате постройки замка, очевидно из их отношения к другим стенам, часть которых опирается на них. Нынешний вход находится в полу колодезной палаты.

По какой-то причине, возможно, из-за опасений, что фундамент может оказаться некачественным на влажной песчаной почве, было сочтено необходимым принять чрезвычайные меры предосторожности против неравномерной осадки частей крепости. Отсюда, вероятно, и обширная площадь, и небольшая высота стен, и чрезмерная ширина их фундамента. Отсюда же, вероятно, и решение приподнять пол внутренних помещений над внешней землей с помощью сводов. Если причина этих необычных мер предосторожности была именно в этом, то результат оказался вполне успешным, поскольку нигде не видно следов проседания.

Хотя главный вход на уровне первого этажа отнюдь не был неизвестен в норманнских замках и встречается в Карлайле, Ладлоу и Бамборо, он не был обычным, а изучение входа в Колчестере приводит к выводу, что первоначально его здесь не было. Очевидно не только то, что нынешний богато украшенный дверной проем является вставкой, но и то, что внешняя часть стены над ним была разобрана на значительную высоту и неуклюже перестроена. Это было сделано для того, чтобы можно было установить порткуллис. Без него было бы достаточно снять только нижнюю кладку, но для поднятия решетки требовалось пространство над головой, и для его увеличения нужно было произвести более масштабные изменения. Непосредственно над капельным камнем находится несколько рядов пепла, несомненно, заимствованного из старой работы; но выше этого стена состоит из очень плохого необработанного бутового камня, сильно отличающегося от регулярных рядов камня и плитки, которые можно увидеть в стене по обе стороны. Когда была вставлена внешняя дверная коробка, стена внутри также была облицована пеплом, а кольцевые камни внутренней арки и входов на большую лестницу также были обложены таким образом. Выше, в углублении, в которое поднимался порткуллис, выложена плитка, очевидно, первоначальная; но пол с проемом или прогоном и плоская задняя часть углубления - более поздние. По всей вероятности, там, где сейчас находится большой дверной проем, изначально было углубление с петлей, а выше, несомненно, находилось углубление, возможно, тоже с петлей. Когда эта дверь была открыта, в самый поздний норманнский период, первоначальный вход на втором этаже, в северном фасаде, был, вероятно, замурован, как это и осталось до сих пор. Высказывалось предположение, что большой дверной проем заменял постерн, но постерны в норманнских замках были очень необычны, особенно на уровне земли, и нет никаких оснований предполагать наличие такового здесь. Вероятно, когда крепость была построена, стены *энсинта* не было, но когда она была возведена, крепость стала гораздо более защищенной, а так как вход в нее был удобен со стороны города, это изменение было сделано.

Следует отдать должное упорству, с которым эта крепость утверждалась как римская постройка. Своеобразна не только ее конструкция, но и материал, из которого она сделана, а также в некоторой степени и мастерство. Стены, хотя и обложены ясенем на цоколе, и хотя ясеня в значительной степени использован в квинте вплоть до первого этажа, содержат большое количество крупной, квадратной, толстой плитки, столь характерной для римской работы. Более того, эти плитки в основном целые, как будто они не использовались в более старом здании, и они уложены в виде связующих или цепных рядов, одинарных, двойных, тройных и даже в четыре ряда, с промежуточными полосами цементного камня в виде небольших грубо отесанных блоков. Иногда плитки уложены по краям, иногда с небольшим наклоном, местами с тенденцией к "селедочной кости", и большая часть внутренней перегородки - это обычная "селедочная кость", причем очень хорошего образца. Большинство ниш в стенах изначально не были закольцованы, они имеют круглую форму и полукупол, что необычно для норманнских храмов. Снаружи здания, высоко в стенах, сохранились следы нескольких проемов или, возможно, просто углублений, площадью

около 2 футов 6 дюймов. Один из них показан на раннем рисунке как содержащий солнечный циферблат, несомненно, являющийся вставкой. На сайте предполагалось, что это таблички с надписями, но доказательств этому нет. Для чего они предназначались, трудно даже предположить.

Все эти особенности, а также некоторые другие, которых на самом деле нет, были приведены для оправдания мнений генерала Роя, Кинга и других в пользу римского происхождения здания, которое, как утверждается, было построено для содержания и охраны святилища языческого божества, а затем было превращено норманнами в крепость. Такие превращения римских зданий в средневековые крепости, несомненно, были достаточно распространены в Италии и Франции и небезызвестны в Англии, как в Певенси и Порчестере, но, тем не менее, едва ли есть основания считать это здание римским или иным, кроме как норманнской крепостью.

Сочетание прямоугольного плана с угловыми башенками и промежуточными пилястрами небольшого выступа - явное и своеобразное норманнское явление. Что касается необычных размеров здания, то по размерам и высоте норманнские храмы значительно отличаются друг от друга, от Клитеро и Годериха до Норвича или Лондона. Выступ башен также варьируется от простых пилястр, как в Боусе и Скарборо, до обычных башен, как в Дувре и Кенилворте. Полукруглый выступ и часовня внутри действительно редки, они встречаются только в Колчестере и Лондоне, но никто из тех, кто знаком с небольшими нормандскими церквями, без колебаний отнесет их к их числу. Расходящийся цоколь также является норманнской особенностью и встречается в Норхэме и Кенилворте. Толстые и массивные стены первого этажа также часто встречаются. Одним из самых обычных норманнских решений было размещение под одним углом колодезной лестницы, сообщающейся с каждым этажом и с крышей, а под другим - аналогичной лестницы, начинающейся на втором этаже.

Норманнский вход, хотя иногда и располагался на первом этаже, чаще всего, как и в данном случае, находился на втором. Он также не всегда был защищен передней частью здания. Ни Годерих, ни Клитеро, ни Честер не были так защищены. Колодец в норманнских замках, хотя часто находился в стене, встречался и в других местах. В Норвиче и Касл-Ризинге он находился в пределах территории, а в Бамборо - в стене. Настенные камеры, особенно для гардеробов, часто встречаются в норманнских замках, особенно на уровне второго этажа. Здесь их три, и еще одна камера большего размера, помимо часовни и предкапеллы. Отверстия нормандских гардеробов обычно открываются на лицевую сторону стены, нижний камень немного выступает, чтобы грязь не попадала в него, как в Ладлоу и Карлайле. Открытие дымоходов каминов на лицевой стороне стены, рядом с пилястрой, является чисто нормандским приемом. Использование петель на втором этаже, хотя и с большими раздвижными углублениями, также является норманнским и частью системы ревности, которая была характерна для этих храмов. Обычно только на втором этаже петли становились окнами. В норманнских храмах полы почти всегда были деревянными, балки при необходимости поддерживались столбами или подпорками, как сейчас в лондонском Тауэре.

Что касается материала, то использование новых, чистых и неповрежденных плиток ни в коем случае не свидетельствует о том, что работа является римской. Очевидно, что плитки церкви Приората Святого Ботольфа никогда ранее не использовались. Единственный вывод заключается в том, что они были изготовлены в подражание тем, которые были введены римлянами. Раствор, который обычно описывают как римский, тоже не является таковым. Он определенно белого или светлого цвета, с большим преобладанием песка, настолько

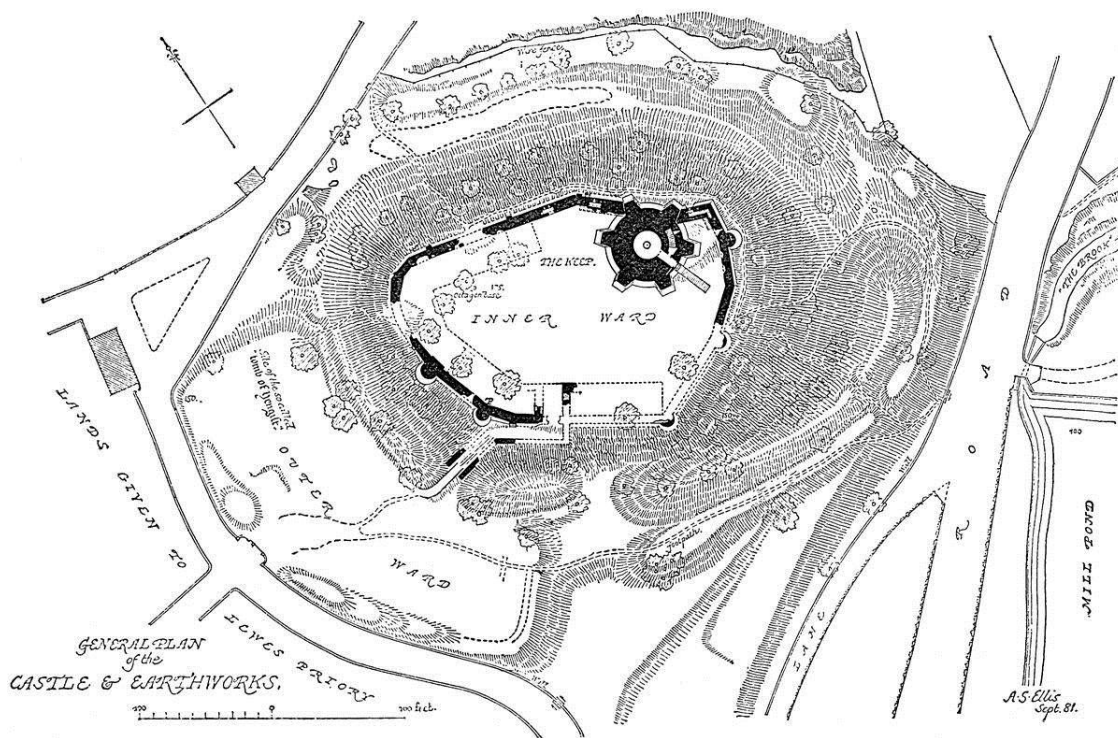
большим, что в некоторых местах препятствует его схватыванию. Там, где раствор находится в массе, он может содержать фрагменты черепицы или камня, но в его составе нет и следа колотого кирпича. Как правило, он плохо перемешан и содержит крупные фрагменты морских раковин. Шпаклевочные отверстия по размеру и расположению такие, какие обычно наблюдаются в зданиях XI и XII веков, хотя, вероятно, не ограничиваются ими. На софитах сводов лестничных и фресковых палат повсюду видны глубокие следы от досок, использовавшихся в качестве центрирующих или, как их еще называют, технических лаг. Работа плотника в норманнских храмах, похоже, выполнялась очень грубо, и грубые доски густо покрывались раствором, чтобы выровнять их поверхность. Это хорошо видно в Колчестере.

Принимая во внимание все эти особенности, не должно быть сомнений в том, что Колчестерский замок - это норманнское сооружение, построенное, вероятно, в конце XI века одним из сыновей Юбера де Ри.

Это единственная часть Колчестерского замка, сохранившаяся до наших дней. Стена *Энсинта* была давно удалена, вероятно, около 1650 года, но ее общая линия на востоке, севере и западе обозначена тремя земляными насыпями. На юге земля была выровнена. С этой стороны находился вход в город. Это были главные ворота, но имелись и вторые. Огражденная таким образом территория, по-видимому, превышала три акра. На этой территории и рядом с ней были обнаружены различные римские останки.

ЗАМОК КОНИСБОРО.

Замок Конисборо, или, как он назывался в древности и более правильно, Конингсборо или Конингсбург, - одна из самых примечательных крепостей на севере Англии, стоящая высоко над берегом "нежного Дона", примерно в полумиле ниже места впадения в него Дирна, посреди грандиозного амфитеатра в сельве. Его название говорит о том, что он был резиденцией саксонской королевской власти, а его местоположение - подходящим местом; а мощные земляные сооружения, составляющие его древнейшие оборонительные сооружения, свидетельствуют о ценности владения и могуществе основателя: кроме того, великий чародей романтики наложил на эту сцену свое очарование и придал ей интерес, не менее глубокий, чем тот, что она полностью вымышлена. Тех, кто поднимается на охраняемую гору, мало волнует великий норманнский граф, воздвигший ее башню; для них она населена творениями Скотта. Сохранилась, хотя и без крыши, палата, в которой он устроил погребальный пир Ательстана, и осталась неизменной ординария, в которой Ровена изливала свои самые смешанные чувства. Настоящий обзор должен быть более прозаичным. В нем необходимо упомянуть о великих графах, чья башня стоит почти непревзойденно как неизменное свидетельство их феодального великолепия и конструкторского мастерства. Хотя Конисборо не может сравниться с Кузи по размерам, а могущество даже дома Уорренов меркнет перед могуществом его более чем королевских предков, меньшая, но более древняя башня не уступает своему великому сопернику ни по положению, ни по качеству материала, ни по тонкости исполнения.

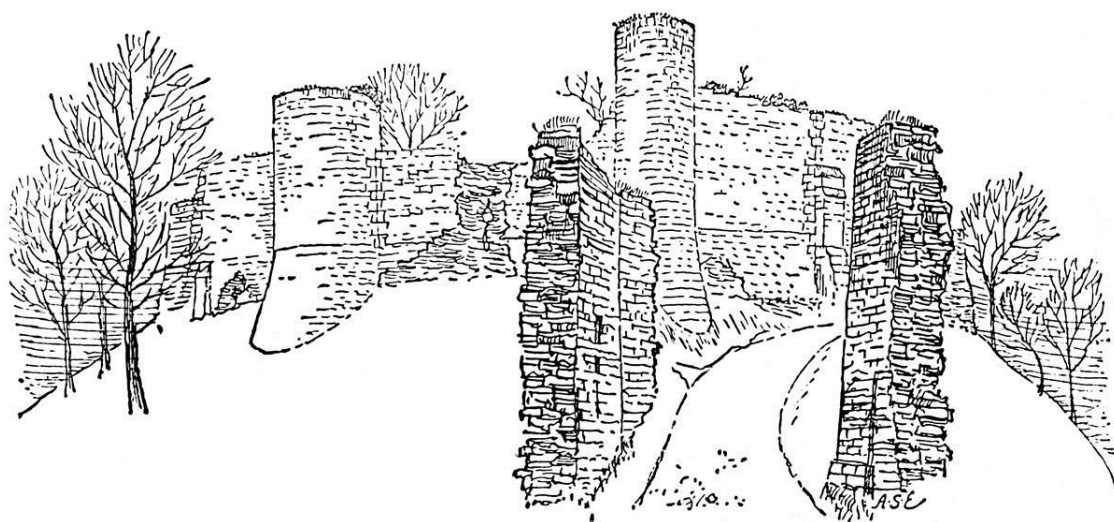
Эс-Эллис
81 сентября.

ЗАМОК КОНИСБОРО. ОБЩИЙ ПЛАН ЗАМКА И ЗЕМЕЛЬНЫХ УСТРОЙСТВ.

Тот, кто выбрал холм Конисборо в качестве места для крепости, если не был, как сказал король Джеймс, посетивший подобное место, вором в душе, то, должно быть, считал безопасность первостепенной задачей и был готов потратить огромное количество человеческого труда на ее достижение. Ему пришлось иметь дело с отдельным холмом из камня и гравия, возвышающимся примерно в 400 ярдах от берега реки на высоту около 175 футов, естественно, крутым со всех сторон, хотя и менее крутым на юго-западе, где внешняя поверхность несколько выше. На этой стороне, на расстоянии около фурта, стоит древняя церковь Святого Петра, а вокруг нее - деревня Конисборо. Вершина холма была выровнена и обрезана в платформу округлых очертаний, площадью 90 ярдов к северо-востоку и юго-западу, 60 ярдов в поперечном направлении, что составляет около трех четвертей акра. От этой вершины склоны круто обрываются вниз, к дну огромного рва, расположенного примерно в 60 футах ниже гребня. Внешний склон или контркарп рва варьируется по высоте, или, скорее, глубине, в зависимости от характера грунта, и примерно на двух третях своей окружности увенчан крутым берегом, который придает рву глубину от 18 до 25 футов, а внешний склон его исчезает в естественном падении склона холма. С юго-западной, или городской, стороны, где земля, занятая церковью, примерно на 25 футов выше, чем *terrassa* замка, промежуточная впадина занята большим флигелем, упирающимся в главный ров, ответвление от которого охватывает и отделяет его от города, и таким образом образуется внешнее укрепление, удобное либо для размещения войск, либо для безопасного выпаса скота. Главный подход к городу всегда был с этой стороны и через это земляное сооружение. Ни в какой другой точке нельзя было найти столь безопасный или удобный подход; едва ли он был бы удобен для лошади с всадником на спине, а тем более для повозки или транспортного средства на колесах. Это, что касается земляного укрепления, было и остается первоначальной крепостью, резиденцией и оплотом короля, от имени которого был назван город, и, если предположить, что

стены и крепость будут сняты, а гребень платформы, контрэскарп рва и внешний край земляного укрепления будут обнесены частоколом, место все равно будет обладать большой силой и способно вместить даже королевскую дружину.

Когда граф Уоррен, вскоре после нормандского завоевания, посетил свое новоприобретенное лордство, он, должно быть, был поражен общей аналогией его главного места с теми сильными местами, которые он оставил после себя. Курган или мотт, здесь естественный, кольцевой ров вокруг него и укрепленные флигели, прикрывающие слабую сторону, опирающиеся на ров и защищенные его ответвлением, были чертами, столь же хорошо известными в Нормандии, как и в Англии. Несомненно, он намеревался добавить к крепости те каменные работы, которые в то время были популярны на Сене и Орне; но внутренние свидетельства самой старой из сохранившихся каменных работ, окружной стены, показывают, что это была не его работа. Вероятно, он счел, что работ, необходимых в Льюсе, Райгейте и Касл-Акре, вполне достаточно, чтобы занять его средства, и был вынужден довольствоваться теми оборонительными сооружениями, которые ему уже попались под руку. Его сыну или внуку следует приписать самую раннюю из сохранившихся каменных кладок, более старую часть куртины и часть внешней сторожки у подножия холма. Нет оснований полагать, что здесь когда-либо была норманнская крепость. Вероятно, вся внутренняя палата, как в Эксетере и Рестормеле, считалась панцирным замком. Нынешняя башня, несомненно, является более поздним дополнением. На представленном здесь виде показан подъем из сторожки. Слева видна внешняя часть занавеса главной палаты.

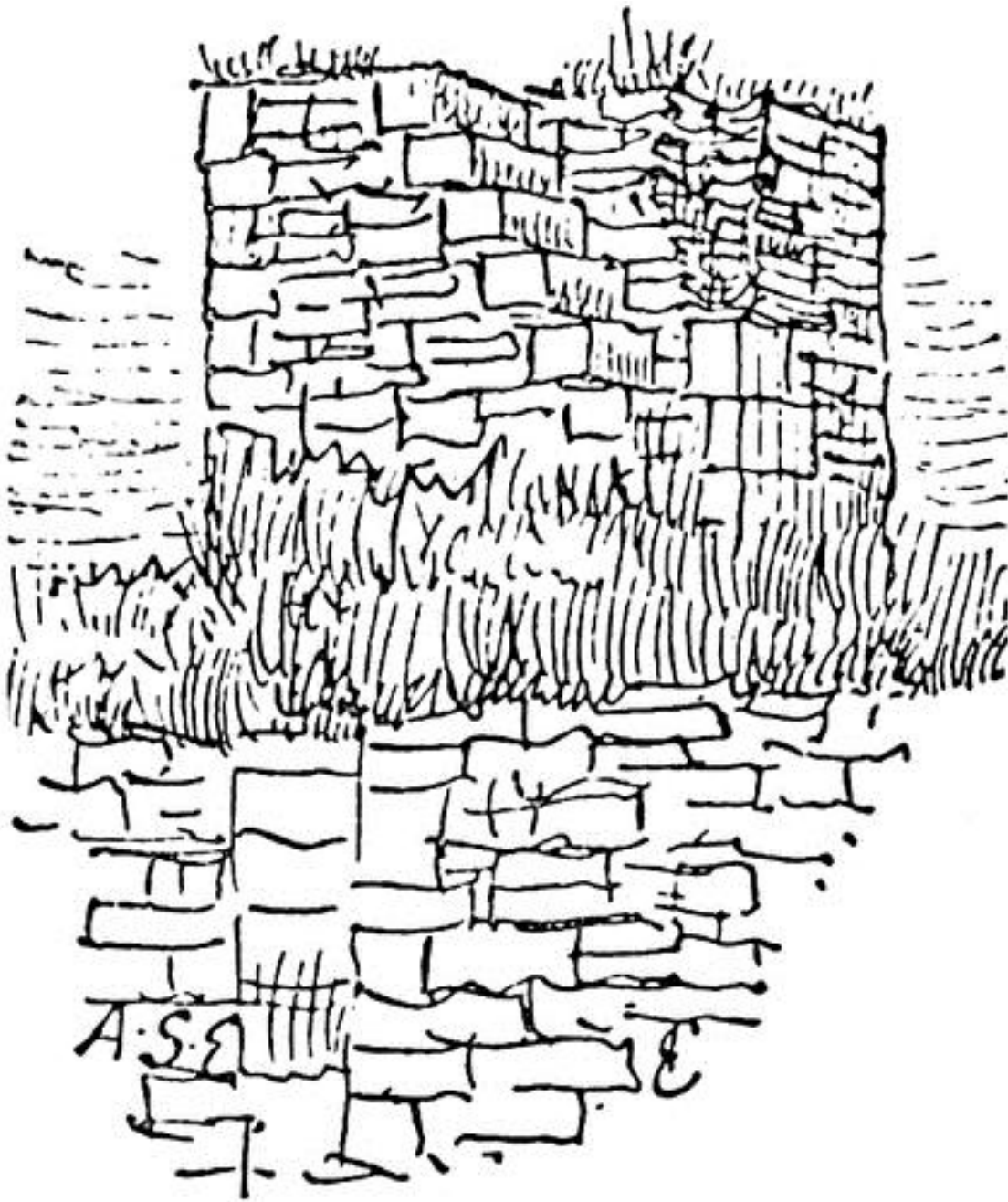

В нынешнем виде замок состоит из крепости, внутренней и внешней палат, а также крутого склона между ними. *Внешнее отделение* представляет собой земляную насыпь с западной стороны. Не сохранилось никаких следов ворот, через которые, должно быть, входили в замок, а также куртин, окружающих его, или зданий внутри него. Вероятно, оборонительные сооружения всегда состояли из бревен, уложенных на земляной насыпи, которая венчает обрыв рва и, должно быть, была насыпана из него.

Пересекая центр земляной насыпи, путь в замок достигает и пересекает главный или внутренний ров по современной земляной насыпи, заменившей древний разводной мост, и достигает основания холма между двумя толстыми и высокими стенами, параллельными и расположенными на расстоянии 10 футов друг от друга, как у входа в Беркхампстед. Поперечные стены, соединявшие их на каждом конце и пронизанные порталными арками, исчезли. Сформированная таким образом сторожка, вероятно, имела деревянное покрытие и, возможно, верхний этаж над входным проходом, а над всем этим возвышалась насыпная платформа. Боковые стены продолжают или были продолжены вверх по холму. Та, что слева от входа, шла

прямо вверх по склону, пока не уперлась в занавес внутренней палаты и не соединилась с ней. Стена справа берет начало от небольшой массивной круглой башенки, обрамляющей внутреннюю часть сторожки. Она идет косо вверх по склону, постепенно приближаясь к верхнему входу, которого она достигает под прямым углом к середине южного фронта. Эта стена защищает проезд от нижних до верхних ворот, а сама находится под наблюдением куртины, расположенной выше. Можно сказать, что она пересекает *Среднее отделение*, если этот термин применим к склону холма между рвом и флигелем внизу и стеной внутреннего отделения вверх. По сути, это ледник внутренней линии обороны.

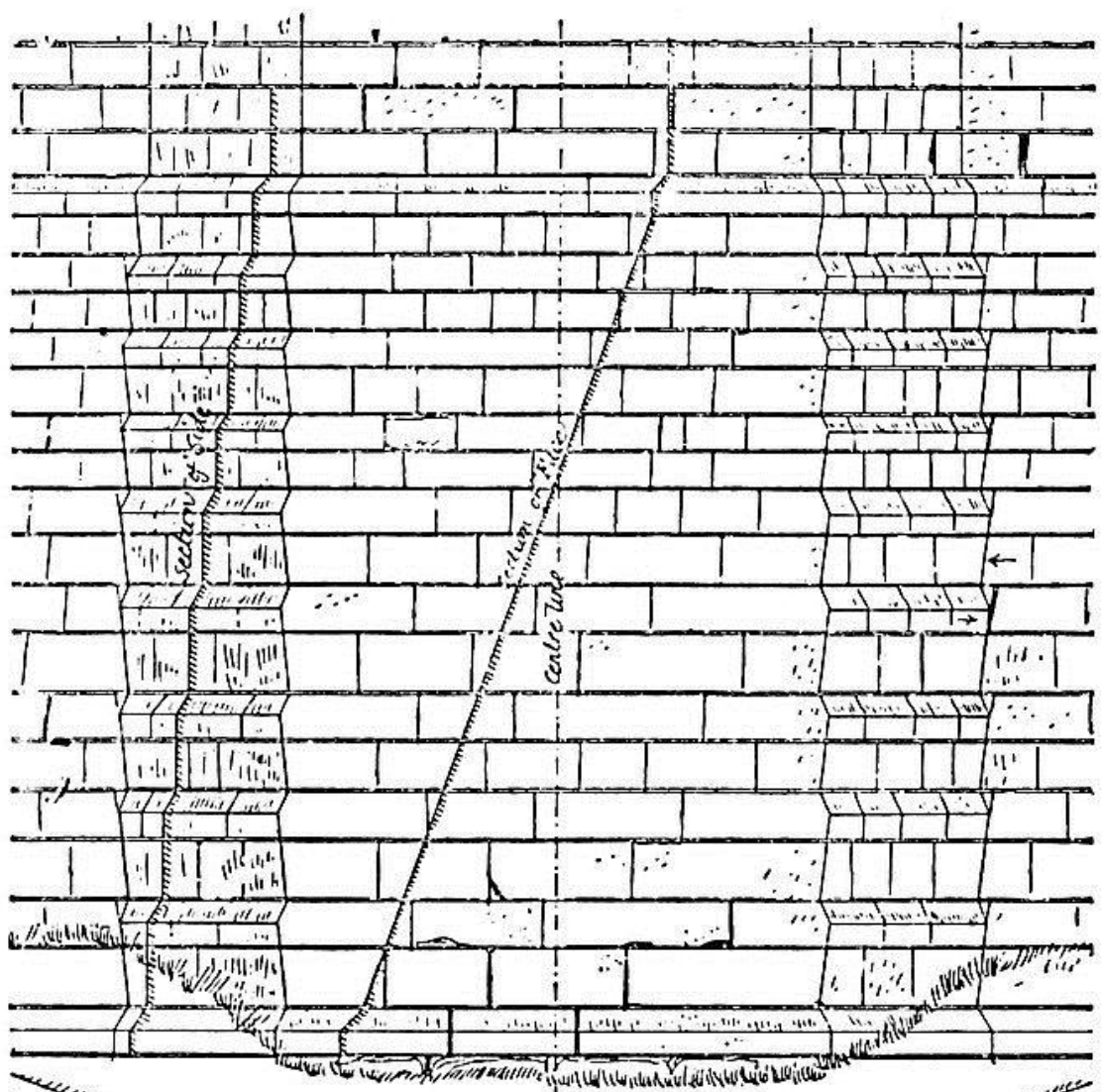
В настоящее время *от внутреннего двора* не сохранилось никаких следов внешней сторожки. Вероятно, вход был простым арочным проемом в занавесе, как в Бридженорте и Кенилворте или Кардиффе, дополнительно обрамленным выступающим плечом стены, которое сохранилось до сих пор. Внешняя сторожка, хотя и не была неизвестной, не являлась обязательным элементом нормандского замка. При входе во внутренний двор слева на стене видны многочисленные следы пристроенных к ней зданий. Очевидно, что здесь, справа и слева, находились основные постройки для бытовых целей, такие как зал, кухня и, вероятно, часовня, пристроенные к стене и скрепленные с ней стенами. Прямоугольное пространство между этими зданиями, 14 футов на 24 фута, могло быть, как и в Тикхилле, сторожкой с порталом, открывающимся во внутреннюю палату.

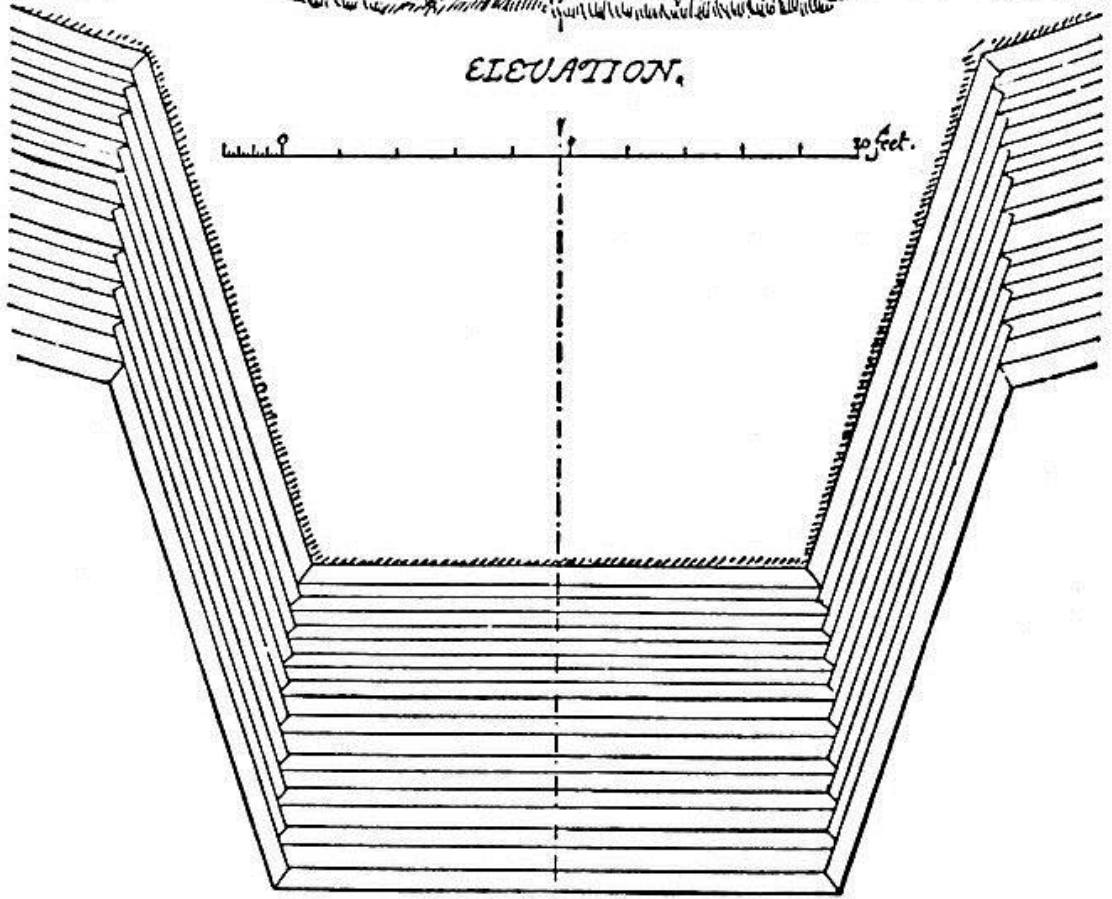
ПИЛЯСТРЫ, КАК ВИДНО СНАРУЖИ.

Внутренняя палата имеет несколько овальную форму, но находится внутри стены, состоящей из множества прямых отрезков, фактически представляя собой очень неправильный многоугольник, подогнанный под естественные очертания земли. Более старая часть этой куртины состоит, по сути, из хорошего галтованного щебня, толщиной от 6 до 7 футов и высотой от 30 до 35 футов. Внешняя сторона была выложена из пепла, и большая ее часть сохранилась, либо в идеальном виде, либо с отметинами, показывающими, где камни были содраны. Углы были облицованы ясеневыми блоками внутри и снаружи, и есть несколько наружных пилястр, которые местные жители называют "столбами", широкие, слегка выступающие, с одним или двумя заступами, которые имеют поздний норманнский характер. В северо-западном углу, высоко в стене, находится арка с круглой головкой, которая, вероятно, открывалась в башню, закрывавшую угол, но теперь исчезнувшую. Часть западной стены, по-видимому, была перестроена, когда потребовались новый зал и кухня, в ней сохранились остатки большого камина и кронштейны либо для приставной крыши, либо для верхнего этажа. Бастионы повсеместно исчезли. Северная

и западная стены довольно совершенны, и многое осталось от восточной, но к югу стена разрушена. Эта часть кажется самой поздней, и была перестроена неряшливо. На стене находятся пять небольших полукруглых башен, массивных, как в Кнаресборо. Куртина не связана с крепостью, которая была встроена в ее линию, чтобы стать ее частью. В этой части, к северо-востоку от *энсинта*, в выступе куртины, находится небольшая лестница и проход в стене, сильно заваленный мусором. Кинг называет его постерном, но очень очевидно, что это был садовый павильон. Территория внутренней палаты была расчищена, а здания вывезены, все, кроме сторожки. Единственные следы стен во дворе находятся вдоль его северной, западной и южной сторон, показывая, что здесь были здания против занавеса 310 футов в длину и 22 фута в ширину.

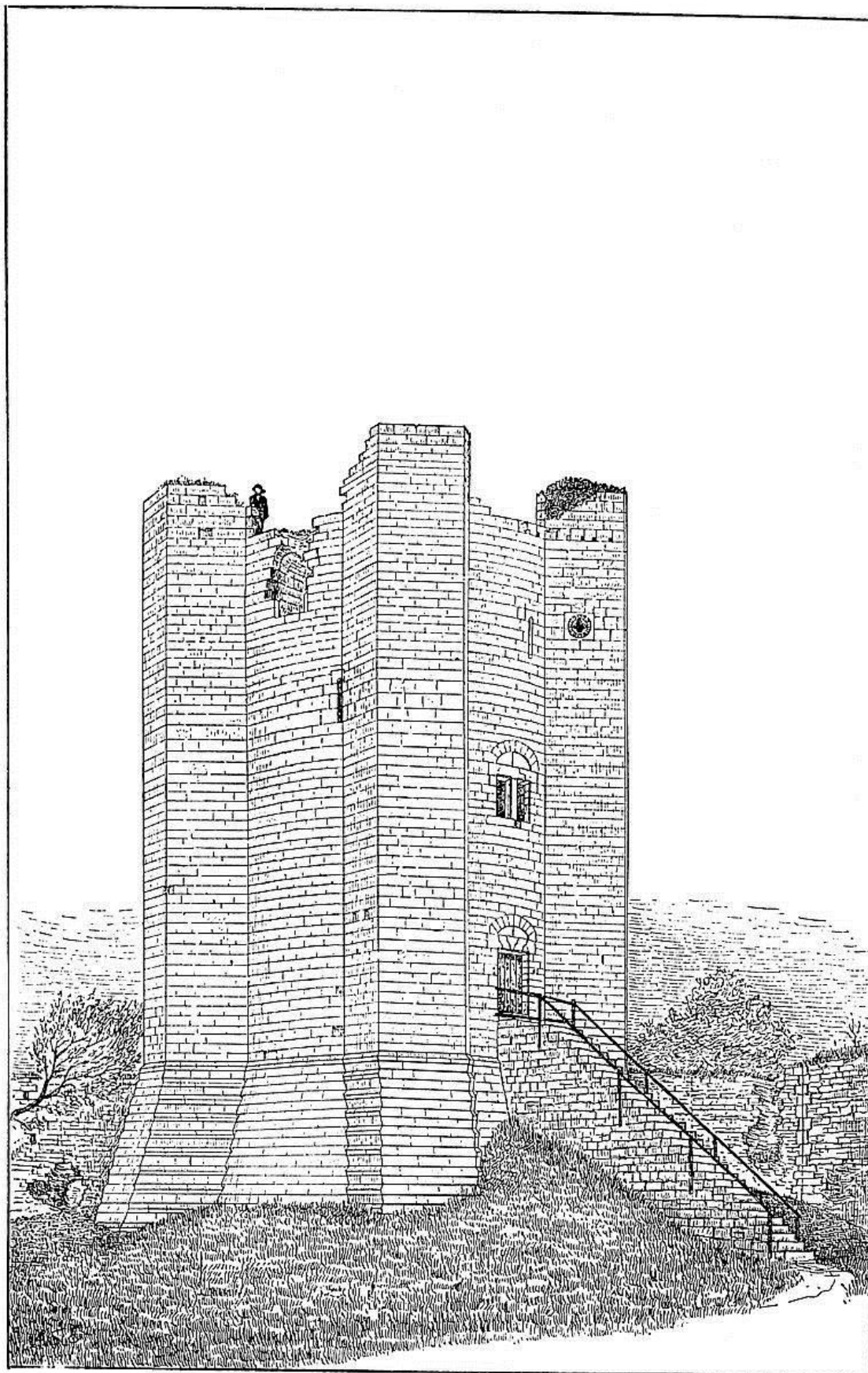

ELEVATION.

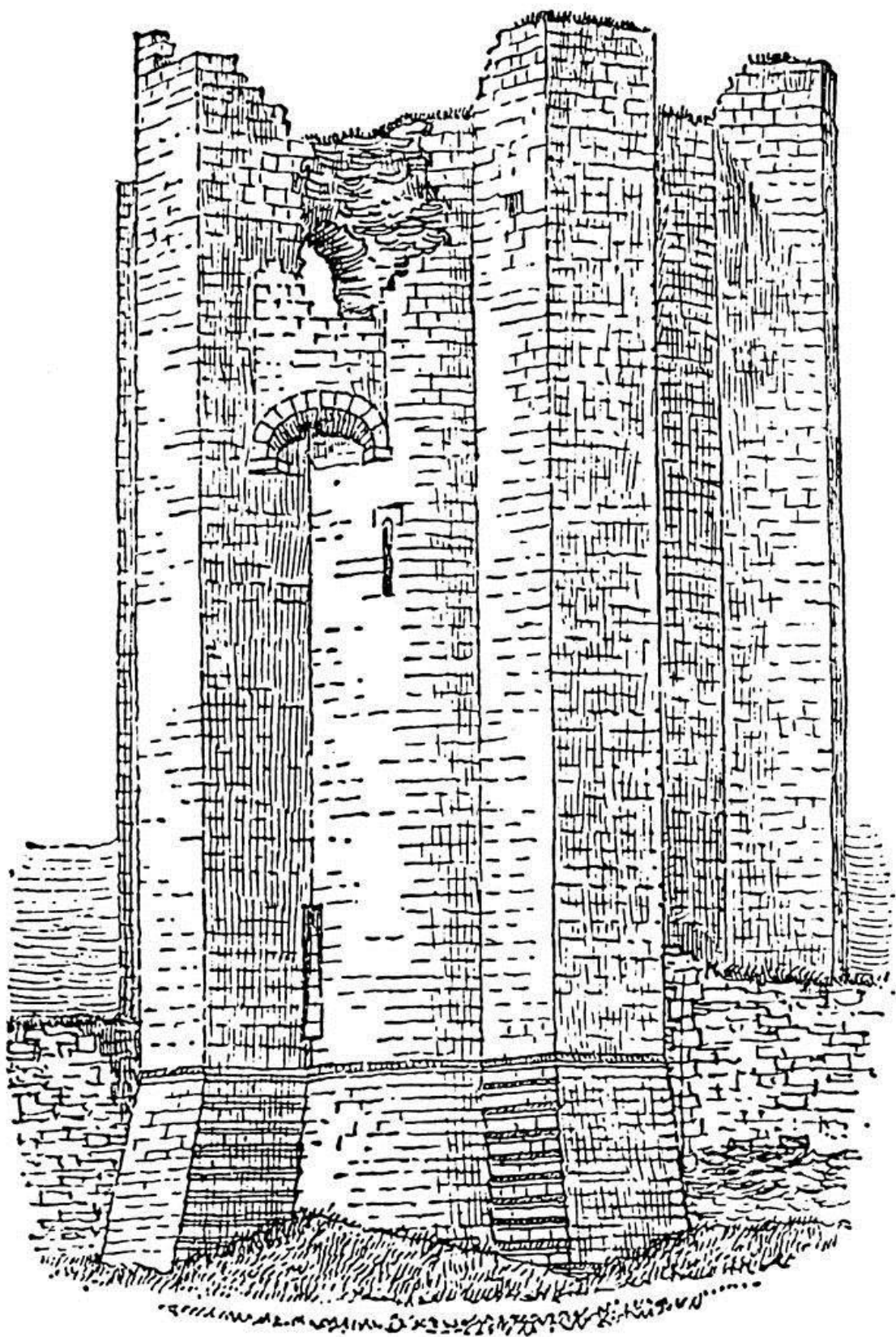
PLAN

ДЕТАЛЬ ОСНОВАНИЯ ОДНОГО ИЗ КОНТРФОРСОВ ЗАМКА.

ЗАМОК КОНИСБОРО. ВИД НА ЗАМОК В ЕГО НЫНЕШНЕМ ВИДЕ.

Кипер - слава Конисборо, и хотя он уступает по размерам башне Сезара или Бошампа в Уорике, он более чем равен им по кладке и является более полным, поскольку это кипер, а те башни - вспомогательные. Она стоит почти на северо-восточной оконечности и в самой высокой части внутренней палаты, фактически на линии куртины, частью которой являются два ее контрфорса и промежуточная стена. Его постоянно описывают как стоящий на искусственном кургане, что, конечно, не так. Действительно, ни один искусственный курган не мог бы выдержать столь концентрированный вес. Он стоит на естественной поверхности, здесь это скала. У него нет специального рва, и земля показывает, что его никогда не было. В обычном рве не было нужды, его представляли естественная крутизна и наружный ров у основания.

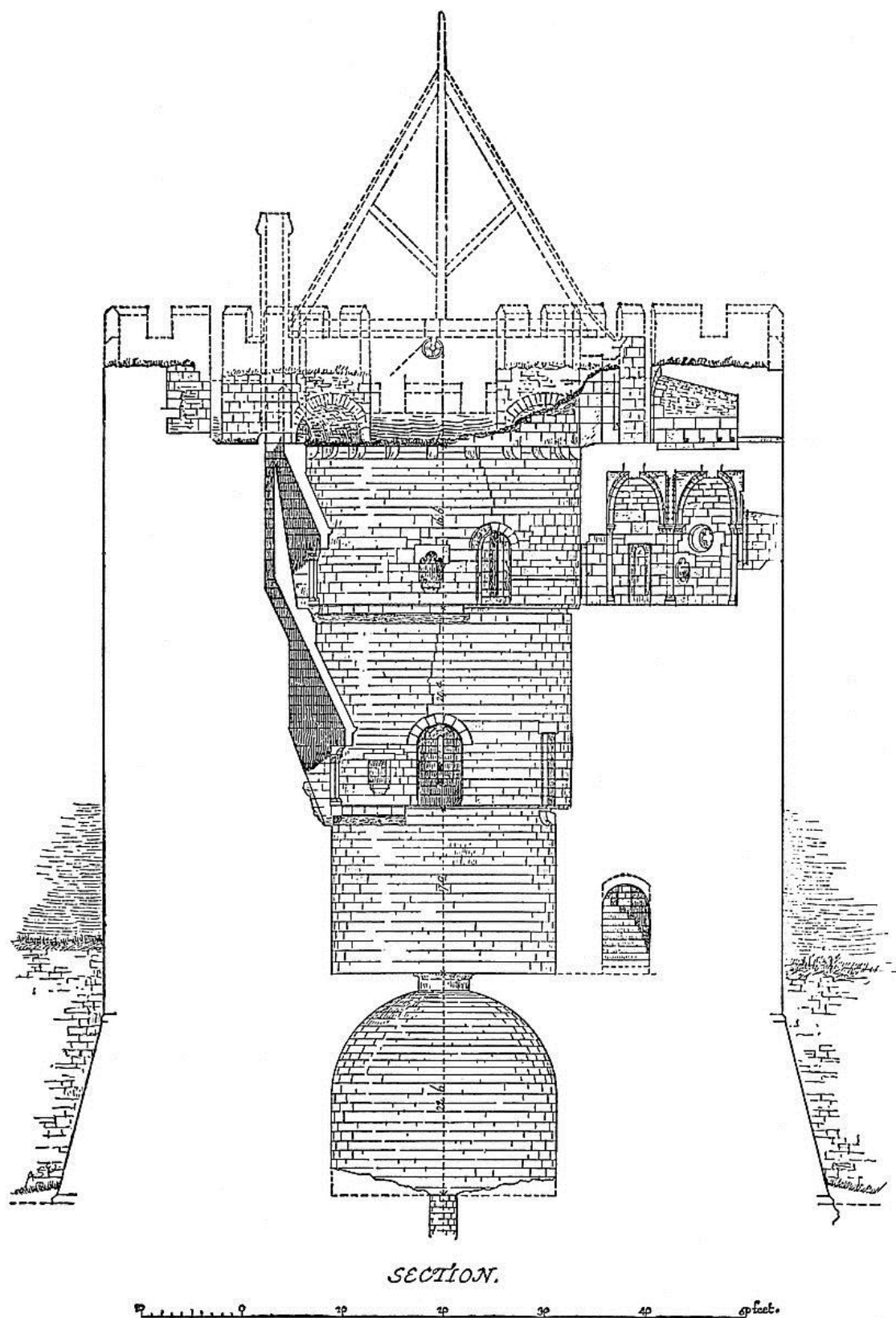
БАШНЯ, С ВНЕШНЕЙ СТОРОНЫ КУРТИНЫ.

Башня представляет собой цилиндр, опирающийся на смелое раскидистое коническое основание. Против нее через равные промежутки расположены шесть смелых, массивных контрфорсов, имеющих плоские грани, но слегка сужающихся в плане так, что представляют собой полушестиугольники с двумя длинными сторонами и короткой гранью. Они опираются на основания, которые расширяются наружу, но очень незначительно в боковом направлении.

Башня на уровне земли имеет 66 футов в диаметре, от которой ее контрфорсы выступают еще на 9 футов, так что она охватывает прерывистый круг в 80 футов. Там, где контрфорсы отходят от башни или соединяются с ней, их ширина составляет 15 футов 6 дюймов. В плане они сужаются на 6 футов 6 дюймов, так что ширина лицевой стороны каждого составляет 9 футов. На высоте 20 футов от земли основание тарана заканчивается, и башня имеет диаметр 52 фута, а контрфорсы выступают на 8 футов, в то время как их сужение представлено основанием в 14 футов 6 дюймов и лицевой стороной в 9 футов. Это на уровне второго этажа, и здесь толщина стен составляет 14 футов 11 дюймов.

Внешняя часть башни с этого уровня вертикальна, фактически являясь цилиндром, и не имеет никаких выступов или отступов над скошенным верхом основания. Внутри толщина стен уменьшается за счет трех выступов, соответствующих четырем этажам, причем каждый этаж опирается на свой выступ. Таким образом, толщина стены на вершине уменьшается до 12 футов 6 дюймов. Высота башни в одной точке составляет 90 футов, а первоначально, вероятно, была около 120 футов до конической вершины. Высота контрфорсов в завершенном виде составляла около 94 футов. Все сооружение построено из мелкозернистого известняка светлого цвета, в виде блоков высотой около 12 дюймов и длиной от 1 до 3 футов, уложенных в ряд, но не отсортированных, хотя самые крупные камни находятся в основании. Внутренние и внешние фасады, лестницы и настенные палаты также выполнены из превосходного пепла. Стыки в целом довольно открытые, горизонтальные швы варьируются от полдюйма до полутора дюймов, вертикальные швы более плотные. Своды в основном состоят из прочного щебня. Раствор вывалился из швов, но камень свежий и острый, и нет никаких оседаний. Все ярусы хорошо выражены, и их можно пересчитать как внутри, так и снаружи. Снаружи основание состоит из восемнадцати курсов, а цилиндр - из шестидесяти одного, от которого контрфорсы поднимаются еще на семь курсов. Внутри первый этаж состоит из девятнадцати ярусов, второй - из двадцати пяти, третий - из девятнадцати, а всего цилиндр состоит из шестидесяти трех ярусов. Четвертый этаж отсутствует, или почти отсутствует. Внешняя отделка здания совершенно простая, за исключением двух небольших круглых фонарей оратория, которые украшены своеобразной шаровой лепниной. Есть несколько петель, но во всем здании только один наружный дверной проем и два главных окна. Все арки полносводчатые; ни следа остроконечной арки, и все они относятся к одной дате. Ничто не может быть более основательным, более простым, более пропорциональным или более подходящим для той цели, ради которой оно было построено.

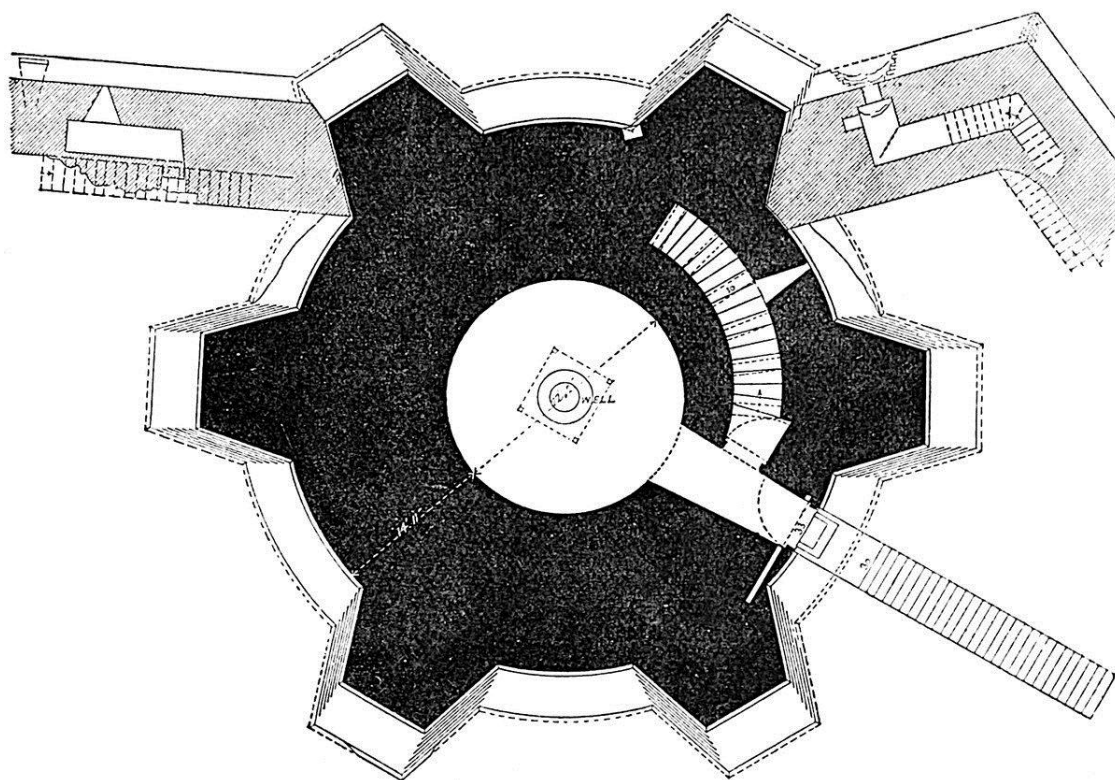
Интерьер разделен на подвал и четыре яруса, самый верхний из которых находился в крыше и на уровне башен; все они имеют цилиндрическую форму. Подвал представляет собой куполообразный свод, пол которого - естественная поверхность скалы. Его диаметр составляет 22 фута. Высота стен до подпруги составляет 10 футов, и как купол, так и стены совершенно просты. Здесь нет ни петель, ни даже отверстий, ни боковых углублений, ни каких-либо отверстий: ни мест, ни вентиляционных отверстий, ни канализации, насколько можно судить. В центре находится колодец, облицованный пеплом, диаметром чуть больше 2 футов. Говорят, что его глубина составляет 105 футов, но сейчас он частично засорен. Должно быть, он был затоплен как большая шахта, и затем выложен до нынешнего диаметра. Прямо над ним находится неровное отверстие, которое представляет собой единственный вход в подвал, и в него, должно быть, вела лестница. Очевидно, что это хранилище было подвалом или складом, а ни в коем случае не тюрьмой. Пространство здесь, как и в большинстве других замков, было слишком ценным, чтобы использовать его иначе, как во время осады.

ЗАМОК КОНИСБОРО - КРЕПОСТЬ.

Вход в башню находится на уровне второго этажа, с юго-восточной стороны, на вершине основания, то есть в 20 футах от земли. Дверной проем шириной 4 фута 9 дюймов, совершенно простой, с плоским верхом, но перемычка состоит из пяти камней, соединенных в виде наличника, а над ней находится рельефная арка, тимпан которой образован двумя большими камнями, разделенными по вертикали. Порткуллиса не было, только прочная одностворчатая

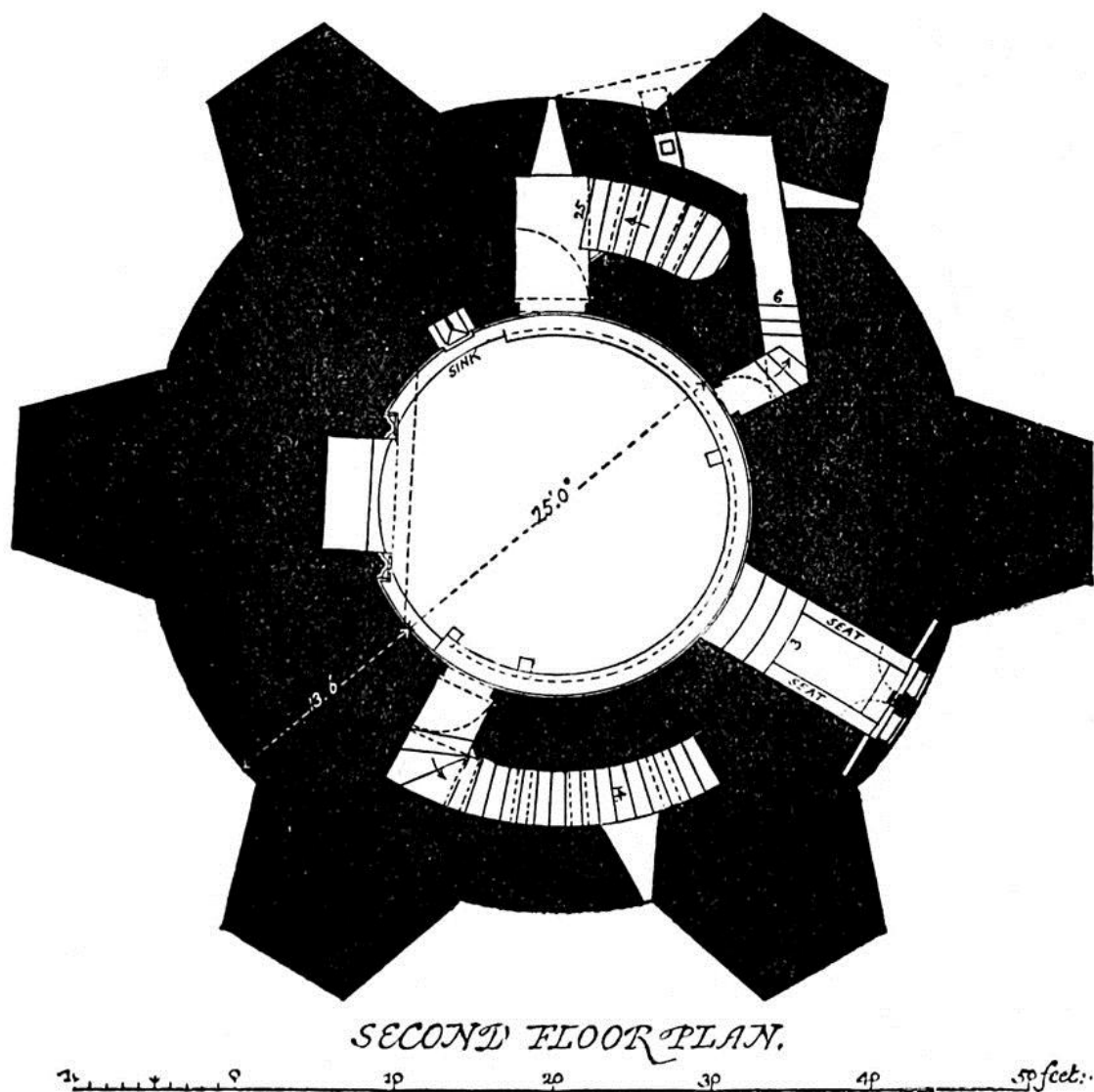
дверь с одной задвижкой, опирающаяся на два засова, отверстия для которых, 7 дюймов в квадрате, находятся в правом или петельном косяке на глубине 9 дюймов, а в замковом косяке - 6 футов. В косяках около порога есть два отверстия, очевидно, для железных пескарей небольшого разводного моста, настолько легких, что ими можно работать изнутри дверного проема. Нынешняя наружная каменная лестница современна, но первоначальная лестница, вероятно, имела тот же характер, только ее опора должна была быть отделена от башни длиной моста, вероятно, около 7 футов, или на фут больше высоты дверного проема. Необычно, что здесь нет портупеи, ведь ее можно было бы удобно открывать из оконной ниши наверху, а ее наличие сделало бы башню абсолютно неприступной.

A-S-Ellis
-Сентябрь 61.

ПЛАН ПЕРВОГО ЭТАЖА.

От дверного проема сводчатый проход, расширяющийся от 5 футов 3 дюймов до 6 футов 3 дюймов, ведет прямо в камеру первого этажа. Там, где свод заканчивается во внутренней стене, он сделан кривым, чтобы совпадать или быть заподлицо с внутренней поверхностью. Этого следовало ожидать, но это единственная арка с таким завершением. Все остальные, будь то дверные или оконные проемы, заканчиваются квадратом, так что, хотя центральная часть совпадает с изогнутой поверхностью внутренней стены, концы, или пружины, утоплены от 3 до 4 дюймов, в зависимости от пролета арки, и вид получается неуклюжий. Это не так, если проем имеет квадратное сечение, тогда перемычка вырезается по подходящей кривой. Примечательно, что там, где входные проходы открываются на второй этаж, нет ни фальца, ни двери, и этот этаж, хотя и имеет диаметр 22 фута и высоту 16 футов 6 дюймов, полностью лишен воздуха и света, кроме того, который он может получать при открытой наружной двери. Возможно, в полу наверху было центральное отверстие, как и в куполе внизу. Здесь нет ни стока, ни камина. Следовательно, здесь также находился магазин.

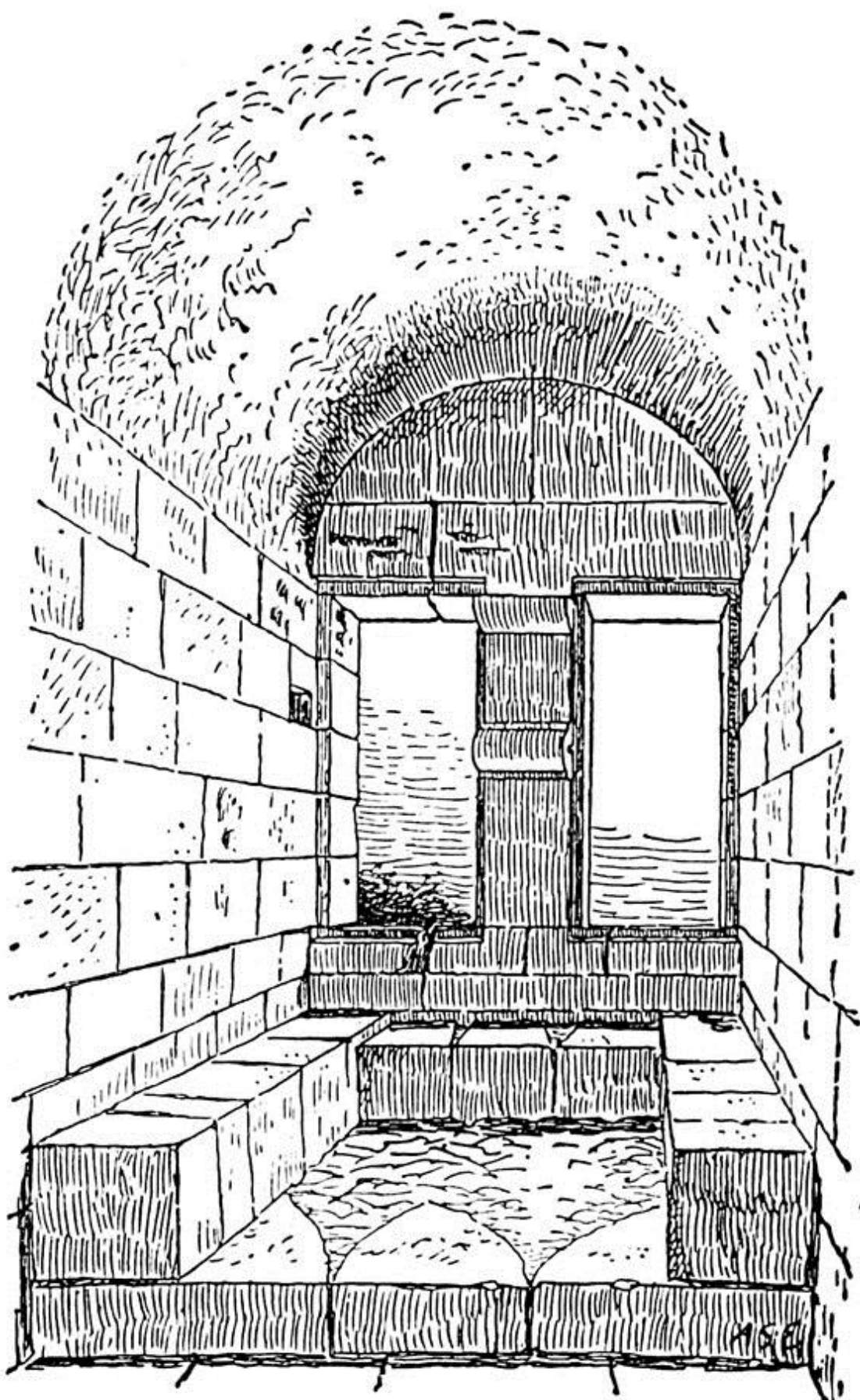

ПЛАН ВТОРОГО ЭТАЖА.

В правой стене входного прохода при входе в башню находится боковой дверной проем, откуда поднимается лестница, извинаясь вместе со стенами, на второй этаж. Дверной проем в 4 фута 1 дюйм имеет отступ для двери, открывающейся внутрь, в небольшой вестибюль глубиной 5 футов 11 дюймов и шириной 4 фута 8 дюймов, откуда поднимается лестница такой же ширины. Лестница из двадцати пяти ступеней примыкает к стене, толщина которой составляет 4 фута 2 дюйма с внутренней стороны и 6 футов 2 дюйма с внешней. В последней находится петля. Свод полносводчатый, разбитый висячими ребрами, смелого квадратного сечения; он заканчивается в другом вестибюле, глубиной 8 футов и шириной 4 фута 8 дюймов, откуда открывается круглоголовый дверной проем на второй этаж. Вестибюль освещен петлей.

Второй, или государственный, этаж имеет 25 футов в диаметре, с отступом около фута по всему периметру, чтобы нести доски пола, которые далее поддерживались балками, опирающимися на простые косоуры немного ниже уступа. Высота этой камеры составляет 20 футов 4 дюйма. Она освещается одним большим окном с двумя фонарями, каждый высотой 4 фута 4 дюйма и шириной 1 фут 10 дюймов, с плоской головкой и промежуточной перемычкой шириной 2 фута 5 дюймов, в которой находится своего рода каменная скоба, содержащая отверстия для крепления ставней. В стенах также имеются боковые отверстия для засовов. Окно расположено в широкой и возвышенной нише по центру, к которой ведут две ступени от пола и боковые сиденья. Линии ступеней концентричны со стеной палаты. Снаружи оконная перемычка сложена из камней,

скрепленных между собой, образующих и заполняющих фронтон круглоголовой арки. Это окно расположено над входной дверью.

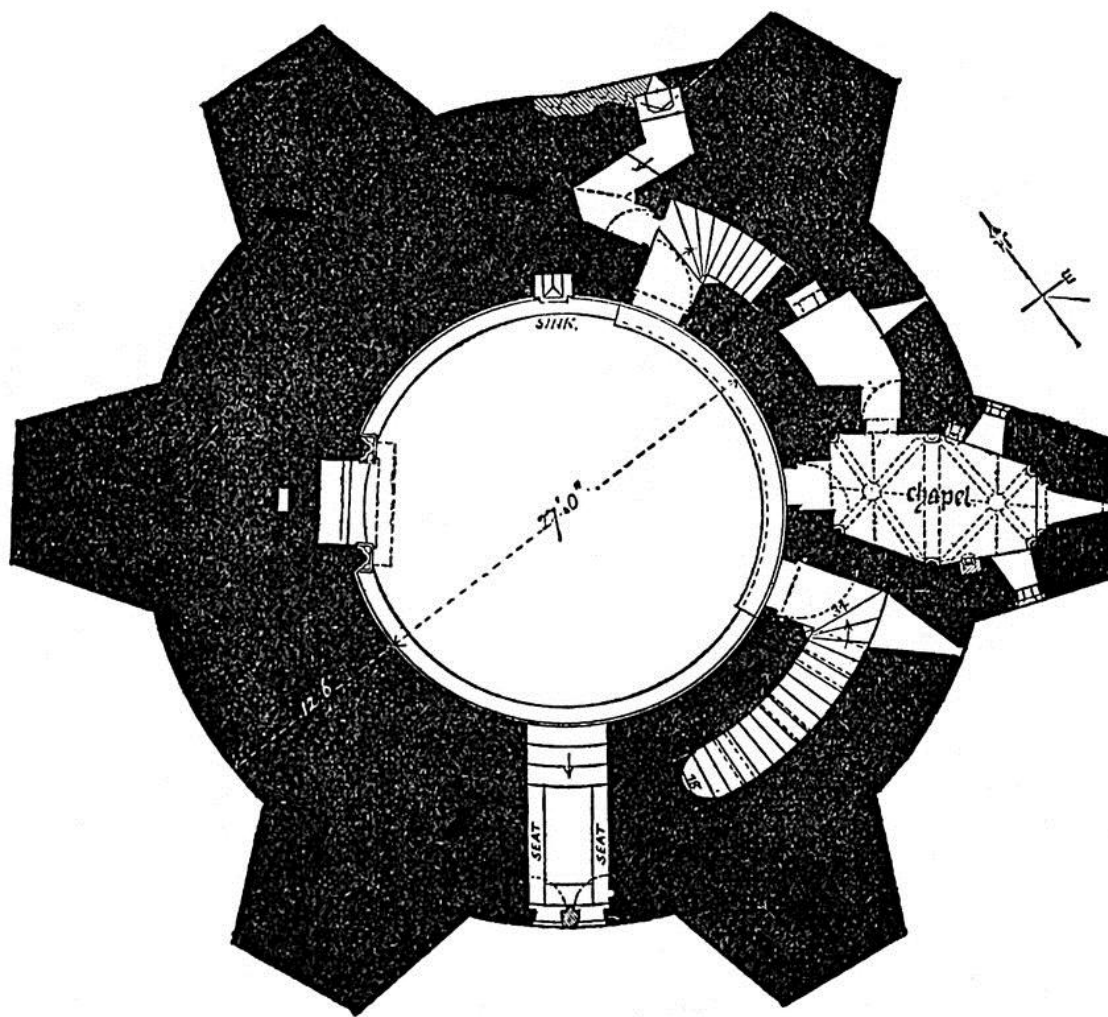

Почти напротив окна находится большой и красивый камин. Его плоская перемычка длиной 12 футов частично состоит из девяти камней, искусно прибитых друг к другу и до сих пор сохранившихся на своем месте. Эти камни обрамлены шестью другими, которые опираются на опоры. Сложенный таким образом каменный брус тянется в каждую сторону стены и поддерживается с каждого конца группой из трех соединенных колонн с лиственными капителями тонкого дизайна и исполнения. Эти колонны образуют обрамление камина, задняя стенка которого плоская, с уклоном назад, и, как и вся остальная работа, выполнена из пепла. Отдушина квадратная, вертикально поднимается в стене к вершине. Каменный колпак, опирающийся на перемычку, прост. Весь стиль этого камина - поздненорманнский.

Слева от входной двери, между ней и окном, находится небольшой дверной проем с квадратной головкой, шириной 2 фута, который, несомненно, предполагалось скрыть гобеленом, и который открывается в вестибюль, откуда подъем по шести ступеням ведет по проходу длиной 10 футов в треугольную камеру из садового камня, расположенную в глубине стены. Вентиляция выходит через отверстие заподлицо в лицевой стороне внешней стены над основанием. Эта камера имеет наружную петлю.

На противоположной стороне большой камеры от входной двери снизу дверь, похожая на нее, открывается в вестибюль размером 3 фута 10 дюймов на 7 футов 6 дюймов, откуда поднимается вторая лестница из тридцати четырех ступеней, ведущая на третий этаж. Проход сводчатый, как и внизу, но его ширина составляет всего 3 фута 6 дюймов. Он также примыкает к стене, пересекая большое окно, и заканчивается в вестибюле шириной 3 фута 11 дюймов и глубиной 5 футов 5 дюймов, освещенном петлей. Толщина внешней стены лестницы составляет 5 футов 5 дюймов, внутренней - еще меньше, а общая толщина - 12 футов 6 дюймов. Вестибюль открывается полноцентровым дверным проемом шириной 3 фута 6 дюймов на третий этаж.

Третий этаж, или этаж оратория, имеет отступ от пола в 12 дюймов, поэтому его диаметр составляет 27 футов. Его высота составляет 16 футов 6 дюймов. На юго-западе находится окно, очень похожее на то, что внизу, также со ступенями и боковыми сиденьями. Над ним также находится камин, меньший по размеру и более тонкий в деталях, но с тем же рисунком и конструкцией. Перемычка состоит из семи камней, обтесанных; она не тянется от стены до стены, а останавливается, как это обычно бывает, прямо за косяками. Вентиляционный канал проходит перед нижним и соединяется с ним выше. Над нижним водостоком находится второй, в небольшом углублении типа piscina, с круглой головкой и трилистником с уступами, но без фаски.

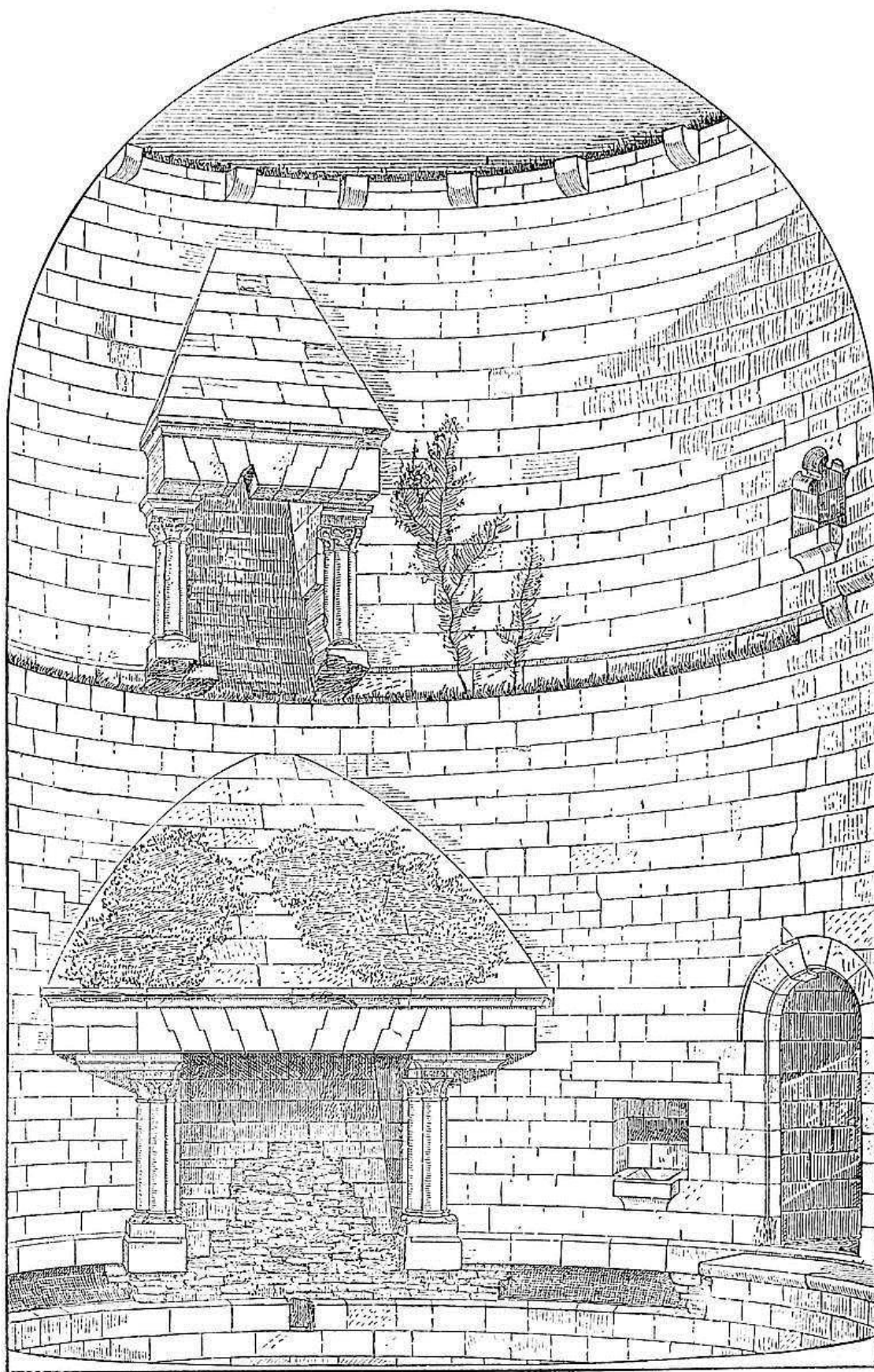

A-S-Ellis

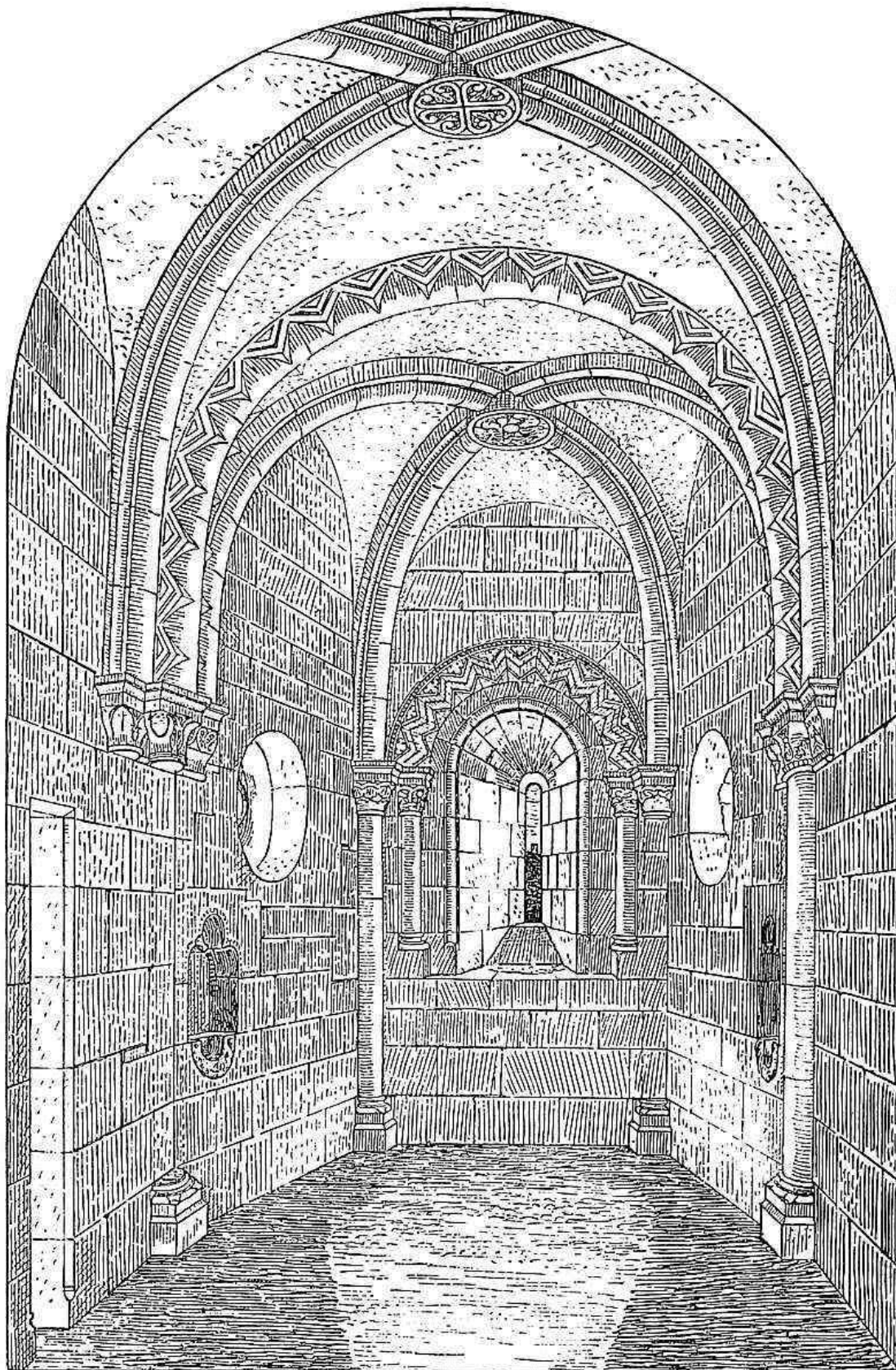
ПЛАН ТРЕТЬЕГО ЭТАЖА.

Ораторий - очень примечательная особенность этого этажа. Она занимает юго-восточный контрфорс, напротив камина. Дверной проем в 2 фута 6 дюймов, единственный на этом этаже с плоским верхом, очень простой и, следовательно, предназначенный для сокрытия, открывается в короткий прямой проход, ведущий прямо в ораторий. В плане это шестиугольник, шириной 6 футов 4 дюйма в западном конце или у входа, 6 футов в восточном или алтарном конце, и длиной 13 футов 6 дюймов, заключенных между четырьмя сторонами в среднем 6 футов. Его центр или самая широкая часть составляет 8 футов 8 дюймов. В каждом из четырех главных углов, обрамляющих входы и алтарь, находится отдельно стоящий вал диаметром 6 дюймов с листовым навершием. Два центральных угла заняты полуvalом, от которого отходит тройной крест ребром, из которых боковые представляют собой простые валики, а центральный обработан в виде шеврона. Таким образом, площадь делится на западную и восточную половины, из которых последняя, скорее, меньшая, и может быть принята за алтарь. Каждое деление пересекают по диагонали два ребра, в сечении простые жирные валики, на пересечениях которых находятся боссы, камни которых достаточно велики, чтобы сформировать не только босс, но и около шести дюймов каждого из его четырех ребер, а в одном случае деление между ребрами вырезано цветами, с хорошим эффектом. Боссы вырезаны, тот, что на западе, с чем-то вроде крестовой молинии, показанной на рисунке, тот, что рядом с алтарем, с цветами. В главных углах ребра отходят от валов, но тройные крестовые ребра отходят от своего рода продолжения столицы и абак полуvalов. Валы, обрамляющие алтарь, имеют более богато украшенные

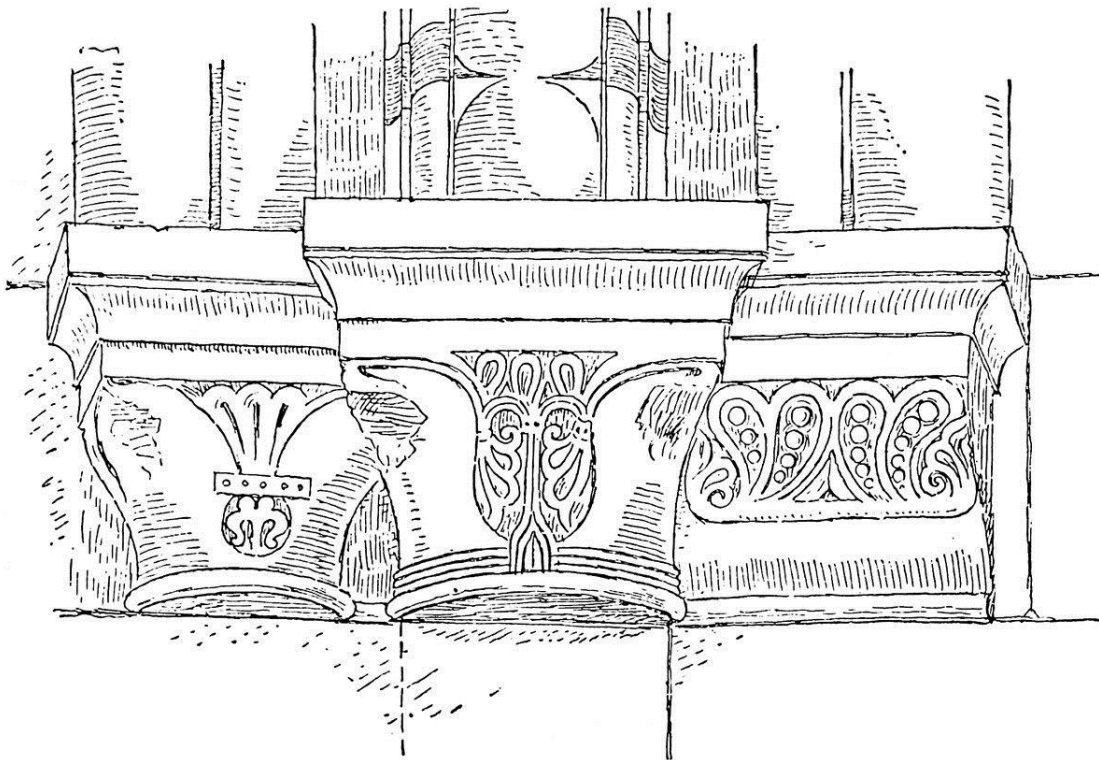
капители, чем остальные. Восточное окно имеет ширину всего 6 дюймов и высоту 2 фута 6 дюймов, круглоголовое и помещено в раскрепованную нишу, углы которой заменены смелыми валиками с листовными основаниями. Он стоит во втором, более мелком углублении, фланкированном небольшими валиками, капители которых, искусно вырезанные, перекликаются с капителями фланкирующих углов. Головка вырезана в виде шеврона. Справа и слева - два небольших фонаря, четырехгранные, но раскладывающиеся внутрь в круглые углубления, диаметром 2 фута 8 дюймов. Снаружи находится полый молдинг с ручками или шариками, едва заметными снизу. Эти окна называют вставками, но, хотя они, несомненно, имеют несколько декорированный характер, они имеют все признаки оригинальности, и подобные отверстия можно увидеть на западного фасада и около вершины очень красивой раннеанглийской башни церкви Старого Мальтона. Под каждым фонарем находится трилистник с головкой, открывающийся на 1 фут 6 дюймов и углубляющийся на 11 дюймов, из которых тот, что в северной стене, украшен мелкой лепниной с головками гвоздей. Высота до венца свода составляет около 14 футов, что достигается за счет подпорки арки. Алтарь исчез.

ЗАМОК КОНИСБОРО - ВНУТРЕННЯЯ ЧАСТЬ ЗАМКА.
(Из оконной ниши на втором этаже).

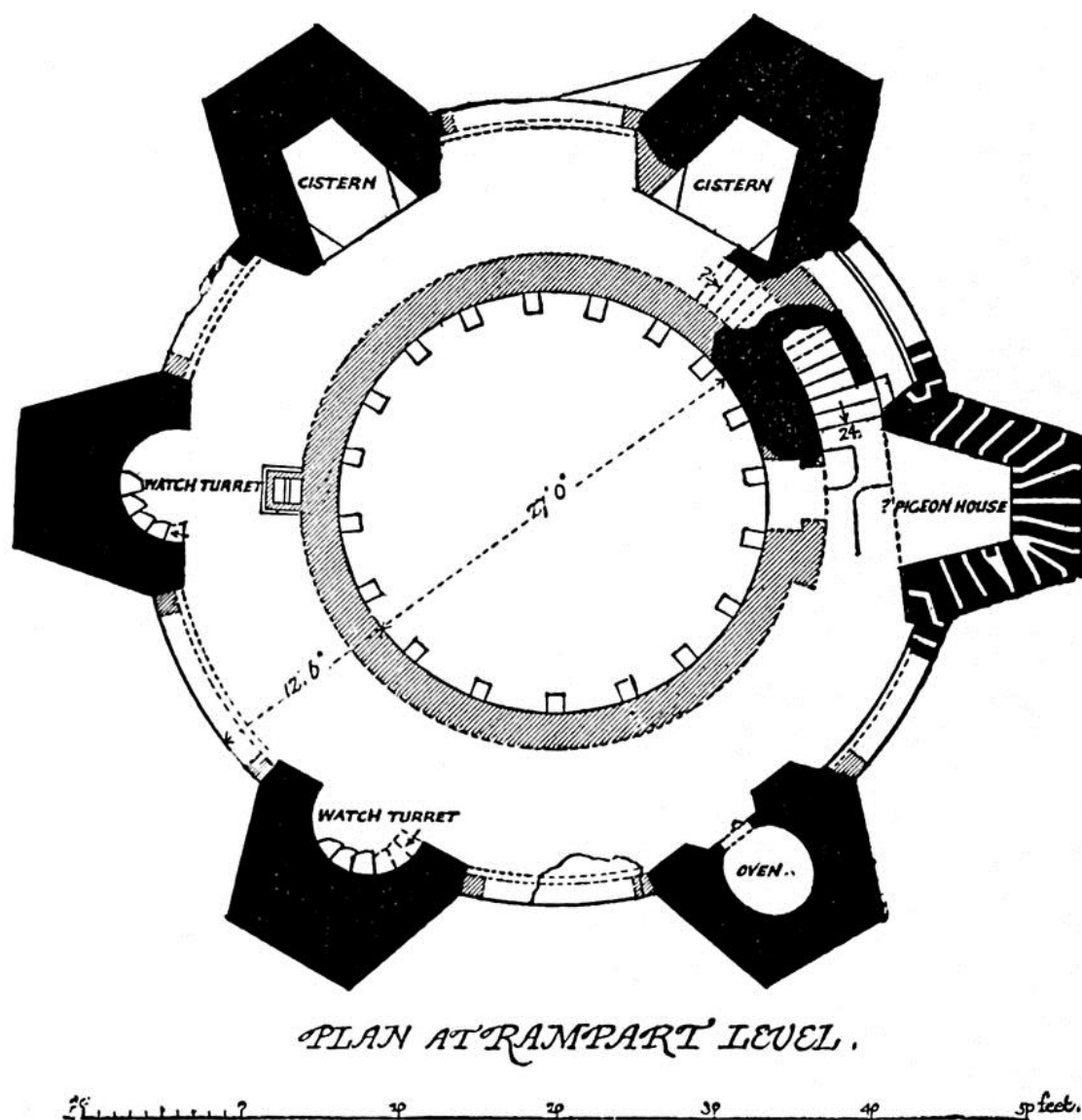

ЗАМОК КОНИСБОРО.- ИНТЕРЬЕР ОРАТОРИЯ ИЛИ ЧАСОВНИ.

КАПИТЕЛИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АРКИ, СЕВЕРНАЯ СТОРОНА.

Слева, при входе в ораторий, небольшой дверной проем с плоской крышей ведет в настенную ризницу неправильной формы, около 9 футов в длину и 5 футов в ширину, с расходящимися петлями, а в торцевой стене - шкафчик с трилистником шириной 2 фута и глубиной 1 фут 6 дюймов. Ризница имеет очень простой свод, арка является прислоненной к стене оратория.

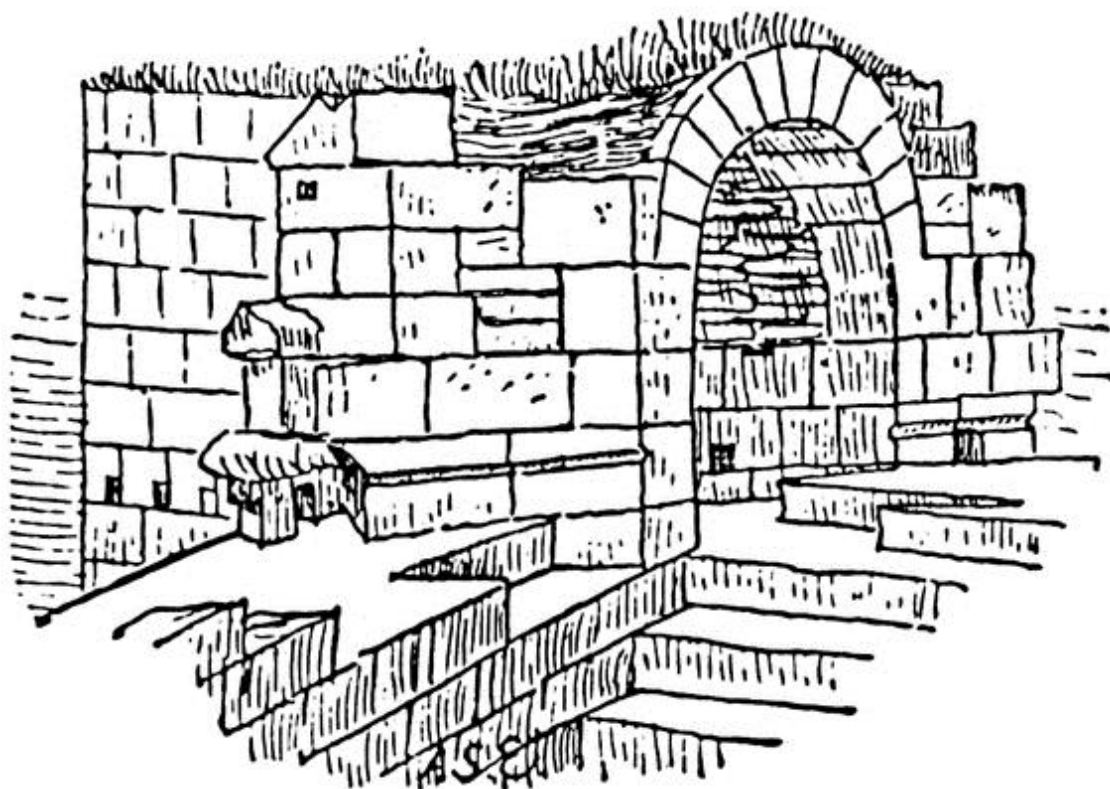
PLAN AT RAMPART LEVEL.

ПЛАН НА УРОВНЕ ВАЛА.

Между дверью орториума и камином, на севере, дверной проем в 3 фута 4 дюйма входит в вестибюль размером 3 фута 10 дюймов на 7 футов, откуда поднимается лестница из двадцати четырех ступеней, извиваясь вместе со стеной, к бойницам и четвертому этажу. Лестница имеет ширину 4 фута и сводчатое перекрытие с висячими ребрами. Две нижние лестницы поднимаются с востока на запад к северу, эта поднимается с запада на восток, также к северу, и проходит над ризницей. В вестибюле находится дверь, открывающаяся на 1 фут 9 дюймов, откуда изогнутый проход шириной 3 фута 4 дюйма ведет в гардероб, сиденье которого опирается на косую или косоугольную арку, перекинутую через полый угол между стеной башни и одним из контрфорсов, и расположенную, как ни неудобно, над петлей у начала первого лестничного пролета. Над сиденьем находится петля. Гардеробы с таким расположением над полым углом часто встречаются в декорированный период, но на внешней стене в Кенилворте есть один, вероятно, поздненорманнский.

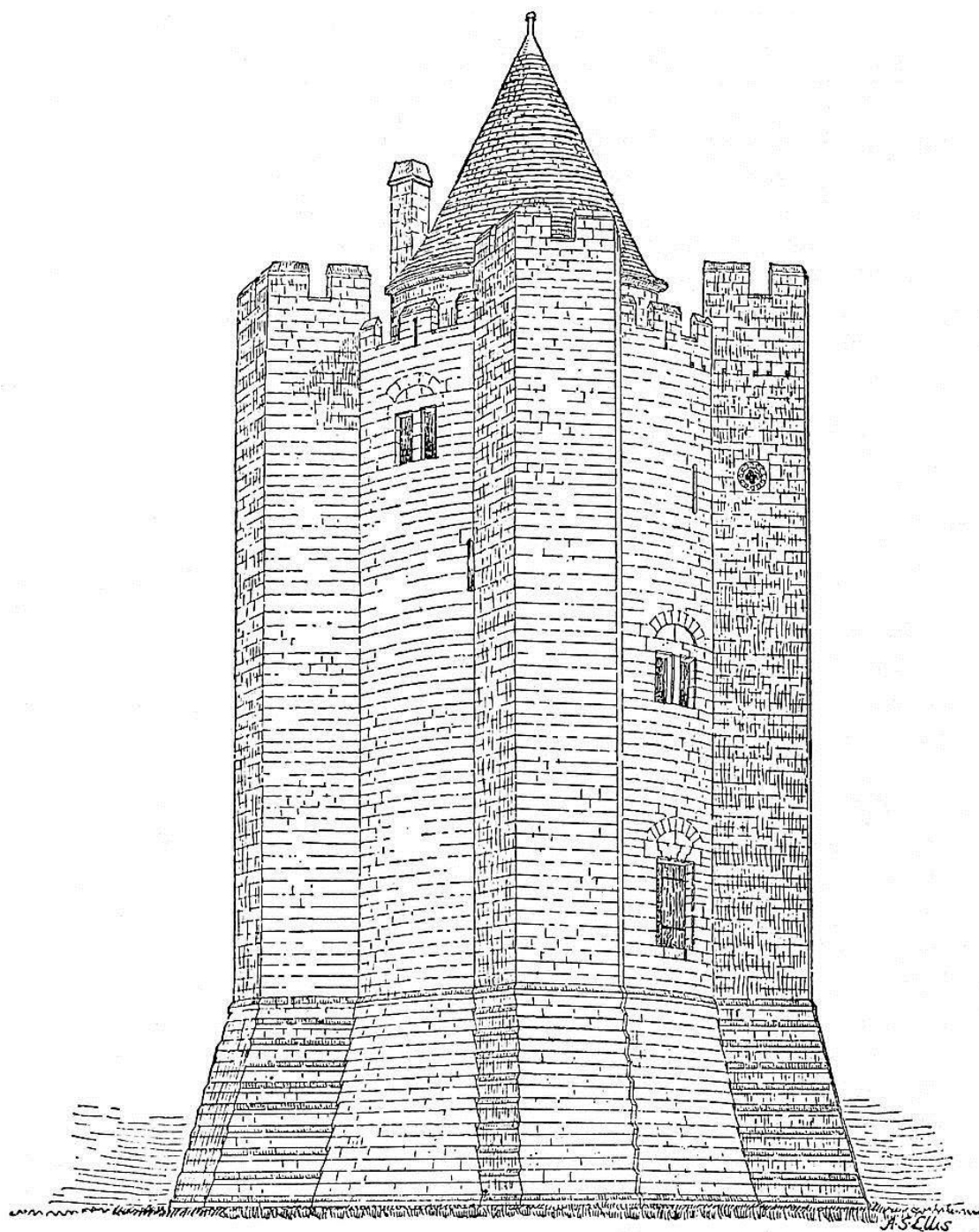
Лестница с этой ступени заканчивается под своеобразным колпаком, который упирается в вал и почти перекрывает его, оставляя проход шириной всего 2 фута 3 дюйма между ним и стеной крепостной стены. Толщина стены башни на уровне вального хода составляет 12 футов 6 дюймов,

из которых крепостная стена занимает 2 фута, валовый ход - 8 футов, а внутренняя стена - 2 фута 6 дюймов, внутри которой находился верхний или четвертый этаж. Таким образом, вал представлял собой открытую галерею, снаружи которой находилась крепостная стена, а сзади - стена верхнего этажа. Отдушины двух каминов были связаны с этой внутренней стеной и достигали ее вершины через отверстие 7 дюймов на 12 дюймов, разделенное камнем-плитняком толщиной 6 дюймов. Это отверстие находится в основании дымохода-шахты размером 3 фута 9 дюймов на 3 фута. Этот вал, как и лестница, несколько уменьшил ширину вала. Верхняя часть исчезла. Разделительные камни заканчиваются примерно на 2 фута ниже уровня вала, над которым были объединены вентиляционные отверстия.

Шесть контрфорсов возвышаются в виде башенок над гребнем парапета. Северо-западный, возле дымовой трубы, и соседний с ним западный содержат полукруглые углубления, вокруг которых находятся короткие лестницы, открывающиеся с вала, и которые, вероятно, поднимались на небольшие парапетные площадки, ныне исчезнувшие. В южном контрфорсе, как и в Орфорде, находится печь, круглая, 7 футов в поперечнике, с сегментной арочной дверью шириной 2 фута. Два контрфорса на севере и северо-востоке заняты двумя полостями, вероятно, цистернами, полушестиугольными в плане и глубиной 2 фута 6 дюймов ниже уровня крепостной стены. Каждая из них вмещает около 650 галлонов. В оставшемся контрфорсе, расположенном над ораторией, находится полушестиугольное углубление или альков, пол которого на 9 дюймов выше крепостной стены. Его ширина у отверстия составляет 9 футов, ширина в конце - 5 футов, а глубина - 8 футов 8 дюймов. Он перекрыт круглым сводом, сужающимся к плану. Высота у входа составляет 7 футов 6 дюймов, а на внутреннем конце - 5 футов 7 дюймов. Петель нет, но стены этой камеры и прилегающие части парапета пробиты рядом отверстий высотой около 6 дюймов и шириной 5 дюймов. Предполагается, что они предназначались для лонжеронов пола бреташа или деревянной галереи, хотя они малы для такой цели, а внизу нет ни отверстий, ни кокошников для стоек. Более того, эти отверстия ограничены контрфорсом над ораторией и прилегающими стенами и не являются прямыми (см. план). Правда, они простираются над главным входом, но если бы они предназначались для его защиты, то, скорее всего, были бы расположены так, чтобы дверь находилась под их центром, а не под одним из концов линии. То есть они должны были

быть размещены в двух фланкирующих контрфорсах, а также в пролете между ними. Было высказано предположение, что это голубятни, и, несомненно, во время жесткой осады хороший запас этих птиц мог бы пригодиться. В Рочестерском замке есть несколько отверстий, которые, вероятно, были предназначены для этого, и которые используются или недавно использовались.

A-S-Ellis

ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ВИД.

Высота парапета составляет 6 футов 6 дюймов, а на стыке с контрфорсными башенками можно увидеть узор из копыльев, что также свидетельствует о том, что крыша ограничивалась внутренним кругом и не выступала за парапет. Есть также следы, указывающие на то, что в амбразурах, как и в Алнвике, находились навесные ставни.

Внутренний круг, или камера внутри внутренних стен, был 27 футов в диаметре, а его пол опирался на ряд из девятнадцати простых карнизов. Сохранилась только нижняя часть стены этой камеры, но косяки дверного проема показывают, что вход в нее был со стороны вала. Стена, а следовательно, и камера, была высотой около 7 футов, и на ней находилось коническое покрытие, карниз которого, должно быть, выступал несколько выше и сбрасывал воду на вал. Этот способ отделки вершины башни, когда верхний этаж помещается в контур вала, а бойницы остаются свободными от крыши, в своей наибольшей полноте можно увидеть в Куси, и то, что мы видим там, иллюстрирует то, что должно было быть устроено здесь, в Пемброке, в башне Мартенс, Чепстоу, и в меньших и более поздних фланкирующих башнях Холируд Хаус. Очевидно, что если бы крыша не опиралась на стену внутри парапета или если бы не было деревянной галереи, вынесенной за пределы стены, такую башню невозможно было бы оборонять. Ее петли предназначались для света и воздуха, а не для обороны; они могли быть направлены только с бойниц. Отсюда нелепость покрытия башен, предназначенных для обороны или, во всяком случае, для создания видимости обороноспособности, коническими крышами, выходящими из внешней стены.

Конечно, помещения такой башни, как эта в Конисборо, не были такими, чтобы устраивать ее лордов, а тем более их дам, кроме как под давлением или в ожидании осады, и это замечание относится ко всем, кроме самых больших, крепостям. Пассивная прочность Конисборо и его скалистое основание защищали его от атак, даже если бы его поддерживали инженерные машины. Никакие катапульты и тараны не смогли бы поколебать или сломать его. Опасность, от которой следовало защититься, заключалась в блокаде, и с этой целью внутри башни был устроен колодец, а два нижних этажа, очевидно, предназначались для хранения провизии. На втором этаже располагалась обычная комната констебля или лорда, а также его семьи или гостей; мужчины, вероятно, также спали там. Выше располагалась комната для дам, рядом с которой находился ораторий. Над всем этим находилась кухня, и там же, на уровне крепостной стены, размещался небольшой гарнизон, вероятно, не более десяти или дюжины человек, с готовой связью с валами.

Мода на круглые башни, совершенно отличные от панцирных, появилась ближе к концу норманнского и в раннеанглийский период архитектуры, когда частые связи с Востоком повлияли на военные представления людей. В Англии того времени можно найти лишь несколько таких башен, как Брунлесс, Третауэр, Лонсестон и Орфорд, но во Франции их много, они широко распространены и представляют собой очень грандиозные примеры. Филипп Август был великим строителем таких башен. Башня в Лувре, круглый фундамент которой с колодцем и канализацией был обнаружен несколько лет назад, была его работой, и к тому же периоду, хотя и позднему, 1223-30 годов, относится башня Куси, возможно, самое прекрасное военное сооружение, когда-либо построенное.

Если взглянуть на замок Конисборо в целом и уделить должное внимание ценности доказательств, предоставленных его останками, то становится ясно, что выемка рва, как на холме, так и на внешней стороне, и обрезка первого были первоначальными и английскими работами, к которым ранний, хотя и не самый ранний, нормандский лорд добавил куртину *энсинта* и большую часть нижней сторожки. Он, несомненно, также построил зал, кухню и жилые помещения во внутреннем пространстве. Следующая важная постройка - замок - была возведена столетием позже. Куртина была снесена, чтобы освободить место для ее части, и не только не было связи между старой стеной и новой башней, но и соединение было выполнено небрежно и неуклюже, как видно из его нынешнего состояния. Вероятно, позднее были сделаны некоторые изменения в отношении зала и жилых помещений. Стена возле входа во внутреннюю палату, похоже, была частично перестроена, но после этого,

кажется, не было никаких важных дополнений. Замок, несомненно, стал непригодным для жизни во время войн Карла I, а время и пренебрежение с тех пор довершили его разрушение.

Необычно, что столь сильная и примечательная крепость мало упоминается в ранних записях. Изобретения, правда, в отсутствие доказательств, пытались прикрепить к ней раннюю историю. Британские антиквары превратили "Конинг" в бретонского Конана, а построенный таким образом Каэр-Конан связали с Аврелием Амброзием и кентским Хенгистом, которые, как утверждается, сражались здесь, были убиты и похоронены. Однако нет никаких доказательств, связывающих это место с бриттами или бретонцами, римлянами или Хенгистом. Все, что указывает на его происхождение, - саксонское, но саксонское гораздо более позднего времени, чем Хенгист. Два надгробия, высеченные в стиле, который принято считать праеквистальским, долгое время находились на церковном дворе, а теперь для надежности установлены в церкви - настолько надежно, что их почти не видно. Самое раннее упоминание об этом месте, вероятно, содержится в завещании Вульфрика Спота, министра короля Этельреда и основателя в 1004 году аббатства Бертон-он-Трент. В этом документе, напечатанном Дагдейлом в его "Монастиконе" [I. 266], Вулфрик завещает Ильфреду некоторые земли и рыбные промыслы Кунузесбери, так что около 1000 г. н. э. он принадлежал этому великому саксу. Мистер Хантер, чья история Конисборо не оставляет желать лучшего, указывает, что это завещание было действительно очень обширным, поскольку рыбные промыслы принадлежали не Дону, а части сока Хатфилд, которые представляли большую ценность. В Domesday лорд "Конингесборо" владел двадцатью рыбными ловлями в Тудворте, каждая из которых приносила 1000 угрей, и еще долго после этого они были достаточно важны, чтобы быть специально зафиксированными. Поэтому кажется вероятным, что, по крайней мере, уже в 1000 году Конисборо был главой большого поместья или сока. Название "Поле Мутхилл", которое носит ограда в трех четвертях мили к юго-востоку от замка, указывает на место суда по вопросам свободы или юрисдикции. Холм был удален. Рядом с церковью находится Моут-холл.

В то время как замок сохранил что-то от своего древнего названия, паром через Дон у его подножия подвергся переводу и стал называться Кингсферри. Кто был королем, давшим имя обоим замкам, долгое время оставалось неизвестным; вероятно, он был родом из Нортумбрии. Старый сок, выросший за многие века, получил свое окончательное закрепление во времена Завоевания, когда он был пожалован Вильгельмом Королем Уильяму графу Уоррену. В то время сок, вероятно, представлял собой один обширный приход, поскольку Конисборо, по-видимому, был материнской церковью Бартвелла, Хэтфилда и Сандала - трех церквей, упомянутых в Domesday. Таким образом, Конисборо как приходская церковь, считает мистер Хантер, вряд ли может быть позже Ильфреда и, возможно, старше даже самого Донкастера. Такова древность воспоминаний и догадок, с которыми связано это весьма примечательное место.

Непосредственно перед Завоеванием оно принадлежало Гарольду графу. Граф Уоррен, очевидно, принял его в том виде, в каком он был, и расположился в английском "Ауле" в Конисборо, имея при себе двадцать восемь виллов, которые полностью или частично были присоединены к нему и включали большую часть вапентаков Страфордов и Сирахов. Это были земли, "относящиеся к Конингесберку" и составлявшие "Сокæ пертиненс".

Владения графа Уоррена в Англии были обширны, но особенно ценны в Сассексе, Норфолке и Йоркшире; то, чем был Льюс для первого, было Конисборо для второго, а поскольку сок стал почетным, замок стал его "капут". В грамоте графа Уоррена об основании Льюсского приорства в 1078 году говорится, что монахи должны находить ему жилье, когда он едет и

возвращается из Йоркшира, так что когда он пересекал Нормандию, то по пути заезжал в Льюис. Связь между двумя своими владениями он закрепил, передав Льюису церковь Конисборо. Граф Уильям стал графом Суррея около 1088 года, а умер в 1089 году, и среди его владений числятся лордство и сок Конисборо с двадцатью восемью виллами и хуторами.

II. Уильям граф Суррей, сын и наследник, поддержал Роберта Куртоса против Генриха II и вместе с ним удалился в Нормандию. Когда его помиловали и вернули графство Суррей, он сменил сторону и сражался на стороне Генриха при Тинчебрае. Он передал аббатству Роштит своих рыбных промыслов в Хэтфилде. Умер в 1138 году.

III. Уильям граф Суррей, его сын и наследник, третий граф, присоединился к смешанному французскому, немецкому и английскому крестовому походу в 1145 году, во время которого в 1148 году он пал, оставив дочь и наследницу.

IV. Изабель де Уоррен, которая вышла замуж, во-первых, за Вильгельма де Блуа, природного сына короля Стефана, а во-вторых, за Хамелина Плантагенета, природного сына Джеффри, графа Анжуйского, и сводного брата Генриха II.

Уильям был графом Булони и Мортайна, а по жене, возможно, и Суррея. Он умер бездетным в 1160 году.

Король Генрих, похоже, взял и некоторое время удерживал графства в своих руках, но в 1163 году Изабель вышла замуж за Хамелина Плантагенета, который пользовался ее почестями и поместьями и, 12 Генриха II, платил скутадж с шестидесяти рыцарских гонораров. Хамелин носил, вероятно, нормандский титул графа Уоррена и был активным воином своего времени, верным слугой Ричарда I и много участвовал в мирных и военных сделках. Кроме того, хотя он периодически занимался делами в Нормандии, большую часть времени он проводил в Англии, и не исключено, что именно он пристроил крепость к своему замку Конисборо. Он умер 3 Иоанна 1201 года, Изабель умерла в 1199 году. Их сын стал наследником. Граф Хамелин основал пожертвование на содержание священника для часовни святых Филиппа и Иакова в замке. Вероятно, она стояла во внутреннем дворе для использования гарнизоном, так как 11 Эдуарда II граф Ланкастер дал древесину из леса Конисборо для ремонта крыши часовни в замке, которая, следовательно, не могла быть ораторией в храме, имеющей сводчатое перекрытие. Король Джон был здесь 12 марта 1201 года, вероятно, воспользовавшись смертью графа, чтобы осмотреть замок и владения.

V. Уильям Плантагенет, или де Уоррен, сын и наследник Хамелина и Изабель, ставший четвертым графом Суррея, вероятно, был тогда совершеннолетним, поскольку имел ливрею, по крайней мере, на некоторые из своих земель, 4 Иоанна 1202 года. Он владел графством необычайно долго и значительно увеличил его богатство и состояние. Как барон Магна Чарта, он вел себя очень умеренно, а после смерти Джона поклялся в верности Генриху. Он женился, во-первых, на Мод, дочери графа Арундела, и, во-вторых, на Мод, вдове Хью Бигота, графа Норфолка и графа Маршала, дочери великого Уильяма Маршала. Он умер в 1240 году, 24-5 Генриха III, оставив сына Джона. Мод, вдова графа, имела ливрею, 30 Генриха III, жезл и должность графа Маршала, как старшая сонаследница своего брата. Она также владела замками Конисборо и Чепстоу до своей смерти в 1246 году, 32 Генрих III.

Их сын и наследник, VI. Джон, пятый граф Суррей, который наследовал в пятилетнем возрасте, женился в 1247 году, будучи тогда совсем юным, на Алисе ле Брюн, которая умерла в 1290 году, сводной сестре Генриха III. В 1254 году он выплатил помощь в размере шестидесяти рыцарских гонораров. Ему не хватало благоразумия отца, и его общий характер едва ли соответствовал его знаменитому ответу на "Quo Warranto" Эдуарда I., которому,

однако, он подчинялся лучше, чем своему государю. Он умер 32 Эдуарда I, в 1304 году, владея графством шестьдесят четыре года. Он был вызван в парламент как граф Суррея и Сассекса.

Его сын Уильям умер 14 Эдуарда I, в 1286 году, и, следовательно, раньше своего отца. Его сыном и наследником графства был, VII. Джон де Уоррен или Плантагенет, шестой граф Суррей, посмертный ребенок, родился в 1286 году. В возрасте девятнадцати лет он женился на Джоан, дочери графа Барра, но не имел от нее потомства. 17 Эдуард II. Замок Конисборо перешел в руки короля, и 18 Эдуард II назначил его констеблем. 19 Эдуард II. граф вернул свои поместья, но сдал их королю и его наследникам, взяв повторный грант на свою жизнь. Он также был одновременно графом Сассекса и графом Стратерн в Шотландии. Джоан, графиня Суррея, находилась в своих замках в Сандале и Конисборо в 1314 году.

Граф Джон умер в 1347 году, его завещание датировано замком Конисбург, и титул графа Суррея, по-видимому, перешел к Эдварду графу Арунделу, сыну Алисы, сестры графа Джона. Кроме родных дочерей, он оставил двух сыновей от Мод де Нерфорд, Джона и Томаса де Уоррен, которым и их матери он с разрешения короля оставил весьма значительные владения, включая Конисборо. Томас граф Ланкастер, по-видимому, получил от графа Джона некое принудительное владение Конисборо, которое закончилось после его отлучения, так что граф Джон получил его и умер, владея им.

В отношении его происхождения существует некоторая неопределенность, поскольку Генри, брат и наследник графа Томаса Ланкастерского, принес дань за замок 1 Эдуарда III, на который претендовал Джон, граф Уоррен. Граф Джон владел им 5 Эдуарда III и согласился на пожалование королем 65 акров пустующих земель манора Уильяму де Скаргиллу. Подобные пожалования были сделаны графом в пять последующих лет и подтверждены королем с пометкой, что граф владеет поместьем только пожизненно.

Вероятно, дети Мод де Нерфорд сочли за благо позволить короне владеть замком, поскольку после смерти графа Джона им владел Эдуард III, который пожаловал замок Эдмунду из Лэнгли, своему пятому сыну, впоследствии герцогу Йоркскому, умершему в 1402 году, от которого он перешел к его сыну Эдуарду, также герцогу Йоркскому. Он пал при Азенкуре, оставшись бездетным, в 1415 году, и ему наследовал Ричард, сын его брата Ричарда графа Кембриджа. Он стал герцогом Йоркским и назывался также Ричардом Конисборо, поскольку родился в этом замке. Ричард, который был правнуком Эдуарда III и отцом Эдуарда IV, был убит в Уэйкфилде в 1460 году. Его вторая жена и вдова, Мод Клиффорд, владела замком на правах дарителя и жила здесь. Она умерла в 1464 году. Упадок замка, вероятно, датируется ее смертью, так как Эдуард герцог Йоркский, сменивший ее, стал Эдуардом IV, а ничто так не губительно для независимого исторического поместья, как его поглощение короной.

Конисборо остался за короной, и, хотя, вероятно, здания пришли в упадок, некоторые служебные помещения, связанные с замком и доменом, сохранились. В 1522 году сэр Х. Уайатт и Джон Мелтон были бейлифами и управляющими "лордства Конисбороу", хранителями парка и т.д., а также констеблями и привратниками замка. Наконец, Яков II пожаловал его Кери, графу Дувра, от семьи которого он перешел к нынешнему владельцу. Кинг в своем "Мунименте" дал подробные планы и еще более подробную историю этого замка, но ни на то, ни на другое нельзя полагаться. В пятом томе "Археологического журнала" есть прекрасная статья о нем, написанная мистером Милвардом, планы к которой, однако, похоже, взяты у Кинга.

Замок Конисборо заслуживает лучшей участи, чем та, которая постигла его в последние годы, или та, которая, как кажется, может постигнуть его. Его расположение на одном из самых

знаменитых йоркширских потоков, его величественная природная гора и поразительный характер земляных сооружений, которыми он защищен, вполне достаточны, чтобы привлечь внимание общественности; но, кроме того, он имеет несомненную, хотя и неясную саксонскую историю, а со времен норманнского завоевания в течение трех или более столетий был резиденцией очень могущественного рода баронов, свидетельства власти и богатства которых сохранились в развалинах их крепости. Кем или когда именно были выполнены нынешние каменные работы - вопрос, не имеющий точного решения. Уильям де Уоррен, третий и последний граф старого рода в 1138-1148 годах, с большой долей вероятности мог построить этот самый важный северный замок, и вполне вероятно, что именно он возвел стену внутреннего двора, а также зал и служебные помещения, которые сейчас разрушены. Замок, несомненно, более поздний, вряд ли раньше 1200 года, и поэтому, вероятно, принадлежит Гамелину Плантагенету, который владел графством и замком примерно с 1163 по 1201 год. Башня, несомненно, была пристроена только для безопасности, поскольку, хотя в ней находятся государственные апартаменты и ораторий, они были темными и неудобными, пригодными для проживания только во время осады. Зал и обычные жилые помещения были, конечно, более просторными и располагались во дворе, где до сих пор сохранились следы их фундаментов.

В более поздний период, возможно, при графе Джоне, который владел графством с 1240 по 1304 год, нормандская куртина, похоже, была отремонтирована и укреплена круглыми бастионными башнями, небольшими и прочными, вдоль южной и западной сторон внутренней палаты. Тогда же были сделаны более продуманные переходы через ров и оборона нижнего входа. Работы этого периода отличаются низким качеством, и большая их часть обрушилась. После этого, похоже, не было сделано никаких важных дополнений.

Вероятно, во время гражданской войны и после смерти короля Карла куртина, хозяйственные постройки и нижние ворота были разрушены, а замок выпотрошен и лишен крыши, но с тех пор, а это уже почти два с половиной века, руины, похоже, остались нетронутыми рукой времени. Качество строительства храма настолько велико, что в течение многих лет стены оставались непоколебимыми. Однако за последние четверть века осенние дожди и зимние морозы начали сказываться на строении, и верхушка башни находится в шатком состоянии. Тем не менее, она не настолько разрушена, чтобы несколько фунтов, разумно положенных на нее, могли ее спасти. Верхние два или три фута должны быть удалены, камень за камнем, и заменены водной известью или цементом. Это обойдется в сущие пустяки; но что также следует сделать и что ни в коем случае не повлечет за собой серьезных расходов, так это замена крыши и полов. Все йоркширские, да и вообще все археологические общества Англии, начиная с Общества древностей и заканчивая самым последним местным обществом, должны испытывать интерес к этой теме. Вероятно, если бы она предстала перед владельцем замка в надлежащем виде, необходимый ремонт был бы проведен; если нет, то, конечно, не составит труда обеспечить средства по частной подписке. В любом случае, что-то нужно делать немедленно, ведь верхняя часть замка находится в таком состоянии, что каждая зима тяжело сказывается на нем.

Планы и иллюстрации, приложенные к этому сообщению о замке, сделаны на основе реальных исследований мистера А. С. Эллиса и представлены им Йоркширскому археологическому обществу, с разрешения которого они здесь и перепечатываются. По точности и полноте деталей они превосходят все еще опубликованные планы, и можно сказать, что они достойны той важной крепости, которую призваны проиллюстрировать.

ЗАМОК КОНВЕЙ.

Замок и город Конвей вместе представляют собой наиболее полный и лучше всего сохранившийся образец средневековой военной архитектуры в Британии. Все постройки датированы одной датой и спроектированы, по-видимому, одним инженером по приказу монарха, особо искушенного в военном искусстве, чьим намерением было командовать очень грозным проходом и поставить заслон самым смелым, самым упорным и самым опасным из врагов, которые пытались противостоять укреплению его королевства. В Конвее продемонстрированы все искусства обороны в том виде, в каком они понимались в XIII веке. Позиция, естественно, сильная, стены необычной толщины, каждая часть куртины окружена частыми башнями, а замок доминирует над всей позицией, командуя и защищая город, и образуя цитадель, внутри которой, в качестве последнего средства, можно было бы найти надежное убежище.

Конвей, валлийский Абер-Конви, стоит на левом или западном берегу реки, от которой он получил свое название и которая, по воспоминаниям Дрейтона и Спенсера, богата "драгоценным восточным жемчугом" и здесь расширяется, превращаясь в эстуарий. Южный фасад города защищен болотистым руслом реки Гиффин, которая здесь соединяется с Конви. Город и замок занимают треугольный массив скалы, вершину которого, выступающую в воду, занимает замок. Куртина, опоясывающая город, укреплена двадцатью восемью башнями, все из которых, кроме двух или трех, имеют форму полуцилиндра и открыты сверху вниз в задней части. Они возвышаются на одну ступень над занавесом, который также необычайно высок. Между двумя из них на кронштейнах от куртины на уровне бастиона выступает ряд из двенадцати гардеробов, показывающих, что санитарными мерами ни в коем случае не пренебрегали даже в XIII веке. Здесь есть трое ворот, каждые из которых фланкированы парой башен, защищаемых двойными дверями, портупеей, решеткой, и разводным мостом. Одни из них, Porth Uchaf, выходят на сушу; вторые, Porth-isaf, - на набережную вдоль кромки воды; третьи, Porth-y-felin, открываются в плече стены на реку ниже замка и дают путь к замковой мельнице. Кроме того, здесь есть еще и потерна, также расположенная ниже замка и выходящая на морской берег. Кроме этих оборонительных сооружений, от набережной в море тянется толстая крепостная стена, защищенная сверху двойным валом. Раньше она доходила до отметки низких вод и заканчивалась небольшой круглой башней, что позволяло предотвратить любую попытку повернуть фланг обороны и атаковать город со стороны моря. Городские стены доходят до замка, но его вал не сообщается с крепостью, которая, однако, является частью *энсинта* и имеет один фасад с главным входом внутри и в сторону города.

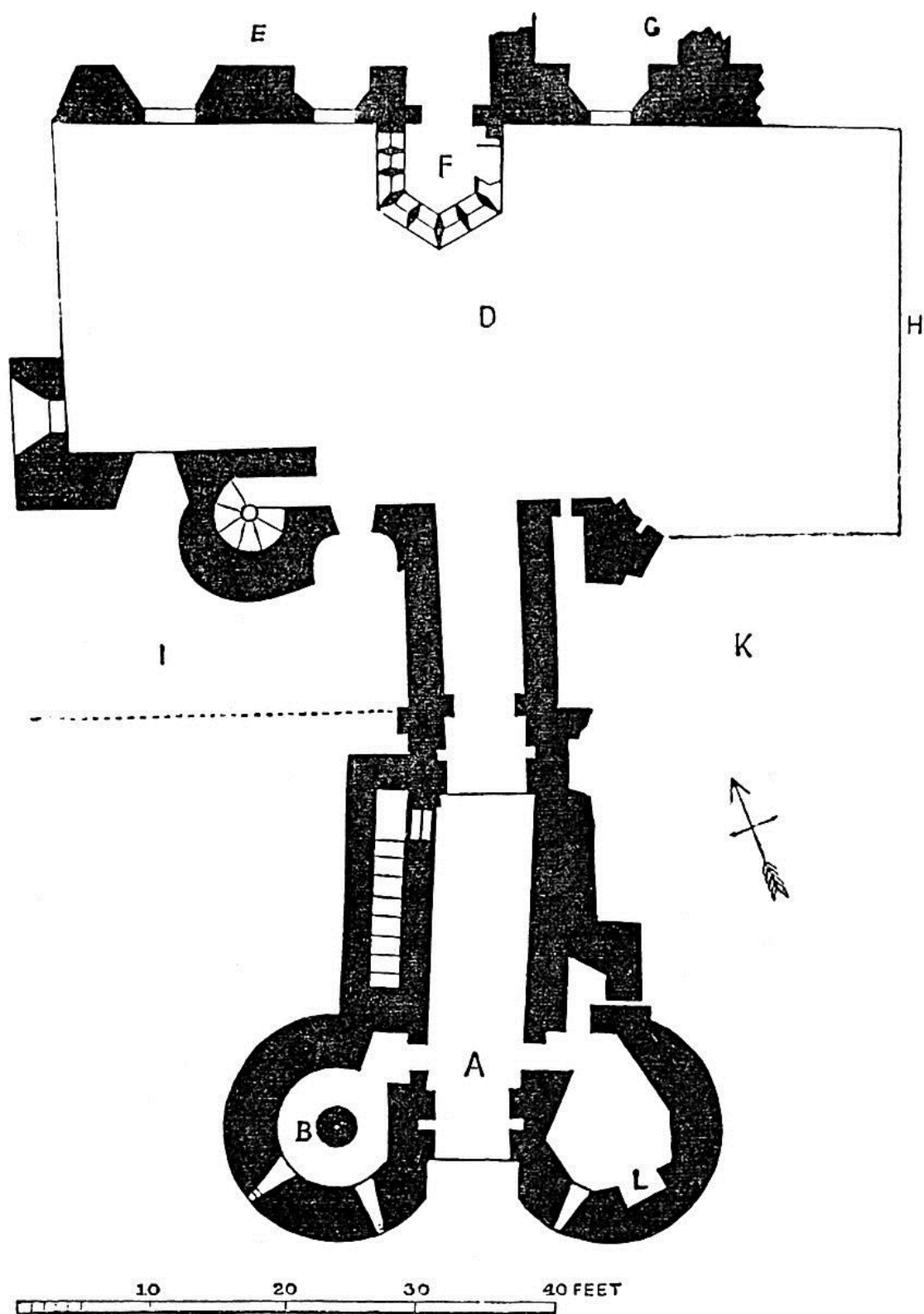
Говорят, что скала, на которой стоит замок, первоначально выступала на восток, в устье реки, и поэтому представляла опасность с этой стороны. Чтобы устранить это, скала была вырублена, и открылся проход, который теперь является главным руслом реки и перекинут через автомобильный и железнодорожный мосты Телфорда и Стефенсона.

Следует заметить, что Конвей, как Глостер и Честер, не расположен на английской стороне реки, как будто предназначен только для обороны; как Чепстоу, он находится за потоком и предназначен в качестве *tête-du-pont* для прикрытия перехода войск через воду.

В плане замок представляет собой параллелограмм, вытянутый на 100 ярдов к востоку и западу, а его ширина варьируется от 35 до 40 ярдов. Северный фасад прямой, а южный зигзагообразный, повторяющий неровности скалы. Его общий уровень на несколько футов

выше ближайших частей города. Восемь башен, по одной на каждом из четырех углов, и две промежуточные на каждой из длинных сторон. Здесь нет сторожки - необычное упущение для эдвардианского замка, но причина которого здесь совершенно очевидна. Башни цилиндрические, около 40 футов в диаметре, но несколько сплюснутые и неровные с внутренней стороны, чтобы можно было пройти по валу или аллюру, не пересекая внутренние камеры. Для этого на внутреннем или заднем торце башни на соответствующем уровне устанавливают смелые карнизы, а иногда и выступающую полку из каменной кладки. Таким образом, обеспечивается непрерывный проход по всему периметру, сообщающийся с каждой башней, но не пересекающий ее.

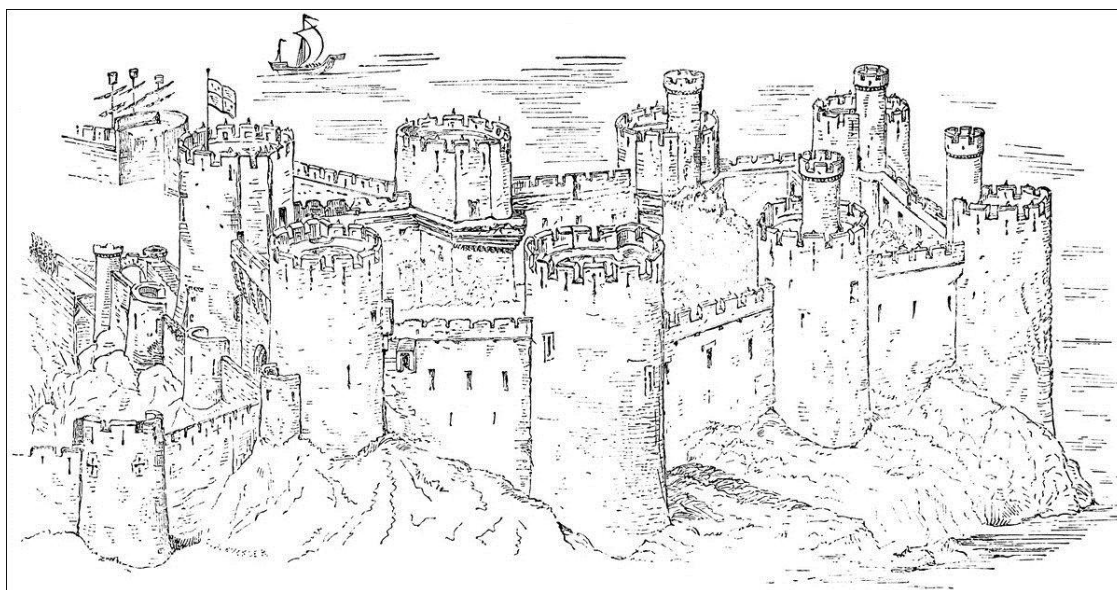
Территория разделена очень плотным поперечным занавесом на два отделения. Внешний, или западный, имеет длину 60 ярдов и содержит большой зал, часовню, кухню и резервуар для воды; восточный, или внутренний, имеет длину 40 ярдов и содержит малый зал и государственные апартаменты. С каждой стороны замок прикрыт небольшой платформой, расположенной на уровне внутренних дворов и поддерживаемой подпорными стенами значительной высоты, увенчанными двумя легкими парапетами, каждый из которых имеет три небольших полукруглых бастиона, обрамляющих куртины. Каждая из этих платформ защищает и прикрывает вход. Главный вход находится в западной части, со стороны города, и представляет собой весьма любопытное произведение инженерного искусства. Каменная дорога, виадук, шириной около 14 футов и с парапетом с каждой стороны, поднималась по очень крутому склону до точки в 13 футах от ворот барбакана, где она резко обрывалась, и до сих пор видна поднимающейся из рва, и высотой около 20 футов. Барбакан представляет собой узкое прямоугольное пространство, заключенное между двумя стенами, заканчивающееся внизу двумя небольшими круглыми башенками, которые обрамляют внешние ворота, а выше находятся еще одни ворота, открывающиеся на конце платформы под северо-западной главной башней. Очень громоздкий разводной мост, работающий на цапфах диаметром 14 дюймов, опускался от внешних ворот на уже упомянутый пирс. Пирс был на 4 фута ниже, чем цоколь моста, чтобы сохранить крутизну подхода. Мост уравнивался коротким и тяжелым хвостовиком или противовесом, который работал в четырехугольной яме под ним. В воротах находился порткуллис и двери, а внутри них лестница в боковой стене вела на бойницы над воротами. Верхний шлюз закрывался только прочной дверью, но был защищен соседним бастионом платформы, имеющим петлю по направлению к нему. Завершенный таким образом вход был достаточно широк, чтобы пропустить двух всадников в ряд, а крутизна давала защитникам большое преимущество перед врагом. Барбакан Конвея удобно проиллюстрировать ссылкой на барбакан Брэмптона Брайана, который содержит те же самые сооружения, хотя и в большем масштабе. На гравюре изображены башня, обрамляющая разводной мост, внешние и внутренние ворота, а между ними - настенная лестница, ведущая на валы.

Платформа, на одном конце которой барбакан дает вход, имеет длину около 35 ярдов на 10 ярдов в ширину и обращена вниз к грозному рву. В ее центре, между двумя главными башнями, находилась короткая высокая куртина, а в ней - главные ворота. Над ним возвышался ряд смелых карнизов, выступающих на 5 футов, включавших в себя линию машикулей, и придававших валу куртины большую ширину, а защитникам - большое преимущество. Ворота остроконечные, но довольно простые, с плоскими сторонами. Внутри портал сводчатый, с портупеей и широким пространством перед решеткой, возможно, для какого-то дополнительного обрамления. Над порталом находилась камера с портупеей,

также выполненная в материале стены, и место, где висела решетка, видно до сих пор. В эту камеру вела крутая узкая лестница с вала куртины - очень редкое приспособление. При входе в ворота справа находится лестница на вал, выглядящая как самодельная и, возможно, не оригинальная. За ней, также справа, находится большой зал. Он хоть и просторный, но никогда не был красивым, так как построен по кривой или, скорее, по неправильному многоугольнику, чтобы соответствовать южной куртине, которая образует одну из его сторон. Ее длина составляет около 105 футов на 30 футов в ширину, а пол находится на уровне двора. Внизу находился подвал примерно в половину ширины зала, скала здесь выпирала и перекрывала одну сторону. Вход в него осуществлялся через яму или ловушку, в которой находился дверной проем, открывающийся в проход через второй дверной проем в погребе. Он освещен петлями в занавесе, а в восточном конце продолжается через перегородку под часовней. Считается, что первоначально зал был меньшего размера, а затем был расширен. Если это так, то это должно было произойти в конце часовни.

Зал освещается четырьмя маленькими квадратными окнами в сторону поля и двумя большими в сторону двора. Последние заострены и были двухсветными, с четырехгранными главками и четырехлистником в главке. Дверь находится в той же стороне у восточного торца. В зале три камина, все под колпаками, с фланкирующими опорами и кронштейнами для приема тяги плоской арки. Зал пересекали семь больших фасонных каменных ребер в два члена, расположенных очень неравномерно. Два из них сохранились, одно было недавно перестроено; другое находится в верхнем конце зала и отмечает его отделение от часовни. Простой выступ под пружиной этого ребра показывает, что перегородка была деревянной, несомненно, резная решетка. Крыша была открытой, а между каменными ребрами находились деревянные перекрытия. Сначала трудно поверить, что это длинное неправильное пространство с тремя несимметричными каминами могло быть одной комнатой, и сначала кажется, что западный конец, до второго ребра с одним из каминов и тремя окнами, мог быть отгорожен решеткой в качестве комнаты для отдыха; но очевидно, что это было не так. У такой комнаты не было бы ни отдельной двери, ни садовника. В другом конце зала, очевидно, находился помост, а отхожим местом служил второй этаж башни-подземелья, которая стоит сзади большого камина и в которую ведет маленькая дверь в косяке одного из окон зала. Сюда и на этаж выше можно было легко попасть с помоста.

ЗАМОК КОНВЕЙ.

Часовня, пристроенная к восточному концу зала, также имела открытую крышу с одним каменным ребром. Она имеет два окна на юг и одно на поле, а в восточной части находится более крупное трехсветное окно с круглой головкой и писчиной в южном косяке. Фрамуги разрушены. Большая кухня была снесена. Она была построена против северной куртины, напротив двери в зал. От нее осталось корыто для воды, занимавшее место окна и облицованное цементом. Рядом с кухней находился большой резервуар, вырубленный в скале, облицованный и зацементированный, для хранения воды; в него поступала вода с крыш по водосточной трубе, а от наружного источника на некотором расстоянии прослеживались свинцовые трубы. Она была открыта на значительную глубину, 14 или 15 футов, но, конечно, не была колодцем, хотя, возможно, таковым и являлась.

Поперечная стена, разделяющая два отделения, имеет ту же высоту и толщину, что и внешние занавеси. Она пробита в центре дверным проемом с плечевой головкой, закрытым только дверью и открывающимся во внутреннюю палату. С западной стороны эта дверь прикрыта своеобразным домиком, петля которого направлена к главным воротам.

Внутренняя палата, почти квадратная в плане, с южной и восточной стороны имеет парадные покои. В них есть подвальные палаты, хорошо освещенные и с каминами на первом этаже, вровень с двором; а над ними, на втором этаже, находятся государственные апартаменты с открытыми крышами. Первый из них, справа, - малый зал, 30 футов на 28 футов. В его западном или нижнем конце есть дверь, сообщающаяся с чем-то вроде вестибюля, а также с главной башней, в которой, вероятно, находилась кухня. В другом или восточном конце также есть дверь, открывающаяся в отхожее место. В сторону двора находится центральный камин, между двумя красивыми окнами. Они были с плоским верхом, двухсветные, а верхняя половина была заполнена декорированной резьбой, которая теперь разрушена. В оставшейся части, обращенной к полю, с одной стороны находится небольшое окно, а с другой - дверь, открывающаяся в настенную камеру - гардроб. Крыша была укреплена двумя каменными ребрами, одно из которых идеально, и не так просто, как в большом зале. Выдвижная комната имеет камин на северной стороне и была пересечена двумя ребрами, оба из которых разрушены. В южной стене этой комнаты есть настенный проход, соединяющийся с садовником и большой сводчатой камерой, также расположенной в стене, и открывающийся в нижний этаж юго-восточной, королевской башни. Другая дверь открывается в покои королевы. Это большое и красивое помещение, также расположенное на втором этаже и занимающее восточную сторону двора. Ее крыша состояла из двух ребер, оба из которых были удалены. В северном конце комнаты есть проходы в садовники, настенные палаты и ораторий, все они находятся в северо-восточной башне, или башне королевы. Считается, что Элеонора, королева Эдуарда I, пользовалась этой камерой.

Из покоев королевы, расположенных на том же уровне, деревянный проход, своего рода балкон, прикрепленный к северной стене меньшего зала, вел в кухонный вестибюль и на кухню. Линии карнизов и двери в обоих концах указывают на расположение и длину этой галереи.

Под апартаментами королевы проход ведет к дверному проему в занавесе, который открывается на восточную платформу и был единственным в замке. Он имеет плечо и закрывается только дверью. Но, как и у главных ворот, куртина украшена линией смелых карнизов, образующих машикули для защиты стены и ворот. По бокам от ворот справа и слева открываются проходы, которые ведут к лестницам в стене, поднимающимся на второй этаж башен короля и королевы.

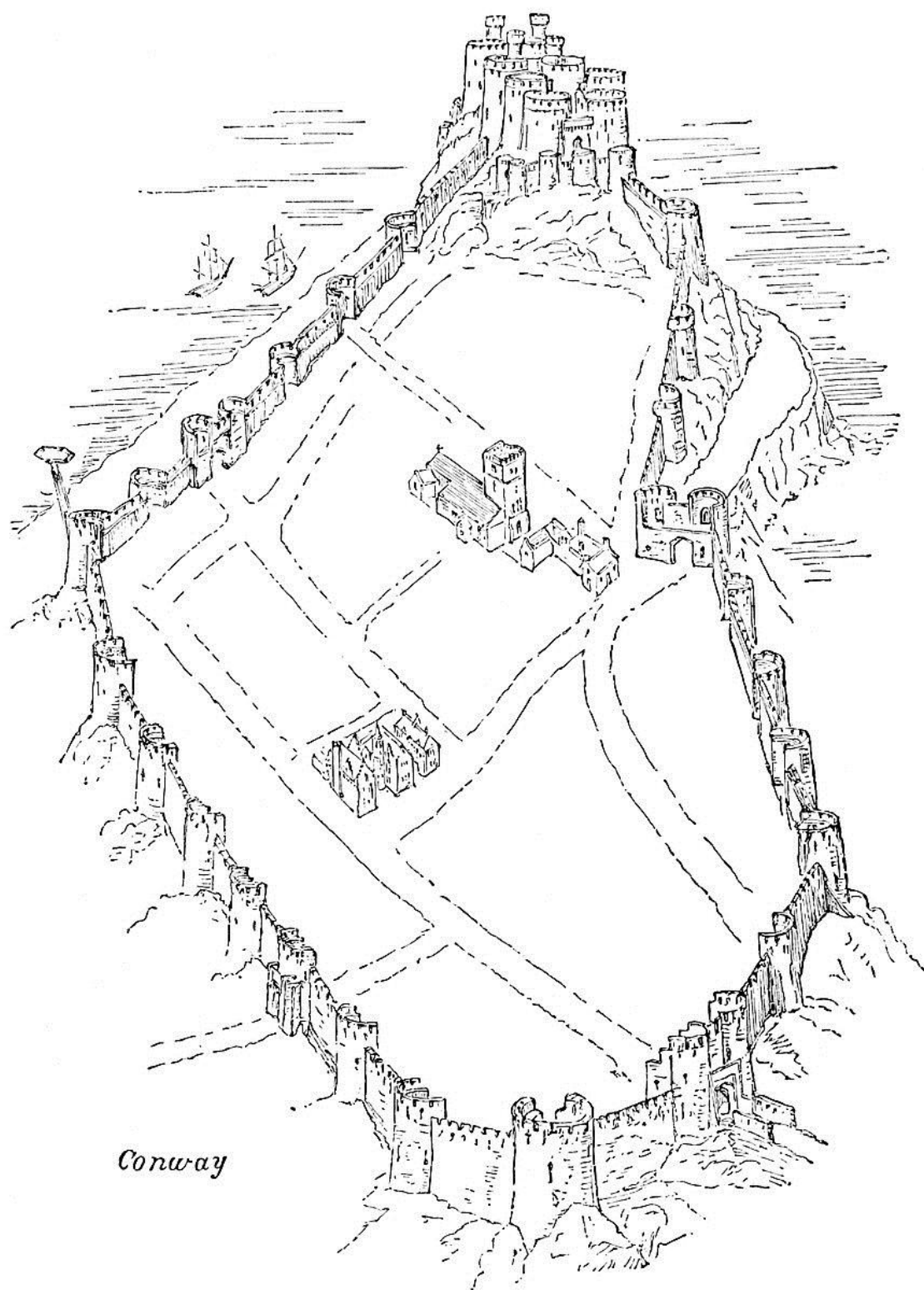
Платформа, на которую выходит этот проем, называется беседкой королевы. Она больше, чем западная платформа. Как и она, она имеет три полукруглые башенки и парапет, а в ее северном конце находится дверной проем, из которого раньше к урезу воды спускалась крутая, узкая и парапетная лестница. Эта лестница была убрана, когда был построен подвесной мост.

Осталось описать башни. Все они относятся к одному типу, и даже их детали очень похожи. Каждая из них имеет подвал, пол которого значительно выше наружного уровня земли, хотя и ниже уровня двора внутри. В эти палаты можно было попасть только по лестницам с этажей выше. Они проветриваются через небольшие вентиляционные отверстия, расположенные высоко вверху, но есть вероятность, что они не использовались регулярно, хотя, возможно, служили для тюрем.

На первый этаж каждой башни можно попасть со двора, а с этого уровня по колодезной лестнице подняться на второй или верхний этаж, и так до самой крыши. Здесь, в четырех западных башнях, она останавливается. В четырех восточных башнях она продолжается, образуя небольшую круглую башенку высотой 14 или 15 футов над крышей. Ни один из этих этажей не является сводчатым, все имеют каминные на первом и втором этажах, и все открываются на уровне второго этажа на вал. Все они также хорошо оборудованы садовыми ограждениями.

Башенки остались неповрежденными. Высота парапетов составляет около 10 футов, они разделены на двенадцать мерлонов и столько же плоских амбразур. Каждый мерлон пронизан петлей, а в основании каждого, на уровне аллюра, находится отверстие, заканчивающееся бургулей, для стока дождевой воды.

Две башни оборудованы печами, построенными по старинной моде, с дымоходом снаружи и над дверцей печи. В башне королевы на втором этаже в восточной стене находится ораторий. Это глубокая и смелая ниша, разделенная на девять отсеков, по три с каждой стороны и три, образующие вершину. В каждом отсеке находится сиденье, а выше, в апсиде, - три стрельчатых окна. Тонкие валы между пролетами являются сводами и расширяются вверху веерным орнаментом декоративного характера. По обе стороны от оратория находится небольшая настенная камера, одна из которых является ризницей, а другая, возможно, исповедальней; обе имеют небольшие петли в ораторий. Возможно, вся круглая камера использовалась как часовня, для которой ораторий был хором.

Конвей

Конвей, хотя и такой же крепкий, представляет собой гораздо менее элегантное сооружение, чем Кернарвон. Каменная кладка, хотя и отличная, представляет собой грубый необработанный бутовый камень, а яшень используется очень редко. Батальоны, как и в Харлехе и Керфилли, очень голые. Они плохо обтесаны и плохо отделаны, как будто их хотели скрыть за решеткой; но, поскольку здесь нет ни карнизов, ни мест для стоек, этого и не предполагалось.

Отверстия для шпунта показывают, что при строительстве использовались круглые, а не квадратные столбы; здесь, как и в Куси и в некоторых частях Харлеха, они расположены так, чтобы показать, что леса были уложены в виде наклонной плоскости, а не горизонтально и с лестницами. То же самое можно сказать о стенах и башнях города.

Замок Конвей принадлежит короне, но уже давно сдается в аренду. Леди Эрскин из Камбо, последняя арендаторша, недавно отказалась от права владения, и теперь руины находятся во владении корпорации, и, похоже, за ними достаточно хорошо ухаживают. Мистер Джонс, который распоряжается здесь уже почти полвека, - очень внимательный и умный хранитель, хорошо знакомый с деталями и историей замка.

Строительство Конвея было начато в 1285 году. Вскоре после завершения строительства Эдуард I и королева Элеонора провели здесь Рождество в великом государстве, когда, несомненно, были заняты государственные апартаменты. Город был взят штурмом в 1646 году парламентским генералом Миттоном, который также захватил замок.

Карл II пожаловал его Эдварду, первому графу Конвею, чтобы украсить и обосновать свой титул; но граф, как говорят, чтобы досадить соседнему дворянству, разобрал замок, забрал свинец, древесину и железные изделия, сломал колодезную лестницу и нанес другие повреждения строению.

Прилагаемый вид города с высоты птичьего полета сделан с самой высокой и западной точки, чуть выше Порт-Учафа и с видом на Порт-и-Фелин, под которым находится русло Гиффина. Хорошо видно положение замка на его скалистом мысе, упирающемся в море.

Другой вид ограничивается замком, видимым с юга или из долины реки Гиффин. Четыре башни справа обозначают углы внутренней палаты, две крайние справа - это башня короля, а за ней - башня королевы. Центральная и передняя башня - это башня подземелья, пристроенная к большому залу. Слева видны две линии городской стены, примыкающие к замку, между ними - западная платформа с бастионами, а сзади - главные ворота с линией машикулей над ними. На одной из приморских башен видно, как вал огибает ее по выступу с рогами или кронштейнами.

ЗАМОК КОРФ, ДОРСЕТ.

Замок Корф - один из самых примечательных остатков в Британии.

Его естественное положение поражает воображение, и не менее поражает способ, которым он был укреплен с помощью искусства. Он имеет большую древность и связан со знаменательными историческими событиями со времен западносаксонских князей до времен Содружества; он был дворцом и тюрьмой королей и знатных вельмож, и им командовала длинная череда могущественных кастелянов.

Замок венчает изолированный холм, часть крутой меловой гряды, которая под общим названием Пурбекские холмы, с подчиненными им возвышенностями Ноул-Хилл, Найнбарроу и Баллард-Даунс, протянулась на двенадцать миль по полуострову Пурбек, от залива Уорбарроу и лагеря Флауэрбарроу на западе до переднего края между заливами Студланд и Суонэйдж на востоке.

К югу, или к морю, тянется извилистая береговая линия, отмеченная мысами Певерелл, Дерлстон и Сент-Адхелмс. На суше, или на севере, находится впадина, занятая гаванью Пул и ее притоками Фром и Трент, или Пиддл, чьи броды находятся под командованием грандиозных земляных сооружений в Уэрхеме, которые, расположенные на хребте, заканчивающемся в месте соединения этих двух, образуют границу и ключ Пурбека, как и Корф, его цитадель.

Замковый хребет соединяется с островом Уайт и вместе с ним образует южную границу известного мелового бассейна, западную границу которого обозначают Дорчестер и Биминстер, а северную - Бир-Реджис, Солсбери и Винчестер.

Меловая порода в Корфе наклоняется к северу примерно на 70°. Он твердый, умеренно прочный и густо насыщен кремнем, который широко используется для внутренней отделки стен замка. Ниже мела, под большими воротами замка, находится узкий пояс верхнего зеленого песка, под которым последовательно залегают три слоя Пурбека, Портлендский камень и Киммериджская глина. Каменные породы, отличающиеся наибольшей прочностью, используются для облицовки замка.

К северу от мела и выше него расположены узкие и неровные пласты пластичной и лондонской глины, сменяющиеся широким пространством нижних песков и глины Бэгшот, из которых выветрилась гавань Пула, и которые используются для торговли.

Вдоль мелового хребта, расположенного к северу от замкового холма, проходит значительный разлом, один из параллельных серий, пересекающих эту часть южного побережья.

Физический облик Пурбека выдает, на взгляд опытного человека, его геологический состав, а дикие грубые болота и заболоченная местность вокруг гавани сильно контрастируют с крутой, но округлой и зеленой поверхностью мела, на вершине которого стоит старый норманнский замок, преобладающий далеко и широко над пейзажем.

Замок, естественно, силен. Он занимает склон и вершину холма, основание которого занимает около 15 акров, и который расположен в щели или вырезе в уже описанном хребте, от которого, как говорят, и происходит его название.

К югу от хребта, в непосредственной близости от замка, расположен город Корф, от которого круто поднимается холм, чтобы почти вертикально спуститься с восточной, западной и северной сторон. Северную, или самую высокую точку, занимают крепость и основные здания замка.

Ручей Викен и его приток Байль, каждый из которых вращает мельницу, текут с юго-запада и юго-востока по обе стороны города и, опоясывая основание замкового холма, соединяются чуть ниже моста Святого Эдварда, образуя реку Корф, которая впадает в гавань Пула. Между городом и замком, где два потока подходят друг к другу на расстояние в один фут, через корень полуострова была прорублена глубокая и смелая, хотя и сухая траншея, которая образует большой внешний ров, отделяющий замок от города.

Замок в его нынешнем виде можно назвать концентрическим, но он был построен, если не спроектирован, в три основных периода, будучи первоначально саксонским дворцом, затем норманнским, а после - эдвардианской крепостью.

Она состоит из замка, стоящего во внутренней части, средней и внешней частей. На обследовании Ральфа Тресуэлла в 1586 году внутренняя палата разделена на две части, а во внешней палате показана стена, которая исчезла и, вероятно, была современной.

В плане это неправильный треугольник, стены которого идут по гребню холма. Южный или самый низкий угол образуют большие ворота, западный - башня Буттавант, а тупой, самый высокий или восточный угол - внутренняя палата. Юго-западный, самый длинный фронт, является вогнутым. Он простирается на 270 ярдов от сторожки до Буттаванта, и его нижние две трети - это та часть *анфилады*, которая наиболее ревностно защищается, и на уничтожение которой разрушители потратили больше всего сил. Северный, или верхний, фронт, слишком высокий для атаки, составляет около 200 ярдов, а восточный - примерно столько же.

Площадь внутри стен составляет около $3\frac{1}{4}$ акра; но из-за чрезмерной крутизны местности большая часть внешнего и часть среднего квартала никогда не могли бы быть использованы. Нижняя часть внешнего, западная часть среднего и восточная часть внутреннего прихода - единственные ровные пространства.

Внешняя, самая большая палата, находится в пределах большой сторожки, восточной куртины, укрепленной башнями Подкова и Плукенет, и западной куртины, на которой расположены четыре башни с фресками. Крутая верхняя часть палаты поднимается к стене внутренней, а также к стене и сторожке средней палаты. Ее пересекает приписываемый королю Иоанну омут, который тянется от башни Плукенет до передней части средней сторожки, а затем продолжается за ее пределами вниз по склону холма.

Постоянный каменный мост длиной около 100 футов и шириной 20 футов пересекает ров и ведет к большим воротам. Он состоит из четырех арок, опирающихся на три массивные опоры, а проезжая часть, которая сейчас не имеет парапетов, находится на высоте около 30 футов от дна рва. Кладка прекращается примерно в 18 футах от портала, а промежуток, ныне засыпанный землей, вероятно, был перекинут разводным мостом. Арки составляют около трети круга, а вуазики - два кольца, без связки, толщиной 8 дюймов и длиной от 1 фута до 3 футов. Опоры могут быть построены в перпендикулярном стиле, но арки, вероятно, принадлежат сэру Кристоферу Хаттону.

Внешняя сторожка состоит из двух барабанов, фланкирующих портал, и переходит в прямоугольное здание, ныне частично разрушенное. Барабаны, около 20 футов в диаметре, прочно примыкают к основанию верхнего этажа, ныне удаленного, но от которого остались нижние концы петель.

Портал шириной 13 футов входит в сводчатый проход, длина которого сейчас составляет 26 футов, а в длину он мог быть 36 футов. Сначала находится портал, теперь без косяков, под сегментной аркой шириной 4 фута 11 дюймов. Затем (как показано на прилагаемом разрезе, рис. I.) - погон, или одиночная машикуля, шириной 6 дюймов. Затем вторая арка, шириной 3 фута 9 дюймов. Затем проход шириной 5 дюймов и круговой желоб диаметром 9 дюймов и отверстием 7 дюймов, в котором проход сужается на 20 дюймов, составляя отверстие 11 футов 4 дюйма. Затем следует арка шириной 1 фут 6 дюймов и проход в 16 дюймов.

Далее следуют собственно ворота, косяки которых, толщиной 2 фута 4 дюйма, выступают внутрь с двойной фаской, чтобы уменьшить фактический проем до 8 футов.

Дверь, пространство для которой показывает, что она была деревянной и толщиной не более 4 дюймов, состояла из двух створок, арка позади была плоской сегментной, с высокой

пружиной и шириной 4 фута, чтобы вместить их, когда они открыты. Два камня с каждой стороны, которые, вероятно, несли железные петли для петель, были вырваны. Между ними - центральное отверстие размером 9 на 12 дюймов, в котором находился деревянный брус. Далее находится арка, от которой осталось около 5 футов, но которая, вероятно, завершала проход до его открытия в палату, и, возможно, несла на себе паз портупей.

Сохранилась половина дверных проемов в ложи. Сами домики были сводчатыми, и свод в западном домике опирается на обычную норманнскую струну, состоящую из плоского абака и фаски, как будто была обсажена более старая сторожка. Мистер Бонд указал на примеры такой струны в других и, несомненно, более поздних частях замка, и, конечно, простая струна такого характера может быть любого возраста.

В нескольких арках, составляющих входной проход, на их источниках имеется около дюжины небольших отверстий, очевидно, для центрирования. Их небольшой размер указывает на то, что они были сделаны из железа. Эти отверстия являются обычными.

ЗАМОК КОРФ.

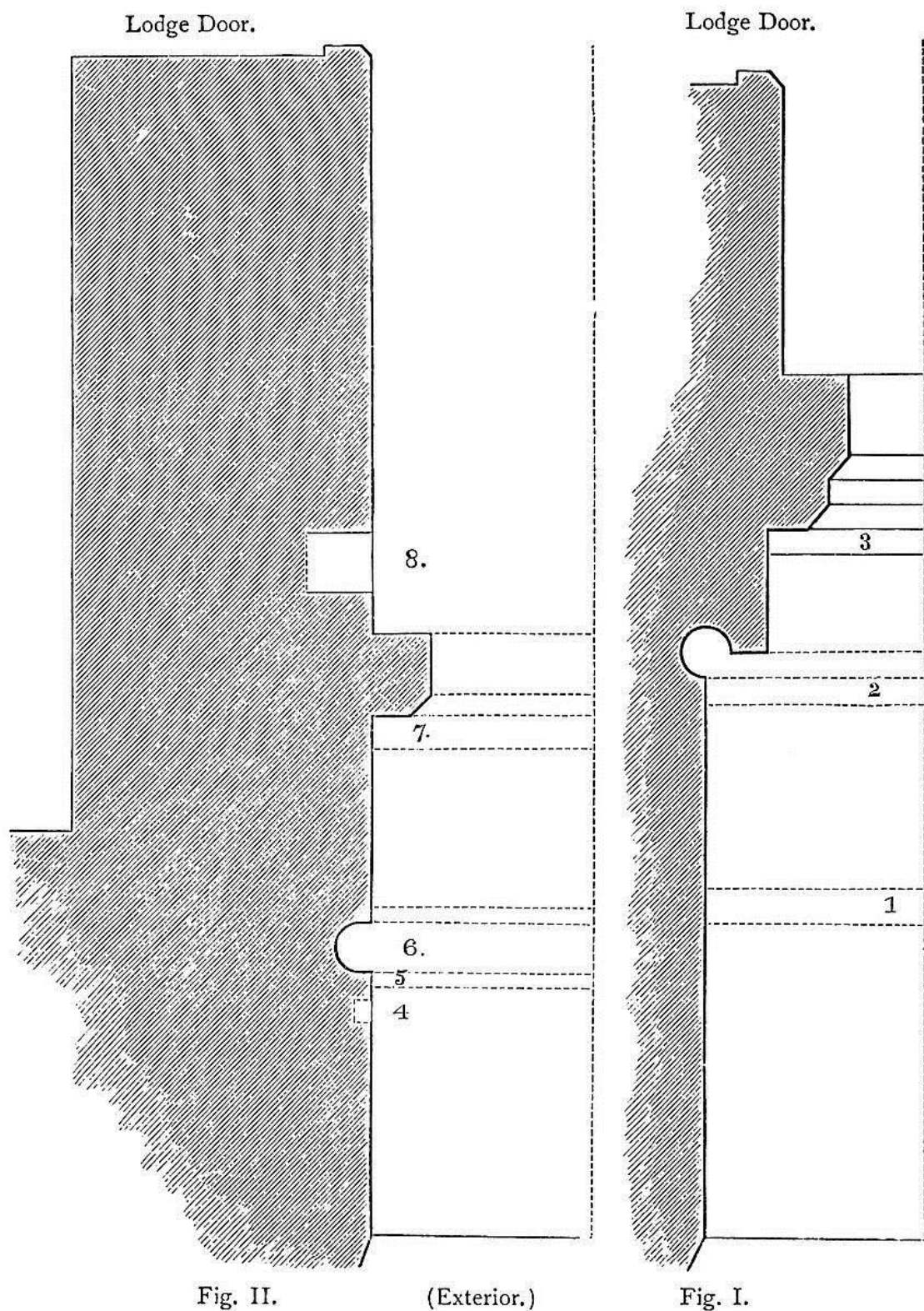

Рис. I. - Большая сторожка: Входной проход, -1, 2, 3, Погоны.

Рис. II.- Средние ворота. Входной проход, - 4, Поворотное отверстие; 5, Забой в своде; 6, Паз и забой Порткуллиса; 7, Машинопиль с пятью проемами; 8, Отверстие в перекладине.

В дверных косяках вырезано шесть пазов, по три с каждой стороны, самый нижний на высоте 6 дюймов от земли. Длина каждой из них составляет $8\frac{1}{2}$ дюймов, ширина - 2 дюйма, глубина - $3\frac{1}{2}$ дюйма. Должно быть, они предназначались для крепления досок, хотя небольшая

глубина едва ли позволила бы их вставить. Они, действительно, больше подходили для того, чтобы держать свиней внутри, чем воинов снаружи, и, возможно, использовались в мирное время. Вряд ли они могут быть оригинальными, но, скорее всего, они появились раньше, чем были разобраны. Входной проход плавно понижается изнутри, чтобы дать преимущество защитникам в поединке.

Трудно понять оборону этих ворот в отсутствие верхнего этажа, из которого было сделано большинство из них. В настоящее время в портале нет никаких следов разводного моста, если, конечно, отверстия, на которых он поворачивался, не скрыты почвой. Если цилиндрическая труба с отверстием или прорезью в боковой части содержала в себе створчатый груз, то чем он был противовесом? Вряд ли разводного моста, для которого, даже если бы он был из свинца, если бы не неудобная длина, груз был бы слишком легким; и желобка для портупей тоже нет. Пятидюймовый желоб, расположенный точно перед трубой, возможно, содержал портупею или раму; но если это так, то отсутствие боковых пазов должно было сделать ее очень неустойчивой, за исключением случаев, когда она опускалась и закреплялась в пороге. Несомненно, в этой трубе мог работать порткуллис с кривыми боками или ушами, но это маловероятно. Остальные проемы, несомненно, предназначались для пролета снарядов. Однако они представляют собой просто прорези в своде, не сопровождаемые боковыми пазами, как в порткуллисе, и, похоже, не были разделены поперечными *перегородками*, как в обычных машикулях; однако этот свод был разрушен взрывом и частично восстановлен в последнее время, так что трудно судить о его деталях.

С каждой стороны от ворот отходит короткий занавес. С востока она толщиной от 10 до 12 футов и высотой около 20 футов, ныне в основном разрушенная, заканчивается Подковообразной башней - просто раковиной, диаметром около 20 футов и высотой 20 футов, открытой на первом этаже и через ущелье, и предназначенной для перекрытия и укрепления деревянными брусьями, как это нередко бывает с настенными башнями, чтобы предотвратить их использование против гарнизона. На первом этаже она пронизана тремя петлями. Это просто вертикальные щели длиной 7 футов и шириной 1½ дюйма, глубоко раздвинутые и открывающиеся из углублений в стене. Башня закрывает юго-восточный угол сооружения, а петли направлены на поле и вдоль двух куртин. Снятие осыпи снаружи показывает, что башня стоит на глубоком и прочном фундаменте. В месте соединения куртины сторожки с этой башней находится настенная камера шириной 6 футов, крытая пятью ярусами нависающих плит.

Восточная куртина по большей части представляет собой простую стену толщиной от 8 до 10 футов и высотой от 10 до 15 футов, не считая бойниц, и более или менее разрушенную. На ее внешней стороне видны петли, направленные вниз, чтобы загребать скамп. Рядом с башней Подкова раньше находилась еще одна настенная камера, называемая конюшной, но, скорее всего, садом, а за ней - большая арка, ныне замурованная, которая, возможно, была постерном и выходила на башню Плукенет.

Это просто полукруглая башня с фресками, сплошная до высоты вала и не выступающая внутрь.

Над валом она имеет углубление в виде открытой сзади камеры с тремя петлями, каждая длиной 5 футов 6 дюймов и 2 дюйма в проеме. В каждом из углублений справа находится небольшой шкафчик для смазки или инструментов, необходимых лучнику. На башню и вал поднимались по колодезной лестнице с северной или верхней стороны. Здесь хорошо видны приспособления, позволяющие лучнику стрелять вниз, чтобы сгребать крутой обрыв. Эта

башня получила свое название благодаря смелому и хорошо сохранившемуся щиту на ее внешней стороне, на котором изображен изгиб фузилли, или пять фузилли, соединенных в изгиб, и удерживаемых двумя руками, выходящими из отверстий в камне. Это один из известных гербов, приписываемых Марешалам, графам Пембрукским; но поскольку этот род вымер за полвека до постройки башни и, похоже, никогда не был связан с замком, мистер Бонд считает более вероятным, что щит предназначен для увековечивания памяти Алана Плукенета, констебля замка в 54-й год правления Генриха III, и барона в правление Эдуарда, его сына, и чей герб представлял собой либо выгравированный изгиб, либо фюзеляж, изображенный в древности почти таким же образом на горностаевом поле, мех которого (как предполагает мистер Бонд) мог рассматриваться как настойка, линии для выражения которой тогда не использовались, а пятна были опущены резчиком.

Занавес от этой башни до угла Глориетты внутренней палаты построен из гораздо более крупных камней, чем те, что использовались ниже. Они такие же крупные, как и многие из тех, что были использованы в нормандском пепле, но более грубой работы.

Если вернуться к сторожке и пройти по западному фронту, то он начинается с короткой куртины, сохранившейся до сих пор и связанной с первой настенной башней - барабаном довольно высокой полукруглой формы, закрывающим угол. Он сплошной до уровня вала, а выше него открыт в ущелье. Ее единственная камера имеет три петли, крестообразные, более короткие, широкие и грубые, чем у Подковообразной башни, но все же из отличного пепла. Эта башня, изрешеченная порохом, достигает 10 ярдов в толщину. Ее основание пронизано грубым прямоугольным водостокom размером 18 дюймов на 12 дюймов, к которому присоединяются другие водостоки размером 9 дюймов на 9 дюймов, все из массива, и, очевидно, спускаются из гардеробов, один из которых, похоже, был помещен в куртине недалеко к северу от этой башни.

Далее над ней находится вторая башня, или Колодезная, названная так из-за небольшого углубления позади нее, которое, как говорят, указывает на колодец. Эта башня похожа на предыдущую, была, как и она, массивной в основании и имела одну камеру на валу, открытую в ущелье и пронизанную тремя петлями.

Ближе к югу от нее находился небольшой дверной проем, ведущий либо в садик, либо на валовую лестницу. От него сохранился только один косяк.

Над Колодезной башней находится третья, а над третьей, также соединенной с ней коротким занавесом, - четвертая из этих настенных башен. Однако эта башня, хотя и является башней, имеет характер погона, или редана, и представляет собой выступ или плечо занавеса. У нее всего две петли, только продольные: одна направлена в сторону поля, другая - на южную стену. Первая разделена на короткую верхнюю и длинную нижнюю части узкой каменной плитой, которая выступает внутрь, как полка.

Занавес от этой башни Редана до ворот средней палаты, вероятно, более ранний, чем обе башни, и очень высокий. Она пересекает фосу короля Джона. Она сложена из крупных камней и в некоторых отношениях напоминает занавес над башней Плукенет, расположенной на другом конце той же фоссы. Внизу она сплошная, а сверху пробита четырьмя грубыми петлями, смело расходящимися внутрь, которые, должно быть, открывались из камеры, внешней стеной которой был занавес, или, возможно, с деревянной платформы.

Фосс, приписываемый королю Джону, который пересекает внешнюю палату, имеет глубину около 20 футов, с вертикальным контркарпом, вырубленным в меловой породе. Башня

Плукенет и прилегающая к ней куртина пересекают его восточный конец, но они стоят на гребне твердой скалы, показывая, что ров никогда не был продолжен в этом направлении. На западном конце дело обстоит иначе. Там он был врезан прямо в склон, а куртина, пересекающая и останавливающая его, построена фактически во рву.

Несомненно, своим нынешним видом контркарп обязан тому, кто разместил на его гребне артиллерию. Снаружи, на леднике, находится ровная площадка шириной 30 футов, которую, как известно, защищала артиллерия, а перед ней - три ступени или скамьи. Вся эта конструкция образует *fausse braie* у подножия ледника и сильную оборону перед сторожкой средней палаты. Мост из двух арок, того же возраста и фасона, что и уже описанный, пересекает это озеро, ширина которого составляет 50 футов, и ведет к средним воротам. Профиль, вырезанный в одной из надвратных башен, показывает место примыкания парапета, который, однако, явно не был оригинальным. Как и в случае с нижним мостом, пространство около 18 футов рядом с порталом, ныне засыпанное землей, очевидно, предназначалось для переброски разводного моста.

Средняя палата также имеет треугольную форму. Его более длинные и примерно равные северная и южная стороны закрыты под острым западным углом башней Буттавант, а основание образовано средней сторожкой и куртиной, а также стеной и воротами (ныне разрушенными) внутреннего отделения.

Ворота средней палаты - очень красивое сооружение. Как и нижняя сторожка, на которую она похожа в общих чертах, она состоит из двух барабанов, фланкирующих входной проезд и завершающихся квадратом в задней части.

Одна из них, северная башня, поднимается прямо из лощины, без подвала или отмостки, и связана с коротким, но очень толстым и высоким куртином, который поднимается по крутому склону и упирается в ворота. Башня имеет смелый выступ, но плоская по отношению к куртине. Внутри находится домик с одной крестообразной петлей спереди, а сзади - следы лестницы, которая вела к куртине, а затем по продолженным ступеням вдоль ее валов к замку.

Другая башня поднимается с гребня внешнего склона, где она предстает в виде настенной защиты, на западном фронте. Внутри находится небольшой домик с тремя петлями: одна спереди, одна с фланга в сторону поля, и одна, ныне закрытая, сзади, в среднюю палату.

Портал не имеет косяков, но входит под сегментную арку с двойными фасками, выходящую прямо из фланкирующих башен. Она отступает на 4 фута 1 дюйм, и ее сменяет округлый паз порткуллиса, шириной 9 дюймов и глубиной 6 дюймов, но в пределах арки имеет плоский край в 3 дюйма с каждой стороны. Эти края заканчиваются над аркой, и погон равен только ширине паза.

За порткулисом находится вторая арка, шириной 2 фута 9 дюймов, которую сменяет машикуля, шириной 14 дюймов, разделенная четырьмя *перегородками* на пять квадратных отверстий. Они расположены непосредственно перед косяками ворот, где проход уменьшается примерно на 1 фут 8 дюймов.

За косяками арка с высокой пружиной и плоским сегментным изгибом вмещала в себя откидные двери, когда они были открыты. Они были деревянными, а отверстие в перекладине за ними - около 11 дюймов в квадрате. Петли исчезли. За этой последней аркой проход был покрыт деревянной крышей и сейчас открыт. В задней части сохранились части паза второго портакуллиса - "*altera securitas*" - так что, вероятно, существовала каменная

облицовка заднего фасада сторожки, ныне разрушенная. Устройство этих ворот до самого домика показано на прилагаемом разрезе. См. гравюру на дереве, рис. II.

В пространстве с деревянной крышей находятся двери двух домиков. Южная - с квадратной головой, с заплечиками. Северная, такой же формы, защищена полукруглой разгрузочной аркой в стене над ней. По дизайну и материалу эта арка очень похожа на норманнскую и, возможно, сохранилась от более древней постройки. На этих воротах нет остатков бойниц, но на их передней части находятся каменные карнизы, вероятно, предназначенные для размещения клада - особенности военной архитектуры, так хорошо описанные М. Виолле-ле-Дюком[4].

Во внешнем портале, у пола и в нескольких дюймах перед пазом портупей, находится круглое отверстие, 5 дюймов в поперечнике и 3 дюйма глубиной, в котором, по-видимому, находилась железная ось разводного моста. Над ним находится еще одно такое же отверстие, несомненно, связанное с работой той же защиты.

Войдя в ворота, дорога быстро поднимается вверх. Справа - очень крутой обрыв, на вершине которого находится бастион крепости. Слева - куртина западного фронта. Выше дорога поворачивает направо, чтобы попасть во внутреннюю палату, и обходит слева то, что, похоже, было формальным садом, на что указывают ровный участок, несколько фундаментов стен и два алькова, приписываемые сэру Джону И'Ансону, ректору Корфа в конце прошлого века.

К западу от него палата, по-видимому, использовалась для офисов и была частично перекрыта. В северной куртине находится полукруглая башня с четырьмя петлями и одним этажом, открытая в ущелье. Внутри виден водосточный желоб двухскатной крыши, а центральный водосток выступает наружу. Далее находится заваленная арка, вероятно, ранняя, а еще дальше - сиденье и сток большого садового домика под аркой в стене шириной 8 футов. Выше находится простой кронштейн, выдолбленный для получения стеновой плиты крыши, и, несомненно, один из серии. Деревенские жители называют его виселицей. Часть южного занавеса этой палаты - самая интересная особенность всего сооружения.

Сначала, поднимаясь от ворот, слева находится занавес. Затем на ней - полукруглая настенная башня с тремя петлями, но закрытая, с момента постройки, в ущелье стеной, в которой находится небольшая дверь, ведущая в соседнее здание. От этой башни на запад идет куртина из плоских камней, сложенных грубым, но отчетливым способом из селедочных костей. В нем три окна и место четвертого. Они круглоголовые, диаметром 2 фута 4 дюйма и глубиной 3 фута 6 дюймов, раздвинуты до 12 дюймов, когда заканчиваются каменной плитой, из которой вырезана петля с отверстием в 6 дюймов и фальцем для ставни. В настоящее время они находятся на высоте 3 футов 6 дюймов от источника, но часть может быть заглублена. Эти проемы закрыты наружной обшивкой стены. Эта стена в западном конце, похоже, была возвращена внутрь. И эта стена, и эти окна считаются частью старого саксонского дворца, и это вполне может быть так. Они, безусловно, старше норманнской постройки.

К западу от этой старой части находится замурованный дверной проем с заостренной аркой, отходящей от обычного норманнского плоского абака с фаской. Это похоже на переходную норманнскую работу. Снаружи он замаскирован облицовкой. Эта дверь, основание которой засыпано, по-видимому, была почтовым ящиком, хотя, надо признать, в самом неудобном положении для такого средства выхода.

Башня Буттавант, которая закрывает западный угол палаты и является заметным объектом в очертаниях замка, похоже, представляла собой восьмиугольник со стороной 7 футов по внутреннему измерению и значительной толщиной. Корпус нижней части исчез. У него был подвал и два этажа над ним, все перекрытия деревянные. На вершину ведет колодезная лестница у ущелья. Занавес от него до садового барака разрушен.

Внутренняя палата занимает вершину холма. Он также грубо треугольный: большой бастион образует вершину на западе, бастион Глориетта закрывает угол на юго-востоке, а тупой угол на северо-востоке образуется только куртиной. С внешней и средней стороны стена представляет собой мощную каменную насыпь, которую подпирает куртина. В других местах земля лишь немного выше внутри, чем за куртиной.

В этой палате находились двое ворот, крепость, башня и кабинеты королевы, а также колодец.

Ворота из средней палаты примыкали к северному занавесу. Вероятно, это был просто проем в стене, без обычной сторожки, иначе он вряд ли мог бы исчезнуть так полностью, даже под тяжестью обломков замка.

Эти ворота открывались в небольшой двор, на восточной стороне которого возвышалась крепость. Вторые, более высокие ворота, по-видимому, вели в собственно палату и располагались у подножия внешней лестницы крепости. Эти ворота также полностью исчезли. На съемке Тресуэлла в 1586 году видно, где они стояли.

Кипер представляет собой четырехугольную башню площадью 60 футов и высотой 80 футов чисто нормандской работы. Восточная и западная стороны были укреплены пятью плоскими пилястрами шириной 5 футов 4 дюйма, выступающими на 18 дюймов и расположенными на расстоянии 8 футов 4 дюйма друг от друга. На северной и южной сторонах было по четыре таких же полосы, расположенных через более широкие интервалы. Все они поднимались от общего цоколя и уходили в стену на небольшое расстояние ниже башенки, небольшая часть которой все еще видна, а не переходили в нее, как в Чепстоу и других местах, чтобы закрыть лицо панелью.

Дверь первого этажа, по-видимому, шириной 4 фута и с очень поздней отделкой, в настоящее время находится в западной стене толщиной 9 футов, и, возможно, всегда была там, хотя, конечно, не в своей нынешней форме. Она была перекрыта наружной лестницей. Она расположена ближе к южному концу, между второй и третьей пилястрами.

Лестница шириной 9 футов примыкает к западному торцу храма, не имеет связей и, возможно, является более поздним дополнением. Под ней находится большая открытая арка, круглоголовая, выходящая из плоских пилястр, которые, продолжаясь над тетивой или крышкой, образуют софит свода. Эта арка служит крыльцом для двери в подвал кирхи.

Лестница заканчивается в Лестничной башне - прямоугольном пристрое, примыкающем к храму, образующем тамбур перед главным входом и, как говорят, несущем лестницу, ведущую на верхний этаж. Его размеры составляют примерно 19 футов на 16 футов, а у северной стены стоит каменная скамья. Дверь с наружной лестницы в северной стене имеет круглую головку, шириной 6 футов 6 дюймов, открывается в стене толщиной 6 футов, две другие стены - 4 фута. Дверь в хранилище, расположенная между первой и второй пилястрами и, следовательно, рядом с углом хранилища, имела ширину 6 футов, теперь она увеличена до 9 футов. Она имеет плоский верх, с полукруглой рельефной аркой в стене над

ней, не предназначенной для обозрения. В южной стене притвора, вероятно, была дверь, выходящая на большой бастион, и следы крытого прохода из него в башню-гардероб. Этот вестибюль, несомненно, относится к возрасту крепости, и в нем находилась лестница на главный этаж.

Замок был разделен на две большие палаты стеной толщиной 6 футов. Подвал был засыпан, а первый этаж перекрыт десятью большими цельнодеревянными балками, пустоты для которых сохранились в южной стене. На втором этаже, вероятно, находилась камера длиной 42 фута, шириной 28 футов и высотой 24 фута, которая, однако, должна была быть очень темной, поскольку северная стена была внутренней, а южная - без окон. Две небольшие двери, вероятно, более поздней постройки, открываются через южную стену во внешнюю галерею.

Над этой комнатой, образующей третий этаж, находилась еще одна, видимо, такого же размера и гораздо более веселая, которая, возможно, была залом. От него вверх вела колодезная лестница в восточной стене, недалеко от южного конца. Внутри колодца видна коньково-вальмовая крыша, как в Порчестере, и, вероятно, первоначально над этим этажом ничего не было.

Бастионы, за небольшим исключением, исчезли, но в восточной и западной стенах, чуть ниже линии бастионов, находятся соединенные нормандские окна, открывающиеся примерно на 3 фута, по паре между каждой парой пилястр, образуя таким образом своего рода аркаду, не похожую на более поздние в Суонси и Лланфее, но большая часть которой, похоже, всегда была закрыта. Примечательно, что здание, столь массивное и с такими толстыми стенами, должно было быть лишено обычных галерей и настенных камер, встречающихся в норманнских храмах.

Мистер Бонд, который близко знаком с этим замком и привнес много критических знаний в его детали, считает, что верхняя часть стены крепости свидетельствует о том, что она была пристроена к первоначальной структуре, хотя и не в очень большой промежуток времени.

С южной стороны к внешней стороне крепости примыкает еще одна пристроенная башня, шириной около 30 футов и выступающая на 20 футов. Снаружи она имеет три пилястры, по одной на каждом фланге, поднимающиеся от общего основания. В настоящее время она доходит только до пола второго этажа храма, но, похоже, была выше и, как говорят, была опущена сэром К. Хаттоном. Это садовая башня, содержащая на каждом из двух этажей по две камеры размером 7 футов на 9 футов. Верхние камеры недоступны, но очевидно, что часть восточной нижней камеры была закрыта решеткой, чтобы вынести мусор из верхней. В западной камере есть каменная арка, которая может быть принята за место этой перегородки. Восточная открыта с одной стороны и, очевидно, была закрыта деревянной перегородкой. Эти камеры заканчиваются внизу двумя квадратными проемами на лицевой стороне башни, что подтверждает предположение о том, что западная и восточная камеры предназначались для садовника.

Между этими камерами и стеной храма проходит сводчатая галерея, в которую они открываются и из которой две маленькие двери, уже упоминавшиеся, входят на первый этаж храма. Хотя башня-гардероб занимает только половину фасада, эта галерея простирается на всю его длину, будучи защищенной стеной с петлями. Дверь в ее нижнем или восточном конце вела на кухню, а в верхнем конце открывалась на большой бастион, с выходом справа в вестибюль, а слева - на занавес, ведущий из храма в среднюю сторожку. Два водостока из крепости пересекают галерею и уходят в садовую башню.

Эта башня, построенная против и не связанная с замком, очевидно, более поздняя, но напоминает его по стилю и, должно быть, была пристроена в течение нескольких лет. Взрыв, разрушивший башню, сделал очевидным полное отсутствие связи между двумя зданиями.

К востоку от крепости находятся остатки различных офисов и руины Зала королевы или башни. Он и прилегающие к нему здания были построены на склепах, некоторые из которых сохранились. Одна из них круглоголовая, с остроконечным дверным проемом; другая, поддерживавшая зал королевы, похоже, имела очень слабо заостренный свод, разделенный боковыми более узкими, но одинаково высокими, а потому остроконечными арками, на четыре пролета, два из которых содержат стрельчатые окна.

Некоторые из окон зала сохранились. Они остроконечные, с углублениями в виде каплевидных арок и каменными боковыми сиденьями. Рельеф исчез, но сохранились наружные накладки, заканчивающиеся зубцами с листвой, а аррис или угол каждой ниши занят лепниной в виде завитков-бусин.

К северу от этого зала и поперек него, с востока и запада, находятся остатки того, что с большой долей вероятности можно считать часовней. Западная дверь и дверь зала расположены рядом, в притворе или крыльце, в которое с западной стороны ведет лестница.

Двери остроконечные, с полукруглыми накладками из бусин, а по периметру косяков и арки проходит лепнина из бусин с завитками. Внутри дверь часовни более богата и имеет в арке двойной завиток-бусину, разделенный углублением, а для косяков углубление было занято отдельно стоящей колонной из пурбекского мрамора, которая, хотя и сильно разрушилась, все еще видна, чтобы сформировать базу и столицу колокола. Дизайн, хотя и не отличается особой декоративностью, превосходен, как и исполнение. Вся эта группа, по-видимому, является ранней английской, относящейся к последней части царствования Генриха III.

Ближе к востоку от зала, между ним и занавесом, находится углубление, которое, как говорят, обозначает колодец. Оно должно было иметь большую глубину - вероятно, до уровня ручья.

Башня, о которой говорят как о "Глориетте", вероятно, исчезла, но рядом с ней находится то, что можно назвать бастионом Глориетты, и то, что кажется угловатым основанием башни, закрывающей юго-восточный угол палаты и предназначенной для прикрытия стыка стены с занавесом, который поднимается от башни Плукенет. Рядом с ней, к западу, находится настенная камера в куртине, которая на плане Тресуэлла изображена как гардероб, а за ней - угловой бастион, предположительно добавленный леди Бэнкес, которая, похоже, разместила там пушку.

Большой бастион - очень своеобразная работа. Он имеет округлые очертания, образованные очень толстой и высокой стеной, которая закрывает западный конец южной куртины и выступает в среднюю палату. Во время осады она имела пять орудий и называлась Новым бастионом. Но, хотя он мог быть расширен для размещения батареи, скорее всего, он был лишь дополнением к более старой норманнской стене, поддерживающей лестничную башню. Внешняя, а значит, возможно, более поздняя, стена была повреждена у основания, и обнажилась основная часть работы. Она демонстрирует очень грубое заполнение.

Толщина южной куртины этого отделения составляет около 12 футов, но северная и восточная, менее открытые и не имеющие зданий для поддержки, гораздо легче, и не представляют собой ничего из той прочности, которая считается необходимой в нижних и более открытых частях крепости.

Нынешнее состояние здания полностью объясняется тем, что замок Корф был "ослаблен" по решению Палаты общин от 4 марта 1645 года, то есть в период, когда приказы общин не исполнялись небрежно.

Во внешних воротах барабаны выбиты вперед, свод расколот, а задняя часть домиков разрушена. Весь верхний этаж снят.

К востоку занавес разрушен, но Подковообразная башня существенно не пострадала. Остальная часть занавеса до башни Плукенет разрушена только на части. Эта башня и куртина до самого храма не разобраны, а лишь частично снесены.

В этой внешней части главные силы разрушителей были потрачены на нижнюю половину западного фронта, где завесы подняты вперед, а настенные башни разрушены и потрясены, и огромные фрагменты того и другого загромаждают склон. Реданская башня уцелела, как и занавес, пересекающий фос короля Джона.

Ворота средней палаты имеют необычный вид. Под внешней башней была вырыта шахта, которая опустилась примерно на 10 футов и немного сдвинулась вперед, расколов свод входа. Вряд ли это может быть результатом действия пороха, скорее всего, это шахта старого типа, в которой вынимали землю и ставили деревянные подпорки, которые впоследствии вынимали или сжигали.

От башни Буттавант исчезло около двух третей, а также часть северной куртины. Большая куртина между средней сторожкой и замком осталась непоколебимой, исчезли только ее ступени и башенки. Это одна из лучших куртин в Британии, почти такая же, как в Кардиффе.

Во внутренних палатах разрушения были очень сильными. Все северные стены и две трети прилегающей западной стены лежат огромными массами на болоте и при своем падении полностью сокрушили ворота палаты и прилегающую к ним куртину. Восточная стена разрушена с двух концов, но полоса центральной части осталась неповрежденной до самой вершины - чудо норманнской кладки, полностью окутанное плющом. Южная стена и башня-гардероб пострадали незначительно. Лестничная башня разрушена, как и часть северной стены. Разрушенные стены крепости - зрелище, достойное внимания: так велика масса фрагментов и так прочно сцеплен материал. Они лежат в дичайшем беспорядке, а некоторые значительные куски скатились вниз по склону и, пересекая дорогу и ручей, лежат, наполовину погребенные в дерне.

Башня королевы и офисы разрушены, но, оказав меньшее сопротивление, были разбиты более детально, и, несомненно, впоследствии были испорчены ради пепла.

Разрушения, вероятно, превосходят все, что известно в других частях Англии. Заряды пороха, несмотря на умелое расположение, были, по-видимому, больше, чем требовалось на самом деле; и, конечно, место можно было сделать непригодным для жизни с гораздо меньшими разрушениями кладки. Даже с такими мортирами, какие использовались во времена Содружества, замок можно было бы обстреливать с более высокого холма Чаллоу, расположенного к востоку от него.

Несколько замечаний, естественно, вытекают из приведенного выше описания.

Саксонская резиденция, о существовании которой есть свидетельства во второй половине десятого века, несомненно, также была местом силы. Несомненно, она должна была занимать самую высокую часть холма, ныне являющуюся внутренним приходом, а стена, сохранившаяся в среднем приходе, вероятно, будет принята как доказательство того, что она распространялась и на территорию этого прихода.

Вероятно, норманны начисто вычистили все существующие здания во внутренней палате, когда начали строить замок и его принадлежности, а чуть позже - башню-гардероб. Все они построены из крупных квадратных камней, с умеренно открытыми швами; основательная, прочная работа, и тем более рабочая и эффективная из-за некоторой грубости и смелости в отделке. Пепел, обычно свидетельствующий о поздних работах, здесь находился в каменоломнях Пурбека, а общее отсутствие орнамента в королевской резиденции, сводов, трифоральных галерей или настенных палат и, за одним частичным исключением, настенных лестниц, похоже, указывает на работу если не Завоевателя, то его ближайших преемников. Башня-гардероб, не особенно поздненормандская, но определенно следующая за замком, кажется, укрепляет этот вывод.

Поскольку норманнские здания должны были быть включены в стену *энсинта*, которая, естественно, занимала гребень этой части холма, она обязательно включала или заменяла саксонскую стену, которая, по той же причине, должна была следовать тем же ограниченным очертаниям. Вероятно, поэтому куртины верхнего и среднего прихода содержат следы саксонской и значительную часть норманнской кладки, это относится и к поперечной стене между внутренним и средним приходом, которая следует естественному разделению в земле. Та же естественная причина определила положение ворот, где мы их сейчас видим.

Обычно считается, что первоначальный норманнский замок ограничивался двумя верхними палатами, к которым, по словам мистера Бонда, авторитетного специалиста по всем вопросам, связанным с Корфом, король Иоанн добавил защиту глубокого омута. Необычно, однако, что эта фосса, хотя и прорезала западный склон, остановилась немного не доходя до восточной стороны. Узкий гребень, оставленный таким образом, вряд ли мог быть предназначен для прохода, так как ворота верхнего отделения обязательно должны были, исходя из расположения земли, всегда находиться на западном или нижнем конце фоссы, и, если бы гребень был оставлен в качестве подхода, он, конечно, не был бы почти недоступным крутым, сильно подверженным взгляду и нападению, и не защищаемым никакой специальной работой.

Стена от угла Глориетт вдоль хребта, почти до башни Плукенет, была замечена как обычная нормандская работа, и, по словам мистера Бонда, имеет признаки возвращения внутрь, как будто она простиралась вдоль линии более позднего рва. Таким образом, может оказаться, что до времен короля Иоанна крепость занимала нынешние верхний и средний приделы, а также полосу нижнего придела вдоль подножия ледника. Это, несомненно, более вероятно, чем то, что она занимала всю нижнюю палату, занимая ту же площадь, что и нынешние сооружения.

Мистеру Бонду удалось по документальным свидетельствам установить дату возведения большого занавеса, соединяющего более поздние средние ворота с более ранней башней, в 1236 году; поскольку такой занавес должен был быть достаточно прочным, а нынешние ворота построены на несколько лет позже, они, несомненно, были нормандскими, хотя, вероятно, очень поздними, как и возраст занавеса, пересекающего фоссу короля Джона в нижнем конце. Возможно, остроконечная арка с нормандским пружинящим курсом в стене

рядом с башней Буттавант относится к тому же периоду - скажем, к правлению Генриха II, хотя сама стена, судя по записям, может быть более поздней.

Нижняя палата в ее нынешнем виде, несомненно, была огорожена в конце правления Генриха III и при Эдуарде I. К этому времени можно отнести внешнюю и среднюю сторожки, четыре башни с фресками во внешней палате, а также башню королевы с ее залом и часовней. Башню Плукенет можно отнести к констебльству этого барона, 54 Неп. III. или немного позже.

К этому же периоду следует отнести облицовку южной стены среднего корпуса. Облицовочный камень этой эпохи, хотя и не обладает величественной, эффектной смелостью норманнской работы, не может быть превзойден по тесноте соединения и общему совершенству исполнения. Камни длиной от 1 фута до 2 футов и шириной 8 дюймов вытесаны и хорошо скреплены, а их углы свежи, как только что срезанные.

Очень примечательна чрезмерная массивность настенных башен на западном фасаде. Возможно, эта необычная прочность была призвана противостоять опасности быть заминированным, для чего мягкий мел предоставлял большие возможности.

ЗАМОК КУСИ, БЛИЗ ЛАОНА.

Город и замок Куси-ле-Швтеау построены и полностью занимают несколько неправильной формы, но ровную вершину мелового мыса, восточная часть или корень которого связан с возвышенностью верхнего леса Куси, В то время как на севере и западе оконечность платформы смело и круто выступает на 150-200 футов над плодородными долинами по обе стороны, откуда вытекают притоки Летте, потока, который течет из древнего города Лаон и впадает в Уаз у Маникампа.

Долины, расположенные непосредственно под замком, носят следы раннего возделывания и, несомненно, в значительной степени способствовали его поддержанию. Вдали, в основном с восточной и северной сторон, раскинулись огромные лесные массивы, состоящие из высоких и низких лесов Куси, Сен-Гобен и Монсо, а к югу - Пинон и Мостье. На плодородных местах среди этих лесов располагались аббатства Ножан, Сен-Николас, Баризи и Премонтре, где находилась усыпальница де Куси, а останки этих религиозных домов перемежаются с остатками замков Сен-Гобен, Фолембрей, Анизи, Ла Фер, Пинон и многих других, что свидетельствует о ценности этой местности и о ревности, проявленной при ее обороне.

Этимология Куси не была объяснена. Район, в котором он расположен, был известен как Ле Меже в VI веке, и Куси, вероятно, входил в ту его часть, которая была дарована Хлодвигом святому Реми для архиепископства Реймса в 500 году н.э. В 909 году он перешел в руки архиепископа Эрве, который, движимый растущим могуществом норманнов, впервые построил здесь замок, известный впоследствии как Куси.

Какими бы ни были особенности этой крепости, ее площадь должна была совпадать с площадью последней, что определялось конфигурацией местности; и, какой бы ни была ее конструкция, ее положение не могло не придать ей силы и важности. Он сразу же стал

заметным местом. Здесь Эрве, граф Вермандуа, заключил в тюрьму Карла Простого, которого он продал своему королю-сопернику за графство Лаон. Тем не менее, в 930 году Эрве был вынужден отдать Куси Босону, брату Рауля, короля Франции. Босон был убит перед Сен-Кантенем в 931 году, и после целого столетия превратностей, в 1037 году, владения, принадлежавшие лишь на правах церковной ренты, стали синьорией Альберика, основателя баронства Куси. Неясно, принадлежал ли Альберик к роду Эудо де Шартр или к роду графов Вермандуа. В результате брака он присоединил к Куси Амьен и прилегающий к нему замок Бов, а также, как считается, основал аббатство Ножан-су-Куси.

Альберiku наследовал его сын Энгуран, съёр де Куси, граф Амьенский и лорд Бов. Он женился на Аде, наследнице Летарда де Руси, лорда Марля, второго сына Жильбера, графа Реймса, с которым он приобрел Марль и Ла-Фер. Он - или, скорее всего, его сын - первым принял известные гербовые знаки: "Барри из 6, vaîre и gules". Он умер в 1116 году, оставив после себя Томаса.

Томас де Марле, де Куси, его сын и преемник, долгое время бунтовавший против своего отца, пользовался дурной славой за жестокость. Он потерял Амьен, но, опять же благодаря браку, приобрел Креси-сюр-Серр и Ножан. Он умер в 1130 году.

Энгуран II, известный как Сир де Куси - этот титул, как говорят, обозначает повелителя аллодиального фьефа, - владел также Марлем, Креси, Вервином, Пиноном и Ла-Фером, в последнем замке он успешно защищался от Людовика ле Гроса и Рауля, графа Вермандуа, в 1132 году. Его правление было мирным и справедливым.

Говорят, что этот Энгерран убил в личной схватке свирепого зверя по имени лев, который кишел в окрестностях; эта история, несомненно, является источником происхождения львов, которые использовались семьей в качестве герба и опоры. Подобные истории были распространены в двенадцатом веке, только место подвига обычно было более безопасным в Палестине. Эта битва запечатлена на барельефе над дверью замка в Куси и, вероятно, послужила основой необычной церемонии, которая прекратилась только после революции. Трижды в год, на Пасху, Пятидесятницу и Рождество, аббат Ногента или его поверенный въезжал в Куси через нижние ворота с кнутом в руке, верхом на ушастом и хвостатом гнедом. На его пуатре висел мешочек из белого льна, наполненный пшеницей, а в корзинке - несколько пирожков в форме полумесяца с начинкой из телячьего фарша, приготовленного в масле и называемого биточками - вероятно, это самое раннее упоминание блюда, дошедшего до наших дней.

За аббатом шел рыжий пес с обрезанными ушами и хвостом, на шее у которого висела бисоль. Затем эта необычная процессия вошла в замок, и у основания крепости аббат обошел центрального и трех меньших львов, высеченных в камне, а затем обхватил более крупного зверя. После этого он подносил пироги в знак почтения владыке, который раздавал их народу, а затем заверял запись о почтении, прикладывая к ней специальную печать, изображавшую аббата в митре и с крестом, у которого на ногах были копыта козла. Изображение этой церемонии на гобеленах долгое время украшало стены замка и, как полагают, было вывезено в Лотарингию после брака позднего Куси с дочерью этого дома.

Энгуран II умер во время крестового похода в Палестину около 1148 года, но его тело было положено в аббатстве Премонтре, недалеко от замка, где его чучело оставалось в 1682 году.

Рауль де Куси, сын и преемник, не достиг совершеннолетия во время смерти своего отца. Около 1169 года он женился на Агнессе из Хайно, а затем на Аликс, племяннице Людовика-ле-Женя и сестре Робера де Дрё. Этим браком он связал себя с королевской кровью. В 1188 году он сопровождал Филиппа Августа в Палестину, а в 1191 году пал перед стенами Акры. Он был похоронен в Фуаньи, а его сын от Аликс стал его преемником.

Энгерран III, прозванный Великим, владыка Монмирайля, Ойси, Кревекура, Ла-Ферте-Анкуля, Ла-Ферте-Гоше, виконт Мо и шателан Камбрэ. Он был основателем нынешнего замка и в то же время обнес стеной значительный город, который вырос под защитой его предков. Поскольку он был ребенком во время своего воцарения, его мать управляла синьорией и в 1197 году выдала городу хартию вольностей, которую он подтвердил, достигнув совершеннолетия. В 1200 году, *будучи еще майордомом*, он напал на имущество Реймской церкви. В 1210 году он присоединился к графу Вермандуа в первом крестовом походе против альбигойцев, а также в 1219 и 1226 годах; затем помогал при осаде Тулузы и взятии Авиньона. Отличился он и в битве при Бовине.

Энгуран, хотя и не был обделен территориальной властью, пользовался влиянием, которое выходило далеко за рамки богатства или обширности владений и было в значительной степени личным. Он, по-видимому, с недоброй милостью подчинился правлению королевы Бланш во время несовершеннолетия Людовика Святого и, как говорят, даже подумывал о королевской власти. Как бы то ни было, сознание своего влияния, несомненно, заставило его возвести замок Куси, как полагают, в 1225-1230 годах; и, возможно, таким образом он предложил себе отодвинуть в тень величественную башню Лувра, построенную за несколько лет до этого Филиппом Августом. Говорят, что он также перестроил другие свои замки - Сен-Гобен, Ассис, Марль, Фолембрай и Сент-Обен, а также парижский отель Куси.

В 1244 году он вошел в доверие к Святому Людовику и присутствовал на конференции знати в Шиноне, где поддержал план нападения на Англию; но во время сбора своих вассалов для этой цели он был сброшен с лошади и убит собственным мечом. Из его детей от Марии де Монмирай Рауль II, павший в крестовом походе 1250 года, и Энгерран IV последовательно становились съёрами де Куси; но оба умерли бездетными, и с последним прервалась мужская линия этих великих баронов. Аликс, сводная сестра последних сеньоров, вышла замуж за Арнуля, графа де Гинеса. У Энгуррана Великого была также дочь Мария, которая в 1239 году стала второй женой Александра II Шотландского и матерью Александра III. Мария была весьма незаурядной личностью и очень эффективно исполняла обязанности опекуна своего сына в трудные времена, разрабатывая и проводя собственную энергичную политику.

Арнольд граф де Гинес продал Гинес Филиппу ле Харди в 1282 году. Аликс де Куси, его жена, была дочерью Энгуерана III от Мари Дам д'Ойси, его третьей жены. У них был Энгерран В. де Гинес, сир де Куси и т.д., который жил при дворе своего кузена-немца Александра III в Шотландии, где женился до 1285 года на Кристине де Балиол. Он умер в 1321 году.

Вильгельм, его сын и наследник, женился на Изабелле, дочери Ги де Шатильона, графа де Сен-Поль. Он умер в 1335 году, и ему наследовал Энгерран VI, который женился на Екатерине, дочери Леопольда, герцога Австрии. Этот барон участвовал в обороне своей провинции от Эдуарда III и пал в битве при Креси в 1346 году, оставив своего сына младенцем.

Энжерран VII, более известный в Англии как Ингельрам де Куси, был одним из самых великих и могущественных баронов своего рода и века, а в воинственную эпоху прославился как полководец. Свою государственную жизнь он начал с истребительной войны против восставшего Жакерии. Затем он был одним из заложников в Англии для короля Иоанна,

женится на Изабелле, дочери Эдуарда III, стал рыцарем Подвязки (39-м в списке), а в 1366 году был создан графом Бедфордом. Следствием, а возможно, и ценой этих почестей стал его нейтралитет в войне между Францией и Англией. Он претендовал на герцогство Австрийское и собрал 60 000 кондотьеров, чтобы поддержать свои права, но в этом он не преуспел.

После смерти Эдуарда III он вернул знак Подвязки его преемнику и принял участие в войне с Францией. После смерти Дю Гесклена ему предложили меч констебля Франции, но он отказался от него и стал губернатором Пикардии. Его совет королю заключался в том, чтобы предвосхищать нападения англичан.

Его второй женой была дочь герцога Лотарингского. В 1382 году он с помощью справедливых слов подавил восстание майозинов в Париже. В Пикардии он был не менее снисходителен. Одного из их предводителей, Дутара, он приговорил к смерти, но у подножия виселицы его помиловали, по обычаю Пикардии, потому что женщина из толпы согласилась выйти за него замуж, - необычное юридическое сочетание повешения и брака. Энгерран участвовал в кампании Карла VI против Гента, в которой был убит Ван Артевельде; а в следующем году, подавив восстание в Париже, он присоединился к войне во Фландрии, где заслужил высокое одобрение Фруассара.

Затем он отправился в Италию и сражался в битве при Ареццо, за что получил звание Великого дворецкого Франции. Вскоре после этого он принимал активное участие в военных и морских приготовлениях к нападению на Англию, командовал одной из частей флота и, судя по всему, был двинут к побережью Шотландии.

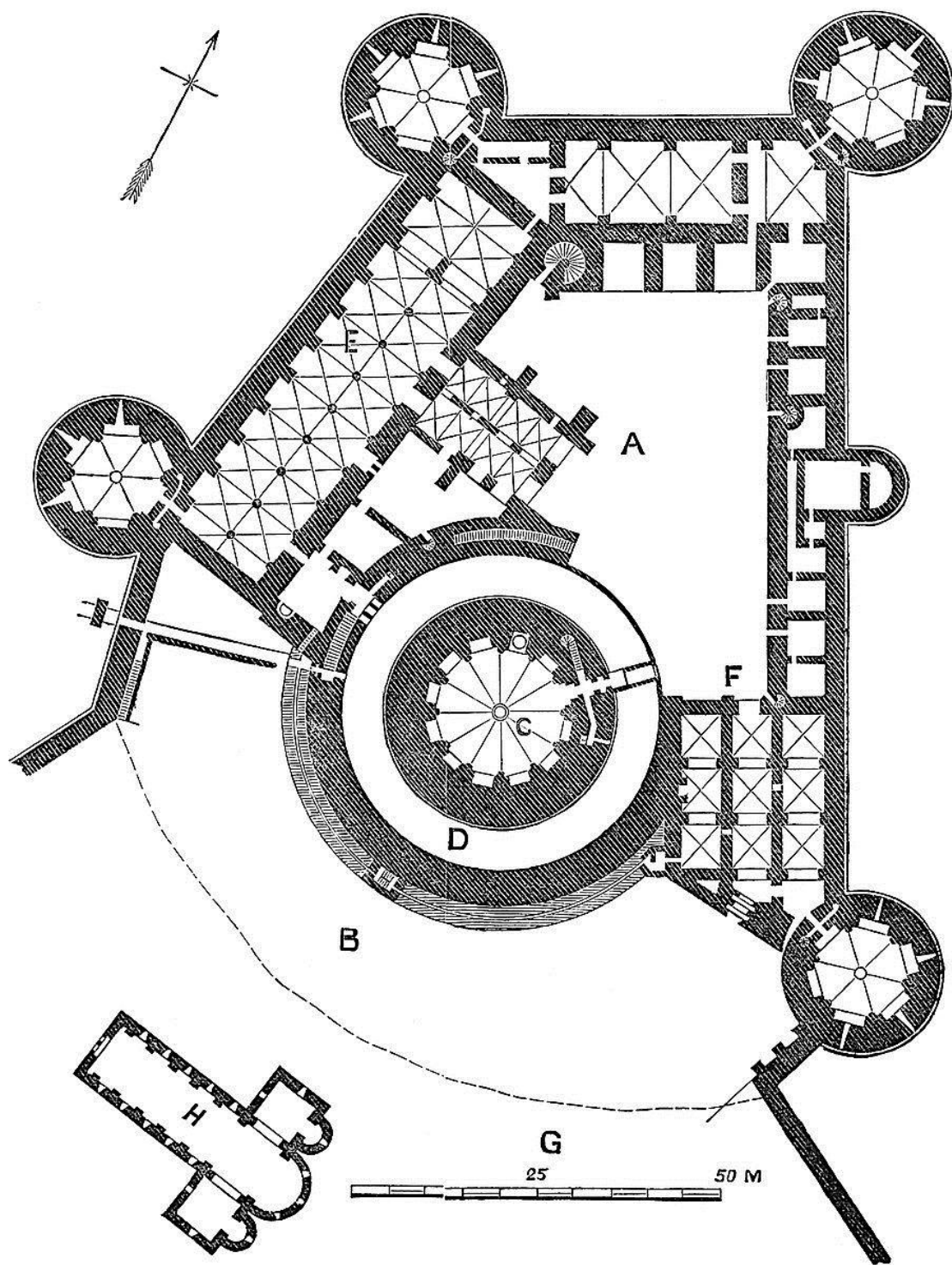
В 1390 году он принял участие в африканской экспедиции, высадившись в Карфагене. Завершающим актом его жизни стал неудачный крестовый поход против султана Баязета, после его вторжения в Венгрию и битвы при Никополе в 1396 году, когда Энгуран был разбит и попал в плен, и так умер в 1397 году в возрасте 57 лет, последний мужчина из второй линии сиров Кузи.

После его смерти Людовик Герцог Орлеанский получил во владение поместья Кузи, прикрываясь покупкой у наследницы. После смерти Людовика в 1465 году наследником стал герцог Карл, а после его восшествия на престол Франции под именем Людовика XII в 1498 году Кузи стало собственностью короны и перестало сохранять какую-либо индивидуальность или быть резиденцией независимой семьи. В качестве удела короны он был пожалован сменявшим друг друга семействам Орлеанских, и таким образом оставался во владении Эгалите до революции. В настоящее время он является частью государственных владений и, следовательно, получил долю того внимания, с которым покойный император относился ко всем государственным памятникам, и был самым разумным образом сохранен от дальнейшего упадка М. Виолле-ле-Дюком, на основе съемки которого был сделан прилагаемый план.

Замок занимает северо-западную оконечность платформы, остальную часть которой занимает город. С трех сторон естественной защитой служит крутой склон холма, верхние 30 или 40 футов которого с помощью искусства сделаны вертикальными и облицованы каменной кладкой. С южной стороны город защищает (полностью искусственная) глубокий ров, тянущийся от скалы до скалы и отделяющий город от замка, внутри которого находится куртина, с торцов обрамленная двумя круглыми башнями со сводчатыми камерами, и с центральной сторожкой, также обрамленной таким образом.

Замок состоит из крепости, внутренней и внешней палат. Внешний, примерно в три раза превышающий площадь внутреннего, находится между внутренним и городом. Его узкий южный фасад уже был описан. К северо-востоку холм очень крутой, и крепостная стена с этой стороны не укреплена контрфорсами или фланкирующими башнями. На противоположной стороне холма крутизна гораздо меньше, и платформа выступает на юго-запад жирным выступом, укрепленным восемью башнями или бастионами, одни из которых полукруглые, а другие прямоугольные. Южная стена возвышается, остальные, вероятно, были просто парапетами. Большая сторожка, или "Порт мэтра Одона", сейчас сильно разрушена. Портальная арка была заостренной, как и две боковые арки для стражи. Сохранился квадратный паз одного порткуллиса. По-видимому, сторожка имела обычный прямоугольный план, с центральной портальной аркой и проходом, и двумя внешними полукруглыми фланкирующими башнями. В этой внешней части прослеживаются очень значительные фундаменты, здесь найдены фрагменты опор и арочных камней, а также резные блоки, показывающие, что здания, возведенные в качестве конюшен и казарм для кастеляна, а в мирное время, вероятно, и для лорда, были очень значительными и красивыми. Здесь же находятся фундаменты церкви, недавно расчищенной. Они показывают один неф с полукруглой апсидой и трансептом, два рукава которого имеют на восточных сторонах две апсиды меньшего размера, все три расположены почти в одну линию. Здание имеет около 100 футов в длину и 30 футов в ширину, двойную западную дверь и пять боковых окон, кроме того, три в апсиде и по три в каждой части трансепта. Судя по плану и пропорциям, эта церковь считалась частью первоначального замка, причем единственной, сохранившейся до наших дней. Однако ее фактическая дата, вероятно, относится к одиннадцатому веку.

Внутренний или северный конец этого прихода примыкает к внутреннему приходу. Этот фронт занят широким и глубоким сухим рвом, вогнутым в сторону внешнего прихода, обнесенным стеной с уступом и контр-уступом и пересеченным с каждого конца наружной стеной *энсинта*.

- А. Внутреннее отделение.
- В. Ров.
- С. Башня.
- D. Ров и сорочка.
- Е. Подвалы, зал и часовня.
- F. Вход.
- G. Внешнее отделение.
- Н. Старая часовня.

Замок Коуси, Франция. План.

Внутренняя палата, или собственно замок, имеет четыре стороны. Восточный фасад длиной 130 ярдов и северный фасад длиной 60 ярдов прямые и расположены под прямым углом. Восточный фронт, 70 ярдов, расположен под тупым углом к северу, но тоже прямой. Таким образом, южный фронт имеет ширину 130 ярдов. Этот фронт также прямой, но около пяти седьмых его центральной части занимают выпуклости большой башни и ее сорока, которые расположены на линии куртины.

Восточный, западный и северный фронты обращены к полю и образованы путем облицовки скалы каменной кладкой, так что их высота составляет от 30 до 40 футов до уровня *terre-plein*, над которым возвышается куртина. Южный фронт покрыт уже описанным рвом, сегментным в плане, с вертикальными сторонами. Ближе к восточному концу ров расширяется с 60 до 90 футов, и через него проходит длинный разводной мост, опирающийся на три отдельно стоящие прямоугольные опоры, из которых внутренняя была самой большой, содержала два боковых места для оружия и, несомненно, несла башню. Этот мост вел к главным воротам. Сейчас он заменен насыпью.

По четырем углам палаты расположены четыре одинаковые барабанные башни, диаметром 60 футов и высотой 105 футов от внешнего основания. Они поражают своими размерами и смелостью, будучи задействованными лишь на пятую часть своей окружности. Эти башни поднимаются из скалы и содержат две купольные ступени, расположенные ниже уровня *terre-plein*. Вход в них осуществляется через круглое отверстие или глаз в центре каждого свода. На уровне *terre-plein* каждая из них представляет собой шестиугольную камеру, сводчатую, с пятью углублениями, четыре из которых пробиты в виде петель. Вход находится в ущелье, с двумя боковыми проходами, один из которых ведет в садовый павильон, а другой - в колодезную лестницу, поднимающуюся на вершину.

Камера наверху похожа, но петли расположены между, а не над теми, что внизу; таким образом, башни сохранились от вертикальных трещин, столь распространенных, когда ряд петель или окон располагается, как это обычно бывает, на одной вертикальной линии. Кроме того, такое расположение значительно расширяет возможности лучников, защищающих башню: все точки в пределах досягаемости стрел подвергаются обстрелу. Над уровнем земли возвышаются три этажа, всего их пять. Все они сводчатые. Линия кронштейнов на нынешней вершине показывает, что первоначально она была защищена бреташем.

Почти в центре восточной стороны находился небольшой полукруглый бастион с плоскими сторонами, 30 футов в диаметре и около 20 футов в проекции.

Стоя во дворе, часть куртины не видна. Вдоль центральных 180 футов восточного фронта расположен ряд зданий, называемых офисами, глубиной около 30 футов и с тремя колодцами-лестницами, обслуживающими первый и второй этажи, ныне разрушенными. В южной части пространство между занавесом и башенной чешуей, примерно 60 футов на 80 футов, занято тремя сводчатыми проходами, каждый из которых состоит из трех пролетов. В центре находится главный вход, или продолженная порталная арка. Боковые пролеты предназначены для стражников и солдат, охраняющих ворота. Над ними было два этажа, ныне разрушенных.

Вдоль северного фасада первоначально шла сводчатая аркада шириной 45 футов, состоящая из четырех пролетов. К ней спереди была добавлена аркада из трех арок, открытая в сторону двора, а на полученной таким образом площадке были построены терраса и ряд государственных помещений, главным из которых является дамский зал, или *Salle des Preuses*, названный так из-за медальонов девяти знаменитых женщин, украшавших большой дымоход. Во внешней части зала было что-то вроде восточного будуара, а большие

окна выходили на поле. Над ним располагался еще один этаж, для возведения которого поднимался занавес. Эти здания были пристроены герцогом Орлеанским. Со двора в эти апартаменты вела большая колодезная лестница, также являющаяся дополнением.

Западная сторона также имеет высокий занавес, против которого построена великолепная палата, 45 футов в ширину и 470 футов в длину, по центру которой стоит линия из десяти колонн, разделяющих пространство на одиннадцать сводчатых и желобчатых отсеков, из которых северная пара отрезана как частный погреб. На восточной стороне этой камеры находятся четыре двери: две в центре, открывающиеся в крипту часовни, одна к югу от нее, вероятно, главный вход, и одна в южном конце, открывающаяся в то, что, по-видимому, было кухнями, и которая находится между этим великолепным рядом магазинов и большой башней. С кухнями связаны три двора и лестница, спускающаяся в подвалы.

Под этой камерой находится еще одна такого же размера, вырытая в мелу, в качестве погреба, вероятно, самого прекрасного и просторного из когда-либо построенных.

Выше, на втором этаже, или третьей ступени, находился большой зал замка, называемый из-за девяти чучел героев *La Salle des Preux*. У него была деревянная крыша, два больших камина и большое окно в южной части, под которым находилась небольшая дверь, открывавшаяся на легкий деревянный мост, который опускался на занавес внешней палаты, прямо над портиком.

Часовня представляла собой прямоугольное здание, 60 футов на восток и запад, 36 футов на север и юг. Она выходила из зала во двор. Она состояла из двух параллельных нефов, сводчатых, каждый в четыре пролета. Его юго-восточный угол был соединен с чешуей большой башни. Юго-западный угол был свободным и имел два контрфорса, поставленных под прямым углом. Сейчас эта часовня разрушена до основания. Она открывалась из большого зала.

Крепость, или большая башня, - гордость Куси, и вполне заслуженно: это одна из лучших башен в мире и, несомненно, самое большое и завершенное военное сооружение.

Это простая башня, идеально цилиндрическая, превосходной работы из пепла, диаметром 100 футов в основании и на вершине, и высотой 200 футов. Она возвышается над мощеным рвом, ее основание находится примерно на 12 футов ниже уровня терренкура, а вход в нее осуществляется по разводному мосту, который находится на этом уровне, а все, что ниже, - сплошной.

Включая подвал, башня состоит из трех этажей. На первом этаже, на уровне *terre-plein*, находится разводной мост, переброшенный через ров, который, будучи поднятым, закрывает небольшой портал с квадратной головой под остrokонечной аркой, вход в проход, непосредственно пробивающий стену. В проходе есть внутренняя машикуля и портупея, обе они работают из небольшой камеры в стене выше, которая также принимала цепи моста. Внутри порткуллиса находилась крепкая дверь, запертая на засов, а слева и справа - проходы, один из которых вел в настенный садик с наружной петлей, а другой - на колодезную лестницу, которая обслуживала верхние комнаты и вела на валы.

Входной проход ведет прямо в двенадцатиугольную камеру диаметром около 60 футов, имеющую углубление в каждом этаже для магазинов, одно из которых занято входом, другое - большим колодцем, сейчас глубиной около 90 футов, а раньше было 200 футов, и третье - дымовой трубой.

Каждый пирс обращен к колонне, от которой отходит ребро, двенадцать из которых сходятся в центре в проушине и поддерживают свод. Каждая ячейка свода имеет остроконечный фронтон, два из которых пробиты для света.

Второй этаж имеет такую же форму и диаметр и сводится аналогичным образом. Одно из его углублений закрыто камином с печью за ним; одно дает проход в очень узкий притвор, дощатый мост от которого опускается на вал каминной стены, а три пробиты маленькими окнами. В одно из этих оконных углублений сбоку ведет небольшой проход из соседнего углубления. Это работа пятнадцатого века, сделанная, когда ниша была замурована, чтобы служить отдельной камерой. В другой нише также есть боковой проход, входящий в небольшой фресковый садик, закольцованный снаружи. В одной нише находятся два окна, одно над другим.

Второй этаж, похожий на другой в плане и по диаметру на уровне пола, имеет иное расположение на высоте 12 футов. Здесь опоры заканчиваются, и позади, между ними и внешней оболочкой стены, находится галерея, в которую ведет обычная колодезная лестница, но каждое из одиннадцати других отделений которой образует ложу, как в театре, смотрящую вниз на центральную яму или пол. Два из них заняты отходящими снизу дымовыми трубами, а два освещены окнами, которые, вместе с центральным глазком, образуют целое и очень недостаточное освещение. В этой камере, следующей под бойницами, командир мог собрать и выступить перед весьма многочисленным гарнизоном.

Третий этаж, который находится на валах и открыт сверху, заключен в толстую и высокую парпетную стену высотой около 10 футов, пронизанную двадцатью четырьмя стрельчатыми арками и столькими же промежуточными петлями. Над ними возвышается грандиозный копер, который нависает в обе стороны примерно на три толщины стены, а затем склоняется вверх, превращаясь в гребень. Именно на этот гребень были уложены стропила бретапской галереи, которая ограждала стену снаружи и внутри. Первая служила лишь противовесом. Вторая была двухэтажной и опиралась своими основными стойками на линию из сорока восьми грандиозных кронштейнов, которые сохранились на внешней стороне стены на уровне вала. Над крышей возвышались дымоходы, а на гребне стены стояли три больших пинакля с высокими зубцами. Каменный свод верхней камеры был покрыт свинцом, а снаружи иногда открывались желоба.

Ничто не может быть грандиознее замысла этой башни, ничто не может быть более совершенным, чем исполнение ее деталей. Все гигантское, как будто для расы, превышающей обычный рост человека, а стены внутри были покрыты тонким цементом и тщательно окрашены. Дизайн скульптуры смелый и мужественный, как и подобает военному зданию, но все выполнено в отличном вкусе и с восхитительным исполнением.

Стены храма связаны цепями из дерева, уложенного на раствор в центре, как это было принято во Франции в двенадцатом и тринадцатом веках. Брус обнажен под некоторыми петлями. В верхние этажи были вмонтированы лучевые связи, также из дерева.

На внешней стороне замка видны две линии квадратных отверстий для путлога. Они поднимаются по спирали, или правостороннему винту, и указывают на способ, которым было построено здание. Горизонтальные балки, выступающие из верхнего ряда, несли наклонную плоскость или проезжую часть, по которой перетаскивались материалы, и поддерживались стойками, ноги которых упирались в нижний ряд.

Осталось описать только камизу, или работу, предназначенную для прикрытия основания хранилища от действий шахтера. Как видно, основание храма было твердым, и он стоял в мощеной лощине, шириной около 20 футов, с вертикальными сторонами. Внешняя сторона, или контркарп, этого фосса представляла собой стену толщиной около 8 футов, которая отделяла его от главного внешнего рва палаты и поднималась до уровня первого этажа храма, то есть на 30 футов. Обычный подъем на вал осуществлялся по лестнице внутри стены, начинавшейся справа от входа в крепость. Кроме того, с первого этажа хранилища на него можно было попасть по небольшому мостику, подобному тому, что использовался в Рочестере и, возможно, в одном или двух местах в лондонском Тауэре. Кроме того, сюда можно было попасть с другого конца стены, из комнат над большими воротами.

Снаружи и у основания выступающей половины стены на уровне дна внешнего рва был построен крытый ход или галерея, призванная служить контрминой, а также полностью пресекать попытки нападения на крепость. Вход в галерею был с обоих концов, а в центре ее возвышался своего рода контрфорс, в котором находилась деревянная лестница, по которой люди на валу могли общаться с теми, кто находился в галерее. В галерее также находился колодец, предназначенный для кухонь, а в глубине стены - садовник.

Со дна крепостного рва выходил постерн, защищенный воротами, портупеей и машикулем, два последних соединялись с небольшой камерой в стене; от нее деревянный мост вел по рву к постерну в западной и внешней стене внешней палаты.

Замок и город, относящиеся к одной дате и по одному проекту, можно рассматривать как крепость XIII века первого класса и сильнейшего характера, в которой внутреннее устройство, хотя и дворцовое, было полностью подчинено военному характеру и безопасности места. Главной особенностью замка является крепость, которая занимает всю территорию во всех ее частях и благодаря своим размерам и силе могла уверенно держаться после взятия всех остальных оборонительных сооружений.

Пристройки пятнадцатого века, состоящие из государственных комнат, зала и различных верхних этажей, предназначенных для штата и служителей двора, хотя и не доходят до крепости, в некоторой степени подрывают военный характер места и отвлекают от преобладающего величия этой великой центральной черты. Однако, по большей части, они исчезли, а то, что осталось, в основном, является оригинальной работой, так что внешний вид замка и внутренней палаты во многом соответствует замыслу великого барона, который отвергал любой титул меньше, чем король, и довольствовался суровой простотой "сира де Куси".

В 1652 году замок перешел в руки Мазарина, который нанял Мезо, сына того, кто возвел знаменитую дамбу в Рошели, чтобы сделать его неприступным. Инженер взорвал стену Камизы, выходящую в ров, и взорвал тяжелый заряд пороха в каждой из башен. В результате этого в крепости исчезли сводчатые ступени, и остался цилиндр, похожий на трубу огромной пушки. Так, с одной или двумя вертикальными трещинами, он простоял до наших дней; но теперь они были заделаны с большой осторожностью и рассудительностью, а цилиндр был обит железными обручами, что едва ли можно заметить, и сохранит его на неопределенное время.

Тем, кто хочет разобраться в деталях этого любопытнейшего места и получить полное и всестороннее представление о нем как о военном объекте, стоит ознакомиться с мастерским изложением М. Ле Дюка, проданным на месте, а также приведенным в его "Словаре" под статьями "Шато" и "Донжон".

Город также стоит посетить. В нем есть хорошая церковь, а ее южная сторожка представляет собой очень массивное сооружение. Портал очень узкий, около 9 футов, остроконечный, он открывается между двумя башнями-барабанами, выступающими на одну треть, диаметром около 100 футов и высотой 60 футов. Короткая куртина между ними, занятая внизу воротами, вверху выпуклая в плане и поддерживает два смелых кронштейна, на которых лежит прочная балка, часть первоначального бреста, и редкий, если не единственный, случай, когда часть такого сооружения осталась на месте.

На месте разводного моста находится дамба, а в основании дамбы - два больших квадратных отверстия, почти там, где должна была находиться ось моста, но очень похожие на сточные канавы, которыми они вряд ли могут быть. Никаких следов внешней обороны, кроме бретташа, нет. Вероятно, мост, когда он был поднят, служил воротами. Внутри прохода, с каждой стороны, находится большая боковая петля, затем две порткулисы, а между ними большая машикуля. Внутри второй решетки находятся ворота, а в них проход сводчатый на протяжении около 16 футов. Далее следует открытое пространство, крыша которого была деревянной, а затем свод. Внутренний конец прохода поврежден и отремонтирован. Наверху, над порталом, находится камин огромных размеров.

Эта сторожка находится в центре куртины, которая закрывает очень узкий юго-восточный фронт города. По обе стороны от башен ворот находится куртина длиной около 100 футов, а за ней - пара башен с барабанной фреской, выступающей наполовину. Петли этих башен, как и все детали в Куси, выполнены в грандиозном масштабе. Хотя это всего лишь прорези, они имеют высоту 10 футов и состоят из трех ярусов. Перед стеной находится необычайно широкая, полностью искусственная лощина, которая, как и замок, прорыта через весь полуостров, от одной боковой долины до другой.

ЗАМОК КОЙТИ, ГЛАМОРГАН.

Лордство Койти считается у валлийцев почетной древностью, поместьем и резиденцией королевского рода, а также наследством одного из сыновей Йестина, последнего коренного лорда Морганва. Оно делится на меньшие лордства Койти Англия и Валлиа, и при нормандских лордах составляло один из "членов" графства. Будучи членом графства, оно не входит в тридцать шесть и три пятых рыцарских податей, которыми облагался замок Кардифф; тем не менее, оно находилось во владении лорда Гламоргана, и замок, поместье и члены Койти фигурируют в инквизициях графов Глостерских и их преемников в царствования Эдуарда I, II и III. В 24-м году правления Генриха VI, по какой-то, вероятно, временной причине, только замок и четвертая часть манора возвращены в расписание главного лорда.

Койти был пожалован Фицхеймоном рыцарю сэру Пагану, или Пейну де Турбервиллю, который, вероятно, владел Бере-Турбервиллем и другими землями в Дорсете, а также поместьем и замком Крикховел в Монмутшире. В отличие от большинства мест расположения нормандских замков в Гламоргане, Койти, очевидно, был более ранним местом силы, а его круглая и приподнятая площадка, а также окружающий ее ров очень напоминают земляные сооружения, столь распространенные в Англии и на валлийских полях, и обычно приписываемые англичанам восьмого и девятого веков. Этой позицией сэр Паган разумно воспользовался, получив от Фицхеймона Койти в качестве своей доли

добычи. Вероятно, он обнаружил некое подобие крепкого дома, который он и его ближайшие преемники сочли удобным занять, поскольку, хотя сохранившуюся кладку нельзя отнести к его эпохе, она относится к слишком близкой к ней дате, чтобы допустить разрушение основательной нормандской постройки. Считается, что сэр Паган женился на Сибил, наследнице старых валлийских лордов Койти, и таким образом добавил к титулу, приобретенному мечом, титул, уважаемый местными жителями. Несомненно, что Турбервиллы склонялись на сторону валлийцев в частых спорах между ними и оверлордами.

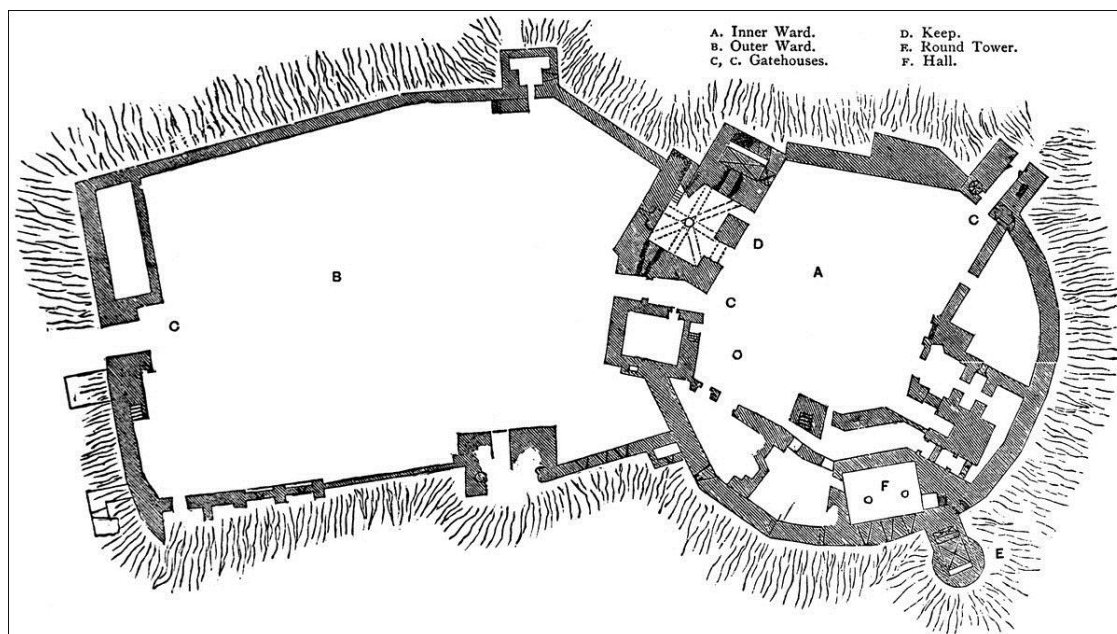
Сэр Паган умер, и за ним последовал его сын, сэр Саймон, который умер бездетным; а за ним - его брат, сэр Гилберт, который был отцом второго сэра Пагана, который был отцом второго сэра Гилберта, женившегося на Мод, дочери Моргана Гама, лорда Авана, потомка и, вероятно, представителя Джестина. Гилберт, который владел замком в 1207 году, вполне мог быть настоящим строителем замка. Эта точка зрения подтверждается фактическими данными о здании, самые старые части которого могут быть раннеанглийскими, но точно не нормандскими.

Замок состоит из круглой ограды или внутренней палаты, около 48 ярдов в диаметре; к северо-западной стороне примыкает прямоугольный двор, 68 ярдов в длину и 43 ярда в ширину, образующий внешнюю палату и, вероятно, являющийся дополнением. Весь замок окружен рвом, ширина которого варьируется от 90 до 100 футов, а глубина - от 20 до 60 футов. Он гораздо глубже и шире там, где защищает окрестность, чем там, где он продолжается вокруг внешней палаты. К северо-западу она мелеет, и в этом месте ее почти не видно. Вероятно, первоначальный круглый замок был полностью окружен рвом, который был частично засыпан при возведении внешней палаты. В этом можно убедиться, прощупав землю.

Круговая или внутренняя палата значительно выше, естественным или искусственным образом, чем внешняя земля. Он заключен в мощную и высокую куртину толщиной 8 футов, на которой расположены две сторожки и барабанная башня, а против нее - зал, часовня и другие домашние постройки. Внутреннее пространство представляет собой открытый, неровный, но в целом четырехугольный двор, около 60 ярдов в длину.

Главная сторожка находится на востоке и выходит на церковный двор, который образует контркарп рва. Она четырехугольная, 20 футов в ширину и 24 фута в глубину, из которых 16 футов выступают за пределы куртины. Из церковного двора к portalу вел проход, прорубленный в низком земляном валу, насыпанном за пределами рва. На месте разводного моста теперь находится дамба, цепи для подъема которой проходили через два отверстия, видневшиеся в эспадрильях ворот. Ширина входа составляет 6 футов, под остроконечной аркой, установленной в углублении с квадратной головкой, предназначенном для размещения моста в поднятом состоянии. Первой защитой служил порткуллис, паз которого велик и предназначен для деревянной решетки, а за ним находилась дверь. Проход был перекрыт простым сводом. Справа находится колодезная лестница, поднимающаяся на крышу, слева - что-то вроде ложи, два окна которой выходят во двор. Внутренний арочный проем обрушился, как и свод.

У сторожки было два верхних этажа, каждый размером 20 футов на 10 футов. Первый, камера-портключ, имеет по окну в каждом конце и по два в каждой стороне. В южной стене находится камин. Из этой камеры настенная лестница ведет на вал южной куртины. К северной куртине ведет колодезная лестница. Второй этаж сторожки имеет по окну в каждой грани. Пол этого помещения и крыша были деревянными и исчезли. Сторожка, вероятно, относится к периоду правления Ричарда II. Окна являются тюдоровскими вставками.

Уайман и сыновья. G^t Queen St London.

- A. Внутреннее отделение.
- B. Внешний квартал.
- C, C. Проходные дворы.
- D. Хранилище.
- E. Круглая башня.
- F. Зал.

ЗАМОК КОЙТИ - ПЛАН МЕСТНОСТИ.

Северная сторожка, расположенная между внешней и внутренней палатами, разрушена, но в фундаменте виден проход шириной 9 футов и глубиной 33 фута, который, по-видимому, пересекал массу зданий шириной 84 фута и глубиной от 30 до 40 футов. Часть, расположенная к западу от портала, представляла собой почти прямоугольное здание размером 30 футов на 22 фута, имевшее вход из прохода, а в его южной стене - настенную лестницу. К востоку от портала находится гораздо более крупное здание, до сих пор частично сохранившееся, и которое, по-видимому, было хранилищем.

Оно почти прямоугольное, 37 футов на 40 футов, с восточной стороны имеет выступ во рву, 18 футов на 24 фута. Этот выступ содержал в своем подвале простой свод, 15 футов на 9 футов, с двумя петлями; а водопропускное отверстие, вероятно, садово-парковое, располагалось под углублением в северной стене. Это углубление, вероятно, служило тюрьмой. Цокольный этаж храма занимает камера размером 28 футов на 22 фута на уровне земли, сводчатая, состоящая из восьми камер, ребра которых сходятся к центральному восьмиугольному пирсу и от него. Арки заострены. В этой камере две петли и три двери - одна из двора, установленная в квадратно-гнездовом углублении; вторая - в сводчатую вспомогательную камеру; третья - в столб, выходящий в ров, и по настенной лестнице в камеру выше.

Первый этаж также состоит из двух камер, обе сводчатые, а ребра большой камеры опираются на восьмиугольный пирс, стоящий внизу. Был второй и третий этажи, крытые деревом. Каминь находились в северной стене, а окна - в северной и восточной стенах, они были умеренного размера и тюдоровского образца. Эта башня, по-видимому, относится к раннему декоративному периоду. Часть ее недавно обрушилась.

Круглая башня - очень любопытное и необычное сооружение. Она расположена на юго-западном фронте внутренней палаты. Ее диаметр составляет 18 футов, но она выступает в ров на 22 фута, соединяясь с куртиной горловиной стены шириной 14 футов. Он высок, имеет подвал и три верхних этажа. Подвал представляет собой огромный сводчатый резервуар для сточных вод с выходом на юг. Два верхних этажа одинаковы по размерам и назначению: 9 футов на 7 футов, освещены узкими петлями, по три на каждом этаже. Они сводчатые и содержат гардеробы с шахтами, ведущими в свод ниже. На третьем этаже была плоская деревянная крыша, которая теперь исчезла. К бойницам вела колодезная лестница. По бокам верхняя часть башни расширена за счет пары щечек, опирающихся на ряд карнизов, чтобы увеличить пространство внутри. На восточной стороне этой башни, у ее основания и примыкания к куртине, находится проем в 3 фута, из которого по сводчатой лестнице поднимались в хозяйственные постройки. Эта дверь защищена массой каменной кладки, заполняющей полые углы над ней, и обработана на ее вершине. Эта часть замка, похоже, относится к эпохе Генриха III.

Всю южную сторону двора, от сторожки до сторожки, занимают остатки хозяйственных построек. Зал, по-видимому, имел сводчатый подвал, 26 футов на 19 футов в плане, с простыми ребрами, опирающимися на две опоры, и находился на втором этаже, с окнами в занавесе. Длинная камера к востоку от зала, с длинным восточным окном, похоже, представляет собой часовню, также на первом этаже. В этом квартале раскопки, проведенные покойным лордом Данрейвеном, показали лестницу, ведущую к почтовому ящику, и несколько сводчатых подвалов, а также, вероятно, кухню. Все эти здания имеют раннедекоративный характер и были сильно изменены в эпоху Тюдоров.

Навесная стена, идущая от хранилища к большой сторожке, имеет высоту около 20 футов и относится к возрасту сторожки и более позднему, чем стены в других местах. Возле сторожки ее толщина составляет 20 футов. Сохранилась часть парапета высотой 6 футов и задняя стена высотой 5 футов. Первая из них опирается на кронштейны, большая часть которых представляет собой снятые с более старой колодезной лестницы перила. В эту часть куртины можно попасть из сторожки, и она не имеет сообщения с храмом. Одной датой с этой куртиной датируется стена с другой стороны сторожки, на юг примерно на 16 ярдов, где находится стык с более старой стеной. Эта часть занавеса многоугольная снаружи, изогнутая внутри и высотой около 40 футов снаружи. За круглой башней, к северу от нее, высота занавеса составляет 60 футов, и он пронизан окнами, принадлежащими залу и другим помещениям. На стене также сохранилась высокая дымовая труба. К месту соединения этой куртины со стеной внешней палаты она соединена с неким подобием галереи, петляющей в сторону поля и предназначенной для обороны полого угла, где сходятся три стены. Разделительная стена между внутренней и внешней палатой почти разрушена и, похоже, не была прочной.

Колодец находится в открытом дворе, диаметром 4 фута, круглый и грубо обнесенный стеной.

Внешняя палата не представляет собой ничего примечательного. Его южная стена низкая и пронизана окнами, как в жилых помещениях. Северная стена сильно укреплена снаружи. В западной стене были внешние ворота, ныне разрушенные. Похоже, что это было просто отверстие в стене, без сторожки, но с парой контрфорсов по бокам. Высота стен этой палаты составляет около 20 футов. Северный фронт внешней стены, естественно, слабый, был защищен двойным рвом, содержимое которого высыпано наружу и образует валы. Канавы

сухие. В поле на северо-востоке есть несколько валов и рвов, которые, возможно, были засыпаны во время нападения на замок.

Замок не может похвастаться ни материалом, ни качеством изготовления. В основном он построен из лианового щебня, но круглая башня - из песчаника. Раствор, как правило, низкого качества, а золы почти нет. Крыши покрыты плитами из щебня или черепицы. Южная куртина, вероятно, является самой старой частью замка. Она сложена из крупных камней-валунов или маков, обязательно с очень открытыми стыками. В ней находятся два небольших окна с трилистником, раннеанглийского или раннедекоративного стиля, которые, по-видимому, являются оригинальными. Они открываются из сводчатой камеры под залом. Углы куртины облицованы камнем саттон. Замок, построенный, вероятно, в ранний английский и декорированный периоды, кажется, был тщательно восстановлен и отремонтирован в конце перпендикулярного периода. Он быстро приходит в упадок, и значительная его часть обрушилась с 1832 года. Она является собственностью графа Данрейвена, но ров принадлежит мистеру Николу из Мертир-Мора, и был посажен его дедом, выдающимся судьей.

КОНЕЦ ТОМА. I.

ВАЙМАН И СЫНОВЬЯ, ПЕЧАТНИКИ, ВЕЛИКАЯ КОРОЛЕВСКАЯ УЛИЦА, ЛОНДОН, В.К.

ССЫЛКИ:

[1] "В предписании от 30 мая 1225 года король приказывает Годескаллу де Магелину обязать всех, у кого есть крепости (*motas*) в долине Монтомери, укрепить их деревянными башнями (*bretaschiis*) для их собственной безопасности и обороны этих мест."-*Eyton's Antiquities of Shropshire*, xi., p. 134.

[2] Доктор Симпсон, чье мнение по этому вопросу имеет большой вес, относит этот замок к правлению Стефана, концу норманнского периода.

[3] Башня в Уорике имеет высоту 105 футов и диаметр 38 футов; многоугольник с двенадцатью сторонами, с пятью сводчатыми этажами.

[4] "Dictionnaire de l'Architecture", tom. vi. "Hourd".

Примечания транскриптора:

- Удалены лишние страницы с титулом и информацией о типографии.
- Удалены пустые страницы.
- Очевидные опечатки исправлены.